Славянский альманах

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

Slavic ALMANAC

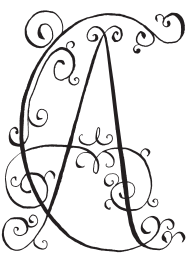
1-2·2025

Институт славяноведения РАН

Славянский альманах

1-2 · 2025

Slavic almanac



Издательство
«Индрик»
Москва 2025

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2025. – Вып. 1–2 /
глав. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2025. – 512 с.

ISSN 2073-5731 **DOI 10.31168/2073-5731.2025.1-2**
e-ISSN 2782-4411

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2025 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории науки, лингвистики, этнолингвистики, литературоведения и истории культуры. Хронологический охват материалов – от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© Издательство «Индрик», 2025

Slavic Almanac 2025. Issues 1–2 /
Nikiforov K. V., Editor-in-Chief. – Moscow: Indrik, 2025. – 512 p.

ISSN 2073-5731 **DOI 10.31168/2073-5731.2025.1-2**
e-ISSN 2782-4411

This issue of "Slavic Almanac" (1–2, 2025) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, history of science, linguistics, ethnolinguistics, literary studies and history of culture. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE "INDRIK"

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year
Circulation: 500 copies
Published since 1997

© Insitute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2025
© Authors, 2025
© Publishing house "Indrik", 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Бенич М., Институт хорватского языка, Загреб, Хорватия

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Сербская академия наук и искусств, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Усачёва А. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Benić L., Institute of Croatian Language, Zagreb, Croatia

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russiam Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirilina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,Moscow, Russian Federation

Kochegarov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Usacheva A. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

Кочегаров К. А. (Москва). Последние дни Юрия Хмельницкого (осень 1680 – весна 1681 г.) 12
Гусев Н. С. (Москва). Памятная записка Ю. Д. Романовского о его попытке весной 1913 г. предотвратить болгарско-сербскую войну 47
Павлов П. А. (Москва). «Восточные кресы» в политической мысли Леона Василевского 65
Борисёнок Е. Ю. (Москва). О концепции советской украинизации в современной украинской науке 82
Носкова А. Ф. (Москва). К истории подготовки договора ПНР – ФРГ 1970 г.: от конфликта интересов к первым контактам (конец 40-х – начало 60-х гг. XX в.) 105
Стыкалин А. С. (Москва). Венгерский опыт строительства социализма в эпоху Яноша Кадара: взгляд из XXI века 139
Анхимюк М. Ю. (Москва). Вишеградская группа в политике безопасности Чешской Республики на современном этапе 161

История науки

Робинсон М. А. (Москва). Проблема публикации трудов русских славистов в 1920-е гг.: «Печатание по нашему Отделению в упадке» 181
Короткова Д. А. (Москва). На стыке науки и пропаганды: изучение национального вопроса в межвоенной Польше (концепции, институции, персоналии) 211

Лингвистика и этнолингвистика

Громова М. М. (Москва). Сентенциальные клитики в абсолютном начале невопросительного предложения по данным словенских диалектов 248

Ван Цзиншу (Санкт-Петербург). Украинизмы в русском языке: проблемы выделения и причины заимствования в XIX в. 262
Макшакова Т. А. (Екатеринбург). Тиха ли *тишинка*? Этнолингвистический комментарий к русскому диалектному *ти́шина* ‘детская болезнь’ 281
Климова К. А., Узенёва Е. С. (Москва). Традиционная культура помаков Эдирне (Турция) по данным этнолингвистической экспедиции 2025 г. 297

Литературоведение

Адельгейм И. Е. (Москва). «Путешествовать, (не) спотыкаясь об историю…»: Центральная Европа и Балканы в травелогах Анджея Стасюка 309
Байдалова Е. В. (Москва). Художественный концепт «граница» в творчестве Сергея Жадана середины 1990-х гг. – 2010-х гг. 325
Кожина С. А. (Москва). Топография инициации в творчестве Даниэлы Годровой: «испытание лабиринтом» 340
Широкова Л. Ф. (Москва). Многомерность пространства (города) в произведениях Павла Виликовского 356
Старикова Н. Н. (Москва). Образы пространства как элемент нарративной стратегии («Атласы ностальгии» Бориса А. Новака) 367
Шешкен А. Г., Винокурова Л. А. (Москва). О Достоевском и не только. Русская литература в Чехии 385

История культуры

Евстафьев Н. В. (Москва). Явление криптохристианства в житиях балканских мучеников XVI в. 399
Лескинен М. В. (Москва). «Русский Боян» или «ловкий эксплуататор московского патриотизма»: Д. А. Агренев-Славянский и его «Славянская капелла» в оценках современников. Часть 1 413
Казак О. Г. (Минск), Середа А. С. (Жабинка). К вопросу о генезисе западнополесского этнополитического движения: из неопубликованного публицистического наследия Ф. Д. Климчука (1950-е – 1960-е гг.) 443

Рецензии

Борисёнок Ю. А. (Москва). Юзеф Пилсудский и нерешаемый «белорусский вопрос»: крах польского федеративного проекта в 1918–1920 гг. в обновленной версии 456

Хроника

Котова М. Ю., Раина О. В. (Санкт-Петербург). Международная научная конференция «XXIII Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова» 470
Перетятько А. Ю. (Ростов-на-Дону). XVIII международная научно-практическая конференция «Словакия, славяне и их соседи: история, международные отношения, культура» 481
Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва). Международная научная конференция «XVII Чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко)» 485
Шатько Е. В. (Москва). Научная конференция «Поэтика пространства в художественной практике современных авторов ЦЮВЕ» 489
Шалаева Т. В. (Москва). XLI Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2025» 495

Некрологи

Шевченко К. В. (Минск). Профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств Иван Алексеевич Чарота (1952–2024): жизнь во имя славистики ... 499

Contents

History

Kochegarov K. A. (Moscow). The Last Days of Yurii Kchmelnitsky 12
Gusev N. S. (Moscow). The Y. D. Romanovsky Memo Regarding His Attempt to Avert the Bulgarian-Serbian Conflict in the Spring of 1913 47
Pavlov P. A. (Moscow). "Eastern Borderlands" in the Political Thought of Leon Wasilewski 65
Borisyonok E. Yu. (Moscow). On the Concept of Soviet Ukrainianization in Modern Ukrainian Science 82
Noskova A. F. (Moscow). On the History of PPR – FRG Treaty of 1970: From the Conflict of Interests to First Contacts (Late 1940s – Early 1960s) 105
Stykalin A. S. (Moscow). The Hungarian Experience of Building Socialism in the Era of János Kádár in a Historical Retrospective 139
Ankhimiuk M. Yu. (Moscow). The Visegrad Group in the Contemporary Security Policy of the Czech Republic 161

History of science

Robinson M. A. (Moscow). The Problem of Publishing the Works of the Russian Slavists in the 1920s: "Printing in Our Department is in Decline" .. 181
Korotkova D. A. (Moscow). At the Interection of Science and Propaganda: National Question Studies in Interwar Poland (Concepts, Institutions, Personalities) 211

Linguistics and ethnolinguistics

Gromova M. M. (Moscow). Special Clitics at the Absolute Beginning of a Non-Interrogative Sentence in Slovenian Dialects 248
Wang Jingshu (Saint Petersburg). Ukrainisms in Russian: Problems of Definition, Origins of Adoption in the 19th Century 262

Makshakova T. A. (Yekaterinburg). Is the *Tishinka* Quiet? An Ethnolinguistic Commentary on the Russian Dialect Word *Tishina* ‘Childhood Illness’ 281
Klimova K. A., Uzeneva E. S. (Moscow). Traditional Culture of the Pomaks of Edirne (Turkey) According to the Ethnolinguistic Expedition of 2025 297

Studies of literature

Adel’geym I. Ye. (Moscow). “To Travel (Without) Stumbling over the History…”: Central Europe and the Balkans in Andrzej Stasiuk’s Travelogues 309
Baydalova E. V. (Moscow). The Concept of the “Border” in the Poetry and Prose of Serhiy Zhadan in Mid-1990s–2010s 325
Kozhina S. A. (Moscow). Topography of Initiation in the Works of Daniela Hodrová: “Ordeal by Labyrinth” 340
Shirokova L. F. (Moscow). The Multidimensionality of Space (City) in the Works of Pavel Vilikovský 356
Starikova N. N. (Moscow). Images of Space as an Element of Narrative Strategy (“Zemljevidi domotožja” by Boris A. Novak) .. 367
Sheshken A. G., Vinokurova L. A. (Moscow). On Dostoevsky and Other Matters. Russian Literature in the Czech Republic 385

History of culture

Evstafyev N. V. (Moscow). The Phenomenon of Crypto-Christianity in the Vitae of the 16th Century Balkan Martyrs 399
Leskinen M. V. (Moscow). “The Russian Boyan” or “the Roguish Exploiter of Moscow Patriotism”: D. A. Agrenev-Slavyansky and His “Slavic Chapel” in the Assessments of Contemporaries. Part 1 413
Kazak O. G. (Minsk), Sereda A. S. (Zhabinka). On the Genesis of the West Polesie Ethnopolitical Movement: From the Unpublished Publicistic Heritage of F. D. Klimchuk (1950s – 1960s) 443

Reviews

Borisyonok Yu. A. (Moscow). Józef Piłsudski and the Unsolvable “Belarusian Question”: The Collapse of the Polish Federal Project in 1918–1920 in an Updated Version 456

Chronicles

Kotova M. Yu., Raina O. V. (Saint Petersburg). International Scientific Conference “XXIII Slavistics Readings in Memory of Professor P. A. Dmitriev and Professor G. I. Safronov” 470
Peretyatko A. Yu. (Rostov-on-Don). XVIII International Scientific-Practical Conference “Slovakia, the Slavs and Their Neighbors: History, International Relations, Culture” 481
Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow). International Scientific Conference “XVII Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)” 485
Shatko E. V. (Moscow). An Academic Conference “Poetics of Space in the Artistic Practice of Contemporary Authors of Central and South-Eastern Europe” 489
Shalaeva T. V. (Moscow). XLI All-Russian Dialectological Meeting “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2025” 495

Obituaries

Shevchenko K. V. (Minsk). Professor of the Belarusian State University, Academician of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Ivan Alekseevich Charota (1952–2024): Life in the Name of Slavic Studies 499

УДК 94(47).04
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01

К. А. Кочегаров

Последние дни Юрия Хмельницкого (осень 1680 – весна 1681 г.)

Кочегаров Кирилл Александрович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9877-7381

Цитирование
Кочегаров К. А. Последние дни Юрия Хмельницкого (осень 1680 – весна 1681 г.) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 12–46.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01

Статья поступила в редакцию 05.03.2025.
Рецензирование завершено 12.03.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
По мере завершения русско-турецкой войны 1672–1681 гг. османская сторона теряла интерес к поддержке своего ставленника на Правобережной Украине, гетмана Юрия Хмельницкого. Для последнего это грозило скорым свержением с поста, тем более что известия о его замене на османского администратора появились уже в начале 1680 г. В этих условиях осенью 1680 г. Хмельницкий всячески поддерживал распространение слухов о готовящемся крупном османском нашествии на Киев весной следующего года и пытался организовать нападения татарских отрядов на окрестности города. Эти слухи крайне тревожили левобережного гетмана Ивана Самойловича, пересылавшего в Москву информацию о военных приготовлениях турок, поступавшую от лазутчиков и выходцев из турецко-татарской неволи. Весьма вероятно, что султанский двор также активно поддерживал распространение известий о своих военных приготовлениях, чтобы сделать Россию более уступчивой на мирных переговорах. В действительности Порта и Крым также стремились к миру, заключение которого окончательно решило судьбу Хмельницкого. Он был смещен со своего поста и отправлен в Константинополь.

Ключевые слова
Иван Самойлович, *Юрий Хмельницкий*, *русско-турецкая война 1672–1681 гг.*, *Правобережная Украина*.

> И Юраско де от ратных людей великого государя был в великом опасении и во все лето они день были на лошадях, а в ночь держали лошадей в руках и саадаки опоясаны, а сам Юраско был во всяком страху и безпрестанно лежал на замке, что послышит тревогу, то тотчас к ним и выбежит…
>
> «Роспросные речи» пленного татарина К.Б. Булгакова. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 19–20.

Осень 1680 г. стала последней в короткой и трагической эпохе правления Юрия Хмельницкого (1677–1681 гг.), марионеточного протурецкого «князя Украины», не только с точки зрения кризиса и разложения системы власти правобережного гетмана[1]. Она символизировала закат эпохи «османской» Украины – крах попыток создания вассального султану политического образования с порой на казацкую верхушку.

По мере наступления осени 1680 г. Ю. Хмельницкий мог организовывать лишь мелкие татарские набеги; хлопотать о сохранении в Немирове постоянного татарского контингента; надеяться, что на будущий год план турецкого похода на Киев все-таки будет реализован, и всячески пропагандировать его скорое осуществление; по-прежнему напоминать о себе в Стамбуле предложениями расширить территории подвластных ему земель, особенно в связи с начинавшимся польско-османским размежеванием границ в Подолье. Ряд свидетельств об этом отложились в материалах российских архивов.

1 сентября 1680 г. киевский полковник Константин Солонина сообщал И. Самойловичу о прибытии в Киев некоего Ивана, выходца из «Белгородчины», который по пути на два дня останавливался

1 Историографию проблемы, характеристику источников и вводные замечания касательно времени последних двух лет правления Ю. Хмельницкого на Правобережной Украине см.: *Кочегаров К. А.* Сумерки Юрия Хмельницкого на Правобережной Украине (осень 1679 – лето 1680 года) // Восточнославянские исследования. М., 2025. Вып. 4 (в печати).

в Немирове. Там он виделся с Семеном Гречкой – приближенным Хмельницкого, который ездил по поручению правобережного гетмана в Османскую империю весной 1680 г. Гречка рассказал, что как раз «пришол ныне от салтана, от Хмелницкого был в посолстве». Он передавал поклон «господину полковнику» Солонине, прося ему сообщить: «Пусть людей берегут, на осень и в зиму орды великие будут, и хан сам зимовати имеет в волоской земле, а турския войска на сей стороне Дуная». Гречка признался, что хотел и сам написать об этом Солонине, «но боитца скоро суда», поскольку «зело зол на них Хмелниченко». Он даже заявлял, что «естли бы пришло войска тысечи три или четыре, то б Немиров взяли, а он бы был им помочником»[2]. В ноябре 1680 г. Ян Гиновский-Астаматий, служивший молдавскому господарю, сообщил гетману И. Самойловичу новые подробности о миссии Гречки. Ю. Хмельницкий посылал Гречку не только просить военной помощи, пугая угрозой русского наступления, но и убеждать визиря, чтобы турки потребовали от Речи Посполтой передачи «князю» Украины Паволочи, Белой Церкви и земель «по Случь реку как преж сего бывало»[3]. Посольство Гречки было несомненно связано с польско-османским разграничением Подолья, которое завершилось 14 октября 1680 г. н. ст. При этом стороны договорились и о разграничении украинских земель, которое было решено отложить в виду наступающих холодов на следующий год[4]. Каменецкий паша сообщил польской стороне, что турки планируют начать межевание Украины весной[5]. Это объясняет поведение Ю. Хмельницкого, для которого будущая пограничная комиссия должна была стать решающим событием в определении его политического будущего. Чем больше украинских земель османы смогут выторговать у польских переговорщиков, тем более прочной и основательной должна была стать власть

2 Цедула к письму К. Солонины – И. Самойловичу. 1 сентября 1680 г. Козелец. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 6–7. Еще одно сообщение С. Гречки, о разрыве польско-турецких отношений, было, очевидно, ложным.

3 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 275–276; Там же. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ч. 2. Д. 1139. Л. 22–24. См. также: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 2–2 об.

4 *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa, 1994. S. 101.

5 *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 66.

«князя» под османским протекторатом. В этих условиях Хмельницкий, с одной стороны, пытался заручиться поддержкой со стороны османов его территориальных претензий в отношении Речи Посполитой, с другой – для оказания давления на власти Левобережной Украины пытался всячески нагнетать слухи о военных приготовлениях турок и их намерениях прийти под Киев будущей весной с крупными силами.

25 октября русский дипломат, подьячий Н. Кудрявцев сообщал из Константинополя о получении при султанском дворе грамоты Ю. Хмельницкого, к которой был приложен чертеж «града Киева и Печерского монастыря». В самом послании говорилось «о славе града Киева и Печерского монастыря, что называют они (т. е. Хмельницкий и украинские казаки. – *К. К.*) вторым Иерусалимом». Соответственно, правобережный гетман пытался внушить османам свои «тайные вымыслы», чтобы разрушить намечавшееся русско-крымско-турецкое мирное соглашение походом войск султана и хана «на град Киев и на малороссийския городы». Одновременно Хмельницкий пытался торпедировать результаты польско-османского разграничения в Подолье и добивался, чтобы при разграничении Украины турки потребовали передачи им Белой Церкви и всей «полской Украины»[6].

По свидетельству пленного белгородского татарина К. Б. Булгакова (прислан в Москву в начале октября 1680 г.), где-то в конце августа 1680 г. находившийся при «князе» Украины татарский «мурза» (скорее всего Темир-Казы-мурза) послал под Киев «для добычи языков» отряд в 25 всадников. Отряд сумел захватить людей «по лугу» у р. Лыбеди (видимо, пасших скот), но 30 августа попал в засаду к казакам наемной конной сотни Кирилла Дмуховского у Трепольля (квартировала в Киеве с весны), которые «за ними ганяли и был у них с казаками бой». В результате полон был отбит, пятеро татар попали в плен, остальные бежали, не сумев захватить языков. Четверо

6 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 163 об.–164. Вряд ли можно согласиться с М. Р. Яфаровой, которая полагает, что указанное послание Хмельницкого было связано с весенними требованиями султанского двора к Хмельницкому прислать описание маршрутов на Киев (*Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние в 1672–1681 годов. М., 2024. С. 472).

Содержание отписки о планах Ю. Хмельницкого Н. Кудрявцев кратко изложил в своем статейном списке. К сожалению, дело фонда № 89, содержавшего подлинные отписки Кудрявцева, ныне по описи значится выбывшим. См.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Л. 46 об.

пленных были доставлены к гетману Самойловичу, а затем трое из них – в Москву[7]. Вести, сообщенные Булгаковым, были весьма успокоительными. Он отмечал полную военную пассивность Турции и Крыма в течение 1680 г. несмотря на то, что турецкой стороне было хорошо известно об отводе царских войск из-под Киева и оставлении там «немногих полков». Некоторая активность османов была связана с планировавшимся польско-турецким разграничением на Украине, но в итоге даже собранный для этих целей корпус далее Дуная не двинулся[8]. Весьма сомнительные слухи если и говорили о походе турок на Киев, то в лучшем случае весной 1681 г. Не предвиделось, по свидетельству пленника, и никаких признаков активизации крымских войск в ближайшие месяцы[9]. На этом фоне, однако, немалой тревогой были наполнены летние будни «князя» Украины, при котором оставалась только сотня казаков. К. Б. Булгаков рассказывал: «И как де великого государя ратные люди были под Киевым, и Юраско де от ратных людей великого государя был в великом опасении и во все лето они день были на лошадях, а в ночь держали лошадей в руках и саадаки опоясаны, а сам Юраско был во всяком страху и безпрестанно лежал на замке, что послышит тревогу, то тотчас к ним и выбежит, и есть ли б великого государя ратных пришло невеликое число,

7 Грамота И. Самойловича на царское имя. 15 сентября 1680 г. Батурин. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 23. Л. 1–4; К. Дмуховский – И. Самойловичу. 31 августа 1680 г. «С под Пирогова». – Там же. Л. 5–6; «Роспросные речи» пленного татарина К. Б. Булгакова. – Там же. Д. 26. Л. 2, 16. Об этой стычке киевский полковник К. Солонина сообщал гетману в письме от 10 сентября (Там же. Л. 8).

8 «Сего лета войска турского нигде в собрании не было, толко один Усейн-паша Кривой стоял на той стороне Дуная в Сакче, войска де при нем было толко тысячи с 3 или с 4 и никуды тот паша за Дунай сего лета не ходил, а стоял он для того, что хотел идти под Каменец-Подолской для розграничения рубежей с поляки. И под Каменец де Подолской он не ходил ж, а посылал де он в Полшу чауша для того, чтоб турком поляки отдали Львов, и слышали они, что турки с поляки помирились».

9 «Хан крымской и салтаны, нурадын и калга ныне все в Крыму, ханской сын в Белогородчине для того, что даны ему села и он тех сел осматривает и гуляет, а при нем орды ничего нет, и нынешнего лета хан и салтаны с ордою на Украине не бывали для того, что салтан турской сам на Украину войною не ходил и войск своих не посылал, и к хану о том указу не бывало ж, а в нынешнюю осень и зиму на Украину сам с ордою или салтаны будут ли, не слыхал».

и Юраску б взяли, а они (татары. – *К. К.*) за него стоять много не стали, тот бы ево час отдали, для того, чтоб им была уже прость (прямой путь, видимо, имеется в виду, чтоб была открыта дорога домой, в Белгородчину. – *К. К.*)»[10].

Гетмана Самойловича, впрочем, подобные известия совершенно не успокаивали. В сентябре-октябре он слал в Москву новые свидетельства выходцев из османской неволи, которые рассказывали об очередных военных приготовлениях турок. Один из них, чигиринский казак Ф. Моренец, возвращаясь из турецких краев, посетил Немиров и встретился с Ю. Хмельницким, «которой ево узнал, спрашивал ево откуду он пришол». Хмельницкий интересовался, как проходит польско-турецкое разграничение («чево турские паши по становлению рубежей с поляки учинили»). Моренец был в неведении, на что «князь» заявил хвастливо: «Что ты тово не знаешь, авось я знаю, что уж договоры о постановлении рубежей вершились. Дошли де заднепрские немерного дела, – грозил Хмельницкий, – не похотели меня, пана своего, слушати и почитати, а так, коль скоро перезимуем, тотчас все войска турские пойдут под Киев, и от того тежело будет Заднеприю и нихто там не устоится». Напоследок правитель Немирова стал уговаривать Моренца поступить к нему на службу, «обещая ему коня и платья, и стращал ево, ведай де то, что чрез всю зиму ходити имут на Заднеприе орды, а аще ли бы еси пошел в Уласовку[11], то скоро где-нибудь в поле или в дуброву из двора выйдешь, паки тебя татары возмут». Однако Моренец усиленно просил отпустить ему домой и в конце концов «не возбранил то ему Хмелниченко». После этого бывший пленник увиделся с генеральным есаулом правобережного гетмана Кириллом Самченко, которого он спросил, «будут ли коли-нибудь жить люди в Чигирине», его родном городе. Самченко признался, что ответ на этот вопрос «лехкой», поскольку хотя сейчас «то де быть не может», но в будущем, «как придет салтан турской на пришлое лето под Киев и учинит покой с царем московским, и то постановят, чтоб и из Заднеприя на сей бок чигиринской идти было волно, и в то время в Чигирине и в ыных городех люди посажены будут» [12]. Моренец, придя в Батурин, сообщил, что видел «войско

10 Там же. Д. 26. Л. 17–20.

11 Возможно, ныне с. Власовка Броварского района Киевской обл. (Украина).

12 «Роспросные речи» Ф. Моренца. 24 сентября 1680 г. Батурин. – Там же. Л. 29, 31–32.

турское при тринатцати пашах, собранное под Сакчею в Петров пост (12 июня – 28 июня), меж которыми началной был Кара-Агмет паша. И с тех пашей шесть пошло под Каменец, а семь остались под Сакчею, а которые пошли под Каменец, над теми началной Алий-паша, обоз тех пашей под Каменцом, а конное войско с теми паши пошло к тем городам, где рубеж постановлен быти имеет». К этому Моренец, который был рабом турецкого сипаха, вызванного на службу под Каменец-Подольский, добавил, что слышал «у своего господина турка и иных аг, что тем всем пашам назначено зимовать в городах над Дунаем и для того и спаги, и аги из людей своих подданных на зиму и пришлое лето денежные подати брали и всякими надобными запасы изготовились». Весной в Бабу (ныне г. Бабадаг в Румынии) собирался выступить якобы сам султан, чтобы оттуда послать армию на Киев во главе с великим визирем[13].

Этому вторили другие сообщения за указанный период. Выходец из турецкого плена, бывший «стрелец» из Коростышева Тишка Медведь, прибывший в Киев 27 августа, сообщил, что на обратном пути посетил Теребовль (Галичина), где собирались в лагерь польские войска. Там он слышал вести о будто бы пришедших под Каменец-Подольский османских войсках во главе с 14 пашами[14]. В начале сентября появились слухи, что часть орды, бывшая на польско-турецкой комиссии, планирует набег чуть ли не на Чернигов[15]. А вот достаточно подробные свидетельства прибывшего в Москву 6 октября знатного товарища Прилуцкого полка Леонтия Костырко были скорее разноречивыми. С одной стороны, он утверждал, что турки воюют с моджарами (мадьярами, т. е. венграми)[16] и даже с Францией[17], что османские

13 Там же. Л. 29, 30.

14 К. Солонина – И. Самойловичу. 1 сентября 1680 г. Козелец. – Там же. Л. 4–6.

15 С. Куницкий – И. Самойловичу. 4 сентября 1680 г. Белая Церковь. – Там же. Л. 12–13; И. Скородко – киевскому войту Ж. Тадрыне. 27 августа 1680 г. Белая Церковь. – Там же. Л. 14–15.

16 «Нынешние весны всчали было с турком войну моджаре и некакова турского бея побили». Здесь отражены события, связанные с движением куруцев в венгерских землях под руководством И. Текели, которое, однако, было направлено против императора Леопольда I, а не против османов.

17 «Нынешняго де лета турской салтан посылал войною на француз, на Белое море каплан-пашу (капудан-пашу – командующего флотом. – *К. К.*) с войском и ис того походу пришла в Царьгород ведомость, что каплан-паша потерял войска 40 катарг, а побили турков морские

войска понесли огромные потери при осаде Чигирина[18], что султан недоволен крымским ханом за его самовольные действия[19]; с другой – заявлял о концентрации османских войск на Дунае и подготовке масштабного похода турок на Киев в следующем году[20] и нежелании султана заключить мир с царем[21]. По свидетельству Л. Костырко, Ю. Хмельницкий пребывал «в Немирове, а орды при нем пятьсот человек, а казаков человек со сто». При этом хан и «салтаны» находятся в Крыму, а «на Украйне орды» пленник «не слышал»[22]. Гетман Самойлович, впрочем, как будет показано далее, в своих грамотах царю концентрировался именно на тех свидетельствах выходцев из плена и других информаторов, которые указывали на грядущую эскалацию русско-османского конфликта, оставляя в стороне то, что свидетельствовало о его угасании и скором возможном мире.

Помимо якобы близившегося османского нашествия на Киев, в этот период левобережного гетмана, как и Хмельницкого, особенно беспокоило польско-османское разграничение. Прибывший в Киев 3 сентября слуга коронного надворного маршалка М. К. Сенявского Миколай Яницкий с письмом к компанейскому полковнику Я. Павловскому сообщил, что якобы «подлинно господа поляки всем Подолием поступились турком так, что и сам гетман коронный свой старинной отчинной город Збараж отдал турком» и что «учинился рубеж, по реку, названную Стрипа»[23]. Сведения были неправдивыми – Збараж находился на Волыни и речь о передаче его османам не шла; новая османско-польская граница

разбойники». В данном случае это отголоски событий борьбы Франции с алжирскими пиратами, которая в полную силу началась в 1681 г.

18 «А по два лета на Украину турские войска не были для того, что ни с чем было появитца, ис-под Чигирина их и половины назад не пришло и от того походу в турках много вдов осталось».

19 «Салтан турской на хана крымского сердитовал за то, что он прошлые зимы выходил ис Крыму на Украину без ево салтанского указу и от тех своих своеволных походов напрасно они гинут, и чтоб он посылал с ево турским войском пополам орду. И для того ныне ханскому сыну велел зимовать в Белогородчине, а с ним орды 20 000, и ханской сын в Белогородчине ныне сена косили и всякие запасы готовили, и таборы строили».

20 «…в те два годы казну збирали и людей, и всякие запасы готовили, и на пришлую весну под Киев подлинно будут войною, а миру с великим государем учинить не хочет [султан] для своево стыда».

21 Там же. Д. 23. Л. 7–12.

22 Там же. Л. 12.

23 Там же. Д. 26. Л. 9.

проходила по р. Стрыпа лишь у ее впадения в Днестр (район Язловца). Чуть позже в Киев прибыл из Белой Церкви католический священник для исповеди и причастия офицеров-католиков из киевского гарнизона. Он подтвердил, что «поляки все Подолское воеводство как было в своих границах отдали турку», но последние еще и «домогались украинных городов, а наипаче Белой Церкви и Паволочи (остались за Речью Посполитой по Журавненскому миру 1676 г. – *К. К.*), дая им за те городы Язловец и Чантков (Чортков. – *К. К.*), и Поток в Подолии», а также собственно Украины (правобережной части Среднего Поднепровья). Османам эти правобережные территории якобы нужны были для того, чтобы открыть путь на Киев, но польская сторона отказала в их передаче[24]. Корреспондент киевского войта из Белой Церкви уточнял, что турки требуют земли до верховьев рек Тетерев и Рось (южнее Житомира), а также Белую Церковь, выражая готовность уступить за это часть городов в Подолье[25]. Общий тон всех этих вестей говорил об агрессивности турок и их намерении прочно закрепить за собой Правобережье, что станет прологом будущей борьбы за Левобережную Украину.

Между тем по требованию опасавшегося новых татарских нападений Самойловича переяславский полковник Войца Сербин разослал расставленным на границе наемным пехотным полкам распоряжения об усилении бдительности, а по пограничным селам приказы, «чтоб в городы перевозились». Полковник, подлаживаясь к мнению гетмана, уверял его в обоснованности этих мер, сообщая о почти ежедневном появлении «немалых собраний неприятельских» недалеко от Киева – в районе Стаек и Триполья, что только подстегивало селян оставаться в городах, где они укрылись[26]. Этому вторил киевский полковник К. Солонина, писавший, как «орда многажды с неболшими людми подбегает под Киев, но конечно некому сопротивится им и отпору дати, а компания неведомо для чево скитаетца и гуляет около Пуховки[27], где уже нестерпимые бедным людем поделали там убытки в животине». Солонина просил дать приказ наемникам идти под Киев «для отпору частым неприятелским подъездам»[28]. Из Белой Церкви, впрочем, сообщали,

24 К. Солонина – И. Самойловичу. 15 сентября 1680 г. Киев. – Там же. Л. 35–37.

25 И. Скородко – Ж. Тадрыне. Б. д. Белая Церковь. – Там же. Л. 42–43.

26 Войца Сербин – И. Самойловичу. 17 сентября 1680 г. Переяслав. – Там же. Л. 33–34.

27 Возможно, ныне село в Броварском районе Киевской обл. (Украина).

28 К. Солонина – И. Самойловичу. 15 сентября 1680 г. Киев. – Там же. Л. 37.

что под Киев ходят именно немировские татары («толко немировские сотнями несколко десятков ходят под Киев, а о иных не слыхать»)[29].

В своей грамоте на царское имя от 25 сентября гетман Иван Самойлович добавлял к собранным известиям, что ему лично вышедший из плена Л. Костырко рассказывал, будучи очевидцем, что турки готовят для будущего похода порох, ядра и иное военное снаряжение. Другой выходец из плена – бывший каневский казак Харко Григорощенко («из Немирова недавно утеклец») побывал «от врага Хмелниченка с посылщики в Цареграде и подлинно о том наслушался, что сам салтан турской со всеми своими войски и воинскими доволствы на будущее лето войною под Киев готовитца и к врагу Хмелниченку салтан писал, чтоб он всякие воинские себе запасы готовил и к тому ж будущелетнему времяни под Киев на войну был готов и имел бы на нынешнюю зиму много сена, чтоб откармливать лошадей татарских, которые татаровя в будущую зиму по указу салтанову приходити будут войною на сю сторону Днепра». Резюмируя все известия сентября, гетман констатировал: «Все выходцы и утеклецы, и иные всякие, сколко их ис турской земли ни приходило, люди нарочитые, языки, слово в слово о том сказывают, что в два те лета турской салтан готовился во всякие готовости в великие войска и во многие воинские запасы и на будущее лето под Киев сам особою своею будет». Гетман просил царское правительство готовить войска к отражению будущего нашествия, собирать воинские запасы в Киев и усилить разведывательную деятельность в «турской земле». Обсуждая польско-османское разграничение, Самойлович тревожился, что «нету еще конца разграничению Украины тоебочной стороны Днепра, какой з городом белоцерковским усердно турки договариваютца, который тот город белоцерковский будто турки для приходу своего под Киев зело потребный быти себе имянуют»[30]. В ответной царской грамоте от 12 октября Самойловича успокаивали, что «ратные люди» Севского и Белгородского разрядов пребывают «во всякой воинской готовости, а в Киеве ныне воинских припасов многое число, а к предбудущей весне воинские всякие припасы в прибавку к прежним запасом присланы будут по первому зимнему пути, а хлебные запасы по-прежнему изо Брянска стругами будут присланы», наконец, киевскому воеводе И. С. Большому Хитрово будет дан указ активизировать разведывательную деятельность по совету с гетманом[31].

29 И. Скородко – Ж. Тадрыне. Б. д. Белая Церковь. – Там же. Л. 43.

30 Там же. Л. 21–27.

31 Там же. Л. 48–51.

Тем не менее в оставшиеся дни октября – начале ноября гетман вновь донимал Москву сообщениями и свидетельствами, которые, по его мнению, должны были укрепить представления русских властей о неизбежном витке эскалации в противостоянии с Османской империей и Крымским ханством. Так, вышедший из крымской неволи священник Мартырий из села Нехаевки (недалеко от Переяслава) сообщил в Батурине, что «сия речь в Крыму носится, что салтан турской на будущее лето имеет быть войною под Киев, а бутто уж воинские пушечные запасы через Дунай перевез». Соответственно и хан «учинил указ всем ордам, чтоб всякой татарин кормил кони и готовился на войну на близ будущюю зиму, чтоб подлинно и конечно все орды сюда на Заднеприе войною быть могли»[32]. Многие татары при этом желают мира с Россией, «но так, чтобы с их славою и корыстью было»[33]. Гетман, пересказывая свидетельства Мартырия, обратил внимание на имевшие место мирные настроения в ханстве, но складывается впечатление, что подобные сведения его раздражали и он, хотя и не скрывая их от Москвы, немедленно искал им некий противовес. В этот раз Самойлович не преминул заметить, что решающее слово все равно остается за султаном, чьи намерения не ясны, а «языки и многие выходцы сказывают, что турские войска из-за Белого моря, из Натолии, из Мисиря, и из ыных стран высланы на службу и к Дунаю справлены, из чего познаваетца к войне уготовленье»[34]. Очередные свидетельства подобных выходцев Самойлович не замедлил переслать в Малороссийский приказ.

Сын уманского протопопа Яков Погорецкий попал в плен при разорении Умани в 1674 г. Некоторое время он жил в Константинополе в некоем подобии странноприимного дома («в гане царском Магмут-паша называном, в котором всякие чюжеземцы-пришлецы и по части тамошние люди, достаточного жития своего не имеющие, живут») и «кормился… ремеслом» около трети года в 1680 г. Там он слышал, что «похотел было салтан турской войска свои под Киев послать, но янычане той посылке противны учинилися, такою отговорокою, еще совершенно чигиринские труды и раны нашы нам не зажили, а вы нас паки гнать хочете на труды воинские, и одни янычаня

32 «Роспросные речи» священника Мартырия. 8 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Д. 27. Л. 13–14.

33 Там же. Л. 11.

34 Грамота И. Самойловича на царское имя. 15 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Л. 4–5.

стояли при упоре, а другие, бояся того походу, розно у пашей бегали, того ради отложено тое войны намерение на будущее лето, на которое всяким способом приготовляютца погане, войска себе прибавливают, пушек новых вылито з двести в Царьгороде, порохи и ядра готовят, а войскам далним велено сходитца к Дунаю особно тех, что ныне у мосту Дунайского под Сакчею обретаютца, и под Коменцом-Подолским для разграничения пребывали, зимовати имеют по обе стороны Дуная». К весне туда якобы должны были прибыть сам султан, великий визирь и «болшие паши», чтобы со всей армией двинуться на Киев[35]. Под Исакчей сын протопопа собственными глазами видел турецкие войска, но не мог определить их численность[36]. В Яссах он встречался с иерусалимским патриархом Досифеем, который сообщил Погорецкому и сопровождавшему его священнику, что «когда донесет вас Господь в землю рускую, говорите старшим, дабы царь православный и гетман запорожский о намерении турском ведали, что они, бусурманы, конечно хотят будущего лета с войсками своими много прибылыми войною под Киев быть». При этом Досифей даже изложил Погорецкому и его спутнику стратегию турок на будущую кампанию. Пехотные войска должны будут осадить Киев, а конница – переправиться на левый берег Днепра через одну из переправ в низовьях реки и «християнскую рускую сторону воевать». При чем для перевозки конных войск османы якобы планировали пригнать к Днепру суда («чолны»), «на которых бы удобно могли войско свое конное через Днепр переправливати»[37]. В этих планах не было ничего фантастичного – в низовьях реки располагались Казыкермен и другие османские крепости, прикрывавшие переправу. В 1687 г. через нее как раз на судах достаточно быстро переправилась десяти-двадцатитысячная крымская конница нураддина Азамат-Гирея, отступавшая после сражения с московско-казацкими войсками севского воеводы Л. Р. Неплюева и черниговского полковника Г. С. Самойловича[38].

Еще один пленник, Павел Крищенко-Квачко, житель Кременчуга, провел в плену в Белгородской орде полтора года и вернулся домой на праздник Покрова (1 октября 1680 г.). Он сообщил

35 «Речь Якова Погорецкого». 1 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Л. 23–25.

36 Там же. Л. 25.

37 Там же. Л. 25–26.

38 *Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022. С. 105–108.

подробности о масштабном сборе продовольствия: «Сего ж лета салтан турской по восми левков на десять татаринов в каждое село татарское присылал, приказывал татаром, дабы за те восмь левков десять их человек татар воз пшеницы насыпав, в Каменец-Подолской своими лошадми отвозили, но татаровя, не могучи за ту цену поставить того воза пшеницы, сами свое запасы десять их человек ссыпав, еще по два левка своих, а в ыном месте и болши давали на извощика». Выходец уверял, что ранее османские власти подобными сборами татар не обременяли[39].

Вышеуказанные свидетельства доставил в Москву Роман Маляренко, попавший в плен в ходе взятия турками Канева в 1678 г. и оказавшийся в рабстве при дворе великого визиря, где работал как «моляр» и «писал полаты». В марте 1680 г. ему удалось сбежать и добраться на Украину с нежинскими купцами-греками[40]. Его самоличные повествования, видимо, должны были произвести на московских бюрократов особое впечатление. Как и многие остальные выходцы, Маляренко также уверял, что турки два года собирали войска со всей империи, чтобы двинуться весной под Киев. Он сам видел у Дуная расквартированные османские контингенты с артиллерией и продовольствием, а также отправку новых на судах морем из Константинополя в Измаил и Исакчу. Общее выступление в поход якобы было намечено на день Святого Георгия – 23 апреля, в надежде «приходом своим упредить под Киев преже великого государя ратных людей и учинить над Киевом воинской промысл в небытности великого государя ратных людей». Провиант для армии якобы собран на три года, крымскому хану послан султанский указ поднимать орду в набег на Левобережье «по последнему зимнему пути», чтобы затруднить марш русским войскам на Киев. При этом для отвлечения внимания турки «пущают голосы», что «будущие весны пойдут на моджаров» (венгров), хотя на самом деле помирились с ними. Сведения свои Маляренко получал от Магмета, казначея самого визиря, которого «по-руски» звали Степан, потому что он происходил из Подолья, был взят в неволю 14 лет назад и насильно обращен в ислам. Он, тем не менее, был к «породной своей христианской вере верен», а к самому Маляренко «добр»[41].

39 «Роспросные речи» П. Крищенко-Квачко. 1 октября 1680 г. Батурин. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 27. Л. 27–28, 31.

40 Там же. Л. 36–37, 44–45.

41 Там же. Л. 40–41, 43–44.

Иван Самойлович, анализируя вышеприведенные свидетельства, не обращал внимания на недовольство янычар якобы грядущим походом на север; он в первую очередь доверял информации, полученной Маляренко от бывшего христианина, с которым пленник жил «дружно», а также разоблачению «тайных планов» султанского двора патриархом Досифеем. В который раз гетман указывал московскому правительству на необходимость срочной мобилизации всех сил для отпора врагу, «не обнадеживаясь на их поганское… к миру призывание»[42]. В другой грамоте, отправленной в Москву спустя неделю после выезда в столицу Р. Маляренко, гетман не уставая твердил, что «сколь много в сих днях от розных выходцов ис турской земли ведомостей имею, которые в едино слово говорят о замысле салтана турского, что ныне зело великие силы свои бусурманские собрал на войну и хочет на будущее лето с ними быть под Киев». В этот раз он ссылался на донесение молдаванина Мухи Волошенина, который уже некоторое время служил гетману в качестве командира отряда в несколько десятков человек таких же, как он, «волохов». Самойлович еще весной послал его «в поля в Волоскую землю» за Днестр и за Прут, где отряд пробыл все лето до начала осени, «стерегучи шляху х Каменцу-Подолскому от Яс належащаго и людей по том ис турской земли из Яс в Каменец-Подолской идущих и ис Каменца назад возвращающихся». Отряду Мухи якобы удалось захватить несколько десятков «языков турских», но по стечению обстоятельств всех их он «потерял»: «однех паки турки и татары, стерегучи по сторонам, великими подъездами поотбили от него, а иных сам с товарыщи, видя, что невозможно их было живьем сюда привесть, на дороге порубили». Все эти потерянные языки, а также встреченные в молдавских краях Мухой знакомые «во едино слово твердили ему, что конечно на будущее лето сам салтан турской особою своею имеет быти под Киев». Гетман вновь повторял уже известные сентенции о всеобъемлющей мобилизации и вооружении войск империи, зимовке крупных османских контингентов в районе Дуная[43], хотя свидетельство Мухи Волошенина в приказ не прислал. В подтверждение же роста крымской угрозы Самойлович направил в столицу письмо кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Стягайло. 6 октября 1680 г. тот сообщал располагавшемуся с отрядом в низовьях Днепра

42 Грамота И. Самойловича на царское имя. 15 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Л. 15–21.

43 Грамота И. Самойловича на царское имя. 21 октября 1680 г. Батурин. – Там же. Д. 28. Л. 2–5.

царскому стольнику В. Ф. Перхурову о крымских планах нападения на Левобережье. О них стало известно от вышедшего на кош двумя днями ранее некоего Якова, который провел несколько лет в рабстве у аталыка крымского визиря в Бахчисарае. По его словам, хан Мурад-Гирей посылает двух сыновей, Кантемир-султана и Негирей-султана, в Белгородскую орду для подготовки похода белгородских татар «на Заднеприе». При этом сам хан после курбан-байрама (должен был совершиться в октябре 1680 г.) намеревался переправить войска через Керченский пролив и, объединившись с черкесами, вторгнуться в российские пределы со стороны Азова[44].

Крайне алармистский тон писем гетмана Самойловича о неминуемом османском вторжении в ближайшие месяцы уместно сопоставить с корреспонденцией польского резидента в Стамбуле Самуэля Проского. Он также был субъективен в оценках и акцентировал внимание на слабости империи, потакая надеждам короля Яна Собеского отвоевать у турок Подолье и утвердиться в Молдавии или Валахии, однако отдельные его наблюдения, несомненно, заслуживают внимания. В трех своих донесениях, написанных в июле, октябре и ноябре 1680 г., Проский констатировал полную неготовность османов вести войну далее. «O Kijowie więcej nie myślą, ni o Czechrynie, tylko o tym, jakoby się z wojny z Moskwą wyplątali» («Не думают более ни о Киеве, ни о Чигирине, а только о том, как выпутаться из войны с Москвой») – писал он в июле. Он не переставал удивляться, почему «казаки и москва» испугались в текущем году вести какие-то активные действия против турок, у которых вообще отсутствовали готовые к войне войска, кроме той «горсти», что вышла на османо-польское разграничение Подолья. Резидент писал о больших потерях османов под Чигирином, которые подорвали военные силы многих провинций империи. Он предлагал королевскому двору пугать Россию возможной утратой Киева, склоняя ее к антитурецкому союзу, но не верил всерьез в способность турок осуществить операцию по его захвату. Османы, по словам Проского, большие надежды возлагают на положительный исход русско-крымских переговоров, собираясь активизировать свою политику против Габсбургов в Трансильвании, и даже якобы готовы уступить Москве земли до Южного Буга. Никакой подготовки большой кампании не наблюдал Проский и текущей осенью: «O Kijowie na tę wiosnę Porta nie myśli, bo się nie przygotowała czy uwiedziona nadzieją straktowania z Moskwą» («О Киеве на эту весну Порта

44 Там же. Л. 18–20.

и не думает, поскольку не готова, а может обольщена надеждой договориться с Москвой»)[45].

Почему Самойлович столь чувствительно воспринимал любые свидетельства о возможном турецком нападении? Во-первых, на гетмана, несомненно, произвела впечатление мощь османской армии, взявшей Чиригин, несмотря на значительные потери и упорство обороняющихся, и повторения столь ожесточенных боев, но теперь уже за Киев, Самойлович решительно не хотел. Во-вторых, играла свою роль частота и повторяемость соответствующей информации именно осенью 1680 г., к чему прилагал руку не только бахвалившийся перед купцами и выходцами из плена Хмельницкий, но и, возможно, сами османские власти, которые могли спланировать некую кампанию дезинформации, в том числе для того, чтобы оказать на Москву давление в условиях шедших в Крыму мирных переговоров. Наконец, в-третьих, не исключено, что гетман Самойлович нагнетал ситуацию умышленно, полагая, что лучше собрать войска и провиант даже в преддверии скорого мира с Турцией и Крымом, нежели прозевать внезапный османский бросок на Киев. Еще более в распространении слухов об активизации турецко-татарской политики на Правобережье Днепра был заинтересован Хмельницкий и его советники, хватавшиеся за последнюю соломинку в тщетных попытках удержаться у власти. Об этом свидетельствует ряд материалов, пересланных в Москву гетманом в декабре 1680 – январе 1681 г.

15 декабря 1680 г. гетман Самойлович писал царю Федору Алексеевичу, что получил от выходцев из османского плена очередные свидетельства подготовки похода турок на Киев[46]. В подтверждение своих речей он прислал двух таких выходцев для расспроса в Малороссийский приказ. Один из них, Савка Поляниченко, «казак леплянский», взятый в плен в Ладыжине в 1674 г. и сбежавший из Килии, сообщил, что, возвращаясь домой, посетил перед Филипповым заговеньем (14 ноября) Немиров. Там он встретился с уже упоминавшимся К. Самченко,

---

45 С. Проский – Яну III Собескому. 2 июля 1680 г. (н. ст.). Стамбул. – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rps. 1376. S. 482; С. Проский – Яну Собескому. 7 октября 1680 г. (н. ст.). Стамбул. – Archiwum PAN w Warszawie. Materiały Janusza Wolińskiego. Teka 68. K. 42–50; С. Проский – Я. Гнинскому, коронному подкацлеру (с приложением реляции о турецких делах для короля). 14 ноября 1680 г. (н. ст.). Стамбул. – Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 163a. T. 37. K. 217–222.

46 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 70–74.

застав момент, когда к нему «приходили старшина и мещаня немировские, прося, чтоб доложил Хмелниченка о их великих обидах, которые чинятца им от татар». Самченко будто бы ответил: «Потерпите полтора месяца, как другово месяца половина выйдет, того ж часа сам князь и орда вся что стоит, и что еще болши будет, на Заднеприе пойдут». Это подтвердил и хозяин двора, на котором остановился Савка, добавив, что «указал наш князь и нам готовитца в войско», собираясь выступить в поход на Левобережье «на святках» и ожидая лишь орды, чтобы с ней тремя отрядами «в Подесенье, и к Переволочне, и на слободы московские вместе ударити». По словам немировца, «бусурманский князь» возьмет в поход и пушки, чтобы осаждать и захватывать города, а жителей перегонять на Правобережье. По свидетельству С. Полиниченко, в Немирове находилось 500 чел. белгородской «орды», которая, придя с Буджака, расположилась возле города перед Филипповым заговеньем, и на святках будет уже полтора месяца, как этот новый отряд находится при Хмельницком[47].

Татары из этого отряда скоро попались в казацкие руки. Как писал 5 декабря 1680 г. переяславский полковник Войца Сербин гетману Самойловичу, его казаки четыре дня «с коней не зседая» гоняли «нелениво» за татарским разъездом, пришедшим к Днепру из Немирова, разбив его в конце концов и захватив четверых пленных[48]. Гетман переслал в столицу материалы их допроса[49]. Один из них, служилый татарин Белгородской орды «Атлашко Эсен Алиев сын по прозвищу Урак Увлуев», сообщил, что их отряд (500 чел.) был прислан в Немиров по султанскому указу во главе с крымским Темир-Казы-мурзой «прежним своей братье на перемену»[50]. Три недели назад, то есть в первой половине ноября, мурза, «посоветовав с Юраском Хмелницким», послал разъезд из 32 чел. под командованием некоего Амет-аги к Днепру, чтобы узнать, не замерзла ли река. Под Барышполем эти разведчики захватили 13 пленных и их скот (9 лошадей, 10 быков), но затем были настигнуты и разбиты переяславскими казаками. Ага и 6 татар были убиты, трое

47 Там же. Л. 77–79.

48 Там же. Л. 1–3.

49 Там же. Л. 4.

50 Темир-Казы-мурза – это, судя по всему, тот же военачальник, что пребывал в Немирове с весны и, по-видимому, высылался к Хмельницкому не первый раз (*Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние… С. 392). Возможно, что, как и Батырча-мурза, он оставался при правобережном гетмане, несмотря на смену татарских контингентов.

ушли, остальные попали в плен. По свидетельству Увлуева, в самом Немирове стоял только мурза с двадцатью всадниками, а остальные татары располагались «кругом города». Пленник уже ничего не слышал о якобы планируемом походе на Киев, но сообщил, что Хмельницкий послал К. Самченко «к бею в Белгородчину, над город[ами] старшему, прилежно прося, чтоб ему на оборону во время… опасения к зиме доволность… войск татарских прислал». Будут ли эти дополнительные контингенты присланы, языки не знали, но зато подтвердили слухи о подготовке масштабного османского нашествия «на будущее лето… под Киев» во главе с самим великим визирем. С этой целью османские войска Кара-Мехмед паши зимуют у Дуная, непосредственно возле моста через реку[51]. Число казаков у Хмельницкого к концу года значительно снизилось и насчитывало, если верить Увлуеву, чуть более 30 чел.[52] Таяли и остальные силы «князя». Мехмед, бей Меджибожа, в письме гетману Самойловичу (от 28 октября 1680 г.) с просьбой выменять томящегося в плену его «челядника» отмечал, что при Хмельницком находятся лишь 50 татар-липков и 500 чел. «диких» татар, которые не подчиняются ему, а лишь присланному с ними мурзе и самому «князю» Украины[53].

С наступлением зимы поток сведений о скором нападении турок ослаб, хотя и не иссяк вовсе. Иван Калмык, казак полка П. Кожуховского, вышедший из османского плена в Батурин в декабре 1680 г., сообщал, что видел, как некий Мурад-паша был послан с 4-тысячным войском из Адрианополя к Дунаю, чтобы идти к Ю. Хмельницкому. «Явно меж всеми войсками голос, что салтан татчас по весне войною идет под Киев», в связи с чем и Кара-Мехмед паша зимует с войсками в Бабе, Измаиле и Исакче, а в Каменце-Подольском велено собирать провиант[54].

20 декабря 1680 г. в Чернигове тамошним полковником Василием Борковским был допрошен Лаврентий Шульга (он же Лаврентий Калайда), торговец из Воронежа (сотенный город Нежинского полка), ездивший по купеческим делам в Яссы, где по его свидетельству сильно подорожал ячмень из-за скупки его тамошними купцами для последующей перепродажи османским войскам, а в Сороку свозили дерево для строительства моста через Днестр. В Молдавии купец неоднократно слышал

51 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 9–18.

52 Там же. Л. 17.

53 Там же. Л. 6–8.

54 Там же. Л. 81–83.

о намерении турок совершить поход на Киев. Шульга также ездил продавать товары в турецкое войско, находившееся летом 1680 г. в Подолье для размежевания границ с Польшей и впоследствии не распущенное на зимние квартиры «для походу всех сил на лето».

На обратном пути Шульга вместе с полтавскими купцами посетил Немиров, где два раза виделся с Ю. Хмельницким, который «похвалялся на старшину заднепровскую и называл себя по породе господином». Он велел задержать воронежца и полтавчан до приезда местных купцов, отправленных на Левобережье. Те вскоре вернулись, Шульгу и полтавчан отпустили, и воронежец собрался ехать домой через «поля» к Днепру, однако конюший Хмельницкого «остерег» его, сообщив, что на Левобережье вскоре двинется татарская орда. Она должна была соединиться с Хмельницким, к которому «от орды той уже 2 мурзы… приезжали в Немиров», которых Шульга видел сам. Хмельницкий не хотел начинать поход прежде, чем возвратятся его посланцы, отправленные в Турцию, и потому просил орду задержаться «в полях за Ташликом». Уже упомянутый конюший сообщил Шульге, что посланцев правобережный гетман «с час на час с пилными якимись делами выгледает, и якобы в низ Днепра под украинные городы удатись замышляет». Сам «князь» также, по словам купца, «поганою своею особою прибирается нынешнего зимного часу на сей бок завитати, приготовил юж з килко мает арматки, людей з города и з сел Немеровского уизду выбираючи, в пехоту уписуют».

Двинувшись в дальнейший путь, Шульга заехал в Кальник, где встретился с назначенным Хмельницким старостой Семеном. Тот сказал купцу: «Не езди прямо на Заднеприе, чтоб татаром в руки не попасть… а подь Полеским уездом и остерегай, чтоб тамошние люди по селам не жили». Последнее предупреждение было связано с тем, что они могут стать добычей отрядов Хмельницкого и татар, идущих на Левобережье. Также Шульге удалось узнать, что «князь» Украины послал в Яссы Самченко «для покупки лошадей для дорожного надобья».

Времена малороссийской Руины давали немало примеров жестокости и человеческого ожесточения, однако даже на этом фоне воронежского купца поразило «неслиханное оного розстриги тиранство и немилосердная драпежность, якою тамошних мешканцов и самих подручников своих тропит (мучает. – *К. К.*)»[55].

55 См. приложения, док. № 1. В. Борковский отправил Л. Шульгу к И. Самойловичу, где он был повторно допрошен, но уже как Лаврентий Калайда. См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 95–97 («Речь торгового

Прибывший из Ясс купец, киевский мещанин Василий Зименко 21 декабря рассказал киевскому полковнику К. Солонине, что якобы из Каменца-Подольского «част яньчар и чемерисы мели ити до Немирова врагу Хмелниченкови ку помочи». Проезжая Иванков (городок на Правобережье недалеко от Киева), купец узнал от местного казака, недавно вернувшегося из Немирова, что «цале он богоубийца Хмелниченко з приспособленем минтян, волохов и з пехотою» собирается расположиться в Иванкове или в другом месте у Днепра, видимо, для последующего нападения на Левобережье. Помимо этого, Зименко уже традиционно пересказал слухи, что турки весной замышляют атаковать Киев[56].

7 января 1681 г. в Нежин приехал из молдавского города Сорока купец Савва Константинов «с продажным медом» (выехал из Ясс в середине декабря). Он сообщил, что турки готовятся в поход, а при Хмельницком в Немирове, где он был две недели назад, находятся 400 татар, которые ходили «в малоросийские городы» и набрали много полону. Последнее явно было неправдой, хотя Константинов и заявлял, что встретил возвращавшихся из набега ордынцев по дороге. Ю. Хмельницкий ожидал к себе новой орды на смену[57].

Гетман Иван Самойлович, подытоживая под конец года собранные известия от языков, выходцев из плена и побывавших на Правобережье торговцев, писал в Москву, что «враг Божий и отступник его закона Хмелниченко готуется в поход военный в державу вашу монаршую на сюю Днепра сторону, и в тот поход собе в помоч сподевается он, враг, сил татарских, по которые з умыслу посылал до Белагородщины». Самойлович надеялся, что набеги татар прекратятся после отправки в Крым посольства стольника В. М. Тяпкина для мирных переговоров, но пока информация с пограничья и диких полей приходила скорее тревожная. Отряд полтавских казаков был разбит татарами в диких полях Правобережья за рекой Ингулом, и сбежавший из плена и добравшийся до дома казак видел «орды там суть велми силныи, а идут они з Белагородщины от реки Богу к Днепрови турским шляхом,

---

человека воронежского Лаврентья Калайды декабря в 23 день»). И пересказ речей Шульги в письме Борковского, и материалы допроса, присланные из Батурина, безусловно исходят от одного лица, но при этом дополняют друг друга в ряде деталей.

56 К. Солонина – И. Самойловичу. 23 декабря 1680 г. Козелец. – Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 386. Л. 1–2 об. Перевод см.: Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 212–215.

57 Там же. Л. 262.

которым ишли турские войска ку Чегиринови». Гетман не сомневался, что поход предпринят в силу подстрекательства «врага Хмельниченка», который может сам «з ними в тот поход совокупитися», и опасался, как бы к нему не присоединились и крымские татары. В связи с этим Самойлович, в соответствии с полученным ранее царским разрешением, писал в Севск воеводе Л. Р. Неплюеву, чтобы тот спешно собирал войска и выступал на соединение к отрядам гетмана к Новым Млынам (недалеко от Батурина). Оттуда объединенное войско должно было двинуться к Киеву для отражения набега[58]. Неплюев с не самым большим подкреплением – двумя стрелецкими приказами стольников и полковников А. Танеева и Л. Сухарева – прибыл в Новые Млыны 5 января, встретившись на следующий день с гетманом в Батурине. После ряда встреч и советов гетман и воевода договорились «как понадобитца в сход с войском случитца и общим промыслом при помощи Божии давати отпор наступлениям неприятелским»[59]. Вскоре Самойлович, поняв, что «по вестям нынешним и временам… уж не чаять неприятелского силного наступления», указал Л. Р. Неплюеву идти в Киев для укрепления города[60]. Вслед им на киевскую службу отправили еще два приказа – стольников и полковников Матвея Вишнякова и Никиты Борисова. Они должны были из Новых Млынов идти в Брянск, а оттуда с «хлебными запасы и с воинскими припасы» двинуться «вешним водяным путем» в Киев[61].

Говоря о снижении риска нападения Хмельницкого, Самойлович основывался на новой информации, стекавшейся в Батурин.

58 Грамота И. Самойловича на царское имя. 26 декабря 1680 г. Батурин. – Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 389. Л. 1–1 об.

59 Грамота И. Самойловича на царское имя. 12 января 1681 г. Батурин. – Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 293–294. Еще один текст грамоты см.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 7 об.–8 об.

60 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 326–327, 356–357. См. также отписку воеводы князя В. В. Голицына от 18 января 1681 г. из Севска (послан туда воеводой в декабре 1680 г. «для турецкия войны»; см.: Записки о службе и награждении князя Василия Васильевича Голицына // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российския касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольнаго российского собрания при Имп. московском университете. Изд. 2-е. Ч. 17. М., 1791. С. 345) об отправке стрельцов с Неплюевым в Новые Млыны: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 337–339.

61 Там же. Л. 305, 326, 340–344, 354–355.

Белгородский татарин Курман-али, материалы допроса которого гетман прислал в Москву в самом начале января 1681 г., сообщал, что в Белгородской орде никто не слышал о том, что к Ю. Хмельницкому с Буджака или из Крыма будет направлено какое-то большое число татар, кроме обычного контингента. Кроме того, он сообщил, что службу при Хмельницком попеременно отбывают татары из разных районов: «А коли свежая орда з Белагородщины до него прийдет, то не иншая прийдет, толко тая, що на перемену назначена, бо з Белагородщины поветами (в Москве перевели как «уездами». – *К. К.*) тою повинность по указу вейзира турского отправуют и бавятся на той службе по месяцю, а бывает на той службе татар по триста, албо и поболшей чоловека»[62].

Вести о готовности орды послать на помощь Хмельницкому крупный отряд опроверг и прибывший в Батурин в конце декабря 1680 г. торговец и агент по выкупу и обмену пленными Иван Чеботарь. Он сообщил, что своими глазами видел, как зимовавший на Буджаке ханский сын «перед его в сюю дорогу выездом» двинулся в Крым «с ордою з своего прошлолетнего становиска». Предводитель крымчаков, хотя и «хвалился зо всею ордою ударити за Днепр в Рускую землю», не стал в итоге этого делать «для того, що з Криму обослано ведомостю, иж стался мир з царским величеством московским». В Крыму орда была уже готова к походу, но его отменили из-за прибытия к хану русского посольства. Чеботарь лично слышал об этом от знатного татарина, некоего Бош-аги, который уверял его, что набег может быть только со стороны Ю. Хмельницкого и весьма скромными силами, поскольку при «князе» Украины всего 900 татар, а «болше жадная орда з Белогородщины не пойдет войною на Русь». Отказывался посылать Хмельницкому подкрепление (ни янычар, ни «чемерисов») и паша Каменец-Подольского, «хиба бы хто самоволне пошол для заплати»[63].

1 февраля 1681 г. гетман Самойлович сообщил прибывшему к нему на переговоры стольнику и стрелецкому полковнику А. Ф. Карандееву, что, по словам захваченного под Киевом татарина, «мурза крымской, которой ныне при Хмелницком в Немирове, собирал мурз и аг, и знатных татар, а говорил им, что ведомость ему ис Крыму есть: царского величества посланник с ханом о миру

62 Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 393. Л. 2 об. Переводы см.: Там же. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 2 об.–3 об.; Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 278–281; Там же. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ч. 2. Д. 1139. Л. 24–27.

63 См. приложение, документ № 2.

договариваетца, и чтоб они до тех мест, пока ханской лист не прислан к нему о унятии войны, ходили в черкаские городы для добычи», поскольку, как только придет послание Мурад-Гирея о прекращении военных действий, он «в то время их в войну не пустит ни одного человека»[64]. Видимо, стремясь успеть до официального объявления мира, где-то в начале февраля 1680 г. отряд белгородских татар, располагавшихся в Немирове, совершил набег на русское пограничье. Район, подвергшийся нападению, неизвестен, поскольку начало грамоты гетмана И. Самойловича, в котором он информировал Москву о случившемся, не сохранилось. На обратном пути в Немиров от основного отряда отделились два «загона по несколко на десят человек», которые «ударили под Киев и под переяславские городы», захватив несколько пленников у мельниц при р. Лыбеди. Однако казаки были начеку, поскольку по указу гетмана «в побережных местех днепровых везде войско конное для осторожности розставлено». В результате 4 февраля «один загон бусурманской товарство полку Переяславского с товарством запорожским и с товарством компанейным», которые по распоряжению гетмана стояли на правой стороне Днепра «за пустым местечком Васильковым», «нагнав, побили и полон отбили» (в плен попало 8 человек, четверо из них были присланы в Батурин 18 февраля); второй «загон» из 25 татар был разбит «в конец» с освобождением восьмерых пленников «малоросийского народа» (уйти удалось лишь командиру и его спутнику) соединенным отрядом городовых казаков переяславского полковника Войцы Сербина (его застава была в с. Вишенки, 15 верст от Киева) и наемников конного ротмистра К. Дмуховского за 5 верст от Василькова (в плен попало 14 татар, из них 10 отослали к гетману). Захваченные языки сказали о ходивших в Белгородской орде слухах, что хан Мурад-Гирей «жестоко заказал» совершать нападения на русские земли в Крыму, при этом «в Белогородчину еще такова заказу не бывало». Доставленные в Москву пленные татары сообщили, что Ю. Хмельницкий находится в Немирове, при нем осталось 100 казаков и 1 тыс. чел. орды[65]. В конце февраля в Москву пришла новая грамота Самойловича, сообщавшего о приезде к нему трех «вольных татар» для обмена

64 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 372.

65 Грамота И. Самойловича на царское имя. 19 февраля 1681 г. Батурин. – Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 4. Л. 1–1 об.; Войца Сербин – И. Самойловичу. 15 февраля 1681 г. Вишенки. – Там же. Л. 2 об. – 3 об.; фрагмент допроса в Москве пленных татар. – Там же. Л. 4–5 об.

пленными. Они рассказали, что «к Хмелниченку пришло свежей орды из Белогородчины семь сот человек». Эта вновь «прибылая» орда, соединившись с частью уже находившихся в Немирове татар, совершила набег «в Полесье за реку Припеть на села, в державе королевского величества будучие», где было захвачено много пленных. Татары намеревались идти далее, на города Черниговского полка, но наткнулись на гетманские заставы у Днепра и повернули назад[66]. Это последние сведения о деятельности Хмельницкого на Правобережье, сохранившиеся в русских источниках.

20 апреля 1681 г. в Киев возвратился житель Печерского местечка Ивашка Трофимов, которого еще 15 марта послал для «проведывания про неприятелских турских воинских людей» товарищ киевского воеводы, думный дворянин Л. Р. Неплюев. Он доставил послания молдавского господаря Г. Дуки киевскому воеводе П. В. Большому Шереметеву (не сохранились). Будучи допрошен в приказной избе 21 апреля, лазутчик сообщил, что 8 апреля он встречался с Дукой в Яссах. Господарь категорично заявил, что «салтан де турской нынешнее лето в войну под Киев не будет конечно, а имеет де ссоры с цесарем хрестьянским». Известно было в Яссах и о заключении русско-османского мира. Неплюеву Трофимов привез письмо от пирколаба (губернатора) г. Сороки в Молдавии Афанасия Андронова, который также подтверждал, что «нынешняго лета никаких войск под Киев не будет», поскольку у султана с «цесарем есть ссора подлинно». Покинув Сороку 11 апреля, Трофимов на пути к Киеву «никаких неприятелских воинских людей не видал»[67]. По дороге в Сороку и Яссы лазутчик проезжал Немиров, однако в своем рассказе он совершенно ничего не сообщает о деятельности Ю. Хмельницкого. Подобное «молчание» весьма показательно и символично.

Заключение Бахчисарайского договора о перемирии России с Крымским ханством и Османской империей, чьи условия окончательно были согласованы в марте 1681 г., не только ставило крест на всех военных планах правобережного гетмана, но и означало совершенный закат его политической карьеры. Русский дипломат, подьячий Никифор Кудрявцев, возвращавшийся из Турции, прибыл в Немиров где-то в двадцатых числах мая (из Бабы он выехал 12 мая). Здесь он обнаружил,

66 Там же. Л. 5 об.–6 об. Окончание грамоты не сохранилось.

67 Письма А. Андронова – Л. Р. Неплюеву. – Там же. Ф. 196. Оп. 3. Д. 185а. Л. 73–74; отписка П. С. Большого Шереметева. – Там же. Л. 78–79; материалы допроса И. Трофимова. – Там же. Л. 80–82.

что Ю. Хмельницкого совсем недавно арестовали и отправили в Бабу, где он «сидит за караулом». Кудрявцев провел в Немирове три дня, расположившись в «Юрасковых шатрах». Он стал свидетелем того, как в город прибыли два аги (известно имя одного из них: Мустафа-ага; он, видимо, был главным) – уполномоченных сераскера Бабы Кара-Мехмед паши с переводчиком «словенскаго языка». Они «поставили на Юрасково место Хмелницкого в гетманы казака [Семена] Гречку», одного из приближенных «князя» Украины, ездившего весной – летом 1680 г. с посольством к султанскому двору. Причин к непосредственному свержению Хмельницкого было две. Первая заключалась в том, что «Юраско посылал казака Самченко с татары на украинные городы за постановлением нынешних договоров без ведома салтанова величества». Порта, заключив мир с Россией, желала, чтобы теперь «от того ссоры не было». Хмельницкий, таким образом, никак не мог смириться с тем, что султанский двор принес его в жертву мирным договоренностям с Москвой, и организовал какое-то нападение своих казаков во главе с генеральным есаулом К. Самченко на Левобережную Украину. Татары, прикомандированные к Хмельницкому, видимо, не поддержали его. Впрочем, каких-то сведениях о действиях отряда Самченко в конце зимы – весной 1681 г. найти не удалось. Второй причиной отставки стало то, что Хмельницкий, «живучи в Немирове, чинил народу многие пакости». Об этом Кудрявцеву рассказали сопровождавший его османский чауш, а также Бекир-ага, которого к русскому дипломату прикомандировал сераскер Бабы[68].

Долгое время считалось, что «князь» был заключен в Едикуле пожизненно, но недавно, благодаря донесению польского резидента С. Проского, удалось прояснить обстоятельства судьбы Юрия Хмельницкого после смещения с гетманства. Просидев около года в Семибашенном замке, он был освобожден и жил как частное лицо у иерусалимского патриарха Досифея за счет тех средств, что скопил (в том числе грабежами и истязаниями невинных людей), будучи гетманом в Немирове[69]. Дальнейшие следы его теряются, но, видимо, в скором

68 Там же. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 185–186 об. Ср.: *Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние… С. 504.

69 *Кочегаров К. А.* Правление молдавского господаря Г. Дуки на землях Правобережной Украины и его отношения с Россией и левобережным гетманом И. Самойловичем. 1681–1683 // Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 154–155.

времени Хмельницкий умер. Таков был печальный конец последнего сына гетмана Богдана Хмельницкого. Призрак его будоражил еще некоторое время жителей Правобережной Украины и смежных областей, фигурируя в самых фантастических слухах. Прибывший «для сыску долгов» на Левобережье в апреле 1682 г. из Ясс некий Лаврентий Гуляницкий, служивший учителем у детей великого логофета Молдавии, рассказал, что султан якобы собирается потребовать от польского короля Львов, и если «то дело станетца, имеет Хмелниченка в нем резыдентом постановить»[70].

* * *

По мере угасания военных операций татарско-турецких и русско-казацких войск на Украине и развития мирных переговоров с Россией в Крыму фигура Хмельницкого все менее интересовала турецкие власти, занятые в первую очередь разграничением Подолья. Посольства Хмельницкого к турецким властям, его усилия по нагнетанию напряженности при османском дворе не дали результата. Старания «князя» получить какую-то поддержку оказались тщетными, несмотря на присылку весной 1680 г. султанской булавы и бунчука. Казацкое войско Хмельницкого таяло, находившиеся при нем скромные контингенты янычар (сейменов), татар-липок, ордынцев, нанятых гетманом за свои деньги, и даже обмундированных по-польски драгун скорее выполняли роль личной охраны «князя». Все попытки навербовать людей в Молдавии или силой загнать в пехоту окрестных крестьян оканчивались провалом. На этом фоне Хмельницкий все более попадал в зависимость даже не от крымского хана, а от мурз при бахчисарайском дворе, от которых зависела высылка в Немиров татарских отрядов в рамках регулярной ротации (раз в полгода – восемь месяцев) и от их военачальников (Батырча-мурза, мурза Дивий Мансуров, Темир-Казы-мурза). Эти формирования не составляли серьезной военной силы, их число не превышало нескольких сотен человек (500–700 чел.), более того, они серьезно докучали немногочисленным местным жителям, еще более роняя авторитет Хмельницкого. Со столь слабыми силами последний не мог организовать хоть сколько-нибудь значимые акции против Левобережной Украины. При этом слухи о его там возможном появлении были весьма многочисленны и периодичны, доставляя немало беспокойства гетману Самойловичу. Видимо, понимая стремительное ухудшение своего положения,

70 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 21. Л. 32. См. также: Там же. Л. 34.

Хмельницкий начал переговоры с Самойловичем о переходе под его власть, однако до конца они доведены не были, да и вообще мы не знаем причин их разрыва – произошло ли это по вине Батурина либо по инициативе Хмельницкого. Не исключено, что этого не желал сам Самойлович, крайне болезненно реагировавший на любые намеки, даже самые нелепые, касательно возможного признания населением Левобережья власти «князя». Ненависть Самойловича к Хмельницкому отражают и эпитеты по отношению к нему, часто фигурирующие в переписке самого левобережного гетмана и корреспонденции связанных с ним казацких старшин: «Ирод», «антихрист», «князь адский», «враг Божий и отступник его закона», «враг безбожный», «клятвопреступный ростригa», «богоубийца» и проч.

Парадоксально, но в то время, как реальная власть Хмельницкого все более превращалась в фикцию, сама идея казацкого государства («русского княжества»), «выдуманная» им еще во время сидения в Едикуле (свидетельство С. Куницкого здесь отнюдь не случайно), получает в эпоху «сумерек» правления правобережного гетмана определенное развитие. Формируется концепт княжества, на которое Хмельницкий имеет право именно по своему владетельному происхождению – «породе». Сидя в полупустом Немирове, Хмельницкий считает возможным обращаться свысока к польскому королю, призывая его убираться за Вислу вместе с польским народом. В источниках, даже содержащих пересказы речей третьих лиц, он постоянно именуется князем. По его заказу изготавливают новую печать «Княжества Малороссийской Украины». Он именует себя «князем Украины» («xiąże Ukrainy») вопреки запрету османских властей использовать княжеский титул («князя Малой Руси и Сарматии»), сделанному по настоянию польского посла в Стамбуле Яна Гнинского в 1678 г.[71] При этом еще в начале правления Хмельницкого обосновывается идея практически полной его независимости от султанских властей со ссылкой на традиции договоров, заключенных отцом «князя» еще с польскими королями (миссия Е. Гиновского-Астаматия в 1677 г.)[72]. В начале 1679 г. крымцы говорили русскому посланнику в Турцию, Ф. Старкову, что Хмельницкий при османской поддержке надеется получить все «владение отца своего, гетмана Богдана Хмелницкого, по старой рубеж московской, по реку

71 *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. S. 96.

72 См. подробнее: *Кочегаров К. А.* Евстафий Гиновский-Астаматий и османская власть над Правобережной Украиной. 1677–1678 // Кочегаров К. А. Украина и Россия… С. 21–53.

Семь». Сам Хмельницкий, размахивая саблей перед лицом прибывшего в Жовнин Старкова, гневался на «скурвых сынов, москву», которые «крепко держат у себя владения княжства и панства нашего, столичные места княжества нашего: Киев, Чернигов, Переяславль и протчие городы и места даже до Семи реки»[73]. Впрочем, все эти планы и идеи в вышеописанных условиях не имели никаких шансов на практическое воплощение, в том числе и в силу тотальной деградации и личности Хмельницкого, и функционировавших при нем институтов казацкого самоуправления.

Побывавший в 1675 г. в Чигирине львовский епископ Иосиф Шумлянский писал, что город словно превратился в ханскую столицу – Бахчисарай. Татары торговали захваченным полоном всюду на улицах города и даже прямо под окнами дома, где жил гетман П. Д. Дорошенко[74]. Можно резонно предположить, что еще с большим основанием львовский владыка мог написать нечто подобное, побывав в резиденции Хмельницкого. Доставленный в Москву в сентябре 1680 г. татарин, служивший в Немирове в составе ордынского отряда, свидетельствовал, что «к Хмелницкому в Немиров языков ис-под Киева и из ыных мест приводят по вся дни, и тех де языков роспрося, Хмелницкой нарочитых людей оставливает при себе, а деревенских мужиков отдает им, татаром, и они де тех языков продают в Белогородчину»[75]. Захваченных в плен жителей Левобережья их землякам приходилось выкупать у Хмельницкого. М. Мартынов, посланник миргородского полковника Павла Апостола в Кременчуг сообщал, что встретившиеся ему там «торговые люди кобелянцы (из

73 *Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние… С. 390.

74 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 121.

75 Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 16–17. Так, например, оказался в неволе Федор Власов сын Брусницын, «казачий сын», который в конце февраля 1680 г. ездил к Межигорскому монастырю (возле Киева) «по дрова», где был захвачен немировскими татарами, приведен к Ю. Хмельницкому, который разрешил продать его «в турскую землю». Татары отвезли его в Килию, где продали купцу из Константинополя, тот перепродал его в рабство некоему турку из Смирны. 29 июня 1680 г. ночью Брусницын «скинув с себя платье, по морю переплыл до ангинского корабля», проходившего мимо. Англичане, узнав, что он христианин, дали ему «платье» и отвезли казачьего сына в Испанию, откуда он на другом корабле попал в Англию (побывал в Плимуте и Лондоне), и, наконец, на третьем английском судне Брусницын прибыл в Архангельск в декабре того же года (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 94, 101–103).

Кобеляк. – *К. К.*) и беловелянцы» сообщили, как выкупили 10 «своих» пленников у представлявшего Ю. Хмельницкого уманского полковника, который возил к нему «купчую». Причем Хмельницкий якобы заявил полковнику: «Отпускай еще сих, а других как прилучитца не отпускай и держи при себе»[76], запретив таким образом производить дальнейший выкуп и обмен пленных с Левобережной Украиной. В феврале 1680 г. гетман Самойлович отослал переяславскому полковнику Войце Сербину обратно присланных тем десятерых пленных татар для «розмены» на казаков, которые находились в плену в Немирове[77]. Активное участие в торговле пленниками и из числа земляков сопровождалось неслыханными даже по меркам XVII века жестокостями по отношению к собственным подданным, включая снятие кожи «мешком», закапывание живьем и отрезание носов, причем, судя по всему, ради банальной наживы или даже просто ради забавы одичавшего «князя». Нам почти неизвестны имена приближенных Хмельницкого, кроме наказного гетмана Е. Гиновского-Астаматия, зверски убитого по распоряжению правобережного гетмана[78], или С. Гречки, посланца «князя» в Турцию, готового сдать патрона в руки Самойловича. Казаки в ужасе дезертировали от такого вождя, уже в начале 1681 г. их в его окружении оставалось несколько десятков человек. Бесславное и трагическое окончание правления Хмельницкого символизировало и тупиковость так называемой османо-крымской альтернативы для казацкой Украины.

В приложении публикуются отдельные документы, касающиеся правления Ю. Хмельницкого на Правобережной Украине в 1680 г. Публикация документов осуществлена по современным рекомендациям[79], при этом сохранена литера «ѣ» как имевшая разное фонетическое значение в русском и украинском языках того времени.

---

76 М. Мартынов – П. Е. Апостолу. [5 декабря 1679 г. Кременчуг]. – Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 268–270. Выкуп пленников и приезд в Кременчуг представителя «князя» Украины – уманского полковника (не названного, к сожалению, ни в одном из документов по имени) подтверждал в своем письме и чигириндубровский сотник С. Панкевич (Там же. Л. 241).

77 Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 4. Л. 4 об.

78 *Кочегаров К. А.* Евстафий Гиновский-Астаматий… С. 45–46.

79 См. «Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде» (2022) на сайте Федерального архивного агентства.

Приложения

№ 1. 1680 г. декабря 20. Письмо черниговского полковника В. Борковского гетману И. Самойловичу.

(Л. 1) Ясневелможный милостивый пане гетмане, мой велце милостивый пане и добродѣю.

Жител воронизский назвиском Лаврѣн Шулга, будучы купецким способом в Ясех и оттол простуючи на Немеров, кгды прибрался на сей бок Днѣпра и, змѣряючи ку домови, заихал тут в Чернѣгов, натихмѣст за объявленем мнѣ, иж з тых там краюв тепер ново поворочает, з умыслу допитовалемся его вшеляких вѣдомостей, чого бы вѣдом быти могл. О замыслах теды самого головного ворога християнского бѣсурманина чинит таковую повѣст, яковая голосно от всѣх у Волоской землѣ носится, же цале на пришлое лѣто под Киев всѣ погании сылы прибираются. Навет и сам того приглядѣлся и прислухал добре, иж ячменѣ и инные запасы тамошие купцы подлуг свого звычаю юж скуповуют, приспособляючи за часу для походу[80] оных сыл и якобы юж тамже в Волосѣх загадано палѣ и розное дерево готовити до построеня в Сороцѣ через Днѣстр мосту. Был и в таборѣ войск турецких, якие на розграничене з ляхами землѣ выходили и повѣдает, же для походу всѣх сил на лѣто и оные войска не роспущены на зѣму в домы, але з иншыми у Дуная на поготовости зостаючыми задержаны. До Немерова зас як з многими сей стороны, з Полтавщыны и розных городов купецкими людми приспѣли, так через двѣ неделѣ там по росказаню Хмелниченковом были задержаны, з тых мѣр, же якобы тамошных немеровских людей на сем боку загамовано, леч скоро немеровские в том разѣ з сего боку там ку домови прибули, натихмѣст и их одпущено. Полтавские ж з Немерова просто тим боком полями пошли, а сей на Полоное через Полѣссе перебирался и недел тому тры (л. 1 об.) як з Немерова о богоотступного Хмелниченка злосливом намѣрении за певную рѣч твердит, яко того самовидец, же поганою своею особою прибирается нынѣшнего зимного часу на сей бок завитати, приготовив юж з килко мает арматки, людей з города и з сѣл Немеровского уизду выбираючы, в пѣхоту уписует. Сомченка для купеня на свою потребу коней до Яс послал. А солтанов два певне в помоч до него выйшло, од которых при бытности сего то воронизского Шулги мурзы два в Немеров были присыланы, даючы вѣдати

80 Слово вписано над строкой.

о своем выйстю и освѣдчаючи, иж просто ку Днѣпру зближити мают, и юж бы певне того ж часу под Немеров, албо и к самому Днѣпру солтаны приспѣли, леч правѣ он, враг Хмелниченко, навстрѣчу к ним посылал од себе, иж бы не ославляючися, на сей бок в полях за Ташликом задержали, нѣм бы сам в поход зо всѣм спорадился, и повороту посланцов своих од Порты дочекал, которых час на час с пилными якимис дѣлами выгледает, и якобы вниз Днепра под украинные городы удатис замышляет, якую то завзятость его ж Хмелниченков вѣрний конюшый з умыслу для пересторогы сему Шулзѣ объявлял, которую азали всемилостивый Бог в противный скуток обернути и укнованную на невынный християнский народ згубу на нем самом выконати рачит. Оповѣдает сей же неслиханное оного розстрыги тиранство и немилосердную драпѣжность, якою тамошных мешканцов и самих подручников своих тропит. И жебы всякую рѣч, чогоколвек свѣдом ест, сей Шулга достатечнѣ устне оповѣл, не отпускаючы его ку домови, до велможности вашой при моих посланцах отсылаю и себе за тым милостивой рейментарской ласцѣ полецаю, будучи велможности вашой, моего милостивого пана и добродѣя счирозычливый и унѣжоный слуга, [81-]Василий Борковский, полковник Войска его царского пресвѣтлого величества Запорозкого чернѣговский[-81].

З Чернѣгова декавряя 20 1680.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 384. Л. 1–2. Подлинник. Подпись на обертке (л. 2): Ясневелможному его милости пану Иоану Самойловичу, гетманови Войск его царского пресветлого величества Запорозких, моему велце милостивому пану и добродѣеви покорне отдати. *Выше остатки печати красного воска и помета писаря гетманской канцелярии:* Од пана полковника чернѣговского чрез Шулгу, жителя воронизского, з турецкой земли прибылого принесенный, а поданый в канцелярию декаврия 22 року 1680. *Ниже четкий восьмиугольный оттиск печати с гербом; в щите изображена сабля клинком вниз, рядом стрела наконечником вверх; нашлемник: три страусовых пера; вокруг щита буквы «В. Б. П. В. Е. Ц. П. В. З. Ч.» («Василий Борковский, полковник Войска его царского пресветлого величества Запорожского черниговский»).*[82]

Перевод см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Ч. 2. Л. 209–211.

81-81 Подпись – автограф.

82 Ср. с описанием печати В. Борковского 1670 г. «в щите: опрокинутый меч и стрела в Андреевский крест» (*Лукомский В. К., Модзалевский В. Л.* Малороссийский гербовник. СПб., 1914. С. 50).

№ 2. 1680 г. декабря 21. Запись рассказа купца И. Чеботаря.

(Л. 1) Мова Ивана Чоботара, толмача, который приехал от неволников, в Каменцу остаючых, для розмѣны. Прибыл в Батурин 21 дня декавря, року 1680.

Выехал он з дому своего з села Волинешти ниже Тягини лежачого[83] перед запустами филиповыми[84] и простовал на Камянец-Подолский. З Камянца выехал перед днем святого Николы[85].

Знает он и видѣл своими очима, же перед его в сюю дорогу выездом ханский сын с ордою з своего прошлолѣтнего становиска пошол до Криму. Якобы тот сын ханский перед своим отходом хвалился зо всею ордою ударити за Днѣпр в Рускую землю, але здержался для того, що з Криму обослано вѣдомостю, иж стался мир з царским величеством московским, о чом он, Иван Чоботар, чул от значного татарина, Бош-акги.

Тот же Бош-акга казал ему, Ивану, же запевно венкгри выбили, а других выгнали з своее земли турков, греков и арменов и соединилися з цесарем христианским, хотячи войну вести против турчина.

Була почутка в осени зразу, же вся орда мѣла ити з Бучаку на Заднѣпрье, скоро бы зима настала. А при его, Ивановом, з дому выездѣ тот Бош-акга упевнил его, же опроч тоее орды, що до Хмелниченка в Немиров послано, девет сот, болше жадная орда з Бѣлогородщины не пойдет войною на Русь.

И з Криму при его выездѣ были такие вѣдомости, в Бѣлогородщинѣ, же що были орды на войну в Криму наготовилися, вже в жадный поход не пойдут для того, же зайшол посел от царского величества з Москвы з примирним договором. О яком договоре и турки, и татаре значные радуются. (Л. 1 об.) Твердит цале он, Иван-толмач, же не мѣли вже орды ити на войну, будучи завстягнены тым примирным поселством, хиба мовит, вже после моего отъезду якая инакшая укнуется у них, поганцов, завзятость, якой, мовит, я довѣрати не могу.

Турские войска, що были около розграниченя, и що стояли у дунайского мосту, стоят тепер за Дунаем около Силистрии, а цара турского чутно резиденцию в Андриполю. Готовост ест до войны, тылко не знать, куда.

---

83 По-видимому, Волинешти, ныне с. Оланешты в Штефан-Водском р-не Молдавии; Тягина – ныне г. Бендеры в Приднестровской Молдавской Республике.

84 Филиппов пост длился с 15 ноября по 24 декабря.

85 6 декабря.

З Каменца-Подолского не посылано до Хмелниченка и одного человека, ани з янчар, анѣ з чемерисов, хиба бы хто самоволне пошол для заплати. Пришло было триста янчаров до Каменца-Подолского, которые убили своего акгу, теды каменецкий паша не принял их взглядом их забойства, называючи их своеволными, которые, не маючи где подѣтися, пошли на двое от Камянца, одны до Межибожа, а другие до Бару.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 390. Л. 1–2. Подлинник. На л. 2 помета: 189-го генваря в 1 день списать.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
Archiwum Główne Akt Dawnych.
Archiwum PAN w Warszawie.
Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.

Гуськов А. Г., *Кочегаров К. А.*, *Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово, 2022. 528 с.

Записки о службе и награждении князя Василия Васильевича Голицына // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российския касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольнаго российского собрания при Имп. московском университете. Изд. 2-е. Ч. 17. М.: Тип. Компании типографической, 1791. С. 284–356.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. 424 с.

Лукомский В. К., Модзалевский В. Л. Малороссийский гербовник. СПб.: Типография «Сириус», 1914. XXVI+213+LXVIII+13 с.

Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние 1672–1681 годов. М.: Наука, 2024. 567 с.

Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Polczek Polskiego Czerwonego Krzyża, 1994. 264 s.

References

Gus'kov, A. G., Kochegarov, K. A., Shamin, S. M. *Russko-turetskaia voina 1686–1700 godov*. Moscow: Russkoe slovo, 2022, 528 p.

Iafarova, M. R. *Russko-osmanskoe protivostoianie 1677–1681 godov*. Moscow: Nauka, 2024, 567 p.

Kochegarov, K. A. *Rech' Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o Vechnom mire*. Moscow: Indrik, 2008, 504 p.

Kochegarov, K. A. *Ukraina i Rossiia vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiia, kul'tura*. Moscow: Kvadriga, 2019, 424 p.

Kołodziejczyk, D. *Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699.* Warszawa: Oficyna Wydawnicza Polczek Polskiego Czerwonego Krzyża, 1994, 264 p.

Lukomskii, V. K., Modzalevskii, V. L. *Malorossiiskii gerbovnik.* St Petersburg: Tipografiia «Sirius», 1914. XXVI+213+LXVIII+13 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01 ***K. A. Kochegarov***

The Last Days of Yurii Kchmelnitsky

Kirill A. Kochegarov
Candidate of History, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9877-7381

Citation
Kochegarov K. A. The Last Days of Yurii Kchmelnitsky // Slavic Almanac. 2025. No. 1–2. P. 12–46 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01

Received: 05.03.2025.
Revised: 12.03.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
As the Russo-Turkish war of 1672–1681 was coming to its end, the Ottoman Empire lost the interest in supporting the sultan's puppet, the Right-Bank Cossack hetman Yurii Kchmelnitsky. The latter was threatened

by imminent overthrow and replacement by an ottoman administrator as rumors about it were circulating since the beginning of 1680. In this situation, Kchmelnitsky, in the fall of 1680, supported the spread of information about the potential Ottoman invasion of Kiev in the spring of 1681. Ivan Samojlovich, the hetman of the Left-Bank Ukraine, was very worried by any information about Ottoman military preparations, which former prisoners of war and spies delivered to Baturin. Its highly likely that the sultan's court actively supported the rumors about its intentions to invade Kiev to make Russia more compliant during the peace negotiations. In reality, the Porte and Crimea strived for peace, which was concluded in the beginning of the 1681. Kchmelnitsky's fate was sealed. He was overthrown and sent to Constantinople.

Keywords
Ivan Samojlovich, *Yurii Khmelnytsky*, *the Russian-Turkish war of 1672–1681*, *the Right-Bank Ukraine*.

УДК 94(497.1-2):323/324
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.02

Н. С. Гусев

Памятная записка Ю. Д. Романовского о его попытке весной 1913 г. предотвратить болгарско-сербскую войну

Гусев Никита Сергеевич
Кандидат исторических наук, ученый секретарь
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kingusevns@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Цитирование
Гусев Н. С. Памятная записка Ю. Д. Романовского о его попытке весной 1913 г. предотвратить болгарско-сербскую войну // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 47–64. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.02

Финансирование
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01062 «Балканская распря 1912–1913 гг. и русское общество», https://rscf.ru/project/23-28-01062/

Статья поступила в редакцию 08.11.2024.
Рецензирование завершено 09.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
В статье вводится в научный оборот памятная записка, предположительно написанная бывшим русским военным агентом в Болгарии Юрием (Георгием) Дмитриевичем Романовским в эмиграции в 1943 г. В ней повествуется о его попытке в апреле – мае 1913 г. предложить российскому императору и главе МИД вариант урегулирования болгаро-сербского конфликта из-за Македонии. Он предполагал уступки Болгарии в пользу Сербии с компенсациями во Фракии. Согласно документу, болгарская дипломатия позитивно встретила это предложение, и лишь неуступчивость сербского премьера Н. Пашича и российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига сорвали мирное урегулирование. Инициатором появления записки являлся болгарский юрист С. Баламезов, который утверждал, что при публикации дипломатических

документов донесения, содержавшие описанное предложение, были отредактированы. На основании опубликованных и архивных документов анализируется достоверность приведенных сведений, сравниваются тексты обнародованных и оригинальных писем главы российского МИД посланнику в Софии, рассматривается переписка болгарского представителя в Петербурге с его руководством. В результате становится очевидным, что описанные в записке разговоры Романовского в Петербурге теоретически могли иметь место. Однако никаких подтверждений рассказу о готовности и Петербурга, и Софии согласиться на размен македонских земель на фракийские не существует, что ставит вопрос о целях появления данного документа.

Ключевые слова
Балканские войны, *македонский вопрос*, *Болгария*, *Сербия*, *российская дипломатия*, *Ю. Д. Романовский*.

21 февраля 1911 г. российским военным агентом в Болгарии на смену М. Н. Леонтьеву был назначен Юрий (Георгий) Дмитриевич Романовский. Военный министр его характеризовал как «по своим способностям, так и по знанию иностранных языков» соответствующего этой должности. Однако стандартная формулировка не отражала проявленных талантов. Ю. Д. Романовский, отличившийся при обороне Порт-Артура, вместе с одним коллегой написал историю борьбы за эту крепость, а позднее совместно с другим подготовил трехтомное военно-географическое и статистическое описание Дальнего Востока[1]. Это свидетельствует о том, что если не как регионовед, то как военный аналитик Юрий Дмитриевич был готов оказаться в Софии на своем посту в переломные годы кануна Первой мировой войны. Если на время М. Н. Леонтьева пришлось объявление независимости Болгарии и налаживание болгаро-сербских связей, то на время Ю. Д. Романовского – оформление болгаро-сербского союза, его триумф и печальный конец во время Балканских войн 1912–1913 гг.

Полковник Романовский заслуженно пользовался авторитетом среди коллег и дипломатов как человек, знающий Болгарию. Он, как и русские дипломатические представители в Софии и Белграде,

1 *Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 221–227.

был посвящен в детали выработки болгаро-сербского договора, заключенного 26 февраля 1912 г. Еще на стадии обсуждения условий он предлагал свой вариант раздела Македонии. Как предполагают историки, так наз. «граница Романовского» могла оказаться удовлетворительной для обеих сторон. Но официальный Белград, на защиту которого встал российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг, вынудил Петербург согласиться со своим вариантом, содержавшим в себе зачатки будущих конфликтов[2]. В итоге в тайном приложении условились о следующем. Сербскими признавались земли к северу и западу от Шар-Планины, болгарскими – к востоку от Родопских гор и Струмы. Относительно же Македонии условились, что Сербия обязуется не требовать земли к востоку от линии, очерченной на карте и четко проговоренной в документе (она в общих чертах шла от города Крива-Паланка на юго-запад к Охридскому озеру). Эти территории условно стали называть бесспорной зоной. Спорной зоной именовали земли к западу от линии, их судьба вверялась в руки арбитра, коим был оговорен российский император[3].

Договор стал воплощаться осенью того же года, когда началась Первая балканская война. Победы союзных Болгарии, Сербии, Греции и Черногории над Османской империей приковали общественное внимание – завершалось изгнание турок, во всемирную историю «вписывалась совершенно новая “история с географией”», как выразился современник[4]. Однако для военных наблюдателей было важно и то, что опробовались новые тактики и технические достижения. Ю. Д. Романовский почти весь начальный этап Первой балканской войны провел в качестве русского военного представителя при болгарской Главной квартире. После краткосрочного перемирия, не увенчавшегося миром, второй этап той войны, весной 1913 г., он провел на фронте лишь наездами. Это обуславливалось тем, что боевые действия приняли затяжной характер, и единственным действительно важным событием на болгарском театре военных действий стало

---

2 См.: *Каширин В. Б.* О проблеме начертания «границы Романовского» (Из предыстории Балканских войн 1912–1913 гг.) // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 2013.

3 Централен държавен архив (далее – ЦДА). Ф. 313К. Оп. 1. А. е. 2236. Л. 6–7. URL: https://wars.archives.bg/186-bv-%D0%94%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 30.09.2024).

4 *Гусев Н. С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 31.

взятие 13 марта турецкой крепости Адрианополя. Вялотекущим образом эта война шла к своему концу, и 17 мая в Лондоне члены Балканского союза и Османская империя подписали мирный договор. Победители получали европейские владения Турции к западу от линии Энос – Мидие за исключением Албании, чьи границы, а также судьбу островов в Мраморном море должна была уточнить специальная международная комиссия.

Однако более важной являлась нараставшая опасность развала Балканского союза и конфликта между его членами из-за раздела Македонии. Особую тревогу в Петербурге вызывали противоречия Софии и Белграда, на которых возлагали большие надежды в будущем противостоянии с Австро-Венгрией. Суть их заключалась в сербском требовании пересмотреть условия раздела Македонии, в том числе и в болгарской бесспорной зоне.

Это объяснялось рядом факторов. Еще в разгар боевых действий Вена выдвинула требование создания Албании в границах, ставящих крест на желании сербов приобрести выход к морю. Австро-Венгрия сумела навязать это решение великим державам, и сербы были вынуждены ему подчиниться.

В этой связи Белград выдвинул требование пересмотреть распределение территорий, в первую очередь указывая на его неравномерность. Сербия не получила выхода к Адриатике, являвшегося одной из целей войны; она по-прежнему не имела собственного морского порта, поэтому предложила передать ей транспортный коридор до Салоник через долину Вардара. Болгария же приобретала Адрианополь, который в союзном договоре не упоминался. Дополнительно в Белграде напоминали о неодинаковом объеме выполненных союзнических обязательств: изначальный план предусматривал совместное освобождение Македонии, однако накануне войны он по согласию сторон был изменен. Болгарские войска сосредоточились во Фракии, выделив на западный фронт сравнительно небольшое воинское соединение. Сербы же обязательства перевыполнили, отправив свою Вторую армию и осадную артиллерию к Адрианополю.

В Софии отказывались даже обсуждать этот вопрос и настаивали на арбитраже только в рамках договора – в спорной зоне. Это определялось тем, что речь шла об очередном переделе неотъемлемой части идеала национального объединения, воспринимавшейся болгарами и как страна, целиком населенная своими соплеменниками, и как часть их средневекового государства. Ситуация осложнялась тем, что Македония была освобождена сербскими войсками, которые

не демонстрировали готовности покинуть эти земли, а, наоборот, проводили политику сербизации местного населения.

Официальный Петербург безуспешно стремился найти компромисс между обеими позициями. Тайные переговоры не давали результатов, и 26 мая Николай II открыто обратился к болгарскому и сербскому монархам с предложением прибегнуть к русскому арбитражу. Ответы оказались уклончивыми, поскольку в балканских столицах верили в мощь своих армий и намеревались решить вопрос вооруженным путем.

Так оно и произошло – имела место Вторая балканская война, проигравшей из которой вышла Болгария, на долгие годы сохранившая реваншистские настроения в отношении Македонии и Южной Добруджи, перешедшей Румынии.

Ю. Д. Романовский до самой Второй балканской войны оставался сторонником сближения России и Болгарии, и даже в день начала боевых действий между союзниками подготовил донесение о важности подготовки двусторонней военной конвенции. Но отправить его смог лишь 23 июля, признавая, что в свете новой ситуации рапорт утратил актуальность[5].

С началом Первой мировой войны военный агент вернулся на строевую службу и отправился в действующую армию. Он принял участие в знаменитом Брусиловском прорыве, дослужился до должности начальника штаба 11-й армии. При этом он стремился применить и полученные в Болгарии знания. Так, в августе 1916 г. он направил одному из великих князей, находящихся при Ставке верховного главнокомандующего, записку, в которой излагал свой взгляд на развитие Болгарии и свои предложения о ее послевоенном устройстве[6].

После Февральской революции Ю. Д. Романовский некоторое время являлся исполняющим должность начальника Генерального штаба, а в Гражданскую войну занимал высокие посты при А. В. Колчаке. После нее он жил в эмиграции в Японии, затем в Болгарии, и с середины 1920-х – в Королевстве СХС / Югославии. В 1926 г. из Белграда он писал заведующему военным отделом Русского заграничного исторического архива в Праге, что набросал свои воспоминания о Болгарии и событиях 1912–1914 гг., причем, видимо, сербы должны были предстать в них не в лучшем свете, но, тем не менее, это дело Юрий

5 *Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах… С. 227.

6 *Каширин В. Б.* Записка бывшего военного агента в Софии Г. Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 3–9.

Дмитриевич считал важным, поскольку лучше других знал тайные перипетии Балканских войн. К сожалению, рукопись пока не обнаружена и ее судьбу выяснить не удается[7].

По информации, распространенной в сети Интернет (а вслед за ней и в публикациях), Ю. Д. Романовский скончался в Белграде в 1939 г. Однако нигде не содержится указания на источник данной информации. Более того, бывший военный агент не внесен ни в одно из известных описаний некрополей Сербии или Болгарии. Хотя при этом известна на Новом кладбище Белграда могила его супруги, Ольги Модестовны, урожденной Карамышевой, «жены генерал-лейтенанта», скончавшейся 25 марта 1942 г.[8] Потому кажется довольно правдоподобным свидетельство генерала Н. В. Шинкаренко, что Ю. Д. Романовский дожил до 1945 г. и был вывезен из Белграда в СССР[9]. Далее его следы пока не прослежены. Возможно, где-то в России хранятся и вывезенные воспоминания о Балканских войнах.

Однако до нас дошла памятная записка, автором которой, как следует из текста, являлся сам бывший военный агент. В ней повествуется о его усилиях в мае 1913 г. привести Софию и Белград к компромиссу, попытке предложить всем новую «границу Романовского». Юрий Дмитриевич, будучи повивальной бабкой болгаро-сербского союза, понимая его важность для российских военно-политических планов, стремился сохранить объединение. Однако сама записка и описанные в ней события вызывают ряд вопросов. Для понимания деталей воспроизведем ее текст, сохранив оригинальную орфографию и пунктуацию:

Памятная записка.

Во второй половине Апреля 1913 г. я отправился из Софии в Петербург для доклада Генеральному штабу о назревшем болгаро-сербском конфликте. О моем прибытии в Петербург стало известным Государю Императору, и он назначил мне аудиенцию 1 мая (старый

7 *Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах… С. 227–229.

8 Захоронения представителей русской эмиграции и их потомков // Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии. URL: https://rn-belgrade.ru/necropolis/%d1%80/#toggle-id-4 (дата обращения: 30.09.2024).

9 *Ганин А. В.* «Наша военная организация… продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М. В. Алексееву о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Сер. «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4. № 4. С. 76.

стиль). Государь принял меня отдельно в своем рабочем Кабинете и внимательно выслушал мой доклад.

Я доложил Его Величеству, что при продолжении существующего положения вещей болгаро-сербская война неизбежна. Что касается болгар, то Правительство Гешева не отказывается от Русского Арбитража, в то время как сербы стремятся от него уклониться и ждут только благовидного предлога, чтобы напасть на болгар. Небольшой пограничный инцидент может послужить поводом для братоубийственной войны. Война эта будет крушением всей русской политики на Балканах и непоправимым ударом для славянства.

Необходимо, чтобы наша дипломатии безотлагательно энергично надавила на сербов, особенно на Пашича. Сербы должны понять, что их будущее на западе, а не на востоке в Македонии, населенной главным образом болгарским элементом.

Выход из сложившейся обстановки, представляется, есть в следующем виде: обе стороны немедленно обращаются к Арбитражу Его Величества.

В сербско-болгарской конвенции совершенно точно определены бесспорные зоны, которые ~~включаются~~ присоединятся к Болгарии или Сербии.

Вопрос может касаться только так называемой спорной зоны. Вопрос этот, казалось бы, может быть разрешен следующим образом: восточная часть спорной зоны уступается болгарам, западная Сербии. Также разграничение производится комиссией из представителей России, Франции и Англии и заинтересованных сторон.

В виду того, что вся тяжесть войны с Турцией легла на плечи болгар, им взамен уступленной сербам части спорной зоны в виде компенсации должна быть прирезана часть территории во Фракии, к югу от линии Мидия-Энос.

Государь внимательно выслушал мой доклад и сказал, что вполне одобряет мной высказанное, о чем повелел мне немедленно доложить Сазонову.

Сазонов, рассмотрев вместе со мной карту Балканского полуострова, также согласился с моими предложениями и сказал, что он в тот же день будет иметь разговор с Бобчевым.

На следующий день меня посетил Бобчев и сообщил, что он телеграфировал предложение Сазонова в Софию и кажется, что оно будет встречено там благоприятно. Бобчев же настроен оптимистично и верит, что это верный путь для разрешения сербо-болгарского конфликта.

Я покинул Петербург и направился в Софию также в полной уверенности в благоприятном исходе этого конфликта. Однако, остановившись по пути в Белграде и посетив Гартвига, уверенность эта сильно поблекла и я стал сомневаться в его способности повлиять решительно на хитрого и лукавого Пашича. Последний, как известно, под благовидным предлогом всячески оттягивал предоставление всего вопроса решению русского арбитража.

В итоге имел место роковой день 16 Июня 1913 г.

Бывший Российский Военный агент в Болгарии
Ныне Генерального Штаба
Генерал-лейтенант
Юрий Дмитриевич Романовский.
София 5 Июня 1943 г.

Записка хранится в Центральном государственном архиве Болгарии (ЦДА), в фонде Министерства иностранных дел и вероисповеданий, причем отнесена к описи, в которую занесены документы первой половины 1940-х гг., что соответствует датировке в самом документе. Однако ни ее микрофильмированная копия в ГА РФ[10], ни микрофильмированная копия в ЦДА[11] не сопровождаются пояснениями о происхождении источника.

При этом описания встречи с Ю. Д. Романовским весной 1913 г. нет ни в мемуарах министра иностранных дел С. Д. Сазонова, ни в дневниках Николая II, ни в довольно детальных воспоминаниях болгарского посланника С. Бобчева. Однако подобный разговор мог состояться как минимум в силу присутствия военного агента в тот момент в российской столице. 23 апреля 1913 г. посланник в Софии А. В. Неклюдов направил телеграмму главе МИД, в которой сообщил, что Ю. Д. Романовский направляется в Петербург на четыре дня, и попросил принять его и выслушать доклад[12]. Сохранились донесения и рапорты военного агента, атрибутированные как отправленные из российской столицы 2 и 3 мая 1913 г.[13]

10 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р8091. Оп. 36. Ед. хр. 194.

11 ЦДА. Ф. 176К. Оп. 8. А. е. 1279.

12 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1352. Л. 133.

13 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3080. Л. 6; Ед. хр. 3082. Л. 1–3.

Некоторый свет на обстоятельства появления документа удалось пролить благодаря документам, обнаруженным в Научном архиве Болгарской академии наук. В фонде юриста и дипломата С. Баламезова была найдена рукопись его неопубликованной статьи «К истории отношений между Болгарией и Сербией в 1913 г.» и текст аналогичного доклада на заседании отделения Болгарской академии наук[14]. В них речь шла о некоем предложении Романовского, которое он привез из Петербурга в Софию. Оно предполагало уступку со стороны Болгарии в пользу Сербии в спорной зоне и получение ею компенсации к югу от ранее оговоренной линии Энос – Мидие. «Сам Романовский, много позднее, в 1943 г., будучи генерал-лейтенантом запаса, мне описал свою роль в этот момент и по моей просьбе составил краткое письменное изложение, которое сопроводил письмом, эти два ценных документа[15] я, предварительно переписав, передал министру иностранных дел для соответствующего дела в тайном архиве», – утверждал С. Баламезов[16]. В тексте же доклада он уточняет, что отдал записку Саве Кирову[17], который занимал пост главы МИД 14 сентября – 14 октября 1944 г. Далее в деле содержится записка Романовского, но, очевидно, переписанная, причем, судя по опискам, болгарином.

---

14 Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА-БАН). Ф. 78. Оп. 1. А. е. 61.

15 Там же. Л. 12. На втором листе содержатся предполагаемые выписки из письма российского военного агента в Сербии В. А. Артамонова:

«Выписка из письма бывшего военного агента в Сербии полковника Артамонова военному агенту в Болгарии полковнику Романовскому от 5 июня 1913 г., в ответ на его письмо с указанием на необходимость ускоренного безусловного принятия сербами Русского Арбитража».

«Действительно, если бы в начале мая сербы перешли в наступление, как этого требовала военная партия, то шансы их были бы неизмеримо больше, чем теперь. Но не думайте, чтобы сербы уступили то, что они считают своими жизненными интересами».

«Если я несколько сомневаюсь в победах сербов и греков (по крайней мере теперь, когда дали болгарам сосредоточиться), то сербы менее сомневаются, хотя и очень недовольны этим неблагоприятным обстоятельством, этой уступкой русскому общественному мнению.

Они жалеют, что не напали на болгар три недели тому назад».

Подлинное письмо хранится у меня.

Генерального штаба Генерал-Лейтенант Юрий Романовский. 3 V 1943 (ГА РФ. Ф. Р8091. Оп. 36. Ед. хр. 194. Л. 5).

16 НА-БАН. Ф. 78. Оп. 1. А. е. 61. Л. 12.

17 Там же. Л. 29.

На этом, однако, странности не заканчиваются. По словам С. Баламезова, предложение было озвучено и по официальным каналам. 7 мая 1913 г. его вызвал премьер И. Гешов и попросил срочно перевести документ, в котором оно содержалось. При этом, как утверждал автор, он «не сомневался», что это был помещенный в так наз. «Оранжевой книге»[18] документ № 169 от 3 мая 1913 г., однако сокращенный при издании. С. Баламезов в 1914 г. даже задал вопрос о купюрах в публикации документа российскому дипломату К. Н. Гулькевичу, на что тот якобы ответил: «Сообщив вам, лишь бы избежать войны между вами и сербами, что все решит арбитр, мы поступили формально некорректно и не хотим, чтобы это осталось в истории»[19].

Действительно, отбор материалов для этой книги был значим с политической точки зрения, ей придавали большое значение. Уже 13 февраля ее разослали, одновременно направив в заграничные представительства Российской империи циркуляр главы Первого (Азиатского) департамента Г. Н. Трубецкого, где говорилось о необходимости пользоваться данным сборником документов «в целях правильного освещения роли русской дипломатии за время прошедшего Балканского кризиса»[20]. 25 полученных миссией в Софии экземпляров были разосланы в газеты, лидерам политических партий, руководителю тайного кабинета царя С. Добровичу, болгарскому экзарху Иосифу I, премьеру В. Радославову[21]. Был осуществлен перевод сборника на болгарский язык, но уже к началу апреля 1914 г. пятитысячный тираж полностью разошелся, и посланник А. А. Савинский просил прислать хотя бы несколько российских изданий для дальнейшего распространения[22].

При сравнении с оригиналами в АВПРИ заметно, что документы в сборнике действительно подвергались редакции. Так, в названном С. Баламезовым сообщении (доверительное письмо С. Д. Сазонова посланнику в Софии) опущены несколько предложений, но они касаются лишь прямых предостережений от заигрывания с Австро-Венгрией[23] либо же сделаны для скрытия внутренней кухни

18 Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 г. – июль 1913 г.). СПб., 1914.

19 НА-БАН. Ф. 78. Оп. 1. А. е. 61. Л. 12–13.

20 АВПРИ. Ф. Миссия в Софии. Оп. 527. Д. 415. Л. 43.

21 Там же. Л. 41–47.

22 Там же. Л. 27.

23 Опущено выделенное курсивом: «Узкий национальный эгоизм, *расчеты на который строит Австрия,* может толкнуть болгар на почву

документооборота[24]. В остальном же оригинал повторяет опубликованный в 1914 г. документ, идентичен и болгарский перевод[25]. В нем указывалось на то, что Сербия, руководствуясь «глубоким сознанием внутренней солидарности интересов обеих славянских стран», предоставила помощь при взятии Адрианополя. Болгария же при «непримиримом и формальном толковании договора» потеряет самое ценное в ее отношениях с союзником – «осознание братской солидарности» и «ради чечевичной похлебки» рискует самыми блестящими перспективами. «Болгария поступит мудро, если сама от себя признает необходимость некоторого корректива к договорному размежеванию и пойдет хотя бы на небольшие уступки». С. Д. Сазонов просил посланника донести эту мысль до премьера И. Гешова и организовать обмен мнениями насчет возможных уступок Сербии[26]. Таким образом, речь шла об уступках именно в бесспорной зоне.

В тот же день в Петербурге болгарский посланник С. Бобчев встретился с Г. Н. Трубецким. Тот повторил смысл депеши, направленной российскому посланнику А. В. Неклюдову, местами, видимо, дословно, правда, добавив еще вопрос о «некоторых экономических – тарифных – таможенных» соглашениях, которые София и Белград могли

непримиримого и формального толкования договора». В одном месте Австрия заменена на «ложных доброжелателей», в другом – на «другие державы» (АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 318. Л. 16). Также полностью удалены два абзаца, которые в 1914 г. уже выглядели признанием политической близорукости:

«За последнее время в Софии стали злоупотреблять попытками запугивать нас перспективой сближения с Австрией.

Мы слишком верим в здравый смысл Болгарии, не говоря уже об исторических узах, которые нас соединяют и которые не так легко будет какому-нибудь кабинету разорвать, чтобы придавать слишком много веры указанным выше веяниям. Мы со своей стороны не хотим покидать почвы, на которой неизменно стояли по отношению к Болгарии» (Там же. Л. 16 об.).

24 Так, в первом предложении документа опущены следующие слова, выделенные курсивом: «Из предшествующей переписки, *а равно из секретного письма на имя императорского посланника в Белграде, в копии у сего прилагаемого,* Вы не преминете усмотреть…» (Там же. Л. 15).

25 Балканската война или руската оранжева книга (дипломатически документи, издадени от руското външно министерство, докосващи се до събития на Балканския полуостров – август 1912 г. – юли 1913 г.). София, 1914. С. 89–91.

26 Там же. Л. 15–17; Сборник дипломатических документов… С. 117–120.

бы заключить, чтобы Сербия имела возможность пользоваться Эгейским и Черным морями. Болгарский представитель ответил, что и указанная в договоре спорная зона населена болгарами, на уступки же в бесспорной зоне не сможет пойти ни одно правительство, потому обращения с подобными советами к Софии напрасны. На следующий день С. Бобчев уже просил С. Д. Сазонова ускориться с началом арбитража[27].

3 мая из Софии И. Гешов направил С. Бобчеву письмо с просьбой к императорскому правительству, «учитывая, что сербское требование ревизии договора равносильно отказу с их стороны к его исполнению, обязать сербов его исполнить посредством оставления бесспорной зоны в Македонии и вынести решение о спорной зоне согласно ст. 2 тайного приложения к договору»[28]. 6 мая болгарский дипломат сообщил об этом С. Д. Сазонову, тот согласился приступить к арбитражу, но с двумя условиями – решения обязательны для обеих сторон, и болгарско-сербский союз остается в силе[29]. 7 мая министр направил телеграмму А. В. Неклюдову, где сообщил о том, что Россия готова заняться арбитражем, и перед болгарским правительством следует заявить, что «мы при этом подтверждаем известную ему нашу точку зрения на право Болгарии опираться в вопросе о размежевании на соответствующие указания договора». Однако сначала необходимо заключить мир с Османской империей, а странам-союзницам провести демобилизацию[30].

14 мая С. Д. Сазонов отправил следующую телеграмму, в которой грозящая междоусобица объяснялась болгарским «упорным нежеланием входить в какие-либо переговоры со своими союзниками». Поэтому успех действий России по примирению ставился в зависимость от позиции Софии. Добавлялось, что указанная в болгаро-сербском соглашении граница «представляет, между прочим, неудобства весьма кривых линий, причем по многих местах болгарская территория врезывается в сербскую». А потому предлагалось следующее: «Если бы Болгария согласилась на проведение более прямой границы, *с отдачей Сербии Струги, Крушева, Велеса и Кратова,* мы получили бы в руки аргументы, при помощи коих наше воздействие в Белграде могло бы привести к желаемым

27 *Бобчев С.* Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940. С. 128–132.

28 Там же. С. 133–134; *Гешов И. Е.* Спомени из години на борби и победи. София, 2008. С. 211.

29 *Бобчев С.* Страници… С. 134–136.

30 Сборник дипломатических документов… С. 120–121.

результатам. *Впрочем, конкретное определение уступок предоставляем наметить Вам совместно с нашим военным агентом.* Было бы крайне желательно склонить Гешова на определенное и по возможности скорое решение, причем, конечно, желательно не навязывать ему, а от него самого получить признание необходимости тех или иных уступок. *Болгары только последовали бы нашему примеру, ибо в определении защитной зоны Константинополя, имеющей для нас первостепенное значение, мы не только сделали им ряд существенных уступок, но и в определении линии Энос – Мидие*»[31]. В данном документе уже конкретно назывались предлагаемые к уступке населенные пункты, входящие в бесспорную болгарскую зону, но Фракия звучала лишь в контексте предложения следовать российскому примеру благородной щедрости.

Через несколько дней болгарский премьер сообщил об этих предложениях посланнику в Петербурге и потребовал: «Прежде всего заявите Сазонову, что правительство никоим образом не приемлет каких-либо изменений договора за очерченной линией». Он выразил согласие на проведение одновременной с союзниками демобилизации, но просил донести до главы российского МИД, что если по формальным причинам Россия сможет осуществить арбитраж лишь после подписания мира с Османской империей, то для затягивания сербами ухода из бесспорной зоны нет оснований: «Признанное силой договора правильным не подлежит арбитражу». Далее И. Гешов приводил жалобы на неблагодарность сербов и греков, просил оказать на них давление. В противном же случае, указывал премьер, «Болгария, руководясь инстинктом национального самосохранения и уповая на собственные силы, постарается защитить то, что составляет непременное условие существования любого народа»[32].

Как видим, болгары настаивали на арбитраже, предусмотренном договором, и были готовы к уступкам в спорной зоне даже без компенсаций во Фракии. Сербская же сторона требовала изменений именно к востоку от линии Крива-Паланка – Охридское озеро, и Россия подталкивала Софию к этому. По всей видимости, Ю. Д. Романовский ошибочно именовал спорной зоной именно земли, на которые по тайному приложению Белград обязывался не претендовать, на что постоянно указывали в Софии.

---

31 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1352. Л. 152. Курсивом выделены части, опущенные при публикации сборника документов (Сборник дипломатических документов… С. 128–129).

32 *Бобчев С.* Страници… С. 139.

Однако даже при таком допущении есть серьезные сомнения в исторической достоверности «памятной записки», поскольку в известных документах речи не шло о предложении Болгарии компенсаций и о ее согласии на уступки в Македонии. К тому же тщательно изучавший этот период на основании софийских архивов, пожалуй, крупнейший специалист по истории Балканских войн, болгарский историк академик Г. Марков никаких предложений, о которых утверждал С. Баламезов в докладе и статье и Ю. Д. Романовский в своей записке, не приводит[33].

Однако могло ли существовать хотя бы теоретически такое предложение? Представляется, что нет. Во-первых, Россия очень ревниво относилась к продвижению Болгарии к черноморским проливам и Константинополю. Даже согласие на присоединение Адрианополя было получено не сразу. А 20 марта 1913 г. С. Д. Сазонов сообщал С. Бобчеву, что Россия против новых требований исправления границы с Османской империей, имеющих целью приближение к ее столице, поскольку это «противоречит ясно выраженным требованиям России»[34].

С очень большим трудом можно представить и возможность согласия Болгарии на обмен в бесспорной зоне македонских земель на фракийские. Балканская война велась за освобождение «братьев по ту сторону Рилы и Родоп», македонский вопрос занимал значительное место и в официальной пропаганде, и в общественном сознании. Во Фракии же, как отмечали даже русские наблюдатели, солдаты теряли энтузиазм, не воспринимая регион своим и думая лишь о Македонии[35]. Ярким подтверждением тому, что болгары не стали бы проводить подобный размен, является и поведение официальной Софии на начальном этапе Первой мировой войны. Предложения дипломатии Антанты о приращениях за счет Османской империи не встречали того же сочувствия, что слова Тройственного союза о расширении на запад[36].

---

33 *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската Империя, 1912–1913 г. София, 1989. С. 395, 404, 408–409.

34 *Бобчев С.* Страници… С. 114–115.

35 *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия… С. 427–430.

36 См. *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 104–209; *Бирман М. А.* Болгария // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 111–115, 141–146, 180–189; *Шкундин Г. Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007. С. 12–21.

Тогда остается вопрос о том, что же это за документ. Визуально подпись Ю. Д. Романовского отличается от тех, что стоят на донесениях 1912–1913 гг. Однако прошедшие непростые тридцать лет могли повлиять на почерк, как, очевидно, и на точность воспоминаний бывшего военного агента. Не совсем ясна и причина, по которой записка возникла весной 1943 г. Возможно, это как-то связано с тем, что к тому моменту, после битвы за Сталинград, обозначился перелом в Великой Отечественной войне, и официальная Болгария пыталась вновь поднять македонский вопрос, оправдать оккупацию территории Югославии, переложив вину на давно истлевших Н. Г. Гартвига и Н. Пашича. Впрочем, твердо утверждать это мы не можем. Остается только теряться в догадках. Но с большой долей уверенности можно говорить, что из Петербурга не поступало Болгарии предложений уступить Сербии в Македонии в обмен на компенсацию близ Константинополя. И тем более не могло это в Софии вызвать одобрения. Причиной развязывания Второй балканской войны было не только нежелание Н. Пашича передавать дело на арбитраж России.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Научен архив на Българската академия на науките (НА-БАН).
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Централен държавен архив (ЦДА).

Балканската война или руската оранжева книга (дипломатически документи, издадени от руското външно министерство, докосващи се до събития на Балканския полуостров – август 1912 г. – юли 1913 г.). София: Витоша, 1914. 187 с.

Бирман М. А. Болгария // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индрик, 2002. С. 180–189.

Бобчев С. Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София: Славянско дружество в България, 1940. 240 с.

Ганин А. В. «Наша военная организация… продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М. В. Алексееву о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Сер. «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4. № 4. С. 75–81.

Гешов И. Е. Спомени из години на борби и победи. София: Синева, 2008. 392 с.

Гусев Н. С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 520 с.

Захоронения представителей русской эмиграции и их потомков // Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии. URL: https://rn-belgrade.ru/necropolis/%d1%80/#toggle-id-4 (дата обращения: 30.09.2024).

Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София: Наука и изкуство, 1990. 318 с.

Каширин В. Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014. 629 с.

Каширин В. Б. Записка бывшего военного агента в Софии Г. Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 3–9.

Каширин В. Б. О проблеме начертания «границы Романовского» (Из предыстории Балканских войн 1912–1913 гг.) // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. М.: Тезаурус, 2013. С. 697–720.

Марков Г. България в Балканския съюз срещу Османската Империя, 1912–1913 г. София: Наука и изкуство, 1989. 457 с.

Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 г. – июль 1913 г.). СПб.: Военная типография, 1914. 258 с.

Шкундин Г. Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София: Марин Дринов, 2007. 180 с.

References

Balkanskata voina ili ruskata oranzheva kniga (diplomaticheski dokumenti, izdadeni ot ruskoto vŭnshno ministerstvo, dokosvashti se do sŭbitiia na Balkanskiia poluostrov – avgust 1912 g. – iuli 1913 g.). Sofia: Vitosha, 1914, 187 p.

Birman, M. A. “Bolgariia.” *Za balkanskimi frontami Pervoi mirovoi voiny.* Moscow: Indrik, 2002, pp. 180–189.

Bobchev, S. *Stranitsi iz moiata diplomaticheska misiia v Petrograd 1912–1913.* Sofia: Slaviansko druzhestvo v Bŭlgariia, 1940, 240 p.

Ganin, A. V. “«Nasha voennaia organizatsiia… prodolzhaet shchitat' Vas svoim vozhd'om»: Pis'mo i raport generalu M. V. Alekseevu o belom podpol'ie v Kazani i Tsaritsyne. 1918 g.” *Omskii nauchnyi vestnik. Seriia «Obshchestvo. Istoriia. Sovremennost'»*, 2019, vol. 4, No 4, pp. 75–81.

Geshov, I. E. *Spomeni iz godini na borbi i pobedi*. Sofia: Sineva, 2008, 392 p.

Gusev, N. S. *Bolgariia, Serbiia i russkoe obshchestvo vo vremia Balkanskikh voin 1912–1913 gg.* Moscow: Indrik, 2020, 520 p.

Ilchev, I. *Bŭlgariia i Antantata prez Pŭrvata svetovna voĭna*. Sofia: Nauka i izkustvo, 1990, 318 p.

Kashirin, V. B. "O probleme nachertaniia «granitsy Romanovskogo» (Iz predystorii Balkanskikh voin 1912–1913 gg.)." *Slaviane i Rossiia: K 110-letiiu so dnia rozhdeniia S. A. Nikitina*. Moscow: Tezaurus, 2013, pp. 697–720.

Kashirin, V. B. "Zapiska byvshego voennogo agenta v Sofii G. D. Romanovskogo o deiatel'nosti Ferdinanda Koburga, 1916 god." *Voprosy istorii*, No 7, 2004, pp. 3–9.

Kashirin, V. B. *Dozornye na Balkanakh: Russkaia voennaia razvedka v stranakh Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny.* Moscow: VIKMO-M, 2014, 629 p.

Markov, G. *Bŭlgariia v Balkanskiia sŭiuz sreshtu Osmanskata Imperiia, 1912–1913 g.* Sofia: Nauka i izkustvo, 1989, 457 p.

Shkundin, G. D. *Razdeliai i vlastvui! Vopros o separatnom mire s Bolgariei v politike derzhav Antanty (oktiabr' 1915 – mart 1916 g.)*. Sofia: Marin Drinov, 2007, 180 p.

"Zakhoroneniia predstavitelei russkoi emigratsii i ikh potomkov." *Russkii nekropol' v Belgrade i drugikh gorodakh Serbii*. URL: https://rn-belgrade.ru/necropolis/%d1%80/#toggle-id-4 (accessed: 30.09.2024).

DOI:10.31168/2073-5731.2025.1-2.02 ***N. S. Gusev***

The Y. D. Romanovsky Memo Regarding His Attempt to Avert the Bulgarian-Serbian Conflict in the Spring of 1913

Nikita S. Gusev
Candidate of History, scientific secretary
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: kingusevns@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Citation
Gusev N. S. The Y. D. Romanovsky Memo Regarding His Attempt to Avert the Bulgarian-Serbian Conflict in the Spring of 1913 // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 47–64. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.02

Acknowledgements
The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01062 “The Balkan Strife of 1912–1913 and Russian society”, https://rscf.ru/project/23-28-01062/.

Received: 08.11.2024.
Revised: 09.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The article introduces a memorandum, presumably written by a former Russian military agent in Bulgaria, Yuri (George) Dmitrievich Romanovsky in exile in 1943, into scientific circulation. In the spring of 1913, St. Petersburg realized that official Sofia and Belgrade could destroy the Balkan Alliance and start a war over the partition of Macedonia. The note in question covers Romanovsky’s attempt in April–May 1913 to offer the Russian emperor and the Foreign Minister a solution to the Bulgarian-Serbian conflict over Macedonia. He proposed concessions to Bulgaria in favor of Serbia with compensations in Thrace. According to the document, Bulgarian diplomacy positively welcomed this proposal, and only the intransigence of the Serbian Prime Minister N. Pasic and Russian Envoy to Belgrade N. G. Hartwig disrupted the peaceful settlement. The initiator of the note was the Bulgarian lawyer S. Balamezov, who claimed that when publishing diplomatic documents, the reports containing the described proposal were edited. On the basis of published and archival documents, the reliability of the information provided is analyzed, the texts of the published and original letters of the head of the Russian Foreign Ministry to the envoy in Sofia are compared, the correspondence of the Bulgarian representative in St. Petersburg with his superiors is considered. As a result, it becomes obvious that the conversations described in the note by Romanovsky in St. Petersburg could theoretically have taken place. However, there is no confirmation of the story about the readiness of both St. Petersburg and Sofia to agree to the exchange of Macedonian lands for Thracian ones, which raises the question of the purpose of the appearance of this document.

Keywords
Balkan wars, *the Macedonian question*, *Bulgaria, Serbia*, *Russian diplomacy*, *Yu. D. Romanovsky.*

УДК 94(438).081
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.03

П. А. Павлов

«Восточные кресы» в политической мысли Леона Василевского

Павлов Павел Александрович
Аспирант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4,
Москва, Российская Федерация
E-mail: pavlovstarbeevo2000@gmail.com
ORCID: 0009-0002-8592-022X

Цитирование
Павлов П. А. «Восточные кресы» в политической мысли Леона Василевского // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 65–81.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.03

Статья поступила в редакцию 21.12.2024.
Рецензирование завершено 31.01.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
В статье рассматриваются взгляды польского политического и общественного деятеля Леона Василевского (1870–1936) на формирование политики межнациональных отношений в рамках польского государства, воссозданного после Первой мировой войны. Дается анализ публикаций Л. Василевского по национальному вопросу у народов, живущих на так наз. восточных окраинах Польши – «восточных кресах». Леон Василевский – соратник Юзефа Пилсудского, во II Речи Посполитой был признанным специалистом по национальному вопросу. Позиция по литовскому, белорусскому и украинскому вопросам, сформированная в то время польскими публицистами, и Василевским в том числе, складывалась под влиянием исторических взаимоотношений поляков и этих народов. Польские политики считали справедливым восстановление на востоке границы «исторической Польши» до разделов 1772–1795 гг. Такой подход противоречил, с одной стороны, национальным проектам литовских, белорусских и украинских политиков и, с другой стороны, позиции победивших держав Антанты, стремившихся при создании польского государства включить в его

состав только этнографически польские территории. Однако после завершения польско-советской войны по Рижскому мирному договору 1921 г. в состав Польши вошли земли на востоке, заселенные преимущественно неполяками, а в 1922 г. был официально аннексирован Виленский край. Публицистика Л. Василевского, относящаяся к литовскому, белорусскому и украинскому вопросам, отражает его согласие с правом этих народов на независимое национальное существование, однако его взгляд на решение этих вопросов был абсолютно разным.

Ключевые слова
Леон Василевский, *становление национальных государств в Восточной Европе*, *Литва*, *Беларусь*, *Украина*, *II Речь Посполитая*.

Леон Василевский (1870–1936) – видный польский политик, общественный деятель, специалист по национальным движениям в Восточной Европе. Основное внимание в своих работах этот нечасто упоминаемый отечественной историографией исследователь[1] уделял проблеме становления наций и национальному вопросу в новых восточноевропейских государствах, возникших после Первой мировой войны. Воссозданная в 1918 г. независимая Польша столкнулась с необходимостью длительного определения своих границ, и если на западе ее границы с Германией и Чехословакией определялись по этническому принципу, то на востоке – по историческому. Польские политики стремились восстановить на востоке границы прежней Речи Посполитой, активно обсуждая при этом национальные проблемы на литовских, белорусских и украинских землях.

В итоге межвоенное польское государство стало одним из наиболее неоднородных по национальному составу в Европе. Около

1 См., например: *Короткова Д. А.* Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос // Славяноведение. 2021. № 3. С. 50–56. В польской историографии выделяются исследования Б. Сточевской: *Stoczewska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Kraków, 2009; *Stoczewska B.* Ukraina i Ukraińcy w polskiej myśli politycznej. Od końca XIX wieku do wybuchu II wojny światowej. Kraków, 2013. Наследие Л. Василевского по украинской проблематике отражено в монографии киевского исследователя Ю. Вяловой: *Вялова Ю. В.* Леон Василевський (1870–1936): постать політика у контексті польсько-українського діалогу. Київ, 2019.

трети населения составляли национальные меньшинства – украинцы (5,1 млн), евреи (3,1 млн), белорусы (2,0 млн), немцы (0,8 млн)[2]. Литовцы, белорусы и украинцы в конце Первой мировой войны пытались создать свои собственные национальные государства, однако в результате польско-советской войны их территории были поделены между Польшей и советскими республиками. Проблема Виленского края, присоединенного к Польше в 1922 г., влияла на отношения независимой Литвы и Польши. Вильно, до конца XVIII столетия столица Великого Княжества Литовского, и в начале XX в. оставался одним из важнейших центров польской культуры. В период создания независимых государств Польши и Литвы большинство польских политиков, начиная с Ю. Пилсудского, не представляли своего государства без Вильно.

Л. Василевский в своих многочисленных печатных работах дал характеристику процессов образования наций в Центральной и Восточной Европе, его взгляды не всегда совпадали с другими мнениями, высказанными в польской политической литературе. Характерно, что теория национальности и межнациональных отношений интересовала Василевского значительно больше, чем практическая политика, в рамках которой он стал одним из первых министров иностранных дел межвоенной Польши и выполнял важные дипломатические поручения Ю. Пилсудского. Наибольшее внимание в своих работах Василевский уделил литовцам, белорусам и особенно украинцам. Его книги о Литве, Беларуси и Украине показывают развитие национальных движений этих народов от их зарождения до конца Первой мировой войны и после ее окончания.

Составленная В. Побуг-Малиновским в 1937 г. неполная библиография текстов Василевского показывает, что он напечатал более 100 книг и брошюр; Василевский сотрудничал с примерно 70 журналами, в которых опубликовал около 1000 статей на нескольких языках (кроме польского – на русском, украинском, белорусском, чешском, эстонском, немецком, французском и английском).

Василевского интересовал вопрос создания национальных государств в послевоенной Восточной Европе после распада Австро-Венгерской и Российской империй. По его мнению, важным критерием для формирования нации являлось наличие собственного государства, поэтому народы делились им на государственные и негосударственные, а последние на исторические и неисторические (имевшие и не имевшие

2 *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007. S. 7.

в прошлом опыт государственного строительства). Для формирования нации важнейшим условием он признавал наличие национального сознания и национально ориентированной интеллигенции. В 1918 г. Василевский выделил два подхода к определению восточных границ Польши: исторический и этнографический. Первый подразумевал восстановление Польши в границах старой Речи Посполитой 1772 г. Польские теоретики исходили из того, что разделы были «актом насилия», совершенным на «живом теле» государства, и что восстановление прежних «польских» границ – это «дело справедливое». По мнению Василевского, в эпоху массовой политики и всеобщего избирательного права исторический подход постепенно уступал место этнографическому, в соответствии с которым политические и этнографические границы должны совпадать.

После Первой мировой войны страны-победительницы при создании польского государства считали необходимым включить в его состав лишь этнографически польские земли. В декабре 1919 г. Верховный совет Антанты утвердил линию, предложенную британским министром иностранных дел Дж. Керзоном, как восточную границу Польши. Однако дальнейший ход событий в Восточной Европе привел к пересмотру этого решения и включению в состав Польской республики территорий с преобладанием украинского и белорусского населения.

В вопросе возможности организации национальных государств Украины, Беларуси и Литвы Василевский стоял на позициях федерализма, но на его взгляды в первую очередь влияли интересы Польши в тот или иной исторический период. Д. А. Короткова справедливо отмечает «эластичность» взглядов Василевского, которые менялись в зависимости от изменения политической ситуации[3]. Однако взгляды Василевского всегда отличала резкая антироссийская позиция, поэтому его имя практически не упоминалось при обращении к национальной проблематике Восточной Европы историками ПНР и Советского Союза.

Публицистика Л. Василевского, обращенная к украинскому, литовскому и белорусскому вопросам, вызывает интерес и требует осмысления именно потому, что она написана поляком, который признавал, в отличие от большинства своих современников-соотечественников, право этих народов на независимое национальное существование,

3 *Короткова Д. А.* Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос. С. 51.

однако его отношение к украинцам, белорусам и литовцам было абсолютно разным[4]. Рассмотрим эти отличия подробнее.

Первая книга Л. Василевского о *Литве* вышла в 1907 г.[5] В своих довоенных трудах, особенно в изданной в 1912 г. книге «Литва и Беларусь. Прошлое – настоящее – тенденции развития»[6], Василевский информировал польского читателя о развитии литовского движения. Он обращал внимание на сложности в разграничении «этнографических районов» и «этнографических островов» на этой территории и в выявлении численности проживающих там народов. Ставя под сомнение результаты первой всероссийской переписи 1897 г., Василевский писал, что «в Литве наряду с литовцами, белорусами, латышами, поляками и русскими есть люди, говорящие на языке одной национальности, но считающие себя принадлежащими к другой. Здесь есть литовцы, не умеющие говорить по-литовски, есть поляки, очень привязанные к литовской национальности. Есть люди, определяющие свою национальность на основе вероисповедания. Встречаются семьи, в которых брат и сестра или два брата относят себя к двум разным национальностям»[7].

Василевский указывал также, что по-разному понимались также понятия «Литва» и «литовец». Некоторые считали Литвой всю территорию бывшего Великого Княжества Литовского, Василевский же называл Литвой «территорию, населенную населением, говорящим на литовско-жмудском языке». Эта территория, по его словам, занимала лишь малую часть «историко-административной Литвы». Деятели литовского национального движения при этом называли Литвой территорию, в отношении которой им удалось установить, что население ее когда-то говорило по-литовски[8].

Как известно, в 1915 г. в ходе Первой мировой войны литовские земли оказались в зоне немецкой оккупации. Стремясь завоевать

---

4 *Friszke A.* Jeden z «niepokornych» // Wasilewski L. Piłsudski jakim go znałem. Warszawa, 2013. S. 9–108; *Brzechczyn K.* Ukraina w koncepcjach federacyjnych Leona Wasilewskiego // Zagadnienie rosyjskie. Myślenie o Rosji: oglądy i obrazy spraw rosyjskich / praca zbiorowa pod red. M. Bohuna i J. Gońkowskiego. Kraków, 2000.

5 *Wasilewski L.* Litwa i jej ludy. Warszawa, 1907.

6 *Wasilewski L.* Litwa i Białoruś. Przeszłość – teraźniejszość – tendencje rozwojowe. Kraków, 1912.

7 Ibid. S. 85.

8 Ibid. S. XV.

симпатии литовцев, Германия не препятствовала организации ими культурных учреждений. В конце 1917 – начале 1918 гг. кайзеровская Германия поддержала создание литовского Национального совета – Тарибы и на условиях «вечных союзных связей» с Берлином признала независимость Литвы. Польские политики крайне негативно отреагировали на эти тактические маневры немцев. Взгляды Василевского на литовский вопрос в это время резко изменились, фокус его интересов сместился на польские интересы[9]. В годы Первой мировой войны одним из важнейших стал вопрос литовских этнографических границ. Яблоком раздора стала принадлежность Вильно. Василевский, так же как и другие польские публицисты, например Михал Рёмер[10], отмечал польский характер этого города, в населении которого поляки составляли квалифицированное большинство.

Трудности в реализации этнографического подхода к установлению границы с Литвой, считал Василевский, вызваны «трудностями в разграничении территорий». Решением, которое он считал наиболее выгодным в этой ситуации, было создание федеративного союза между независимыми польским и литовским государствами. Принятие такой концепции дало бы возможность применять принцип этнографического разделения менее строго. Однако литовские политики и после Первой мировой войны не проявили никакого желания заключать союз с возрождавшейся Польшей. В отместку в апреле 1919 г. польская армия заняла Вильно и юго-восток Литвы.

31 июля 1919 г. Л. Василевский вместе с Ю. Пилсудским выехал в Каунас для проведения переговоров с литовским правительством о границе, которые закономерно провалились[11]. После этого родилась идея создания в Литве пропольского правительства, с которым можно было бы договориться о федерации, однако литовское правительство раскрыло эти планы. Василевский в своих мемуарах назвал поездку в Каунас «августовской вечеринкой» и после ее провала сосредоточился на дискредитации Тарибы и каунасского правительства в литовском обществе. Органом, который служил этой цели, стал издававшийся в Вильно журнал «Наш край». Василевский негласно стал его главным редактором[12].

9 *Wasilewski L.* Piłsudski, jakim go znałem. Warszawa, 2013. S. 147.

10 *Römer M.* Litwa. Studyum o odrodzeniu narodu litewskiego. Lwów, 1908. S. 9.

11 *Stoczewska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. S. 140.

12 Ibid. S. 144.

Последней политической миссией Василевского по урегулированию литовского вопроса стали переговоры в Копенгагене осенью 1925 г. Переговоры закономерно провалились. Обе стороны еще больше ужесточили свою позицию. Не удалось решить не только проблему установления польско-литовских дипломатических отношений, но и вопрос о свободном использовании торговых путей. В 1925 г. Василевский опубликовал новую книгу о Литве – «Литва и Беларусь. Историко-политический очерк национальных отношений». В ней он так охарактеризовал межвоенное литовское государство: «Литва в результате своего необузданного империализма и как очаг антипольских немецких и русских интриг является государством, чрезвычайно опасным для европейского мира… Литва только ждет возможности, чтобы захватить Вильно насильственным путем»[13].

Таким образом, во взглядах Василевского на литовский вопрос после возрождения польской государственности вполне логично стали преобладать исключительно польские интересы. Василевский называл литовцев «шовинистами» и инициаторами антипольских интриг, болезненно переживая провал своих дипломатических миссий в Литве. Василевский в своих работах обосновывал «польскость» Виленского края и выражал уверенность, что литовское меньшинство не является проблемой для Польши, и поэтому все усилия польских властей должны быть сосредоточены на гораздо более сложных белорусском и украинском вопросах.

Интерес Л. Василевского к проблемам *Беларуси* начинался в 1900-е гг. с белорусского народного творчества[14]. Он считал, что без изучения языка и культуры народа невозможно провести дальнейший анализ развития его национальных устремлений[15]. В 1901 г. вышла брошюра «В общем ярме»[16]. Приводя там обзор истории народов, находящихся под властью Российской империи, он написал, что белорусы составляют «значительную часть населения Литвы, […] говорят на отдельном языке, однако национального сознания почти не имеют»[17]. Польский

13 *Wasilewski L.* Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych. Warszawa, 1925. S. 236.

14 *Stoczewska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. S. 184.

15 *Wasilewski L.* Inteligencja ukraińska w Rosji // Świat Słowiański. 1912. T. 2. № 91. S. 750.

16 *Wasilewski L.* We wspólnym jarzmie. London, 1901.

17 Ibid. S. 16.

политик сомневался, что «когда-нибудь появится самостоятельная белорусская национальность». В работе «Литва и ее народы» (1907) Василевский касался белорусского вопроса лишь вскользь, в ряду других национальностей.

В 1912 г. в объемной книге «Литва и Беларусь. Прошлое – настоящее – тенденции развития» Василевский более подробно отразил свои воззрения на историю Беларуси, а также на актуальный вопрос белорусизации Литвы. Он считал, что белорусский язык, который со времен великого князя Ольгерда был не только «разговорным при дворе литовских князей, но и языком законодательства, постепенно был вытеснен латынью и польским языком»[18].

Впервые Василевский обратил внимание на возрождение белорусского национального движения в статье под названием «Белорусское дело в немецкой оккупации»[19], опубликованной в сентябре 1917 г. Хотя оккупация немецкими войсками «западной части исторической Литвы» вызвала переворот в положении белорусов, которые «вдруг из непризнанного народа стали национальностью», этот факт привел лишь к очень скромным, по мнению Василевского, проявлениям национального возрождения. Наиболее заметным признаком белорусской политической деятельности, на его взгляд, была созданная в Вильно по инициативе немцев газета «Гоман», которая имела исключительно антипольский характер. Василевский допускал возможность заключения с Беларусью союза, но эта концепция не могла быть реализована без желания самих белорусов.

С появлением возрожденного польского государства Василевский перестал обращать внимание на желания и стремления белорусов. Участвуя от имени Ю. Пилсудского в дипломатических усилиях на белорусском направлении, он предпочитал ориентироваться лишь на полонофилов в белорусских политических кругах. По мнению Василевского, такие белорусские деятели очень рассчитывали на поддержку самого Пилсудского, которому они «абсолютно доверяли»[20]. Но такие «младшие партнеры» годились лишь для тактических игр, призванных отвлечь белорусов от сотрудничества с большевиками в условиях

18 *Wasilewski L.* Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych. S. 66.

19 *Wasilewski L.* Sprawa białoruska w okupacji niemieckiej // Kultura Polski. 1917. № 7–9. S. 410.

20 *Stoczewska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. S. 228.

начавшегося в феврале 1919 г. польско-советского вооруженного противостояния. Именно с подобными целями 18 марта 1920 г. в Минск прибыла польская делегация во главе с Василевским. 24 марта ей удалось подписать соглашение, согласно которому представители Беларуси «стоят на неделимости и независимости своей страны» и «видят будущее на основе поддержки Польши в границах 1772 г., гарантирующей белорусскому народу полноту развития»[21].

Разумеется, ни о какой реальной независимости Беларуси польская сторона даже не помышляла. Значимость подписанного Василевским договора с началом активных боевых действий польско-советской войны стала ничтожной, а в конце 1920 г. Польша официально отказалась от выполнения обязательств минского соглашения. Тогда же прекратились и любые декоративные попытки вовлечения Беларуси в польские проекты на основе теории федерализма, одним из главных идеологов которой был Василевский. Категорический отказ от участия в федеративных проектах литовских и украинских политических сил делал контакты с белорусами на этом направлении ненужными, к тому же реальный ход военных действий с Красной армией был крайне далек от достижения границ 1772 г.

В октябре 1920 г. Василевский вошел в состав польской делегации на мирных переговорах с большевиками в Риге. Пятимесячное пребывание в Риге было наполнено, как он вспоминал, «очень трудной и запутанной работой». Он возглавил так называемую территориальную комиссию, задача которой заключалась в подготовке детального проекта пограничной линии. «Это была огромная работа, – полагал польский участник конференции Александр Ладось, – Василевский выполнил ее блестяще, в том числе благодаря отличному знанию белорусского и украинского языков. Оказалось, что он владеет этими языками гораздо лучше, чем представляющие Беларусь и Украину советские делегаты»[22]. В результате польско-советской войны обе стороны так и не достигли желаемых целей в белорусском вопросе, и Рижский мирный договор закрепил раздел Беларуси.

В книге «Литва и Беларусь» 1925 г. Василевский акцентировал угрозу для Польши, которую несет БССР, стремящаяся играть роль своеобразного «Пьемонта». По мнению польского политика, белорусский вопрос был чрезвычайно важным из-за высокой численности белорусов

21 Ibid. S. 230.

22 *Ładoś A.* Leon Wasilewski w rokowaniach ryskich // Niepodległość. 1937. № 16. S. 235.

в Польше, которые среди национальных меньшинств, по его мнению, были на втором месте после украинцев, а также из-за их неблагополучного культурного и экономического положения.

Таким образом, на взгляд Василевского, белорусы пока еще слишком слабы в национальном отношении и не способны к самостоятельной государственной жизни вне протектората России или Польши. Относя белорусов к так называемым территориальным меньшинствам, проживающим компактно, польский теоретик национального вопроса полагал, что культурной автономии и соблюдения заявленных в конституции национальных прав для белорусского меньшинства внутри II Речи Посполитой будет пока достаточно, а для территориальной автономии им надо еще «дозреть». Польский политик считал, что решение белорусского вопроса в Польше должно предполагать создание для белорусов лучших условий для развития их национальной жизни, чем в БССР. Пожелания эти в условиях межвоенной Польши были изначально неосуществимы.

Проблемы *Украины* были одними из главных для Василевского на протяжении всей его политической карьеры. В своих книгах и множестве журнальных публикаций он рассмотрел проблемы польско-украинских и русско-украинских отношений в контексте истории Восточной Европы и дал характеристику истории украинского народа и современной национально-культурной ситуации на украинских землях. По мнению современного польского историка А. Фришке, Василевский создал максимально широкий исторический обзор становления украинской нации с авторскими комментариями[23].

Первую публикацию в журнале по украинскому вопросу Василевский сделал еще в 1896 г.[24] В 1900 г. в Петербурге была опубликована брошюра «Современная Галиция», в которой был представлен не только этнографический обзор Галиции, но и состояние польско-украинских отношений[25]. В 1912 г. вышла книга «Украина и украинский вопрос»[26], в которой Василевский дал обзор «украинского дела» на историко-политическом и литературно-этнографическом фоне. Для заключительного этапа творчества Василевского примечательны

23 *Friszke A.* Jeden z «niepokornych» // Wasilewski L. Piłsudski jakim go znałem. Warszawa, 2013. S. 91.

24 *Wasilewski L.* Ukrainofilstwo, sprawa rusińska a socialiści polscy // Przedświt. 1896. № 10. S. 3–12.

25 *Василевский Л.* Современная Галиция. СПб., 1900.

26 *Wasilewski L.* Ukraina i sprawa ukraińska. Krakow, 1912.

его монографии «Национальные вопросы в теории и в жизни» (1929)[27] и «Украинский вопрос как международная проблема» (1934)[28].

В своих обзорах истории Украины Василевский много внимания уделял вопросу формирования украинской нации и научной полемике о времени возникновения украинского народа. Он констатировал, что «после распада Киевского и Владимирско-Галицкого государств в XIII–XIV вв., когда Южная Русь одновременно с Северо-Западом окончательно отделилась от Северо-Восточной и вошла в орбиту польско-литовской государственности, Русь Восточная, покоренная татарами, закладывает основы своего собственного государства. Иностранцы и ту и другую Русь называли Русью, и только со временем появляются названия Малороссия, Белая Русь, Москва (Московия). Москва упорно держится за название “Русь” и в итоге превращается в государство Российское»[29].

По поводу развивавшегося в XIX – начале XX в. украинского движения Василевский отмечал, что к началу Первой мировой войны украинское движение переживало колоссальный подъем в обеих частях Украины. Целью движения в Галиции было выделение украинской части и ее объединение с Буковиной и Закарпатьем в единую украинскую провинцию. Однако, по мнению польского теоретика, главная роль в становлении украинской государственности должна была принадлежать приднепровской Украине, большей по площади, с более многочисленным населением[30]. Говоря о политической борьбе восточных украинцев в 1917–1920 гг., Василевский подчеркивал: «Борьба была проиграна не только в результате ухудшения общей политической конъюнктуры. Неудача украинского движения, несмотря на его колоссальный, стихийный подъем, объясняется целым рядом причин… Лишь обстоятельства вынудили украинцев выдвинуть лозунг независимости и собственной суверенной государственности, но украинская интеллигенция этими обстоятельствами умела пользоваться лишь в незначительной мере. Интеллигенция находилась под языковым и культурным влиянием России. Это были русские интеллигенты, говорящие по-украински»[31].

---

27 *Wasilewski L.* Sprawy narodowościowe w teorji i w życiu. Warszawa; Kraków, 1929.

28 *Wasilewski L.* Kwestja ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe. Warszawa, 1934.

29 Ibid. S. 7.

30 Ibid. S. 97.

31 Ibid. S. 131.

При воссоздании независимого польского государства польские социалисты, и Василевский в их числе, предполагали поддержку поляками создания независимой Украины как барьера между Польшей и Россией. Это была изначальная концепция Польской социалистической партии (ППС) о создании на широких федеративных началах Речи Посполитой, в состав которой вошли бы польские, литовские, белорусские и украинские земли. Небольшим успехом в реализации федералистской идеи Василевский считал заключение Варшавского договора между Польшей и Украинской Народной Республикой в апреле 1920 г. Согласно этому соглашению, УНР в качестве младшего партнера признавала польский суверенитет над Восточной Галицией и Западной Волынью в обмен на дипломатическое признание правительства Симона Петлюры. Затем, под угрозой прекращения существования независимой Польши во время войны с большевистской Россией, Польша отозвала свое признание УНР. Украина была разделена примерно по той же линии, о которой Польша договорилась еще в апреле 1920 г. с Директорией УНР. 18 марта 1921 г. при участии Василевского был заключен Рижский мирный договор, закрепивший эту границу.

После майского переворота 1926 г. и установления режима «санации» Ю. Пилсудского, с которым представители национальных меньшинств связывали большие надежды по либерализации национальной политики и который не оправдал их ожидания, Василевский печатался мало. С сожалением он констатировал, что польская власть относится к украинцам так же, как и в свое время царская Россия к полякам.

В 1932 г. создается «Польско-украинский бюллетень», выходивший до 1938 г., сначала ежемесячно, а с 17 июня 1933 г. – еженедельно. Этот журнал предоставлял читателю широкую информацию об истории и культуре соседнего народа, пытался изменить общественное мнение как поляков, так и украинцев, живших в Польше, преодолеть негативные стереотипы и предубеждения, присущие массовому сознанию. Василевский был активным автором этого издания. В статье «О пути соглашения» он констатировал, что трудности польско-украинского взаимопонимания заключаются в самом различии нынешнего положения поляков, с одной стороны, и украинцев – с другой: «Не надо тешить себя надеждой, что традиция польско-украинских отношений – это легенда крестьянского сожительства двух “братских”, как обычно говорят, народов. Нет – это напоминание об ожесточенной борьбе с древнейших времен. Многовековая история оставила после себя столько ожесточения, крови и такое

нагромождение развалин, что труд устранения их из памяти и из действительности не свершится ни легко, ни быстро»[32].

Одной из причин такого трагического положения польско-украинских отношений Василевский считал геополитическое положение Польши и Украины, переменную во времени и пространстве общую линию границы. Он подчеркивал, что поляки находятся в гораздо лучшем положении и должны быть им довольны, а украинцы до сих пор не могут говорить с ними «как свободные со свободными и равные с равными». Подробно рассматривая события, произошедшие в двух частях Украины в 1917–1920 гг., польский теоретик в своих трудах последовательно высказывал взгляд на историю Украины как на вопрос международный, так как Украина со времен «Руины» второй половины XVII в. была объектом политики внешних сил. «Политическая конъюнктура пока не сложилась для украинского народа, но нынешнее положение дел не является окончательным. Кто знает, может, и 40-миллионный украинский народ в ближайшее время доживет до такой конъюнктуры, которую он сможет успешно реализовать для лучшего будущего, воспользовавшись опытом прошедшего периода»[33], – заключал Василевский.

Итак, часто обращаясь в своих трудах к украинскому вопросу, Василевский, всегда рассуждая с позиции поляка, старался отразить и украинскую точку зрения. В своих исследованиях украинского вопроса он опирался на многолетние исследования, наблюдения и размышления над развитием исторических связей польского и украинского народов. На фоне политики межвоенных польских властей он небезосновательно считался во II Речи Посполитой настоящим украинофилом.

Таким образом, публицистика видного польского теоретика национальных проблем Леона Василевского, обращенная к литовскому, белорусскому и украинскому вопросам, выявляет его словесное согласие с правом этих народов на независимое национальное существование, однако пути к его реализации в каждом случае представлялись ему абсолютно разными. Украинцы рассматривались Василевским с большей симпатией, как потенциальные союзники в борьбе с Россией. Белорусы, по мнению Василевского, были слишком слабы

32 *Wasilewski L.* O drogi porozumienia // Biuletyn Polsko-Ukraiński. 1932. № 2. S. 2–4.

33 *Wasilewski L.* Kwestja ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe. Warszawa, 1934. S. 142.

в национальном отношении и неспособны к самостоятельной государственной жизни вне протектората России или Польши. К литовцам же Василевский относился в годы восстановленной независимости Польши почти враждебно. Он не представлял Виленский край вне Польши, направляя свою деятельность на обоснование «польскости» этого края.

В межвоенный период Василевский отстаивал утопическую точку зрения, что украинцам, белорусам и литовцам как этническим меньшинствам в Польше надо создать лучшие условия для развития национальной культуры, чем они их имеют в Советском Союзе, что будет способствовать их интеграции в польскую политическую нацию, то есть сформулировал стратегию государственной ассимиляции, так и не реализовавшуюся на практике.

Источники и литература

Василевский Л. Современная Галиция. СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1900. 236 с.

Вялова Ю. В. Леон Василевський (1870–1936): постать політика у контексті польсько-українського діалогу. Київ: Інститут історії України НАН України, 2019. 268 с.

Короткова Д. А. Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос // Славяноведение. 2021. № 3. С. 50–56. DOI: 10.31857/S0869544X0014978-8.

Brzechczyn K. Ukraina w koncepcjach federacyjnych Leona Wasilewskiego // Zagadnienie rosyjskie. Myślenie o rosji: oglądy i obrazy spraw rosyjskich. Praca zbiorowa pod redakcją Michała Bohuna i Janusza Gońkowskiego. Kraków: Wydawnictwo i drukarnia «Secesja», 2000. S. 57–68.

Ładoś A. Leon Wasilewski w rokowaniach ryskich // Niepodległość. 1937. № 16. S. 230–250.

Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy. Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. 293 s.

Friszke A. Jeden z «niepokornych» // Wasilewski L. Piłsudski jakim go znałem. Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2013. S. 9–108.

Römer M. Litwa. Studyum o odrodzeniu narodu litewskiego. Lwów: Polskie towarzystwo nakładowe, 1908. 441 s.

Stoczewska B. Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Kraków: Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne sp. z o.o. – Oficyna Wydawnicza AFM, 2009. 478 s.

Stoczewska B. Ukraina i Ukraińcy w polskiej myśli politycznej. Od końca XIX wieku do wybuchu II wojny światowej. Kraków: Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne sp. z o.o. – Oficyna Wydawnicza AFM, 2013. 391 s.

Wasilewski L. Ukrainofilstwo, sprawa rusińska a socialiści polscy // Przedświt. 1896. № 10. S. 3–12.

Wasilewski L. We wspólnym jarzmie. London: Wydawnictwo PPS, 1901. 39 s.

Wasilewski L. Litwa i jej ludy. Warszawa: Skład główny w Księgarni Naukowej, 1907. 82 s.

Wasilewski L. Inteligencja ukraińska w Rosji // Świat Słowiański. 1912. T. 2. № 91. S. 750.

Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Przeszłość – teraźniejszość – tendencje rozwojowe. Kraków: Spółka nakładowa «Książka», 1912. 361 s.

Wasilewski L. Ukraina i sprawa ukraińska. Kraków: Spółka nakładowa «Książka», 1912. 219 s.

Wasilewski L. Sprawa białoruska w okupacji niemieckiej // Kultura Polski. 1917. № 7–9. S. 410.

Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych. Warszawa: Wydawnictwo Jakuba Mortkowicza, 1925. 251 s.

Wasilewski L. Sprawy narodowościowe w teorji i w życiu. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo J. Mortkowicza, Towarzystwo wydawnicze w Warszawie, 1929. 232 s.

Wasilewski L. O drogi porozumienia // Biuletyn Polsko-Ukraiński. 1932. № 2. S. 2–4.

Wasilewski L. Kwestja ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe. Warszawa: Prace ukraińskiego instytutu naukowego. 1934. T. XXVIII. 145 s.

Wasilewski L. Piłsudski jakim go znałem. Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2013. 269 s.

References

Brzechczyn, K. “Ukraina w koncepcjach federacyjnych Leona Wasilewskiego.” *Zagadnienie rosyjskie. Myślenie o rosji: oglądy i obrazy spraw rosyjskich*. Praca zbiorowa pod redakcją Michała Bohuna i Janusza Gońkowskiego. Kraków: Wydawnictwo i drukarnia «Secesja», 2000, pp. 57–68.

Friszke, A. “Jeden z «niepokornych».” Wstęp: *Wasilewski L. Piłsudski jakim go znałem.* Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2013, pp. 9–108.

Korotkova, D. A. “Evoliutsiia vzgliadov Leona Vasilevskogo na belorusskii vopros.” *Slavianovedenie*, 2021, No 3, pp. 50–56. DOI: 10.31857/S0869544X0014978-8.

Ładoś, A. “Leon Wasilewski w rokowaniach ryskich.” *Niepodległość*, 1937, No 16, pp. 230–250.

Mironowicz, E. *Białorusini i Ukraińcy*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007, 293 p.

Römer, M. *Litwa. Studyum o odrodzeniu narodu litewskiego*. Lwów: Polskie towarzystwo nakładowe, 1908, 441 p.

Stoczewska, B. *Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego*. Kraków: Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne sp. z o.o. – Oficyna Wydawnicza AFM, 2009, 478 p.

Stoczewska, B. *Ukraina i Ukraińcy w polskiej myśli politycznej. Od końca XIX wieku do wybuchu II wojny światowej.* Kraków: Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne sp. z o.o. – Oficyna Wydawnicza AFM, 2013, 391 p.

Vialova, Iu. V. *Leon Vasylevs'kyj (1870–1936): postat' polytyka u konteksti pol's'ko-ukraïns'koho dialohu.* Kyïv: Institut istoriï Ukraïny NAN Ukraïny, 2019, 268 p.

Wasilewski, L. *Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych*. Warszawa: Wydawnictwo Jakuba Mortkowicza, 1925, 251 p.

Wasilewski, L. *Sprawy narodowościowe w teorji i w życiu*. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo J. Mortkowicza, Towarzystwo wydawnicze w Warszawie, 1929, 232 p.

Wasilewski, L. "O drogi porozumienia." *Biuletyn Polsko-Ukraiński*, 1932, No 2, pp. 2–4.

Wasilewski, L. *Kwestja ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe*. Warszawa: Prace ukraińskiego instytutu naukowego, T. XXVIII, 1934, 145 p.

Wasilewski, L. *Piłsudski jakim go znałem*. Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2013, 269 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.03 ***P. A. Pavlov***

"Eastern Borderlands" in the Political Thought of Leon Wasilewski

Pavel A. Pavlov
PhD Student
Lomonosov Moscow State University
119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation
E-mail: pavlovstarbeevo2000@gmail.com
ORCID: 0009-0002-8592-022X

Citation
Pavlov P. A. "Eastern Borderlands" in the Political Thought of Leon Wasilewski // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 65–81 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.03

Received: 21.12.2024.
Revised: 31.01.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The article examines the views of the Polish political and public figure Leon Wasilewski (1870–1936) on the formation of the eastern border of the Polish state, recreated after the First World War, and analyzes his publications on the national question of the peoples living on the "eastern borderlands" of the interwar Poland. Leon Wasilewski as an associate of Jozef Pilsudski was a recognized expert on the national question. The position on Lithuanian, Belarusian and Ukrainian issues, formed at that time by Polish publicists including Wasilewski, was influenced by historical relations between the Poles and these peoples. Polish politicians considered it fair to restore the border of the "historical Poland" in the east to the state before the partitions of 1772–1795. Such a historical approach contradicted the position of the victorious powers, which, when creating the Polish state, sought to include only ethnographically Polish territories in its composition. However, after the end of the Polish-Soviet war, according to the Riga Peace Treaty of 1921, the ethnographically Ukrainian and Belarusian territories were recognized as part of Poland, and in 1922 the Vilnius region was annexed by Poland. L. Wasilewski's journalism devoted to Lithuanian, Belarusian and Ukrainian problems reflects his recognition of independent national existence for these peoples, but his attitudes towards Ukrainians, Belarusians and Lithuanians were completely different.

Keywords
Leon Wasilewski, *the formation of national states in Eastern Europe*, *Lithuania*, *Belarus*, *Ukraine*, *interwar Poland*.

УДК 94(477)
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.04

Е. Ю. Борисёнок

О концепции советской украинизации в современной украинской науке

Борисёнок Елена Юрьевна
Доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Цитирование
Борисёнок Е. Ю. О концепции советской украинизации в современной украинской науке // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 82–104. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.04

Статья поступила в редакцию 24.07.2024.
Рецензирование завершено 03.03.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Настоящая статья посвящена представлениям о советской коренизации/украинизации в национализированной версии украинской истории, изложенным на страницах обобщающих академических трудов современных украинских историков. Анализируются крупные коллективные монографии, выпущенные за последние 30 лет профессиональным историческим сообществом, прежде всего – Институтом истории Украины Национальной академии наук Украины, который является одним из ведущих научных учреждений и одним из основных партнеров государства в профессиональной исторической среде. Проблема советской украинизации чрезвычайно политизирована в современной украинской историографии и трактуется в русле националистического нарратива и национально-освободительной борьбы украинского народа. Базовыми принципами концепции советской украинизации являются ее вынужденность из-за узкой базы большевистской партии в республике, противоречивость и непоследовательность политики, ведущая роль национальных сил в продвижении украинизационного курса. Долгое время в обобщающих трудах признавалось влияние украинизации на национально-культурное развитие украинцев, однако в последнее время намечается

пересмотр этого положения. В работе 2021 г. под названием «Украина и украинцы в постимперский период (1917–1939)» большевикам отказано в каком-либо положительном влиянии на нациеобразующие процессы в УССР.

Ключевые слова
Современная украинская историография, *советская украинизация*, *УССР*, *национальная политика большевиков*.

К 30-летию провозглашения независимости Украины в Киеве вышли первые тома серии «Украина. Очерки истории»: в 2021 г. были изданы три книги, посвященные XX – началу XXI в.[1], в 2022 г. – два тома, посвященные XIX в.[2], в 2023 г. – том, посвященный еще более раннему периоду[3]. Этот большой проект был задуман и реализован Институтом истории Украины Национальной академии наук Украины (НАНУ) и представляет собой важный этап в развитии украинской историографии, заставляя еще раз обратить внимание на характерные черты украинского исторического нарратива.

Серию открыли книги, посвященные XX веку, что не удивительно, учитывая его особое значение для легитимизации возникшей после распада Советского Союза независимой Украины, развернувшуюся после 2014 г. волну декоммунизации и влияние политической конъюнктуры на изучение этого периода украинского прошлого. По меткому замечанию украинского историка Г. В. Касьянова, советский период в национализированном нарративе описывается «исключительно негативно, как темная эпоха тоталитаризма, национального угнетения и нескончаемых попыток ассимилировать или даже

1 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939) / Л. Якубова (керівник авт. кол.) та ін.; відп. ред. В. Смолій. Київ, 2021; Україна і виклики посттоталітарного транзиту (1990–2019) / В. Головко, Л. Якубова; відп. ред. В. Смолій. Київ, 2021; Україна в епіцентрі протистояння світових систем (1939–1990) / В. Даниленко та ін.; керівник авт. кол. Л. Якубова; відп. ред. В. Смолій. Київ, 2021.

2 Україна в XIX столітті: доба модернізації / В. Шандра, О. Аркуша. Київ, 2022; Україна в XIX столітті: людність та імперії / В. Шандра, О. Аркуша. Київ, 2022.

3 Шлях з первісності у цивілізацію. Українські шати середньовіччя / В. Балушок та ін. Київ, 2023.

уничтожить украинскую нацию». Основные вехи этого периода – «три больших голода 1921–1923, 1932–1933, 1947 гг. (как трагедия нации, попавшей под иностранное/коммунистическое господство, и свидетельство намерений уничтожить основу нации, крестьянство), националистическое движение 1920–1950-х гг. (как пример трагической и героической борьбы нации за свободу), Вторая мировая война (как пример трагедии негосударственной нации, оказавшейся в эпицентре схватки двух тоталитарных режимов), политические репрессии 1920–1950-х гг. (как сюжет об уничтожении цвета нации — интеллигенции и любых проявлений непокорности), хрущевская "оттепель" и шестидесятники, брежневский застой, горбачевская перестройка и торжество исторической справедливости: превращение Украины в независимое государство в 1991 г.»[4]. Между тем хотелось бы обратить внимание на еще одно явление – советскую украинизацию, которая не попала в перечень украинского историка, но не менее показательна для анализа происходящих в украинской историографии процессов. Представляется интересным проанализировать оценку этого феномена в обобщающих коллективных академических трудах, создающих украинский исторический гранд-нарратив. Большинство таких трудов было подготовлено одним из ведущих научных учреждений – Институтом истории Украины НАНУ, которым с 1993 г. руководит академик НАНУ В. А. Смолий. Этот институт, в котором работают специалисты высокой квалификации, является одним из основных партнеров государства в профессиональной исторической среде.

Как указывает Г. В. Касьянов, «в 1993 г. со стороны государства достаточно явно прозвучал заказ на создание "истории украинского народа", сформулированный президентом Л. Кравчуком». Началась подготовка многотомного издания «по образцу и подобию "Истории Украинской ССР"». Как считает украинский историк, проект не состоялся из-за экономического кризиса. Тем не менее в конце 1990-х гг. вышло многотомное издание «Украина сквозь века», впрочем, подчеркивает Касьянов, «проект "украинского миллениума" не получился»: «по сути, каждый том был авторской версией понимания определенного периода истории Украины»[5].

Новые подходы и оценки прошлого были отражены в двухтомнике «История Украины: новое видение», подготовленном в середине

4 *Касьянов Г.* Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М., 2019. С. 345–346.

5 Там же. С. 284–285.

1990-х гг. учеными Института истории Украины. Националистический нарратив представлен здесь еще не в самом радикальном своем варианте. Советская украинизация была освещена довольно кратко (текст занимает около двух с половиной страниц) и трактовалась как украинская разновидность политики коренизации, провозглашенной в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б). «После осуществления в 1922 г. “автономизации” национальных республик центральное руководство считало необходимым уделить повышенное внимание развитию культур народов СССР», – подчеркивается в монографии. Украинские специалисты обратили внимание на расхождение внешних форм и содержания украинизации: «Декларировалось, что основной целью этой политики является содействие развитию культур и языков национальностей. Но на первом плане у государственной партии были другие задачи: укорениться в национальных республиках (отсюда и название политического курса – коренизация). Чтобы укрепить свое влияние в республиках, партия должна была разговаривать с населением на его языке и создать собственных аппаратчиков из местных кадров». Однако украинские ученые в середине 1990-х гг. не отвергают определенного положительного эффекта советской политики: «Но несомненно, что коренизация имела побочный эффект в виде стремительного развития подавленных до того национальных культур»[6]. Среди весомых результатов украинизации значится увеличение численности украинцев среди служащих государственного аппарата, массовые наборы украинцев в партию, продвижение украинского языка в сфере образования, издательской сфере и т. д.[7]

Очевидно, что на выработку концепции национальной истории немалое влияние оказала книга Ореста Субтельного (1941–2016) «Украина. История», изданная на украинском языке в Киеве в 1991 г. Напомним, что канадский историк украинского происхождения, ставший в 1992 г. иностранным членом НАНУ, в своей работе утверждал, что «коммунистической партии в первые годы ее правления все еще ощутимо не хватало поддержки нерусских народов», она «оставалась крохотной, преимущественно русской и городской организацией», которая чувствовала себя неуверенно среди крестьянства и «нерусских масс», «колебавшихся в своих настроениях и не знавших, какую власть поддержать». Именно поэтому, «когда

6 Історія України: нове бачення: У 2-х т. / В. Ф. Верстюк та ін.; під ред. В. А. Смолія. Київ, 1996. Т. 2. С. 203.

7 Там же. С. 204.

нэп успокоил крестьянство, партия начала кампанию, направленную на расширение поддержки со стороны нерусских народов, на завоевание их благосклонности»[8]. Такая оценка причин советской украинизации прочно вошла в украинскую историографию.

На 1990-е и нулевые годы пришелся, пожалуй, пик популярности темы советской украинизации, хотя интерес не угасал и в дальнейшем. Несмотря на обилие работ, обобщающих фундаментальных трудов академического уровня по украинизации явно недостает. К числу последних в полной мере можно отнести коллективную монографию «“Украинизация” 1920–30-х годов: предпосылки, достижения, уроки», которая вышла в 2003 г. Ее авторы пытались ответить на вопрос, «был ли украинизаторский курс реальным осознанием необходимости децентрализаторских шагов или заранее спланированным обманом, широкомасштабной провокацией». «Истина, очевидно, лежит где-то посередине, – говорится в монографии. – Большевики умели маневрировать на грани коварства и полного аморализма. Но в умении перехватывать инициативу, предвидеть возможные осложнения им также не откажешь»[9].

Следует признать, что представленные в данной монографии постулаты позднее неоднократно цитировались в украинской историографии. В частности, указание на необходимость разграничивать два явления, обозначающиеся одним и тем же термином «украинизация»: проводимую властями национальную реформу и «национально-культурное движение масс, подчиненное задачам национального возрождения»[10]. Неоднократно повторялся и тезис о том, что советская украинизация – типичное проявление «этнополитики советского режима на Украине»[11] – была политикой неоднозначной, непоследовательной, но, тем не менее, оказавшей влияние «на политизацию этничности», политическое сознание, мобилизацию на достижение общенациональных целей[12].

Начиная с нулевых годов появился ряд трудов обобщающего характера, причем во многих из них историю украинизации излагал известный советский и украинский историк С. В. Кульчицкий. Так,

---

8 *Субтельний О.* Україна: історія. Київ, 1991. С. 337.

9 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В. А. Смолій; керівник авт. кол. В. М. Даниленко. Київ, 2003. С. 6.

10 Там же. С. 7.

11 Там же. С. 189.

12 Там же. С. 190.

он принимал участие в вышедшей в 2004 г. монографии «Украина и Россия в исторической ретроспективе», второй том которой носил название «Советский проект для Украины». «Большевики готовы были идти на далеко идущие уступки угнетенным нациям в деле возрождения их языка и культуры, даже в становлении национальной государственности, – пишет С. В. Кульчицкий. – Государственность была главным требованием угнетенных наций, но большевики могли идти им навстречу без всякого ущерба для своей власти вследствие взаимосвязанности партийной диктатуры с государственностью в ее советской оболочке»[13]. Одновременно признается, что «осуществляемая из Кремля политика украинизации не могла не способствовать преодолению русификации Украины, росту национального самосознания народных масс, наконец, государственническим устремлениям народа». Эти последствия «были нежелательны для Кремля», который, впрочем, понимал, что «невозможно контролировать Украину только с помощью военной силы», а «украинцы должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть»[14].

Признавая весомость результатов украинизации[15], С. В. Кульчицкий подчеркивает, что «привитие тоталитарных властных структур общественному организму Украины сопровождалось большим культурным подъемом, названным в литературе национальным возрождением 20-х гг.». Именно благодаря усилиям национальной интеллигенции «были получены весомые достижения в развитии образования, науки, литературы и искусства», только небольшая группа ответственных работников КП(б)У – «в основном бывших боротьбистских[16] вождей, которые сплотились вокруг Н. Скрыпника» – действовала в интересах национального возрождения[17]. Одновременно Кульчицкий не преминул заметить, что «украинизация не затрагивала интересов

13 Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси в 3-х т. Т. 2. Радянський проект для України / відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2004. С. 105.

14 Там же. С. 106.

15 Там же. С. 108.

16 Боротьбисты – члены украинских партий социалистической, а затем коммунистической направленности, действовавших в 1918–1920 гг.: Украинской партии социалистов-революционеров (боротьбистов), Украинской партии социалистов-революционеров (коммунистов-боротьбистов), Украинской коммунистической партии (боротьбистов). Название партий связано с названием газеты «Боротьба».

17 Україна і Росія в історичній ретроспективі. Т. 2. С. 105.

русскоязычного населения, но русская интеллигенция на Украине впервые почувствовала себя национальным меньшинством»[18].

Результатом усилий созданной в 2002 г. украинско-российской комиссии историков стало издание истории Украины на русском языке, подготовленное украинскими учеными, и истории России на украинском, написанное их российскими коллегами[19]. Руководителем авторского коллектива очерков истории Украины был С. В. Кульчицкий. В этом труде украинизация также трактуется как политика вынужденная: «Советская Россия завоевала Украину с третьей попытки, однако удерживать ее только военной силой было невозможно. Граждане Украины должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть. Представителям этой власти следовало общаться с ними на их родном языке»[20]. Кампания украинизации «сопровождалась весьма интенсивным национальным подъемом», а «представители интеллигенции, начиная с М. С. Грушевского, которые в прошлом создавали демократическую государственность украинского народа, нашли применение своим силам в советских условиях». Благодаря усилиям последних, подчеркивали украинские специалисты, были получены «весомые результаты в развитии национального образования, науки, литературы и искусства». Авторы очерков считают нужным констатировать: «Можно утверждать, что за 20-е гг. советская власть на Украине (в том числе ее силовая составляющая) вполне укоренилась»[21].

До Евромайдана были подготовлены еще несколько интересных обобщающих работ. В 2012 г. вышел труд под названием «Национальный вопрос на Украине XX – начала XXI вв.». Авторы раздела о советской политике, Г. Г. Ефименко и Л. Д. Якубова, трактуют украинизацию через призму модернизации, обращая внимание на то, что перед большевистским руководством стояла задача экономического восстановления страны, главная сложность которой заключалась «в объективной обусловленности практического курса на строительство социализма в одной стране»[22]. Для строительства нового общества принципы

18 Там же. С. 111.

19 Нариси історії Росії: Пер. з рос. / Б. В. Ананьїч та ін.; за заг. ред. О. О. Чубар'яна. Київ, 2007; История Украины: научно-популярные очерки / под ред. В. А. Смолия. М., 2008.

20 История Украины: научно-популярные очерки. С. 626.

21 Там же. С. 628.

22 Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси / відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2012. С. 211.

индустриализма нужно было перенести на гуманитарную сферу и национальные отношения, дабы регулировать формирование мышления людей. «Для воплощения принципов индустриализма компартийной власти нужно было взять под контроль национально-культурную жизнь и соответствующим образом видоизменить психологию масс, – говорится в монографии. – Наиболее действенным средством в выполнении этой цели и стала введенная в 1923 г. политика коренизации. Главное ее содержание заключалось в содействии изучению и пропаганде коммунистических идей на родном для народных масс языке (на Украине – прежде всего украинском)»[23].

Однако в данной работе, в отличие от предшествующих, не акцентировалось внимание на том, что советская украинизация способствовала росту национального самосознания. Наоборот, авторы подчеркивают, что большевики стремились к созданию в будущем однородного общества без социальных и национальных различий: «Учитывая стратегическую цель коммунизма в национальном вопросе – единый язык, единая культура, все централизовано, унифицировано и стандартизировано, – от которой никоим образом не отказывались, можно сделать вывод, что, по замыслу компартийной верхушки, политика коренизации в УССР должна была способствовать распространению на украинском языке идеи о необходимости уничтожения национальных и языковых различий. Такая политика со временем вполне логично привела к распространению идеи о необходимости “приближения” украинского языка к русскому с целью их дальнейшего “слияния”»[24]. Национально-культурная составляющая украинизации, по сути, сводилась к языковой, а «заигрывание большевистских руководителей с лояльной к советской власти украинской интеллигенцией обусловливалось не столько влиянием последней на украинское крестьянство, сколько насущной необходимостью использовать этот наиболее образованный слой украинского общества для стремительного и качественного повышения культурно-образовательного уровня народных масс»[25].

В 2013 г. увидела свет работа «Власть и общество на Украине. Исторический контекст». В разделе о государстве и обществе в советскую эпоху звучат положения, присущие более ранней работе – «Украина и Россия в исторической ретроспективе», – что не вызывает удивления, поскольку и в 2004, и в 2013 гг. разделы принадлежат перу

23 Там же. С. 212.

24 Там же. С. 212–213.

25 Там же. С. 213.

С. В. Кульчицкого. «Как и везде, украинизация способствовала преодолению русификации, росту национального самосознания народа, его государственническим устремлениям. Это были нежелательные для Кремля последствия политики, которая осуществлялась с целью укоренения советской власти. Но на Украине эти последствия проявлялись сильнее. По территории, которую украинцы занимали, в том числе в соседней Российской Федерации, по количеству населения, по духовной соединенности с соотечественниками в Польше, Чехословакии и Румынии, по распространенности традиций освободительной борьбы они не шли в сравнение с другими народами тех национальных регионов, которые тоже вынуждены были довольствоваться квазигосударственностью в виде советской республики», – подчеркивает украинский историк[26]. Признавая влияние политики большевиков на развитие национальных процессов, Кульчицкий считает, что это было заслугой «сравнительно немногочисленной группы ответственных работников КП(б)У, которых принято называть национал-коммунистами»[27].

С. В. Кульчицким также был написан текст об украинизации в коллективной монографии 2013 г. «Отношения государства, общества и личности при создании советского строя на Украине». В работе содержится ставший традиционным тезис об укоренении советской власти, одновременно историк по-прежнему считает необходимым отметить влияние украинизации на культурные и национальные процессы: «Следует признать, что кампания коренизации способствовала развитию культуры титульных наций, хотя государство в первую очередь рассчитывало на укоренение своей власти в обществе. Этот расчет оправдался: советская власть, которая за 1917–1919 гг. устанавливалась на Украине трижды, утратила оккупационный характер именно потому, что ей удалось найти общий язык с местными политическими силами еще до объявления официального курса на украинизацию». В то же время в этой работе историк представил советскую национальную политику через концепт титульной нации: коренизация предусматривала «предоставление нации возможности свободно развиваться в пределах ее собственной административно-территориальной единицы»[28]. В отличие

26 Влада і суспільство в Україні. Історичний контекст / відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2013. С. 359.

27 Там же. С. 362.

28 Відносини держави, суспільства і особи під час створення радянського ладу в Україні (1917–1938 рр.): у 2 т. / відп. ред. В. Смолій. Київ, 2013. Т. 1. С. 110.

от Г. Г. Ефименко и Л. Д. Якубовой, заостряющих внимание на стремлении большевиков создать в будущем национально однородное общество, С. В. Кульчицкий считает, что советская власть хотя и подчеркивала свой интернационализм, но всегда отличала граждан по признаку этничности, причем «этот признак становился весомым не сам по себе, а только в сочетании с принадлежностью к титульной нации»: «Преследуемые на Украине за “буржуазный национализм”, украинцы часто спасались в Российской Федерации, где переставали быть представителями титульной нации, то есть теряли свой политический статус». Иными словами, «опасными для власти были только украинцы со статусом представителей титульной нации», но в то же время «в репрессивных действиях на Украине центральная власть пряталась за маску подчеркнутой украинофилии»[29].

С Евромайдана началась новая волна национализации истории. В 2015 г. Институт истории Украины издал коллективную монографию «Общество и власть на советской Украине в годы нэпа (1921–1928)». Как и в предыдущих работах, раздел, содержащий оценку формы и содержания советской украинизации, писал С. В. Кульчицкий. С его точки зрения, большевики должны были найти «формулу интеграции социально-экономических и национальных аспектов общественно-политической жизни, пригодную для использования в созидательной форме, а не в условиях гражданской войны». Первым шагом стало создание СССР, следующим – национальная политика, ориентированная на вовлечение в коммунистическое строительство нерусского населения[30]. Вместе с обобщающим термином – коренизация – возникли и производные от названия титульной нации в каждой национальной республике. «Такая детализация оказалась на удивление удачным шагом компартийных пропагандистов. Она терминологически объединяла задачи укоренения советской власти с процессами национального возрождения, которые были главной целью демократических государств, возникших на руинах Российской империи»[31], – отмечает историк.

В работе также акцентируется внимание на том, что большевики «признали советскую государственность угнетенных до революции наций». Впрочем, партийная диктатура обеспечивала централизацию политического режима, а «ощущение суверенной

29 Там же. С. 111.

30 Суспільство і влада в радянській Україні років непу (1921–1928): у 2 т. / відп. ред. С. Кульчицький. Київ, 2015. Т. 1. С. 100.

31 Там же. С. 101.

национальной государственности» было обманчивым[32]. Следует признать, что и в 2015 г. по-прежнему звучит тезис о том, что «украинизация способствовала преодолению русификации, росту национального самосознания народа, его государственническим устремлениям»[33]. Одновременно Кульчицкий хотя и именует советские республики квазигосударственностью, но не считает УССР колонией: «Утверждения о колониальном положении Украины в Советском Союзе также не имеют под собой почвы, и уже потому, что в государстве-коммуне не было метрополии в общепринятом значении этого термина, а без метрополии теряет смысл понятие колонии. Русский язык оставался в статусе lingua franca[34], но Советский Союз строился на основе политизации этничности. Политизация этничности превращала нации, не исключая и великорусскую, в этносы, лишенные реальных государственных прав. Права и привилегии граждан независимо от их национальности и даже от места в иерархии власти, если речь шла о номенклатурных работниках, были узурпированы центром, который сузился до нескольких вождей»[35].

Вплоть до последнего времени в обобщающих трудах по истории Украины историки не игнорировали положительных последствий украинизации, хотя и подчеркивали противоречивость и «лицемерность» советской политики. Так, в выпущенной Институтом политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАНУ в том же 2015 г. работе «Украинская культура: цивилизационное измерение» ее авторы Я. С. Калакура, О. А. Рафальский и М. Ф. Юрий считают, что «реализация политики коренизации имела положительные последствия: функционировали национальная школа, пресса, книгоиздательство, в том числе для национальных меньшинств», хотя украинизация государственных учреждений и партийного аппарата происходила с большими сложностями из-за сопротивления со стороны служащих государственных учреждений и работников партийного аппарата[36].

32 Там же. С. 103.

33 Там же.

34 Лингва франка (от итал. lingua franca – франкский язык) – функциональный тип языка, используемый в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов.

35 Суспільство і влада в радянській Україні років непу (1921–1928). Т. 1. С. 102–103.

36 *Калакура Я. С., Рафальський О. О., Юрій М. Ф.* Українська культура: цивілізаційний вимір. Київ, 2015. С. 371.

«Культурные явления, которые не поддавались контролю со стороны государства и партии или в ходе национально-культурного возрождения выходили из-под соответствующего идеологического влияния, становились объектами репрессивной политики», – подчеркивают авторы, одновременно признавая, что украинизация дала толчок развитию «других сфер украинской культуры, в частности, под партийным патронатом создавался ряд литературных и художественных организаций»[37].

Совершенно иные подходы демонстрирует Л. Д. Якубова, автор раздела об этнонациональном развитии Советской Украины в коллективном труде Института истории Украины 2021 г. «Украина и украинцы в постимперский период (1917–1939)». Основной акцент она делает на осмыслении феномена нации вообще и украинской в частности и доказательстве того, что политика большевиков не повлияла на развитие последней. «Утверждение конструктивистов о том, что нации как крупные социальные феномены создаются на этапе модернизации национальными (политическими и культурными) элитами, получило всеобщее распространение. Банальная, не отягощенная углублением в местный материал, интерпретация тезиса привела к возникновению, а в начале XXI в. и доминированию в зарубежной историографии мнения о том, что советская власть является чуть ли не творцом всех постсоветских наций»[38], – пишет Якубова, ссылаясь в сноске на работы Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Т. Рейнджера, Р. Г. Суни и Т. Мартина. Украинский историк настаивает на «искусственности и ограниченности такого подхода», признавая, впрочем, что «выяснять суть советского эксперимента по так называемому решению национального вопроса во времена коренизации придется еще долго»[39]. Особое негодование украинского историка вызвало то обстоятельство, что Р. Г. Суни и Т. Мартин пришли «к парадоксальному выводу об ущемлении прав русских во время политики коренизации»[40].

Л. Д. Якубова фактически отрицает важность наработок неукраинской историографии: «Подытоживая подходы западных коллег к анализу и интерпретации сути и последствий советской коренизации, следует отметить, что мало кому из них удалось выйти за рамки ситуативного объяснения отдельных причинно-следственных связей.

37 Там же. С. 372.

38 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939). С. 426.

39 Там же. С. 427.

40 Там же. С. 431.

Традиционно сказывается неизменный россиецентрический подход, экстраполяция "российского опыта" (ведь подавляющее большинство исследователей если и работали с аутентичными архивами, то преимущественно в Москве, и до сих пор не знают украиноязычных источников, а тем более источников на языках этнических меньшинств) и западноевропейских теоретических клише, мало пригодных для анализа украинского опыта. В фокусе исследований, как правило, оказываются Москва/Кремль и сложные/противоречивые отношения центра с национальными республиками, в частности Украиной. При этом колоссальный уникальный опыт *внутриреспубликанских отношений и собственно украинских экспериментов* остается без внимания. Вместе с тем именно он является бесценным достоянием Украины, ее крестом и родовым отличием, продолжающим влиять на современность. Осмелимся утверждать, что его знание *абсолютно обязательно* для понимания сущности процесса украинского нациетворчества и современных вызовов»[41].

Отчасти украинский историк права: действительно, западные специалисты – впрочем, и не только они – много внимания уделяют позиции центрального партийного руководства, что не удивительно, учитывая его влияние на определение путей развития советского государства. Однако вряд ли стоит огульно отрицать знакомство западных коллег с украинскими реалиями. Например, Т. Мартин работал не только в московских архивах, но и в киевских – в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины и Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины[42]. Еще более резкие слова заслужила российская историография, оценка которой приведена в сноске. С точки зрения Л. Д. Якубовой, последняя «остается во многом созвучной с партийными постановлениями X, XII съездов ВКП(б) и других центральных и региональных форумов. Авторы в основном и дальше утверждают, что ведущей целью коренизации было содействие национально-культурному развитию этносов на постимперских пространствах»[43]. Существуют, по мнению украинского историка,

41 Там же. С. 427. Здесь и далее в цитатах курсив принадлежит Л. Д. Якубовой.

42 Подробнее об архивных источниках см.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С 636–638.

43 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939). С. 427.

«немногочисленные исключения» в российской историографии – В. Дённингхаус. Якубова упоминает его монографию, изданную в 2011 г. в Москве на русском языке[44]. Последнее обстоятельство требует пояснения: впервые работа издана как публикация Федерального института культуры и истории немцев в Восточной Европе (ФРГ), о чем сделана специальная запись в русском издании[45]. Виктор Дённингхаус родился в 1964 г., в 1993 г., уже на независимой Украине, окончил аспирантуру Днепропетровского государственного университета, в 2006 г. прошел хабилитацию во Фрайбургском университете Альберта Людвига, работал во Фрайбурге, Дюссельдорфе, Констанце, Гамбурге, в Немецком историческом институте в Москве, с 2014 г. – заместитель директора Нордост-Института в Люнебурге[46].

В целом историографический экскурс является не самой сильной стороной раздела. Тем не менее следует согласиться с мнением украинского историка о том, что изучение «частностей на местном материале» необходимо[47]. Впрочем, следует учитывать как региональную/республиканскую специфику, так и общесоюзные и геополитические реалии, дабы выяснить, насколько местные особенности исключительны, насколько самостоятельно было республиканское руководство и т. д.

Требуют доказательной базы и другие замечания Л. Д. Якубовой. Она пишет, что курс на коренизацию, «который в УССР принял форму украинизации и коренизации в отношении этнических меньшинств», был принят «в синтезе с другим ключевым политическим событием 1923 г. – созданием СССР (6 июля 1923 г.)»[48]. В данном случае автор отказывается от устоявшейся в историографии даты создания СССР[49] (как и Г. Ефименко в другом разделе) переносит ее

---

44 *Дённингхаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011.

45 *Dönninghaus V.* Minderheiten in Bedrängnis. Sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938. München, 2009. 693 s. = Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, 35.

46 URL: https://www.ikgn.de/institut/wissenschaftliches-team/victor-doenninghaus.html (дата обращения: 22.04.2024).

47 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939). С. 427.

48 Там же. С. 435.

49 Впрочем, в коллективной монографии присутствует целый раздел, написанный Г. Ефименко и посвященный этим событиям: Від договірної федерації до союзу республік (1921–1923) // Там же. С. 247–264.

с 30 декабря 1922 г., когда был подписан Договор об его образовании, на 6 июля 1923 г., когда II сессия ЦИК СССР приняла ряд важных решений, в том числе постановление о введении в действие конституции союзного государства.

Как и в работе 2012 г., в 2021 г. Л. Д. Якубова подчеркивает интернационализм большевиков: «…развивать политическую теорию в национальном направлении большевики не считали нужным, поскольку основой большевизма провозглашался интернационализм»[50]. Практика большевиков «опиралась не столько на теорию, сколько на террор и политическую демагогию, неоднократно меняя векторы и провозглашая предыдущий временным отступлением от генеральной линии»[51]. Как пишет украинский историк, «создание советских наций не было идеей фикс или по крайней мере ориентиром большевистского руководства, а всего лишь инструментом ускорения исторического транзита от одной социально-экономической формации к другой»[52]. «В отношении Украины основополагающий вопрос историков-конструктивистов – "Кто и когда создал советские (в частности, украинскую) нации?" – приобретает неожиданное метафорическое звучание, – настаивает Якубова. – Зная историю Украины, следует подчеркнуть, что социальный феномен, который ныне называют украинской нацией, скорее не родился в результате создания, а смог выжить в условиях угнетения. То есть *вопреки*, а не *благодаря*. В этом, вероятно, и заключается нетипичность украинского опыта»[53].

Л. Д. Якубова транслирует характерные для украинской историографии постулаты: большевики не имели на Украине «реальной поддержки ни в среде крестьянства, ни в среде рабочих, а тем более среди рядовых городских обывателей»[54], коренизация была вынужденной тактической уступкой, необходимой для налаживания взаимоотношений с населением[55]. Признавая новаторский характер политики коренизации, украинский историк дает вызывающую множество вопросов оценку: «Экстраординарность этнокультурной ситуации в УССР определялась, во-первых, тем, что веками возводимый на позиции второстепенного, неполноценного этнос получил возможность

50 Там же. С. 428.
51 Там же. С. 429.
52 Там же. С. 430.
53 Там же. С. 431.
54 Там же. С. 435.
55 Там же. С. 438.

распространить свои этнические особенности на все сферы государственной жизни и занять соответствующее удельному весу населения место в государственных учреждениях (что само по себе было существенным шагом вперед в этногенезе украинства)»[56].

К сожалению, историк не дает каких-либо разъяснений по поводу столь жесткого определения. Относится ли данное высказывание к социальной структуре украинской нации? Малороссы в Российской империи были преимущественно сельскими жителями. В уже упоминавшихся очерках «История Украины» читаем: «По большей части украинцы были сельскими жителями (более 90% как в Австрийской, так и в Российской империях), что, как уже отмечалось выше, было характерным для традиционных обществ (в частности, для большинства народов Центрально-Восточной Европы того времени). Правда, в отличие от чехов, поляков и пр., украинцы на конец XVIII в. почти полностью потеряли собственную земельную шляхту, их было крайне мало среди чиновников, представителей “свободных” профессий, военных. Таким образом, социальный состав украинцев в XIX столетии мало изменялся и отличался однородностью и нехваткой сословной дифференциации»[57].

Считались ли малороссы в Российской империи людьми «второго сорта»? Безусловно, запретительные меры в отношении малороссийского языка имели место (Валуевский циркуляр, Эмсский указ[58]), что не удивительно, учитывая важность для имперской власти политической лояльности, наличие иерархии сословий и культур[59]. Однако на официальном уровне речь шла о триедином русском народе и трех

56 Там же. С. 441.

57 История Украины: научно-популярные очерки. С. 367–368.

58 Так называемый Валуевский циркуляр 1863 г. – предписание министра внутренних дел Российской империи П. А. Валуева цензурным комитетам о запрете печатания литературы на малороссийском языке – религиозной, учебной и предназначенной для начального чтения. Ограничения не касались произведений в области изящной словесности. Эмсский указ – наименование выводов Особого совещания для пресечения украинофильской пропаганды, подписанных Александром II в 1876 г. в германском городе Бад-Эмс – предусматривал запрет на издание в Российской империи и ввоз из-за границы книг на малорусском наречии, постановку сценических представлений и др. ограничительные меры.

59 *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: Украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: История взаимоотношений / отв. ред. А. И. Миллер и др. М., 1997. С. 125–144.

его «ветвях» – великороссах, малороссах и белорусах, что не подразумевало какой-либо дискриминации по этническому признаку. Более того, анализируя этнокультурные стереотипы малороссов в российской культуре второй половины XIX в., М. В. Лескинен указывает: «“Малороссийский народ” представал в крестьянской ипостаси, выступая хранителем традиций славянской и русской старины, верований, идеалов и норм патриархальной жизни, утерянных в “великороссийской” среде с петровскими преобразованиями и просвещением. В основе образа щедрого и доброго “хохла” лежало восприятие Малороссии как утопического топоса, как “русской Аркадии”, края плодородия и изобилия, “земли, текущей медом и молоком”. Это рождало образ народа сытого, довольного, веселого и добродетельного. […] Устойчивым романтическим стереотипом становится также идеализированный образ южанки-малороссиянки – яркой красавицы, пленительной, всегда темпераментной и энергичной, – в соответствии с известным романтическим противопоставлением “нравов” северных и южных народов. Ее характерными чертами были черные глаза, темные волосы, смуглая кожа, румянец и бойкость»[60].

Рассматривая практику советской коренизации, Л. Д. Якубова вполне справедливо отмечает, что «в СССР/УССР она внедрялась в особом правовом поле без определения терминов “национальное меньшинство”, “коренной народ”, “титульная нация” и основывалась на отрицании предоставления какому-то одному языку статуса государственного»[61]. Следует заметить, что украинский историк много внимания уделила мероприятиям в отношении этнических меньшинств. Это, безусловно, является плюсом работы, отличающим ее от многих других обобщающих трудов по данной теме. Однако это явилось и минусом очерков, поскольку реалиям собственно украинизации практически не уделено внимания. Так, рассуждая об образовательной стороне коренизации, Якубова приводит подробный список немецких, еврейских, польских, болгарских, татарских, чешских, армянских, греческих школ[62], но в этом длинном перечне украинские школы не упомянуты вообще. Рассматривая издательскую деятельность, Якубова

60 *Лескинен М. В.* Этнокультурные стереотипы малорусов и белорусов в визуальных текстах российской культуры второй половины XIX в.: проблемы интерпретации // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 2. С. 17.

61 Україна й українці в постімперську добу (1917–1939). С. 444.

62 Там же. С. 445.

перечисляет количество книг на русском, болгарском, греческом, еврейском, молдавском, польском, немецком, татарском и чешском языках, но ничего не пишет о книгах на украинском языке[63].

В то же время, рассматривая борьбу сталинского руководства с интеллектуальной оппозицией, Л. Д. Якубова много внимания уделяет «экзекуции народнической части украинских элит»[64]. Такой подход к интерпретации советской национальной политики в определенной степени объясняется желанием изложить сложные реалии советской действительности через призму колониального подхода. Якубова, в отличие от своих коллег, описывающих украинизацию в более ранних работах, отрицает какое-либо влияние большевистской политики на нациестроительство. «Вряд ли можно обоснованно утверждать, что с провозглашением курса на коренизацию/украинизацию и его имплементацией в украинском законодательстве багаж колониального прошлого, последствия изнурительного культурного донорства метрополии, навязанного – и многими принятого – провинциализма исчезли автоматически, – делает вывод украинский историк. – Вряд ли уместно поддерживать историографические иллюзии периода перестройки о том, что коренизация создала благоприятные условия для модернизации украинцев как этнической группы. Вряд ли сейчас кто-то всерьез будет утверждать, что 1920-е гг. были временем, достаточным для оформления процессов, на которые ряду европейских наций понадобились десятилетия. Впрочем, в начале политики украинизации/коренизации большинство интеллектуалов, оказавшихся в плену тех или иных левых идеологий, предпочитали на этом не акцентировать внимание, хотя большевики были абсолютно откровенными ассимиляторами, правда, с интернационалистской риторикой»[65].

Таким образом, советская украинизация относится к одним из самых политизированных проблем в современной украинской историографии и трактуется в русле националистического нарратива, через призму политических стремлений «сознательных украинцев» и национально-освободительной борьбы. Такая схема чрезвычайно упрощает видение советской политики, не учитывает не только общесоюзные политические, социальные и культурные тенденции, но и внутриреспубликанский межэтнический контекст. Трактовка советской украинизации в обобщающих трудах на протяжении трех

63 Там же. С. 447–448.

64 Там же. С. 449.

65 Там же. С. 471.

десятков лет, прошедших после распада Советского Союза, сохраняла несколько базовых принципов: вынужденность коренизации из-за узкой базы большевистской партии в национальных республиках, противоречивость и непоследовательность курса на коренизацию, активная роль в украинизации национальных сил. Однако долгое время в обобщающих трудах признавалось влияние украинизации – в той или иной мере – на национально-культурное развитие украинцев, но в последнем крупном проекте, очерках истории Украины, большевикам отказано в каком-либо положительном влиянии на нациеобразующие процессы.

Уже после выхода в свет тома очерков истории Украины, посвященного межвоенному периоду, в 2022 г. в Украинском историческом журнале появилась статья Я. В. Верменич[66], которая еще раз попыталась привлечь внимание к проблемам советской коренизации. «Можно ли считать, что в оценках политики коренизации все точки над “і” уже расставлены? – спрашивает Верменич. – Честно признаюсь: со времени, когда я впервые погрузилась в поток информации, сосредоточенной в научных и публицистических дискурсах 20–30-х гг. и более поздних времен, меня не покидает ощущение незавершенности сделанного»[67].

Исследователь призывает избегать крайностей в интерпретации украинизации: «Нельзя, как это иногда делается, абсолютизировать достижения украинизации, не замечая неоднозначного отношения к ней в тогдашнем обществе, отмахнуться от анализа неизбежных в условиях острого идейного противоборства ошибок, крайностей, бессодержательных деклараций, ожесточенных споров. Опыт коренизации далеко не во всем положительный, особенно учитывая тот трагический подтекст, который придавала ему эпоха сталинизма. Однако нет, на наш взгляд, оснований видеть в этом процессе что-то вроде заранее спланированного обмана, а то и провокации. Практика осуществления украинизации высветила трагические в своей основе коллизии постреволюционной эпохи, которые вытекали из растерянности правящей партии, малоэффективных поисков компромисса между централизмом и федерализмом. Она развеяла иллюзии о возможности

66 Одна из авторов монографии «“Украинизация” 1920–30-х годов: предпосылки, достижения, уроки». *Верменич Я.* «Радянізація» чи «націоналізація»: ще раз про сутність політики коренізації 1920 – початку 1930-х рр. // Український історичний журнал. 2022. № 3. С. 158–175.

67 Там же. С. 161.

решения чуть ли не всех, в том числе и самых сложных, проблем путем директивного вмешательства. Но она продемонстрировала также большие резервы и возможности целенаправленного воздействия на духовную сферу с целью пробуждения национального самосознания – даже в тех сложных случаях, когда родной язык оказался утраченным уже в нескольких поколениях»[68]. С таким подходом нельзя не согласиться. История УССР, как и история советского времени в целом, нуждается в беспристрастном анализе, только по результатам которого можно давать какие-то оценки. И тут, несмотря на огромное количество публикаций, еще очень много работы.

Источники и литература

Верменич Я. «Радянізація» чи «націоналізація»: ще раз про сутність політики коренізації 1920 – початку 1930-х рр. // Український історичний журнал. 2022 № 3. С. 158–175. DOI: 10.15407/uhj2022.03.158.

Відносини держави, суспільства і особи під час створення радянського ладу в Україні (1917–1938 рр.): у 2 т. / відп. ред. В. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. Т. 1. 750 с.

Влада і суспільство в Україні. Історичний контекст / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: НАН України, Інститут історії України, 2013. 506 с.

История Украины: научно-популярные очерки / под ред. В. А. Смолия. М.: ОЛМА Меда Групп, 2008. 1070 с.

Історія України: нове бачення: у 2 т. / В. Ф. Верстюк та ін.; під ред. В. А. Смолія. Київ: Видавництво «Україна», 1996. Т. 2. 494 с.

Калакура Я. С., *Рафальський О. О.*, *Юрій М. Ф.* Українська культура: цивілізаційний вимір. Київ: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2015. 496 с.

Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: Украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: История взаимоотношений / отв. ред. А. И. Миллер и др. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.

Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 624 с.

Лескинен М. В. Этнокультурные стереотипы малорусов и белорусов в визуальных текстах российской культуры второй половины XIX в.: проблемы интерпретации // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 2. С. 15–34. DOI: 10.21638/spbu19.2022.202.

68 Там же. С. 167–168.

Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Ніка-Центр, 2012. 592 с.

Субтельний О. Україна: історія. Київ: Либідь, 1991. 512 с.

Суспільство і влада в радянській Україні років непу (1921–1928): у 2 т. / відп. ред. С. Кульчицький. Київ: Інститут історії України, 2015. Т. 1. 656 с.

Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси в 3 т. Т. 2. Радянський проект для України / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Наукова думка, 2004. 531 с.

Україна й українці в постімперську добу (1917–1939) / Л. Якубова (керівник авт. кол.) та ін.; відп. ред. В. Смолій. Київ: Академперіодика, 2021. 620 с.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В. А. Смолій; керівник авт. кол. В. М. Даниленко. Київ: Інститут історії України, 2003. 392 с.

References

Istoriia Ukrainy: nauchno-populiarnye ocherki, ed. by V. A. Smolii. Moscow: OLMA Meda Grupp, 2008, 1070 p.

Istoriia Ukraïny: nove bachennia: in 2 vols., ed. by V. F. Verstiuk, V. A. Smolii et al. Kyiv: Vydavnytstvo "Ukraïna", 1996, vol. 2, 494 p.

Kalakura, Ia. S., Rafal's'kyi, O. O., Iurii, M. F. *Ukraïns'ka kul'tura: tsyvilizatsiĭnyĭ vymir*. Kyiv: IPiEND im. I. F. Kurasa NAN Ukraïny, 2015, 496 p.

Kappeler, A. "Mazepintsy, malorossy, khokhly: Ukraintsy v etnicheskoi ierarkhii Rossiiskoi imperii." *Rossiia – Ukraina: Istoriia vzaimootnoshenii*, ed. by A. I. Miller et al. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1997, pp. 125–144.

Kas'ianov, G. *Ukraina i sosedi: istoricheskaia politika. 1987–2018*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 624 p.

Leskinen, M. V. "Etnokul'turnye stereotipy malorusov i belorusov v vizual'nykh tekstakh rossiiskoi kul'tury vtoroi poloviny XIX v.: problemy interpretatsii." *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2022, No 2, pp. 15–34. DOI: 10.21638/spbu19.2022.202.

Natsional'ne pytannia v Ukraïni XX – pochatku XXI st.: istorychni narysy, ed. by V. A. Smolii. Kyiv: Nika-Tsentr, 2012, 592 p.

Subtel'nyi, O. *Ukraïna: istoriia*. Kyiv: Lybid', 1991, 512 p.

Suspil'stvo i vlada v radians'kiĭ Ukraïni rokiv nepu (1921–1928), in 2 vols., ed. by S. Kul'chyts'kyi. Kyiv: Instytut istorii Ukraïny, 2015, vol. 1, 656 p.

Ukraïna i Rosiia v istorychniĭ retrospektyvi: *Narysy*, in 3 vols. Vol. 2. Radians'kyi proekt dlia Ukraïny, ed. by V. A. Smolii. Kyiv: Naukova dumka, 2004, 531 p.

Ukraïna ĭ ukraïntsi v postimpers'ku dobu (1917–1939), ed. by L. Iakubova, V. Smolii et al. Kyiv: Akademperiodyka, 2021, 620 p.

«Ukraïnizatsiia» 1920–30-kh rokiv: peredumovy, zdobutky, uroky, ed. by V. A. Smolii, V. M. Danylenko et al. Kyiv: Instytut istoriï Ukraïny, 2003, 392 p.

Vermenych, Ia. "«Radianizatsiia» chy «natsionalizatsiia»: shche raz pro sutnist' polityky korenizatsiï 1920 – pochatku 1930-kh rr." *Ukraïns'kyĭ istorychnyĭ zhurnal*, 2022, No 3, pp. 158–175. DOI: 10.15407/uhj2022.03.158

Vidnosyny derzhavy, suspil'stva i osoby pid chas stvorennia radians'koho ladu v Ukraïni (1917–1938 rr.), in 2 books, ed. by V. Smolii. Kyiv: Instytut istoriï Ukraïny NAN Ukraïny, 2013, book 2, 750 p.

Vlada i suspil'stvo v Ukraïni. Istorychnyĭ kontekst, ed. by V. A. Smolii. Kyiv: NAN Ukraïny, Instytut istoriï Ukraïny, 2013, 506 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.04 ***E. Yu. Borisyonok***

On the Concept of Soviet Ukrainianization in Modern Ukrainian Science

Elena Yu. Borisyonok
Doctor of History, head of the department
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Citation
Borisyonok E. Yu. On the Concept of Soviet Ukrainianization in Modern Ukrainian Science // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 82–104 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.04

Received: 24.07.2024.
Revised: 03.03.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The article analyzes the perceptions of Soviet korenization/Ukrainianization in the nationalized version of Ukrainian history. The main focus is on the generalizing academic works of modern Ukrainian historians, which were written by professional historians during the last 30 years. The works of the Institute of History of Ukraine of the National Acad-

emy of Sciences of Ukraine are analyzed. This institute is one of the leading scientific institutions and a partner of the state in the professional historical environment. The problem of Soviet Ukrainianization is extremely politicized and interpreted in the context of the nationalist narrative and the national liberation struggle. The basic principles of the concept of Soviet Ukrainianization are as follows: forced Ukrainianization due to the narrow base of the Bolshevik party in the republic, contradictory and inconsistent policy, and the leading role of national forces in promoting the Ukrainianization course. For a long time, the influence of Ukrainianization on the national and cultural development of Ukrainians was recognized. However, in the 2021 work entitled "Ukraine and Ukrainians in the post-imperial period (1917–1939)" the Bolsheviks are denied any positive influence on the nation-forming processes in the Ukrainian SSR.

Keywords
Modern Ukrainian historiography, *Soviet Ukrainianization*, *Ukrainian SSR*, *national policy of the Bolsheviks.*

УДК 94(4)»1945/1961»(438+430+47)
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.05

А. Ф. Носкова

К истории подготовки договора ПНР – ФРГ 1970 г.: от конфликта интересов к первым контактам (конец 40-х – начало 60-х гг. XX в.)

Носкова Альбина Федоровна
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: noskova.albina@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-9629-5648

Цитирование
Носкова А. Ф. К истории подготовки договора ПНР – ФРГ 1970 г.: от конфликта интересов к первым контактам (конец 40-х – начало 60-х гг. XX в.) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 105–138.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.05

Статья поступила в редакцию 25.06.2024.
Рецензирование завершено 17.09.2024.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
После завершения Второй мировой войны в международных отношениях стран Центральной и Восточной Европы одной из важнейших являлась проблема урегулирования западной границы Польши (ПНР) по линии Одер – Нейсе. Ее решение осложнилось в результате создания двух германских государств – ФРГ и ГДР, взаимно друг друга не признававших. Польша смогла добиться заключения Згожелецкого договора 1950 г. с граничившей с ней ГДР о признании границ, в т. ч. по линии Одер – Нейсе. Эта граница не признавалась ФРГ в лице канцлера К. Аденауэра и правящей коалиции ХДС/ХСС. Руководство ФРГ готово было развивать контакты с ПНР в обход вопроса о границе, по линиям экономического и культурного сотрудничества, время от времени напоминая польской стороне о непризнании линии Одер – Нейсе. Указанная тактика Аденауэра реализовывалась через обмен мнениями с польской стороной посредством прессы и публичных выступлений, а также через контакты представителей польского правительства с неофициальным эмиссаром канцлера – влиятельным немецким промышленником Б. Байцем.

ПНР поддерживала эти связи, однако в главном ее позиция оставалась твердой: сначала признание линии Одер – Нейсе, потом установление дипломатических отношений. Такой подход ПНР к отношениям с ФРГ был возможен в том числе и благодаря СССР, последовательно отстаивавшему указанную германо-польскую границу начиная с 1945 г.

Ключевые слова
Польская Народная Республика, *Федеративная Республика Германия*, *германо-польские отношения*, *история внешней политики СССР*, *нерушимость границ*, *территориальная целостность*.

Договор – это итог соотнесения взаимных интересов, результат политических намерений и дипломатических усилий, в данном случае польских и немецких политиков. Это – всегда добровольная или вынужденная, но деловая политическая сделка с целью достижения немедленных или отложенных приобретений. Послевоенный договор – сделка вдвойне, ибо, как правило, это наказание проигравших волею выигравших и поощрение победителями самих себя. Послевоенный договор – это, наконец, итог политико-дипломатического состязания победителей за место и роль в послевоенном мироустройстве. В науке этот процесс назван мирным урегулированием отношений. Применительно к побежденной во Второй мировой войне Германии и к интересующей нас «малой» победительнице – Польше этим занимались лидеры держав антигитлеровской коалиции И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт в Ялте и Потсдаме в 1945 г. Они «передвигали» государственные границы, умиротворяя поляков и наказывая немцев, «переселяли» тех и других, преследуя собственные геополитические интересы в Европе. В результате их деятельности в 1945 г. поляки окончательно лишились в пользу СССР западноукраинских и западнобелорусских земель, завоеванных у Австро-Венгрии и России в 1918–1920 гг. В Польше они именовались «восточными кресами» и с сентября 1939 г. находились в составе СССР. Взамен Польша в 1945 г. получила от трех великих союзников «под управление» восточные и северо-восточные земли Германии до линии рек Одер – Нейсе, а также балтийское побережье, включая порт Щецин (Штеттин) и две трети Восточной Пруссии. Согласно принятому Советским Союзом по праву главного победителя постановлению ГКО СССР от 20 февраля 1945 г. и заключенным в апреле и августе 1945 г. советско-польским договорам о дружбе и границе

с Польшей, линия рек Одер – Нейсе превратилась в восточную границу советской зоны оккупации Германии. Указанные договоры и решения великих держав, принятые в августе 1945 г., гарантировали неприкосновенность новых западных и северо-западных земель, западной и восточной границ Польши и закреплялись присутствием здесь ограниченных контингентов советских войск.

Так по итогам войны возродилось новое государство Польша. Утвердилась неизменяемость национальной территории проживания поляков вплоть до возвратного на этот счет решения тех, кто границу по Одеру – Нейсе установил в 1945 г., т. е. представителей трех великих держав. Правда, общественное сознание многих поляков тревожили утрата «восточных кресов» в пользу СССР, неустановленный срок пользования территориальными приобретениями за счет довоенной Германии, лидирующие политические позиции коммунистов в системе новой коалиционной власти.

Немцы – бывшие граждане побежденной страны жили теперь на территории, поделенной на 4 оккупационные зоны. Одна из них, восточная и северо-восточная, была под контролем советской администрации. Три другие (американская, английская, французская) находились под контролем западных союзников и в политическом смысле вместе именовались Западной Германией. По условиям установленного союзниками оккупационного режима немцы утратили единую национальную государственность и немалую часть территории в пользу Польши и отчасти СССР. Они были поражены и в гражданских правах. С постепенным смягчением оккупационного режима в Германии ситуация менялась, и в 1949 г. появились два отдельных немецких государства: Западная Германия стала Федеративной Республикой Германия, а территория советской зоны – Германской Демократической Республикой.

Согласно Основному закону ФРГ (1950 г.), территория довоенной Германии, включая территорию ГДР, считалась «подведомственной» только правительству в Бонне. Несмотря на то, что ФРГ обрела институты национальной власти и органы местной администрации, в 50-е гг. XX в. ее внутренняя жизнь по-прежнему контролировалась оккупационными войсками западных держав, а внешняя политика была значительно ущемлена. Оформившаяся тогда же ГДР, контролируемая Москвой, располагала основными признаками государственности и обладала близкими к советскому типу социально-политическими порядками. Однако присутствием советских оккупационных войск она была существенно ограничена как во внутренней политике, так

и в области международных отношений. Тем не менее ГДР в 1950-е гг. имела дипломатические отношения с СССР и союзными странами Восточной Европы, за исключением Югославии, а также с некоторыми иными государствами.

С оформлением двух немецких государств единый немецкий народ был разделен «внутренней» государственной границей между ФРГ и ГДР. В ГДР ее назвали Государственная граница «Запад». При специфике и отчасти похожести внутренней политической ситуации в ФРГ и ГДР общим был национальный состав их населения – немцы, коренные и выселенные с бывших немецких территорий, переданных Польше и СССР. И в Польше теперь жили в подавляющем большинстве поляки, в том числе – переселенцы, в основном с советских западных и юго-западных территорий. Они осваивали земли, ранее бывшие немецкими. Положение и немцев, и поляков усложняли так и не принятые в 1945 г. главами великих держав *окончательные решения о границе по линии Одер – Нейсе*, которая теперь была границей между ПНР и ГДР[1].

В условиях наступившей «холодной войны», формирования военно-политического противостояния восточного и западного блоков, в особо напряженной атмосфере конца 1940-х – 1950-х гг. происходило расширение военного потенциала существовавших с весны 1955 г. двух военно-политических блоков: на востоке континента – Организации Варшавского договора (ОВД), на западе – НАТО[2]. Командованием НАТО рассматривался вопрос об оснащении бундесвера ФРГ ядерным оружием. Вместе с тем на западе и востоке континента рождалось понимание угрозы новой катастрофы в Европе в результате возможной атомной войны.

В таких международных условиях для Польши, как и для ГДР, был чрезвычайно важен факт взаимного признания линии Одер – Нейсе в качестве общей границы. В ФРГ эту границу, как и государство

1 В марте 1959 г. президент Франции Ш. де Голль признал право Германии на объединение территории в уже существующих границах, что означало признание польско-германской границы по Одеру и Нейсе, но непризнание Государственной границы «Запад» между ГДР и ФРГ (*Friszke A.* Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 243).

2 ФРГ была принята в НАТО 6 мая 1955 г. После ратификации Парижских соглашений бундестагом Бонн стал полноправным членом альянса. Решение вступило в силу 30 июня 1955 г. Затем последовало создание бундесвера и Федерального министерства обороны.

ГДР, не признавали. Тем не менее в конце 1940-х – начале 1950-х гг. проходили длительные переговоры представителей ПНР и ГДР об установлении межгосударственных отношений. Руководство Социалистической единой партии Германии еще до 1948 г. имело представления об условиях договоренностей с Польшей, правда, рассчитывало тогда на некую «ревизию» польской западной границы в свою пользу. Этот расчет исчез в условиях начавшейся в июне 1948 г. советской блокады Берлина и общего обострения международной ситуации. В 1948–1949 гг. в результате переговоров представителей ГДР и ПНР Берлин согласился, что установление отношений с ПНР невозможно без признания границы по линии Одер – Нейсе. 12 октября 1949 г. глава правительства ГДР О. Гротеволь сделал соответствующее заявление. 18 октября 1949 г. Польша признала суверенитет территории ГДР. 20 февраля 1950 г. в Варшаву поступило предложение ГДР об установлении дипломатических отношений. Заинтересованная в дружественных отношениях с соседней страной и в обеспечении безопасности своих границ, получив от ГДР признание линии Одер – Нейсе, Польша 26 февраля 1950 г. ответила положительно на предложение налаживания отношений двух стран[3].

6 июля 1950 г. в польском приграничном городе Згожелец состоялось подписание двустороннего Договора о демаркации «государственной границы между Польшей *и Германией* (курсив мой. – *А. Н.*)»[4]. 9 августа договор был ратифицирован Народной палатой ГДР и в ноябре 1950 г. вступил в силу. Отмеченная выше формулировка в договоре содержалась и в преамбуле к нему, на что обратил внимание российский историк Н. Н. Станков, отметив точность воспроизводства в Згожелецком договоре решения Потсдамской конференции Большой тройки. Кроме того, вслед за польским историком Б. Вевюрой Станков указал на «его **исполнительный характер** (выделено Н. Н. Станковым. – *А. Н.*) по отношению к Потсдамскому решению…», которое

3 15 февраля 1950 г. Национальный совет ГДР принял решение о признании этой границы. См.: *Станков Н. Н.* ГДР и ее восточные соседи. Становление отношений с Польшей и Чехословакией. 1949–1955. Саратов, 1991. С. 33, 36; *Гавриловец Л. В.* К вопросу о польско-германских отношениях в 1949–1955 гг. // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 162–169.

4 *Носкова А. Ф., Григорьянц Т. В.* Згожелецкий договор 1950 г. // Советское славяноведение. 1975. № 5. С. 3–12. Текст договора см.: Polska w stosunkach międzynarodowych. 1945–1989. Wybór dokumentów / oprac. J. Zając. Warszawa, 2005. S. 68–69.

продолжало действовать и в случае объединения Германии[5]. Згожелецкий договор укреплял внешнеполитическую устойчивость общей границы и территорий Польши и ГДР. Он повышал надежность западной границы ПНР с ГДР и, что вытекало из Потсдамских решений, границы объединенной в будущем Германии с Польшей. Бóльшая часть ее территории в 1950 г. называлась ФРГ. Являясь производным от раздела Германии в 1945 г. на сферы оккупации и затем от появления двух немецких государств, граница Одер – Нейсе для Варшавы в 1950–1960-х гг. становилась фактором сохранения послевоенной территории ПНР, надежным гарантом которой выступал Советский Союз. ФРГ, правительство которой упорно продолжало считать Потсдамские постановления утратившими силу по окончании войны, теряла возможность поставить под сомнение сложившуюся ситуацию. Кроме того, после подписания Парижских соглашений 23 октября 1954 г., по которым ведущие страны Запада взяли на себя обязательства обеспечить объединение Германии, но не исполняли их, в Варшаве стали рассматривать продолжение существования ФРГ как прямое нарушение указанных договоренностей[6].

К середине 50-х гг. XX в. в условиях некоторого ослабления международной напряженности, отражением чего была конференция в Женеве в июле 1955 г. с участием глав США, СССР, Великобритании и Франции, в том числе по вопросу объединения Германии (ФРГ и ГДР), а также конференция министров иностранных дел этих держав в октябре – ноябре 1955 г.[7], руководство ПНР определилось с внешнеполитическими задачами в отношении ФРГ. Варшава намеревалась добиться от Бонна подтверждения необратимости решений Потсдамской конференции касательно линии Одер – Нейсе в качестве западной границы Польши, с 1949 г. фактически с ГДР; установить с ФРГ дипломатические отношения с целью организации политических контактов, а также, возможно даже в первую очередь, для налаживания экономических связей с целью использования возможностей развитой немецкой промышленности и торговли. С этой целью был предпринят ряд дипломатических шагов. 31 января 1955 г. правительство ПНР сделало заявление о прекращении войны с Германией.

5 *Станков Н. Н.* ГДР и ее восточные соседи… С. 46.

6 См. подробнее: История дипломатии / под. ред. А. А. Громыко и др. М., 1974. Т. 5. Кн. 1. С. 413–416.

7 *Roszkowski W.* Półwiecze. Historia polityczna świata po 1945 roku. Warszawa, 1997. S. 91.

16 марта 1955 г. глава правительства Ю. Циранкевич заявил о готовности нормализовать отношения с ФРГ; 6 июля 1955 г. на этот счет повторно высказался глава ЦК ПОРП Б. Берут[8].

В середине 1950-х гг. ПНР и ГДР во многом завершали процесс взаимного признания и организации системы отношений на основе двусторонних договоров. 21 сентября 1955 г. правительство ПНР, в связи с вступлением ГДР в состав Организации Варшавского договора, окончательно признало суверенитет ГДР и установило с ней дипломатические отношения. Последнее произошло через неделю после визита в СССР К. Аденауэра, где ФРГ сделала первый шаг к контактам с миром социализма. 13 сентября 1955 г. в Москве, обойдя проблему польско-германской границы по линии Одер – Нейсе, СССР и ФРГ подписали Соглашение об установлении двусторонних дипломатических отношений[9]. Однако принятая в ФРГ в декабре 1955 г. «доктрина Хальштейна», смысл которой состоял в установлении внешнеполитической изоляции ГДР от всех стран, кроме СССР, становилась серьезным препятствием, затруднившим (по причине признания ГДР Варшавой) процесс урегулирования отношений ПНР с ФРГ[10]. Для Федерального правительства налаживание контактов с ПНР было желательно, но с политической точки зрения спешить с этим было нецелесообразно. В Бонне полагали, что установление отношений с Варшавой, которая имеет не только дипломатические и военно-политические, но и экономические связи с Берлином, может-де усилить ГДР, чего в Бонне вовсе не желали, продолжая именовать ГДР «зоной советской оккупации».

Ситуация, когда необходимость договариваться с Бонном о признании границы ПНР по линии Одер – Нейсе откладывалась на близкую (или не очень) перспективу, вкупе с обострением внутренней общественно-политической ситуации в стране способствовала снижению внешнеполитической активности Варшавы. Общественный

---

8 Кроме того, еще 23 августа 1953 г. руководство ПНР по согласованию с Москвой официально отказалось получать от ГДР выплаты по репарациям начиная с 1 сентября 1954 г. См.: *Гавриловец Л. В.* К вопросу о польско-германских отношениях… С. 165.

9 См. прим. 39.

10 «Доктрина Хальштейна» была выдвинута государственным секретарем МИД ФРГ В. Хальштейном и одобрена бундестагом. Ее смысл состоял в недопущении установления отношений любой страны с ГДР. ФРГ была готова идти на разрыв отношений со странами, признавшими ГДР.

кризис провоцировался послевоенными политическими порядками и репрессиями в стране, но прежде всего недовольством населения социально-экономическими условиями жизни: советская экономическая помощь Польше не могла изменить польскую ситуацию в лучшую сторону, а сама страна только завершала послевоенное восстановление и модернизацию экономики. Негативную составляющую кризисной ситуации в Польше усиливали национальная память поляков о «польской» политике России – СССР, которая нередко оценивалась негативно, а во многом также и послевоенные репрессивные действия польских спецслужб и деятельность советских советников[11]. Все это, вместе взятое, вызвало массовые ответные протесты в стране, и, в конечном итоге, вылилось летом – осенью 1956 г. в глубокий социально-экономический и острый политический кризис[12].

В то же время почти одновременно с социально-политическими, национально окрашенными и антисоветскими протестами ситуация переживаемого кризиса рождала и массовую поддержку перемен, предлагавшихся новым руководством ПОРП во главе с В. Гомулкой. Их сторонниками выступали те поляки и силы в ПОРП, которые, не отказываясь от партийно-политического взаимодействия и экономических связей с СССР, акцентировали внимание на самостоятельном принятии внутри- и внешнеполитических решений в интересах страны[13]. В подобной трактовке «польского вопроса» в октябре – ноябре 1956 г. руководству ПНР удалось достичь взаимопонимания с Москвой. Оно сохранялось и во время воплощения принятых решений в жизнь новым руководством как во внутренней, так и во внешней политике[14].

---

11 См. подробнее: Польша в XX веке. Очерки политической истории / редкол.: Г. Ф. Матвеев, А. Ф. Носкова (отв. ред.), Л. С. Лыкошина. М., 2012. С. 630–668.

12 См. подробнее: *Орехов А. М.* Очерки истории экономических отношений СССР – ПНР. 1944–1957. М., 2017. С. 91–154 (глава 2).

13 См. подробнее: *Орехов А. М.* Беседы под сводами Бельведера. Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г. // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 460–509.

14 В совместном заявлении руководства СССР и ПНР по итогам советско-польских переговоров в Москве, подписанном 18 ноября 1956 г. с советской стороны Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным, с польской стороны – В. Гомулкой и Ю. Циранкевичем, было указано, что союз Польши с СССР «является важнейшим фактором укрепления независимости ПНР и нерушимости ее границы на Одере и Нейсе – границы мира».

Столь серьезные перемены в общественное-политической ситуации в Польше и корректировку политического курса ПОРП после прихода к власти В. Гомулки внимательно изучали в руководящих структурах СССР. В аналитической записке «К вопросу о внутриполитическом положении в Польше», подготовленной Комитетом информации при МИД СССР и датированной 16 ноября 1956 г., руководство СССР извещалось, что политические круги ведущих западных стран «встретили события в Польше с нескрываемым одобрением», расценили их как проявление «национализма», воспринимали «коммунистический национализм» благожелательно в случае, если «он направлен против СССР». Авторы записки акцентировали внимание именно на таком понимании происходивших в Польше перемен, трактовали политический курс В. Гомулки как опасный[15]. В подтверждение использовались оценки польских событий, сделанные

Примечательно, что в разосланных МИД в союзные страны 25 ноября 1956 г. указаниях советским послам говорилось, что ЦК КПСС «приветствует приход к руководству в ПОРП т. Гомулки и со своей стороны окажет ему необходимую поддержку». См.: Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 48. Л. 159; Д. 49. Л. 14.

15 В отечественной научной литературе расценивают эту политическую фигуру по-разному. Бывает, Гомулку называют националистом, что прямо заимствовано из западного политического лексикона 50-х гг. XX в. Подобный подход тиражируется до сих пор. Если же видеть в Гомулке политика, прошедшего в 1930-е гг. идейно-политическое обучение в СССР, обладавшего опытом подпольной политической борьбы, испытавшего тюремное заключение при режиме санации, участвовавшего в антигитлеровском подполье в годы войны, наконец, осуществившего переустройство страны в 1950–1960-е гг. с учетом особенностей многовековой истории Польши и национальных традиций польского народа, то роль Гомулки в истории страны будет весьма далекой от примитивного национализма. Несомненно, до конца дней он оставался польским патриотом, уверенным в идеях социализма, и одновременно был национально ориентированным польским коммунистом. Пример тому – дискуссии во время пребывания в Москве польской делегации в октябре 1956 г., где Н. С. Хрущев и В. Гомулка отстаивали интернациональные интересы всего содружества и тем самым национальные интересы своих стран. Другое дело, что основную долю ответственности за интернациональные дела несла в первую очередь Москва. См., например: *Рыхловский Б.* В борьбе шестидесятых // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории. М.; СПб., 2021. С. 298–309.

канцлером ФРГ К. Аденауэром на митинге в Ганновере 26 октября 1956 г.: «Гомулка является явным коммунистом. Это его дело. Но если он требует свободы для своего народа, то мы можем объявить его мнение абсолютно оправданным». Указанное высказывание можно было трактовать и как готовность Аденауэра иметь дело с Гомулкой, что не могло не настораживать советское руководство[16].

Политические перемены, произошедшие в ПНР, вызывали пристальное внимание ведущих политиков на Западе и зарубежной печати. В развитие сути вышеупомянутых высказываний канцлера выступали американские журналисты. Они признавали, что дальнейшее обострение общественно-политической ситуации в Польше «на данном этапе пока невозможно и даже нежелательно из-за опасения военного вмешательства со стороны СССР». В правящих кругах США полагали, что «на данном этапе следует удовлетвориться созданием Польши, "независимой от Москвы", и не стремиться форсировать реставрацию в Польше капиталистических порядков». Выражалась надежда, что «дальнейшее развитие событий в Польше может привести в конечном счете к созданию в этой стране "демократии западного образца"». Появлялись и весьма тревожные для польского руководства планы привлечения Польши «на сторону демократии», считалось, что «в случае принятия Польшей американской помощи ФРГ, по-видимому, может, со своей стороны, сделать Польше некоторые выгодные предложения и на этой основе начать *формализацию польско-западногерманских отношений* (курсив мой. – *А. Н.*)»[17].

В Москве внимательно анализировали выдвинутый в ФРГ тезис о «формализации отношений», так же как и исходившие из Бонна намеки на установление неких двусторонних контактов с ПНР для обсуждения договоренностей о правовом решении самой крупной, в первую очередь для Варшавы, внешнеполитической проблемы – признания Западом новой границы Польши по реке Одер и его притоку – Нейсе. Среди известных советских документов, касавшихся внешнеполитического курса Польши, и конкретно вопроса о польской западной границе, наиболее обстоятельными можно считать материалы, поступавшие в МИД СССР как из Польши, так и от советского посла в ГДР Г. М. Пушкина. 12 октября 1956 г. в направленной в МИД телеграмме он констатировал «решительное отклонение границы

16 Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 40. П. 1340. Д. 720. Л. 206.

17 Там же. Л. 206–209.

по Одеру – Нейсе со стороны западных держав, и в первую очередь Западной Германии». По его мнению, последнее неплохо, ибо «отталкивало от Запада определенную часть националистически настроенных поляков, которые не являются сторонниками народно-демократического режима в Польше», но считают себя польскими патриотами. Западные державы, подчеркивал Пушкин, пытаются активизировать враждебные силы в Польше, «выставив в качестве приманки возможность договориться на компромиссной основе относительно западных границ Польши. Этот трюк… представляет определенную опасность как для Польши, так и для ГДР»[18].

Одновременно Пушкин информировал Москву о понимании проблемы границ социал-демократами в ФРГ, стоявшими в оппозиции властвовавшей коалиции правых ХДС/ХСС: «В западногерманской и западноберлинской печати широко обсуждается выступление социал-демократа К. Шмидта относительно возможности компромиссного решения вопроса о границе по Одеру и Нейсе в результате переговоров Западной Германии и Польши…»[19]. Ответ на вопрос о содержании компромисса не давался. Тем не менее предложение К. Шмидта о компромиссе при решении вопроса о границе не могло не настораживать Москву и Берлин, не говоря уже о Варшаве. Как важное мнение Пушкин передавал слова, сказанные главой правительства ГДР О. Гротеволем, о том, что «польские друзья… проявляют чрезмерную заинтересованность к установлению дипломатических отношений с ФРГ и не умеют скрывать эту заинтересованность перед западными немцами… Польские друзья явно заигрывают с Бонном». Более того, в этой ситуации Гротеволь полагал целесообразным «ускорить выступление польских друзей относительно соглашения между соседями Германии и двумя германскими государствами о создании зоны ограниченного

---

18 Осенью 1956 г. Польшу посетил министр госбезопасности ГДР Э. Волльвебер. Беседуя с польскими политиками, он говорил о возможности опасных для ГДР и ПНР последствий польского кризиса: «Вам должно быть ясно, что ГДР может существовать только при наличии на ее территории советских войск […] без советских войск не будет ГДР, а без ГДР не будет и Польши в ее теперешнем виде […]. Мы не ставим вопрос о границе по Одеру – Нейсе, но вследствие обстановки, как она, очевидно, складывается, в Германии возникнут широкие ревизионистские настроения в отношении границы Одер – Нейсе» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 143. Л. 145, 147).

19 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 143. Л. 124–125.

вооружения»[20]. Для польской и советской сторон это предложение осенью 1956 г. вряд ли было своевременным.

Во многом под воздействием событий в Польше среди правых политических сил, определявших внешнеполитический курс ФРГ, в том числе по вопросу установленной решениями Большой тройки пограничной линии Одер – Нейсе, теперь раздавались голоса о допустимости контактов с польским правительством. Так, 21 октября 1956 г. на митинге в Дортмунде выступал канцлер ФРГ К. Аденауэр. Представляя позицию правившей коалиции ХДС/ХСС, канцлер выразил свое отношение к политическим переменам в Польше. Признав, что между ФРГ и ПНР «*существуют известные разногласия, связанные с границей по линии Одер – Нейсе*» (курсив мой. – *А. Н.*), он заявил, что «хотел бы недвусмысленно повторить это сегодня, поскольку в Польше происходят события, большое значение которых еще не поддается обозрению». Одновременно канцлер высказывал надежду, что сказанное им «будет услышано также и в Польше», и, наконец, уверял: «Ни один человек в ФРГ не думает о том, что восстановленная Германия будет решать эти разногласия… *иным путем, а не путем переговоров и взаимного согласия* (курсив мой. – *А. Н.*)». Признав, что «переговоры будут трудными», Аденауэр называл условие их успеха: «…соглашение между нами и свободной Польшей, *неподвластной Москве* (курсив мой. – *А. Н.*), абсолютно возможно и даже вероятно»[21]. Это были чрезвычайно важные суждения, которые можно было понять как предложение Польше если не договариваться, то разговаривать с ФРГ.

Высказанное канцлером отношение к смене власти в Польше и понимание открывавшихся возможностей для политики ФРГ на польском направлении были им развиты 8 ноября 1956 г. Выступая в бундестаге, Аденауэр сделал крупное политическое заявление о том, что его правительство «*готово нормализовать отношения* со “свободной Польшей”… урегулировать *все спорные вопросы*», отметив, что «различия *в государственном и экономическом укладе Германии и Польши не могут помешать этому* (во всех случаях курсив мой. – *А. Н.*)»[22].

Итак, по Аденауэру, первоочередная задача – это нормализация, т. е. установление дипломатических отношений, а затем урегулирование спорных вопросов. Понятно, что для ФРГ оставалась неприемлемой согласованная союзниками в 1945 г. граница по линии

20 Там же. Л. 126.

21 Там же. Л. 127.

22 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40. П. 1340. Д. 720. Л. 210.

Одер – Нейсе. Именно по существу этой проблемы Аденауэр и предлагал теперь договариваться. Правда, канцлер не уточнял, в чем конкретно будет состоять договоренность, хотя и намекал на это. В высказываниях западногерманской печати проводилась идея такого пути решения проблемы: «Поскольку наиболее важным связующим [геополитическим][23] звеном между СССР и Польшей является граница по линии Одер – Нейсе, необходимо *добиться быстрейшего урегулирования* между западногерманским и польским правительствами *вопроса о территориальных претензиях ФРГ и Польши* (в обоих случаях курсив мой. – *А. Н.*)»[24].

В ФРГ, по всей видимости, под территориальной претензией польского руководства понимали собственный отказ Бонна признать польскими бывшие восточные земли Германии, то есть, по сути, – новую западную границу ПНР. Это непризнание было в высшей мере существенно для Польши, ибо граница Польши с ГДР являлась жизненно важным внутриполитическим фактором как для польской власти и польского уже многомиллионного населения на бывших восточных и северо-восточных землях Германии, так и по внешнеполитическим мотивам – для государства Польша. Следует отметить, что на Западе не считались ни с польским признанием ГДР, ни с подписанием ПНР и ГДР Договора о демаркации государственной границы по линии Одер – Нейсе в 1950 г. Поэтому главная претензия ФРГ к Польше заключалась не столько в проблеме границы и установления Варшавой фактических отношений с Берлином в феврале 1950 г., сколько в официальном признании Польшей существования государства ГДР. Причем последнее было закреплено завершением в августе 1954 г. процесса передачи Москвой всей полноты государственной власти Берлину и подписанием договора об основах отношений ГДР и СССР, то есть признанием и советским руководством суверенности этой страны.

Таким образом, слова Аденауэра и мнения западной печати допустимо истолковать как сигнал для поляков о том, что в данный момент для Бонна не столь важна проблема границы, которая сама по себе еще только должна была стать предметом трудных переговоров с неопределенным результатом. Канцлер намеревался для начала выяснить позиции и договариваться мирным путем о нормализации контактов с Польшей, затем об установлении дипломатических

23 Здесь и далее пояснения и дополнения в квадратных скобках сделаны автором статьи.

24 Там же. Л. 211–112.

отношений между Бонном и Варшавой так, как при договоре ФРГ с СССР, то есть опуская вопрос границы по линии Одер – Нейсе. Вместе с тем граница (необратимость которой уже в тех условиях дальновидный канцлер ФРГ не мог не осознавать) могла рассматриваться Бонном как политический инструмент для продвижения к главной цели – добиться отказа Варшавы от признания ГДР, используя проблему западной границы для оказания политического давления на Польшу, и опосредованно – на действия ее гаранта – СССР.

Допустимо предположить, что линия Одер – Нейсе воспринималась в руководстве ФРГ как геополитический фактор. Выводя этот вопрос за скобки двустороннего переговорного процесса с Варшавой, по умолчанию воспринимая его как *окончательно решенный, но не признаваемый официально*, Бонн мог продвигаться к достижению двух главных целей – уничтожению ГДР посредством ее поглощения и подталкиванию ПНР к самостоятельному, без участия СССР, развитию отношений с ФРГ, конечной целью которого мог стать выход Польши из советского военно-политического блока. Таким образом, возможная долгосрочная стратегия ФРГ в деле объединения территории Германии состояла в фактическом признании отказа от восточных территорий, отданных Польше неотмененным и практически не отменяемым решением глав великих держав в Потсдаме в 1945 г., без каких-либо официальных деклараций и соглашений. Идеологом такого общенационального замысла был канцлер К. Аденауэр. Он вряд ли не понимал, что ради продвижения к объединению Германии можно и нужно порой «напоминать» о непризнании линии Одер – Нейсе и тем оказывать эмоционально-политическое давление на руководство ПНР и на рядовых поляков, уже заселивших новые западные земли, тем самым эксплуатируя фактор не признаваемой официально границы на пути к возможному установлению дипломатических отношений с ПНР[25].

25 Польский историк В. Рошковский в своем исследовании так воспроизвел этот замысел: «Экономическая политика министра Эрхарда и дипломатия Аденауэра, которая строилась на активном включении [ФРГ] в процесс европейской интеграции и Североатлантический пакт, а также на согласии **с временным разделом Германии ценой непризнания его окончательным** (выделено В. Рошковским. – *А. Н.*), получала все более широкую поддержку. […] Социал-демократы оставили мечты о быстром объединении Германии, зависимом тогда от советских условий, и высказались за участие ФРГ в Европейском экономическом союзе и НАТО».

Сведения о намерениях канцлера от лица партийной коалиции ХДС/ХСС «доставлялись» не только их сторонникам в стране, а это были большинство немцев, имевших право голоса в ФРГ, включая миллионы тех немцев, кто был выселен с бывших восточных территорий довоенной Германии. Такие сведения поступали и за пределы страны. Важнейшим каналом «доставки» знаний о намерениях руководства ФРГ служила как отечественная, так и зарубежная печать. 15 декабря 1956 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» была опубликована информация из Бонна о заявлении члена Христианско-демократического союза – участника правившей коалиции и министра иностранных дел коалиционного правительства Г. Брентано: «Сегодня в осторожной форме [он] предложил вести с Польшей переговоры о компромиссном решении вопроса об оспариваемой Германией Восточной границе». Имелась в виду линия Одер – Нейсе, или граница ПНР и ГДР. Будучи затем во Франции, Брентано в интервью журналистам развивал эти соображения: «…со свободной Польшей можно выработать удовлетворительное соглашение “в европейском духе” […], что означает готовность в общих интересах пойти на компромисс там, где затрагиваются национальные [немецкие и польские] цели, находящиеся в конфликте друг с другом». Министр полагал, что «культурные, экономические и там, где можно, политические отношения можно будет устанавливать постепенно»[26]. 29 декабря 1956 г. последовало интервью Г. Брентано с рекомендацией двум народам – немцам в ФРГ и полякам в Польше – «с особенной осторожностью подходить к урегулированию вопроса о польско-германской границе», который «должен быть урегулирован не путем применения силы, а только посредством мирного решения». В этой связи Брентано подчеркнул «решимость Федерального правительства продолжать переговоры с Советским Союзом[27] по германскому вопросу, обсуждать любое разумное предложение, которое содействует воссоединению Германии»[28].

Отметим еще одно замечание Рошковского: «…Берлинский кризис 1961 г. убедил общество Западной Германии, что объединение на условиях Аденауэра, то есть с позиции силы, будет невозможно». Оставалось, отметим мы, лишь молча принимать во внимание решение в Потсдаме о границе по Одеру – Нейсе. См.: *Roszkowski W.* Półwiecze. S. 131–132.

26 АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1326. Д. 677. Л. 136.

27 Договор ФРГ с СССР был подписан 13 сентября 1955 г. См. прим. 39.

28 АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 176.

Проблема польско-германской границы была важнейшим элементом долгосрочной программы восстановления территории Германии не только правившей коалиции ХДС/ХСС, но и оппозиционной СДПГ. 3 декабря 1956 г. в пресс-бюллетене СДПГ было заявлено, что «установление дипломатических отношений между ФРГ и Польшей является необходимостью польской политики», что «Варшава проявила прямой и косвенный интерес в усиленном экономическом контакте с Западом, чтобы закрепить ту независимость, которой она достигла в последнее время в отношениях с СССР». Важно отметить посыл социал-демократов о миролюбии германского народа, в котором «нет серьезных политических сил, которые бы стремились к решению вопроса о границе по Одеру – Нейсе силой. Чтобы достигнуть воссоединения, необходим климат доверия с соседним польским народом». В последнем единодушно заверяли поляков не только левые – социал-демократы, но и руководство правой правящей коалиции ХДС/ХСС, включая и тех сотрудников контролируемого правыми МИД ФРГ, которые «раньше проявляли сдержанность в данном вопросе»[29].

Посетивший Польшу 29 декабря 1956 г. депутат бундестага от оппозиционной СДПГ Кальбитцер предполагал, что «в перспективе Польша будет выступать за воссоединение Германии, так как *в расколе Германии* близкие к Гомулке люди усматривают постоянную опасность взрыва… опасаются снова проводимого Западом вооружения, там [в Польше] все больше укрепляется идея европейского пакта безопасности (курсив мой. – *А. Н.*)», гарантами которого «должны быть США и СССР». Депутат, «отметив, что пограничный вопрос очень сложен, порекомендовал при установлении отношений не затрагивать вопрос о линии Одер – Нейсе, с тем чтобы урегулировать его позднее»[30]. Это мнение социал-демократа перекликалось с тем, о чем говорили представители правивших в стране правых политических сил.

Судя по конкретно-историческому материалу, и правившая коалиция – ХДС/ХСС, и оппозиция – немецкие левые – социал-демократы, были единодушны в исключении силового варианта при решении вопроса о границе по Одеру и Нейсе. Тогда еще «работала» национальная память о капитуляции Германии в 1945 г. В 1950-е гг. как правые, так и левые в ФРГ руководствовались представлениями немцев о главной и общей для них национальной цели – восстановлении единого

29 Там же. Л. 167.

30 Там же. Ф. 0122. Оп. 40. П. 340. Д. 720. Л. 206; Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 175.

немецкого государства, а также сохранявшимися в немецком обществе надеждами и требованиями о восстановлении его довоенной территории. В отличие от ситуации в Польше, здесь представители крупных политических сил ФРГ и население публично считали все еще отложенными, а не окончательными решения, принятые в Потсдаме о линии Одер – Нейсе. По словам того же Г. Брентано, Федеральное правительство при «твердой решимости» намеревалось «продолжать переговоры с Советским Союзом по германскому вопросу и обсуждать любое разумное предложение, которое содействовало бы *восстановлению Германии* (курсив мой. – *А. Н.*)»[31]. Таким образом, *официальные позиции* основных политических сил, представлявших настроения разных социальных слоев и групп населения ФРГ в середине 1950-х гг. по крупным вопросам политики на польском направлении, были весьма близкими. Объединяющим фактором был главный, нарушенный последствиями проигранной Германией войны в Европе национально-государственный интерес – восстановить проживание немцев на прежней национальной территории и в одном государстве, что прямо затрагивало национально-государственные интересы Польши и означало покушение на существование ГДР[32]. К вышесказанному следует добавить восстановление роли Германии как крупного европейского внешнеполитического фактора влияния на страны Восточной и Центральной Европы. Как считали в Бонне, путь к этому лежал через договоренности с Польшей и, согласно Аденауэру, через напоминание полякам о временном существовании границы по линии Одер – Нейсе[33].

---

31 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40. П. 340. Д. 720. Л. 279. Мнение МИД ФРГ было прокомментировано 6 февраля 1957 г. Заявлением МИД ГДР о неприкосновенности границы Одер – Нейсе, напоминавшим, что эта граница установлена не с ФРГ, а ГДР с Польшей. 8 февраля 1957 г. МИД ПНР назвал слова Брентано вновь поднятым «ревизионистским тезисом против западной границы Польши» (Там же. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 191, 192).

32 В это время на территории Польши немецкое население составляло около 360 тыс. из более 24-миллионного польского большинства (Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski. Polacy – Żydzi – Niemcy – Ukraińcy / red. W. Sienkiewicz, G. Hryciuk; autorzy tekstu G. Hryciuk i in. Wrocław, 2008. S. 21).

33 С этой же целью политически эксплуатировался факт существования в ФРГ Союза немцев, изгнанных с восточных земель довоенной Германии. В ФРГ признавали, что голос этих немцев «играет большую роль в расчетах любой западногерманской партии» (АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1326. Д. 677. Л. 135).

Официальным польским ответом на обсуждения в политических кругах и заявления официальных лиц ФРГ касательно территории Польши и польско-германской границы следует считать мнение находившегося с визитом в Индии премьер-министра ПНР Ю. Циранкевича. Оно было опубликовано 20 апреля 1957 г. в пресс-бюллетене СДПГ: «Циранкевич, имея в виду заявления правительства ФРГ *о его отказе добиваться пересмотра германо-польской границы с помощью силы* (курсив мой. – *А. Н.*), подчеркнул, что такое заявление следовало бы закрепить в международном соглашении, и если будет уверенность в миролюбии ФРГ, то отпадет и необходимость в Варшавском пакте[34] и в размещении советских войск в Польше». Как считали в СДПГ, речь шла о прямом «предложении Польши правительству ФРГ относительно переговоров. […] Можно себе представить, какое влияние было бы оказано при известных обстоятельствах на активную политику в вопросе воссоединения, если бы Бонн сделал заявление Циранкевичу о возможности ревизии (так в документе. – *А. Н.*) Варшавского пакта»[35].

Слова Циранкевича и позиция Варшавы были приняты во внимание политиками в Бонне. Более того, идея нормализации отношений с ПНР получила развитие вплоть до предложений об установлении контактов. 25 июня 1957 г. газета «Дейче Цейтунг унд Виртшафт Цейтунг» констатировала: «Начало сделано… Бонн устанавливает первый осторожный контакт с Польшей. МИД направляет в Варшаву дипломата, который будет там помогать в работе паспортного отдела американского посольства… в определенное время за ним последует торговый работник. Обмен торговыми миссиями между Федеральной Республикой и Польшей мог бы после этого стать следующим официальным шагом». «Хотя оба правительства – писала газета – показали заинтересованность в установлении дипломатических отношений,

34 Имеется в виду военно-политическая Организация Варшавского договора, созданная СССР и ее союзниками по социалистическому лагерю в связи с ратификацией Парижских соглашений 1954 г. западными странами, которые предусматривали создание военной группировки Западноевропейского союза и включение ФРГ в состав НАТО. Для защиты стран – участниц ОВД были организованы Объединенные вооруженные силы стран социализма во главе с представителем СССР. В случае вооруженного нападения на кого-либо из участников договора они были обязаны оказать немедленную помощь всеми средствами, какие представятся им необходимыми.

35 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40. П. 340. Д. 720. Л. 279.

для этого должна быть найдена такая форма, которая *четко отделила бы этот шаг от признания линии Одер – Нейсе* (курсив мой. – *А. Н.*)».

Дипломатические отношения без признания границы – это и была «формула Аденауэра», реализованная, напомним, при подписании договора об установлении дипломатических отношений ФРГ с СССР в 1955 г. в Москве. Далее в газете говорилось: «Ни нынешнее, ни будущее правительства не смогли бы заплатить такую цену за обмен послами с “пятой оккупирующей державой”», т. е. с Польшей. Газета высказывала надежду, что «в Польше растет осознание того, что с Федеральной Республикой можно было бы поддерживать нормальные отношения, не настаивая на заявлении, гарантирующем спорную польско-германскую границу». На безусловном признании ФРГ линии Одер – Нейсе в качестве польско-германской границы твердо настаивала Польша, где в этом признании видели предварительное условие установления отношений с ФРГ[36].

В такой атмосфере летом 1957 г. в ФРГ шла предвыборная кампания и в Европе раздавались голоса в пользу разрешения проблемы границы между ПНР и ГДР путем переговоров заинтересованных сторон[37]. Высказывались и лидеры СДПГ, находившиеся в оппозиции правившему блоку ХДС/ХСС. Председатель партии Э. Олленхауер 16 августа 1957 г. выступил с предвыборным обращением к немцам. Он обвинил правительство Аденауэра в том, что оно «придерживается курса, основанного на участии ФРГ в НАТО и препятствующего воссоединению Германии». СДПГ требовала «заключения соглашения, запрещающего размещение атомного оружия в обеих частях Германии и создающего в Европе пространство, свободное от атомного оружия»[38].

15 сентября 1957 г. в ФРГ состоялись выборы в бундестаг. Они завершились безусловной победой правых сил: союз ХДС/ХСС получил абсолютное большинство, К. Аденауэр сохранил пост канцлера. Накануне выборов в печати высказывались мнения, что «в случае победы ХДС

36 Там же. Л. 304–305.

37 Английские лейбористы, например, предлагали постепенный вывод иностранных войск из ФРГ, ГДР, Польши и Венгрии, а правительство ГДР в июле 1957 г. выдвинуло идею конфедерации двух немецких государств на основе мирного договора и отказа от ядерного оружия и затем и вывод иностранных войск с территории Германии. Запад предлагал свободные выборы в ФРГ и ГДР, что не поддержала Москва (*Andrzej Albert* [*Roszkowski W.*]. Najnowsza historia Polski. 1918–1980. Londyn, 1989. S. 756).

38 АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 677. Д. 1326. Л. 278–279.

на выборах в бундестаг новое правительство сразу же после выборов займется вопросом установления дипломатических отношений с Польшей» и первым шагом будет поездка торговой делегации в Варшаву. Говорилось и о том, что первые контакты с польским правительством якобы «уже установлены через посредников» и что, в частности, по вопросу о признании границы Одер – Нейсе может быть сделано заявление о том, что обмен послами ничего не изменит… с правовых точек зрения по вопросу о границе». Отметим чрезвычайно важное замечание печати: «…в Бонне считают, что в отношении Польши действуют те же предпосылки, что и в отношении Советского Союза». Это было прямое указание на договор ФРГ с СССР, содержавший положение лишь об установлении дипломатических отношений без упоминания проблемы границ[39].

По сообщению радио Гамбурга, на обсуждение в печати ФРГ политического будущего линии Одер – Нейсе лишь «в качестве польско-германской границы» 25 сентября 1957 г. отреагировал первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка, причем «в необыкновенно резкой форме». Текст его речи был распространен Польским агентством печати и передан агентством Рейтер. Варшава заявила, что «если кто-либо предъявит Польше требование об изменении границы, то она даст лишь один ответ: либо Одер – Нейсе останется границей Польши, либо война». Коснувшись заявления канцлера Аденауэра «по вопросу о немецких восточных областях», Гомулка заявил, что «ни один поляк никогда ни с кем не будет говорить по поводу изменения границ Польши. Ни один поляк не выскажется за такое изменение границ, которое означало бы смерть отечества» [40].

Допустимо предположить, что прием в конце сентября 1957 г. канцлером К. Аденауэром представителей печати был своего рода ответом и на резкие заявления В. Гомулки. Вряд ли случайными были отдельное представление канцлеру корреспондента газеты ЦК ПОРП «Трибуна

39 Имелось в виду Соглашение между ФРГ и СССР об установлении дипломатических отношений, инициированное советской стороной в июне 1955 г. Ответ ФРГ о согласии обсудить вопрос об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений был дан СССР 30 июня 1955 г. Делегация во главе К. Аденауэром прибыла в Москву 8 сентября 1955 г. С 9 по 13 сентября состоялись непростые переговоры, но договоренности были достигнуты, и 13 сентября Н. А. Булганин и К. Аденауэр обменялись письмами об установлении дипломатических отношений. (См. подробнее: История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. С. 426–436.)

40 АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 399.

люду» М. Подковиньского[41], его короткая, но беседа с канцлером и неожиданные слова поляка о том, что «вопрос о границе в будущем может быть предметом переговоров». Это было то, что хотел услышать Аденауэр, который, в свою очередь, говорил о дружбе и отсутствии у его правительства реваншистских планов, отметив, что ему легко разговаривать с Подковиньским, так как «он – не коммунист». Канцлер подчеркивал, что «развитию отношений Польши и ФРГ мешают только коммунисты», а «Польше следует бояться русских», и вопрошал, почему поляки твердят «Одер – Нейсе», рекомендуя польскому журналисту держать связь с ведомством печати ФРГ[42].

Прием для прессы и беседа польского журналиста с вновь избранным канцлером К. Аденауэром в Бонне состоялись накануне выступления министра иностранных дел ПНР и члена политбюро ЦК ПОРП А. Рапацкого на XII сессии Генеральной ассамблеи ООН 2 октября 1957 г. От имени своей страны министр заявил о готовности Польши ввести запрет «на производство и размещение на территории страны атомного и водородного оружия в том случае, *если оба немецких государства* примут [на себя] такое же обязательство (курсив мой. – *А. Н.*)». Это были одновременно и демонстрация признания Польшей государственности ГДР, и значительная заявка на участие Польши в изменении политической атмосферы в Центральной и Восточной Европе. Инициатива Рапацкого, соответствовавшая национальным интересам обеспечения безопасности территории Польши, была поддержана ее соседями – СССР, ГДР и Чехословакией[43]. Однако упоминание Рапацким двух немецких государств, ФРГ и ГДР, сделало польскую идею о безъядерной зоне неприемлемой для ведущих западных держав, включая ФРГ[44].

---

41 По информации Польского агентства печати от 21 июня 1957 г., Бонн отказал Подковиньскому в продлении визы на пребывание в ФРГ. Польская сторона в ответ лишила корреспондента газеты «Ди Вельт» Л. Циммера продления визы на пребывание в ПНР (Там же. П. 677. Д. 1326. Л. 257). Однако, судя по вышеприведенному материалу, дело было улажено. Подковиньский, понятно по чьей воле, остался работать в Бонне.

42 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 147. С. 15–17. Шифротелеграмма посла СССР в ФРГ А. А. Смирнова в Москву от 1 октября 1957 г.

43 2 декабря 1957 г. канцлер Аденауэр выразил надежду на ослабление связей Польши с социалистическими странами (АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 279).

44 Plan Rapackiego. Dokumenty i materialy / oprac. W. Nagórski, M. Tomala. Warszawa, 1959; *Andrzej Albert* [*Roszkowski W.*]. Najnowsza historia Polski… S. 757.

Тем не менее это не повлияло на интерес ФРГ к вопросу налаживания отношений с Польшей. Еще летом 1957 г. газета «Вельт унд Зонтаг» (Бонн) писала: «В случае победы ХДС на выборах в бундестаг новое правительство сразу же после выборов займется вопросом установления дипломатических отношений с Польшей»[45]. Издатели газеты предполагали, что первым шагом будет направление торговой делегации в Варшаву, поскольку первые контакты с польским правительством «уже установлены через посредников», что не повлияет на подписание соглашений, обходя проблему границы по линии Одер – Нейсе[46]. 3 ноября 1957 г. ТАСС передал в Москву сообщение из Варшавы собственного корреспондента издания промышленных кругов ФРГ «Индустрикурьер» под заголовком «Немецкая торговая миссия в Польше?». Внимание советской стороны обращалось, во-первых, на то, что «польское правительство больше не придерживается своей прежней точки зрения о том, что создание западногерманского торгового представительства с консульскими правами может быть допущено в Польшу лишь после установления дипломатических отношений между Польшей и ФРГ… напротив… оно [правительство Польши], кажется, готово согласиться на создание западногерманской торговой миссии до обмена послами». Во-вторых, в Варшаве «так же, как и прежде, заинтересованы в значительном расширении товарообмена между Польшей и Западной Германией». В-третьих, в польских внешнеторговых кругах «считают, что [для] западно-германской промышленности в Польше открылся бы крупный рынок, если бы Федеральная республика заключила с Польшей долговременное соглашение об импорте всего того количества каменного угля, которым Польша располагает для экспорта на Запад»[47].

23 ноября 1957 г. ТАСС распространил важную информацию из Гамбурга: «В пятницу из Бонна выехала германская делегация,

45 Более сдержанный, но несомненный интерес к Польше был и в США. Так, 7 июня 1957 г., подписывая экономическое соглашение с Польшей, вице-президент США Р. Никсон не сомневался, что «Польша коммунистическая страна», но посчитал, что «поляки все больше показывают свою решимость следовать курсу, независимому от СССР… Принимая это решение, мы не строим иллюзий, что наша политика обязательно приведет к успеху. Польский народ и правительство могут быть насильно приведены к полному подчинению Советскому Союзу. Но все же это игра, которая стоит свеч…» (АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 316–317).

46 Там же. Л. 383.

47 Там же. Л. 410.

которая в понедельник начнет переговоры с представителями польского правительства о продлении торгового соглашения между двумя странами. Речь идет главным образом об увеличении поставок угля из Польши в Западную Германию». По сообщению ТАСС от 4 декабря 1957 г. из Варшавы, был подписан протокол о товарообмене с ФРГ на срок до 31 марта 1958 г. Он предусматривал увеличение экспорта из Польши в ФРГ каменного угля (до 2 млн т ежегодно) и пищевых продуктов, включая алкогольные напитки. ФРГ обязалась поставлять в Польшу промышленную продукцию, в том числе сталь, железо, оборудование, изделия химической и фармацевтической промышленности[48].

Как свидетельствуют документы, на рубеже 1950–1960-х гг. интерес сторон к взаимным контактам во имя развития отношений стал более существенным. Тогда, по приглашению Польши, но при явной заинтересованности немецкой стороны, состоялись встречи-беседы членов польского руководства с управляющим предприятиями фирмы А. Круппа, крупным и влиятельным промышленником Бертольдом Байцем – человеком, хорошо известным канцлеру К. Аденауэру и, похоже, действовавшим по поручению последнего. С начала 1958 г. произошло несколько бесед на территории Международной торговой ярмарки в Познани, где находился павильон этой фирмы. Первые беседы с министром иностранных дел А. Рапацким и министром торговли В. Тромпчиньским состоялись 10–13 февраля 1958 г. Обсуждали ситуацию в Европе и ФРГ, а также план Рапацкого о создании безъядерной зоны в Европе. Говорили, если верить Байцу, о необходимости увеличения торгового обмена, который невелик и потому, что нет дипломатических отношений, обсуждали вопрос строительства немцами автомобильного завода в Польше. Вторично встречались в начале июня 1958 г. по поводу открытия Международной ярмарки в Познани. Там произошла короткая встреча Байца с посещавшими ярмарку В. Гомулкой и членами польского правительства. Гомулка говорил о возможности увеличения торгового обмена с ФРГ «десятикратно», сожалел, что здесь нет официальных представителей ФРГ. Очередная встреча состоялась через год, летом 1959 г. На ярмарке уже работал официальный представитель ФРГ. На этот раз Байц беседовал и с официальным представителем ГДР на ярмарке Г. Рау[49].

---

48 Там же. Л. 414–416.

49 *Ruchniewicz R.* Misje Bertholda Beitza w Polsce na przełomie lat 50. i 60. // Między październikiem a grudniem. Polityka zagraniczna doby Gomułki / pod red. K. Ruchniewicza, B. Szaynok, J. Tyszkiewicza. Toruń, 2005. S. 181–183.

Как показывают материалы, приведенные польским историком Р. Рухневичем, содержание упомянутых выше бесед все активнее формировал Байц, находившийся в контакте с Аденауэром. Поляки ставили «вопросы торговли», но, по словам Байца, Рапацкий упоминал и обмен послами. Вовлекая поляков в дискуссию, Байц постепенно добавлял к сфере торговли культурный обмен, организацию консульств, подводя собеседников к обсуждению дипломатических отношений, но ни в коем случае не касаясь этого вопроса прямо. Следуя советам канцлера, предлагал налаживать отношения, исключая вопрос, который был главным для поляков, – о границе по Одеру – Нейсе между ПНР и ГДР.

Летом 1960 г. павильон фирмы А. Круппа посетил польский премьер-министр Ю. Циранкевич, который беседовал с Байцем и фактически пригласил его посетить Польшу «вне ярмарки, тогда у нас будет время на общие беседы». Варшава определила время визита – декабрь 1960 г. и срок – на неделю. Решающим для итогов миссии Байца стал рубеж 1960–1961 гг. Немецкий промышленник прибыл в Варшаву 6 декабря 1960 г. Поляки встречали его на очень высоком уровне. Состоялся прием в официальной резиденции правительства и беседа с премьер-министром Ю. Циранкевичем в присутствии министра торговли В. Тромпчиньского. По возвращении в Бонн Байц 20 декабря 1960 г. проинформировал о состоявшихся в Варшаве неофициальных переговорах Аденауэра, который в своем блокноте сделал запись его слов: «Премьер Циранкевич многократно возвращался к вопросу установления отношений между Польшей и ФРГ», говорил, что «следует сначала организовать консульские отношения». На упрек Байца, что Польша ранее настаивала на обмене послами, премьер ответил, что «это делал Рапацкий, а не он», отметил, что из переговоров «можно исключить проблему границы по Одеру и Нейсе» и, наконец, следует «покончить с прошлым». Однако в итоге польский премьер заявил, что «был бы рад, если бы ФРГ создала в Варшаве “немецкий дом” для презентации немецкой культуры». Кроме того, Байц дал понять канцлеру, что в Варшаве ждут от него ответа на сделанные предложения, и высказал убеждение, что «предложения Варшавы одобрены Кремлем»[50].

Из конкретного материала, процитированного выше, следует, что выводы и рекомендации Байца уже не во всем соответствовали актуальным польским интересам. В декабре 1960 г., не исключая

50 Ibid. S. 184–185.

продолжения контактов на уровне консульств, Варшава не была склонна к ускоренному развитию «полных дипломатических отношений». И Аденауэр, со своей стороны, вовсе не был сторонником поспешного развития событий на польском направлении. Как считает польский историк Р. Рухневич, изучавший польские и немецкие документы «миссии Байца» в Польше, получивший в архивах Берлина доступ и к отдельным советским документам о «миссии Байца» в Варшаве (переписка руководства ГДР с Москвой и советским послом в Бонне А. А. Смирновым), канцлер, нескорый на быстрые решения, вероятно, дал Байцу указания подождать до выяснения мнений в правительстве ФРГ, где преобладало отрицательное отношение к установлению контактов с поляками. В декабре 1960 г. на конференции НАТО в Париже министр обороны ФРГ Ф. Штраус высказался против концепции мирного сосуществования стран с разным социально-политическим строем, возможно, имея в виду в первую очередь отношения ФРГ с Польшей. В январе 1961 г. в ФРГ выражались сомнения в необходимости поспешно устанавливать с Польшей даже консульские отношения. 10 января 1961 г. на заседании парламентской фракции ХДС/ХСС Аденауэр сдержанно изложил содержание бесед Байца с Циранкевичем, завершив выступление общими словами: «было бы хорошо, если бы дело дошло до улучшения отношений с Польшей»[51].

В таких условиях 12 января 1961 г. Аденауэр принимал советского посла в Бонне А. А. Смирнова, которому канцлер якобы сказал, что «улучшение отношений с Польшей уже много лет является его желанием. Хотя немцы, что он может сказать послу совершенно откровенно, виновны перед поляками, и это должен прочувствовать весь немецкий народ, даже если виновны в этом нацисты. Тяжесть этой вины лежит и на нем самом. Дойдет ли дело до каких-то конкретных действий, он сказать не может, так как только тогда можно предпринимать некие шаги, если знать, *что они желаемы другой стороной*. В любом случае он будет стараться *выяснить ситуацию в этой сфере*» (в обоих случаях курсив мой. – *А. Н.*)[52]. Это уведомление советского посла о настроениях канцлера на польском направлении одновременно было и намеком на возможность контактов Бонна с Варшавой при условии получения позитивной информации от польского руководства.

---

51 *Ruchniewicz R.* Misje Bertholda Beitza… S. 185; *Andrzej Albert* [*Roszkowski W.*]. Najnowsza historia Polski… S. 814.

52 Цит. по: *Ruchniewicz R.* Misje Bertholda Beitza… S. 185–186.

Через неделю после беседы с советским послом, принимая Байца 18 января 1961 г., канцлер на сей раз допускал лишь возможность торговых и культурных отношений с Варшавой, соглашался на дальнейшие консультации, но за исключением вопроса о границе Одер – Нейсе. Конкретно было заявлено, что «если Байц получит от премьера Циранкевича заявление, что отношения между Польшей и нами ограничатся торговыми и под контролем, возможно, генерального консула, и культурными отношениями, и, если одновременно будет согласовано, что при заключении соглашения будет исключена проблема границы по Одеру и Нейсе, он, [Аденауэр], даст согласие на встречу официальных представителей двух стран для продолжения дальнейших консультаций». И дальше: «Было бы показано, чтобы эти переговоры могли бы состояться в третьей стране, где оба государства имеют посольства». В качестве такого места был предложен Париж[53].

Немецкий вариант организации восстановления отношений не мог устроить польскую сторону. Варшава требовала от ФРГ сначала безусловного признания границы Одер – Нейсе и затем обсуждения вопроса дипломатических отношений, что было известно в Бонне. Но планы ФРГ были иными: на заседании Комиссии по иностранным делам бундестага ФРГ 19 января 1961 г. прозвучало: ФРГ не имеет намерений теперь устанавливать дипломатические отношения с Варшавой[54]. Негативная реакция Варшавы на заявление в парламенте ФРГ не заставила себя ждать. 20–21 января 1961 г. во время заседания пленума ЦК ПОРП глава партии В. Гомулка резко отреагировал, в частности, на заявление Ф. Штрауса. Выступая с отчетом о деятельности партии, Гомулка утверждал: «Мы считаем, не предполагаем, а уверены, что открытое общее признание Аденауэром и его правительством того, что существующая на Одре и Нысе польско-немецкая граница установлена окончательно, содействовало бы сближению между Польшей и ФРГ»[55]. Иными словами, Бонну было прямо указано: сначала признание границы, затем установление отношений. Это в свою очередь было неприемлемо с точки зрения «формулы Аденауэра».

Столь однозначная позиция Варшавы поставила в сложное положение Б. Байца, взявшего на себя функции эмиссара канцлера, ибо он предлагал польской стороне фактически от имени Аденауэра

53 Ibid. S. 186.

54 Ibid. S. 187.

55 Trybuna Ludu. 22 stycznia 1961; *Gomułka W.* O problemie niemieckim. Artykuły i przemówienia. Warszawa, 1984. S. 216.

вариант достижения договоренности в обход вопроса о границе. 22 января 1961 г., в тот день, когда были опубликованы решения Пленума ЦК ПОРП, Байц вновь прибыл в Варшаву. Вероятно, он намеревался сгладить отрицательный эффект от выступлений, звучавших в бундестаге и за его пределами. 23 января Байц был принят премьер-министром Ю. Циранкевичем. Посланец из Бонна отметил несоответствие многочисленных антипольских выступлений в ФРГ взглядам канцлера Аденауэра и от имени его правительства предлагал Циранкевичу заключение долгосрочного торгового договора, создание торговых миссий в Варшаве и Бонне и развитие контактов в сфере культуры. Установление дипломатических отношений между ФРГ и ПНР Байц считал итоговой целью, которой должно было предшествовать создание торговых представительств с правами консульской работы. Ю. Циранкевич отнесся к информации Байца негативно, назвав предложения Аденауэра возможными при условии признания границы Одер – Нейсе, пока же, полагал он, все это лишь политический маневр Бонна, который «может затруднить» нормализацию отношений. Польский премьер настаивал, что вопрос о границе не подлежит дискуссии. Циранкевич назвал неприемлемым и прозвучавший вопрос-предложение Байца об организации отношений ФРГ с Польшей по варианту Соглашения ФРГ и СССР[56]. Вместе с тем, не желая, видимо, отправлять ситуацию в тупик, Циранкевич дал согласие на взаимодействие по экономическим вопросам: «Мы соглашаемся на проведение переговоров по вопросу заключения торгового соглашения… на период 3-х лет, что было бы полезно для ФРГ и для Польши»[57].

Официальную холодную оценку итогов миссии Б. Байца как политического события польское руководство дало через газету «Трибуна люду» 5 февраля 1961 г.: «К боннским заявлениям по вопросу отношений с Польшей следует подходить с полной осторожностью и оценивать заявления на основе действий и фактов». Так была

56 О содержании предложений Циранкевичу, изложенных представителем канцлера 23 января 1961 г., был уведомлен первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии В. Ульбрихт, весьма сдержанно относившийся к контактам Варшавы и Бонна. Информацию о беседе Циранкевича и Байца получил и советский посол в Варшаве П. А. Абрасимов, по мнению которого Аденауэр действовал не по своей инициативе, а по поручению США (*Ruchniewicz R.* Misje Bertholda Beitza… S. 191).

57 *Ruchniewicz R.* Misje Bertholda Beitza… S. 188–189, 191. Соглашение о создании торговой миссии ФРГ в Варшаве было подписано 7 марта 1963 г.

подведена политическая «черта» под обсуждением проблемы польско-германской границы в бундестаге при участии К. Аденауэра, в печати ХДС/ХСС и СДПГ и под усилиями Б. Байца. Однако в международной повестке сама проблема границы Польши с ГДР сохранялась. Незыблемость линии Одер – Нейсе твердо отстаивала советская сторона. 17 февраля 1961 г. во время беседы советского посла в ФРГ А. А. Смирнова с канцлером К. Аденауэром была изложена советская точка зрения по ряду актуальных вопросов международной ситуации. Посол говорил предельно четко: «Каждый здравомыслящий государственный деятель понимает, что границы, установленные после Второй мировой войны, окончательные… Мирный договор и разоружение – это самостоятельные вопросы… Советский Союз не требует никаких жертв от ФРГ. Единственное, что мы предлагаем, – это зафиксировать сложившееся после войны положение в Европе, юридически закрепить незыблемость установленных после войны границ, нормализовать на основе разумного учета интересов всех сторон положение в Западном Берлине»[58].

Судя по содержанию документа, из всех упомянутых в нем крупных международных проблем первоочередной для руководства СССР была тогда проблема устойчивости границы Польши с ГДР. Для этого предлагалось юридически закрепить решения великих держав в 1945 г. о государственно-территориальном размежевании в Центральной Европе, гарантировать территориальную целостность не только самой Польши, но и граничивших с ней СССР и ГДР, не допустить непризнания линии Одер – Нейсе, что в руках правительства ФРГ было политическим инструментом, нацеленным на разрушение сложившихся по итогам войны территориальной целостности Польши и СССР и на уничтожение новой страны – ГДР.

Реакцией на представленную А. А. Смирновым советскую позицию по границе можно считать заявление канцлера К. Аденауэра о готовности заключить с Польшей пакт о ненападении, прозвучавшее на пресс-конференции 1 марта 1961 г. Ответил канцлеру глава ЦК ПОРП В. Гомулка. Выступая на собрании общественности Варшавы по поводу предстоявших в Польше выборов в сейм, он требовал сначала признания Бонном границы Польши с ГДР по линии Одер – Нейсе, затем установления двусторонних контактов. В правительственных кругах ФРГ ответ лидера ПОРП был встречен «с досадой и сожалением». Отреагировали на слова Гомулки многие органы печати ФРГ.

58 АВП РФ. Референтура по ФРГ. 1961 год. Оп. 6. П. 28. Д. 035. Л. 25–26.

20 марта 1961 г. газета «Франкфуртер нейе прессе» констатировала, что «федеральное правительство вынуждено отклонить польское требование о признании границы по Одеру – Нейсе», поскольку польское настаивание на этом признании «практически делает невозможным германо-польское сближение»[59].

21 марта 1961 г. на требование В. Гомулки отреагировал целый ряд печатных органов ФРГ. Газета ведущей правящей партии ХДС «Боннер рундшау» утверждала, что на Польшу оказали давление Советский Союз и ГДР, которые-де в настоящий момент «не хотят отношений между Бонном и Варшавой». Издание промышленных кругов ФРГ «Индустрикурьер», имея в виду негативную реакцию правительственных кругов ФРГ на выступление Гомулки, осторожно писало: «Решительное отклонение пакта о ненападении может привести к тому, что ФРГ больше не будет пытаться приблизить этим путем германо-польское взаимопонимание». Подчеркивалось: «Федеральное правительство до сих пор не предлагало установления полных дипломатических отношений с Польшей. Предложение сводилось к учреждению торговых миссий с консульскими правами, на это конкретное предложение до сих пор нет польского ответа». Упрек был неправомерным. Еще 23 января 1961 г. Ю. Циранкевич по этому поводу дал положительный ответ. Газета «Гамбургерабенд-блатт» одобряла действия правительства, которое «сделало хорошо, воздержавшись от всякого официального комментария по поводу последнего высказывания Гомулки». Некоторые органы печати считали возможным урегулирование отношений двух стран на основе определенного компромисса. Так, газета «Штутгартен цейтунг» указывала: «Проблема изменения климата в германо-польских отношениях состояла и продолжает состоять в том, что возможно ли найти среднюю линию, не требующую от обеих сторон невыполнимых жертв»[60].

Откликнулась на слова В. Гомулки и оппозиционная печать ФРГ. Руководство Свободной демократической партии заявило на съезде 2 марта 1961 г.: «Свободные демократы сожалеют, что с Польшей и Чехословакией нет дипломатических отношений. Дипломатические отношения должны способствовать переговорам и тем самым служить делу мира. […] В связи с заявлением Гомулки свободные демократы констатируют, что ответственность за сохранение теперешнего ненормального состояния, т. е. за отсутствие дипломатических

59 АВП РФ. Референтура по ФРГ. 1961 г. Оп. 6. Д. 53. Л. 41.
60 Там же. Л. 42–43.

отношений, несет только Польша». Главная оппозиция в лице Социал-демократической партии Германии, словно заглянув в будущее, высказала весьма дальновидное предположение: «Гомулка знает, что время работает на него и он может себе позволить говорить твердо. Союзники ФРГ уже давно и недвусмысленно заверили его, что они не шевельнут ни одним пальцем против польской позиции в вопросе о границах. Эта позиция наших великих союзников – как считает Гомулка – приведет к тому, что Бонн в один прекрасный день сам будет вынужден согласиться с границей по О[деру]– Н[ейсе] не только де-факто, но и формально»[61].

Учитывая преобладавшие в руководстве ФРГ негативные политические суждения по вопросам отношений с Польшей, которые отражала в том числе и печать ФРГ, В. Гомулка накануне голосования на выборах в сейм на встрече с избирателями 9 апреля 1961 г. подвел итог заочному (через Б. Байца) диалогу с К. Аденауэром: «С нормализацией отношений с Бонном можно еще подождать» [62]. Контакты ПНР и ФРГ, тем не менее, сохранялись и медленно развивались по линии торговли.

Итак, судя по вышеприведенному конкретному материалу, ПНР и ФРГ в начале 1960-х гг. не были готовы к прорыву в двусторонних межгосударственных отношениях. Не исключено, что политически дальновидный канцлер К. Аденауэр понимал неотменяемость решения о границе Польши с ГДР, а значит неизбежность когда-то признания Бонном потери для ФРГ части довоенной германской территории, вовсе не желая преждевременно взять на себя ответственность за это. Канцлер использовал фактор границы в политическом противостоянии руководству ПНР и СССР. Периодически публично напоминая Варшаве о непризнании границы, он, возможно, предполагал установление дипломатических отношений с ПНР тогда, когда мощный Запад в соревновании двух социально-экономических и политических систем одолеет экономически отстающий Восток. Для руководства ФРГ время договариваться с Польшей о линии Одер – Нейсе еще не пришло. Что касается польской стороны, то упорство и однозначность требования ПНР к Бонну признать границу было польским условием развития всего комплекса политико-дипломатических отношений с ФРГ. Это, на первый взгляд, самоограничение внешнеполитической деятельности

61 Там же. Л. 43.

62 *Ruchniewicz R.* Misje Bertholda Beitza… S. 190; *Andrzej Albert* [*Roszkowski W.*]. Najnowsza historia Polski…. S. 185.

имело для Варшавы большую моральную, материальную и политическую стоимость. Речь шла о территории проживания 24 млн поляков, удовлетворении их национально-государственных интересов и обеспечении безопасности Польши. Правда, граница, которую поляки упорно отстаивали, была закрыта для реализации претензий со стороны ФРГ не Польшей, а решением глав великих держав в августе 1945 г. Она не могла быть изменена путем агрессии со стороны ФРГ: за Польшей стоял с 1945 г. СССР – единственная из великих держав – подписантов неотменяемых законным путем документов Потсдама, которая 25 лет был надежным гарантом устойчивости границы по линии Одер – Нейсе и внешнеполитическим союзником Польши, обеспечившим ее признание ФРГ в 1970 г.

Источники и литература

Архив внешней политики РФ (АВП РФ).
Архив Президента РФ (АП РФ).

Гавриловец Л. В. К вопросу о польско-германских отношениях в 1949–1955 гг. // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 162–169.

История дипломатии / под ред. А. А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1974. Т. 5. Кн. 1. 752 с.

Носкова А. Ф., *Григорьянц Т. В.* Згожелецкий договор 1950 г. // Советское славяноведение. 1975. № 5. С. 3–12.

Орехов А. М. Беседы под сводами Бельведера. Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г. // Славянский альманах. 2007. М.: Индрик, 2008. С. 460–509.

Орехов А. М. Очерки истории экономических отношений СССР – ПНР. 1944–1957. М.: Индрик, 2017. 272 с.

Польша в XX веке. Очерки политической истории / редкол.: Г. Ф. Матвеев, А. Ф. Носкова (отв. ред.), Л. С. Лыкошина. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Рыхловский Б. В борьбе шестидесятых // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / редкол.: Т. В. Волокитина (отв. ред.), А. Р. Лагно, А. Ф. Носкова, Б. С. Новосельцев. М.; СПб.: Институт славяноведения РАН; Нестор-История, 2021. С. 267–309.

Станков Н. Н. ГДР и ее восточные соседи. Становление отношений с Польшей и Чехословакией. 1949–1955. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 132 с.

Andrzej Albert [*Roszkowski W.*]. Najnowsza historia Polski. 1918–1980. Londyn: Polonia, 1989. 1093 s.

Friszke A. Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989. Warszawa: Wydawnictwo ISKRY, 2003. 517 s.

Gomułka W. O problemie niemieckim. Artykuły i przemówienia. Warszawa: Książka i wiedza, 1984. 469 s.

Plan Rapackiego. Dokumenty i materialy / oprac. W. Nagórski, M. Tomala. Warszawa: Książka i wiedza, 1959. 182 s.

Polska w stosunkach międzynarodowych. 1945–1989. Wybór dokumentów / oprac. J. Zając. Warszawa: Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. 322 s.

Roszkowski W. Półwiecze. Historia polityczna świata po 1945 roku. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. 636 s.

Ruchniewicz R. Misje Bertholda Beitza w Polsce na przełomie lat 50. i 60. // Między październikiem a grudniem. Polityka zagraniczna doby Gomułki / pod red. K. Ruchniewicza, B. Szaynok, J. Tyszkiewicza. Toruń: Adam Marszałek, 2005. S. 181–193.

Trybuna Ludu. 22 stycznia 1961.

Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski – Polacy – Żydzi – Niemcy – Ukraińcy / red. W. Sienkiewicz, G. Hryciuk; autorzy tekstu G. Hryciuk i in. Wrocław: Demart, 2008. 240 s.

References

Andrzej, Albert [Roszkowski, W.]. *Najnowsza historia Polski. 1918–1980*. Londyn: Polonia, 1989, 1093 p.

Friszke, A. *Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989*. Warszawa: Wydawnictwo ISKRY, 2003, 517 p.

Gavrilovets, L. V. “K voprosu o pol'sko-germanskikh otnosheniiakh v 1949–1955 gg.” *Sovremennaia nauchnaia mysl'*, 2020, No 4, pp. 162–169.

Gomułka, W. *O problemie niemieckim. Artykuły i przemówienia*. Warszawa: Książka i wiedza, 1984, 469 p.

Istoriia diplomatii, ed. by A. A. Gromyko et al. Moscow: Politizdat, 1974, vol. 5, book 1, 752 p.

Noskova, A. F., Grigor'iants, T. V. “Zgozheletskii dogovor 1950 g.” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1975, No 5, pp. 3–12.

Orekhov, A. M. “Besedy pod svodami Bel'vedera. Vstrecha sovetskikh i pol'skikh rukovoditelei v Varshave 19 oktiabria 1956 g.” *Slavianskii al'manakh. 2007*. Moscow: Indrik, 2008, pp. 460–509.

Orekhov, A. M. *Ocherki istorii ekonomicheskikh otnoshenii SSSR – PNR. 1944–1957.* Moscow: Indrik, 2017, 272 p.

Plan Rapackiego. Dokumenty i materialy, oprac. W. Nagórski, M. Tomala. Warszawa: Książka i wiedza, 1959, 182 p.

Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii, ed. by G. F. Matveev, A. F. Noskova, L. S. Lykoshina. Moscow: Indrik, 2012, 952 p.

Polska w stosunkach międzynarodowych. 1945–1989. Wybór dokumentów, oprac. J. Zając. Warszawa: Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego, 2005, 322 p.

Roszkowski, W. *Półwiecze. Historia polityczna świata po 1945 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997, 636 p.

Ruchniewicz, R. "Misje Bertholda Beitza w Polsce na przełomie lat 50. i 60." *Między październikiem a grudniem. Polityka zagraniczna doby Gomułki*, ed. by K. Ruchniewicz, B. Szaynok, J. Tyszkiewicz. Toruń: Adam Marszałek, 2005, pp. 181–193.

Rykhlovskii, B. "V bor'be shestidesiatykh." *1968 god. «Prazhskaia vesna»: 50 let spustia. Ocherki istorii*, ed. by T. V. Volokitina, A. R. Lagno, A. F. Noskova, B. S. Novosel'tsev. Moscow; St Petersburg: Institut slavianovedeniia RAN; Nestor-Istoriia, 2021, pp. 267–309.

Stankov, N. N. *GDR i ee vostochnye sosedi. Stanovlenie otnoshenii s Pol'shei i Chekhoslovakiei. 1949–1955*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1991, 132 p.

Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski – Polacy – Żydzi – Niemcy – Ukraińcy, ed. by W. Sienkiewicz, G. Hryciuk; authors G. Hryciuk et al. Wrocław: Demart, 2008, 240 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.05

A. F. Noskova

On the History of PPR – FRG Treaty of 1970: From the Conflict of Interests to First Contacts (Late 1940s – Early 1960s)

Albina F. Noskova
Doctor of History, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: noskova.albina@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-9629-5648

Citation
Noskova A. F. On the History of PPR – FRG Treaty of 1970: From the Conflict of Interests to First Contacts (Late 1940s – Early 1960s) // Slavic Almanac. 2025. No. 1–2. P. 105–138 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.05

Received: 25.06.2024.
Revised: 17.09.2024.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The issue of the recognition of the Oder–Neisse line as the western border of Polish People's Republic (PPR) was one of the most important problems in the international relations in the Central and Eastern Europe after the World War II. The solution of the problem was complicated by the creation of two German states, the Federal Republic of Germany (FRG) and the German Democratic Republic, which didn't recognize each other. PPR managed to sign Treaty of Zgorzelec with GDR in 1950, which legalize the Oder–Neisse line as the western border between the two states. This border wasn't recognized by Konrad Adenauer, the chancellor of FRG and the ruling coalition of CDU / CSU. At the same time the government of the FRG was ready to develop Polish-German relations in economy and culture, from time to time reminding to the PPR about non-recognition of the Oder–Neisse line as the Polish western border. Adenauer's tactic was implemented through the exchange with the Polish side by the public declarations and publications in press as well as through the contacts between the government of the PPR and Berthold Beitz, the influential businessman and unofficial emissary of the chancellor. The PPR supported ties with Beitz, but on the main issue its position remained firm and unchangeable: first the recognition the Oder–Neisse line as the border and only then the establishment of diplomatic relations. The PPR could pursue such a policy due to the Soviet Union, which had been defending the Oder–Neisse line as the western Polish-German border since 1945.

Keywords
The Polish People's Republic, *the Federal Republic of Germany*, *Polish-German relations*, *the history of the Soviet foreign policy*, *the inviolability of frontiers*, *the territorial integrity.*

УДК 94(41/99)
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.06

А. С. Стыкалин

Венгерский опыт строительства социализма в эпоху Яноша Кадара: взгляд из XXI века

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
Ведущий специалист
Российский государственный архив социально-политической истории
125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование
Стыкалин А. С. Венгерский опыт строительства социализма в эпоху Яноша Кадара: взгляд из XXI века // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 139–160. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.06

Статья поступила в редакцию 09.12.2024.
Рецензирование завершено 12.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Придя к власти при прямой советской военной поддержке в ноябре 1956 г. в условиях глубокого внутриполитического кризиса в стране, венгерский политик Янош Кадар должен был на раннем этапе своей деятельности всецело выполнять волю Москвы. Однако, консолидировав власть и доказав, что полностью контролирует ситуацию в Венгрии, он мог позволить себе больше самостоятельности во внешней и внутренней политике. С начала 1960-х гг. режим неуклонно развивался по пути либерализации в соответствии с декларированным принципом «кто не против нас, тот с нами». В 1968 г. была начата экономическая реформа, однако в 1972–1974 гг. ее пришлось свернуть в силу внутренних противоречий и непрекращавшегося советского давления. С отказом от реформ венгерская модель социализма вступила в полосу кризиса, поддерживать достигнутый уровень благосостояния и минимизировать общественное недовольство удавалось лишь с помощью растущего внешнего долга. Специфика этой модели обеспечила, однако,

довольно плавный ее переход в иное качество в условиях «смены систем» на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

Ключевые слова
Венгрия, *венгерские события 1956 г.*, *венгерская модель социализма*, *Янош Кадар*, *советско-венгерские отношения*, *реформы социализма.*

Наиболее значительным совместным проектом российских и венгерских историков и архивистов, выполненным в первой половине 2020-х гг., стало комментированное научное издание записей советско-венгерских бесед и переговоров на высшем уровне в непростой период отношений двух стран, связанный с устранением последствий драматических событий осени 1956 г., явившихся серьезнейшим вызовом советской доминации в Центрально-Восточной Европе, установленной по итогам Второй мировой войны[1]. Близится к завершению работа над вторым томом, который охватит период с конца 1964 по 1982 г., т. е. годы, когда венгерскому лидеру Яношу Кадару приходилось обсуждать и решать ключевые проблемы двусторонних советско-венгерских связей (и обмениваться мнениями по самому широкому кругу вопросов международных отношений, социалистической интеграции и мирового коммунистического движения) в диалоге уже не с Н. С. Хрущевым, а с Л. И. Брежневым. Вводимые в научный оборот документы РГАНИ и Венгерского национального архива (не только записи самих встреч, но и материалы, к ним готовившиеся) проливают свет на характер взаимоотношений руководителей двух стран, реконструируют конкретные обстоятельства принятия тех или иных решений (и, в частности, тех, что повели к свертыванию венгерской экономической реформы в 1972–1973 гг.), показывают роль советского фактора в той динамике, которую претерпела в 1950-е – 1980-е гг. кадаровская модель социализма, своеобразие которой особенно проявилось с провозглашением в 1967 г. курса на вышеупомянутую экономическую реформу и с формированием (во многом усилиями главного идеолога Венгерской социалистической рабочей партии Дьёрдя Ацела) более либеральной идеологической и культурной политики.

1 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Венгрии. 1957–1964. Сборник документов / отв. ред. А. В. Юрасов; вступ. ст. и прим. А. С. Стыкалина. М., 2023.

Правительство Яноша Кадара, как известно, было приведено к власти в Венгрии волею советского руководства в условиях, когда последнее после некоторых колебаний пошло на силовое подавление мощнейшего восстания, потрясшего до самых основ всю партийно-государственную систему в этой союзнической стране[2]. При этом сам Янош Кадар не был той фигурой, которую руководители СССР, отказав в конце концов в поддержке скомпрометированному сталинисту Матяшу Ракоши, изначально хотели видеть в качестве его преемника. Прошедший в начале 1950-х годов через репрессии режима Ракоши Кадар относился к категории людей, «обиженных» существующей властью[3], и уже сам этот факт вызывал определенное недоверие к нему в Москве. Были вопросы и к его деятельности во время Второй мировой войны[4]. В конце апреля 1956 г. посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов доносил в Москву, что предполагаемое восстановление Кадара – под давлением снизу, т. е. со стороны местных партийных активистов – в политбюро, членом которого он состоял до ареста в 1951 г., станет несомненной уступкой «правым и демагогическим элементам», выступавшим за смену руководства партии (как раз в это время на волне XX съезда КПСС на партсобраниях зазвучала ранее немыслимая критика Ракоши и практикуемых им методов[5]).

---

2 Эти колебания нашли отражение в записях заседаний Президиума ЦК КПСС, на которых в конце октября 1956 г. обсуждался «венгерский вопрос» (см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. Раздел 3).

3 С именем М. Ракоши, стоявшего до лета 1956 г. во главе венгерской компартии (с 1948 г., после объединения коммунистов с левыми социал-демократами, Венгерской партии трудящихся – ВПТ), связана жесткая коммунистическая диктатура, в которую постепенно переросла коалиционная форма правления левых антифашистских сил, установленная после освобождения страны в 1944–1945 гг. от германского нацизма и доморощенного режима Салаши. Кадар находился в заключении в 1951–1954 гг.

4 Речь идет, в частности, о фактическом роспуске при участии Кадара структур подпольной компартии в 1943 г. в условиях, когда ее деятельность была затруднена преследованиями властей, а Коминтерн, осуществлявший координацию мирового коммунистического движения из СССР, прекратил свое существование.

5 См. телеграмму Ю. В. Андропова в МИД СССР от 29 апреля 1956 г., которая тут же была переслана в ЦК КПСС и стала предметом обсуждения на заседании Президиума ЦК 3 мая: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 63–66.

Правда, член Президиума ЦК КПСС М. А. Суслов, посетивший Венгрию в первой половине июня с рабочим (своего рода инспекционным) визитом, никакой угрозы для дела социализма в Венгрии в избрании Кадара в политбюро не увидел[6]. Не увидел ее и другой член Президиума ЦК КПСС, А. И. Микоян, побывавший в Венгрии в середине июля и от имени советского руководства санкционировавший отставку Ракоши на пленуме ЦК ВПТ[7]. Тем не менее вплоть до трагических октябрьских событий Кадар не воспринимался в Москве как потенциальный кандидат на первую роль в венгерской партии. Ситуация изменилась лишь с началом восстания 23 октября, причем всего за несколько дней развитие событий в стране зашло настолько далеко, что руководителям КПСС ради сохранения в Венгрии коммунистов у власти пришлось проявить готовность к немалым уступкам. В частности, с целью расширения социальной базы действующего правительства они должны были согласиться на включение в его состав политиков из крестьянских партий, фактически прекративших функционировать в конце 1940-х гг. А что касается создания новой партии, способной заменить распавшуюся во время октябрьских событий ВПТ, и образования нового правительства, готового при советской поддержке «железной рукой» навести порядок, Н. С. Хрущев в ходе чрезвычайной встречи (на о. Бриони в Адриатике в ночь со 2-го на 3-е ноября) с югославским лидером И. Брозом Тито принял его предложение сделать ставку именно на Кадара как на одного из наименее скомпрометированных в прежние годы и довольно авторитетных коммунистов[8].

Фигура Я. Кадара не слишком импонировала некоторым членам узкого советского руководства, которые особенно негативно восприняли его желание сразу отмежеваться от людей «команды Ракоши», не включать их в правительство. Н. С. Хрущеву приходилось

6 См. его телефонограмму из Будапешта от 13 июня 1956 г.: Там же. С. 85–87.

7 См. запись его беседы с Я. Кадаром от 14 июля: Там же. С. 160–168.

8 Из работ, анализирующих итоги брионской встречи, см.: *Едемский А. Б.* Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 г.) // Славянство, растворенное в крови. Сборник статей в честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2010. С. 349–370; *Едемский А. Б.* По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 462–488.

отстаивать свой выбор, преодолевая сопротивление В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова. Недоверие проявилось не только в начале ноября 1956 г., когда состоялись своего рода «смотрины» Кадара в Москве и ему пришлось перед членами Президиума ЦК КПСС излагать собственную концепцию вывода страны из глубокого кризиса[9], но и в марте 1957 г., когда Кадар прибыл с официальным визитом в СССР уже в качестве главы правительства и новой Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Правда, и сам Ракоши дал повод для того, чтобы в Москве окончательно поставили крест на его карьере. Утратив чувство реальности и самоконтроля, он буквально бомбардировал ЦК КПСС письмами с обвинениями Кадара и его окружения в проюгославском ревизионизме и мягкотелости в борьбе с «контрреволюцией». И когда дело дошло уже до прямых упреков руководителей КПСС в поощрении «гнилой линии», терпение в Кремле наконец иссякло. В апреле 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление, где прямо было констатировано, что Ракоши «не осознал существа своих прошлых ошибок и огромного вреда, причиненного этими ошибками как делу строительства социализма в Венгрии, так и интересам всего социалистического лагеря и международного коммунистического движения»[10]. В соответствии с этим постановлением, против которого не возражали и поддерживавшие до тех пор Ракоши В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов, бывший венгерский партийный лидер попадал в опалу. Он был оставлен в СССР на неопределенный срок, а местом его проживания на пенсии определили г. Краснодар, откуда было гораздо труднее, чем из Москвы, поддерживать связи с венгерскими делегациями и командированными лицами, приезжавшими по разным делам в СССР, и оказывать через них политическое влияние[11].

Как бы то ни было, недоверие советских лидеров Кадару приходилось преодолевать прежде всего собственными усилиями, идя на неизбежные компромиссы. Документы, и в том числе записи двусторонних встреч на высшем уровне, показывают, как менялась его позиция.

---

9 См. записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 2 и 3 ноября 1956 г., в которых участвовали и руководители будущего венгерского правительства Я. Кадар и Ф. Мюнних: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 515–522, 542–547.

10 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 1000.

11 На родину он так и не возвратился, скончавшись в 1971 г. в г. Горьком.

В начале ноября 1956 г., принимая участие в вышеупомянутых заседаниях Президиума ЦК КПСС, Кадар отстаивал требование скорейшего вывода советских войск. Но, вернувшись на родину, он смог воочию убедиться, сколь минимальна поддержка снизу его власти, опиравшейся исключительно на советские штыки (вооруженное сопротивление повстанцев в первую неделю после ввода войск; массовые забастовки и саботаж; формирование рабочих советов и их претензии выступить в качестве альтернативной власти). О том, насколько было изолировано от общества новое правительство, свидетельствует хотя бы тот факт, что в середине ноября Кадар не передвигался по оккупированному Будапешту без сопровождения переводчика, поскольку, совсем не владея в то время русским языком, не мог изъясниться с патрулями[12].

В первые месяцы пребывания во главе правительства Кадар не просто испытывал сильное давление Москвы, можно сказать больше: в ноябре 1956 г. Венгрией фактически управляли находившиеся в Будапеште члены Президиума ЦК КПСС Г. М. Маленков, М. А. Суслов и председатель КГБ И. А. Серов[13]. Венгерскому лидеру приходилось наращивать влияние постепенно, при этом не отклоняясь от исполнения воли советского руководства, поскольку при неудовлетворенности результатами происходившей в Венгрии консолидации оно всегда могло поставить и решить вопрос о его замене[14]. Первым успехом Кадара во взаимоотношениях с руководством КПСС явилось (помимо изоляции Ракоши) признание за ним права на формирование собственной команды из людей, которых он считал пригодными для выполнения ключевых функций в сложившихся условиях[15].

12 См. мемуары В. С. Байкова, который в ноябре 1956 г. был переводчиком Кадара: *Байков В. С.* 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб., 2016.

13 Их донесения того времени см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел 4.

14 Весьма показательно, что сразу после поездки Н. С. Хрущева в начале января 1957 г. в Будапешт, где прошло засекреченное совещание руководителей ряда стран Организации Варшавского договора (ОВД), посвященное положению в Венгрии, были приняты, явно под давлением Москвы, меры, ознаменовавшие собой ужесточение проводимой внутриполитической линии (в том числе приостановка деятельности Союза писателей и Союза журналистов, рассматривавшихся как идеологические центры оппозиции).

15 Из членов политбюро ЦК ВПТ времен Ракоши в руководство ВСРП и новое правительство вошел только А. Апро, впоследствии долгие годы возглавлявший венгерские делегации на двусторонних советско-венгерских экономических переговорах.

К ноябрю 1957 г. положение в Венгрии уже не вызывало слишком большого беспокойства руководителей СССР, об этом можно судить хотя бы по тому, что в дни большого московского совещания компартий в ходе встречи с Я. Кадаром Н. С. Хрущев, как это ни удивительно, уделил больше внимания ситуации на Ближнем Востоке, нежели внутренним проблемам Венгрии[16]. А в апреле следующего, 1958-го, года по итогам 10-дневного официального визита в Венгрию Хрущев убедился, что консолидация власти проходит успешно, положение в Венгрии стабильно, страна перестала быть слабым звеном в восточном, советском блоке. И, соответственно, пришел к выводу, что выбор Кадара в качестве нового партийно-государственного лидера себя оправдал[17].

Это, впрочем, отнюдь не означало улучшения имиджа режима Я. Кадара в мировом общественном мнении, что проявилось и в его международной изоляции. Казнь в июне 1958 г. бывшего премьер-министра Имре Надя, чья неспособность сдержать осенью 1956 г. резкий сдвиг вправо была расценена на организованном судебном процессе как сознательная попытка свержения существующего государственного строя, вызвала крайне негативный отклик даже в левых кругах, включая западные компартии[18]. Однако к началу 1960-х гг. этот режим, воспринимавшийся многими в мире как одиозный, претерпел заметную эволюцию. По мере укрепления власти и стабилизации экономического положения менялась и тактика

16 См.: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Budapest, 1997. 230–231. о. Публикация материалов совещания дает представление о роли Кадара и характере обсуждения на нем «венгерского вопроса» в свете событий осени 1956 г.: Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., 2013.

17 См.: *Стыкалин А. С., Джалилов Т. А.* «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, – это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 389–419.

18 См., например, запись беседы с председателем компартии Великобритании Г. Поллитом от 21 июля 1958 г.: Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД // Исторический архив. 1995. № 1. С. 46. О деятельности Имре Надя в условиях венгерской антитоталитарной революции 1956 г. и о последующей подготовке судебного процесса по его делу см.: *Райнер М. Я.* Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

Кадара, стремившегося обрести внутренние опоры устойчивости своего правления, не зависящие от присутствия в Венгрии советских войск. Задачи запугивания реальной или потенциальной оппозиции отходили на второй план, уступая место попыткам «наведения мостов» к венгерской нации. В 1960–1963 гг. было амнистировано большинство осужденных и переживших репрессии участников событий 1956 г., что вызвало благоприятный отклик в мире: венгерский вопрос в 1963 г. был снят с повестки дня ООН, страна начала выходить из внешнеполитической изоляции[19]. Ранее завоеванное политическое доверие руководства СССР позволяло венгерскому правительству не только ослабить давление на общество, но и расширить поле внешнеполитических маневров, хотя и с оглядкой на Москву. К середине 1960-х гг. восстановились полноценные дипломатические отношения на уровне послов почти со всеми западноевропейскими странами (включая Великобританию, Францию, Италию, соседнюю Австрию), в 1967 г. – с США[20]. Открытость контактам с Западом и некоторая либерализация особенно проявились в культурной политике, что способствовало оживлению в разных областях художественного творчества и гуманитарного знания. Интеллигенция в 1960-е гг. получила возможность выезжать на Запад, а у себя дома свободно излагать взгляды по многим вопросам, не касаясь лишь узкого круга табуированных тем. Нельзя было, в частности, публично и резко критиковать политику лидеров СССР, требовать вывода советских войск и называть события осени 1956 г. «революцией», ибо такое определение автоматически делегитимизировало приход кадаровского правительства к власти.

---

19 См.: *Стыкалин А. С.* Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН и проблемы выхода Венгрии из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 100–131.

20 Некоторое исключение составляла ФРГ, внешнюю политику которой до 1969 г. определяла доктрина Хальштейна, исходившая из непризнания ГДР и не позволявшая никому, кроме СССР, поддерживать дипломатические отношения одновременно с обоими германскими государствами (она была смягчена только в 1967–1968 гг. с установлением дипотношений Румынии и Югославии с Западной Германией). Но даже при отсутствии дипотношений ФРГ выдвинулась на роль наиболее значительного торгового партнера Венгрии из числа западных стран. Торговые представительства ФРГ и Венгрии с 1963 г. обладали и консульскими функциями.

Особого упоминания заслуживает отношение венгерского партийного актива и более широкого общественного мнения к принципам построения социализма, декларированным Союзом коммунистов Югославии (так называемой концепции самоуправления). Югославский опыт при всей его неоднозначности привлекал большое внимание реформаторски настроенных венгерских коммунистов в 1956 г. на волне XX съезда КПСС и разоблачений сталинской политической практики. Однако после всего пережитого венграми осенью 1956 г. югославская однопартийная модель с фиктивным рабочим самоуправлением смотрелась весьма тускло на фоне восстановленного в дни октября, пусть на короткий срок, коалиционного правления, а тем более на фоне собственных рабочих советов, некоторое время реально претендовавших на роль альтернативы однопартийной системе. Сторонники далеко идущих демократических перемен сильно разочаровались в режиме Тито ввиду его крайне непоследовательной линии в условиях венгерских событий[21]. Что же касается Кадара и его команды, оказавшихся у власти вследствие подавления революции, то они были заинтересованы в хороших отношениях с Югославией (тем более что она сразу официально признала новое венгерское правительство). Вместе с тем им явно были не по душе апологетические высказывания главного идеолога Союза коммунистов Югославии Э. Карделя о находившихся в оппозиции кадаровскому режиму венгерских рабочих советах, в которых в условиях хаоса и временного безвластия конца октября – начала ноября 1956 г. он увидел «единственную реальную социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях»[22]. Почву для конфликта создавало и «дело» Имре

21 См.: *Гибианский Л. Я.* Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / отв. ред. А. С. Стыкалин. М.; СПб., 2018. С. 62–91.

22 Выступление Э. Карделя в Скупщине Федеративной Народной республики Югославии (ФНРЮ) от 7 декабря 1956 г., в котором содержалась подобная характеристика, было подвергнуто критике и в советской печати. См.: *Румянцев А.* Социалистическая действительность и «теории» тов. Э. Карделя // Коммунист. 1956. № 18. С. 11–34.

Надя, который, как известно, со вступлением советских войск в Будапешт на рассвете 4 ноября нашел убежище в югославском посольстве, после выхода из него был задержан и депортирован в Румынию, а позже передан новым венгерским властям и казнен вопреки данным югославам обещаниям не привлекать его к ответственности[23]. Как бы то ни было, обе стороны предприняли усилия по нормализации отношений, ни одна из них не была заинтересована в том, чтобы педалировать напряженность. Летом 1963 г. Кадар говорил посетившему Венгрию генеральному секретарю ООН У Тану, что в отношениях Венгрии и Югославии на тот момент не существовало проблемы И. Надя: «Об этом деле не вспоминают и считают его закрытым, а значит нет необходимости и в том, чтобы его ворошила какая-либо третья сторона»[24]. Венгерское руководство выступало за поступательное развитие межгосударственных отношений с ФНРЮ, и эти отношения активно развивались – при том, что в Будапеште действовали с оглядкой на Москву и вопреки предложениям югославов не шли на установление тесных межпартийных связей, учитывая, что критика югославского ревизионизма была включена в итоговый документ совещания компартий 1960 г.[25] С другой стороны, ни венгерская партийно-государственная элита, ни общественное мнение, крайне чувствительное к положению венгерских национальных меньшинств в соседних странах, не имели в этом плане претензий к Югославии, более того, последняя зачастую выступала как позитивный пример, который при случае противопоставляли нарушению прав трансильванских венгров румынскими властями, что нашло отражение и в записях двусторонних советско-венгерских бесед на высшем уровне[26].

Экономическое положение в Венгрии с каждым годом улучшалось, рос уровень жизни населения – в немалой мере благодаря советским

23 См.: *Стыкалин А. С.* «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017. С. 275–295.

24 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Венгрии. 1957–1964. С. 664.

25 Правда. 1960. 6 декабря.

26 К теме румынского национализма стороны нередко обращались в ходе бесед и в связи с особой позицией Румынии по вопросам экономической интеграции социалистических стран, отношений с Китаем и т. д.

финансовым вливаниям[27], но также и благодаря довольно взвешенной аграрной политике, ставившей во главу угла эффективность работы сельхозкооперативов, создававшихся с конца 1950-х гг. не без учета реальных материальных интересов крестьянства – по контрасту с коллективизацией начала 1950-х, следовавшей советским образцам.

На фоне естественных ожиданий венгерским обществом (прошедшим в XX в. через огромные политические и социальные потрясения) более спокойной и благополучной жизни коммунист-прагматик Я. Кадар выдвинул в 1961 г. знаменитый программный лозунг «Кто не против нас, тот с нами», ставший по сути главной идеологемой венгерской модели социализма. В качестве цели провозглашалось достижение национального единства, согласия и примирения на определенной компромиссной платформе. Речь шла о взаимных уступках: заключая с венгерской нацией своего рода негласный общественный договор, правительство монопольно правившей партии, ВСРП, требовало от граждан минимального конформизма, и прежде всего отказа от политической активности (которая легко могла принять оппозиционный характер) и соблюдения ряда вышеупомянутых табу, в обмен не только на гарантированный и по возможности растущий материальный достаток[28], но и на право дополнительно зарабатывать в системе теневой экономики с элементами рынка. Известный бухаринский лозунг 1920-х гг. «Обогащайтесь!» получил наиболее законченное воплощение в условиях реального социализма 1960-х – 1970-х гг. именно в кадаровской Венгрии. Венгерское общество, уставшее от материальных лишений и духовных травм минувших десятилетий[29], заинтересованное в стабильности и спокойствии, в целом готово было принять эти правила игры: политическая активность сознательно

---

27 См.: Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М., 2012.

28 Поскольку экономическая реформа, начатая в 1968 г., к 1973–1974 гг. была свернута в силу как неблагоприятных внешних факторов, так и противодействия части венгерского общества, недовольного усилением социального расслоения, экономика оставалась неэффективной, и ради повышения, а затем и просто поддержания достигнутого жизненного уровня приходилось увеличивать внешний долг, что создало Венгрии немалые проблемы в 1970-е годы, с повышением цен на нефть в результате конфликта 1973 г. на Ближнем Востоке.

29 Начиная с Трианонского мирного договора 1920 г., сократившего втрое территорию венгерского государства.

приносилась подавляющим большинством граждан в жертву постепенно растущему материальному благополучию, и этот рост удавалось обеспечивать до второй половины 1970-х гг., когда вследствие неблагоприятной экономической конъюнктуры возникли новые трудности. Именно в создании деполитизированного общества режим видел главную задачу своей идеологической политики, резонно связывая с любого рода политизацией не просто возникновение потенциальной фронды, но и перспективу формирования реальной оппозиции (официально это, конечно, не афишировалось). Этой программе, как выше уже было отмечено, соответствовала и культурная политика, связанная прежде всего с именем Дьёрдя Ацела: она не только декларировала, но и на практике проявляла толерантность ко всем явлениям общественной мысли и художественного творчества, не угрожавшим основам существующего режима[30].

Убеждаясь в прочности коммунистического режима в кадаровской Венгрии и лояльности ее лидера общей линии советского блока[31], Москва в свою очередь была готова предоставить Кадару несколько больше свободы во внутренней политике. Воспользовавшись этим, он и решился приступить в 1968 г. к реформе всего экономического механизма, предполагавшей расширение коммерческой самостоятельности предприятий, обеспечение некоторого простора для частной инициативы в торговле и сфере обслуживания, более широкое применение материальных стимулов в экономике, которым венгерская прагматическая модель реального социализма 1960-х – 1970-х гг. всегда отдавала предпочтение перед любыми другими стимулами (показательны высказывания Кадара о «естественном праве людей завтра

30 О положении творческой интеллигенции в кадаровской Венгрии в условиях либерализации коммунистического режима см.: *Гусев Ю. П.* Диссиденты и диссидентствующие // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2014. С. 610–625. О деятельности главного идеолога режима Кадара Д. Ацела в контексте своей эпохи см.: *Révész S.* Aczél és korunk. Budapest, 1997.

31 Эта лояльность отчетливо проявилась в условиях глубокого раскола в мировом коммунистическом движении, связанного с борьбой КПСС и КПК за доминирование в нем. Позиция ВСРП в этом плане, как и ее позиция по вопросам экономической интеграции стран СЭВ, особенно резко контрастировала с линией румынской компартии, возглавляемой в 1965–1989 гг. Н. Чаушеску.

жить лучше, чем сегодня» и о том, что «народ существует не для того, чтобы опробовать на нем правоту марксизма»). Я. Кадар и его окружение надеялись, что реализация их реформаторских планов придаст свежие силы венгерскому социализму.

Руководство ВСРП внимательно наблюдало за Пражской весной[32]. Поддерживая экономическую составляющую чехословацких реформ, Кадар в то же время предостерегал лидеров соседней страны от утраты контроля за ходом событий и от далеко идущих политических нововведений, способных ослабить и даже поставить под угрозу руководящую роль правящей компартии (эта догма для него, коммуниста с многолетним стажем, оставалась священной до последних дней жизни[33]). Вместе с тем в Будапеште осознавали, что полный крах Пражской весны нанесет удар и по осуществлению планов венгерских реформ, направленных на рационализацию экономики, а потому, критикуя чехов за неприемлемые для него уступки, Кадар в то же время отдавал несомненное предпочтение политическому разрешению конфликта между Прагой и Москвой. Летом 1968 г. венгерский лидер пытался даже выступить в роли посредника (редкий случай, когда он взял на себя столь активную миссию во внешней политике!). Однако в момент развязки Кадар, не решившись противопоставить себя большинству союзников по ОВД, дал, как известно, принципиальное согласие на участие Венгрии в военной акции 21 августа 1968 г. (которую сам считал явно преждевременной)[34]. Его вынужденный компромисс стал отражением неблагоприятных условий и объективных исторических лимитов, в которых реализовывалась реформаторская программа венгерского социализма. Август 1968 г. не только стал новой демонстрацией прочности биполярной ялтинско-потсдамской системы, но и еще раз напомнил венграм об ограниченном суверенитете их государства в условиях его принадлежности к советскому блоку.

---

32 См. подробно: *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21–41.

33 Последняя речь Яноша Кадара // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 141–159.

34 Его позиция проявилась в ходе обсуждения чехословацкого вопроса на встречах лидеров ряда стран – членов ОВД в 20-х числах августа 1968 г. См.: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010.

Попытка спасти ценой компромисса экономические реформы, таким образом, не удалась. Важно иметь в виду, что реформы эти были свернуты не столько в результате внутренних трудностей и противоречий, сколько вследствие непрекращавшегося советского давления[35]. Вместе с тем вплоть до второй половины 1970-х гг. в Венгрии, пусть ценой внешнего долга, но в целом удавалось поддерживать достигнутый жизненный уровень.

Продолжали развиваться разносторонние (в том числе экономические и культурные) связи страны с внешним миром. Как умеренный коммунист-прагматик, персонифицировавший собой довольно благополучную социалистическую страну, ставшую на какое-то время витриной советского блока, Кадар в 1970-е гг. был довольно популярен в западноевропейском экспертном сообществе. Можно сказать больше: среди западных леволиберальных экспертов в середине 1970-х возникает даже своего рода мода на Кадара, о нем все чаще пишут не только как о коммунисте-реформаторе, но и как о наиболее респектабельном восточноевропейском политике, которому удалось надолго примирить общество с коммунистическим режимом[36]. Этому способствовала и довольно продуманная внешняя политика. Оставаясь лояльным членом ОВД, Венгрия вместе с тем проявляла постоянную заинтересованность в общеевропейском и региональном сотрудничестве. Показательно выступление Кадара на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемся в Хельсинки летом 1975 г. Неожиданно для Москвы (опасавшейся любого напоминания о застарелых территориальных спорах в сфере ее влияния) венгерский лидер вдруг напомнил мировому общественному мнению о незаживающей для национального сознания венгров ране – Трианонском договоре, сделав это, однако, отнюдь не в реваншистских целях. Он говорил о том, что Венгрия объективно заинтересована в экономической открытости и интеграционных процессах в большей мере, нежели многие другие страны, поскольку это единственный путь, способный в экономическом плане компенсировать территориальные утраты, явившиеся неизбежным следствием мировых катаклизмов.

---

35 Это давление нашло отражение в записях встреч Л. И. Брежнева и Я. Кадара за 1972 и последующие годы, которые будут опубликованы в готовящемся к печати втором томе вышеупомянутого сборника записей советско-венгерских переговоров на высшем уровне.

36 См., например: *Shawcross W.* Crime and Compromise: János Kádár and the politics of Hungary since Revolution. New York, 1974.

В знак признания заслуг Кадара в придании политическому режиму «более человеческого» лица Венгрии была торжественно возвращена национальная реликвия — корона первого венгерского короля, «святого Иштвана», вывезенная в конце Второй мировой войны на Запад. В 1970-е гг. с Кадаром встречались Валери Жискар д'Эстен и Вилли Брандт, Франсуа Миттеран и папа римский Павел VI. Западное леволиберальное общественное мнение было зачастую склонно идеализировать венгерского лидера. Так, казнь Имре Надя приписывали почти исключительно давлению Москвы, и только в 2000-е гг. наступила пора демифологизации. Как явствует из опубликованной в это время нами записи заседания Президиума ЦК КПСС от 5 февраля 1958 г., Кадару в совершенно недвусмысленной форме предлагалось проявить не только твердость, но и великодушие[37], что можно однозначно интерпретировать как пожелание не доводить суд над Имре Надем до смертного приговора (дело было, впрочем, как представляется, отнюдь не в «гуманизме» советских лидеров, а в том, что смертный приговор испортил бы на Западе впечатление от новых мирных инициатив СССР). В действиях же Кадара была своя логика, он ослушался тогда Москву, и не только под давлением собственных сталинистов, которых жестким приговором Имре Надю навсегда разоружил. Свергнутый премьер, отказавшийся признать новую власть, самим существованием воплощал бы живую политическую альтернативу и напоминал бы до конца своих дней венгерской нации о нелигитимности прихода Кадара к власти. В силу этого он был крайне неудобен для последнего.

Однако именно в те годы, когда популярность Кадара на Западе достигла своего пика, венгерская модель социализма медленно, но неотвратимо вступила в полосу кризиса, что проявилось в исчерпанности внутренних ресурсов для продолжения экономического подъема, новых симптомах общественного недовольства и ответном усилении административного пресса. 15 марта 1973 г., в день 125-летия начала революции 1848 г., была разогнана масштабная студенческая демонстрация. Идеологическая и культурная политика более четко обозначала пределы толерантности к оппозиционным явлениям; подвергались травле влиятельные интеллектуалы, в том числе из учеников всемирно известного философа-марксиста Дьёрдя Лукача (Агнеш Хеллер и др.), что заставило некоторых из них со временем покинуть страну. Со второй половины 1970-х годов

37 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 293.

кадаровская Венгрия медленно, но со всей определенностью приближалась к экономическим и политическим стандартам находящегося в зоне влияния СССР социалистического государства, присущим застойной брежневской эпохе, сохраняя некоторый флер либерализма, все более испарявшийся, но проявлявшийся, помимо культурной политики, в ограниченном присутствии мелкого предпринимательства в торговле, сфере услуг, строительстве и т. д. Поскольку экономика не была эффективной, негласный общественный договор, гарантировавший неуклонное повышение уровня жизни населения в обмен на отказ от нежелательной политической активности, к началу 1980-х уже не всегда удавалось выполнять даже ценой постоянно растущего внешнего долга. Чтобы несколько ослабить экономическую зависимость от СССР и расширить поле для маневрирования во внешнеторговой сфере, в 1982 г. Венгрия вопреки настоятельным рекомендациям Москвы (!) вступила в Международный валютный фонд. В условиях роста общественного недовольства к началу 1980-х гг. в кадаровской Венгрии сформировались структуры оппозиционного движения, активизировался самиздат, привлекавший все большее внимание интеллигенции. Радикальное крыло оппозиции, солидаризируясь с идеями и лозунгами польской «Солидарности», было не против перенесения тех же методов на венгерскую почву, что всерьез беспокоило Кадара и его окружение. Выходца из будапештского пролетариата, знавшего его менталитет изнутри и умевшего излагать любые идеи на доступном языке, Кадара ничто так не волновало, как утрата доверия к себе и своему правлению основной массы рабочего класса.

Венгрия поддержала введение военного положения в Польше 13 декабря 1981 г.; к разочарованию Запада, она ни на шаг не отклонилась от выполнения союзнических обязательств в условиях нового витка холодной войны[38]. Негативное отношение к вторжению СССР в Афганистан венгерское руководство не афишировало[39]. Вместе с тем

38 См. подробнее: *Стыкалин А. С.* Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // Славяноведение. 2011. № 5. С. 52–67.

39 По глубокому убеждению Я. Кадара, ОВД, как это изначально было определено при ее создании в 1955 г., должна была всегда оставаться структурой европейской; он всегда высказывался против планов включения в нее Кубы и Монголии, ибо это неизбежно привело бы к усилению конфронтации стран ОВД с США и, соответственно, с Китаем.

оно не скрывало обеспокоенности тем, что в обстановке усиления конфронтационности не удастся сохранить достигнутый уровень всеевропейского сотрудничества, и в той мере, в какой позволял статус малой страны – члена ОВД, прилагало все усилия для того, чтобы свести к минимуму негативные эффекты[40]. В этих непростых условиях Венгрию и ее многолетнего правителя застал приход к власти в СССР команды М. С. Горбачева с заявленной ею программой кардинального обновления основ мирового социализма. К концу 1980-х гг. для большинства граждан Венгрии стало очевидно, что реальный социализм даже в его умеренно-прагматическом венгерском варианте не выдержал испытания временем и должен был неминуемо уступить место иным, плюралистическим и основанным не на государственной собственности формам общественного устройства.

Специфика кадаровского режима в Венгрии позволила сделать более плавным переход от монополии коммунистов на власть к реальной многопартийности и выборам на конкурентной основе в конце 1980-х гг. Но результат, однако, мало чем отличался от того, что произошло в других странах Восточной Европы. День смерти Кадара 6 июля 1989 г. символическим образом совпал с полной юридической реабилитацией его политического оппонента Имре Надя, который не был в отличие от Кадара сильным практическим политиком, но чье идейное наследие оказалось широко востребовано в эпоху смены систем, ознаменовавшей начало принципиально нового этапа в истории страны.

Союзнические обязательства Венгрии как члена ОВД по определению не могли быть перенесены на азиатскую или латиноамериканскую почву. С другой стороны, Кадар дорожил своей репутацией коммуниста, свободного от национальной ограниченности, и в силу этого охотно подключался к акциям проявления солидарности с коммунистическим движением за пределами советского блока. Показательно также подключение венгерской дипломатии в середине 1960-х гг. к мирному урегулированию во Вьетнаме.

40 Из литературы о внешней политике Венгрии в этот период см.: *Békés C.* Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union. Chapel Hill, 2022. Chapter 9.

Источники и литература

Байков В. С. 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 152 с.

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Венгрии. 1957–1964. Сборник документов / отв. ред. А. В. Юрасов; вступ. ст. и прим. А. С. Стыкалина. М.: Кучково поле Музеон, 2023. 992 с.

Гибианский Л. Я. Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / отв. ред. А. С. Стыкалин. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 62–91.

Гусев Ю. П. Диссиденты и диссидентствующие // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 610–625.

Едемский А. Б. Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 г.) // Славянство, растворенное в крови. Сборник статей в честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 349–370.

Едемский А. Б. По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М.: Индрик, 2011. С. 462–488.

Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД / публикацию подготовили Е. Д. Орехова и В. Т. Середа // Исторический архив. 1995. № 1. С. 46–49.

Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М.: РОССПЭН, 2013. 624 с.

Последняя речь Яноша Кадара / публ. О. Якименко // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 141–159.

Правда (газета). 1960.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2010. 428 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 1344 с.

Райнер М. Я. Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М.: Логос, 2006. 328 с.

Румянцев А. Социалистическая действительность и «теории» тов. Э. Карделя // Коммунист. 1956. № 18. С. 11–34.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.

Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2012. 576 с.

Стыкалин А. С. «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 275–295.

Стыкалин А. С. Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН и проблемы выхода Венгрии из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 100–131. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06.

Стыкалин А. С. Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // Славяноведение. 2011. № 5. С. 52–67.

Стыкалин А. С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21–41.

Стыкалин А. С., *Джалилов Т. А.* «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, – это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04.

Békés C. Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2022. 400 p.

Révész S. Aczél és korunk. Budapest: Sík, 1997. 440 p.

Shawcross W. Crime and Compromise: János Kádár and the politics of Hungary since Revolution. New York: E. P. Dutton, 1974. 312 p.

Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Budapest: MTA, 1997. 498 p.

References

Baikov, V. S. *1956. Vengriia glazami ochevidtsa*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 152 p.

Békés, C. *Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2022, 400 p.

Edemskii, A. B. "Byl li tainyi sgovor na Brionakh nakanune vtoroi sovetskoi interventsii v Vengrii? (Sovetsko-iugoslavskie konsul'tatsii 2–3 noiabria 1956 g.)."

Slavianstvo, rastvorennoe v krovi. Sbornik statei v chest' 80-letiia so dnia rozhdeniia V. K. Volkova, ed. by K. V. Nikiforov. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2010, pp. 349–370.

Edemskii, A. B. "Po sledam sekretnykh konsul'tatsii na Brionakh 2–3 noiabria 1956 g." *Slavianskii al'manakh*, 2010. Moscow: Indrik, 2011, pp. 462–488.

Gibianskii, L. Ia. "Vengerskaia revolutsiia i iskushenie «antistalinskogo stalinizma»: rukovodstvo Iugoslavii mezhdu stremleniiami k podryvu blokovogo gegemonizma Kremlia i k sokhraneniiu kommunisticheskogo gospodstva v Vostochnoi Evrope." *Vengerskii krizis 1956 g. v kontekste khrushchovskoi ottepeli, mezhdunarodnykh i mezhblokovykh otnoshenii*, ed. by A. S. Stykalin. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018, pp. 62–91.

Gusev, Iu. P. "Dissidenty i dissidentstvuiushchie." *Inakomyslie v usloviiakh "real'nogo sotsializma". Poiski novoi gosudarstvennosti. Konets 60-kh – 80-e gg. XX v.*, ed. by K. V. Nikiforov. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014, pp. 610–625.

"Kompartiia Velikobritanii i vengerskii krizis 1956 goda. Dokumenty iz fondov TsKhSD," prepared by E. D. Orekhova, V. T. Sereda. *Istoricheskii arkhiv*, 1995, No 1, pp. 46–49.

Mezhdunarodnye soveshchaniia predstavitelei kommunisticheskikh i rabochikh partii v Moskve (noiabr' 1957 g.). Moscow: ROSSPEN, 2013, 624 p.

"Posledniaia rech' Janosa Kadara," publ. by O. Iakimenko. *Neprikosnovennyi zapas*, 2015, No 4, pp. 141–159.

"Prazhskaia vesna" i mezhdunarodnyi krizis 1968 goda. Dokumenty. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia", 2010, 428 p.

Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Vol. 1. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Moscow: ROSSPEN, 2003, 1344 p.

Rainer, M. J. *Imre Nagy, prem'er-ministr vengerskoi revoliutsii 1956 goda. Politicheskaia biografiia*. Moscow: Logos, 2006, 328 p.

Révész, S. *Aczél és korunk*. Budapest: Sík, 1997, 440 p.

Rumiantsev, A. "Sotsialisticheskaia deistvitel'nost' i "teorii" tov. E. Kardelia." *Kommunist*, 1956, No 18, pp. 11–34.

Shawcross, W. *Crime and Compromise: János Kádár and the politics of Hungary since Revolution*. New York: E. P. Dutton, 1974, 312 p.

Sovetskii Soiuz i vengerskii krizis 1956 goda. Dokumenty. Moscow: ROSSPEN, 1998, 864 p.

Sovetsko-vengerskie ekonomicheskie otnosheniia. 1948–1973. Dokumenty. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia", 2012, 576 p.

Stykalin, A. S. "«Delo Imre Nagya» v kontekste sovetsko-iugoslavskikh i vengersko-iugoslavskikh otnoshenii 1950-kh godov." *Slaviane i Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii*, ed. by S. I. Danchenko. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2017, pp. 275–295.

Stykalin, A. S. “Obsuzhdenie «vengerskogo voprosa» v OON i problemy vykhoda Vengrii iz vneshnepoliticheskoi izoliatsii (1957–1963 gg.).” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 1–2, pp. 100–131. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06.

Stykalin, A. S. “Pol'skii krizis 1980–1981 godov i pozitsiia rukovodstva Vengrii. Opyt sobytii 1956 goda v 25-letnei retrospective.” *Slavianovedenie*, 2011, No 5, pp. 52–67.

Stykalin, A. S. “«Prazhskaia vesna» 1968 goda i pozitsiia rukovodstva Vengrii.” *Novaia i noveishaia istoriia*, 2012, No 5, pp. 21–41.

Stykalin, A. S., Dzhalilov, T. A. “«Dumat', chto kommunisticheskoe obshchestvo budet v predelakh granits Sovetskogo Soiuza, – eto znachit nichego ne ponimat' v kommunizme». Neopublikovannoe vystuplenie N. S. Khrushchova v Vengrii (aprel' 1958 g.).” *Slavianskii al'manakh*, 2022, No 1–2, pp. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04.

Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Budapest: MTA, 1997, 498 p.

Vstrechi i peregovoryi na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Vengrii. 1957–1964. Sbornik dokumentov, ed. by A. V. Iurasov, preface and comm. by A. S. Stykalin. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2023, 992 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.06 ***A. S. Stykalin***

The Hungarian Experience of Building Socialism in the Era of János Kádár in a Historical Retrospective

Alexander S. Stykalin
Candidate of History, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
Leading Specialist
Russian State Archive of Social-Political History
125009, Bol’shaya Dmitrovka 15, Moscow, Russian Federation
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation
Stykalin A. S. The Hungarian Experience of Building Socialism in the Era of János Kádár in a Historical Retrospective // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 139–160 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.06

Received: 09.12.2024.
Revised: 12.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The Hungarian Communist politician János Kádár, having come to power with direct Soviet military support in November 1956 in the days of a deep internal political crisis in the country, had to fully comply with the will of Moscow at the early stage of his tenure as the head of the government. However, having consolidated his power and proven to the Soviet leaders that he was in complete control of the situation in Hungary, he could allow himself more independence in foreign and domestic policy. Since the early 1960s, the regime has steadily developed along the path of liberalization in accordance with the declared principle "whoever is not against us is with us". In 1968, an economic reform was launched aimed at making the economy more efficient, but in 1972–1974 it was forced to be curtailed due to internal contradictions and ongoing Soviet pressure. With the refusal of reforms, the Hungarian model of socialism entered a period of crisis; it was only possible to maintain the already achieved level of welfare and to minimize public discontent with the help of a growing external debt. The specifics of this model, however, ensured a fairly smooth transition to an entirely different model in the context of a "change of systems" at the turn of the 1980s – 1990s.

Keywords
Hungary, *Hungarian events of 1956*, *Hungarian model of socialism*, *János Kádár*, *Soviet-Hungarian relations*, *socialist reforms*.

УДК 94(437)
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.07

М. Ю. Анхимюк

Вишеградская группа в политике безопасности Чешской Республики на современном этапе

Анхимюк Мстислав Юрьевич
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mankhimiuk@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6785-2070

Цитирование
Анхимюк М. Ю. Вишеградская группа в политике безопасности Чешской Республики на современном этапе // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 161–180. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.07

Статья поступила в редакцию 17.12.2024.
Рецензирование завершено 03.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Образованная в 1991 г. Вишеградская группа, объединяющая четыре центральноевропейские страны – Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию, за более чем три десятилетия своего существования прошла несколько периодов повышения и снижения активности своих членов в сотрудничестве по вопросам безопасности. После 2022 г. в чешском истеблишменте и среди экспертов все чаще стали звучать призывы к постановке под сомнение самой целесообразности кооперации в вишеградском формате. В настоящей статье впервые в отечественной исторической науке проанализированы новые стратегические документы правительства Чешской Республики (ЧР) и стенограммы заседаний Палаты депутатов чешского парламента в сфере безопасности, а также совместные заявления вишеградской «четверки» с целью определить уровень значимости для Чехии взаимодействия с тремя соседними странами в контексте политики безопасности. Особое внимание уделяется рассмотрению концептуальной роли Чешской Республики в системах безопасности НАТО и ЕС, в том числе степени включенности ЧР в глобальные и региональные проекты безопасности и обороны в Европе. Структурный анализ связей внутри Вишеградской группы

позволил выделить два основных направления в сфере безопасности, вокруг которых сосредоточено взаимодействие Чехии с ее партнерами по объединению на современном этапе. Это, во-первых, сотрудничество по вопросам обороны, включающее совместные учения и формирование общих боевых подразделений, во-вторых, скоординированная политика в отношении борьбы с нелегальной миграцией в регионе.

Ключевые слова
Чешская Республика, *внешняя политика*, *международные отношения*, *Вишеградская группа*, *политика безопасности*, *военное сотрудничество*, *миграционная политика*, *НАТО*, *ЕС*, *PESCO*.

В июле 2024 г. Чешская Республика (ЧР) завершила председательство в Вишеградской группе (В4)[1], передав эстафету Польше. В своей программе чешская сторона сделала акцент на «возвращении к истокам» сотрудничества в вишеградском формате на основе общих принципов прав человека, свободы, демократии, верховенства закона, добрососедских отношений, а также приверженности Европейскому союзу (ЕС) и Североатлантическому альянсу (НАТО)[2]. Опасения чехов, связанные с необходимостью сохранения общих с соседними государствами ценностей, а также намерениями по возобновлению кооперации, можно объяснить следующим. Именно в последние годы наблюдается ослабление связей между партнерами по объединению – Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией, в основном из-за разногласий в трактовках причин и формах оказания помощи в рамках вооруженного конфликта на Украине, что наглядно продемонстрировал прошедший в феврале 2024 г. саммит премьер-министров В4. Чешские официальные лица сегодня по-разному оценивают роль Вишеградской группы в международных отношениях. Так, например, президент ЧР П. Павел после своей инаугурации в марте 2023 г.

1 Вишеградская группа – созданное в 1991 г. субрегиональное объединение трех (после распада ЧСФР в 1993 г. – четырех) стран, стремившихся к вхождению в европейские военно-политические и экономические структуры.

2 V4 Citizens. Programme of the Czech Presidency of the Visegrad Group 2023/2024 // Visegrad Group. 2024. URL: https://www.visegradgroup.eu/home/v4-presidency (дата обращения: 09.09.2024).

заявил, что воспринимает «четверку» скорее как консультативный форум, у которого нет амбиций по детальной координации внешней политики или политики безопасности[3]. Его предшественники на этом посту не подвергали сомнению необходимость существования вишеградского формата. М. Земан призывал не просто сохранить, но и расширить объединение, пригласив в него Словению[4], а В. Клаус не раз выражал свою поддержку Вишеградской группе как эффективной платформе для сотрудничества между странами региона в присущей ему евроскептической риторике[5].

Если с точки зрения сотрудничества по гуманитарным проектам разногласий у партнеров практически не возникало, то целесообразность взаимодействия Чехии с тремя другими участниками Вишеградской группы в сфере безопасности, наряду с формированием общей позиции стран по политике ЕС, в последнее время вызывает определенную дискуссию, подвергая сомнению саму необходимость такого формата отношений. Исходя из этого, определенный исследовательский интерес представляет поиск ответа на вопрос: насколько важна сегодня для Чешской Республики кооперация с Вишеградской группой в сфере безопасности и достаточно ли она развита, чтобы не дать объединению распасться?

По своей сути, сплоченность стран Вишеградской группы в выражении общей позиции по вопросам кооперации зависит от находящихся у власти политических элит и их целей[6]. Сегодня ввиду того, что правительства Чехии и Польши состоят из политиков, придерживающихся евро-атлантического курса, а в Венгрии и Словакии –

---

3 Prezidenti zemí V4 se sejdou na summitu v Praze. Řešit budou budoucnost i spory // Lidovky.cz. 15.11.2023. URL: https://www.lidovky.cz/domov/v4-praha-summit-cesko-slovensko-polsko-madarsko-pavel-fico-orban.A231115_164419_ln_domov_lsva (дата обращения: 13.09.2024).

4 Zeman sa usiloval o rozšírenie V4, Čaputová ani Pavel sa tomu nebránia // Teraz.sk. 07.02.2023. URL: https://www.teraz.sk/zahranicie/zeman-sa-usiloval-o-rozsirenie-v4-ca/692828-clanok.html (дата обращения: 16.09.2024).

5 *Klaus V.* Speech in Rome. Europe after the EU Elections. Institut Václava Klause. 20.09.2019. URL: https://www.institutvk.cz/clanky/1395.html (дата обращения: 19.09.2024).

6 *Lehoczki B.* (Sub)regionalism and foreign policy: case of the Visegrad Group // Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы = Central Europe: thirty years of reforms. Problems, challenges, prospects / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук; под ред. Л. Н. Шишелиной. М., 2021. С. 281.

из ориентирующихся на защиту национально-государственных интересов сил, наметился своего рода «раскол» в их подходах к сотрудничеству в сфере безопасности. Наглядным примером в этой связи являются документы стратегического планирования Чешской Республики, переизданные в последние годы.

В оборонной стратегии ЧР 2017 г. декларировалось намерение правительства страны развивать двух- и многостороннее оборонное сотрудничество с соседними государствами – Германией и странами Вишеградской группы[7]. Кооперация с ФРГ в то время строилась в основном по линии Концепции рамочных наций[8], тогда как интенсифицировать военное сотрудничество со странами В4 предполагалось через углубление оперативной совместимости, т. е. кооперации по созданию боевых групп ЕС и Объединенной оперативной группы повышенной готовности (VJTF) НАТО[9].

Однако с приходом к власти в Чехии в 2021 г. коалиционного правительства П. Фиалы (Гражданская демократическая партия – ГДП) произошло переиздание основополагающих документов, регулирующих сферу безопасности. Новая стратегия обороны ЧР, принятая в октябре 2023 г., помимо прочего, констатирует снижение значимости для Чехии решений по обеспечению безопасности в Европе, принимаемых в рамках Организации объединенных наций (ООН) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в пользу кооперации с НАТО и ЕС. Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от предыдущей редакции, Вишеградская группа вообще не упоминается в документе, а важными партнерами Чехии в сфере обороны названы отдельные страны – помимо США и Великобритании, Германия, Польша и Словакия[10]. Заметно отсутствие в этом списке Вен-

7 *Щербакова Ю. А.* Чешская Республика: Оборонная политика и стратегия безопасности в рамках Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 270.

8 Концепция оборонного сотрудничества между европейскими государствами НАТО, принятая на саммите альянса в Уэльсе в 2014 г., предусматривает разделение стран-участниц на группы для оперативного реагирования на возникающие угрозы безопасности в регионах присутствия. Чехия вошла в рамочную группу под руководством ФРГ.

9 Obranná strategie České Republiky 2017 // Ministerstvo obrany ČR. 2024. URL: https://mocr.mo.gov.cz/ (дата обращения: 13.09.2024).

10 Obranná strategie České Republiky 2023 // Ministerstvo obrany ČR. 2024. URL: https://mocr.mo.gov.cz/ (дата обращения: 13.09.2024).

грии, что объясняется скептическим отношением нынешнего чешского правительства к позиции венгерского премьер-министра В. Орбана по украинскому кризису. Стратегия также закрепляет минимальным пределом расходование 2% от ВВП страны на оборону в соответствии со стандартами НАТО. По состоянию на тот же 2023 г.[11] – это 6,9 млрд долл. США или 153,4 млрд крон. Этот шаг был предметом активных дискуссий в чешском обществе на протяжении десятилетия, и теперь оказался закреплен в чешском законодательстве[12]. Примечательно, что законопроект о повышении расходов на оборону страны в парламенте ЧР не вызвал сильных разногласий и был поддержан практически всеми фракциями, включая оппозиционные (ГДП, Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия – ХДС-ЧНП, Традиция Ответственность Процветание 09 – ТОП 09, Чешская пиратская партия – Пираты, Старосты и независимые, Акция недовольных граждан – АНГ 2011). Против высказались лишь депутаты от находящегося в оппозиции движения Свобода и прямая демократия (СПД), выразив опасение в связи с возможными коррупционными рисками для Министерства обороны ЧР при ежегодном распределении такого внушительного бюджета[13].

В том же году в Чехии была принята новая стратегия безопасности, закрепляющая основные приоритеты государства в этой сфере. Как и в предыдущем документе, увидевшем свет в 2015 г. во время руководства чешским кабинетом министров Б. Соботкой (Чешская социал-демократическая партия – ЧСДП), главенствующую роль в вопросах безопасности чехи отводят НАТО, обозначая намерение активно участвовать «в укреплении сдерживания и защиты альянса от любого противника и во всех оперативных сферах – на суше,

11 Czech Republic Economy // Focus Economics. 2024. URL: https://www.focus-economics.com/countries/czech-republic/ (дата обращения: 28.10.2024).

12 *Павел П.* Чешская Республика в НАТО: значение и перспективы // NATO Review. 11.03.2024. URL: https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2024/03/11/index.html (дата обращения: 14.10.2024).

13 Stenografický zápis 63. schůze, 21. dubna 2023. Vládní návrh zákona o financování obrany České republiky a o změně zákona č. 218/2000 Sb., o rozpočtových pravidlech a o změně některých souvisejících zákonů (rozpočtová pravidla), ve znění pozdějších předpisů, (zákon o financování obrany) // Parlament České republiky, Poslanecká sněmovna, Dokumenty českého a slovenského parlamentu 2021–2025. 2023. URL: https://www.psp.cz/eknih/2021ps/stenprot/063schuz/s063180.htm (дата обращения: 28.10.2024).

в воздухе, на море, в киберпространстве и в космосе», а также позиционируя себя опорной страной восточного фланга НАТО[14]. Вместе с тем стратегия определяет ЕС как «ключевую платформу для скоординированного предотвращения и реагирования на широкий спектр угроз безопасности, таких как изменение климата или нелегальная миграция»[15]. Упоминание о региональном сотрудничестве в сфере безопасности в рамках Вишеградской группы в обновленной чешской стратегии безопасности не значится.

В то же время стратегия вооружения и поддержки развития оборонной промышленности Чехии до 2030 г. предполагает взаимодействие в области вооружений в рамках НАТО, ЕС и В4[16], но констатирует сложное положение чешских оборонных предприятий на европейском рынке из-за засилья на нем международных конгломератов. Действительно, несмотря на крайне развитый еще с начала XX в. промышленный сектор, Чехия в XXI в. сталкивается с жесткой конкуренцией на рынке вооружений с мировыми индустриальными гигантами, такими как Airbus SE, BAE Systems, FN Herstal или Rheinmetall AG. Тем не менее на вооружении армии ЧР стоит внушительное количество произведенных в стране снаряжения и техники. Кооперация с вишеградскими странами в этой области выражена разве что в эксплуатации Чехией спроектированных в Польше вертолетов W-3A Sokol, переданных армии ЧР еще в 1990-х гг., и совместной охране В4 словацкого воздушного пространства истребителями Gripen и F-16.

Основные отрасли чешской оборонной промышленности, продукция которой принята на вооружение в самой ЧР и других странах, включают в себя транспортные средства и авиационную технику, стрелковое оружие, патроны, боеприпасы, энергетические материалы, электронное оборудование, системы управления и контроля, системы связи и радиолокации, бронетехнику, а также различные химические продукты. При этом заметна выраженная экспортная ориентация отрасли – по данным Министерства промышленности и торговли ЧР,

14 Bezpečnostní strategie České republiky 2023 // Ministerstvo zahraničních věcí ČR. 11.09.2023. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/bezpecnostni_politika/bezpecnostni_strategie/index.html (дата обращения: 14.09.2024).

15 Ibid.

16 Strategie vyzbrojování a podpory rozvoje obranného průmyslu České republiky do roku 2030. Ministerstvo obrany ČR. 2024. URL: https://mocr.mo.gov.cz/ (дата обращения: 13.09.2024).

военная техника экспортируется из Чехии более чем в 100 стран мира, а в 2019 г. было выдано свыше 1,2 тыс. лицензий на экспорт военной техники в 98 стран на сумму 21,8 млрд крон[17]. Оружием и техникой чешского (в т. ч. чехословацкого) производства активно пользуются также Польша, Словакия и Венгрия.

Чтобы объяснить смещение фокуса в чешских доктринальных документах с региональной военной кооперации на глобальную, необходимо вернуться к самой архитектуре политики безопасности в Европе. На сегодняшний день она регулируется самым большим в мире количеством механизмов многостороннего межгосударственного взаимодействия. Основными региональными структурами, в сферу компетенций которых в той или иной степени входит вопрос обеспечения безопасности в регионе, являются ОБСЕ, Евросоюз и НАТО. С начала XXI в. происходило постепенное делегирование функции обеспечения безопасности от двух первых организаций к НАТО при ведущей политической роли ООН[18]. Это привело к доминированию стремления постсоциалистических государств, взявших в начале 1990-х гг. курс на «возвращение в Европу», к интеграции именно в евро-атлантическую систему безопасности.

Чешская Республика сегодня занимает в ней стратегически важные позиции, являясь одним из ключевых логистических хабов для доставки личного состава, вооружений и техники альянса к его восточным рубежам ввиду своего географического положения и качественной инфраструктуры – прежде всего военных аэродромов Мошнов, Прага-Кбели, Пардубице, Часлав и Намнести-над-Ославоу. С момента присоединения страны к программе «Партнерство ради мира» в 1994 г. и вхождения в НАТО в 1999 г. Чехия провела военные реформы и адаптировала свой военно-промышленный комплекс к стандартам и нуждам НАТО. Ценность ЧР для альянса продемонстрировали в том числе: события марта – июня 1999 г., когда самолеты НАТО отправлялись через территорию Чехии (без посадки на чешских аэродромах) для бомбардировок Югославии; задуманный в 2007 г., но так и не реализованный проект строительства вблизи Праги радиолокационной станции ПРО США; прошедшие в 2024 г. крупные международные учения войск химической защиты НАТО в Градиште.

---

17 Ibid.

18 Архитектура евроатлантической безопасности / под общ. ред. проф. И. Ю. Юргенса, акад. А. А. Дынкина, чл.-корр. В. Г. Барановского. М., 2009. С. 14.

Военная логистика – главная специализация Чехии внутри НАТО. Об этом свидетельствует нахождение Многонационального координационного центра логистики альянса в Праге. Центр специализируется на подготовке военных специалистов из разных стран и является своего рода think tank[19] НАТО по вопросам выработки эффективной логистической стратегии и решений для сокращения расходов альянса на поддержку операций и учений[20]. Об определении текущим правительством роли Чешской Республики в НАТО свидетельствует и уже упомянутая действующая стратегия обороны ЧР. Согласно документу, Чехия позиционирует себя как транзитная страна и предоставляет свою территорию для размещения союзных по НАТО воинских частей. Главной задачей здесь ставится обеспечение поддержки войск альянса, включая военную инфраструктуру, транспорт, полицейское сопровождение, тыловое обеспечение[21].

Приготовления к интеграции в структуры НАТО в 1990-е гг. Чехия проводила в координации со своими ближайшими соседями по региону – Венгрией, Польшей и Словакией, в том числе взаимодействуя с ними в рамках Вишеградской группы. За последующие десятилетия это региональное объединение так и не завершило процесс институционализации, ограничившись лишь созданием в 2000 г. Международного вишеградского фонда, имеющего юридический адрес и постоянного председателя. Сегодня фонд аккумулирует и распределяет денежные средства в ежегодном объеме порядка 10 млн евро на гранты и стипендии проектам, укрепляющим региональное сотрудничество между некоммерческими организациями и образовательными учреждениями в Европе, а также их связь со странами Западных Балкан и Восточного партнерства, что по сути является элементом «мягкой силы» и позволяет продвигать интересы «четверки», а следовательно, и ЕС. Реализация программ по «сближению» со странами Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), пока не входящими в ЕС, стала с начала

19 Think tank – «фабрика мысли», организация или группа экспертов, созданная для проведения исследований и консультирования, преимущественно в области социальных и гуманитарных наук. Результаты их работы используют в основном государственные структуры, бизнес-корпорации, медиа и общественные движения.

20 Multinational Logistics Coordination Centre // NATO QA Programme. 2024. URL: https://qa.sidecloud.net/institutions/multinational-logistics-coordination-centre (дата обращения: 16.08.2024).

21 Obranná strategie České Republiky 2023…

2010-х гг. основным направлением вишеградского сотрудничества в сфере внешней политики[22]. Для координации действий стран-членов Вишеградской группы в остальных сферах, таких как развитие культуры, инфраструктуры, охрана окружающей среды, борьба с нелегальной миграцией и военное сотрудничество[23], предусмотрены саммиты, консультации и другие формы переговоров на уровне президентов, премьер-министров, членов правительств и экспертных групп.

Наряду с основными положениями Вишеградской декларации 1991 г., обозначившими намерение к экономической кооперации стран в области свободной торговли, создания благоприятного инвестиционного климата и совершенствования инфраструктурной сети, существенное внимание уделялось и приоритетам сотрудничества и кооперации вишеградских стран в области безопасности[24]. Военные контингенты стран-членов «четверки» принимали активное участие в миротворческих операциях ООН на Балканах (1992–1995), чешские батальоны, наряду с венгерскими отрядами, состояли в контингентах Implementation Force (IFOR) и Stabilisation Force (SFOR) в Боснии и Герцеговине (1996–2001), Albania Force (AFOR) в Албании (1999) и Kosovo Force (KFOR) в Косово (1999–2002)[25].

Во второй половине 2000-х гг., уже после вступления всех стран объединения в НАТО, государства «четверки» инициировали создание так наз. Вишеградской боевой группы (V4 EU BG). Этот процесс происходил на фоне запуска Общей политики безопасности и обороны ЕС (являющейся частью Общей внешней политики и политики безопасности ЕС) и предусматривал создание многонациональных батальонов из военнослужащих стран-членов ЕС, формирующихся на ротационной основе раз в полгода, однако вплоть до сегодняшнего дня

---

22 *Вагнер П.* Возможности и ограничения вишеградского сотрудничества // Современная Европа. 2016. № 6. С. 36.

23 Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland, and the Slovak Republic on Cooperation of the Visegrad Group Countries after their Accession to the European Union («Kroměříž Declaration») // Visegrad Group. 12.05.2004. URL: https://www.visegradgroup.eu/home/documents (дата обращения: 22.09.2024).

24 Visegrad Declaration 1991 // Visegrad Group. 2024. URL: http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412 (дата обращения: 25.09.2024).

25 History of Czech military participation in operations abroad (1990–2017) // Ministry of Defence & Armed Forces of the Czech Republic. 13.08.2021. URL: http://www.army.cz/scripts/detail.php?id=5717 (дата обращения: 29.02.2024).

ни разу не применявшихся в ходе военных действий[26]. Вишеградская боевая группа под командованием Польши входила в режим готовности в первой половине 2016 г. (при участии военнослужащих Украины), во второй половине 2019 г. (при участии военнослужащих Хорватии) и в первой половине 2023 г. (при участии военнослужащих Хорватии и Латвии). Чешские специалисты в рамках группы отвечали за логистику и медицинское обеспечение[27]. Изначальные намерения четырех стран, обозначенные в некоторых заявлениях[28], сделать боевую группу самостоятельным подразделением, действующим на постоянной основе, так и не стали реальностью, что свидетельствует о недостатке политической воли в этом вопросе. Вишеградская боевая группа не стала и исключительной формой военной кооперации для стран объединения – все страны «четверки» с момента запуска практики формирования боевых групп ЕС в 2007 г. неоднократно присоединялись к учениям других европейских военных подразделений.

В 2017 г. взаимодействие стран ЕС в сфере обороны обрело новое измерение с созданием Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO), предусматривающего координацию инвестиций, повышение оперативной готовности вооруженных сил, совместимость потенциала армий европейских стран, а также сотрудничество в рамках проектов по боевому слаживанию, главным из которых стал так наз. «военный шенген», т. е. беспрепятственное перемещение войск, техники и снабжения внутри ЕС, обеспечить которое давно призывали военные[29]. Чехия присоединилась

26 Регулярное дежурство боевых групп ЕС было запущено с целью укрепления стратегической автономии ЕС в военном отношении, не входя в противоречие с взаимодействием стран в рамках НАТО. Боевые группы ЕС представляют собой батальоны численностью порядка 1500 военных, усиленные боевым и тыловым обеспечением. Подразделения не предназначены для масштабных военных действий.

27 Státy V4 převzaly vojenskou pohotovost // Tvoříme Evropu. 06.01.2016. URL: https://tvorimevropu.cz/2016/01/06/staty-v4-prevzaly-vojenskou-pohotovost-eu/ (дата обращения: 24.06.2024).

28 Budapest Declaration of the Visegrad Group Heads of Government on the New Opening in V4 Defence Cooperation // Visegrad Group. 24.06.2014. URL: https://www.visegradgroup.eu/home/documents/2014/budapest-declaration-of (дата обращения: 18.07.2024).

29 Call for «military Schengen» to get troops moving // Politico. 04.08.2017. URL: https://www.politico.eu/article/call-for-military-border-schengen-to-get-troops-moving-nato-eu-defense-ministers/ (дата обращения: 07.08.2024).

к этому проекту PESCO, спустя два года стала курировать международный проект по радиоэлектронной борьбе в рамках объединения[30], а также стала участником проектов по созданию интегрированной беспилотной наземной системы, эксплуатации дистанционно пилотируемых авиационных систем средней высоты с большой продолжительностью полета, системы борьбы с беспилотными летательными аппаратами и созданию стратегического воздушного транспорта для негабаритных грузов. Стоит также отметить, что чешский политик и дипломат Й. Шедивы в 2020 г. занял должность руководителя Европейского оборонного агентства, занимающегося развитием военного потенциала ЕС и европейского рынка военного оборудования и технологий, став первым чешским высокопоставленным служащим в оборонных структурах ЕС. В целом можно констатировать, что проект создания общих вооруженных сил Евросоюза, дискуссии о котором велись начиная с 1990-х гг., но были поставлены на паузу на рубеже веков, реализуется сегодня высокими темпами, в первую очередь ввиду роста международной напряженности после 2022 г.

Еще одним проявлением готовности стран В4 к кооперации в военной сфере, но уже в привязке к НАТО, стало создание в 2021 г. Объединенной группы логистической поддержки (V4 JLSG)[31]. Это подразделение оформило продолжающиеся еще с начала 2010-х гг. регулярные встречи специалистов четырех стран в области военной логистики для укрепления восточного фланга НАТО. Стоит отметить, что в последние годы альянс активно генерирует новые форматы региональных объединений в Европе, в том числе и на восточной границе. Так, в сентябре 2022 г. в Леште (Словакия) была размещена многонациональная боевая группа под командованием чешских вооруженных сил, состоящая из 1 тыс. солдат[32] и корпуса

30 Česká republika se stala garantem projektu elektronického boje v rámci PESCO // Ministerstvo obrany ČR. 17.05.2019. URL: https://acr.mo.gov.cz/informacni-servis/zpravodajstvi/ceska-republika-se-stala-garantem-projektu-elektronickeho-boje-v-ramci-pesco-211510/ (дата обращения: 10.08.2024).

31 V4 military cooperation becomes closer // Hungarian defence forces. 15.10.2021. URL: https://defence.hu/news/v4-military-cooperation-becomes-closer.html (дата обращения: 13.08.2024).

32 Visegrad Four Defence Ministers discussed Ukraine, intensification of cooperation // Ministry of Defence & Armed Forces of the Czech Republic. 03.10.2022. URL: https://www.mo.gov.cz/en/ministry-of-defence/newsroom/news/visegrad-four-defence-ministers-discussed-ukraine--intensification-of-cooperation-239347/ (дата обращения: 15.08.2024).

бронетехники[33]. В марте 2023 г. на базе этой группировки НАТО провела учения «Словацкий щит», в которых приняли участие контингенты из вишеградских стран. Три подобных батальона, имеющие потенциал к расширению до бригад, были также размещены альянсом в Болгарии, Румынии и Венгрии в условиях обострения геополитической обстановки.

В целом важность стран Вишеградской группы для НАТО, ввиду в основном их географического положения, сложно переоценить. В Секешфехерваре (Венгрия) расположена штаб-квартира многонациональной дивизии альянса в Центральной Европе (HQ MND-C), по сути являющаяся центром принятия решений по руководству операциями и коллективной обороне в регионе. Нужно признать, что НАТО остается ключевым гарантом безопасности для государств ЦЮВЕ, во многих аспектах даже более важным, чем для стран Западной Европы.

Проблемой, которую невозможно оставить за рамками анализа политики безопасности в ЦЮВЕ, стала реакция вишеградских стран на разразившийся в 2015 г. миграционный кризис в Европе. Венгрия, Польша, Словакия и Чехия заявили о необходимости введения жесткого контроля на границах ЕС, а также оказания технической и финансовой помощи странам, пострадавшим от потока беженцев[34]. Члены объединения выступили одними из самых ярых критиков миграционной политики ЕС, запустив собственную площадку для обмена информацией – Механизм реагирования на миграционный кризис[35] – и наладив между органами внутренних дел стран-членов постоянные каналы связи по нелегальной миграции и противодействию терроризму. Борьба с размещением беженцев в соответствии с квотами ЕС стала доминирующей в информационном поле стран «четверки» на несколько лет и своего рода камнем преткновения в их отношениях

33 В июле 2024 г. армия ЧР передала командование Многонациональной боевой группой в Словакии испанским вооруженным силам. Группировку было решено расширить до бригады, ядро которой составят преимущественно испанские военные.

34 *Белкина П. Ю.* Антимиграционная политика стран Вишеградской группы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18. № 8: История. С. 34.

35 Joint Statement of V4 Interior Ministers on the Establishment of the Migration Crisis Response Mechanism // Visegrad Group. 21.11.2016. URL: https://www.visegradgroup.eu/home/documents/2016/joint-statement-of-v4 (дата обращения: 11.10.2024).

с Еврокомиссией[36]. Помимо прочего, общее недовольство населения европейской миграционной политикой фактически обеспечило популярность и приход к власти в вишеградских странах в 2010-е гг. партий и движений, отстаивающих суверенитет государства в вопросе миграционной политики, таких как АНГ 2011 в Чехии, Право и справедливость в Польше, Направление – социал-демократия в Словакии и Фидес в Венгрии. Яркой иллюстрацией этих процессов стал широко распространившийся в СМИ комментарий чешского премьер-министра А. Бабиша (АНГ 2011) по поводу отказа принять в Чехии беженцев с Ближнего Востока: «Я пошел в политику в основном для того, чтобы заботиться о чешских гражданах. Почему мы должны заботиться о сирийских сиротах?»[37].

Одним из главных условий Чехии и других стран «четверки» в этом разрезе стало требование, чтобы все мигранты, желающие подать заявление на получение убежища в странах ЕС, делали это в центрах за пределами объединения. Нужно отметить, что в этом вишеградцев поддержали и другие страны – соседи по ЦЮВЕ, что привело к интенсификации деятельности Центрально-Европейского оборонного союза[38]. В этом контексте особенно явно обозначились исторические параллели, обусловливающие стремление к кооперации народов бывшей Австро-Венгрии.

Чешские аналитики из Института международных отношений (Прага) и Ассоциации по международным вопросам склонны считать этот период «пиком» единения и сотрудничества Чехии со странами Вишеградской группы в сфере безопасности. Именно европейский миграционный кризис сплотил страны В4 в единой позиции

---

36 Visegrad Four grouping push back on new EU migration plan // Reuters. 24.09.2020. URL: https://www.reuters.com/article/world/visegrad-four-grouping-push-back-on-new-eu-migration-plan-idUSKCN26F1T5/ (дата обращения: 12.10.2024).

37 PM Andrej Babiš: «Why should we be caring for Syrian orphans?» // Radio Prague International. 17.09.2018. URL: https://english.radio.cz/pm-andrej-babis-why-should-we-be-caring-syrian-orphans-8150772 (дата обращения: 14.10.2024).

38 Центрально-Европейский оборонный союз (ЦЕОС) – военное объединение, в которое входят Австрия, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия и Польша (в качестве наблюдателя), которое было основано в 2010 г. и ставило своей целью кооперацию в сфере безопасности, включающую совместное использование оборонного потенциала стран-членов и проведение общих военных учений.

по неприятию нелегальных мигрантов на своей территории[39]. Программа завершившегося в 2024 г. председательства Чехии в Вишеградской группе также выделяет это направление сотрудничества и фокусирует внимание на необходимости совместной работы со странами Западных Балкан, «ключевым транзитным регионом для нелегальной миграции в ЕС»[40].

Сегодняшние события, связанные с вооруженным конфликтом на Украине, напротив, вносят раскол во взаимодействие стран «четверки». После формирования осенью 2023 г. по итогам парламентских выборов в Польше и Словакии новых кабинетов министров баланс сил в Вишеградской группе коренным образом изменился ввиду характерной для стран региона периодической смены элит. В самой Чехии встречаются оценки текущего взаимодействия внутри объединения по формуле В2+2, где на одной стороне расположились сторонники евроатлантизма – Польша и Чехия, а на другой – приверженцы защиты национального суверенитета – Венгрия и Словакия[41].

По этой причине можно констатировать, что взаимодействие Чехии с партнерами по Вишеградской группе сегодня испытало определенное «охлаждение». Отношение к этому формату текущего чешского правительства в марте 2024 г. выразил министр иностранных дел ЧР Я. Липавский (Пираты): «Для нас В4 – это прежде всего форум, где мы ведем диалог, а также инструмент для поддержания и укрепления межличностных контактов»[42]. Тем не менее по всем признакам стремление к кооперации вишеградских стран в сфере безопасности не теряет свою интенсивность, несмотря на приоритет связей с ЕС и НАТО, а также участие В4 в проектах этих объединений. Минобороны Чехии явно

39 Visegrádská skupina se jednotně postavila migračním kvótám, shodu na podpoře Ukrajiny ale nenachází // Česká televise. 27.02.2024. URL: https://ct24.ceskatelevize.cz/clanek/svet/visegradska-skupina-se-jednotne-postavila-migracnim-kvotam-shodu-na-podpore-ukrajiny-ale-nenachazi-346533 (дата обращения: 16.10.2024).

40 V4 Citizens. Programme of the Czech Presidency…

41 «V4 žije, nejde ale o vřelé spojenectví.» Co ukázal summit v Praze // Seznam Zprávy. 27.02.2024. URL: https://www.seznamzpravy.cz/clanek/zahranicni-v4-zije-nejde-ale-o-vrele-spojenectvi-co-prozradil-summit-lidru-246719 (дата обращения: 03.09.2024).

42 The V4 Ministers Agreed on Increasing the Budget of the International Visegrad Fund in Prague // Ministerstvo zahraničních věcí ČR. 21.03.2024. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/en/issues_and_press/press_releases/the_v4_ministers_agreed_on_increasing.html (дата обращения: 05.11.2024).

настроено развивать кооперацию в военной сфере, несмотря на редкое упоминание этого формата в официальных стратегических документах. Об этом свидетельствуют регулярные консультации представителей профильных министерств стран объединения[43], формирование новых межнациональных подразделений, а также периодически проводимые совместные учения чешских, венгерских, польских и словацких военных «Чешский лев», хотя согласно плану заграничных военных учений на 2024 г. армией ЧР и было запланировано лишь 3 маневра в формате В4 из общего перечня в 168 позиций[44]. Не уменьшается и намерение чехов продолжать взаимодействие в рамках Вишеградской группы для купирования рисков появления на территории страны нелегальных мигрантов и защиты внешних границ ЕС[45].

В целом Вишеградская группа для Чехии, как и в 1990-е гг., продолжает оставаться скорее политическим, чем экономическим объединением, однако в контексте сегодняшней напряженной геополитической обстановки в Европе похоже, что вопрос сотрудничества в сфере безопасности является первенствующим в отношениях вишеградцев друг с другом.

Источники и литература

Архитектура евроатлантической безопасности / под общ. ред. проф. И. Ю. Юргенса, акад. А. А. Дынкина, чл.-корр. В. Г. Барановского. М.: Экон-Информ, 2009. 124 с.

Белкина П. Ю. Антимиграционная политика стран Вишеградской группы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18. № 8: История. С. 29–38. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-8-29-38.

---

43 Framework for an Enhanced Visegrad Group Defence Planning Cooperation // Visegrad Group. 09.11.2022. URL: https://www.visegradgroup.eu/v4-defence-ministries (дата обращения: 08.10.2024).

44 Účast ozbrojených sil České republiky na vojenských cvičeních mimo území České republiky a účast ozbrojených sil jiných států na vojenských cvičeních na území České republiky v roce 2024 // Parlament České republiky, Poslanecká sněmovna. 2024. URL: https://www.psp.cz/sqw/historie.sqw?o=9&t=594 (дата обращения: 29.10.2024).

45 Zpráva o situaci v oblasti migrace a integrace cizinců na území České republiky v roce 2023 // Parlament České republiky, Poslanecká sněmovna. 2024. URL: https://www.psp.cz/sqw/historie.sqw?o=9&t=786 (дата обращения: 30.10.2024).

Вагнер П. Возможности и ограничения вишеградского сотрудничества // Современная Европа. 2016. № 6. С. 32–42. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620163242.

Павел П. Чешская Республика в НАТО: значение и перспективы // NATO Review. 11.03.2024. URL: https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2024/03/11/index.html (дата обращения: 14.10.2024).

Щербакова Ю. А. Чешская Республика: Оборонная политика и стратегия безопасности в рамках Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 255–277. DOI: 10.31249/ape/2020.04.11.

«V4 žije, nejde ale o vřelé spojenectví.» Co ukázal summit v Praze // Seznam Zprávy. 27.02.2024. URL: https://www.seznamzpravy.cz/clanek/zahranicni-v4-zije-nejde-ale-o-vrele-spojenectvi-co-prozradil-summit-lidru-246719 (дата обращения: 03.09.2024).

Bezpečnostní strategie české republiky 2023 // Ministerstvo zahrani ních věcí ČR. 11.09.2023. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/bezpecnostni_politika/bezpecnostni_strategie/index.html (дата обращения: 14.09.2024).

Budapest Declaration of the Visegrad Group Heads of Government on the New Opening in V4 Defence Cooperation // Visegrad Group. 24.06.2014. URL: https://www.visegradgroup.eu/home/documents/2014/budapest-declaration-of (дата обращения: 18.07.2024).

Call for «military Schengen» to get troops moving // Politico. 04.08.2017. URL: https://www.politico.eu/article/call-for-military-border-schengen-to-get-troops-moving-nato-eu-defense-ministers/ (дата обращения: 07.08.2024).

Česká republika se stala garantem projektu elektronického boje v rámci PESCO // Ministerstvo obrany ČR. 17.05.2019. URL: https://acr.mo.gov.cz/informacni-servis/zpravodajstvi/ceska-republika-se-stala-garantem-projektu-elektronickeho-boje-v-ramci-pesco-211510/ (дата обращения: 10.08.2024).

Czech Republic Economy // FocusEconomics. 2024. URL: https://www.focus-economics.com/countries/czech-republic/ (дата обращения: 28.10.2024).

Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland, and the Slovak Republic on Cooperation of the Visegrad Group Countries after their Accession to the European Union («Kroměříž Declaration») // Visegrad Group. 12.05.2004. URL: https://www.visegradgroup.eu/home/documents (дата обращения: 22.09.2024).

Framework for an Enhanced Visegrad Group Defence Planning Cooperation // Visegrad Group. 09.11.2022. URL: https://www.visegradgroup.eu/v4-defence-ministries (дата обращения: 08.10.2024).

History of Czech military participation in operations abroad (1990–2017) // Ministry of Defence & Armed Forces of the Czech Republic. 13.08.2021. URL: http://www.army.cz/scripts/detail.php?id=5717 (дата обращения: 29.02.2024).

Joint Statement of V4 Interior Ministers on the Establishment of the Migration Crisis Response Mechanism // Visegrad Group. 21.11.2016. URL: https://www.visegradgroup.eu/home/documents/2016/joint-statement-of-v4 (дата обращения: 11.10.2024).

Klaus V. Speech in Rome. Europe after the EU Elections. Institut Václava Klause. 20.09.2019. URL: https://www.institutvk.cz/clanky/1395.html (дата обращения: 19.09.2024).

Lehoczki B. (Sub)regionalism and foreign policy: case of the Visegrad Group // Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы = Central Europe: thirty years of reforms. Problems, challenges, prospects. М.: Институт Европы РАН, 2021. С. 281–289.

Multinational Logistics Coordination Centre // NATO QA Programme. 2024. URL: https://qa.sidecloud.net/institutions/multinational-logistics-coordination-centre (дата обращения: 16.08.2024).

Obranná strategie České Republiky 2017 // Ministerstvo obrany ČR. 2024. URL: https://mocr.mo.gov.cz/ (дата обращения: 13.09.2024).

Obranná strategie České Republiky 2023 // Ministerstvo obrany ČR. 2024. URL: https://mocr.mo.gov.cz/ (дата обращения: 13.09.2024).

Stenografický zápis 63. schůze, 21. dubna 2023. Vládní návrh zákona o financování obrany České republiky a o změně zákona č. 218/2000 Sb., o rozpočtových pravidlech a o změně některých souvisejících zákonů (rozpočtová pravidla), ve znění pozdějších předpisů, (zákon o financování obrany) // Parlament České republiky, Poslanecká sněmovna, Dokumenty českého a slovenského parlamentu 2021–2025. 2023. URL: https://www.psp.cz/eknih/2021ps/stenprot/063schuz/s063180.htm (дата обращения: 28.10.2024).

PM Andrej Babiš: «Why should we be caring for Syrian orphans?» // Radio Prague International. 17.09.2018. URL: https://english.radio.cz/pm-andrej-babis-why-should-we-be-caring-syrian-orphans-8150772 (дата обращения: 14.10.2024).

Prezidenti zemí V4 se sejdou na summitu v Praze. Řešit budou budoucnost i spory // Lidovky.cz. 15.11.2023. URL: https://www.lidovky.cz/domov/v4-praha-summit-cesko-slovensko-polsko-madarsko-pavel-fico-orban.A231115_164419_ln_domov_lsva (дата обращения: 13.09.2024).

Státy V4 převzaly vojenskou pohotovost // Tvoříme Evropu. 06.01.2016. URL: https://tvorimevropu.cz/2016/01/06/staty-v4-prevzaly-vojenskou-pohotovost-eu/ (дата обращения: 24.06.2024).

Strategie vyzbrojování a podpory rozvoje obranného průmyslu České republiky do roku 2030. Ministerstvo obrany ČR. 2024. URL: https://mocr.mo.gov.cz/ (дата обращения: 13.09.2024).

The V4 Ministers Agreed on Increasing the Budget of the International Visegrad Fund in Prague // Ministerstvo zahraničních věcí ČR. 21.03.2024.

URL: https://mzv.gov.cz/jnp/en/issues_and_press/press_releases/the_v4_ministers_agreed_on_increasing.html (дата обращения: 05.11.2024).

Účast ozbrojených sil České republiky na vojenských cvičeních mimo území České republiky a účast ozbrojených sil jiných států na vojenských cvičeních na území České republiky v roce 2024 // Parlament České republiky, Poslanecká sněmovna. 2024. URL: https://www.psp.cz/sqw/historie.sqw?o=9&t=594 (дата обращения: 29.10.2024).

V4 Citizens. Programme of the Czech Presidency of the Visegrad Group 2023/2024 // Visegrad Group. 2024. URL: https://www.visegradgroup.eu/home/v4-presidency (дата обращения: 09.09.2024).

V4 military cooperation becomes closer // Hungarian defence forces. 15.10.2021. URL: https://defence.hu/news/v4-military-cooperation-becomes-closer.html (дата обращения: 13.08.2024).

Visegrad Declaration 1991 // Visegrad Group. 2024. URL: http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412 (дата обращения: 25.09.2024).

Visegrad Four Defence Ministers discussed Ukraine, intensification of cooperation // Ministry of Defence & Armed Forces of the Czech Republic. 03.10.2022. URL: https://www.mo.gov.cz/en/ministry-of-defence/news-room/news/visegrad-four-defence-ministers-discussed-ukraine--intensification-of-cooperation-239347/ (дата обращения: 15.08.2024).

Visegrad Four grouping push back on new EU migration plan // Reuters. 24.09.2020. URL: https://www.reuters.com/article/world/visegrad-four-grouping-push-back-on-new-eu-migration-plan-idUSKCN26F1T5/ (дата обращения: 12.10.2024).

Visegrádská skupina se jednotně postavila migraním kvótám, shodu na podpoře Ukrajiny ale nenachází // Česká televise. 27.02.2024. URL: https://ct24.ceskatelevize.cz/clanek/svet/visegradska-skupina-se-jednotne-postavila-migracnim-kvotam-shodu-na-podpore-ukrajiny-ale-nenachazi-346533 (дата обращения: 16.10.2024).

Zeman sa usiloval o rozšírenie V4, Čaputová ani Pavel sa tomu nebránia // Teraz.sk. 07.02.2023. URL: https://www.teraz.sk/zahranicie/zeman-sa-usiloval-o-rozsirenie-v4-ca/692828-clanok.html (дата обращения: 16.09.2024).

Zpráva o situaci v oblasti migrace a integrace cizinců na území České republiky v roce 2023 // Parlament České republiky, Poslanecká sněmovna. 2024. URL: https://www.psp.cz/sqw/historie.sqw?o=9&t=786 (дата обращения: 30.10.2024).

References

Arkhitektura evroatlanticheskoi bezopasnosti, ed. by I. Iu. Iurgens, A. A. Dynkin, V. G. Baranovskii. Moscow: Ekon-Inform, 2009, 124 p.

Belkina, P. Iu. "Antimigratsionnaia politika stran Vishegradskoi gruppy." *Vestnik NSU. Series: History and Ph.*, 2019, vol. 18, No 8: History, pp. 29–38. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-8-29-38

Klaus, V. *Speech in Rome. Europe after the EU Elections. Institut Václava Klause*. URL: https://www.institutvk.cz/clanky/1395.html (accessed: 19.09.2024).

Lehoczki, B. *(Sub)regionalism and foreign policy: case of the Visegrad Group. Central Europe: thirty years of reforms. Problems, challenges, prospects*. Moscow: The Institute of Europe of the RAS, 2021, pp. 281–289.

Pavel, P. *Cheshskaia Respublika v NATO: znachenije i perspektivy. NATO Review*. URL: https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2024/03/11/index.html (accessed: 14.10.2024).

Shcherbakova, Iu. A. "Cheshskaia Respublika: Oboronnaia politika i strategiia bezopasnosti v ramkakh Evropeiskogo soiuza." *APE*, 2020, No 4, pp. 255–277. DOI: 10.31249/ape/2020.04.11

Vagner, P. "Vozmozhnosti i ogranicheniia vishegradskogo sotrudnichestva." *Sovremennaya Evropa*, 2016, No 6, pp. 32–42. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620163242

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.07 ***M. Yu. Ankhimiuk***

The Visegrad Group in the Contemporary Security Policy of the Czech Republic

Mstislav Yu. Ankhimiuk
Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: mankhimiuk@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6785-2070

Citation
Ankhimiuk M. Yu. The Visegrad Group in the Contemporary Security Policy of the Czech Republic // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 161–180. (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.07

Received: 17.12.2024.
Revised: 03.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The Visegrad Group, founded in 1991 and uniting four Central European countries – Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic – has gone through several periods of increased and decreased activity of its members in cooperation on security issues over more than three decades of its existence. After 2022, calls to question the very expediency of cooperation in the Visegrad format began to be heard more and more often in the Czech establishment and among experts. This article, for the first time in Russian historical science, analyzes new strategic documents of the Government of the Czech Republic and transcripts of meetings of the Chamber of Deputies of the Parliament of the Czech Republic on security, as well as joint statements of the Visegrad Four in order to determine the significance of interaction with the three neighboring countries in the context of security policy for the Czech Republic. Particular attention is paid to the consideration of the conceptual role of the Czech Republic in the NATO and EU security systems, including the degree of the Czech Republic's involvement in global and regional security and defense projects in Europe. A structural analysis of the links within the Visegrad Group has made it possible to identify two main areas in the security sphere around which the Czech Republic's interaction with its partners in the association is currently concentrated. Firstly, this is cooperation on defense issues, including joint exercises and the formation of common combat units; secondly, this is a coordinated policy regarding the fight against illegal migration in the region.

Keywords
The Czech Republic, *foreign policy*, *international relations*, *the Visegrad Group*, *security policy*, *military cooperation*, *migration policy*, *NATO*, *EU*, *PESCO.*

УДК 94(470)
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.08

М. А. Робинсон

Проблема публикации трудов русских славистов в 1920-е гг.: «Печатание по нашему Отделению в упадке»

Робинсон Михаил Андреевич
Доктор исторических наук, руководитель центра
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: m.a.robinson@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3917-1360

Цитирование
Робинсон М. А. Проблема публикации трудов русских славистов в 1920-е гг.: «Печатание по нашему Отделению в упадке» // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 181–210. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.08

Статья поступила в редакцию 10.02.2025.
Рецензирование завершено 25.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
В статье впервые на основе архивных документов, и прежде всего переписки членов Отделения русского языка и словесности Академии наук, рассматривается положение с публикацией трудов по славистике. Революционные события и Гражданская война повлияли на издательскую деятельность Отделения, перестали выходить его периодические издания журнал «Известия ОРЯС» и «Сборник ОРЯС». Приостановилось печатание подготовленных еще до революции трудов видных славистов прошлого. Переписка ученых демонстрирует затруднения или практическую невозможность публикации славистических исследований. Окончание Гражданской войны и переход государственной политики к НЭПу привели к некоторому улучшению в издательском деле, и Отделение смогло выпустить в свет несколько номеров «Известий» и «Сборника». Однако оценка ситуации в 1922–1923 гг. оставалась неблагоприятной, что отразилось в отчете деятельности Отделения за этот период. Отчет констатировал большие объемы утвержденных к печати трудов, которые нет возможности опубликовать в том числе из-за слабого финансирования, отмечалась и «нерасположенность со стороны властей

ко всему славянскому». Общий вывод Отчета был пессимистическим – «гуманитарные науки в России гибнут». Значительную помощь в публикации работ русских славистов оказали новые европейские славистические журналы, начавшие выходить к середине 1920-х гг.: «Slavia», «Revue des études slaves», «Јужнословенски филолог», «Zeitschrift für slavische Philologie».

Ключевые слова
Отделение русского языка и словесности Академии наук, *издательская деятельность*, *зарубежные издания по славистике.*

Отделение русского языка и словесности Академии наук являлось признанным центром славистических исследований. Вся издательская деятельность Отделения была посвящена введению в научный оборот лучших достижений в этой области. Отделение публиковало «Сборник ОРЯС» (с 1867 г.) и журнал «Известия ОРЯС» (с 1896 г.), труды комиссий, существовавших при Отделении, а также монографии выдающихся славистов. Революционные события и начало в стране Гражданской войны довольно скоро сказались на этой деятельности.

А. А. Шахматов писал В. Н. Перетцу 11 марта 1919 г.: «Книг никаких новых не появилось. Лекции Фортунатова еще не выпущены из типографии, которая не может допечатать заглавного листа – стали машины, разошлись наборщики»[1]. Прошел почти год, и 27 февраля 1920 г. Шахматов сообщал Перетцу: «Вышли, наконец, лекции Фортунатова[2] и книжка “Известий”»[3].

Активный член Библейской комиссии И. Е. Евсеев 25 мая 1919 г. в письме А. И. Соболевскому предлагал найти для публикации трудов Комиссии возможное, по его мнению, решение: «В Петрограде и Москве дело печатания безнадежно. Нужно перенести печатание в провинцию. У меня есть намерение приспособиться для этой цели к Порховской советской типографии. Правда, она упражняется только в печатании политических брошюр и объявлений, но изъявляет готовность перейти и на нашу работу, если она не будет противоречить политическим убеждениям властей. С этой стороны наше дело

1 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 40.

2 *Фортунатов Ф. Ф.* Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. Пг., 1919.

3 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 46.

выдержит пробу, останется только приобрести славянский шрифт. Думаю, при нынешней свободе и силе профессионального союза[4] союзу печатников удастся завестись славянским шрифтом, если особенно Ак[адемия] Наук придет ему на помогу. Есть еще серьезное условие: получение бумаги. Я тоже думаю, Академия и здесь может придти на помощь. Тогда у нас дело наладилось бы»[5]. Этому проекту сбыться было не суждено.

Ситуация в провинции не отличалась от положения в центре. Б. М. Ляпунов писал Шахматову из Одессы 20 июня 1919 г. о том, что ему не удается устроить публикацию даже небольших заметок. «В настоящее же время, – сетовал ученый, – нельзя печатать даже и таких элементарных статей. К сожалению, подробная рецензия на словарь Преображенского также не может быть где-либо пристроена[6]. То же следует сказать и о лекциях по сравнительной фонетике слав[янских] яз[ыков]. Исследования о языке Добрилова Еванг[елия] также пока мною отложены в виду безнадежности как общего положения, так и типографских дел в частности»[7]. О подобных же проблемах Перетц сообщал из Самары 11 июля Н. К. Никольскому: «Пробую заниматься пересмотром своего курса методологии. За зиму описал рукописи Универс[итетской] библиотеки. […] Через месяц пришлю в Акад[емию] копию Описания; печатать негде!»[8]

Однако случались и некоторые исключения. Так, К. В. Харлампович сообщал Соболевскому 4 июня 1920 г.: «А в Казани некоторые издания не прекращались (“Известия Общества археологии”), другие вновь появляются (“Известия археол[огического] института”, “Казанский музейный вестник”). Кстати, для последнего у Вас не найдется ли самостоятельной статьи или рецензии? – Я член редакционной коллегии»[9]. Информация из этого письма нашла свое место в письме Соболевского Ляпунову от 22 августа 1920 г.: «Я объявил 7 курсов

4 Союз работников печатного дела был первым профессиональным союзом, созданным в России в 1905 г.

5 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 147. Л. 23 об.–24.

6 Эта рецензия Ляпунова увидела свет только через шесть лет: *Ляпунов Б. М.* Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского: (Вып. 5–14, Москва, 1910–1916) // Известия ОРЯС. 1925 года. Л., 1926. Т. XXX. С. 1–22.

7 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 833. Л. 182 об.

8 Там же. Ф. 247. Оп. 3. Д. 559. Л. 63 об.

9 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 392. Л. 21.

на разные вкусы, но едва ли состоится больше одного. Печатных расписаний нет (и вообще ни печати, ни бумаги нет, даже для какой-ниб[удь] диалектологич[еской] Программы в 2 странички). Провинция, по-видимому, в несколько лучшем состоянии: кое-где типография работает и бумага имеется. В Казани печатают всякую всячину, м[ежду] проч[им], новый журнал "Каз[анский] музейн[ый] вестник". Селищев отпечатал свою книгу – 1-ю часть труда по макед[онской] диалектологии[10]»[11].

В научном сообществе искали возможности хоть как-то реализовать уже подготовленные к печати работы. Так, Соболевский описывал в письме Ляпунову от 18 сентября 1920 г. одно из принятых решений: «Ак[адемия] Н[аук] издает крайне мало. Когда мы собрались в П[етро]гр[аде], решили пересмотреть, что у нас отпечатано, и выпустить в свет все листы, к[о]т[оры]х побольше, в виде выпусков ради сохранности. События таковы, что ак[адемическая] типография легко может лишиться своего склада. "Изв[естий]" Отд[еления] р[усского] яз[ыка] за 1919–1920 г. не выходило; кажется, можно будет выпустить еще одну кн[игу] за 1918 г.[12], почти готовую»[13].

Заброшенный в провинцию Перетц информировал 17 октября 1920 г. Истрина о своих занятиях и спрашивал совета: «…получу из Питера книги – закончу статью, вернее ряд статей по истории украинско-польских литературн[ых] отношений XVI–XVII вв.»[14]. В этом же письме ученый сообщал Истрину о проблемах, которые возникли с уже подготовленной им к печати работой: «Государст[венное] издательство (его Сам[арское] отделение) собирается печатать краткий Курс методологии истории лит[ературы], кот[орый] я написал в авг[усте] – сент[ябре]. Но сможет ли при ужасной типографской разрухе – сомневаюсь. Оригинал – лежит!»[15]

Умеренным оптимистом в издательском деле оставался Е. Ф. Карский, писавший 27 декабря 1920 г. В. А. Францеву: «С печатанием дело неважно, но и оно, кажется, наладится»[16]. В начале 1921 г. Ляпу-

10 *Селищев А. М.* Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918. Т. I.

11 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 293. Л. 13.

12 Второй выпуск «Известий» ОРЯС за 1918 г. обозначен 1921 годом, реально он вышел в свет в июле 1922 г. (РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 239. Л. 1).

13 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 293. Л. 15.

14 Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 118. Л. 39.

15 Там же. Л. 39–39 об.

16 Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 176. Л. 6.

нов вновь сетовал на трудности с реализацией своих трудов. Он писал Истрину 1 января: «У меня много лежит всякого материала, который не знаю, где пристроить. Возможно, удастся кое-что пристроить в Харькове в Сборнике в пам[ять] Потебни и в Москве в Рус[ском] Арх[еологическом] словаре, к участию в котором приглашает меня А. И. Соболевский»[17].

Даже фактически прошедшие стадию типографской работы труды не могли быть окончательно завершены. Надежды Карского явно не оправдывались, и он сетовал в письме Францеву от 24 февраля 1921 г.: «Мы здесь живем по-старому. Сейчас я закончил печатание “Белорусов”, т. III, вып. 2: “Старая западнорусская письменность” (только невозможно сброшюровать)»[18]. Через месяц, 27 марта, Карский вновь сообщал Францеву о своем многотомном труде: «Мои “Белорусы” (III 2) еще не сброшюрованы, но я уже поспешил сдать в печать новый вып[уск] 3 (Литература на белор[усском] яз[ыке] и белорусское движение). Впрочем, печатать не легче, нежели брошюровать. Рукописного материала в Академии накопилось на 10-тки лет»[19].

Но все-таки с окончанием Гражданской войны и с переходом страны к мирной жизни дело с публикацией трудов, собранных Отделением русского языка и словесности, наконец, сдвинулось с мертвой точки. Стали появляться возможности помочь издательской деятельности Академии за счет зарубежной помощи. Научное сообщество живо реагировало на открывшиеся возможности. Так, И. А. Бычков делился с Соболевским новостью в письме от 26 мая 1921 г.: «Слышал я вчера, что Академия наук получит в дар от Финляндии три вагона бумаги для своих изданий»[20]. Так, В. И. Резанов, профессор нежинского Научно-педагогического института, писал 5 января 1922 г. Сперанскому: «Из одного отчета в журн[але] “Наука на Украине” я с радостью узнал, что Академия получает из Америки бумагу для печатания и что рукописных материалов накопилось для 500 печат[ных] листов. Как же обстоит дело с печатанием?»[21] В конце 1922 г. о важном решении правительства сообщал С. Ф. Ольденбург. В протоколе Общего собрания Академии от 2 декабря 1922 г. записано: «Непременный секретарь доложил, что совнаркомом разрешен беспошлинный провоз в Россию

17 Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 95. Л. 28 об.
18 Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 176. Л. 7 об.
19 Там же. Л. 9.
20 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 107. Л. 7.
21 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 257. Л. 200.

из Америки 50 тонн бумаги для печатания на ней изданий Академии. Положено по получении бумаги благодарить учреждения, пожертвовавшие ее Академии»[22].

Отделение постаралось воспользоваться ситуацией и выпустить в свет уже подготовленные к печати труды, ликвидировать задолженность в выпусках «Сборника ОРЯС». В конце 1922 г. были одновременно опубликованы тома XCVI, XCVII и XCVIII. Перспектива быстро ликвидировать накопившуюся издательскую задолженность явно вдохновляла ученое сообщество. Истрин, сообщая Сперанскому 26 января 1923 г. о скорой публикации его работы, отмечал: «Вот Девгений отпечатан, но он войдет в 99-й Сборник[23], к[оторы]й только теперь брошюруется. До сих пор брошюровались давно отпечатанные 95–98 тома, и на днях выпущено три тома. Скоро, значит, увидит свет Девгений»[24].

С переходом государственной политики к НЭПу стало появляться больше кооперативных и частных издательств, возникали периодические издания при некоторых учреждениях и научных обществах. Это расширяло возможности с публикацией научных исследований, но еще не могло изменить общего состояния печатного дела. Письмо Перетца Соболевскому от 6 марта 1922 г. свидетельствует о том, что для исследователей славянских древностей и средневековья поиск издателей представлял особые трудности. Даже отдельные успехи в этой области не снимали общей проблемы с публикацией трудов. Итак, Перетц писал: «Да и печатание у нас – почти невозможно. – Одно большое издательство “Academia” (но нисколько не менее хищное, чем другие детища NEP’a) напечатало краткий конспект моих лекций по введению в Историю русской литературы[25]». При этом ученый с нескрываемой горькой иронией сообщал о своей большой работе: «В надежде славы и добра занимаюсь ужасно нужным в наше время делом: готовлю С[лово] о п[олку] Иг[ореве]. Текст готов, подбираю стилистич[еские] и лексикологич[еские] комментарии – и все без надежды когда-либо

22 Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 176. Л. 48 об.

23 *Сперанский М. Н.* Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты // Сборник ОРЯС АН. Пг., 1922. Т. XCIX. № 7. 166 с.

24 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 135. Л. 49.

25 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг., 1922.

издать в свет! Кому все это нужно? Нет ли у Вас в М[оскве] любителя купить это издание? Оно будет листов 10–12, озаглавлено – "Сл[ово] о п[олку] Иг[ореве]. Из лекций и исследований". Молодежь наша умеет находить издателей: видели вы "Гаврилиаду", изд[анную] Томашевским, новые книжечки Гофмана, Эйхенбаума, Жирмунского? – и шрифт и бум[ага] отличные. О содержании – скажу – на любителя. Но Томаш[евский] и Гофм[ан] – дельные люди»[26].

Более оптимистично был настроен заведующий Славянским отделением БАН А. И. Лященко, который, несмотря на очевидные трудности, отмечал и некоторые положительные сдвиги в научно-издательской области. Он сообщал 3 августа 1922 г. Соболевскому о ситуации в Петрограде: «Литературно-научная жизнь наша как будто развивается. Выходят книги и по древней литературе. Вышел, напр[имер], обзор др[евне]рус[ской] литературы В. М. Истрина[27]. Я никак не могу согласиться с его мнением о безыдейности др[евне]рус[ской] литературы. В. Н. Перетц выпустил сокращенное издание своей методологии. На днях вышла 2-ая кн[ига] "Изв[естий] от[деления] р[усского] яз[ыка]" за 1918 г. Перетц работает над подготовкой издания Слова о полку Игореве»[28]. Писал он и о новых начинаниях: «Работают общества др[евней] письм[енности], библиографическое (издало в 1922 г. три номера журн[ала] "Библиографические листы"), неофилологическое, Пушкинский дом (особ[енно] интересен его альманах "Радуга"), Пушкинское при университете и др[угие]. Затевается сборник исторических и литературных материалов (с комментариями) рукописным отделом Библиотеки Академии Наук». И при этом Лященко подчеркивал: «Но печатать очень и очень трудно»[29].

О том, как обстоит дело в провинциальных высших учебных заведениях, Сперанскому писал 23 апреля 1922 г. Резанов: «…последний том Институтских Известий[30] […] пятый год лежит не сброшюрованный, и некоторые листы пропали. […] Жаль и досадно, что нет возможности печатать»[31]. Об издательских проблемах в Одессе Собо-

---

26 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 20–20 об.

27 *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11–13 вв.). Пг., 1922.

28 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 239. Л. 3 об.–5.

29 Там же. Л. 5.

30 Этот том так и остался неопубликованным. Последний том Известий историко-филологического института князя Безбородко был издан в 1916 г.

31 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 257. Л. 203–203 об.

левскому сообщал 21 июня 1922 г. П. А. Бузук: «Дела со сборником ухудшились. До настоящего времени отпечатано 80 стр. + VIII стр., в которые входит список трудов Б. М. Ляпунова. Новые средства местный Губпрофобр отказался отпускать, и посему мы открываем теперь предварительн[ую] подписку, назначив цену за экземпляр в один миллион рублей. […] Не найдется ли у Вас в Москве десяток-другой охотников подписаться на этот сборник?»[32] Издать сборник в честь Ляпунова все-таки удалось[33].

В 1922 г., наконец, возобновилась работа над «Известиями» ОРЯС. Карский предлагал Соболевскому в письме от 7 сентября 1922 г.: «Присылайте “Русско-скиф[ские] этюды”. Пойдет в № 1 1921 г., который будет набираться в конце этого года, т. к. № 2 1919 г. усиленно набирается, а 1920 г. (посвященный Шахматову) уже оканчивается»[34]. «Известия» и за 1919 г. (т. XXIV), и за 1921 г. (т. XXVI) вышли одновременно в 1923 г. Следует отметить, что материалы для т. XXIV начал готовить еще Шахматов в начале 1918 г. Ученый посчитал возможным поместить первую научную статью Р. О. Якобсона, посвященную вопросам древнеболгарского стихосложения и подготовленную в конце 1917 г., в номере «Известий» за 1919 г. В результате работа увидела свет в 1923 г.[35], почти через шесть лет после ее создания. К этому времени Якобсон уже опубликовал ряд исследований в Праге.

Соболевский же не преминул воспользоваться предложением Карского, тем более что был обеспокоен возможными неприятностями от властей. Он сообщал Карскому 6 января 1923 г.: «Препровождаю к Вам продолжение моих “Скифско-русских этюдов”. Будет еще нечто. Произведение в современном виде – не “поповское”, как теперь говорят даже о трудах по ц[ерковно]-сл[авянскому] языку и по др[евне]-р[усской] литературе, хотя и без марксизма. Полагаю, что у Вас “Ск[ифско]-русск[ие] этюды” будут в большей безопасности, чем у меня; надо мною ходят тучки»[36]. Как и обещал Карский, исследо-

32 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 101. Л. 6–6 об.

33 Ученые записки высшей школы г. Одессы. Т. 2: Сборник статей, посвященных проф. Б. М. Ляпунову по случаю тридцатилетия его преподавательской деятельности 1892–1922. Одесса, 1922.

34 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 187. Л. 6.

35 *Якобсон Р. О.* Заметки о древнеболгарском стихосложении // Известия ОРЯС. 1919. Пг., 1923. Т. XXIV. Кн. 2. С. 351–358.

36 СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 131. Л. 44.

вание Соболевского было помещено в ближайшие тома «Известий»[37]. Но такая активность вызвала неудовольствие руководства Академии и, в частности, ее Непременного секретаря, и это отрицательно повлияло на издательские планы Отделения. Истрин 26 января 1923 г. писал Сперанскому: «Опять какие-то задержки с печатанием. Тормозит Ольденбург на том основании, что II Отд[еление] слишком много печатает. Пока все почти приостановилось»[38].

Надежды, которые возлагались на быстрое улучшение издательских возможностей Отделения в 1923 г., явно не оправдывались, хотя казалось, что ранее намечавшиеся планы предполагали такую возможность. Еще 7 сентября 1922 г. Карский сообщал Соболевскому: «Вчера было заседание Отделения. Обсуждали смету на 1923. На печатание нам отпущено 250 л[истов]»[39].

Перетц жаловался Соболевскому 9 февраля 1923 г.: «…пиши хоть целый день, напиши хоть гениальную книгу, но при нашей бедности все равно не напечатаешь! В старину я мог, напр[имер], на свой счет напечатать отчет о поездке в Выдуб[ицкий] мон[астырь] в 10 листов, а теперь рад, когда Ежег[одник] Гос[ударственных] театров возьмет статейку о старинном театре»[40].

Соболевский призывал бережно относиться к научному наследию предшественников и выступал за продолжение публикации их работ, начатой еще до революционных событий. Перетц, понимая, что осуществить составленные планы вряд ли возможно, писал ученому 22 февраля: «…изд[ание] Соч[инений] Бусл[аева] должно неизбежно приостановиться, ибо у Отд[еления] нет ни средств, ни сил даже живых печатать […] в тех размерах, которые потребны. Ведь Истр[ин] напеч[атал] 2 тома Амарт[ола], а Карский 2 тома (концы) Белорусов за прошлый год – чудом (?), а я вот и маленькой статьи не мог никуда просунуть!»[41] В подтверждение этого вывода Карский констатировал в письме Соболевскому от 25 февраля: «Вообще печатание по нашему Отделению в упадке»[42].

---

37 *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды // Известия ОРЯС. 1921. Пг., 1923. Т. XXVI. С. 1–44; *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды. (Окончание) // Известия ОРЯС. 1922. Л., 1924. Т. XXVII. С. 252–332.

38 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 135. Л. 49.

39 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 187. Л. 6.

40 Там же. Д. 290. Л. 30 об.

41 Там же. Л. 33 об.

42 Там же. Д. 187. Л. 11–11 об.

В провинции, как всегда, полагали, что в столицах дела обстоят лучше. Так, Ляпунов писал Истрину 11 апреля 1923 г.: «Очевидно, в Петрограде лингвистика продолжает развиваться. У нас же решительно ничего нельзя печатать»[43]. Но в Петрограде дела обстояли не лучше, проблемы продолжали нарастать, причем Перетц видел в этом и вину академического руководства. Он информировал Соболевского 23 апреля: «…обостряется вопрос с Академич[еским] издательством. Сейчас идет пересмотр типографского плана на 1923 (а м[ожет] б[ыть], и вообще на год!) с целью сократиться, т. е. сократить гнусных гуманитаров, которые отягчают Академию на горе гг. Стекловых[44] и пр[очих] вершителей нашей Академ[ической] жизни. […] Угрожают своротить “Сборн[ик]” и, вероятно, успеют: его ред[актором] числится Истрин, но относится к этому весьма равнодушно. Даже досадно. Большая моя работа в Госиздате забракована[45]: слишком велика, всего 16–17 листов, да еще сюжет такой, что книга сразу станет редкостью»[46].

Карский в письме Соболевскому от 30 апреля просто констатировал: «В Академии готовимся к юбилею, но денег уж очень не густо. На наше отделение почти ничего не отпускается»[47]. Истрин же, отмечая положение с изданием трудов ОРЯС, в письме Сперанскому 9 июня 1923 г. весьма эмоционально отзывался о руководстве Академии: «Также прекращают всякое печатание из-за неуплаты старых долгов. Да здравствует Советская Власть и наши академ[ические] пред ней при[нрзб]тели![48]»[49].

Вероятность не увидеть свои труды изданными побуждала исследователей к размышлениям о необходимости поменять избранную ранее специальность. Так, П. С. Богословский писал Соболевскому в начале сентября 1923 г. из Перми: «В связи с положением, в каком

43 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 95. Л. 40.

44 Вице-президент Академии математик В. А. Стеклов не скрывал своего отношения к ОРЯС: «Давно уже имею мысль об уничтожении ненужного и отнюдь не научного II отделения (отдел русского языка и словесности). Здесь почти нет науки, а одна беллетристика и часто белибердистика!» (*Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. (Научное наследство. Т. 17). С. 298).

45 Первая неудачная попытка устроить в печать монографию о «Слове о полку Игореве».

46 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 34, 36.

47 Там же. Д. 187. Л. 7.

48 Слово написано неразборчиво, возможно, следует читать «прихлебатели».

49 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 135. Л. 52.

находимся мы со своими работами, вообще приходится задумываться над тем – как быть? Что Вы посоветуете мне? Может быть, оставить пока др[евне]р[усскую] письменность, заняться фольклором или еще чем-нибудь смежным? Я прямо в тупике, так как аналогичным настроением проникнуты письма, полученные мною от В. Н. Перетца и С. П. Обнорского. По-видимому, исследования, посвященные др[евне] русским памятникам, не могут быть напечатаны. Так[им] обр[азом], наша наука как будто должна остановиться в своем развитии. Далекий от столичных коллег, чудом получающий новинки по своей специальности, одинокий в своих научных интересах, – я прямо теряюсь, когда начинаю думать о целесообразности своих научных работ. Они обречены лежать под спудом, а когда появятся, б[ыть] м[ожет], в печати, тогда всякое научное значение их будет потеряно».

Далее Богословский отметил ту проблематику, которая навсегда стала основной в его научной карьере: «В данное время меня немного успокаивает то, что работа моя по краеведению (бескорыстная, идейная) дает мне возможность кое-что здесь на месте печатать»[50]. На этом Богословский свое повествование не окончил и 5 октября продолжил: «Первая половина настоящего моего письма к Вам написана месяц назад… В последнее время я получил письмо от К. В. Харламповича, который сообщает о возобновлении “Известий” Общества ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии] при Каз[анском] ун[иверсите]те» и предлагает прислать одну из моих работ, посвященных прошлому сев[еро]-вост[очной] Руси. Хотя мой главный труд находится еще в стадии лабораторного исследования, но по некоторым частным вопросам исследования я решаюсь выступить печатно с результатами разыскания»[51]. Но в ноябре это предложение уже стало неактуальным, и в до того слабые возможности научной печати вторглась политика. Харлампович сообщал Соболевскому 21 ноября: «Областной комитет партии предписал Комбинату издательства и печати “разгрузить” себя от печатания 5 научных журналов, между прочим “Известий Общ[ест]-ва археологии”, в интересах марксистской литературы. Тут пострадал и “Казанский библиофил”. Что касается “Казанского музейного вестника”, то он, кажется, отстоял свое право на существование. Наша же песенка спета. Правда, не мы одни. П. С. Богословский писал с Ваших слов, что и в Москве на этот счет неблагополучно»[52].

50 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 96. Л. 5–5 об.

51 Там же. Л. 7.

52 Там же. Д. 392. Л. 33 об.

Но и до этой ликвидации научных периодических изданий дела с возможностью публикации исследований по лингвистике обстояли практически безнадежно. Е. Ф. Будде 1 декабря 1923 г. с завистью писал А. Ф. Селищеву: «По правде сказать, у Вас лично сохранилась хоть идея для Вашей жизни, хоть Вам и тяжело, и хлопотно (читать за двух профессоров, воспитывать племянника и проч[ее]), а у меня убита и идея моей жизни: труды мои не печатаются, говорят, что “такие теперь не нужны”»[53]. И вновь Будде возвращался к больному для него вопросу: «Таким образом, если бы Вы захотели на моем месте заниматься “исследованием” какого-нибудь вопроса, то Вам пришлось бы это делать в своей квартире и без всякой надежды на то, что труд Ваш когда-либо увидит свет. А таких трудов в моем письменном столе скопилось за последние четыре года уже семь штук, и один довольно большой – II-й выпуск по методологии русского языкознания»[54].

О причинах, печальной судьбе, постигшей казанский журнал, Харлампович сообщал 17 января 1924 г. Н. П. Лихачеву: «Вы, конечно, уже знаете о кончине “Известий Общества археологии”. Обязавшийся печатать их Комбинат издательства и печати Т[атарской] Р[еспублики] снял их по требованию Областкома партии: средства понадобились на марксистскую литературу…» «Теперь, – продолжал ученый, – опасность грозит б[ывшей] Академической библиотеке, ее хотят спасти от “гниения” путем распыления. В Казани предполагается летом Областной съезд краеведов. Может быть, это оживит наш город. Пока же скучно и грустно»[55].

Некоторые возможности, открывшиеся в издательской деятельности Отделения в 1922 г., и связанные с этим надежды на будущее в следующем году были полностью исчерпаны. Это обстоятельство было зафиксировано в следующем документе: «Отделение русского языка и словесности Российской Академии Наук в 1922–1923 г.»[56]. В отчете проанализирована «ученая и издательская деятельность Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук в 1922 и 3 гг.». Отмечено, что эта деятельность «была сильно стеснена в денежных средствах, и потому не могла развиваться желательными темпами. До 1917 года Отделение имело в своем распоряжении

53 Там же. Ф. 2231. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–1 об.

54 Там же. Л. 1 об.

55 СПбФ АРАН. Ф. 246. Оп. 3. Д. 390. Л. 4 об.

56 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1131. Л. 3–9.

500 печатных листов на год. […] С 1917 г. наступила типографская разруха, с одной стороны, а с другой – сильное сокращение денежных кредитов, что и отразилось на ученой деятельности Отделения». В настоящее время «в Отделении лежит до 40 работ, рассмотренных и определенных к печатанию и содержащих в себе более тысячи печатных листов. Новые работы продолжают поступать постоянно, но надежды на их опубликование в ближайшем будущем почти нет никакой»[57].

Надежда на возможную помощь зарубежных коллег упоминалась, но без особой уверенности: «Летом 1923 г. в Петроград приезжал норвежский ученый славист Брок с сообщением, что западные ученые намерены придти на помощь русским ученым в деле печатания работ последних, и просил представить ему список всех работ, ждущих своей очереди. Такой список был ему представлен, но будет ли какой-либо результат, неизвестно»[58]. Вывод отчета был преисполнен пессимизма: «Таким образом, обозрение ученой деятельности Отделения говорит не о том, что сделано, а о том, чего не сделано. Результат вполне ясен: гуманитарные науки в России гибнут»[59]. В документе также подчеркивалась препятствующая деятельности ОРЯС особая «нерасположенность со стороны властей ко всему славянскому»[60].

Подтверждением выводов отчета служило и состояние с издательскими возможностями Отделения в начале 1924 г. Так, Карский писал Соболевскому 25 феврале 1924 г.: «…нам на год отпускают для “Известий” всего 20 л[истов], а “Сборник” и совсем не выходит. […] Вообще печатание по нашему Отделению в упадке»[61]. Подтверждением негативного отношения руководства Академии к деятельности ОРЯС может служить и очередная попытка Перетца опубликовать монографию о «Слове о полку Игореве». Ученый писал 10 января 1924 г. о своих проблемах Соболевскому: «Я все копошусь среди вопросов Сл[ова] о п[олку] Иг[ореве]. Книга моя в печать не идет: нет издателей. […] Общ[ее] Собр[ание] по представлению Отделения включило эту книгу в круг “юбилейных изд[аний]” Академии. Но Истрин уверяет, что Юбил[ейная] комиссия (= Ольд[енбург] + Стекл[ов] + Ферсм[ан]) надуют. Это – не исключается, ибо к сочинениям

57 Там же. Л. 3.
58 Там же. Л. 3–6.
59 Там же. Л. 7.
60 Там же. Л. 5.
61 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 187. Л. 11–11 об.

гуманитаров отношение определенно недружелюбное»[62]. Об этом же Перетц писал Сперанскому 2 февраля: «Наши Акад[емические] маги и чародеи включили мою книгу о “Сл[ове]” в число “юбилейных изданий”, но, я думаю, надуют»[63]. И действительно, книга в «юбилейных изданиях» так и не вышла, в итоге Перетц был вынужден согласиться на публикацию своего труда в Киеве в переводе на украинский язык[64]. Тогда же, 17 февраля, Селищев сетовал в письме Истрину: «Без надежды на издание перерабатываю один из своих курсов (“Введение в сравн[ительную] грамм[атику] сл[авянских] яз[ыков]”)»[65]. Ученое сообщество уже так привыкло к проблемам с публикацией трудов, что относилось с недоверием к неожиданно возникавшим возможностям их издания. В. П. Адрианова-Перетц сообщала Сперанскому 29 декабря 1924 г.: «…у нас срочно затребовали по унив[иверситету] и академии сведения о приготовленных к печати работах, т. к. обещали миллион на печатание залежавшихся трудов. Вл[адимир] Ник[олаевич] (Перетц. – *М. Р.*) думает, что где-то льют колокола[66] и потому необходимо врать покрепче. Впрочем, вести идут от самого Ольденбурга»[67]. О том, что ничего не изменилось и с приближением празднования 200-летия Академии наук, Лихачев сообщал Соболевскому 6 августа 1925 г.: «Центральное здание и учреждения Академии ремонтируются полным ходом. Вообще все внешнее будет превосходно. Но сущность ученого предприятия (всякого) – его ученая производительность = издательство – по-прежнему в загоне»[68].

1920-е годы – время возникновения новых славистических журналов в европейских странах. В Праге в 1921 г. начинает выходить «Slavia», в том же году в Париже – «Revue des études slaves», а в Белграде возобновляет свою деятельность «Јужнословенски филолог». В 1924 г. основан М. Фасмером «Zeitschrift für slavische Philologie», в том же году в Софии начинает печататься «Македонски преглед». Позже, с 1929 г., в Праге издается «Slavische Rundschau», а в Кракове

62 Там же. Д. 290. Л. 47–47 об.

63 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 28 об.

64 *Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім – пам’ятка феодальної України-Руси XII віку. Вступ. Текст. Коментар. Київ, 1926. (Збірник історично-філологічного відділу [УАН]. № 33).

65 Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 148. Л. 20–20 об.

66 «Лить колокола» – фразеологизм «врать, говорить заведомую ложь».

67 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1 об.

68 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 230. Л. 7 об.–9.

«Lud Słowiański». Почти сразу эти издания проявили интерес к работам русских славистов, и это открыло возможности для исследователей увидеть свои работы опубликованными.

Так, П. Г. Богатырев писал Сперанскому из Праги 14 марта 1922 г.: «…посылаю приглашение от журнала “Slavia” и письмо проф. Мурко»[69]. Однако подобные приглашения вначале воспринимались с некоторым сомнением. Соболевский, например, жалуясь в письме Карскому от 27 апреля 1922 г. на трудности с публикацией, писал: «Лишившись своей библиотеки, я теперь пользуюсь библиотекой брата […] и вожусь с Геродотом и вообще древними. Дошел до кое-каких выводов. Не прочь бы напечатать, но где теперь работает типографский станок? Зовет чешская “Slavia”, преемница Ягичева “Архива”[70], но что до нас может доходить?»[71] Ученого беспокоило, что его исследования по условиям времени не смогут доходить до отечественного читателя. Однако открывшаяся возможность привлекала многих ученых. Селищев писал Карскому 19 августа 1923 г.: «Летом кое-что подработал. Одну статью по балканистике отослал Мазону, другую по русской чувашистике в Прагу. На днях закончил статью по поводу аканья Н. Н. Дурново, поэтому не знаю, куда определить. Ною по Балканам»[72]. Публикации за границей предоставляли ученым возможность для более свободного выражения мыслей, которые на родине они высказывать уже опасались. Тот же Селищев через год, 10 августа 1924 г., обращался к Истрину: «В 1921 г. я отправил Е. Ф. Карскому свою рукопись с некрологом Н. М. Петровского. Вспоминать о недавнем культурном прошлом теперь нельзя у нас. М. Мурко и О. Гуер предлагают поместить эту статью в “Slavia”. Прошу Вас, Василий Михайлович, если эта статья находится в Вашем распоряжении, вернуть мне ее. В непродолжительном времени уезжает в Прагу Н. Н. Дурново. С ним я и хотел бы отправить эту рукопись»[73]. В письме можно найти ответ, почему некролог, кроме обычных задержек с выпуском Известий ОРЯС, не был направлен в печать. Селищев подчеркивал: «Вспоминать о недавнем культурном прошлом теперь нельзя у нас». Ученый подумывал напечатать некролог за границей но, похоже, что он так и не решился на этот шаг. В библиографии научных трудов Селищева такая публикация не отмечена.

---

69 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

70 Archiv für slavische Philologie.

71 СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 131. Л. 42 об.

72 Там же. Д. 127. Л. 6 об.–7.

73 Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 148. Л. 22.

Лавров сообщал Сперанскому 30 апреля 1925 г.: «Я послал в Прагу сказки В[еркови]ча, и Поливка обещает их печатать. А Зогр[афские] листки послал в Париж[74]. В Изв[естия] отдал краткую статей[ку], в сборниках в честь Нид[ерле], Поливки и Пастрнка»[75]. Первое исследование этнографических материалов, собранных С. Верковичем, Лавров опубликовал в сборнике в часть В. И. Ламанского, работа вышла и отдельным изданием[76]. Перспектив опубликовать исследование и сказки из этого собрания на родине Лавров не видел, поэтому он и обратился к чешским коллегам. Издание было успешно осуществлено[77], но уже после кончины ученого.

Лавров в своем выступлении 29 апреля 1925 г. при открытии Славянской комиссии Отделения особо остановился на успешной деятельности чешского журнала: «“Slavia” с успехом продолжает при обилии сотрудников из среды всех славян, а отчасти и иностранцев при свободном выборе языка, как слав[янских], так и главных европ[ейских]; но из этих последних наибольшее число писано на нем[ецком] яз[ыке], которым иногда пользуются и славянские ученые. Особые условия нашей жизни объясняют, что очень большое место занимают русские статьи, принадлежащие как тем русским ученым, которые живут вне пределов отечества, так и тем, которые присылают статьи из России, лишенные возможности печатать их у себя дома. […] Богатые материалом, не стесняемые размером чехи могут вести это дело так, что нам при наших условиях нельзя о том и думать»[78]. «Что касается чешских журналов, – продолжал ученый, – то выходят старые и новые. Опять-таки в противоположность тому, что есть у нас, где прекратились все журналы и ученых обществ, университетские, филологические, исторические, археологические, этнографические и чисто литературные»[79].

Н. С. Державин рекомендовал Сперанскому использовать возможности болгарской печати. Он писал 15 декабря 1925 г.: «…обращаю

74 *Lavrov P.* Les Feuillets du Zograph // Revue des études slaves. 1926. T. 6. Fasc. 1–2. P. 5–23.

75 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 166. Л. 55–56.

76 *Лавров П. А.* Сборник македонских песен, сказок и обычаев С. И. Верковича. СПб., 1908.

77 *Lavrov P. A., Polívka J.* Lidové povídky jihomakedonské; z rukopisu St. Verkovicovych. Praha, 1932. (České akademie věd a umění. Třída III. Č. 70).

78 СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 1. Д. 21. Л. 33–34.

79 Там же. Л. 44.

Ваше внимание на то, что в Софии уже второй год издается хороший ученый журнал “Македонски преглед” – орган Македонского научного института, в котором руководящую роль, по-видимому, играет Л. Милетич. Я регулярно получаю этот журнал, дал бы охотно место Вашей статье, имеющей прямое отношение к Македонии»[80]. Публикация за границей иногда оказывала существенную помощь в жизни русских ученых. Фасмер, организуя свой журнал, сразу сообщал в письме Ляпунову от 2 апреля 1924 г. немаловажную деталь: «Надеемся платить в дальнейшем и гонорары»[81]. Фасмер сдержал свое обещание и при подготовке серийного издания «Очерки по славянской филологии и истории культуры». Зеленин в конце декабря 1925 г. сообщал Соболевскому: «Давно собираюсь написать Вам, что мне удалось сбежать с “благословенной Украины”. Помогли переехать… немцы, которые прислали мне щедрый аванс в счет печатающейся в Берлине (в Gründriss d[er] slavischen Philologie) моей книги “Russische Volkskunde”[82]»[83]. О публикации своего следующего исследования ученый писал Соболевскому 6 февраля 1926 г.: «В “Slavia” послал большую работу о женских русских головных уборах, с рисунками[84]. Между прочим, великорусы Харьковской губ[ернии] дали мне для этого исследования богатейший материал»[85].

Следует отметить, что и для изданий Академии наук после празднования ее юбилея ситуация начала понемногу улучшаться. Карский писал Соболевскому 17 октября 1925 г.: «На наступающий академич[еский] год нашему Отделению обещано 150 листов, которые мы распределили таким образом: 50 л[истов] “Известия” за 1925 и 1926 г. Остальные 100 л[истов] на словарь р[усского] яз[ыка] (5 л[истов]), Славянскую Энциклопедию (5 л[истов]), на “Сборник” листов ок[оло] 50, и на отдельные издания остальное»[86]. Даже Перетц, который еще недавно так резко высказывался об издательских возможностях

80 Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 101. Л. 78 об.

81 Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 329. Л. 5 об.–5.

82 *Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927. (Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Bd. 3).

83 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 161. Л. 56.

84 *Зеленин Д. К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. 1926. Roč. V. Seš. 2. Главы 1–7. S. 303–338; 1927. Roč. V. Seš. 3. Главы 8–13. S. 535–556.

85 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 161. Л. 62 об.

86 Там же. Д. 187. Л. 13.

Отделения, с удовлетворением сообщал 13 января 1926 г. Сперанскому не только о публикации своих исследований, но и о работах учеников: «Я читаю корр[ектуры], но умеренно, много не дают. Печатается моя работа об эпитетах в “Слове”, о Кир[илле] Туровск[ом] Еремина и стилистич[еских] наблюд[ениях] над “Словом” – Никольской – все в Известиях. В Сборн[ике] – мои новые материалы по старинной украинской литер[атуре], а в Киеве – “Слово”. […] Кажется, мы – академики – сдвинулись с мертвой точки и начинаем кое-что печатать»[87].

Так как время политического запрета на публикации за границей еще не наступило, многие ученые широко пользовались предоставленными возможностями. Селищев планировал издавать свои монографические исследования в Болгарии, сотрудничать с зарубежными журналами, но не оставлял надежд на публикации и на родине. Он писал Карскому 1 сентября 1926 г.: «В июле, наконец, я закончил свое славянское обозрение […] Как ни жаль, все же работа вышла не по времени объемистой: листов 45. Отослал ее в Болгар[скую] Академию Наук. В прошлом году Ист[орико]-филолог[ическое] Отделение ее согласно было на это издание. Минувшею зимой я написал критические и разъяснительные заметки на “Очерк истории рус[ского] яз[ыка]” (1924) Н. Н. Дурново. […] Статью я онемечил и отослал в “Rocznik slawist[yczny]”[88]. Недавно я узнал, что это издание после продолжительной болезни скончалось. Я не хотел беспокоить Вас как редактора “Изв[естий] Отд[еления] р[усского] яз[ыка]”, имея в виду длиннейшую очередь. Но теперь мне деваться некуда с этой статьей. В “Slavia” и “Zeitschrift” не дождешься. (“Slavia” до сих пор не напечатала еще мою статью по поводу “Разысканий …” Н. Н. Дурново). […] Не окажется ли местечка в Известиях?»[89] Надежды Селищева оправдались, статья была опубликована на следующий год[90], кстати, и рецензия в “Slavia” также была опубликована в 1927 г.[91]

Если с периодическими изданиями Отделению удалось наладить работу, то его остальные издательские планы были далеки

87 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 85 об.

88 Краковский журнал “Rocznik slawistyczny” прервал свою работу в 1918 г. и возобновился только в 1930 г.

89 СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 127. Л. 9–10.

90 *Селищев А. М.* Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924 // Известия ОРЯС. 1927. Т. XXXII. С. 303–330.

91 *Селищев А. М.* Заметки по великорусской диалектологии: Т. 1. К изучению типов аканья // Slavia. 1927. Roč. VI. Seš. 2–3. S. 455–479.

от завершения. Соболевский сетовал в письме Карскому от 24 сентября 1926 г.: «Стоят без движения даже сочинения Васильевского, Веселовского, Буслаева…»[92] Собрания сочинений всех трех авторов начали печататься в 1908 г., до 1917 г. было выпущено три тома В. Г. Васильевского, два тома Ф. И. Буслаева. Издание А. Н. Веселовского приостановилось в 1921 г. на первом выпуске 8-го тома. Соболевский вновь возвратился к вопросу о необходимости завершить печатание трудов предшественников в письме Никольскому от 3 января 1927 г. Это уже не краткое упоминание, а проблема, поставленная в контекст размышлений ученого о специфике положения отечественной Академии наук, отличающей ее от академий западноевропейских. Он писал: «Наши ак[адемические] патриоты желают, чтобы Р[оссийская] Ак[адемия] Н[аук] была полным подобием Берл[инской], Венск[ой] и т. д. академий, и уже наложили руку на наше акад[емическое] издательство. Нет движений в печати Собраний соч[инений] Васильевского, Веселовского, Буслаева; нет движения в печати переводов – “Слав[янских] Древн[остей]” Нидерле[93] и т. п.». Соболевский отмечал зависимость издательской деятельности от государственного устройства. «Действительно, – писал он, – Берл[инская] Ак[адемия] Н[аук] не печатает ни сборников статей своих покойных членов, ни переводов с франц[узского] или англ[ийского]. Но положение книжного дела у нас, с одной стороны, и в Германии или Ф[ранции], с другой, различно. У нас не существует издателей-коммерсантов с мировым рынком и с огромными оборотными капиталами, да и мелких издателей очень мало, и то малосильных во всех отношениях. Их рынок ограничивается одним русским покупателем, в общем скорее бедным, чем состоятельным. У нас некому издавать соч[инения] Васильевского и перевод “Слав[янских] Др[евностей]” Нидерле. Между тем при незначительности наших библиотек и слабости библиографич[еской] литературы спрос на собрание статей Васильевского существует, спрос, конечно, в финансовом отношении скромный, но настойчивый, так как соч[инения] Васильевского необходимо знать всякому, кто занимается русск[ой], ю[жно]слав[янской] и визант[ийской] историей».

92 СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 131. Л. 53.

93 Можно предположить, что речь идет о переводе, подготовленном Н. М. Петровским, о его судьбе шла речь в переписке Селищева с Истриным в 1925 г. (СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 148. Л. 20). Этот перевод так и не увидел свет. Перевод «Славянских древностей» Л. Нидерле, сделанный другими переводчиками, был опубликован в 1956 г.

Соболевский не преминул отметить, что в прошлом дела обстояли иначе: «Ак[адемия] Н[аук] эпохи царизма это понимала, и такие издания, как сборник статей Сухомлинова[94] (напечатанных ранее по большей части Ак[адемией] Н[аук]), заметно сослужил русской науке хорошую службу. А статьи Васильевского, Веселовского, Буслаева, появившиеся в разное время в редких теперь изданиях, или ЖМНПр., "Р[усском] Вестн[ике]", Сб[орниках] О[бщест]ва древнерусск[ого] искусства, если бы Ак[адемия[Н[аук] их вновь издала, как решено было ранее, получили бы огромное значение для русского образованного человека». Ученый подчеркивал: «Мы должны принять теперь во внимание то обстоятельство, что целый ряд библиотек за время революции перестал существовать, или распылился, или сгорел, или был употреблен на макулатуру, и что несколько русских университетов (в Ростове, Воронеже, Перми) не имеют совсем или почти совсем никакой библиотеки»[95].

Соболевский не оставлял идеи о необходимости продолжить издание сочинений перечисленных в его письмах авторов. Он писал Перетцу 2 апреля: «Я в мае, когда станет потеплее, собираюсь навестить П[етер] б[ург] […] мне надо порыться в своих книгах и потолковать об окончании III-го т[ома] Соч[инений] Усл[аева]»[96]. Никольский из-за длительной болезни только в апреле получил «возможность побывать в Академии», о чем он сообщал Соболевскому в письме от 19 числа. Он отвечал и на интересовавшую Соболевского тему: «Что касается продолжения печатания начатых Академических изданий, то наше Отделение возобновляет Славянскую Энциклопедию, о которой я напоминал в заседании Комиссии по Уставу. Относительно же других трудов, как-то: Буслаева, Васильевского, Веселовского и т. п. – я не нашел пока благоприятного случая переговорить с О[льденбургом]»[97]. Издание всех трех собраний сочинений было завершено уже после смерти Соболевского[98].

Появление многочисленных зарубежных периодических славистических изданий очень помогло многим исследователям. Но со временем некоторые из них начали разочаровываться в публикации

94 *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1, 2.

95 СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 649. Л. 13–14 об.

96 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 78. Л. 76.

97 Там же. Ф. 449. Оп. 1. Д. 267. Л. 1–1 об.

98 Последний, третий том Буслаева был издан в 1930 г., в том же году был издан и последний, четвертый том Васильевского. Издание собрания сочинений Веселовского завершилось только в 1938 г.

за границей как единственном способе реализации своих трудов. Соболевский писал Никольскому 23 января 1928 г.: «Я думал, что можно для нее (науки. – *М. Р.*) найти прибежище за границей, но там во всех журналах сидят друзья наших политиков и горделиво смотрят на наши смиренные физиономии. Обещают хорошее, даже блестящее будущее, но можно ли верить…»[99] Более обстоятельно ученый описал ситуацию в письме Ляпунову 1 октября: «Вы упомянули в письме о “Slavia”. И здесь политика, редакторы не любят солидных статей и привычных сотрудников. Подавай им что-ниб[удь] украинское или белорусское… Моя статьишка пролежала в редакции “Slavia” целых два года, набрана мелким шрифтом и оплачена 3 р. 20 к. да 20 оттисками… Я решил больше не иметь дела с заграничными изданиями и терпеливо ждать своей очереди дома…»[100] Другие исследователи, напротив, считали более удобным искать возможность для публикации за границей. Так, Томсона не привлекло предложение Украинской академии наук, его не устраивали принятые там правила публикации. Он писал Ляпунову 2 марта: «Пусть статья пока лежит у Вас, и если нельзя ее напечатать без всяких осложнений в Известиях, то прошу Вас прислать ее обратно. Я потерял связь с заграничными ориенталистами, но все-таки, м[ожет] б[ыть], отправлю ее за границу»[101].

Лавров же не отказывался от продолжения сотрудничества с французскими славистами. Сообщая о своих научных планах, он писал Никольскому 1 июля 1928 г.: «Я до осени не буду в состоянии написать о Вас[илии] Вел[иком] в славянской письменности, что мне предлагает сделать Мазон для издания З[ографских] Л[истков] с греч[еским] текстом вместе с А. V[aillant][102]»[103]. Лавров успел в основном подготовить предложенный Мазоном проект, который стал продолжением публикации ученого в «Revue des études slaves» 1926 г. Работа была закончена Вайяном в декабре 1929 г., через месяц после кончины Лаврова. Опубликована статья была в следующем году[104].

В 1928 г. кандидатура Селищева выдвинута в члены-корреспонденты АН СССР. В письме Карскому от 7 ноября 1928 г. ученый дал

---

99 Там же. Ф. 249. Оп. 3. Д. 649. Л. 21.

100 Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 293. Л. 27–28.

101 Там же. Д. 319. Л. 79 об.

102 A. Vaillant (Андре Вайян).

103 СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 447. Л. 20 об.

104 *Lavrov P., Vaillant A.* Les Regies du Saint Basile en vieux slave. Les Feuillets du Zograph // Revue des études slaves. 1930. T. 10. Fasc. 1–2. P. 5–35.

пояснения к указанной в автобиографии еще не опубликованной монографии. Он писал: «В автобиографической заметке я указал на свою работу: “Введение в изучение славянских языков”. Не имея “Ученых записок”, зная об издательских затруднениях нашей Академии Наук, я обратился в 1925 г. в ту Академию, которая по моим научным интересам была близка ко мне, – Историко-филологическое Отделение Болгарской Академии Наук. […] Первую часть работы я отправил в эту академию немедленно. 1½ года сидел затем за окончанием второй части. В 1926 г. отправил и эту часть. Академия обещала прислать корректуру. Каждый месяц ждал начала печатанья (всё обещали приступить в ближайшее время). Я, не сомневаясь в осуществлении этого издания, нигде в другом месте не наводил справок о возможности издания. В прошлом году я запросил Правление Академии, когда будет издана моя работа»[105]. Селищев сообщал и о благоприятном ответе, полученном 21 февраля 1928 г. от президента Академии Милетича. «После этого успокоительного сообщения, – продолжал ученый, – я не сомневался, что издание будет осуществлено не в продолжительном времени». Но в новом письме от Милетича от 23 сентября сообщалось о нехватке средств на издательскую деятельность «вследствие расходов по постройке здания». «На это сообщение, – писал Селищев – я, разумеется, должен был заявить, чтобы рукопись была возвращена мне, хотя издавать мне ее негде. Рукопись на днях я получил вместе с жалобной бумажкой Совета Управления: “Той Ви моли да извините Академията за неприятность ти […]” Эта бумажка и прежние письма Милетича меня не убедили в невозможности издания. Я надлежащим образом собираюсь поблагодарить эту Академию. А все-таки после 3-летнего отсутствия рукопись у меня»[106].

Сложившаяся ситуация заставила Селищева с грустью вспомнить дореволюционные издательские возможности университета и Академии наук. «Всего займет работа около 45 печатных листов. Болгарская Академия так меня удручила, – сетовал ученый, – что очень не хочется переживать опять крушение надежд. Если бы были “Ученые Записки Университета”! С какой охотой в прошлое время издана была бы эта работа! Не сомневаюсь, что и Академия Наук не отказалась бы содействовать изданию. Но теперь Вы все еще бедствуете по части печатания?»[107]

105 СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 127. Л. 11–12.

106 Там же. Л. 12 об.–13.

107 Там же. Л. 13 об.–14.

Постигшая Селищева неудача не помешала ему менее чем через год вновь предпринять попытку издать в Болгарии другое исследование, уже напрямую связанное с болгарской проблематикой. О в целом благоприятных перспективах издания и вновь возникших проблемах он сообщал Карскому 3 сентября 1929 г.: «Все еще имею терпение путаться с болгарами. Отправил им свою работу о Пологе (лл. 35). Получил от Милетича 2 письма с категорическими заверениями, что работа будет издана в непродолжительном времени. […] Писал он в начале апреля. В другом письме обещал непременно в июле и августе корректуру. Но вместо корректур получил недавно 2-ю книжку журнала “Македонски преглед” и там нашел краткое извлечение из одной главы, – извлечение с пропуском наиболее важной части – анализа элементов изучаемых празднеств (курбан и слава)». В результате, как писал Селищев, он послал Милетичу «скептическое» письмо[108]. Однако в данном случае болгарские коллеги не подвели, и его монография была в 1929 г. издана в Софии[109]. До 1925 г. у Селищева не было ни одной работы, опубликованной за границей. Начиная с этого года и до ареста по «Делу славистов» в 1934 г. из 64 работ ученый за границей опубликовал 43. Особенно интенсивно Селищев публиковался с 1931 г.: на родине 2 работы, а за границей – 21. Возможно, такая активность могла послужить дополнительным аргументом для репрессий со стороны властей.

Отсутствие современного периодического издания беспокоило многих славистов, и они выдвигали свои проекты. В протоколе ОРЯС от 18 января 1927 г. отмечено: «П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов и М. Н. Сперанский представили следующее заявление: “Наступившее после войны оживление научной и литературной деятельности у всех славянских народов в культурных центрах Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии, а равным образом во Франции, Германии и Англии выдвигает настоятельную необходимость в особом повременном издании, посвященном славянской филологии в обширном смысле. В настоящее время, когда у нас обнаруживается сознание важности научных связей с остальным славянским миром, было бы крайне желательно основание при Славянской Комиссии журнала “Славянское обозрение”, в котором бы могли быть помещены статьи по языку, истории литературы и истории всех славянских народов, а также отзывы

108 Там же. Л. 15–15 об.

109 *Селищев А. М.* Полог и его болгарское население: исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии (с этнографическою картою Полога). София, 1929.

о новостях во всех областях культурной жизни славянства”»[110]. Но проект так и не был осуществлен. В результате было решено организовать при Славянской комиссии издание ее трудов. Так, Лавров писал Никольскому в конце апреля или начале мая 1928 г.: «Не дадите ли Вы нам какой-либо статьи в тот вып[уск] Трудов Славянской Комиссии, который будет заключать собрание статей, как бы журнал по славяноведению. Конечно, в надежде, что действительно он будет выпущен. […] А. И. (Соболевский. – *М. Р.*), от которого я получил открытку, обещает прислать стихотв[орение], куда-то у него завалившееся. [нрзб.] прислал рецензию на книгу Бидла “История славянства”[111]. К. Я. Грот предложил воспоминания о начале своих занятий славянством»[112]. Ученый вновь обратился в Никольскому с той же просьбой 1 июля: «Если бы Вы для славянского нашего журнала дали статью, о которой говорили, я бы с удовольствием попробовал что-нибудь написать для ее объяснения, если бы только в том оказалась нужда. Но, я думаю, если Вы сами что-либо напишете едва ли надо будет что-либо прибавлять»[113]. Лавров сообщал Сперанскому 12 ноября того же года: «На изд[ание] Слав[янской] Ком[иссии] отведено […] 10 л[истов]. Этого, разумеется, не много, но важно начать»[114].

Кончина Лаврова в конце ноября 1929 г. вызвала среди славистов законное беспокойство о судьбе проекта. Так, Ильинский писал Ляпунову 6 декабря 1929 г.: «Не знаете ли Вы, какая судьба постигла проектировавшиеся покойным П. А. Лавров[ым] “Труды Слав[янской] Комиссии А[кадемии] Н[аук]”. Будут ли они издаваться? Если нет, то это будет новым ударом для русского славяноведения. Даже маленькая и нищая Болгария обзавелась специальным органом по славяноведению, а мы, члены великой нации, по-прежнему принуждены будем искать гостеприимства в иностранных журналах»[115]. Издание Трудов Славянской комиссии в виде журнала так и не состоялось, а сама комиссия в начале 1930 г. была ликвидирована.

Затруднения, связанные с публикацией научных работ по славяноведению, влияли и на принятие жизненно важных решений некоторыми исследователями. Так, известный специалист по истории

110 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 176. Л. 187–187 об.
111 *Bidlo J.* Dějiny Slovanstva. Praha, 1927.
112 СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 447. Л. 30–30 об.
113 Там же. Л. 20–20 об.
114 Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 166. Л. 86.
115 Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 240.

и культуре Угорской Руси А. Л. Петров в надежде получить новое продление своей просроченной командировки писал Истрину из Праги 7 сентября 1929 г.: «К тому же я теперь здесь, т. е. в Петрограде, совсем не нужен – к чему славянство и Закарп[атская] Русь? Наконец, если бы что в Петрограде и написалось – издать нельзя, а в Чехии все-таки мои работы ценятся»[116]. Ученый так до своей кончины и остался в фактической эмиграции в Чехословакии.

К концу 1920-х гг. и публикация работ в зарубежных журналах, хотя и имела место, но уже как минимум не приветствовалась официальными органами. Как писал Томсон Ляпунову 31 декабря 1930 г.: «…возможно, что придется и мне вскоре выйти в отставку, т. к. работы, напеч[атанные] в Zeit[schrift] f[ür] sl[avische] Ph[ilologie], у нас не ценятся, скорее напротив»[117]. Более того, такая публикация могла стать причиной преследований в период очередной политической кампании, как произошло с исключением Н. Н. Дурново из состава Белорусской академии наук. В Белоруссии начиналась кампания по борьбе с национально ориентированной белорусской гуманитарной интеллигенцией («нацдемами»), хотя ученый к этому движению никакого отношения не имел. Поводом для исключения послужила публикация в «Slavia» некролога Соболевскому[118].

К концу 1920-х гг. после ликвидации в 1927 г. ОРЯС как самостоятельного отделения в составе Академии наук прекратилось издание «Сборника ОРЯС». Последний его том был посвящен юбилею Соболевского[119]. «Известия ОРЯС» официально прекратили свое существование после ликвидации Отделения, однако Карский подготовил еще три тома «Известий по русскому языку и словесности АН СССР». Это издание прекратилось в 1930 г.

---

116 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 119. Л. 1 об.

117 Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 319. Л. 135 об.

118 *Дурново Н. Н.* Академик Алексей Иванович Соболевский [Некролог] // Slavia. 1930. Roč. VIII. Seš. 4. S. 831–839. См. подробнее: *Робинсон М. А.* Русские ученые-слависты и Белорусская академия наук в 1920-е годы // Белоруссия и Украина: история и культура. Сб. статей. М., 2015. Вып. 5. С. 319–372.

119 Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академиею наук по почину его учеников под редакцией академика В. Н. Перетца. Л., 1928. (Сборник ОРЯС. Т. 101. № 3). На сборнике помечено: «Напечатано […] июнь 1928».

Источники и литература

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН).

Дурново Н. Н. Академик Алексей Иванович Соболевский [Некролог] // Slavia. 1930. Roč. VIII. Seš. 4. S. 831–839.

Зеленин Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. 1926. Roč. V. Seš. 2. Главы 1–7. S. 303–338; 1927. Roč. V. Seš. 3. Главы 8–13. S. 535–556.

Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11–13 вв.). Пг.: Наука и школа, 1922. 248 с.

Лавров П. А. Сборник македонских песен, сказок и обычаев С. И. Верковича. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1908. 69 с.

Ляпунов Б. М. Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского: (Вып. 5–14, Москва, 1910–1916) // Известия ОРЯС. 1925 года. Л., 1926. Т. XXX. С. 1–22.

Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг.: Academia, 1922. 164 с.

Перетц В. Н. «Слово о полку Ігоревім – пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Вступ. Текст. Коментар. Київ: З друкарні Української Академії Наук, 1926. 351 с.

Робинсон М. А. Русские ученые-слависты и Белорусская академия наук в 1920-е годы // Белоруссия и Украина: история и культура. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. Вып. 5. С. 319–372.

Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академиею наук по почину его учеников под редакцией академика В. Н. Перетца. Л., 1928. (Сборник ОРЯС. Т. 101. № 3). 507 с.

Селищев А. М. Заметки по великорусской диалектологии: Т. 1. К изучению типов аканья // Slavia. 1927. Roč. VI. Seš. 2–3. S. 455–479.

Селищев А. М. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924 // Известия ОРЯС. 1927. Т. XXXII. С. 303–330.

Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии. Казань: Т-во «Умид», 1918. Т. I. 284 с.

Селищев А. М. Полог и его болгарское население: исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии (с этнографическою картою Полога). София: Македонский науч. ин-т, 1929. 439 с.

Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. (Окончание) // Известия ОРЯС. 1922. Л., 1924. Т. XXVII. С. 252–332.

Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Известия ОРЯС. 1921. Пг., 1923. Т. XXVI. С. 1–44.

Сперанский М. Н. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты // Сборник ОРЯС АН. Пг.: Российская гос. академическая типография, 1922. Т. XCIX. № 7. 166 с.

Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л.: Наука, 1991. (Научное наследство. Т. 17). 373 с.

Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб.: А. С. Суворин, 1889. Т. 1. 671 с.; Т. 2. 516 с.

Ученые записки высшей школы г. Одессы. Т. 2: Сборник статей, посвященных проф. Б. М. Ляпунову по случаю тридцатилетия его преподавательской деятельности 1892–1922. Одесса: Издание Одесского губерн. комитета спец.-науч. и проф.-тех. обр., 1922. 162 с.

Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. Пг.: Изд. ОРЯС, 1919. 295 с.

Якобсон Р. О. Заметки о древнеболгарском стихосложении // Известия ОРЯС. 1919. Пг., 1923. Т. XXIV. Кн. 2. С. 351–358.

Bidlo J. Dějiny Slovanstva. Praha: Vesmír, 1927. 295 s.

Lavrov P. Les Feuillets du Zograph // Revue des études slaves. 1926. T. 6. Fasc. 1–2. P. 5–23.

Lavrov P., *Vaillant A.* Les Regies du Saint Basile en vieux slave. Les Feuillets du Zograph // Revue des études slaves. 1930. T. 10. Facs. 1–2. P. 5–35.

Lavrov P. A., *Polívka J.* Lidové povídky jihomakedonské; z rukopisu St. Verkovicovych. Praha: Nákladem České Akademie věd a umění, 1932. (České akademie věd a umění. Třída III. Č. 70). 595 s.

Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter & Co, 1927. (Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Bd. 3). 424 S.

References

Bidlo, J. *Dějiny Slovanstva*. Praha: Vesmír, 1927, 295 p.

Durnovo, N. N. “Akademik Aleksei Ivanovich Sobolevskii [Nekrolog].” *Slavia*, 1930, roč. VIII, seš. 4, pp. 831–839.

Fortunatov, F. F. *Lektsii po fonetike staroslavianskogo (tserkovnoslavianskogo) iazyka*. Petrograd: Izd. ORIAS, 1919, 295 p.

Iakobson, R. O. “Zametki o drevnebolgarskom stikhoslozhenii.” *Izvestiia ORIAS*, 1919. Petrograd, 1923, vol. XXIV, book 2, pp. 351–358.

Istrin, V. M. *Ocherk istorii drevnerusskoi literatury domoskovskogo perioda (11–13 vv.)*. Petrograd: Nauka i shkola, 1922, 248 p.

Lavrov, P. “Les Feuillets du Zograph.” *Revue des études slaves*, 1926, t. 6, fasc. 1–2, pp. 5–23.

Lavrov, P. A., Polívka, J. *Lidové povídky jihomakedonské; z rukopisu St. Verkovicovych*. Praha: Nákladem České Akademie věd a umění, 1932, 595 p.

Lavrov, P., Vaillant, A. “Les Regies du Saint Basile en vieux slave. Les Feuillets du Zograph.” *Revue des études slaves*, 1930, t. 10, facs. 1–2, pp. 5–35.

Liapunov, B. M. “Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka A. G. Preobrazhenskogo (Vyp. 5–14, Moskva, 1910–1916).” *Izvestiia ORIAS. 1925 goda*. Leningrad, 1926, vol. XXX, pp. 1–22.

Peretts, V. N. *Kratkii ocherk metodologii istorii russkoi literatury. Posobije i spravochnik dlia prepodavatelei, studentov i dlia samoobrazovaniia*. Petrograd: Academia, 1922, 164 p.

Peretts, V. N. “Slovo o polku Ihorevim – pam'iatka feodal'noï Ukraïny-Rusy XII viku”. Kyïv: Z drukarni Ukraïns'koï Akademiï Nauk, 1926, 351 p.

Robinson, M. A. “Russkie uchenye-slavisty i Belorusskaia akademiia nauk v 1920-e gody.” *Belorussiia i Ukraina: istoriia i kul'tura*. Vol. 5. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2015, pp. 319–372.

“Sbornik statei v chest' akademika Alekseia Ivanovicha Sobolevskogo, izdannyi ko dniu 70-letiia so dnia jego rozhdeniia Akademieiu nauk po pochinu ego uchenikov pod redaktsiei akademika V. N. Perettsa.” *Sbornik ORIAS*, 1928, vol. 101, No 3, 507 p.

Selishchev, A. M. “Zametki po velikorusskoi dialektologii: T. 1. K izucheniiu tipov akan'ia.” *Slavia*, 1927, roč. VI, seš. 2–3, p. 455–479.

Selishchev, A. M. “N. Durnovo. Ocherk istorii russkogo iazyka. Moskva, 1924.” *Izvestiia ORIAS*, 1927, vol. XXXII, pp. 303–330.

Selishchev, A. M. *Ocherki po makedonskoi dialektologii*. Vol. I. Kazan': T-vo «Umid», 1918, 284 p.

Selishchev, A. M. *Polog i ego bolgarskoe naselenie: istoricheskie, etnograficheskie i dialektologicheskie ocherki Severo-Zapadnoi Makedonii (s etnograficheskoiu kartoiu Pologa)*. Sofiia: Makedonskii nauch. in-t, 1929, 439 p.

Sobolevskii, A. I. “Russko-skifskie etiudy.” *Izvestiia ORIAS, 1921*. Petrograd, 1923, vol. XXVI, pp. 1–44.

Sobolevskii, A. I. “Russko-skifskie etiudy. (Okonchanie).” *Izvestiia ORIAS, 1922*. Leningrad, 1924, vol. XXVII, pp. 252–332.

Speranskii, M. N. “Devgenievo deianie. K istorii ego teksta v starinnoi russkoi pis'mennosti. Issledovanie i teksty.” *Sbornik ORIAS*. Petrograd: Rossiiskaia

gos. akademicheskaia tipografiia, 1922, vol. XCIX, No 7, 166 p.

Steklov, V. A. *Perepiska s otechestvennymi matematikami. Vospominaniia.* Leningrad: Nauka, 1991, 373 p.

Uchenye zapiski vysshei shkoly g. Odessy. T. 2: Sbornik statei, posviashchennykh prof. B. M. Liapunovu po sluchaiu tridtsatiletiia ego prepodavatel'skoi deiatel'nosti 1892–1922. Odessa: Izdanie Odesskogo gubern. komiteta spets.-nauch. i prof.-tekh. obr., 1922, 162 p.

Zelenin, D. *Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter & Co, 1927, 424 p.

Zelenin, D. K. "Zhenskie golovnye ubory vostochnykh (russkikh) slavian." *Slavia*, 1926, roč. V, seš. 2, pp. 303–338; *Slavia*, 1927, roč. V, seš. 3, pp. 535–556.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.08 ***M. A. Robinson***

The Problem of Publishing the Works of the Russian Slavists in the 1920s: "Printing in Our Department is in Decline"

Mikhail A. Robinson
Doctor of History, head of the centre
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciencies
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: m.a.robinson@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3917-1360

Citation
Robinson M. A. The Problem of Publishing the Works of the Russian Slavists in the 1920s: "Printing in Our Department is in Decline" // Slavic Almanac. 2025. No. 1–2. P. 181–210 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.08

Received: 10.02.2025.
Revised: 25.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The article examines, for the first time in scholarship, the situation with the publication of works on the Slavic studies in the 1920s. The study is based on archival documents and, above all, the correspondence of members of the Department of the Russian Language and Literature of the Academy of Sciences. The revolutionary events and the Civil War

affected the publishing activities of the Department; its periodicals, the journal Izvestia ORYAS and Sbornik ORYAS, ceased to be published. The printing of works by the prominent Slavists of the past, prepared before the revolution, was suspended. The correspondence of scientists demonstrates the difficulties or practical impossibility of publishing on the Slavic studies. The end of the Civil War and the transition of the state policy to the NEP led to some improvement in publishing, and the Department was able to publish several issues of the Izvestia and Sbornik. However, the assessment of the situation in the 1922–1923 remained unfavorable, which was reflected in the report of the Department's activities for this period. The report noted the large volumes of works approved for publication that could not be published, often due to funding issues, and also noted the "resistance on the part of the authorities to everything Slavic." The overall conclusion of the report was pessimistic – "the humanities are dying in Russia." New European Slavic journals that began to appear in the mid-1920s provided significant assistance in the publishing of the Russian Slavists works: "Slavia," "Revue des ètudes slaves," "Juzhnoslovenski filolog," and "Zeitschrift für slavische Philologie."

Keywords
Department of Russian Language and Literature, *the Academy of Sciences*, *publishing*, *foreign publications on the Slavic studies*.

УДК 94(438).081
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.09

Д. А. Короткова

На стыке науки и пропаганды: изучение национального вопроса в межвоенной Польше (концепции, институции, персоналии)

Короткова Дарья Александровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: d.korotkova@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

Цитирование
Короткова Д. А. На стыке науки и пропаганды: изучение национального вопроса в межвоенной Польше (концепции, институции, персоналии) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 211–247.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.09

Статья поступила в редакцию 27.12.2024.
Рецензирование завершено 31.01.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Статья посвящена истории научных и пропагандистских основ польской национальной политики в межвоенный период. Политический курс Польши развивался под влиянием идеологии прометеизма, создателями которой выступили сторонники маршала Ю. Пилсудского. Эта идеология должна была объединить малые народы Восточной Европы вокруг Польши и способствовать распаду России. Описания конкретных организаций, в которых формировалась и оттачивалась эта идеология, в российской исторической литературе практически отсутствуют. В данной статье автор пытается частично восполнить этот пробел. Настоящее исследование посвящено истории специфических научных институтов, созданных специально для изучения различных аспектов национального вопроса в связи с прометейскими идеями. Их характерной чертой было использование серьезной научной базы для решения конкретных политических задач. Варшавские Восточный институт, Институт изучения национального вопроса, Украинский научный институт, а также Научно-исследовательский институт Восточной Европы

в Вильно совмещали функции исследовательской работы, часто по заказу властей пропагандистской деятельности, с сотрудничеством с правоохранительными органами в деле подготовки разведывательных и диверсионных кадров. В статье сделан обзор целей и задач этих организаций, перечислены их руководители и описаны ключевые моменты их истории.

Ключевые слова
Прометеизм, *Научно-исследовательский институт Восточной Европы*, *Институт изучения национального вопроса*, *Украинский научный институт*, *Восточный институт*, *Тадеуш Голувко*, *Леон Василевский*.

Изучение идеологии и практики прометеизма, важного польского политического проекта, представленного сторонниками маршала Ю. Пилсудского в середине 1920-х гг., проводилось главным образом в эмигрантских сообществах после Второй мировой войны, большей частью его наследниками и продолжателями. Рефлексия над событиями межвоенного периода, дискуссии о верности курса Пилсудского и его наследников вылились не только в чисто научные результаты, но, главным образом, сформировали идеологические основы современной польской политики, в частности доктрину Гедройца-Мерошевского. Первым опытом исследования политики прометеизма стала работа польского дипломата и историка международных отношений С. Микулича[1]. По его словам, ради ее появления в печати он сознательно пошел на то, чтобы книга была недостаточно фундированной и выглядела бы даже журналистским расследованием, дабы не вызвать подозрений в нездоровом интересе к теме[2]. В 2010 г. был создан существующий по сей день журнал «Nowy Prometeusz», посвященный исключительно прометейской[3] тематике. Наиболее значимые

1 *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971.

2 *Iwański T., Libera P., Gryźlak F.* Wywiad s Sergiuszem Mikuliczem // Nowy Prometeusz. 2013. № 5. S. 220.

3 Правила русского языка требуют использовать производный от названия движения термин «прометеистский». Однако большинство русскоязычных исследователей, видимо, вслед за польской традицией, предпочитают употреблять форму «прометейский» (вариант: «прометеевский»), от названия ключевой организации – парижского «Клуба “Прометей”».

работы по теме принадлежат М. Корнату, изучавшему советологические институции межвоенной Польши[4]. Из относительно недавних работ следует отметить статьи П. Либеры, опубликовавшего ряд статей и сборник документов прометейской политики[5]. Обращались к ней также белорусский исследователь А. Кравцевич, польские историки А. Новак, Б. Святловский и другие. В России интерес к теме не вылился в фундаментальные исследования. Единичные статьи посвящены общим основам идеологии. В первую очередь следует отметить статьи Т. М. Симоновой[6]. Казанские историки Я. Я. Гришин, М. З. Галиуллин, Р. Р. Кадыров посвятили проблеме более обстоятельную работу[7]. В 2020 г. вышел сборник статей известных российских историков и политологов, посвященный внешнеполитическим концепциям межвоенной и современной Польши[8]. Однако обширная и весьма актуальная тематика раскрыта в современной российской историографии далеко не достаточно. Некоторые ее аспекты совершенно не получили в ней отражения.

В данной статье хотелось бы подойти к феномену научно-пропагандистского тыла прометейской политики – истории научных институтов, своего рода *think tanks* по определенным проблемам, связанным с наиболее актуальными аспектами внутренней и внешней

---

4 *Kornat M.* Polska Szkoła Sowietologiczna 1930–1939. Kraków, 2003; *Bolszewizm – totalitaryzm – rewolucja – Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939).* Kraków, 2003–2004. T. 1–2; Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940) / pod red. M. Kornata. Warszawa, 2012.

5 *Libera P.* Orientalistyczne Koło Młodych przy Instytucie Wschodnim w Warszawie (1929–1939) // Nowy Prometeusz. 2018. № 12. S. 103–117; *Libera P.* Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). S. 219–244, etc; II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego / pod red. P. Libery. Warszawa, 2013.

6 *Симонова Т. М.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63; *Симонова Т. М.* Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России (1920–1930) // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1 / отв. ред. Н. Т. Энеева. М., 2005. С. 266–290.

7 *Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р.* Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 1 (26). С. 6–6.

8 Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / под ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. М., 2020.

политики межвоенной Польши. Автор отдает себе отчет, что данная тема не может быть полностью раскрыта в одной, даже и обширной, статье. Поэтому здесь будет сделан обзор наиболее важных организаций, их руководства и сотрудников, обозначены основные аспекты их деятельности, результаты работы, и по возможности выявлены их связи с государственными органами. Автор опирался главным образом на работы польских, в некоторых случаях украинских и немецких исследователей; там, где это было возможно, привлечены опубликованные источники – в основном ежегодные отчеты о деятельности институтов и их учредительные документы.

Согласно идеологии прометеизма, Польша должна была стать вдохновителем и координатором антисоветской сепаратистской деятельности нерусских народов СССР, оторвать эти народы от России, вернув ее к границам XVII в., и в результате занять ключевую позицию в европейской политике[9]. В политическом смысле данная концепция стала наследницей и заменой федералистской концепции Речи Посполитой как самостоятельного игрока на европейской сцене[10]. Многие польские политики считали границы, полученные по Рижскому миру, поражением федерализма. Польский историк А. Новак считает, что отказ от продвижения дальше на восток от границы 1921 г. стал следствием осознания Пилсудским силы поднимающегося национализма новых наций и необходимости сотрудничества с ними с учетом их стремления к независимости.

Новая концепция, хотя и противоречила внутренней политике в национальном вопросе (целью которой была национальная или государственная ассимиляция меньшинств), должна была, по мысли ее идеологов, упрочить положение Польши в качестве значимого лидера в регионе[11]. Она имела два аспекта: во внутренней политике это борьба с коммунистическим влиянием, а во внешней – сотрудничество польских властей с сепаратистскими движениями в советских республиках, с целью добиться их отделения от СССР, с эмигрантами из Советского Союза в Польше, а также подготовка

9 *Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р.* Прометеизм как один из инструментов…

10 *Krawcewicz A*. Ideologiczne podstawy polskiej geopolityki na przykładzie koncepcji prometejskiej // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. Acta Politica. 2014. № 28. S. 25.

11 *Nowak A*. Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni. Kraków, 2007. S. 186–187.

алгоритма действий на случай его распада[12]. При этом ее антикоммунизм был лишь инструментальным, поскольку главной идеей прометеизма была борьба с империализмом России как таковой, независимо от ее строя[13]. Прометейское движение, сложившееся на основе этой идеологии, подразумевало стремление к расчленению России[14].

Ряд прометеистов апеллировали, кроме того, к старинной идее расширения культурного влияния Запада на восток, когда граница с Россией мыслилась как граница цивилизаций европейской и азиатской, варварской. Поэтому поддержка освободительных (от России) национальных движений обретала дополнительный смысл победы прогресса[15].

Главным инициатором этого процесса являлся не кто иной, как Ю. Пилсудский. После майского переворота 1926 г. маршал констатировал, что «быт и существование Польши, такой, какая она сейчас, не являются совершенно определенными». В ноябре 1926 г., во время заседания Комитета защиты государства, он уточнил главный источник опасности: «…Россия в отношении нас может искать реванша… Пока большевики работают над внутренним разложением нашего государства, и это постоянная работа»[16]. Таким образом была сформулирована оборонная часть концепции – защита от проникновения коммунистических идей в польское общество. Тактико-оперативную, практическую часть прометейской акции обеспечивала II экспозитура Второго отдела Главного штаба Войска Польского. Однако она требовала развитого «тыла»: подготовленных кадров, имеющих представление о Востоке в широком смысле, владеющих языками народов, на которые Польша намеревалась влиять, площадок, на которых можно было договариваться с эмигрантскими кругами, добиваться их примирения между собой (что далеко не всегда было легкой задачей)[17]. Немаловажно было и дать возможность высказываться лидерам эмигрантских организаций.

---

12 *Kornat M.* Idea prometejska a polska polityka zagraniczna (1921–1939/1940) // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). S. 56.

13 II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego. S. 16.

14 Ibid. S. 17.

15 *Światłowski B.* Prometejska racja stanu. Źródła i dzieje ruchu prometejskiego w II Rzeczypospolitej // Poliarchia. 2014. № 2. S. 156.

16 Ibid. S. 157.

17 Ibid. S. 159.

Можно выделить три сферы прометейской деятельности в теоретическом поле: разработка концепции государственного развития в национальном вопросе; поддержка эмигрантов из числа выходцев из СССР (так, в 1930-е гг. финансовую поддержку получали азербайджанцы, грузины, донские и кубанские казаки, туркмены и другие «восточные» с точки зрения поляков народы СССР. Кроме того, грузины служили в Войске Польском)[18]. И, наконец, третья сфера – это научные исследования и пропаганда.

Ключевую роль в формировании идеологической основы польской внешней политики, по мысли руководителей 2 отдела Генерального (Главного) штаба, должен был сыграть Восточный институт[19]. Другими прометейскими научными площадками являлись Институт изучения Восточной Европы в Вильно и Украинский научный институт в Варшаве и в определенной мере варшавский Институт изучения национального вопроса, созданный по инициативе Л. Василевского.

1. Восточный институт

Как писал автор брошюры, анализирующей польские *think tanks*, член антипольской пронацистской организации «Bund Deutscher Osten» Й. Шомакер, «для изучения непольских народов Восточной Европы работают более мелкие, чем Институт изучения национального вопроса, организации, а именно Восточный институт… Более значительную в этом отношении работу проделывает Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно»[20]. На самом деле Восточный институт, не являясь, возможно, крупной советологической площадкой в научном смысле, играл ключевую роль в разработке и проведении в жизнь идей прометеизма.

Историю Восточного института исследовали как его наследники в послевоенный период – сотрудники института «Редута», так и современные польские историки. Так, ряд статей институту посвятили М. Корнат и П. Либера. Обстоятельную монографию на основе диссертации написал о Восточном институте П. И. Май. Касались

18 *Krawcewicz A*. Ideologiczne podstawy polskiej geopolityki. S. 25.

19 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. Warszawa, 2007. S. 44.

20 *Schomacker J.* Politische Wissenschaft in Polen und ihre Organisation. Berlin, 1939. S. 26.

деятельности института и биографы одного из ключевых прометейских деятелей Тадеуша Голувко[21].

Первой попыткой создания такой площадки стал в 1921 г. Союз сближения возрожденных народов. В него вошли представители финнов, эстонцев, литовцев, белорусов, украинцев, крымских татар, кубанских казаков, грузин, азербайджанцев и народов Северного Кавказа. В составе Союза была создана Польская секция, а главными идеологами стали соратники Пилсудского упомянутый выше политик и дипломат Тадеуш Голувко, военный, дипломат и разведчик Тадеуш Шетцель и ученый и публицист Влодимеж Вакар. Польские покровители эмигрантских организаций старались обеспечить лояльность участников, с тем чтобы Польша воспринималась как естественный союзник будущими лидерами стран региона. Печатным органом Союза стало издание «Союз» («Przymierze»), в котором публиковались статьи на темы восточной политики, национального вопроса, концепции переустройства восточноевропейского региона. Основными авторами были Т. Голувко, В. Вакар, будущий директор Восточного института Станислав Седлецкий и А. Добровольский[22].

Однако уже в июне 1921 г. должность министра иностранных дел занял К. Скирмунт – эндек, противник концепций Пилсудского, считавший подобные цели совершенно нереалистичными и стремившийся к нормализации отношений с Россией. Он подписал соглашение, в рамках которого из Польши должны были быть высланы такие лидеры антисоветской эмиграции, как Б. Савинков, Ст. Булак-Балахович и другие. Это подорвало надежды прометеистов, и деятельность Союза была приостановлена.

В 1922 г. под руководством Станислава Корвин-Павловского было создано Польско-Азиатское общество. Оно декларировало как цели чисто научного изучения стран Востока, так и поддержку

21 *Kornat M.* W kręgu ruchu prometejskiego. Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923) i Instytut Wschodni w Warszawie (1925–1939) // Politeja. 2004. № 2. S. 349–391; *Libera P.* Orientalistyczne Koło Młodych… S. 103–117; *Libera P.* Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). S. 219–244; *Werschler I.* Tadeusz Hołówko. Życie i działalność. Z dziejów obozu belwederskiego. Warszawa, 1984; Tadeusz Hołówko o demokracji, polityce i moralności życia publicznego / wstęp, wybór i oprac. A. Chojnowski. Warszawa, 1999.

22 *Światłowski B.* Prometejska racja stanu. S. 160.

экономической экспансии Польши в страны Азии. Явным успехом Общества стала организованная в 1924 г. Польская торгово-промышленная выставка в Константинополе, пробудившая в Турции немалый интерес к торговле с Польшей[23]. Это подвигло польские власти к созданию научной площадки, которая бы занималась научной и информационной поддержкой экономических и политических связей Польши с нероссийским Востоком, что позволило бы поднять авторитет Польской республики и в Европе.

Ряд прометеистов (Т. Голувко, Т. Шетцель, Роман Кнолль) сумели уже к 1924–1925 гг. занять посты в МИД и попытались внедрить в концепции внешней политики элементы своей идеологии[24]. Сочетание усилий прометеистов с очевидными перспективами развития экономических связей на Востоке вылилось в дискуссии о необходимости создания научно-дидактической площадки, которая аккумулировала бы усилия широкого круга польских ученых на восточном направлении. Организационные собрания Восточного института проходили осенью 1925 г., а общее учредительное собрание института состоялось 12 марта 1926 г. (эта дата и считается официальной датой основания института, несмотря на существующие разночтения в литературе)[25].

Таким образом, фактически институт был образован членами двух организаций: прометейского Союза сближения возрожденных народов и научно-экономического Польско-азиатского общества. Своей целью создатели института провозглашали «изучение восточных стран и народов, популяризацию знаний о них, особенно в сфере языкознания, географии, истории культуры и политической истории». Под «восточными странами», как писали авторы Статута института, подразумевались «страны, лежащие к востоку от границ Польши»[26]. Руководство институтом было разделено между Опекунским советом, правлением и ревизионной комиссией[27]. Наибольшее влияние непосредственно на работу института имело правление, в которое вошли: С. Седлецкий – председатель, В. Массальский – вице-председатель, С. Корвин-Павловский – генеральный секретарь, Л. Белявский – казначей и В. Войдыно – «министр без портфеля». Позднее

23 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego… S. 31.

24 *Światłowski B.* Prometejska racja stanu. S. 161.

25 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego… S. 35.

26 Instytut Wschodni w Warszawie. Statut. Warszawa, 1928. S. 1.

27 Ibid. S. 6.

в состав правления кооптировались представители МИД и II Отдела Генерального штаба, в том числе Т. Голувко и Эдмунд Харашкевич[28].

Первым директором института стал Станислав Седлецкий, пилсудчик, член ППС-революционной фракции, организатор подпольных типографий, сенатор. Он был одним из основателей Союза сближения возрожденных народов, клуба «Прометей» и в целом одним из ведущих деятелей прометейского движения. Несмотря на все свои заслуги, долгое время, пока пилсудчики не заняли основные государственные посты, Седлецкий не мог добиться полноценного финансирования своих идей, связанных с институтом. Это вынуждало опираться на частные взносы, приток которых зависел во многом от второго лидера института, имевшего значительно отличные от прометеистов цели, С. Корвин-Павловского[29]. Материальная помощь генерального секретаря на первом этапе была неоценима: первые работы института оплачивались просто из его кармана, а первой резиденцией Института в Варшаве по адресу ул. Вспульна 34, кв. 5 стала квартира его родителей[30].

Логично, что первоначально С. Корвин-Павловский и его идеи имели в институте большее влияние. Он настаивал на необходимости углубленного изучения восточных языков, укрепления культурных и экономических связей с Востоком, особенно с Китаем. Сам институт первые два года своего существования даже назывался «Восточный институт при Польско-Азиатском обществе»[31]. При институте была создана Школа востоковедения для желающих изучать восточные языки. Для малообеспеченных слушателей школы предполагалась также стипендия[32].

Таким образом, уже при основании Восточный институт получил противоречивую структуру и цели: мирная экономическая экспансия в страны Востока в традиционном для России понимании, т. е. Китай, Индию, Ближний Восток, и прометейская пропагандистская и диверсионная акция в советских республиках с целью оторвать их от России и создать региональный союз под польским руководством, направленный против имперских амбиций России, будь она коммунистической или нет[33]. Вторую линию представлял директор института Седлецкий.

---

28 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego… S. 35.

29 Ibid. S. 37.

30 Ibid. S. 38.

31 Ibid. S. 32.

32 Ibid. S. 34.

33 Несколько непривычное для нас понимание Востока заложено не только и не столько персоналиями основателей. Такая структура была

Восточный институт стал при нем центром притяжения как для эмигрантских кругов, стремившихся к тем же целям, так и для польской молодежи, проникнутой прометейскими идеями[34].

Воспоминания С. Корвин-Павловского, вышедшие в 1960-е гг., свидетельствуют о наличии конфликта в руководстве института между сторонниками Седлецкого, настаивавшего на превращении института в орудие антисоветской деятельности, и Корвин-Павловского, тяготевшего к чисто научной работе и налаживанию связей на Востоке нероссийском[35]. Так, он противился превращению Ориенталистского молодежного кружка (о нем ниже) при институте в прометейскую секцию, полагая, что «полякам не о чем ломать копья с Советским Союзом» и в целом считая ошибочной восточную политику Пилсудского[36]. Этот конфликт разрешился в конце 1920-х гг. победой Седлецкого. Корвин-Павловский в 1930 г. ушел в отставку с должности секретаря института, оставив за собой руководство Школой востоковедения[37].

После майского переворота 1926 г. положение института резко изменилось. Глава восточного отдела МИД Станислав Яниковский считал теперь «сотрудничество с Восточным институтом не просто желательным, а прямо необходимым». Институт стал научным тылом восточной политики польского правительства. Он получил необходимые субсидии из фондов министерства[38]. Резиденция Института теперь располагалась во дворце Петра Теппера на ул. Медовой, 7 (сейчас здание не существует; в этом месте находится вылет трассы Восток – Запад).

Институт был непосредственно вовлечен в подготовку «материала для возможных диверсионных движений на территории российского государства», однако, как изящно выразился исследователь истории института И. П. Май, не в форме «ординарных акций за деньги»,

---

характерна для подобных исследовательских институтов в Западной Европе, например в Италии или Германии: даже для немцев Восток в широком смысле начинался уже в Польше. Однако, как показала практика Восточного института, такое объединение оказалось нежизнеспособным. Слишком разные задачи стояли перед польской внешней политикой в Азии, на Ближнем Востоке и в России.

34 *Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р.* Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.

35 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego… S. 40.

36 *Libera P.* Orientalistyczne Koło Młodych… S. 133.

37 Ibid. S. 135.

38 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego… S. 43.

а в смысле внушения «искренних и чистых помыслов», которые способствовали бы деятельности во благо «освобождения угнетенных народов». Это не имело в глазах сотрудников института негативного контекста, подчеркивает Май[39]. Таким образом, в институте велась работа по идейной обработке будущих разведчиков и диверсантов на территории СССР. Также в это время оформляется постоянное финансирование работ института из созданного для этих целей «фонда N» II отдела[40].

В 1928 г.[41] был образован Ориенталистский молодежный кружок (Orientalistyczne Koło Młodych), что стало ключевым событием в истории прометейского движения в целом и деятельности Восточного института в частности. Задачей кружка, действовавшего под патронатом института, стало объединение нового поколения представителей советской эмиграции для сотрудничества с польскими властями, а также привлечение к прометейской деятельности польской молодежи. Деятели, стоявшие во главе кружка, Влодимеж Бончковский и Владислав Пельц, после 1939 г. стали продолжателями дела Прометея в эмиграции. В 1932–1939 гг. кружок издавал выходивший раз в квартал журнал «Wschód-Orient» и еженедельник «Biuletyn Polsko-Ukraiński». В этих изданиях публиковались как эмигранты (такие как Ян Кавтарадзе, Джафар Сейдамет, Игнатий Мешега, Мехмед Амин Расулзаде и Эмир Бах Эддин Курш, часть из которых были одновременно и военнослужащими Войска Польского) так и известные польские ученые (М. Хандельсман, В. Каменецкий, Л. Колянковский и др.). В рамках публикаций «Wschód-Orient» кристаллизовались концепции Междуморья, идеи Бончковского о «полоносфере» – области влияния польской культуры и общественных институтов в восточнославянском и прибалтийском регионах, влияния, носившего прогрессивный и цивилизаторский характер, даже если осуществлялось брутальными методами[42].

В 1932 г., в связи с заключением советско-польского пакта о ненападении, деятельность прометеистов пришлось несколько законспирировать, дабы не нарушать договор слишком явно. Непосредственным результатом стало уменьшение субсидии для Восточного института. К тому же на его работе негативно отражались и внутренние

39 Ibid. S. 45.

40 *Światłowski B.* Prometejska racja stanu. S. 163.

41 По данным П. Либеры – фактически в феврале 1929 г. (см.: *Libera P.* Orientalistyczne Koło Młodych… S. 129).

42 *Światłowski B.* Prometejska racja stanu. S. 168.

конфликты: уже упомянутый конфликт в руководстве и разногласия в эмигрантской среде, доходившие периодически даже до рукоприкладства[43]. Молодое поколение эмигрантов не соглашалось на приостановку диверсионной деятельности, которая создавала у них впечатление, что Польша решила отказаться от антикоммунистической и антисоветской борьбы. Антисоветская эмиграция стала обращаться за помощью к Германии и Японии, проявлявшим большую реальную активность. Это грозило тем, что роль Польши в антисоветском фронте была бы сведена на нет[44]. По словам российского исследователя Ф. Синицына, к концу 1930-х гг. Германия полностью перехватила инициативу и присвоила польские идеи в восточноевропейском регионе, в частности идею антирусского фронта из малых народов[45]. Все более эмигрантские круги ориентировались на гитлеровскую Германию, что в полной мере проявилось уже во время войны. Деятельность же молодого поколения польских прометеистов под руководством В. Бончковского продолжилась в военный и послевоенный период в эмиграции (Институт Ближнего и Среднего Востока «Редута»).

2. Институт изучения национального вопроса

Для исследования проблем национальных меньшинств в самой Польше в 1921 г. был организован Институт изучения национального вопроса (Instytut badań spraw narodowościowych). Он не входил официально в круг прометейских организаций, однако был связан с ними и концептуально, и персонально: инспирировали его создание Т. Голувко и Леон Василевский, видные пилсудчики, а также Марцелий Хандельсман, Станислав Тугутт и Станислав Папроцкий – то есть ведущие участники прометейского движения. Одной из ключевых фигур Института, его создателем и идеологом (хотя формально он занял пост директора института лишь в 1931 г.[46]) стал Леон Василевский, соратник Пилсудского, один из лидеров ППС и бывший министр иностранных

43 Ibid. S. 165.

44 *Libera P.* Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). S. 228.

45 *Синицын Ф.* Доктрина прометеизма в политике Второй Речи Посполитой и Третьего Рейха // Польша в борьбе за Восточную Европу, 1920–2020. Сб. статей. М., 2020. С. 66.

46 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowosciowych (1921–1939). Z dziejów polskich badań naukowych nad problematyką etniczną // Przegląd polonijny. 1985. № 2. S. 64.

дел Польши. После смерти Василевского (с 1937 г.) институт возглавил Людвик Колянковский. Заместителем председателя был М. Хандельсман, а научным руководителем Мариан Свеховский. Среди действительных членов института были как известные политические деятели, такие как Ежи Осмоловский, Т. Голувко, Ст. Тугутт, Витольд Каменецкий, так и признанные ученые – профессор Станислав Кутшеба, Эдвард Малишевский, Роман Смаль-Стоцкий, виленские советологи в лице Северина Выслоуха, доктора Станислава Свяневича, Вл. Вельхорского, Цезарии Эренкройц[47].

Меньшинства в межвоенной Польше составляли свыше 30% населения, что, по мнению ее руководства, представляло немалую опасность как для целостности государства, так и для сохранения ее культуры, ее польского духа. Неудивительно, что элита страны, так долго боровшейся за возвращение своей независимости, была практически едина в своем националистическом настрое. Большая часть политического спектра страны считала необходимой ассимиляцию меньшинств. Спор шел лишь о том, какова она должна быть – государственной, когда меньшинствам достаточно было бы быть лояльными гражданами страны с сохранением своих культурных особенностей, или же национальной, при которой они, потеряв свой язык и культуру, стали бы частью польского народа.

Василевский и его сотрудники были решительными сторонниками первого подхода, справедливо полагая, что, упорствуя в своих намерениях реализовать второй вариант, Польша спровоцирует мятежи на окраинах и в конце концов потеряет восточные территории. Кроме того, опасался он и распространения коммунистической идеологии на восточных кресах, что грозило ее проникновением и в собственно польское общество[48]. Однако, как считает исследователь истории института О. Гротт, для создателей института важной была не только оборонная, но и наступательная часть идеологии: так, для Василевского непольское население кресов должно было стать частью прометейской акции, способствовать в конечном счете развалу Советского Союза, отрывая от него национальные республики[49].

---

47 Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932. Warszawa, 1932. S. 8.

48 *Stoczewska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Krakow, 1998. S. 221.

49 *Grott O.* Instytut badań spraw narodowosciowych i Komisja naukowych badań Ziem Wschodnich w planowaniu polityki II Rzeczypospolitej na Kresach Wschodnich. Krakow, 2013. S. 18.

В частности поэтому Василевский всячески способствовал созданию Украинского научного института.

Ставилась и задача изучить положение польского меньшинства за рубежом. За границами Польши к 1921 г. оказались более 2 млн поляков и лиц польского происхождения: 1 млн в Германии, около 800 тыс. в Советской России, 200 тыс. в Литве, 150 тыс. в Чехословакии, по 50–60 тыс. в Латвии, Румынии и вольном городе Данциге[50].

Деятельность института на первом этапе сводилась к организации публичных докладов на тему национального вопроса, так что первые несколько лет он представлял собой скорее дискуссионный клуб для политиков и ученых, чем собственно научное учреждение. Однако в 1923 г. пришедшее к власти правое правительство В. Витоса (коалиция Хьено-Пяст) прекратило его финансирование[51]. В 1924–1925 гг. деятельность Института была приостановлена[52].

После майского переворота 1926 г. ряд членов института сочли необходимым возобновить его работу уже на постоянной основе и с четким определением рамок его полномочий. Теперь институт должен был стать сугубо научным учреждением, который занимался бы исключительно исследованиями положения национальных меньшинств «с точки зрения культуры, общественно-экономической и политической ситуации» как в Польше, так и за ее пределами. Однако это совершенно не означало практической бесполезности работ института. Он с самого начала претендовал на то, чтобы стать главным центром изучения ситуации на восточных землях, *think tank* по многим аспектам жизни национальных меньшинств[53], будучи рассчитан на тесное сотрудничество с государственными органами, в частности с военным министерством, МВД, министерством просвещения и вероисповеданий, в меньшей степени с МИД. Кроме того, институт делал регулярные рефераты по национальному вопросу как для МВД, так и для МИД Польши. Эти же институции регулярно перечисляли средства (хотя и небольшие), необходимые для текущей работы[54].

---

50 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowosciowych… S. 64.

51 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego… S. 30.

52 Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932. S. 11.

53 *Stach St.* The Institute for Nationality Research (1921–1939) – A Think Tank for Minority Politics in Poland? // Religion in the Mirror of Law Eastern European Perspectives from the Early Modern Period to 1939. Frankfurt am Main, 2016. S. 149–182.

54 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowosciowych… S. 66.

В 1927 г. председателем правления стал Ст. Тугутт, членами – З. Хоминьский, М. Хандельсман (он стал и заместителем директора), В. Каменецкий, Е. Осмоловский, А. Тарновский, несколько позже – Э. Малишевский. Правление избрало директором института Т. Голувко и генеральным секретарем С. Папроцкого[55].

Любопытно, что состав сотрудников института привлек особое внимание германских специалистов. Так, упомянутый выше Й. Шомакер писал, что, будучи основной организацией в Польше, занимавшейся проблемой меньшинств, институт концентрировал в своих стенах многочисленных еврейских ученых, таких как М. Хандельсман. Среди сотрудников немецкий автор также особо выделил Ст. Сроковского, создателя Балтийского института, а также фактического руководителя научной работы – Ст. Папроцкого[56].

Институт должен был проводить научную работу в области социологии, истории, экономики, права и статистики (любопытно, что не была упомянута лингвистика, одна из ключевых дисциплин в области национальных исследований). Также задачами института, согласно его Статуту, принятому в 1928 г., были: сбор материалов по национальному вопросу в Польше и за ее пределами; изучение проблем национальных меньшинств в других государствах и международных организациях; подготовка аналитических работ по вопросам, связанным с меньшинствами, по запросу госструктур; и самая амбициозная цель – «создание условий для гармоничного сосуществования всех народов, населяющих Польскую республику»[57]. Отдельным направлением должна была стать разработка темы национальных меньшинств в международном аспекте, прежде всего в связи с Лигой Наций[58].

Для выполнения этих задач создавались секции Института по изучению национального вопроса по отдельным направлениям: Секция национальных меньшинств в Польше с Украинской, Литовско-Белорусской и Еврейской комиссиями (при этом неоднократно поднимался вопрос о создании комиссий по более мелким меньшинствам – русскому и чешскому, однако их так и не организовали, а также формально была образована, но фактически не работала Немецкая комиссия[59]),

55 Ibid.

56 *Schomacker J.* Politische Wissenschaft in Polen und ihre Organisation. S. 24.

57 Statut Instytutu badań spraw narodowościowych. Warszawa, 1928. S. 4.

58 Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932. S. 12.

59 *Grott O.* Instytut badań spraw narodowościowych… S. 48.

Секция национальных меньшинств на международной арене, Секция польских меньшинств в соседних государствах с отдельной Комиссией по положению поляков в СССР. Также в качестве отдельных подразделений были созданы Семинар по национальным вопросам, библиотека и Картографическая комиссия. Руководящим органом было Правление института. Избиралось оно Общим собранием членов института, которое должно было проводиться ежегодно в первом квартале[60]. Наиболее активной и успешной была работа Украинской комиссии.

В 1927–1939 гг. институт выпускал журнал «Национальный вопрос» («Sprawy narodowościowe»), выходивший раз в два месяца и являвшийся его визитной карточкой, а также ежеквартальный франкоязычный «Questions minoritaires»[61] («Вопросы меньшинств»). Весьма ценной и обширной частью «Национального вопроса» была хроника, освещавшая текущее положение меньшинств с точки зрения политики, экономики и культуры[62]. Различным аспектам жизни меньшинств были посвящены статьи Л. Василевского, В. Лыпацевича, П. Трейденьского, Я. Станкевича, Я. Охоты и др.

В 1927–1932 гг. институт занимался главным образом обработкой статистических данных переписей 1919 и 1921 гг. по национальному составу 7 восточных воеводств, а также подготовкой карты расселения различных народностей на территории Речи Посполитой[63]. В результате подробного изучения данных по 50000 населенных пунктов были подготовлены указатели по расселению украинцев, поляков, литовцев по языковым и религиозным признакам.

Также по заданию и при финансовой поддержке Министерства аграрных реформ были подготовлены и изданы 4 монографии по экономическому положению в тарнопольском, волынском, львовском и станиславовском воеводствах. Благодаря этому были получены весьма обширные данные по реальному положению украинского меньшинства в Польше. Работа над ними была закончена в 1931 г. Тогда же институт начал аналогичную обработку данных по положению еврейского меньшинства[64].

С 1931 г. заработал Семинар по делам национальностей, служивший курсами повышения квалификации для слушателей

60 Ibid. S. 47.

61 Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932. S. 8.

62 Ibid. S. 24.

63 Ibid. S. 15.

64 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowosciowych… S. 67.

и выпускников высших учебных заведений. В его рамках лекции читали Л. Василевский, Ст. Папроцкий, М. Хандельсман, Вл. Залеский. Их лекции охватывали практически весь спектр проблем, связанных с положением меньшинств в современной им Европе. Ученики также готовили и обнародовали на заседаниях семинара собственные исследования по отдельным вопросам. Слушателями семинара были студенты многих польских вузов[65].

Одним из важных направлений работы, как особо подчеркивали составители «Отчета за десять лет работы…», был сбор и хранение материалов, посвященных национальному вопросу. Библиотека Института составила к 1932 г. 2662 тома уникальных изданий[66], к 1936 г. увеличившись до 4582 томов[67].

Большая экспедиция, продолжавшаяся несколько лет, исследовала языковые и этнические особенности полесского региона. Делегатура института в Вильно под руководством С. Выслоуха проводила аналогичные исследования северо-восточных воеводств, выделяя национальный и социологический аспекты. В начале 1930-х гг. сотрудники института изучали состояние украинской школы на основе результатов школьной переписи 1930/1931 гг. В 1932 г. институт провел конференцию по вопросу вероисповеданий в Польше[68].

В 1936 г. был организован популяционно-миграционный отдел, изучавший проблемы сезонной миграции в Латвию, миграцию польских евреев в Палестину, а также более общие проблемы, такие как демография Польши, натуральный прирост сельского и городского населения, проблемы урбанизации и эмиграционного потенциала Польши[69].

Как отмечают исследователи, потенциал коллектива института в полной мере раскрылся в сотрудничестве с созданной после майского переворота Комиссией научного изучения Восточных земель, которой было поручено всестороннее исследование территории и населения кресов с тем, чтобы усилить там влияние польского элемента и костела, улучшить экономическое положение и тем самым интегрировать край в польское общество и государственную структуру[70].

---

65 Ibid. S. 69.

66 Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932. S. 29.

67 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowosciowych… S. 71.

68 Ibid. S. 70.

69 Ibid. S. 71.

70 *Grott O.* Instytut badań spraw narodowościowych… S. 13.

Несмотря на то, что планы основателей института в начале 1920-х гг. практически не удалось провести в жизнь, сама структура смогла стать полезной в качестве исследовательской площадки полугосударственного характера, выполняя непосредственный заказ от различных государственных учреждений[71]. В период становления польского законодательства, особенно в части регулирования прав национальных меньшинств, его собрания, помимо прочего, служили площадкой для встреч между представителями польских властных структур с еврейскими, белорусскими и украинскими политиками, готовыми к контакту с польскими властями, помогая, таким образом, конструировать приемлемый баланс интересов в возрожденной республике[72]. В 1930–1938 гг. для МВД выполнялись исследования настроений населения виленского, полесского и волынского воеводств, изучался феномен православных поляков и белорусов-католиков, положение в смешанных в национальном отношении поселениях, а также была подготовлена карта этнической структуры СССР[73]. В 1937–1938 гг. под эгидой института вышли политически актуальные публикации «Поляки в Силезии за Ользой» В. Свораковского о положении поляков в Тешинской Силезии, а также «Природа современного немецкого национализма» С. Хелиньского и «Народная политика Третьего Рейха» В. Ормицкого[74]. Также несомненно, что в чисто научном отношении вклад института в изучение национального вопроса как в Польше, так и за рубежом огромен. Работы сотрудников института, а также публикации в журнале «Sprawy narodowościowe» служат ценным источником для изучения жизни меньшинств в межвоенной Польше.

Последнее отчетное собрание института состоялось в марте 1939 г., а его деятельность прекратилась вместе с существованием государства в сентябре 1939 г. Здание института на ул. Крулевской, д. 7 в Варшаве было уничтожено бомбой вместе с архивами[75].

Начало изучению деятельности института было положено статьей краковского историка М. Боруты в 1985 г[76]. Учитывая специфику журнала, в котором она была издана, а возможно, еще и умыш-

71 Ibid. S. 225.

72 *Stach St.* The Institute for Nationality Research… S. 152.

73 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowosciowych… S. 71.

74 Ibid. S. 72.

75 Ibid.

76 Ibid. S. 63–79.

ленно, не желая касаться прометейской составляющей деятельности института, автор сосредоточился на формальной стороне его истории и этнографической работе его сотрудников. Наоборот, почти исключительно политической стороне деятельности института посвящена небольшая статья Ст. Стаха, вышедшая уже в постсоветский период. Он рассматривает его как один из *think tank* польского государства по национальному вопросу[77]. Немного касается деятельности института в связи с личностью Василевского Б. Сточевская[78], исследовательница его наследия, прежде всего как ученого и идеолога. Наиболее подробно изложена история института, деятельность его сотрудников и подразделений практически на всем доступном материале в обстоятельной монографии О. Гротта. Он также опубликовал ряд документов, связанных с отчетностью института, в частности в рамках совместной работы с Комиссией изучения восточных кресов. Деятельности исследователя Полесья и сотрудника института Ю. Обрембского посвящены статьи А. Энгелькинг. Также освещалась в последние годы деятельность С. Выслоуха, М. Хандельсмана и других сотрудников института[79].

3. Научно-исследовательский Институт Восточной Европы в Вильно

В Вильно при поддержке Министерства просвещения и вероисповеданий и МИД был организован Научно-исследовательский институт Восточной Европы (и при нем Высшая школа политических наук), сочетавший две функции – научную и антисоветской пропаганды. В частности, именно в этом институте разрабатывалась концепция «двух тоталитаризмов» – немецкого и советского, в равной степени преступных. При этом рамочная концепция

77 *Stach St*. The Institute for Nationality Research… S. 153.

78 *Stoczewska B*. Litwa, Białoruś, Ukraina… S. 68–71.

79 *Grott O.* Instytut badań spraw narodowościowych…; *Engelking A.* Poleska ekspedycja etnosocjologiczna Józefa Obrębskiego w latach 1934–1937: Organizacja: Metody badań: Problematyka: Uczestnicy // Etnografia Polska. 2001. T. XLV. Z. 1–2. S. 23–45; *Engelking A*. Nieznani badacze Polesia w latach trzydziestych XX wieku: Roman Chromiński, Jan Teodorowicz, Zygmunt Korybutiak: Z archiwaliów ekspedycji etnosocjologicznej Józefa Obrębskiego // Wschód w polskich badaniach etnologicznych i antropologicznych: Problematyka – badacze – znaczenie / pod red. Z. Jasiewicza. Poznań: Biblioteka Telgte, 2004. (Prace Komitetu Nauk Etnologicznych PAN. № 12). S. 203–213.

деятельности была модифицированным вариантом немецкого Института Восточной Европы в Бреслау[80].

Деятельность именно этой площадки освещена в исторической литературе, пожалуй, наиболее подробно. Первые исследования появились в эмиграции[81]. В постсоветскую эпоху в Польше выходили статьи, посвященные большей частью отдельным аспектам деятельности института[82]. В 2000-е гг. наиболее последовательно занимались историей института не раз уже упоминавшийся польский историк М. Корнат, выпустивший ряд статей и монографию[83], вильнюсская исследовательница Хенрика Ильгевич, итогом исследований которой в 2019 г. стала подробная монография «Научно-исследовательский институт Восточной Европы и Школа политических наук в Вильно (1930–1939)»[84]. В том же 2019 г. вышла в свет книга немецкого историка, долгое время проработавшего в Торуньском университете, Ральфа Шатковского, посвященная исследованиям Восточной Европы в межвоенной Польше[85]. Из последних работ на эту тему стоит отметить вышедшую в 2021 г. статью П. Либеры «Политические аспекты функционирования Института исследования Восточной

80 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939). Warszawa, 2019. S. 21.

81 *Szawłowski R. i H.* Polish Sovietology 1918–1939 // The Polish Review. 1972. T. XVIII. № 3. P. 3–36; *Dworek R. [Jurkowski R.].* Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // Europa. Pismo Europy Wschodniej. 1989. № 1. S. 5–21; *Dworek R. [Jurkowski R.].* Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // Libertas. Kwartalnik Społeczno-Polityczny. 1988. Z. 12. S. 26–47.

82 *Jackiewicz M. , Bujnicki T.* Teodor Bujnicki w Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie // Teodor Bujnicki. Ostatni bard Wielkiego Księstwa Litewskiego / ed. by T. Bujnicki. Białystok, 2012. S. 53–54; *Potocki R.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie 1930–1939 // Przegląd Zachodni. 2000. № 2 (295). S. 211–219; *Zienkiewicz T.* Literatura rosyjska na łamach biuletynu Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie „Balticoslavica" (1933–1938). // Acta Polono-Ruthenica. 2006. T. XI. S. 85–95.

83 *Kornat M.* Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939. Kraków, 2003. S. 15–106; *Kornat M.* Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939). Kraków 2004. T. I. S. 114–115, 129–258.

84 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939). Warszawa, 2019.

85 *Schattkowsky R.* Osteuropa-forschung in Polen 1918–1939. Wiesbaden, 2019.

Европы и Школы политических наук в Вильно»[86], а также сборник статей «Истоки советологии: Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно. Идеи – люди – наследие»[87], вышедший также в 2021 г. по итогам состоявшейся в феврале 2020 г. в Вильнюсе конференции, на которой в том числе выступили с воспоминаниями потомки сотрудников института.

Идея создания подобной площадки для изучения Востока в широком смысле вызрела в кругах виленских федералистов во второй половине 1920-х гг. Двойственность целей, как это было с Восточным институтом в Варшаве, – научно-исследовательской и пропагандистской – проявилась и в этом случае. Главной задачей института были советологические исследования, однако также было заявлено и изучение общественных и культурных отношений на территории бывшего Великого княжества Литовского и соседних землях[88].

Статут Института был составлен в сентябре 1929 г., а утвержден на заседании Научного совета Общества изучения Восточной Европы в Кракове 23 февраля 1930 г.[89] Новая организация состояла из двух частей – собственно Институт изучения Восточной Европы при Виленском университете им. Стефана Батория и Школа политических наук. Как пишет М. Корнат, создание института стало результатом деятельности историка права Стефана Эренкройца, заместителя госсекретаря и позднее министра просвещения Януша Енджеевича и ректора Виленского университета Витольда Станевича. Именно эти деятели разработали рамочную концепцию института и добились ее принятия министерством вероисповеданий и просвещения. Тогда же, в 1929 г., был прописан план работы и бюджет на 1930 г. За образец взяли немецкие концепции подобных организаций, а конкретно в данном случае – упоминавшийся выше Osteuropa-Institut (Институт Восточной Европы) в Бреслау. Он был хорошо знаком еще одному в будущем активному участнику виленской площадки – Станиславу

86 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej i Szkoły Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939) // Dzieje najnowsze. 2021. Rocznik LIII. № 4. S. 67–84.

87 Początki sowietologii: Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie. Idee – ludzie – dziedzictwo. Warszawa, 2021.

88 Ibid. S. 69.

89 *Kornat M.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wklad w rozwój polskiej sowietologii // Kwartalnik Historyczny. 2000. Rocznik CVII. № 3. S. 44.

Свяневичу, в течение двух лет, в 1928–1929 гг., работавшему там над диссертацией, посвященной Ленину[90].

Институт, а особенно организованная при нем Школа политических наук, был тесно связана как персонально, так и идеологически с правящими кругами. В Школе проходили обучение офицеры Генерального штаба. Институт проводил исследования по поручению МИД и премьер-министра[91]. Большую поддержку деятельности виленского центра оказывал Януш Енджеевич, министр просвещения, хорошо понимавший необходимость интеллектуальной базы для внешней политики.

Ст. Эренкройц стал председателем правления института, Школу политических наук возглавил Я. Енджеевич. В мае 1933 г. его сменил на этом посту Вл. Вельхорский. Секретарем был назначен К. Окулич, известный публицист и редактор журнала «Курьер Виленский»[92].

Среди членов правления – основателей института были такие известные ученые и общественные деятели, как бывший городской голова Вильно Витольд Абрамович, уже упомянутые Я. Енджеевич и С. Эренкройц, его жена, видный этнограф Цезария Бодуэн де Куртене-Эренкройц, археолог Тадеуш Ковальский, сенатор и адвокат, участник Рижской мирной конференции Бронислав Кржижановский, Ян Кухажевский, русист Вацлав Ледницкий, редактор газеты «Слово» Станислав Цат-Мацкевич, Станислав Папроцкий, Ян Пилсудский, Ян Розвадовский, Витольд Станевич, Станислав Свяневич, Мариан Свеховский, Северин Выслоух, Леон Василевский, Мариан Здзеховский и др. В 1932 г. присоединились также Эрвин Кошмидер, Владислав Вельхорский и Хадза Серай Хан (представитель литовских татар, в качестве преподавателя турецкого языка)[93].

Административный совет подчинялся министру вероисповеданий и народного просвещения. Правление состояло из трех человек: Я. Пилсудский, С. Эренкройц и В. Абрамович. Институт состоял из четырех секций и специальных рефератов: историко-правовая секция под руководством С. Эренкройца, экономическая – В. Завадского, секция истории литературы и языкознания во главе с Я. Отрембским и этнографическая – Ц. Эренкройц. Балтийский реферат возглавил В. Вельхорский – эксперт

90 Ibid. S. 45.

91 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej… S. 70.

92 *Kornat M.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wklad w rozwój polskiej sowietologii. S. 46.

93 Ibid. S. 47.

по проблемам развития современной литовской национальной идеи и государственности. Советская проблематика изучалась более пристально, поэтому ей были посвящены три реферата: экономический (С. Свяневич), государства и права (В. Сукенницкий) и национальный[94].

Национальный реферат возглавлял С. Выслоух, первый специалист-белорусовед в межвоенной Польше, написавший исследование, посвященное польской политике на восточных кресах. Он не только читал белорусоведческий курс в Школе при Институте, но и поддерживал деятельность Антона Луцкевича как в Музее белорусской культуры, так и в единственной на всю Польшу белорусской Виленской гимназии. Современные исследователи считают, что своим существованием обе эти институции обязаны помощи, в том числе финансовой, Выслоуха. Также он выступал на процессе Белорусской громады в 1927 г. в качестве ее защитника. Активный критик польской политики на восточных кресах, он призывал к ее пересмотру. Процесс 1927 г. против Белорусской громады он рассматривал как поражение Польши на белорусско-литовских землях[95].

Выслоух также подготовил и провел масштабное исследование положения белорусского населения на восточных кресах Речи Посполитой по поручению Совета министров. Данное исследование должно было лечь в основу реформ на кресах. В течение трех лет по его поручению проводились опросы крестьян северо-восточных воеводств. Изучался комплекс вопросов как культурно-образовательного, так и социально-экономического плана. Работа была завершена летом 1939 г., поэтому обработка материалов была уже практически невозможна. Выслоух был интернирован, однако вскоре Вильно было передано Литве, что дало ему, кроме свободы, и возможность завершить данный труд уже для правительства в изгнании[96].

Институт изучения Восточной Европы, по словам М. Корната, имел финансовую поддержку из трех источников: бюджета Виленского университета им. Стефана Батория, Общества друзей науки в Вильно и вновь созданного в Кракове Общества изучения Восточной Европы и Ближнего Востока[97].

---

94 Ibid. S. 48.

95 *Iwanow M.* Seweryn Wysłouch – założyciel polskiej białorusystyki // Wysłouch S. Stosunki narodowosciowe na terenie województw wschodnich (Wilno 1939/40). Warszawa, 2013. S. XXVI.

96 Ibid. S. XXXI.

97 *Kornat M.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wklad w rozwój polskiej sowietologii. S. 48.

Как уже было отмечено, Виленский институт, подобно Восточному, имел изначально противоречивую концепцию. Сочетание советологии с литовскими древностями привлекало слишком разных студентов. Неизбежно возникали конфликты. Один из первых противников деятельности института входил в число его основателей. Известный виленский консервативный журналист Ст. Цат-Мацкевич писал еще в 1934 г., а затем повторил свои обвинения в 1935 и 1936 гг., во время судебного процесса левой молодежи, что, допуская к изучению советологии неподготовленную молодежь, Школа политических наук способствует распространению коммунистических идей[98]. Он предлагал либо расширить программу обучения, чтобы слушатели получали иммунитет против «советской заразы», либо ограничиться только советологическими штудиями, но тогда Школа должна была бы принимать в слушатели только выпускников высших учебных заведений, взрослых людей, которых гораздо труднее увлечь деструктивными идеями. В 1936 г. специальная комиссия, проведя исследование работ школы и института, согласилась с выводами журналиста и признала необходимость реформ.

Основную вину в увлечении молодежи коммунистическими идеями Цат приписывал профессору Школы Хенрику Дембиньскому[99], который вместе с группой своих единомышленников оказался на скамье подсудимых в 1937 г. Их обвинили в издании просоветских журналов «Po prostu» и «Karta», которые получали финансирование от Коммунистической партии Польши и призывали к перевороту[100].

Эти два процесса глубоко поразили виленское общество. Видя склонность молодежи в Школе политических наук к левым взглядам, власти стали вмешиваться непосредственно в учебный процесс. Основные изменения связаны с именем одиозного виленского воеводы Л. Бочаньского. Он счел невозможным чисто научное и теоретическое изучение коммунизма. Апеллируя к пограничному положению воеводства, он настаивал на «тенденциозном» обучении. Снова поднялся вопрос об инфильтрации коммунистических агентов в преподавательскую среду. Наибольшее подозрение вызвал Виктор Сукенницкий, чья супруга, адвокат Галина Заштовт-Сукенницкая, имела тесные связи

98 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej… S. 99.

99 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej… S. 73.

100 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej… S. 100.

с МОПР[101] и участвовала в качестве защитника практически во всех процессах против коммунистов на Виленщине[102]. Проверка II Отдела подтвердила выводы Бочаньского. «Объективно-научный» подход к изучению коммунистической литературы дезориентировал слушателей и делал их податливыми к коммунистической пропаганде (несмотря на взгляды самого В. Сукенницкого, считавшего советский режим тоталитарным и принесшим регресс в общественном развитии[103]). Было рекомендовано вести обучение советологии «в прометейском духе», о кресах говорить, что они «тянутся к Польше», а историю Прибалтики подавать с точки зрения изначального «польского превосходства»[104]. Белорусский и украинский вопросы рекомендовано было преподавать только как часть истории угнетенных народов СССР, а не как самостоятельный вопрос международных отношений или тем более польской внутренней политики. Как пишет П. Либера, данные рекомендации были воплощены в жизнь только частично. Руководство института и школы вполне успешно сопротивлялось попыткам властей превратить его в пропагандистскую площадку и старалось сохранять научную объективность в своих исследованиях[105].

4. Украинский научный институт

Создание Украинского института стоит несколько особняком от государственных или общественных польских инициатив, которым обязаны были своим появлением прочие рассматриваемые здесь площадки. Борьбу за создание украинского высшего учебного заведения во Львове вели местные украинцы с начала 1920-х гг. В 1930 г., поддержав очередную инициативу в этом вопросе Украинского парламентского представительства, польские общественные и политические деятели прометейского движения Л. Василевский, М. Хандельсман,

---

101 МОПР – Международная организация помощи борцам революции, благотворительная организация, созданная в 1922 г. по решению Коминтерна и оказывавшая юридическую, моральную и материальную поддержку заключенным революционерам и их семьям. Имела отделения в десятках стран мира.

102 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej… S. 78.

103 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej… S. 75.

104 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej… S. 80.

105 Ibid. S. 83.

Т. Голувко и Я. Енджеевич настояли на создании такого института – правда, не во Львове, а в Варшаве, в ведении Министерства народного образования и вероисповеданий. Как пишет польско-украинский исследователь проф. С. Козак, принятие этого решения было связано с началом репрессий против украинского национализма в СССР. Создание украинского института выгодно повлияло бы на позиции Польши в общественном мнении украинцев[106]. По мнению харьковского историка А. В. Портнова, польские власти надеялись таким образом перенести в Польшу украинские научные центры из Чехословакии, в частности Украинскую экономическую академию в Подебрадах, где украинская молодежь во время учебы радикализировалась, попадая под влияние ОУН. Однако для этого нужно было отменить запрет иммигрантам селиться в восточных воеводствах, на что власти не решились. Вместо этого было решено привлечь из-за границы видных деятелей украинской эмиграции, таких как Роман Смаль-Стоцкий, Богдан Лепкий, Александр Лотоцкий[107]. Обращает на себя внимание, что, несмотря на то что создание института указано как «украинская инициатива, поддержанная группой польских деятелей»[108], учредителем стало только Министерство по делам образования и вероисповеданий. В данном случае, в отличие от других институтов, это была площадка, чья деятельность полностью регулировалась министерством, чье руководство и статут были выработаны министерством и только им. Реальная польская политика в национальном вопросе, особенно что касается внутренней политики, входила в противоречие с прометейскими идеями. Поэтому, чтобы организация не вышла из-под контроля, требовалось плотное руководство такой площадкой со стороны властей.

Руководила институтом Научная коллегия из 4 человек. Директором был назначен проф. А. Лотоцкий (одновременно он возглавлял кафедру права и духовных течений); научным секретарем и заведующим кафедры филологии – проф. Р. Смаль-Стоцкий, кафедру экономических наук возглавил проф. В. Садовский, а кафедру литературы – проф. Б. Лепкий[109].

---

106 *Kozak S*. Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie (1930–1939) // Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze. Warszawa, 2008. [T.] 25–26. S. 17.

107 *Портнов А. В.* Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльність української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939). Харків, 2008. С. 161–162.

108 Pięc lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. Warszawa, 1935. S. 3.

109 *Kozak S.* Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie… S. 18.

Согласно распоряжению Совета министров об учреждении Украинского научного института от 7 февраля 1930 г., целями института были: изучение экономики, культуры и истории украинского народа и подготовка кадров для научной работы. При этом, как писали руководители института в своем последнем отчете 1939 г., «институт обращает внимание не столько на теоретические вопросы, сколько на актуальные проблемы, изучение которых с точки зрения современных условий может иметь и практическое значение»[110]. Как уточняет С. Козак, основными такими практическими темами были политика Москвы в отношении Украины, голодомор, русификация, репрессии против украинцев, депортации и расстрелы, польско-украинско-российские отношения в период польско-советской войны, ленинская и сталинская политика денационализации[111]. Как видим, тематика работ была действительно вполне актуальна политически, могла становиться подспорьем для антисоветской пропаганды и как таковая являлась орудием прометейской акции. При этом деятельность института имела и несомненную научную ценность. Подобное тесное переплетение научного и политического аспектов деятельности, заметим в скобках, остается характерным для польских исследовательских площадок и по сей день.

Для оглашения результатов изысканий сотрудники института должны были проводить лекции и выступления на украинском и польском языках на различных публичных и академических площадках, издавать научные труды, а также организовать курсы украинского языка для желающих в Варшаве, а затем и в других городах Польши[112]. Институт издавал на польском языке журнал «Труды Украинского научного института в Варшаве» («Prace Ukraińskiego Instytuta Naukowego w Warszawie»), в котором публиковались польские и украинские ученые.

В рамках института работали: экономический семинар, чьей задачей было изучение современного состояния экономики Советской Украины с учетом новшеств советской политики, состояния ее платежного баланса, внешней и внутренней торговли, отдельных отраслей промышленности и перспектив ее развития, ознакомление

110 Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I.1939. Warszawa, 1939. S. 4.

111 *Kozak S.* Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie… S. 21.

112 Monitor Polski. Dziennik urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. № 41. Warszawa. 19 lutego 1930. S. 2.

с советской экономической литературой; правовая комиссия, проводившая сравнительные исследования права Советской Украины; комиссия истории литературы, занимавшаяся исследованиями украинской литературы, с отдельным семинаром, посвященным Т. Шевченко, изданием к его столетию собрания сочинений и переводом его произведений на европейские языки; комиссия по делам перевода священных книг и литургии на украинский язык, во главе с митрополитом Варшавским Дионисием, которая, что любопытно, занималась переводом книг Нового Завета, за исключением Евангелий, «перевод которых на украинский язык уже был утвержден бывшим российским Священным Синодом»[113] (под руководством комиссии или в сотрудничестве с ней были переведены Псалтирь, акафисты, литургия Иоанна Златоуста, литургия Василия Великого, таинства крещения, брака, исповеди, панихида и др.)[114]; комиссия изучения украинского движения, купившая архив М. Драгоманова у его дочери и собиравшая материалы, касающиеся украинского движения, особенно периода Первой мировой войны и УНР, в архивах, в том числе иностранных; с 1933 г. работала комиссия изучения польско-украинских вопросов, исследовавшая взаимные влияния польского и украинского народов в историческом, культурном и экономическом аспектах[115]. В рамках работы последней комиссии, в частности, была издана монография Л. Василевского «Украинский вопрос как международная проблема», в которой автор выражал уверенность в том, что рано или поздно Украина станет независимым государством. Комиссия издавала «Бюллетень Комиссии по изучению польско-украинских проблем» («Biulletin de la Commission pour l'etude des problemes polono-ukrainiens»)[116] на французском языке.

Украинский институт активно сотрудничал с Институтом изучения национального вопроса, Институтом изучения Восточной Европы в Вильно, Восточным институтом, Научным обществом им. Т. Шевченко во Львове[117], с украинскими организациями за рубежом.

---

113 Pięc lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. S. 12.

114 Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I.1939. S. 4.

115 Pięc lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. S. 12.

116 Ibid. S. 17.

117 Ibid. S. 20.

Институт готовил и молодых ученых: в 1930–1935 гг. его стипендию получали 10 студентов[118].

Силами сотрудников института была создана библиотека украинской литературы, состоявшая к 1939 г. примерно из десяти тысяч томов. Особое внимание уделялось сбору советской литературы.

Институт развернул весьма активную издательскую деятельность. Вышло несколько десятков изданий, посвященных истории украинских земель, с особенным вниманием к истории украинского движения, украинской литературе и филологии, в частности «Карта диалектов Украины», собрание сочинений Т. Шевченко. Выпускались церковные книги на украинском языке.

Обстоятельно изучалось современное положение дел в УССР. В рамках информирования польского общества об украинской культуре 15 марта 1936 г. в здании института Ю. Пилсудского Украинским институтом был организован торжественный вечер, посвященный 75-летию со дня смерти Т. Шевченко[119].

В заключение отметим, что литературы, посвященной деятельности данной организации, совсем немного. Проф. С. Козак посвятил институту и его руководителям несколько статей в разные годы. Польский исследователь А. Середницкий написал в 1994 г. монографию о сотрудничестве теологического центра в Варшавском университете с Украинским институтом. А. В. Портнов посвятил ему раздел своей монографии[120].

Создание общественно-государственных альянсов, экспертных сообществ, которые становились не просто рупором государственной пропаганды, но и научной базой для формирования основ политики по конкретным проблемам, было в межвоенный период веянием времени и даже своего рода модой. Польские научные и политические кадры не остались от нее в стороне. Сочетание государственной и частной

118 Ibid. S. 21.

119 Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I. 1939. S. 18.

120 См., например: *Kozak S.* Ołeksandr Łotoćkyj – uczony, dyplomata i polityk // Kozak S. Z dziejów Ukrainy. Religia. Kultura. Myśl społeczna. Warszawa, 2006. S. 326–338; *Serednicki A.* W kręgu współpracy uchonych polskich i ukraińskich w Warszawie (1925–1939): (z historii Studium Teologii Prawosławnej UW i Ukrainskiego Instytutu Naukowego). Warszawa, 1994; *Портнов А. В.* Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльність…

инициативы позволило сформировать сеть экспертных организаций по конкретным направлениям национального вопроса, позволявших аккумулировать актуальные знания по каждому его сегменту, а также подготовить кадры как для научной работы, так и для политической и даже диверсионной деятельности. Их деятельность зачастую сопровождалась внутренними конфликтами. Различные политические силы имели свои представления о желаемом направлении развития научных площадок. Сам двойственный характер этих организаций – одновременно научный и пропагандистский – также не всегда был их сильной стороной. В их исследованиях теория была почти всегда подчинена практической цели: сделать Польшу лидером в Восточноевропейском регионе и ослабить основных его противников – Россию и Германию; заставить Запад смотреть на Россию польскими глазами, а национальные движения народов СССР – работать на его ослабление.

Источники и литература

Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России-СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2007. Т. 3. С. 318–414.

Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 1 (26). С. 6–6.

Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020: сб. ст. / под ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. М.: Кучково поле, 2020. 176 с.

Портнов А. В. Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльність української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939). Харків: ХІФТ, 2008. 256 с.

Симонова Т. М. Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России (1920–1930) // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1 / отв. ред. Н. Т. Энеева. М.: Наука, 2005. С. 266–290.

Симонова Т. М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.

II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego / pod red. P. Libery. Warszawa: Centralne archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.

Boruta M. Instytut badań spraw narodowosciowych (1921–1939). Z dziejów polskich badań naukowych nad problematyką etniczną // Przegląd polonijny. 1985. № 2. S. 63–79.

Dworek R. [R. Jurkowski]. Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // Europa. Pismo Europy Wschodniej. 1989. № 1. S. 5–21.

Dworek R. [R. Jurkowski]. Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // Libertas. Kwartalnik Społeczno-Polityczny. Warszawa, 1988. № 12. S. 26–47.

Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932. Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych, 1932. 45 s.

Engelking A. Poleska ekspedycja etnosocjologiczna Józefa Obrębskiego w latach 1934–1937: Organizacja, Metody badań, Problematyka, Uczestnicy // Etnografia Polska. 2001. T. XLV. № 1–2. S. 23–45.

Engelking A. Nieznani badacze Polesia w latach trzydziestych XX wieku: Roman Chromiński, Jan Teodorowicz, Zygmunt Korybutiak: Z archiwaliów ekspedycji etnosocjologicznej Józefa Obrębskiego // Wschód w polskich badaniach etnologicznych i antropologicznych: Problematyka – badacze – znaczenie / pod red. Z. Jasiewicza. Poznań: Biblioteka Telgte, 2004. (Prace Komitetu Nauk Etnologicznych PAN. № 12). S. 203–213.

Grott O. Instytut badań spraw narodowościowych i Komisja naukowa badań Ziem Wschodnich w planowaniu polityki II Rzeczypospolitej Polskiej na Kresach Wschodnich. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2013. 322 s.

Ilgiewicz H. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2019. 264 s.

Instytut Wschodni w Warszawie. Statut. Warszawa: b. w., 1928. 11 s.

Iwański T., Libera P., Gryźlak F. Wywiad s Sergiuszem Mikuliczem // Nowy Prometeusz. 2013. № 5. S. 217–224.

Jackiewicz M., Bujnicki T. Teodor Bujnicki w Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie // Teodor Bujnicki. Ostatni bard Wielkiego Księstwa Litewskiego / pod red. T. Bujnickiego. Białystok: Książnica Podlaska, 2012. S. 53–54.

Kornat M. Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. T. I. 379 s.

Kornat M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wklad w rozwój polskiej sowietologii // Kwartalnik Historyczny. 2000. Rocznik CVII. № 3. S. 43–89.

Kornat M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i początki sowietologii w Polsce międzywojennej. Próba monografii // Kornat M. Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939. Kraków: Arkana, 2003. S. 15–106.

Kornat M. W kręgu ruchu prometejskiego. Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923) i Instytut Wschodni w Warszawie (1925–1939) // Politeja. 2004. № 2. S. 349–391.

Kozak S. Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie (1930–1939) // Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze. Warszawa, 2008. [T.] 25–26. S. 15–22.

Krawcewicz A. Ideologiczne podstawy polskiej geopolityki na przykładzie koncepcji prometejskiej // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. Acta Politica. 2014. № 28. S. 23–38.

Libera P. Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940) / pod red. M. Kornata. Warszawa: Instytut historii PAN, 2012. S. 219–244.

Libera P. Orientalistyczne Koło Młodych przy Instytucie Wschodnim w Warszawie (1929–1939) // Nowy Prometeusz. 2018. № 12. S. 103–117.

Libera P. Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej i Szkoły Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939) // Dzieje najnowsze. 2021. Rocznik LIII. № 4. S. 67–84.

Maj I. P. Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, Oficyna Wydawnicza Rytm, Fundacja "Historia i Kultura", 2007. 291 s.

Mikulicz S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. 313 s.

Monitor Polski. Dziennik urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 19 lutego 1930. № 41.

Nowak A. Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni. Kraków: Arkana Historii, 2007. 403 s.

Pięc lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. Warszawa: b. w., 1935. 27 s.

Początki sowietologii: Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie. Idee – ludzie – dziedzictwo. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. 570 s.

Potocki R. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie 1930–1939 // Przegląd Zachodni. 2000. № 2 (295). S. 211–219.

Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940) / pod red. M. Kornata. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2012. 356 s.

Serednicki A. W kręgu współpracy uchonych polskich i ukraińskich w Warszawie (1925–1939): (z historii Studium Teologii Prawosławnej UW i Ukrainskiego Instytutu Naukowego). Warszawa: s. n., 1994. 211 s.

Schattkowsky R. Osteuropa-forschung in Polen 1918–1939. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. 342 S.

Schomacker J. Politische Wissenschaft in Polen und ihre Organisation. Berlin: Bund Dt. Osten, 1939. 28 S.

Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I. 1939. Warszawa: b. w., 1939. 24 S.

Stach St. The Institute for Nationality Research (1921–1939) – A Think Tank for Minority Politics in Poland? // Religion in the Mirror of Law Eastern European Perspectives from the Early Modern Period to 1939. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2016. P. 149–182.

Statut Instytutu badań spraw narodowościowych. Warszawa: b. w., 1928. 8 s.

Stoczewska B. Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Krakow: Księgarnia Akademicka, 1998. 397 s.

Światłowski B. Prometejska racja stanu. Źródła i dzieje ruchu prometejskiego w II Rzeczypospolitej // Poliarchia. 2014. № 2. S. 147–180.

Szawłowski R. i H. Polish Sovietology, 1918–1939 // The Polish Review. 1972. T. XVIII. № 3. P. 3–36.

Tadeusz Hołówko o demokracji, polityce i moralności życia publicznego / wstęp, wybór i oprac. A. Chojnowski. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1999. 300 s.

Werschler I. Tadeusz Hołówko. Życie i działalność. Z dziejów obozu belwederskiego. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1984. 397 s.

Wysłouch S. Stosunki narodowosciowe na terenie województw wschodnich (Wilno 1939/40). Warszawa: Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2013. 303 s.

Zienkiewicz T. Literatura rosyjska na łamach biuletynu Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie "Balticoslavica" (1933–1938) // Acta Polono-Ruthenica. Olsztyn, 2006. T. XI. S. 85–95.

References

II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego. Ed. by P. Libery. Warszawa: Centralne archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013, 575 p.

Boruta, M. "Instytut badań spraw narodowosciowych (1921–1939). Z dziejów polskich badań naukowych nad problematyką etniczną." *Przegląd polonijny*, 1985, No 2, pp. 63–79.

Bylinin, V. K., Zdanovich, A. A., Korotajev, V. I. "Organizatsiia «Prometei» i «prometeiskoe» dvizhenie v planakh pol'skoi razvedki po razvalu Rossii-SSSR." *Trudy Obshchestva izucheniia istorii otechestvennykh spetssluzhb*, 2007, vol. 3. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 318–414.

Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932. Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych, 1932, 45 p.

Dworek, R. [Jurkowski, R.]. "Instytut Europy Wschodniej (1930–1939)." *Europa. Pismo Europy Wschodniej*, 1989, No 1, pp. 5–21.

Dworek, R. [Jurkowski, R.]. "Instytut Europy Wschodniej (1930–1939)." *Libertas. Kwartalnik Społeczno-Polityczny*, 1988, No 12, pp. 26–47.

Engelking, A. “Nieznani badacze Polesia w latach trzydziestych XX wieku: Roman Chromiński, Jan Teodorowicz, Zygmunt Korybutiak: Z archiwaliów ekspedycji etnosocjologicznej Józefa Obrębskiego.” *Wschód w polskich badaniach etnologicznych i antropologicznych: Problematyka – badacze – znaczenie*, ed. by Z. Jasiewicz. Poznań: Biblioteka Telgte, 2004, pp. 203–213.

Engelking, A. “Poleska ekspedycja etnosocjologiczna Józefa Obrębskiego w latach 1934–1937: Organizacja, Metody badań, Problematyka, Uczestnicy.” *Etnografia Polska*, vol. XLV, 2001, No 1–2, pp. 23–45.

Grishin, Ia. Ia., Galiullin, M. Z., Kadyrov, R. R. “Prometeizm kak odin iz instrumentov antisovetskoi bor'by II Rechi Pospolitoi v 1918–1932 gg.: istoriia i sovremennost'.” *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2021, vol. 9, No 1(26).

Grott, O. *Instytut badań spraw narodowościowych i Komisja naukowa badań Ziem Wschodnich w planowaniu polityki II Rzeczypospolitej Polskiej na Kresach Wschodnich*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2013, 322 p.

Ilgiewicz, H. *Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2019, 264 p.

Instytut Wschodni w Warszawie. Statut. Warszawa, s. n., 1928, 11 p.

Iwański, T., Libera, P., Gryźlak, F. *“*Wywiad s Sergiuszem Mikuliczem.” *Nowy Prometeusz*, 2013, No 5, pp. 217–224.

Jackiewicz, M., Bujnicki, T. “Teodor Bujnicki w Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie.” *Teodor Bujnicki. Ostatni bard Wielkiego Księstwa Litewskiego*, ed. by T. Bujnicki. Białystok: Książnica Podlaska, 2012, pp. 53–54.

Kornat, M. *Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939)*, vol. I. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004, 379 p.

Kornat, M. “Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wklad w rozwój polskiej sowietologii.” *Kwartalnik Historyczny*, rocznik CVII. 2000, No 3, pp. 43–89.

Kornat, M. “Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i początki sowietologii w Polsce międzywojennej. Próba monografii.” *Idem. Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939*. Kraków: Arkana, 2003, pp. 15–106.

Kornat, M. “W kręgu ruchu prometejskiego. Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923) i Instytut Wschodni w Warszawie (1925–1939).” *Politeja*, 2004, No 2, pp. 349–391.

Kozak, S. “Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie (1930–1939).” *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze*, 2008, No 25–26, pp. 15–22.

Krawcewicz, A. “Ideologiczne podstawy polskiej geopolityki na przykładzie koncepcji prometejskiej.” *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. Acta Politica*, 2014, No 28, pp. 23–38.

Libera, P. "Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym." *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)*, ed. by M. Kornat. Warszawa: Instytut historii PAN, 2012, pp. 219–244.

Libera, P. "Orientalistyczne Koło Młodych przy Instytucie Wschodnim w Warszawie (1929–1939)." *Nowy Prometeusz*, 2018, No 12, pp. 103–117.

Libera, P. "Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej i Szkoły Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939)." *Dzieje najnowsze. Rocznik LIII*, 2021, No 4, pp. 67–84.

Maj, I. P. *Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, Oficyna Wydawnicza Rytm, Fundacja "Historia i Kultura", 2007, 291 p.

Mikulicz, S. *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971, 313 p.

Nowak, A. *Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni*. Kraków: Arkana Historii, 2007, 403 p.

Pięc lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. Warszawa: s.n., 1935, 27 p.

Początki sowietologii: Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie. Idee – ludzie – dziedzictwo. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021, 570 p.

Pol'sha v bor'be za Vostochnuiu Jevropu 1920–2020, ed. by V. Iu. Krasheninnikova, D. S. Bunevich. Moscow: Kuchkovo pole, 2020, 176 p.

Portnov, A. V. *Nauka u vyhnanni: Naukova i osvitnia diial'nist' ukraïns'koï emihratsiï v mizhvoiennii Pol'shchi (1919–1939*). Kharkiv: HIFT, 2008, 256 p.

Potocki, R. "Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie 1930–1939." *Przegląd Zachodni*, 2000, No 2 (295), pp. 211–219.

Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940), ed. by M. Kornat. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2012, 356 p.

Schattkowsky, R. *Osteuropa-forschung in Polen 1918–1939*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019, 342 p.

Schomacker, J. *Politische Wissenschaft in Polen und ihre Organisation*. Berlin: Bund Dt. Osten, 1939, 28 s.

Serednicki, A. *W kręgu współpracy uchonych polskich i ukraińskich w Warszawie (1925–1939): (z historii Studium Teologii Prawosławnej UW i Ukrainskiego Instytutu Naukowego)*. Warszawa: s.n., 1994, 211 p.

Simonova, T. M. "Prometeizm vo vneshnei politike Pol'shi. 1919–1924 gg." *Novaia i noveishaia istoriia*. 2002, No 4, pp. 47–63.

Simonova, T. M. "Kontseptsiia «prometeizma» i politika Pol'shi v otnoshenii emigratsii iz Rossii (1920–1930)." *Problemy istorii Russkogo zarubezh'ia: Materialy i issledovaniia*, issue 1, ed. by N. T. Enejeva, 2005, pp. 266–290.

Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I. 1939. Warszawa: s.n., 1939, 24 p.

Stach, St. "The Institute for Nationality Research (1921–1939) – A Think Tank for Minority Politics in Poland?" *Religion in the Mirror of Law Eastern European Perspectives from the Early Modern Period to 1939*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2016, pp. 149–182.

Statut Instytutu badań spraw narodowościowych. Warszawa: s.n., 1928, 8 p.

Stoczewska, B. *Litwa, Białoruś*, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Krakow: Księgarnia Akademicka, 1998, 397 p.

Światłowski, B. Prometejska racja stanu. Źródła i dzieje ruchu prometejskiego w II Rzeczypospolitej. *Poliarchia*, 2014, No 2, pp. 147–180.

Szawłowski, R. & H. "Polish Sovietology, 1918–1939." *The Polish Review*, 1972, vol. XVIII, No 3, pp. 3–36.

Tadeusz Hołówko o demokracji, polityce i moralności życia publicznego. Intro, selection & preperation for printing A. Chojnowski. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1999, 300 p.

Werschler, I. *Tadeusz Hołówko. Życie i działalność. Z dziejów obozu belwederskiego*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1984, 397 p.

Wysłouch, S. *Stosunki narodowosciowe na terenie województw wschodnich (Wilno 1939/40).* Warszawa: Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2013, 303 p.

Zienkiewicz, T. "Literatura rosyjska na łamach biuletynu Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie «Balticoslavica» (1933–1938)." *Acta Polono-Ruthenica*, 2006, vol. XI, pp. 85–95.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.09 ***D. A. Korotkova***

At the Interection of Science and Propaganda: National Question Studies in Interwar Poland (Concepts, Institutions, Personalities)

Darya A. Korotkova
Candidate of History, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: d.korotkova@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

Citation
Korotkova D. A. At the Interection of Science and Propaganda: National Question Studies in Interwar Poland (Concepts, Institutions, Personalities) // Slavic Almanac. 2025. No 1–1. P. 211–247 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.09

Received: 27.12.2024.
Revised: 31.01.2025.
Accepted: 18.03.2025.

The article is devoted to the history of the scientific and propaganda background of Polish national policy in the interwar period. Poland's political course developed under a strong influence of the ideology of prometheism, which was created by supporters of Marshal J. Pilsudski. This ideology was supposed to unite the small nations of Eastern Europe around Poland and to contribute to the disintegration of Russia. There are practically no descriptions of specific organizations in which this ideology was formed and honed in in the Russian historical literature. In this article, the author tries to partially fill in this gap. This study is devoted to the history of specific scientific institutions which were to study various aspects of the national question in connection with Promethean ideas. Their characteristic feature was the exploitation of a serious scientific base to solve specific political problems. The Oriental Institute, the Institute for the Study of the National Question, the Ukrainian Scientific Institute in Warsaw, and the Scientific Research Institute of Eastern Europe in Vilno combined the functions of research, often commissioned by the authorities for propaganda activities, and also collaborated with law enforcement agencies in the training of intelligence and sabotage personnel. The article provides an overview of the goals and objectives of these organizations, lists their leaders, and describes key moments in their history.

Keywords
Prometheism, *Institute for Study and Analysis of Eastern Europe*, *Institute for the Study of the National Question*, *Ukrainian Scientific Institute*, *Oriental Institute*, *Tadeusz Holowko*, *Leon Wasilewski*.

УДК 81’367.52, 81’367.625.5, 81’282.2, 81’282.4
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.10

М. М. Громова

Сентенциальные клитики в абсолютном начале невопросительного предложения по данным словенских диалектов

Громова Мария Михайловна
Младший научный сотрудник
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6081-7520

Цитирование
Громова М. М. Сентенциальные клитики в абсолютном начале невопросительного предложения по данным словенских диалектов // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 248–261. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.10

Статья поступила в редакцию 13.01.2025.
Рецензирование завершено 08.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
В работе проанализировано и картографировано инновативное явление современного словенского диалектного синтаксиса – расположение сентенциальных клитик в абсолютном начале невопросительных предложений. Материалом послужили записи диалектной речи объемом 2 505 страниц из 288 населенных пунктов. Формулируются признаки сентенциальных клитик и их допустимые позиции в невопросительных предложениях в современном словенском языке. Рассматривается история изучения вопроса словенскими исследователями. При помощи статистического и лингвогеографического (ареального) методов определяются частотность и максимальное количество клитик в абсолютном начале невопросительных предложений. На основе собранных данных делается вывод, что во всех словенских диалектах, как и в современном словенском литературном языке, позиция после первой составляющей является основным местом расположения сентенциальных клитик в невопросительном предложении, а частотность начальной позиции клитик составляет 24 %, заметно варьируясь по диалектам. В абсолютном начале невопросительных предложений клитики встречаются повсеместно, формируя сплошной

дисперсный ареал, в котором выделяются зоны относительно высокой частотности. В этой позиции могут располагаться как глагольные, так и местоименные клитики, при этом большая часть словенских диалектов допускает в кластере до четырех клитик.

Ключевые слова
Словенский язык, *диалектный синтаксис*, *порядок слов*, *сентенциальные клитики*, *клитики*, *словенские клитики*, *словенские диалекты.*

Терминологический аппарат

В данной работе рассматриваются **сентенциальные клитики** (*special clitics*), которые, в отличие от **простых клитик** (*simple clitics*), функционируют на уровне всего предложения и обладают парадигмой[1]. В словенском языке к ним относятся формы бытийного глагола и краткие формы личных местоимений.

Особенностью сентенциальных клитик в языках мира является их способность образовывать **кластер** (блок). Так, в славянских языках с ваккернагелевскими системами клитик (к которым относится и словенский) все имеющиеся в предложении сентенциальные клитики группируются в кластер, который функционирует как единое целое, не может быть разбит полноударной словоформой, располагается в предложении на том же месте и подчиняется тем же правилам, что и единичная сентенциальная клитика. В кластере клитики располагаются в строгом порядке, который не может быть нарушен.

Иногда в кластер могут включаться иные односложные элементы (коннектор *ра* во всех словенских диалектах, частица *та* в диалектах приморской группы и т. д.). Таким образом, все сентенциальные клитики – кластеризуемые, но не все кластеризуемые клитики – сентенциальные. Далее термином *клитики* для краткости обозначаются сентенциальные клитики.

Место кластеризуемых клитик
в предложении в словенском языке

В языках мира существуют четыре основные позиции для кластеризуемых клитик:

1 *Franks S.* Clitics in Slavic. Paper presented at the Comparative Slavic Morphosyntax Workshop. Bloomington, 1998. P. 3–4.

1) абсолютное начало предложения;

2) второе место в предложении (т. н. ваккернагелевская позиция);

3) предпоследнее место в предложении;

4) абсолютный конец предложения.

В современном словенском языке действует закон Ваккернагеля, переосмысленный таким образом, что клитики не могут разбивать первую составляющую в предложении и следуют непосредственно за ней: [$_{NP}$*Tudi druge vojake*] *je*$_{Aux.Praes.3Sg}$ *zadela enaka usoda* «И других солдат постигла та же судьба».

В вопросительных предложениях кластеризуемые клитики располагаются в абсолютном начале предложения сразу после безударной вопросительной частицы *ali* / *a* (по мере снижения стилистического регистра частица приобретает все более факультативный статус и в разговорном языке практически отсутствует).

Однако в живой словенской речи клитики также могут стоять в абсолютном начале невопросительных предложений. Словенский и македонский языки представляют два дистантных очага данной синтаксической инновации среди южнославянских языков.

История исследований

В первых научных грамматиках словенского языка – «Kraynska grammatika» (1768) Марко Похлина и «Grammatik der Slavischen Sprache…» (1808) Ернея Копитара – место клитик в предложении не рассматривается, однако в примерах клитики часто занимают начальную позицию в невопросительном предложении: *Sem*$_{Aux.Praes.1Sg}$ *se*$_{Refl}$ *bal* «я боялся»; *Je*$_{Aux.Praes.3Sg}$ *velka cesta* «это большая дорога»; *So*$_{Aux.Praes.3Pl}$ *moj Ozha* «он мой отец»[2].

Матия Мурко в работе «Enklitike v slovenščini» (1892) отметил, что в словенских диалектах клитики могут стоять в абсолютном начале предложения, предположил уникальность словенского языка в этом отношении среди всех славянских и отрицал иноязычное влияние. Он предположил, что начальное положение клитик появилось в народных песнях в интересах ритма (*Te*$_{Pron.Acc.2Sg}$ *pri kralju bodem zgovorila*), а затем распространилось шире[3].

2 *Pohlin M.* Kraynska grammatika, das ist: Die kraynerische Grammatik, oder Kunst die kraynerische Sprache regelrichtig zu reden, und zu schreiben. Ljubljana, 1768. S. 159, 192.

3 *Murko M.* Enklitike v slovenščini. II. del: Skladnja // Letopis Matice Slovenske za leto 1892 / ur. Anton Bartel. Ljubljana, 1892. S. 35.

Станислав Шкрабец в работе «Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo» (1895) многочисленные примеры начальной постановки клитик в словенских переводах библейских книг охарактеризовал как безграмотные[4], а начальное положение глагольных и местоименных клитик объяснил эллипсисом предшествующего элемента[5] или логическим ударением на клитике: *Je*$_{\text{Aux.Praes.3Sg}}$ *pa bil tam en človek* «Тут был человек» (Ин. 5: 5); *Je*$_{\text{TO-BE.Praes.3Sg}}$ *pa v Jeruzalemu ovčja kopel* «Есть же во Иерусалиме Овчая купель» (Ин. 5: 2); *So*$_{\text{TO-BE.Praes.3Pl}}$ *pa eni mej vami, ki ne verujejo* «Но есть из вас некоторые неверующие» (Ин 6: 64).

Антон Брезник объяснил начальную постановку клитик в невопросительном предложении тем, что оно продолжает мысль предыдущего предложения. Брезник утверждал, что порядок слов необходимо рассматривать на уровне (кон)текста, а не предложения, так как предложение функционирует как элемент текста и не является самостоятельной единицей[6].

Структуралист Йоже Топоришич в нормативной «Словенской грамматике» (1976) утверждал, что клитики оказываются в абсолютном начале предложения вследствие эллипсиса полноударного слова или группы слов, за которыми эти клитики якобы изначально стояли[7]. Такое объяснение имеет смысл в случае с вопросительными предложениями, но во всех остальных случаях попытка Топоришича обосновать начальное положение клитик с помощью подстановки якобы «пропущенных» слов представляется нам бездумным следованием грамматической традиции, берущей начало в исследованиях Шкрабца.

Словенские диалектологи при описании порядка слов в диалектной словенской речи до сих пор опираются на нормативную грамматику Топоришича, в которой кодифицировано положение клитик «после первого члена предложения». Это приводит к тому, что почти в каждом описании говора положение клитик в абсолютном начале

4 О споре Мурко и Шкрабца касательно причин начального положения клитик в предложении см.: *Smolej M.* Normiranje besednega reda slovenskega knjižnega jezika – začetna stava naslonk // Jezik in Slovstvo. 2021. V. 66. № 2–3. S. 67–80.

5 *Škrabec S.* Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo // Škrabec S. Jezikoslovna dela 2 / ur. Jože Toporišič. Nova Gorica, 1994. S. 214.

6 *Breznik A.* Besedni red v govoru // Dom in svet. 1908. V. 21. № 5. S. 224.

7 *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Pregledana in razširjena izdaja. Maribor, 1984. S. 539.

невопросительного предложения упоминается как «особенность», а если объясняется, то непременно эллипсисом начальной ударной словоформы / словосочетания[8]. Отсутствие разработанного методологического аппарата и исследовательского интереса к положению клитик приводит к тому, что описания в таких работах расходятся с примерами: так, исследователи упоминают «глагольную клитику в абсолютном начале предложения», при этом приводя примеры с двумя клитиками – глагольной и местоименной[9], или же отмечают «клитику или кластер клитик в абсолютном начале предложения», в то время как приводимые ими примеры демонстрируют в этой позиции почти исключительно единичные глагольные клитики[10].

На этом фоне выделяются описания приморских диалектов Данилы Зульян-Кумар. Исследовательница включает систему порядка слов приморских словенских диалектов в широкий типологический контекст, отмечая, что расположение клитик в абсолютном начале предложения характерно также для македонского и пограничных романских языков. Однако вслед за Мурко она отрицает в данном случае романское влияние, придерживаясь мнения, что данная инновация возникла в словенском языке независимо от окружения[11].

Объект, материал и методология исследования

Задача данной работы – определить распространенность расположения клитик в абсолютном начале невопросительных предложений (за исключением сложноподчиненных предложений, начинающихся с придаточной части) в современных словенских диалектах.

Материалом исследования послужили записи спонтанной речи носителей словенских диалектов из 288 населенных пунктов на территории Словении и соседних стран. Нами проанализированы записи общим объемом 2 505 страниц из 107 научных работ, а также научно-популярных сборников диалектных текстов[12] (в основном из серии

8 *Zorko Z.* Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih // Zorko Z. Haloško narečje in druge dialektološke študije. Maribor, 1998. (Zora. 6). S. 231.

9 *Koletnik M.* Slovenskogoriško narečje. Maribor, 2001. (Zora. 12). S. 212.

10 *Škofic J.* Besedni red v gorenjščini // 2. Toporišičev dan : besedni red v slovenskem jeziku : znanstveni simpozij : povzetki prispevkov : Brežice in Dobova, 11. oktober 2024 / [ur. M. Šekli]. Ljubljana, 2024. S. 38.

11 *Zuljan Kumar D.* Skladnja nadiškega in briškega narečja. Ljubljana, 2022. (Linguistica et philologica. 42). S. 56.

12 В научно-популярных публикациях используются различные

Glasovi), синтаксическая достоверность которых подтверждена словенскими лингвистами (мы не имеем возможности сослаться на эти источники, так как библиографический аппарат в таком случае вдвое превысил бы объем самой работы).

При определении частотности исследуемого явления применены статистический и лингвогеографический (ареальный) метод. Подсчитаны все невопросительные предложения с клитиками; среди них определен процент предложений с начальным положением клитик.

Их общее количество и соотношение по отдельным диалектам и группам диалектов представлены в **Таблице**, а по каждому из 288 населенных пунктов – на **Карте 1**. Пункты, в материалах из которых количество невопросительных предложений с клитиками составляет менее 40, во избежание статистической погрешности картографированы особо. Если количество невопросительных предложений с клитиками в записях из какого-либо диалекта составляет менее 40, процент начальной позиции клитик в этом диалекте в Таблице 1 не указывается.

Карта 2 демонстрирует максимальное зафиксированное нами количество клитик в абсолютном начале невопросительного предложения (с учетом частиц *pa* и *ma*, которые, как было сказано выше, функционируют в составе кластера).

Результаты исследования

В исследованном диалектном материале нам встретилось 59 333 невопросительных предложения с клитиками.

Во всех словенских диалектах, как и в современном словенском литературном языке, основным местом расположения клитик в невопросительных предложениях является позиция после первой составляющей (в единичных случаях клитики могут стоять и ниже ваккернагелевской позиции).

Начальную позицию клитики занимают в 14 343 из 59 333 невопросительных предложений, что составляет 24 % всех примеров, однако по диалектам частотность этой позиции заметно варьируется – от полного ее отсутствия в толминском диалекте до 41 % в резьянском (см. Таблицу).

варианты упрощенной транскрипции. Так как настоящая работа посвящена синтаксису, а не фонетике, материал, представленный в упрощенной транскрипции, для нас столь же ценен и информативен, сколь и профессиональные записи.

Таблица

диалект	**частотность начальной позиции клитик**	**в %**
зильский	334 / 954	35 %
• краньскогорский субдиалект[13]	37 / 1 748	2 %
рожанский	248 / 985	25 %
• рожанско-подъюнский субдиалект	216 / 982	22 %
подъюнский	335 / 1 005	33 %
• подъюнско-межицский субдиалект	26 / 241	11 %
межицский	829 / 4 637	18 %
обирский	152 / 547	28 %
севернопохорско-ремшникский	162 / 576	28 %
ВСЕГО КАРИНТИЙСКАЯ ГРУППА	**2 339 / 1 1675**	**20 %**
словенскогорицкий	69 / 978	7 %
прлекийский	70 / 779	9 %
халозский	510 / 2 087	24 %
прекмурский	157 / 4 156	4 %
ВСЕГО ПАННОНСКАЯ ГРУППА	**806 / 8 000**	**10 %**
• козьякский говор	45 / 366	12 %
южнопохорский диалект	61 / 249	24,5 %
• солчавский говор	2 012 / 6 798	29,5 %
верхнесавиньский диалект	1 115 / 4 465	25 %
среднесавиньский диалект	71 / 199	36 %
среднештирийский диалект	118 / 562	21 %
козьянско-бизельский диалект	51 / 247	21 %
посавский (загорско-трбовельский говор)	21 / 252	8 %
посавский (лахский говор)	13 / 73	18 %
посавский (севницско-кркский говор)	2 143 / 6 666	32 %
ВСЕГО ШТИРИЙСКАЯ ГРУППА	**5 650 / 19 877**	**28,5 %**
гореньский	437 / 2 510	17 %
• восточногореньский субдиалект	52 / 230	23 %
селцкий	0 / 27	мало данных

13 При обозначении идиомов используется современная общепринятая словенская терминология. Наименьшим элементом является говор (*govor*), несколько похожих говоров составляют субдиалект (*podnarečje*). Более крупной единицей является диалект (*narečje*). Диалекты словенского языка объединяются в семь групп (*narečne skupine*).

ВСЕГО ГОРЕНЬСКАЯ ГРУППА	**489 / 2 767**	**18 %**
доленьский	283 / 1 595	18 %
• восточнодоленьский субдиалект	1 812 / 5 174	35 %
севернобелокрайнский	46 / 319	14 %
южнобелокрайнский	10 / 187	5 %
костелский	9 / 30	мало данных
ВСЕГО ДОЛЕНЬСКАЯ ГРУППА	**2 160 / 7 305**	**30 %**
церклянский	33 / 187	18 %
толминский	0 / 44	0 %
• бачский субдиалект	8 / 41	20 %
шкофьелокский	0 / 8	мало данных
полянский	41 / 113	36 %
хорьюлский	2 / 45	4 %
чрноврхский	0 / 22	мало данных
ВСЕГО РОВТАРСКАЯ ГРУППА	**84 / 460**	**18 %**
нотраньский	1 537 / 5 116	30 %
чичарийский	57 / 196	29 %
истрийский	263 / 804	33 %
красский	272 / 1 197	23 %
обсочский	243 / 692	35 %
брдский	233 / 566	41 %
надижский	32 / 87	37 %
терский	103 / 409	25 %
резьянский	75 / 182	41 %
ВСЕГО ПРИМОРСКАЯ ГРУППА	**2 815 / 9 249**	**30 %**

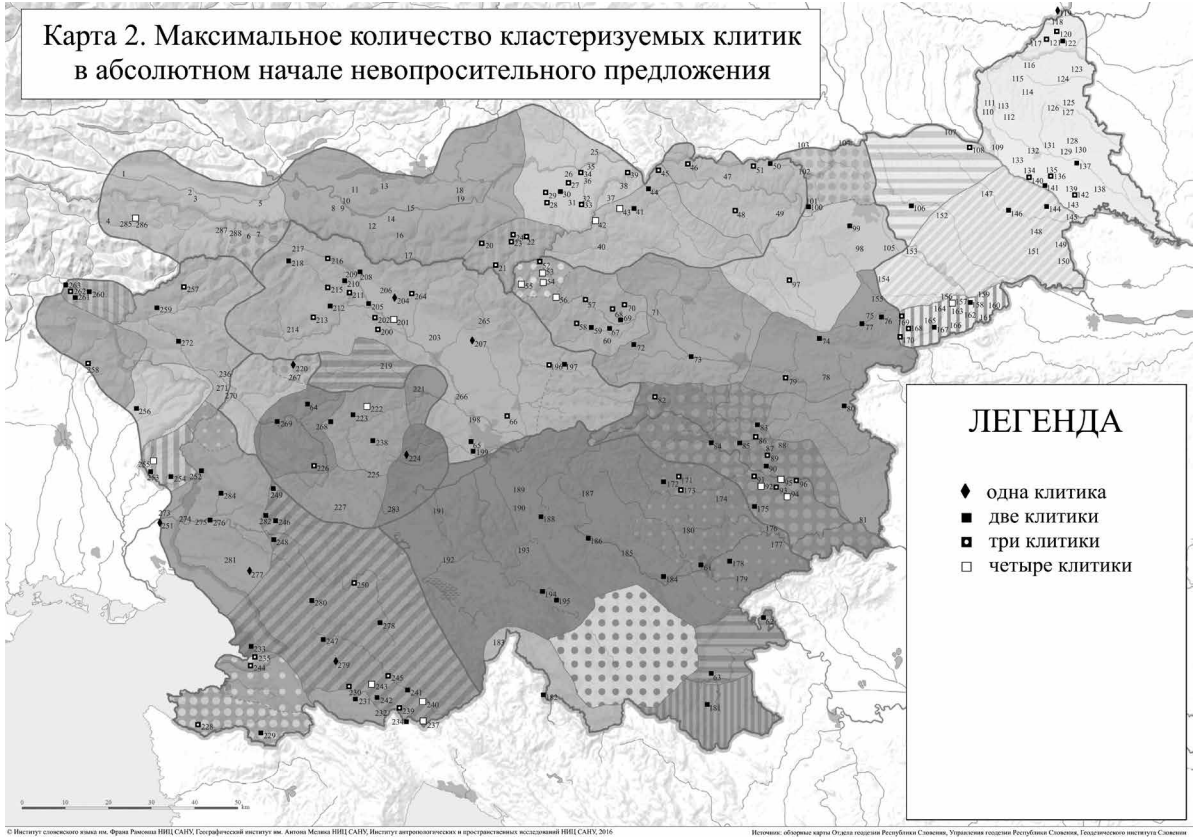
В абсолютном начале предложения могут располагаться как глагольные, так и местоименные клитики:

Bọn$_{\text{Aux.Fut.1Sg}}$ gå$_{\text{Pron.3Sg.m.Acc}}$ 'såmọ 'tåk zå'täknọ, på 'tüdi̯ bọ «Вот так его только засуну, и готово» (прлекийский диалект).

Большая часть диалектов не знает ограничений на количество клитик в кластере в абсолютном начале предложения, допуская в этой позиции до четырех клитик (технически максимально возможное количество клитик в кластере), включая частицы *ра* / *та* (см. Карту 2):

Карта 1. Кластеризуемые клитики
в абсолютном начале невопросительного предложения
ЛЕГЕНДА
общее количество клитик / кластеров < 40, в абсолютном начале предложения единичны
общее количество клитик / кластеров 16–39, в абсолютном начале предложения > 39%
< 10%
10–19%
20–29%
30–49%
50–59%
© Институт словенского языка им. Франа Ramовша НИЦ САНУ, Географический институт им. Антона Мелика НИЦ САНУ, Институт антропологических и пространственных исследований НИЦ САНУ, 2016
Источник: обзорные карты Отдела геодезии Республики Словения, Управления геодезии Республики Словения, Геодезического института Словении

Карта 2. Максимальное количество кластеризуемых клитик в абсолютном начале невопросительного предложения



© Институт словенского языка им. Франа Рамовша НИЦ САНУ, Географический институт им. Антона Мелика НИЦ САНУ, Институт антропологических и пространственных исследований НИЦ САНУ, 2016

Источники: обзорные карты Отдела геодезии Республики Словения, Управления геодезии Республики Словения, Геодезического института Словении

Pa se$_{\text{Refl}}$ ga$_{\text{Pron.3Sg.m.Gen}}$ je$_{\text{Aux.Praes.3Sg}}$ Bog usmilil$_{\text{l-PTC}}$ in mu je reku… «И Бог его пожалел и сказал ему…» (севницско-кркский говор посавского диалекта);

Pó:-j pa, k-sa sę̗-j otró:c s'meja:l, je pa djà:la, kę̗-j parpo'vedva:la, a-'ne, kó:k je vo'čila, prá:u̯: »Pa sa$_{\text{Aux.Praes.3Pl}}$ se$_{\text{Refl}}$-m$_{\text{Pron.1Sg.Dat}}$ tó́:k s'meja:l$_{\text{l-PTC}}$ in s'vi pascá:ni bi'li« «Потом, когда дети смеялись, она говорила, когда рассказывала, да, говорит: они надо мной так смеялись и все обмочились» (полянский диалект).

Se$_{\text{Refl}}$ mo$_{\text{Pron.3Sg.m.Dat}}$ je$_{\text{Aux.Praes.3Sg}}$ pa čudən zdev$_{\text{l-PTC}}$ (гореньский диалект).

Однако в доленьских диалектах в этой позиции отмечено не более трех клитик, включая частицу *ра*.

В абсолютном начале предложения клитики встречаются повсеместно. Тем не менее можно выделить зоны относительно высокой частотности этой позиции (см. Карту 1). Обширный ареал с резаными границами охватывает диалекты северо-востока (за исключением большей части паннонской группы и краньскогорского диалекта каринтийской группы), большую часть приморских диалектов, ровтарскую группу и северо-запад доленьского диалекта. Еще два небольших ареала с высокой частотностью находятся в восточнодоленьском диалекте и соседнем севницко-кркском говоре посавского диалекта. Границы обозначенных нами ареалов несомненно будут расширяться при привлечении новых диалектных данных.

Таким образом, сентенциальные клитики в абсолютном начале невопросительного предложения – не особенность отдельных говоров, а системный процесс, который постепенно охватывает весь словенский диалектный континуум.

Источники и литература

Breznik A. Besedni red v govoru // Dom in svet. 1908. V. 21. № 5. S. 222–230, 258–267.

Franks S. Clitics in Slavic. Paper presented at the Comparative Slavic Morphosyntax Workshop. Bloomington: Indiana University, 1998. 96 p.

Koletnik M. Slovenskogoriško narečje. Maribor: Slavistično društvo, 2001. 323 s. (Zora. 12).

Murko M. Enklitike v slovenščini. II. del: Skladnja // Letopis Matice slovenske za leto 1892 / Anton Bartel. Ljubljana: Matica Slovenska, 1892. S. 51–86.

Pohlin M. Kraynska grammatika, das ist: Die kraynerische Grammatik, oder Kunst die kraynerische Sprache regelrichtig zu reden, und zu schreiben. Ljubljana: Lorenz Bernbacher, Burgerl. Buchbinder, 1768. 258 S.

Smolej M. Normiranje besednega reda slovenskega knjižnega jezika – začetna stava naslonk // Jezik in slovstvo. 2021. V. 66. № 2–3. S. 67–80.

Škofic J. Besedni red v gorenjščini // 2. Toporišičev dan : besedni red v slovenskem jeziku : znanstveni simpozij : povzetki prispevkov : Brežice in Dobova, 11. oktober 2024 / [ur. M. Šekli]. Ljubljana: Založba Univerze, 2024. S. 38–40.

Škrabec S. Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo // Škrabec S. Jezikoslovna dela 2 / ur. J. Toporišič. Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica, 1994. S. 200–218.

Toporišič J. Slovenska slovnica. Pregledana in razširjena izdaja. Maribor: Obzorja, 1984. 740 s.

Zorko Z. Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih // Zorko Z. Haloško narečje in druge dialektološke študije. Maribor: Slavistično društvo, 1998. (Zora. 6). S. 225–233.

Zuljan Kumar D. Skladnja nadiškega in briškega narečja. Ljubljana: Založba ZRC, 2022. (Linguistica et philologica. 42). 201 s.

References

Breznik, A. “Besedni red v govoru.” *Dom in svet*, 1908, V. 21, No 5, pp. 222–230, 258–267.

Franks, S. *Clitics in Slavic. Paper presented at the Comparative Slavic Morphosyntax Workshop.* Bloomington, Indiana University, 1998, 96 p.

Koletnik, M. *Slovenskogoriško narečje*. Maribor: Slavistično društvo, 2011, 323 p. (Zora 12).

Smolej, M. “Normiranje besednega reda slovenskega knjižnega jezika – začetna stava naslonk.” *Jezik in slovstvo*, 2021, No 2–3, V. 66, pp. 67–80.

Škofic, J. “Besedni red v gorenjščini.” *2. Toporišičev dan : besedni red v slovenskem jeziku : znanstveni simpozij : povzetki prispevkov : Brežice in Dobova, 11. oktober 2024*, ed. by M. Šekli. Ljubljana: Založba Univerze, 2024, pp. 38–40.

Škrabec, S. “Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo.” *Škrabec S. Jezikoslovna dela 2*, ed. by J. Toporišič. Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica, 1994, pp. 200–218.

Toporišič, J. *Slovenska slovnica. Pregledana in razširjena izdaja.* Maribor: Obzorja, 1984, 740 p.

Zorko, Z. “Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih.” Zorko, Z. *Haloško narečje in druge dialektološke študije*. Maribor: Slavistično društvo, 1998, pp. 225–233. (Zora 6).

Zuljan Kumar, D. *Skladnja nadiškega in briškega narečja.* Ljubljana: Založba ZRC, 2022, 201 p. (Linguistica et philologica 42).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.10 ***M. M. Gromova***

Special Clitics at the Absolute Beginning of a Non-Interrogative Sentence in Slovenian Dialects

Maria M. Gromova
Junior Research Fellow
Lomonosov Moscow State University
119991, Leninskie Gory 1–51, Moscow, Russian Federation
E-mail: marija.gromova@list.ru
ORCID: 0000-0001-6081-7520

Citation
Gromova M. M. Special Clitics at the Absolute Beginning of a Non-Interrogative Sentence in Slovenian Dialects // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 248–261 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.10

Received: 13.01.2025.
Revised: 08.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The work analyzes and maps an innovative phenomenon of modern Slovenian dialectal syntax – the placement of special clitics at the absolute beginning of non-interrogative sentences. 2505 pages of dialect speech records from 288 settlements were analyzed. The characteristics of spe-

cial clitics and their acceptable positions in non-interrogative sentences in the modern Slovenian language are listed. The history of studying the issue by Slovenian researchers is examined. Using statistical and linguogeographic (areal) methods, the frequency and maximum number of clitics at the absolute beginning of non-interrogative sentences are determined. Based on the collected data, it is concluded that in all Slovenian dialects, as in the modern Slovenian standard language, the position after the first constituent is still the main location of special clitics in a non-interrogative sentence, and the frequency of their initial position is 24%, varying noticeably among dialects. At the absolute beginning of non-interrogative sentences, clitics are found throughout the Slovenian language space, forming a continuous dispersed area in which zones of relatively high frequency are distinguished. Both verbal and pronominal clitics can be located in this position, with most Slovene dialects allowing up to four clitics in a cluster. However, in the Lower Carniolan dialects, no more than two special clitics are noted in initial position.

Keywords
Slovenian language, *dialect syntax*, *word order*, *special clitics*, *clitics*, *Slovenian clitics*, *Slovenian dialects.*

УДК 811.161.1+811.161.2
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.11

Ван Цзиншу

Украинизмы в русском языке: проблемы выделения и причины заимствования в XIX в.

Ван Цзиншу
Аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: st059366@student.spbu.ru
ORCID: 0009-0008-7812-1175

Цитирование
Ван Цзиншу. Украинизмы в русском языке: проблемы выделения и причины заимствования в XIX в. // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 262–280. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.11

Статья поступила в редакцию 12.08.2024.
Рецензирование завершено 08.12.2024.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию украинизмов, в лингвистике до сих пор существуют разные подходы к установлению рамок данного понятия. Общим для них является принадлежность рассматриваемых лексем к украинскому языку, зафиксированная в кодифицированных изданиях. Вместе с тем в процессе функционирования украинский язык не только вобрал в себя, но и адаптировал иноязычную лексику самого разного происхождения, поэтому вопрос о том, что входит в понятие «украинизмы», по-прежнему является актуальным. В статье описываются причины вхождения украинизмов в русский язык (особенно до первой половины XIX в.) и рассматриваются критерии их выделения с учетом этимологии и степени адаптации слова. Взаимное обогащение словарных составов русского и украинского языков было обусловлено не только их генетическим сходством и географическим положением, но и специфическими социально-историческими и культурными факторами – усилившимся на рубеже XIX в. интересом русского общества к Малороссии, к ее быту, истории и культуре. В русской художественной литературе того времени стали появляться произведения

на украинские темы, однако на новый уровень восприятия Малороссии в целом и украинского языка в частности российское общество вывел Н. В. Гоголь, отобразивший в своих произведениях не только поэтическое своеобразие быта, уклада жизни, искрометного юмора украинского народа, но и специфические черты украинской лексики, которую он активно использовал.

Ключевые слова
Лексические заимствования, *украинизмы*, *русский язык*, *взаимодействие русского и украинского языков*, *украинизмы в произведениях Н. В. Гоголя.*

История вопроса

С точки зрения этимологии лексические заимствования в русском языке можно разделить на две большие группы: те, которые пришли из близкородственных языков, и те, которые пришли из неблизкородственных языков. Среди близкородственных заимствований особую группу составляют украинизмы. В современной лингвистике существует немало работ, посвященных исследованию украинизмов в русском языке. Среди них работы, в которых украинизмы изучаются с позиций диалектологии: это статьи И. М. Невской[1] (2007), О. В. Смирновой[2] (2016) и др.; с точки зрения их использования в языке СМИ: статьи А. В. Савченко[3] (2019), Т. И. Колесника[4] (2023) и др.

Существует также значительное количество исследований, в которых изучаются особенности использования украинизмов в художественном тексте: работы Д. И. Мирошника[5] (1954),

1 *Невская И. М.* Словообразовательные украинизмы в донском диалекте (имена прилагательные) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 6 (142). С. 111–115.

2 *Смирнова О. В.* Фитонимы-украинизмы в воронежских говорах // Педагогическое регионоведение. 2016. № 4 (12). С. 48–49.

3 *Савченко А. В.* Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект // Коммуникативные исследования. 2019. № 4. С. 1105–1124.

4 *Колесник Н. Г.* Новейшие украинские заимствования в современном русском языке // Социолингвистика. 2021. № 4 (8). С. 47–59.

5 *Мирошник Д. И.* Русско-украинские культурно-исторические и языковые связи // Русский язык в школе. 1954. № 2. С. 7–17.

А. Т. Лавриненко[6] (2009), Е. В. Черкашиной[7] (2012), Т. А. Дьяковой[8] (2021) и мн. др.

Рассмотрим определения понятия «украинизм», представленные в словарных статьях. В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова и «Словаре русского языка» (или так называемом «Малом академическом словаре») украинизмы единообразно определяются как слова или обороты речи, «заимствованные из украинского языка»[9]. Аналогичное определение содержится и в «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре»[10].

По мнению авторов «Словаря современного русского литературного языка» (или так называемого «Большого академического словаря»), украинизмами называют не только слова или обороты речи, заимствованные из украинского языка, но и слова или обороты речи, образованные по образцу украинского языка[11].

Данную точку зрения разделяют С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова, которые в «Толковом словаре русского языка» пишут следующее: украинизмы — это слова или обороты речи «в каком-нибудь языке, заимствованные из украинского языка или созданные по образцу украинского слова или выражения»[12].

В отличие от других авторов, в чьих определениях понятия «украинизм» внимание сосредоточено на типовых различиях, В. М. Панькин и А. В. Филиппов в «Языковых контактах: кратком словаре» при толковании украинизмов обращаются к примерам: *борщ*,

---

6 *Лавриненко А. Т.* О некоторых украинизмах в произведениях Н. В. Гоголя и их польских соответствиях (сопоставительно-исторический аспект) // Мова. 2009. № 14. С. 115–120.

7 *Черкашина Е. В.* Языковые средства создания образа Украины в ранних произведениях Н. В. Гоголя: на материале цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки»: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2012.

8 *Дьякова Т. А.* Украинизмы как проявление интертекстуальности в произведениях Михаила Матусовского // Восточнославянская филология. Языкознание. 2021. № 12 (38). С. 57–70.

9 Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 1381; Словарь русского языка: в 4 т. М., 1988. Т. 4. С. 482.

10 Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. М.; СПб., 2002. Т. 3. С. 464.

11 Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1964. Т. 16. С. 485.

12 *Ожегов С. И.*, *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. С. 830.

бублик, *гопак*, *зозуля*, *горилка*, *кат* и др., рассматривая их функциональное значение. Авторы отмечают немногочисленность украинизмов в русском языке, упоминая, что их главная функция заключается в том, чтобы создать украинский колорит повествования. В. М. Панькин и А. В. Филиппов определяют украинизмы как «заимствования из украинского языка в другие языки»[13].

Таким образом, во всех вышеперечисленных толкованиях понятия «украинизм» подчеркивается один очень важный признак: заимствование из украинского языка.

О границах понятия «украинизмы» в русском языке

Как в русском языке, так и в украинском языке существует много слов иноязычного происхождения. Тогда возникает вопрос: те слова или выражения, которые не восходят к украинскому языку, но посредством украинской языковой среды были заимствованы другим языком, также можно рассматривать как украинизмы?

Данный вопрос обсуждается в кандидатской диссертации Е. В. Черкашиной, которая не согласна с тем, что в ряде случаев исследователи относят к украинизмам такие слова, как *шинок*, *жупан* и *пан*. На ее взгляд, эти слова не имеют «собственно украинского происхождения, *шинок* — польское, *жупан*, *пан* — общеславянское»; следовательно, делает вывод автор, их украинизмами считать нельзя[14].

А. Т. Лавриненко придерживается противоположной точки зрения, отмечая, что если слова были адаптированы украинском языком, то они могут рассматриваться как украинизмы несмотря на их исходное происхождение, т. е. независимо от того, были они заимствованы из других языков или нет. Исследователь полагает, что польский язык как непосредственно, так и опосредованно сыграл большую роль в процессах формирования лексики украинского языка. В связи с территориальной близостью двух этносов и общественно-политическими условиями, сложившимися на Юго-Западе Руси в XIV в. и последующих веках, взаимодействие между польским и украинским языками происходило естественно. Так, слово *рушник*, по мнению А. Т. Лавриненко, имеет исходно польское происхождение. Немало слов иноязычного происхождения проникло в лексическую систему украинского языка через польский язык: например, *бандура* заимствовано украинским

13 *Панькин В. М.*, *Филиппов А. В.* Языковые контакты: краткий словарь. М., 2011. С. 112.

14 *Черкашина Е. В.* Языковые средства создания… С. 45–47.

языком из польского языка (*bandura*), в свою очередь в польский язык оно пришло из итальянского (*pandora*), а итальянское слово восходит к латинскому (*pandura*) и, наконец, к греческому (*pandoura*)[15]. Приведенные данные подтверждаются этимологическими словарями М. Фасмера, Г. А. Крылова, А. В. Семенова, Н. М. Шанского.

Таким образом, в настоящее время в лингвистике существуют два представления о границах понятия «украинизмы». Одни исследователи, например Е. В. Черкашина, рассматривают украинизмы в узком смысле. По их мнению, только слова или выражения, имеющие собственно украинское происхождение, можно считать украинизмами. Другие, например А. Т. Лавриненко, рассматривают украинизмы в широком смысле, считая, что украинизмы — это слова или выражения, заимствованные из украинского языка вне зависимости от их происхождения.

При исследовании иноязычных слов Н. Е. Ананьева обращает внимание на этимологию. Изучая полонизмы в произведениях русской литературы XIX в., она отмечает трудность в определении происхождения того или иного слова, заимствованного русским языком из польского или украинского. Учитывая, что в украинский язык вошла масса польских слов, при полном совпадении форм Н. Е. Ананьева определяет эти слова как полонизмы. Однако в случае, если общее слово для украинского и польского языков представляет собой генетически украинизм, автор снабжает это слово пометой «укр.-польск.»: например, «укр.-польск. *чуприна*». Если польские слова в украинском языке меняли свои формы, то их автор не рассматривает как полонизмы. Например, укр. *зызем* ‘искоса’ было заимствовано из польского *zezem*, и его относят к украинизмам[16].

К тому же выводу приходит и А. Т. Лавриненко. В ходе исследования она обнаруживает, что не все пришедшие в украинский язык полонизмы были полностью языком адаптированы, как, например, *bandura* (польск.) — *бандура* (укр.). В ряде случаев в ходе заимствования они подвергались изменениям. В качестве примера А. Т. Лавриненко приводит польские слова: *ręcznik*, которое было освоено украинским языком с фонетическим изменением (передачей польского носового в виде *у* — *рушник*); *parobek*, которое было освоено

15 *Лавриненко А. Т.* О некоторых украинизмах… С. 116–117.

16 *Ананьева Н. Е.* О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В. Г. Короленко) // Славянский вестник. 2004. Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова. С. 15.

с фонетико-словообразовательным изменением: заменой польского суффикса *-ek-* на *-ок-* — *парубок*; *paw*, которое было освоено с морфологическим изменением: заменой грамматического рода этого слова с мужского на женский: *пава*, и мн. др. Ввиду того, что все эти полонизмы были адаптированы украинским языком, полностью или с какими-то изменениями, А. Т. Лавриненко полагает, что они могут восприниматься как собственно украинская лексика[17].

Критерии выделения и описания украинской лексики

С нашей точки зрения, целесообразно рассматривать вошедшие в русский язык украинизмы с точки зрения логики, поэтому мы вслед за Н. Е. Ананьевой воспринимаем слова, которые по звуковой форме полностью совпадают со словами другого языка, как украинизмы. В случае, если в этимологических словарях М. Фасмера, Г. А. Крылова, А. В. Семенова, Н. М. Шанского и др. указаны генетические источники данной формы, следует ставить перед ними специальные пометы. Например, *польск.-укр.* перед словом *бандура*, а не *греч.-укр.*, так как по пути вхождения греческого слова в украинский язык форма данного слова менялась. Аналогично, несмотря на генетически польское происхождение слова *рушник* от *ręcznik*, форма этого слова менялась, поэтому не имеет смысла рассматривать его как полонизм и давать ему специальную помету, следует относить его к украинизмам.

Однако не все слова иноязычного происхождения имеют единообразный и четкий путь заимствования, такой, как в слове *бандура*. В ряде случаев словари по-разному определяют происхождение слова, ср. случай с лексемой *кобза*: в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова оно описывается как «старинный украинский музыкальный инструмент вроде гитары», при этом в словаре указывается его тюркское происхождение — *кобза* было заимствовано из тюркского *kopuz*[18]. Единого ответа на вопрос о происхождении данного слова в словарях нет. В этимологическом словаре А. Н. Чудинова *кобза* рассматривается как заимствование из турецкого *kopouz*[19]. В «Толковым словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина говорится о том, что *кобза*

17 *Лавриненко А. Т.* О некоторых украинизмах… С. 119.

18 Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 1387.

19 Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 396.

заимствовано из турецкого *kopuz* или татарского *kobuz*, *kobyz*. Однако в словарной статье содержится следующая информация: *кобза* — «старинный украинский щипковый музыкальный инструмент»[20]. В этимологическом словаре М. Фасмера *кобза* описывается как украинское или белорусское слово, которое было заимствованно из тюркского языка («ср. тур. *kopuz*»)[21]. В этимологических словарях Ф. Ф. Павленкова и М. Попова информации о происхождении данного слова нет, но в толкованиях отмечается, что это малороссийский музыкальный струнный инструмент[22].

По данным словарей под *кобзой* понимается украинский музыкальный инструмент, т. е. данное слово в украинском языке имеет свой особый денотат, следовательно, оно было освоено украинским языком и зафиксировано в украинских словарях. Мы будем рассматривать такие слова как украинизмы.

Обобщив встречающиеся в научной литературе критерии выделения украинизмов, мы пришли к выводу, что при определении украинизмов стоит руководствоваться следующими положениями:

1) если украинский язык исходно является источником того или иного слова или выражения, которое было заимствованно русским языком, то мы будем считать такие слова или выражения украинизмами;

2) если украинский язык является языком-посредником того или иного слова или выражения, которое пришло в русский язык, подходы будут разные. Если в этимологических словарях пути вхождения данного слова или выражения в русский язык из украинского языка единообразны, все будет зависеть от его формы:

a) при полном совпадении данного украинского слова или выражения со словами или выражениями другого языка по звуковой форме мы будем рассматривать его как украинизм и поставим перед ним соответствующую помету;

b) если форма данного украинского слова изменилась по сравнению с другими языками, мы будем рассматривать его как украинизм, но не будем ставить перед ним специальную помету;

---

20 *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М., 2007. С. 365.

21 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986. Т. 2. С. 268.

22 *Павленков Ф. Ф.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1900. С. 64; *Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1904. С. 53.

с) если в этимологических словарях нет единого подхода в вопросе происхождения вошедшего в русский язык слова или выражения, но данное слово освоено украинском языком и зафиксировано в украинских словарях, мы будем считать его украинизмом.

Таким образом, под украинизмами следует понимать слова, обороты речи или выражения в украинском языке (независимо от их происхождения), которые были заимствованы другим языком (в данном случае — русским) или созданы по типу украинского языка.

Русско-украинская лексическая конвергенция как основа взаимного обогащения

Проникновение украинизмов в русский язык, как и русизмов в украинский язык, во многом связано с длительными историко-культурными связями между Россией и Украиной. Генетическое родство многих слов и территориальная близость создавали благоприятные условия для обогащения одного языка за счет другого. Многовековые экономические и культурные связи, которые существовали между Украиной и Россией, также способствовали этому процессу. В разное время из украинского в русский язык перешли слова *борщ*, *хлебороб*, *нехай* и др.[23]

Социально-исторические и культурные причины влияния друг на друга этих двух родственных языков очень сложны и многоплановы.

Не погружаясь в глубокую древность, отметим, что в середине XVII в. произошло очень важное историческое событие — присоединение Малороссии к России в 1654 г. В результате этого Малороссия, первоначально в виде протектората, присоединилась к России, что стало способствовать более тесному культурному и языковому обмену между этими народами[24]. Украинская лексика в первом десятилетии XVIII в. оставалась довольно заметной, но в дальнейшие годы она была ограничена «групповым употреблением — речью выходцев из украинской среды»[25].

---

23 *Ахведиани М.* О славянских заимствованиях в русском языке // Sciences of Europe. 2020. № 60 (3). С. 11.

24 *Судавичене Л. В.*, *Сердобинцев Н. Я.*, *Кадькалов Ю. Г.* История русского литературного языка. Л., 1990. С. 115–116; *Блищенко В. И.* Присоединение Украины к России: мифы и реальность // Обозреватель – Observer. 2014. № 2 (289). С. 106.

25 *Черкасова Е. Т.*, *Смолина К. П.*, *Копорская Е. С.* История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М., 1981. С. 61.

В связи с тем, что к моменту присоединения Малороссии к России «процесс формирования нового литературного стандарта украинского языка только начался», русский язык стал постепенно вытеснять украинский язык, становясь все более востребованным средством не только бытового общения, но и основным языком науки, литературы, официальной сферы деятельности, т. е. русский язык начал выполнять функцию официального языка на части территории Украины[26]. «Влияние живого русского языка распространялось обычно в городах и промышленных центрах, а литературного русского языка – преимущественно среди государственных служащих, интеллигенции и высших слоев украинского общества, незначительно охватывая основную тогда массу украинского народа – крестьянство»[27]. Иными словами, в городах русский язык стал преобладать практически во всех областях общественной жизни, но в сельской местности население по-прежнему предпочитало использовать украинский язык.

Ряд украинских лингвистов подчеркивает важность русского языка в развитии украинского языка и культуры. Согласно М. П. Брус, влиянию русского языка начал подвергаться украинский язык «со времени ослабления и распада Киевской Руси и с перемещением центра православной веры на русские земли»[28]. О. О. Тараненко добавляет, что если в XVII–XVIII вв. отношения между русским и украинским языками носили характер взаимовлияния, то после присоединения Украины к России влияние русского языка на украинский было в основном однонаправленным[29]. В качестве примера заимствования из русского в украинский язык можно проводить следующие слова: *посланник* (рус. *посланник*), *піхота* (рус. *пехота*), *духовка* (рус. *духовка*), *питейний* (рус. *питейный*), *защищать* (рус. *защищать*), *розрішеніє* (рус. *разрешение*), *приказаніє* (рус. *приказание*), *завод* (рус. *завод*), *указ* (рус. *указ*)[30].

---

26 *Курохтина Т. Н.* Русско-украинское двуязычие в теории языковых контактов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2014. Т. 9. С. 280.

27 *Тараненко О. О.* Українсько-російські мовні контакти // Українська мова: енциклопедія / редкол.: Русанівський В. М., Тараненко О. О. та ін. Київ, 2004. С. 745.

28 *Брус М. П.* Феминитивы-русизмы в истории украинского языка // Science and Education a New Dimension. Philology. 2018. VI (49). Issue 166. P. 12.

29 *Тараненко О. О.* Українсько-російські… С. 744.

30 Там же; *Булаховский К. А.* Проявления интерференционного влияния русского языка в украинизированном программном обеспечении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). С. 48;

Первая треть XIX в. в становлении русского литературного языка стала «временем активного формирования принципов единой нормы литературного словоупотребления»[31]. В силу этого русский литературный язык существенно обогатился, главным образом новообразованиями, иноязычными словами, разговорными и простыми словами, в значительно меньшей степени – территориальными диалектами, профессиональными и социальными жаргонизмами[32]. Например, в русский литературный язык с первых десятилетий XIX в. входит диалектное по происхождению слово *хилый* ‘вялый, слабый’ и «становится обычным для обозначения физического состояния человека»[33]. Проникновение этих слов в литературный язык было связано, с одной стороны, с вхождением наименований новых предметов или явлений, с другой стороны — с движением «демократизации национального литературного языка» в случае, если эти слова являются эквивалентами уже существующим названиям в русском языке, что делало литературное повествование более живым. В результате этого процесса многие наименования, которые раньше определялись как просторечные и находились «на окололитературной периферии или за пределами литературного употребления», перешли в литературный язык[34].

Основным каналом перемещения вышеперечисленных типов лексики в русский литературный язык становится художественная литература.

Украинский язык, как писал В. В. Виноградов, «с точки зрения великодержавных позиций высшего общества, великодержавного самосознания» XIX в., был «лишь провинциальным ответвлением русской “природы”». Он воспринимался как язык местного обихода. «И только в этой функции он и мог попасть в русскую литературу

Остапчук О. А. Фактор полилингвизма в истории украинского литературного языка // Славянский вестник. 2004. Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова. С. 263.

31 *Ходакова Е. П.*, *Грановская Л. М.*, *Филиппова В. М.* и др. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. М., 1981. С. 14.

32 Там же. С. 20–22.

33 Там же. С. 79. Подробно об проникновении диалектных слов в русский литературный язык см.: *Виноградов В. В.* О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // История русского литературного языка: Избранные труды. М., 1978. С. 206–215.

34 *Ходакова Е. П.*, *Грановская Л. М.*, *Филиппова В. М.* и др. Лексика… С. 20–22.

XIX в. как выражение и отражение народных украинских типов»[35]. С этих позиций и стоит рассмотреть диалектные слова с провинциально-украинским отпечатком. Например, слово *хата*, которое в академических «Правилах для нового издания “Словаря русского языка”» (1853) маркируется как слово, вошедшее «недавно в литературный язык, а прежде считавшихся “простонародным”»[36], обозначает «крестьянский дом (бревенчатый или мазанка) в украинской и южнорусской деревне»[37].

В отличие от обильного вхождения в русский язык слов французского, немецкого, английского происхождения и широкого их употребления во всех сферах жизни, украинская лексика в то время преимущественно использовалась в произведениях полуэтнографической беллетристики[38]. «Если тирады или партии на французском языке, на английском или итальянском свидетельствовали об учености светской, то введение в беллетристику отдельных фраз из языков, на знание которых русским читателем нельзя было рассчитывать, являлось типичной установкой на необычное, удивляющее, на приковывающий к себе колорит чужого»[39]. Украинизмы чаще всего появляются в повестях с украинской тематикой, особенно активно их использовал в своих произведениях Н. В. Гоголь. Например, в его раннем произведении «Вечера на хуторе близ Диканьки» нами были найдены следующие украинизмы: *бандурист*, *галушки*, *гетман*, *гопак*, *кацап*, *кунтуш*, *москаль*, *пан*, *панночка*, *панство*, *свитка*, *сердюк*, *хата*, *хлопец*, *чумак*, *шинка* и мн. др.

Обращение писателя к украинской теме связано не только с тем, что детство и юность Н. В. Гоголя прошли на Украине, где он получил первые впечатления от жизни, где зародилась его любовь к украинскому фольклору и театру. На рубеже XVIII–XIX вв. в России и в Петербурге,

---

35 *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 380.

36 *Виноградов В. В.* О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // История русского литературного языка: Избранные труды. М., 1978. С. 211.

37 Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4. С. 1136.

38 *Ходакова Е. П.*, *Грановская Л. М.*, *Филиппова В. М.* и др. Лексика… С. 225.

39 *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957. С. 225.

куда переехал Гоголь, интерес русского общества усилился ко всему в Малороссии, к ее «самобытной культуре, героической истории, ее быту, ее поэтическим народным преданиям и легендам»[40].

Данное явление описывается литературным критиком Н. И. Надеждиным: «Кто не знает, по крайней мере понаслышке, что наша Украина имеет в своей физиономии много любопытного, интересного, поэтического? Какое-то тайное согласие признает ее славянской Авзонией и предчувствует в ней обильную жатву для вдохновения. Наши поэты улетают в нее мечтать и чувствовать; наши рассказчики питаются крохами ее преданий и вымыслов», для них Малороссия «естественно должна была сделаться заветным ковчегом, в коем сохраняются живейшие черты славянской физиономии и лучшие воспоминания славянской жизни»[41].

Все малороссийские материалы казались своими, родными и похожими, но в то же время чужими, оригинальными, экзотическими, возникал «тот эффект преломления, который проливает на все знакомое необычный и новый свет…»[42]. В связи с этими в России появился ряд малороссийских публикаций: «Путешествие в Малороссии» (П. И. Шаликов, 1803), «Другое путешествие в Малороссии» (П. И. Шаликов, 1804), «Путешествие в полуденную Россию» (В. В. Измайлов, 1804), «Сирота в Малороссии» (В. В. Измайлов, 1814), «Письма из Малороссии, писанные Алексеев Левшиным» (А. И. Левшин, 1816) и др.

В 20–30-х гг. XIX в. интерес писателей к украинской теме значительно вырос, в русских издательствах было опубликовано большое количество украинских повестей и рассказов, например, произведения В. Т. Нарежного, О. М. Сомова, Г. Ф. Квитки-Основьяненко и др.[43] Как в 1829 г. написал сам Н. В. Гоголь в письме к своей матери: «Здесь так занимает всех все малороссийское…»[44]

В XIX в. бурное развитие общественной жизни обусловило интенсивное развитие русской и украинской литературы и способствовало взаимопроникновению двух языков. По свидетельству

---

40 *Машинский С. И.* Художественный мир Гоголя. М., 1971. С. 67.

41 *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 280–281.

42 *Манн Ю. В.* Диалектика художественного образа. М., 1987. С. 27.

43 *Машинский С. И.* Художественный мир… С. 69; *Степанов Н. Л.* Н. В. Гоголь: Творческий путь. М., 1959. С. 50.

44 *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. М., 1940. Т. 10: Письма. 1820–1835. С. 141.

Д. И. Мирошника, украинский язык в то время обогатился русской политической, административной, научной и терминологической лексикой, в русский язык из украинского языка пришла в основном бытовая лексика. В качестве примера проникновения русизмов в украинскую литературу ученый приводит следующие, встречающиеся в «Энеиде» И. П. Котляревского, слова: *начальник*, *стряпчий*, *чин* и др. В качестве примера проникновения украинизмов в русскую литературу Д. И. Мирошник приводит слова, которые встречаются в творчестве Н. В. Гоголя: *бандура*, *киндяк*, *вечерять* и др.[45]

Выводы

Взаимообогащение русской и украинской лексики имеет многовековую историю. Это было обусловлено не только генетическим сходством двух языков и территориальной близостью России и Украины, но и социально-историческими и культурными предпосылками развития двух стран. С конца XVIII – начала XIX в. в русском обществе усиливался интерес ко всему малороссийскому, к его своеобразной культуре, истории, быту, поэтическому народному фольклору и легендам, к тому же, чтобы представить национальный русский литературный язык, писатели того времени стали вводить в свои художественные произведения ту лексику, которая со времени присоединения Малороссии к России в середине XVII в. стала входить в разговорный язык жителей юга России. Если в Петровскую эпоху в России украинская лексика не имела широкого распространения, оставаясь преимущественно частью разговорной речи выходцев с Украины или разного рода этнографических описаний в беллетристике, то начиная с XIX в., после того как интерес к украинской тематике значительно вырос, она стала частью русской художественной литературы. Особую роль в процессе вхождения украинской лексики в русский язык сыграли ранние произведения Н. В. Гоголя.

Источники и литература

Ананьева Н. Е. О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В. Г. Короленко) // Славянский вестник. 2004. Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова. С. 13–26.

45 *Мирошник Д. И.* Русско-украинские культурные-исторические… С. 15.

Ахвледиани М. О славянских заимствованиях в русском языке // Sciences of Europe. 2020. № 60 (3). С. 9–12.

Блищенко В. И. Присоединение Украины к России: мифы и реальность // Обозреватель – Observer. 2014. № 2 (289). С. 99–106.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Брус М. П. Феминитивы-русизмы в истории украинского языка // Science and Education a New Dimension. Philology. 2018. VI (49). Issue 166. P. 11–15.

Булаховский К. А. Проявления интерференционного влияния русского языка в украинизированном программном обеспечении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). С. 48–51.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев: Издательство Киевского гос. ун-та, 1957. 491 с.

Виноградов В. В. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // История русского литературного языка: Избранные труды. М.: Наука, 1978. С. 206–215.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии наук СССР, 1940. Т. 10: Письма. 1820–1835. 537 с.

Дьякова Т. А. Украинизмы как проявление интертекстуальности в произведениях Михаила Матусовского // Восточнославянская филология. Языкознание. 2021. № 12 (38). С. 57–70.

Колесник Н. Г. Новейшие украинские заимствования в современном русском языке // Социолингвистика. 2021. № 4 (8). С. 47–59.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2007. 939 с.

Курохтина Т. Н. Русско-украинское двуязычие в теории языковых контактов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2014. Т. 9. С. 274–284.

Лавриненко А. Т. О некоторых украинизмах в произведениях Н. В. Гоголя и их польских соответствиях (сопоставительно-исторический аспект) // Мова. 2009. № 14. С. 115–120.

Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. М.: Современный писатель, 1987. 317 с.

Машинский С. И. Художественный мир Гоголя. М.: Просвещение, 1971. 512 с.

Мирошник Д. И. Русско-украинские культурно-исторические и языковые связи // Русский язык в школе. 1954. № 2. С. 7–17.

Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972. 575 с.

Невская И. М. Словообразовательные украинизмы в донском диалекте (имена прилагательные) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 6 (142). С. 111–115.

Ожегов С. И., *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.

Остапчук О. А. Фактор полилингвизма в истории украинского литературного языка // Славянский вестник. 2004. Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова. С. 257–268.

Павленков Ф. Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Павленков, 1900. 714 с.

Панькин В. М., *Филиппов А. В.* Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. 156 с.

Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1904. 458 с.

Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. М.; СПб.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2002. Т. 3. 702 с.

Савченко А. В. Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект // Коммуникативные исследования. 2019. № 4. С. 1105–1124.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: В. И. Губинский, 1894. 989 с.

Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1988. Т. 4. 795 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука. 1964. Т. 16. 1610 с.

Смирнова О. В. Фитонимы-украинизмы в воронежских говорах // Педагогическое регионоведение. 2016. № 4 (12). С. 48–49.

Степанов Н. Л. Н. В. Гоголь: Творческий путь. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 607 с.

Судавичене Л. В., *Сердобинцев Н. Я.*, *Кадькалов Ю. Г.* История русского литературного языка. Л.: Просвещение, 1990. 318 с.

Тараненко О. О. Українсько-російські мовні контакти // Українська мова: енциклопедія / редкол.: Русанівський В. М., Тараненко О. О. та ін. Київ: Українська енциклопедія, 2004. С. 744–746.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственный научный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 2: (Е–Муж). 1986. 671 с.

Ходакова Е. П., *Грановская Л. М.*, *Филиппова В. М.* и др. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. М.: Наука, 1981. 359 с.

Черкасова Е. Т., *Смолина К. П.*, *Копорская Е. С.* История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М.: Наука, 1981. 374 с.

Черкашина Е. В. Языковые средства создания образа Украины в ранних произведениях Н. В. Гоголя: на материале цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки»: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2012. 195 с.

References

Akhvlediani, M. “O slavianskikh zaimstvovaniiakh v russkom iazyke.” *Sciences of Europe*, 2020, No 60 (3), pp. 9–12.

Anan'eva, N. E. “O pol'skom iazyke v proizvedeniiakh russkoi literatury XIX veka (na primere tvorchestva V. G. Korolenko).” *Slavianskii vestnik*, 2004, Issue 2: K 70-letiiu V. P. Gudkova, pp. 13–26.

Blishchenko, V. I. “Prisoedinenie Ukrainy k Rossii: mify i real'nost'.” *Obozrevatel' – Observer.* 2014. No 2 (289), pp. 99–106.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka, ed. by S. A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint, 1998, 1534 p.

Brus, M. P. “Feminitivy-rusizmy v istorii ukrainskogo iazyka.” *Science and Education a New Dimension. Philology*, 2018, VI (49), Issue 166, pp. 11–15.

Bulakhovskii, K. A. “Proiavleniia interferentsionnogo vliianiia russkogo iazyka v ukrainizirovannom programmnom obespechenii.” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, No 7 (25), pp. 48–51.

Bulakhovskii, L. A. *Russkii literaturnyi iazyk pervoi poloviny XIX veka. Leksika i obshchije zamechaniia o sloge.* Kiev: Izdatel'stvo Kievskogo gosudarstvennogo universiteta, 1957, 491 p.

Cherkashina, E. V. *Iazykovye sredstva sozdaniia obraza Ukrainy v rannikh proizvedeniiakh N. V. Gogolia: na materiale tsikla «Vechera na khutore bliz Dikan'ki»*: PhD Thesis. Belgorod, 2012, 195 p.

Cherkasova, Je. T., Smolina, K. P., Koporskaia, Je. S. *Istoriia leksiki russkogo literaturnogo iazyka kontsa XVII – nachala XIX veka*. Moscow: Nauka, 1981, 374 p.

D'iakova, T. A. “Ukrainizmy kak proiavlenije intertekstual'nosti v proizvedeniiakh Mikhaila Matusovskogo.” *Vostochnoslavianskaia filologiia. Iazykoznanie*, 2021, No 12 (38), pp. 57–70.

Gogol', N. V. *Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 10: Pis'ma. 1820–1835*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940, 537 p.

Khodakova, Je. P., Granovskaia, L. M., Filippova, V. M. et al. *Leksika russkogo literaturnogo iazyka XIX – nachala XX veka*. Moscow: Nauka, 1981, 359 p.

Kolesnik, N. G. “Noveishie ukrainskie zaimstvovaniia v sovremennom russkom iazyke.” *Sotsiolingvistika*, 2021, No 4 (8), pp. 47–59.

Krysin, L. P. *Tolkovyi slovar' inoiazychnykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetanii.* Moscow: Eksmo, 2007, 939 p.

Kurokhtina, T. N. “Russko-ukrainskoe dvuiazychie v teorii iazykovykh kontaktov.” *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2014, vol. 9, pp. 274–284.

Lavrinenko, A. T. “O nekotorykh ukrainizmakh v proizvedeniiakh N. V. Gogolia i ikh pol'skikh sootvetstviiakh (sopostavitel'no-istoricheskii aspekt).” *Mova*, 2009, No 14, pp. 115–120.

Mann, Iu. V. *Dialektika khudozhestvennogo obraza*. Moscow: Sovremennyi pisatel', 1987, 317 p.

Mashinskii, S. I. *Khudozhestvennyi mir Gogolia*. Moscow: Prosveshchenije, 1971, 512 p.

Miroshnik, D. I. “Russko-ukrainskie kul'turno-istoricheskie i iazykovye sviazi.” *Russkii iazyk v shkole*, 1954, No 2, pp. 7–17.

Nadezhdin, N. I. *Literaturnaia kritika. Estetika.* Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1972, 575 p.

Nevskaia, I. M. “Slovoobrazovatel'nye ukrainizmy v donskom dialekte (imena prilagatel'nyje).” *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennyje nauki*, 2007, No 6 (142), pp. 111–115.

Ostapchuk, O. A. “Faktor polilingvizma v istorii ukrainskogo literaturnogo iazyka.” *Slavianskii vestnik*, 2004, Vol. 2: k 70 letiiu V. P. Gudkova, pp. 257–268.

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii*. Moscow: Azbukovnik, 1999, 939 p.

Pan'kin, V. M., Filippov, A. V. *Iazykovye kontakty: kratkii slovar'*. Moscow: Flinta: Nauka, 2011, 156 p.

Rossiiskii gumanitarnyi entsiklopedicheskii slovar': in 3 vols. Moscow; St Petersburg: Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr VLADOS, 2002, vol. 3, 702 p.

Savchenko, A. V. “Leksiko-semanticheskie ukrainizmy v russkom iazyke: stilistiko-pragmaticheskii aspekt.” *Kommunikativnye issledovaniia*, 2019, No 4, pp. 1105–1124.

Slovar' russkogo iazyka: in 4 vols. Moscow: Russkii iazyk, 1988. Vol. 4, 795 p.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: in 17 vols. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. Vol. 16, 1610 p.

Smirnova, O. V. “Fitonimy-ukrainizmy v voronezhskikh govorakh.” *Pedagogicheskoe regionovedenie*. 2016. No 4 (12), pp. 48–49.

Stepanov, N. L. *N. V. Gogol': Tvorcheskii put'.* Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959, 607 p.

Sudavichene, L. V., Serdobintsev, N. Ia., Kad'kalov, Iu. G. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka*. Leningrad: Prosveshchenie, 1990, 318 p.

Taranenko, O. O. Ukraïns'ko-rosiis'kī movnī kontakti. *Ukraïns'ka mova: entsiklopedīia*, ed. by V. M. Rusanīvs'kii, O. O. Taranenko et al. Kiïv: Ukraïns'ka entsiklopedīia, 2004, pp. 744–746.

Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: in 4 vols., ed. by D. N. Ushakov. Moscow: Gosudarstvennyi nauchnyi institut «Sovetskaia entsiklopediia», 1935–1940.

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. Moscow: Progress, 1986. Vol. 2. 671 p.

Vinogradov, V. V. "O sviaziakh istorii russkogo literaturnogo iazyka s istoricheskoi dialektologiei." Vinogradov, V. V. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: Izbrannyje trudy*. Moscow: Nauka, 1978, 320 p.

Vinogradov, V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vekov*. Moscow: Vysshaia shkola, 1982, 529 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.11 ***Wang Jingshu***

Ukrainisms in Russian: Problems of Definition, Origins of Adoption in the 19th Century

Wang Jingshu
PhD Student
Saint Petersburg State University
199034, Universitetskaya Embankment 7–9, St Petersburg,
Russian Federation
E-mail: st059366@student.spbu.ru
ORCID: 0009-0008-7812-1175

Citation
Wang Jingshu. Ukrainisms in Russian: Problems of Definition, Origins of Adoption in the 19th Century // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 262–280 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.11

Received: 12.08.2024.
Revised: 08.12.2024.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
Despite the large number of works devoted to the study of Ukrainisms, there are still different approaches in linguistics to establishing the framework of this concept. Common to them is the affiliation of the considered lexemes to the Ukrainian language, recorded in codified

publications. At the same time, in the process of functioning, the Ukrainian language has not only absorbed, but also adapted foreign language vocabulary of various origins, so the question of what is included in the concept of "Ukrainism" is still relevant. The article describes the reasons for the entry of Ukrainisms into the Russian language, especially before the first half of the 19th century, and examines the criteria for their identification, taking into account the etymology and degree of adaptation. The Russian and Ukrainian languages' mutual enrichment of vocabulary was due not only to their genetic similarity and geographical location, but also to specific socio-historical and cultural factors – the increased interest of Russian society in Little Russia, its way of life, history and culture at the turn of the 19th century. Works on Ukrainian themes began to appear in Russian fiction of that time, however, N. V. Gogol brought Russian society to a new level of perception of Little Russia in general and the Ukrainian language in particular, reflecting in his works the poetic originality not only of everyday life, lifestyle, sparkling humor of the Ukrainian people, but also the specific features of the Ukrainian vocabulary, which he actively used.

Keywords
Lexical borrowings, *Ukrainisms*, *Russian language*, *interaction between Russian and Ukrainian languages*, *Ukrainianisms in the works by N. V. Gogol.*

УДК 811.161.1
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.12

Т. А. Макшакова

Тиха ли *тишинка*? Этнолингвистический комментарий к русскому диалектному *ти́шина* ‘детская болезнь’

Макшакова Татьяна Аркадьевна
Научный сотрудник
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, проспект Ленина, д. 51, Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: Tatiana.Makshakova@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-5354-195X

Цитирование
Макшакова Т. А. Тиха ли *тишинка?* Этнолингвистический комментарий к русскому диалектному *ти́шина* ‘детская болезнь’ // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 281–296. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.12

Статья поступила в редакцию 12.11.2024.
Рецензирование завершено 04.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
В настоящей статье представлена попытка этнолингвистического осмысления одной детской болезни – рус. диал. *ти́шина*. Устанавливается территория бытования диалектизма *ти́шина* (с вариантами *ути́шинка*, *ти́хий*, *ти́хонький* и др.), приводится закрепленный за лексемой круг значений. Семантический спектр слова неоднороден: *ти́шиной* называют различные тяжелые детские заболевания (нервные припадки (эпилепсию), паралич, грыжу, столбняк, малярию, рахит и пр.). Однако для народного сознания дифференциальные характеристики подобных недугов несущественны, из-за чего *ти́шина* часто воспринимается как любая опасная для жизни ребенка болезнь. Подробно разбираются практики народной медицины, вписывающие рассматриваемый недуг в ряд заболеваний неясной или магической этиологии. Лечение *ти́шины* заговорами и приговорами – широко распространенными в русской деревне средствами – известно современным информантам, сами же заговорные тексты воспроизводятся неполно. Акциональная часть обряда излечения может быть представлена следующими ритуальными

действиями: *утишением* / *утешением*, парением в бане, снятием мерки с больного, «зарубанием» болезни, лечением святой водой, травами, накрыванием ребенка скатертью. Конкретизация отдельного метода осуществляется благодаря народно-этимологическим сближениям: в качестве чудесного помощника выбирается св. Тихон, икона которого используется в освящении воды для обряда. Само слово *ти́шина*, думается, стоит квалифицировать как эвфемизм, возникший в результате практики табуирования названий тяжелых болезней.

Ключевые слова
Детская болезнь, *названия болезней*, *тишинка*, *эвфемизация*, *русская диалектная лексика*, *этнолингвистика.*

Введение

Топонимическая экспедиция Уральского университета во время полевых выездов на территорию Костромской области, в которых принимал участие автор этой статьи, неоднократно фиксировала диалектизм *ти́шина* (*ти́шинка*), называющий разнообразные детские болезни (чаще всего с плачем и судорожными припадками). Информанты не только воспроизводят само название болезни, но и живо представляют ее проявления.

Описываемый диалектизм встречается не только в говорах Костромской области, а известен (с вариантами *ути́шинка*, *ти́хий*, *ти́хонький* и др.) жителям Новгородской, Вологодской, Архангельской, Ленинградской, Новосибирской, Свердловской областей и диалектоносителям Пермского края (паспортизация материала будет приведена ниже); таким образом, слово отмечено преимущественно в севернорусском наречии и в говорах вторичного заселения (уральских). В составе слова явно выделяется корень *тих-* // *тиш-*, но мотивация непрозрачна: перед нами архаичный[1] знак символического языка народной культуры, аккумулирующий в себе народные верования,

1 О возможной архаичности слова (в кругу иной лексики народной медицины), говорится, к примеру, в (Ганцовская 1994: 80): «[…] в наиболее архаических восточных районах, каким является говор села Церковного на реке Понге в Кологривском районе, сохранились забытые и полузабытые в других местах названия детских болезней, а также их анамнез и способы лечения».

существующие на фоне магических практик. Задача этой статьи – охарактеризовать семантико-мотивационное своеобразие слова *тишина*, вписав его в широкий этнолингвистический контекст, связанный с народными верованиями и магическими практиками. В данной статье превалирует неопубликованный костромской материал, представленный в лексической картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета (далее – ЛКТЭ).

Семантика слова и народные представления о течении болезни

За диалектным наименованием *тишина* скрывается ряд недугов, однако в сознании носителей традиции это отдельная болезнь. *Тишинка* – тяжелое заболевание, отличающееся высокой детской смертностью, поэтому неслучайно, что для ее наименования используется эвфемизм. Мотив эвфемизации названий опасных заболеваний в ряде случаев двойственен. С одной стороны, в народной среде широко бытуют представления о вокативной функции имени болезни, поэтому стоит избегать настоящего названия недуга, прибегая к эвфемистическим новациям. С другой стороны, называние болезни «воздействующим» именем предполагает влияние на нее в ходе сакральной коммуникации: «Защитные обряды народного целительства имеют коммуникативную направленность. Человек идет на контакт с болезнью до того момента, как она начала действовать» (Усачева 2008: 268). Показателен записанный в Череповецком уезде Новгородской губернии языковой факт – *смире́нц*, *смире́нчик* ‘родимчики у грудных детей и ревматизм у взрослых’ (Герасимов 1910: 80). Это слово, очевидно, называет желаемый результат излечения («усмирение» болезни и больного): наименование, эвфемистически скрывающее тяжесть недуга, должно повлиять на болезнь, ускорить выздоровление больного.

Отметим также, что в некоторых случаях название *ти́шина* переосмысляется: из эвфемистического наименования тяжелой детской болезни, сопровождающейся громким плачем, *тишина* превращается в симптоматическую номинацию (номинируется симптом молчания ребенка): «У меня братик помирал от ти́шинки, умер. Он не плачет, ни звуку, ничего не делается, а его ломает. Болеют дети ти́шинкой, не спят, беспокоятся» (костр.) (ЛКТЭ).

Часто народная номенклатура болезней не соотносится ни с медицинской терминологией, ни с общенародными номинациями заболеваний, ср. замечание Г. И. Попова: «В основе местных названий

детских заболеваний почти всецело лежат суеверные представления о происхождении болезней и неопределенные, общие и ничего не выражающие признаки…» (Попов 1903: 176). Та же неопределенная референция характерна и для *тишины*. Прежде всего об этом свидетельствуют собственно языковые данные: на разных территориях (нередко и в рамках одного говора) *тишиной* называют разные заболевания. Обозначим основные из них:

– родимец, падучая («Родимец – это находит тишина на робенка, худобище; тихо замертвеёт, как замрет, а потом отходит» (перм.) (СПГ 2: 294), «Кто называет его [родимец] ти́хонький, одинаково и припадок – все одно» (новосиб.) (СРНГ 44: 145), «Его ти́хоньким трясет. Сидит, сидит, да бацнет, где попало» (новг.) (СРНГ 44: 146), «По своему происхождению, с этими болезнями сходна другая детская болезнь – родимчик (eclampsia neonatorum), который в некоторых местах Новгородск. г., в противоположность криксе, зовут “тихонький”» (Попов 1903: 24–25), ср. также костр. *ти́шина-роди́мец* ‘детское заболевание’ (ЛКТЭ));

– паралич («Дети умирали от ти́шинки. Болезнь приходила внезапно, сначала и не заметить. Как паралич, вся спина чернела» (костр.) (ЛКТЭ));

– грыжа («Тишина – это грыза по-научному, и их двенадцать сортов. Они и нутряные, и верховые» (влг.) (СГРС Доп: 258));

– кожное заболевание («Это когда ребенок умирает, или человек умирает – и по тебе пойдет как ти́шинка, вот эти синие пятна. Вот это я видела» (костр.) (ЛКТЭ)). Интересно также твер. *тиши́на* ‘болезнь у свиней’ – «Тиши́на – это болезнь у свиней, вылечивают ее врачи, поросенок делается синий, пятнам» (Селигер 7: 209). Думается, происхождение тверской номинации стоит связывать с названием тяжелой инфекционной болезни поросят – *болезнью Тешена*. Больные животные страдают от паралича, судорог и редко выздоравливают, что сближает это заболевание с *тишиной* в народном сознании;

– столбняк (сев.-двин. *ти́шина* <1928> (СРНГ 44: 149));

– малярия (в дефиниции свердл. *ти́шинка* – «Дети у меня все переболели тишинкой» (СРНГ 44: 149));

– рахит и другие заболевания, связанные с поздним зарастанием родничка (в составных наименованиях *ти́шина-роди́мец*: «Тишина-родимец на голове. Это место на голове мягкое бывает. Тишина-родимец на него напала – он заревелся» (костр.) (ЛКТЭ)) – etc.

Примечательно, что у *тишинки* в народной номенклатуре выделяются разновидности: «Ревучая тишинка – плачет, плачет,

томучая – как неразвитой (до пяти месяцев), едучая[2] – все ротиком хватает» (костр.) (Ганцовская: 381); «Ти́шинок бывает 12 штук: паду́чая, еду́чая. При паду́чей сидячий все время, при еду́чей есть много» (костр.) (ЛКТЭ). Можно предположить, что эпитеты, дифференцирующие болезненные состояния, присоединяются к диалектизму *тишинка* по аналогии с названиями лихорадок – «двенадцати дочерей Иродовых»[3]. Показателен заговор, где у нескольких заболеваний, в том числе *тишины*, выделяется 12 вариантов: «[...] Сдуй, смахни с раба Божия (такого-то) 12 тишин, 12 камчужищев, 12 недужищев, 12 щиповых[4], костовых и ломовых, жильных и полужильных, ключи-замки в воду, огонь в гору во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Андроников 1909: 21, Костромская губ.); (Виноградов 1908: 79, Костромская губ.).

Избавиться от *тишины* можно с помощью заговора. Заметим, что в заговорном тексте происходит смешение *тишины* со схожими заболеваниями: [Грязов. у. Волог. губ.] «[...] утишите, усмирите у раба Божьева, младенца Федора, тишины, уроки, призоры и переполохи, и утишите, и усмирите у раба Божьева, Федора, уроки, призоры, тишины и переполохи. Подьте же вы, тишины, уроки, призоры, злыя корци и переполохи, всякия скорби, болезни, на темные леса, на зеленую дуброву» (Попов 1903: 225).

Симптоматика *тишинки* как детской болезни разнообразна, но выделяются некоторые наиболее устойчивые линии:

1) безутешный плач (ср. названия детской бессонницы и ночного крика: рус. *плаксы*, *плаксица*, *плакунюшки*, *плаксы-ревсы*, *ревунюшки*, *вопун*[5] и пр.): «Когда ти́шина, сразу видно, что ребенок нездоровый: ревет, сильно плачет» (костр.) (ЛКТЭ);

2) нарушения сна: «У маленьких детей ти́шинка, когда беспокоится, плохо спит» (костр.) (ЛКТЭ);

---

2 Ср. контекст, записанный сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского университета в г. Кологрив Костромской обл.: «Ти́шинка – это болезнь у детей такая, ребенок сытости не понимает. Только покормишь – он опять просит» (ЛКТЭ).

3 Ср. «…на встречу мне Тихон святой, кланяюсь я Тихону святому: “Возьми ты, батюшко, двенадцать прутов оловянных, железных и бей ты ими двенадцать Иродовых дочерей, чтоб они меня не трусили, костей моих не ломали – отныне и до века”» (Майков 1869: 52).

4 В материалах Н. Н. Виноградова (Виноградов 1908: 79) – *щировых*.

5 Приводится по (Агапкина 2010: 247–249).

3) судороги: «Тишина́, ребеночек заплачет, ручки переводит у его» (костр.) (ЛКТЭ); «И его (ребенка) я принесла домой, и он у меня ревет, и его вирохат, так вот ломает его, глазки навыкатку» (костр.) (Там же);

4) лихорадка: «Болезнь такая, когда температура, озноб. Ребеночек вздрагивает весь. По-старинному называли “ти́шина” и говорили, что плохой человек посмотрел, изуродовал» (костр.) (ЛКТЭ);

5) беспокоящие ребенка волоски на спине: «Ребенок плачет – у него тиши́нка: как пушок на спинке, это как щетинка. Бабки лечили, заговаривали» (костр.) (Там же).

Прокомментируем выделяемый многими информантами симптом болезни – мешающие ребенку волоски на спине. Как нам кажется, подобные описания *тишины* свидетельствуют о смешении двух детских болезней – *ти́шины* и *щети́нки*. По народным представлениям, *щетинка* появляется у ребенка вследствие нарушения запретов матерью, ср. «Свиней беременной нельзя пинать – щетина у ребенка будет» (костр.) (ЛКТЭ). Чтобы «вывести» щетинку, женщина (мать ребенка или знахарка) должна замесить тесто и в бане «выкатать» этим тестом жесткие, как свиная щетина, волоски. Подобное лечение *щетинки* отмечается и у прибалтийско-финских народов (Пашкова 2016), однако примечательно замеченное автором статьи расхождение: у русских, в отличие от карелов или финнов, устойчиво использование заговора во время совершения народно-медицинского обряда (Там же: 82). Очевидно, сближению *ти́шины* и *щети́нки* способствует фонетическая близость слов: в говорах Костромской области нередко нормативном [ш’ш’] соответствует [шш] (ср. «Шшети́нка – дак месят телепень и этим телепком шоркают по спинке» (костр.) (ЛКТЭ)), что делает возможным связь *ти́шинки* и *щети́нки* через отношения точной метатезы.

Представления об этиологии болезни

Народная этиология *тишинки* та же, что и у других тяжелых заболеваний, известных диалектоносителю. Так, основной причиной возникновения *тишинки* признается испуг: «В воду-то сбухала, вытащили багром – дак нашла на меня ти́шина, я испугалась. День лежала, два лежала. Мама: “Давай мы ее попарим”. Третий раз пропарила – весь испуг отошел. Меня дома нельзя было оставить. Или в коридоре под мост залезу» (костр.) (ЛКТЭ). Внезапность и беспричинность *тишинки* обусловливает восприятие болезни как негативного последствия сглаза: «Болезнь такая, когда температура, озноб. Ребеночек

вздрагивает весь. По-старинному называли “ти́шина” и говорили, что плохой человек посмотрел, изуродовал» (костр.) (ЛКТЭ). Отметим, что на тех территориях, где *тишинкой*, по убеждению информантов, болели не только младенцы, но и дети постарше, бытует представление об этой болезни как о наказании за нарушение запрета: «Вот мы уснем, а мама нас не будила, нельзя будить-то, первый спень ведь уснули. Если разбудишь человека, когда он крепко спит, тишинка может выйти, трясти человека будет» (перм.) (СРГЮП 3: 229).

Фиксируются и более «прагматичные» этиологические контексты, в которых, однако, отражается важное свойство традиционного сознания – отождествление причины болезни и ее симптомов: «Заревливаются ребята – то и ти́шина-то и находит. Нельзя давать рев и́ть ребятам» (костр.) (ЛКТЭ).

Способы лечения в народной традиции

Лечение *тишинки* зачастую носит ритуально-магический характер: «В больнице-то там совсем другое – там ищут болезнь какую-то, а в деревне-то тищина» (костр.) (ЛКТЭ). Наиболее частым «деревенским» способом врачевания является произнесение заговорного текста, где, как уже упоминалось, *тишина* входит в комплекс болезней неясной или магической этиологии: «Снимаю с Раба Божия рев, перепол о́х, испуг и ти́шину. Из семидесяти косточек, из семидесяти суставчиков…» (костр.) (ЛТКЭ); «Имя говоришь, с младенца уро́ки, перепол о́хи, взроги, материнские думы, полун о́шницу, полудённицу, ти́шину с роди́мца» (костр.) (ЛКТЭ). Избавление от *тишины* с помощью нацеленной именно на этот недуг вербальной формулы возможно с помощью приговора: «Тихонький, тихонький, не ломайся над ребенком, а ломайся над лестницей» (Дерунов 1889: 326).

Как замечает Т. А. Агапкина (2010: 257), в восточнославянских заговорных текстах от детской бессонницы и плача может быть представлена одна из 6 стратегий избавления от болезни: уничтожение недуга; изгнание, удаление недуга от ребенка; просьба к посреднику забрать недуг (и дать ребенку сон); предложение об обмене с мифологическим посредником / вредителем или природным явлением; навязывание болезни запретов и других поведенческих предписаний; навязывание ребенку правильного поведения / сна. Как кажется, наиболее распространенная стратегия в заговорных текстах от *ти́шины* (в том числе тех, где *ти́шина* упоминается в ряду болезней) – обращение к посреднику с просьбой забрать недуг: «Царица небесная, сойми с рабица Божьей (имярек) // Уроки, переполохи, тишину-родимец…»

(костр.) (ЛКТЭ); «<...> архангел Михаил, возьми ты свое пламенное копье и отразите у рабы Божией (имя рек) тишинки и родимца сновидящие, ревущие и отрыгающие ветры и пострелы, денные и ночные переполохи, и всякие скорби и болезни из семидесяти суставов…» (арх.) (Знатки 2012: 438–439); «Утренняя заря – Марья, // Вечерняя Дарья, // Полуденная – Маремьяна, // Снимите с раба (по имени) // Тищину-родимец, // Уроки-переполохи, // Во веки веков» (костр.) (ЛКТЭ). Обратим внимание, что законы народно-этимологической магии предписывают акциональное дублирование мотива. Так, обращаясь к заре, необходимо вынести больного *тишинкой* ребенка на зарю: «От тишины на зарю-то видно и носят, от рева» (костр.) (Там же), ср. наименования зари в заговоре, где отражается мотив крика, – *Заря Вопска* и *Заря Крикса* (Майков 1869: 33). Как отмечалось выше, в ряде контекстов прослеживается смешение представлений о детских болезнях – *тишины* и *щетинки*, во многом стимулируемое фонетическим сходством их названий. Так, некоторые приговоры от *тишины* должны произноситься в бане: «Каменка, полок, потолок, веник, // Снимите с младенца ти́шину-родимец, ношницу-полуношницу» (костр.) (ЛКТЭ).

Не менее «популярными» оказываются приговоры, служащие изгнанию недуга: «Ти́шинка и роди́мец, откуда пришли, туда идите» (костр.) (Там же), «Тишина, уроки, переполохи, уйдите с раба божьего» (костр.) (Там же). Отдельно отметим костромской заговорной текст: «Перепо́лох и ти́шина, с Лизаветы Анатольевны сходила бы. Не боялась бы Лизавета Анатольевна ни мужского крика, ни женского говора, ни коровьего рева, ни собачьего лая, ни петушиного крика. Чур. Аминь» (ЛКТЭ). Как кажется, приведенный лечебный текст отличается от других приговоров тем, что отражает безадресную, грамматически оформленную в сослагательном наклонении просьбу. Подобное «смягчение» отгонной речевой формулы и отсутствие прямого обращения к болезни или посреднику в заговорных текстах от *тишины* встречается редко. В данном случае изгнание *тишины* мыслится через отрицание. Примечательно, что отрицается не симптом (восточнославянские заговоры, объединенные мотивом запрещения мучить человека, часто описывают именно симптоматику болезни (Агапкина 2010: 114–115)), а каузатор недуга – испуг. Магическая (стимулирующая) функция отрицания очевидна в следующем тексте: «Бабушка-соломатанька Исуса Христа поивала в шелковое, пеленой пеленала, Исус Христос не боялся ни тишины, ни уроков, ни переполохов» (костр.) (ЛКТЭ).

Логика языковых сближений порождает такой способ лечения больного ребенка, как *утишение* // *утешение*. Есть контексты, где фигурирует глагол *утишить* ‘заставить замолчать’: «Пойду я в Божью церковь, на Божьей церкви стоит престол, на престоле сидят три Божьи Матери: Парасковья, Настасья и Варвара. Я им покорюся и помолюся: **утишите**, усмирите у раба Божьева, младенца Федора, **тишины**, уроки, призоры и переполохи, и **утишите**, и усмирите у раба Божьева Федора, уроки, призоры, **тишины** и переполохи. Подьте же вы, **тишины**, уроки, призоры, злыя корци и переполохи, всякия скорби, болезни, на темные леса, на зеленую дуброву» (Попов 1903: 225), ср. также варианты названия болезни костр. *ути́шинка*, *ути́шина-роди́мец* ‘детская болезнь’ (ЛКТЭ). В других контекстах появляется глагол *утешить* – здесь ‘успокоить’: «В ти́шине умер маленький, заревелся и все, никак не могли утешить. Качать надо, если не уте́шить, приходит смерть» (костр.) (ЛКТЭ). *Утешить* и *утишить* – омофоны, однако примечательно, что в приведенных контекстах актуализируется этимологическая связь глаголов: для *тешить* М. Фасмер (Фасмер: 54) предполагает связь с *тихий* посредством чередования гласных. Думается, появление *утешения* // *утишения* ребенка как самостоятельного способа излечения от *тишины* оказалось возможным благодаря важному принципу народного врачевания: лечить подобное подобным, ср., например, способы врачевания *утина* и *чемера* (Березович, Леонтьева 2021), грыжи, колики, волчьего лишая и пр. (Мороз 2003: 190–191).

Заговорные речевые формулы входят в магическое вербально-акциональное единство. Однако часто это единство распадается, оставляя в народной памяти только часть акциональную. Обозначим упоминаемые информантами магические действия, способствующие излечению ребенка от *тишины*:

– **парение**[6] («Бабушки лечили раньше. Плачет ребенок, по ночам не спит. Лечили бабушки, отговаривали тишину. Парят у шестка у печки» (костр.) (ЛКТЭ));

– **снятие мерки** («Тишину лечили, они [бабки] молитву читали, напрядут нитку изо льна и ниткой ребенка меряют» (костр.) (Там же); «Надо ребенка положить на живот, руки за спину, ноги за спину и говорить. Крест-накрест руки и ноги. Потом этак перекрестить.

6 Ср. утверждение В. А. Андроникова (1909: 5), описывавшего средства народной медицины в Костромской губернии: «Важнейшим средством для излечения от всех почти болезней считается тепло; больных отправляют в баню и парят там на овсяной соломе».

Хоть в бане можно, хоть дома ме́рить. Говорить так: “Ме́ряю раба́ Бо́жьего [имярек], снимаю с его все уроки, переполохи, тишины…”» (костр.) (Там же), ср. способ избавления от падучей, спровоцированной порчей: «Следует потихоньку измерить рост больного и отметить на стене избы, вколотивши небольшой клинчик: будто бы, припадки проходят, если больной “хоть на волос” перерастет эту заметку» (новг.) (Попов 1903: 221));

– «**зарубание»** болезни («Ти́шин роди́мец, молчит, синеет, на волосок от смерти. Надо взять распашонку, вырезать тряпочку, тряпочку заколотить в осиновый кол» (костр.) (ЛКТЭ); «Вот раньше советовали, когда ти́шина начинается, берут кол какой-то, надо оторвать кусочек нижнего белья у ребенка и забить в землю» (костр.) (Там же)).

Отметим, что это деструктивное действие направлено на субститут болезни, метонимически связанный с больным ребенком[7] (ср. «Другім сімвалічным намеснікам хворага выступае яго ніжняя кашуля, якая ў народных вераваннях у час параксізму засяроджвала ў сабе ўласна хваробу і таму мусіла быць знішчанай» (Валодзіна: 253)). Кажется, подобное зарубание – «последнее» средство, работающее даже после смерти больного: «Если ти́шиной убило – переворачивается человек в могиле. [– А почему переворачивается?] – Дак оживает. Оживает. Да неправда это все. У нас мальчика ти́шиной убило. Дак выкапывали – открывали гроб. Не хотели открывать, да мама заморявкала» (костр.) (ЛКТЭ);

– лечение **святой водой**: «Надо взять три уголька в поварешку, налить воды. Вода-то зашипит и над этим надо прочитать молитву. И ребенка-то сбрызнуть. А потом за дом унести туда – на восток – через левое плечо. И надо сказать: “ти́шинка и роди́мец, откуда пришли, туда идите”. И выплеснуть через левое плечо, чтоб младенцу было легче» (костр.) (ЛКТЭ); «Ходили на межу, границу двух полей, брали оттуда земли, приносили к бабке-знахарке. Та клала землю “на воду”, заговаривала. Водой умывали и мыли ребенка» (костр.) (Ганцовская: 381).

Примечательно, что присвоение воде магических свойств может происходить через ее соприкосновение с иконой св. Тихона, что, безусловно, становится возможным благодаря народно-этимологическому

7 Ср. «комплексный» ритуал, сочетающий несколько стратегий магического лечения болезни: «Нитку суровую пряли, накладывали на ребенка и снимали. Потом кидали нитку и топтали ногами. Потом эту нитку сжигали. Так рев-переполох, ти́шины-роди́мцы снимали» (костр.) (ЛКТЭ).

сближению названий болезни и имени святого[8]: «Лечение: обмывают икону св. Тихона и эту воду дают пить» (Герасимов 1898: 168). Ср. заговор от падучей: «…Тихон Преподобный, Антип Водопол, утиши, усмири черную болезнь у раба Божия (имярек), из его белаго тела, с его костей, суставов и моздей, тридевять жил, тридевять костей <…> Все святые, Тихон Преподобный и Антип Водопол, отгоните от раба (имярек) черную боль!» (новг.) (Майков 1869: 96);

– лечение **травами**: «Трясет ребенка – тишина, травой поят, пижмой, кажется» (костр.) (ЛКТЭ).

Интересно, что информанты часто указывают конкретное растение, которое можно использовать в медицинских целях, однако на разных территориях собираются разные травы. Например, в «Словаре вологодских говоров» *ти́ши́на*: 1. По суеверным представлениям – детская болезнь, возникающая вследствие испуга. 2. Трава, применяемая в качестве успокоительного и снотворного средства, душица обыкновенная (СВГ 11: 25). В «Ботанический словарь» Н. И. Анненкова попадает эшшольция (Eschscholzia tenuifolia), применение которой находят в той же Вологодской губернии: «От *тишин* варят в молоке, плотно закупоренном, и пьют» (Анненков 1878: 138). В Макарьевском районе Костромской области от *ти́шины* используют колокольчики (Campanula), для наименования которых на той же территории использовалась лексема *заря* (полное наименование – *заря́ лесна́я* (СРНГ 11: 15)), ср. представленные выше заговорные формулы, предполагающие обращение к заре: «Тишина у ребенка – колокольчики рвали. Заливали их горячей водой, настаивали, умывали ребеночка. Он успокоится, спит лучше. Молитовки были против тишины» (костр.) (ЛКТЭ). Можно также предположить, что выбор колокольчиков продиктован логикой противопоставлений: «тихую» болезнь лечат «громким» растением;

– накрывание ребенка **подвенечной скатертью**: «У меня был Валенька, и у Валеньки тишинка, а у мамы была подвенешная скатерть, и я этой скатертью его покрывала» (костр.) (ЛКТЭ).

* * *

Представления о *ти́шинке* бытуют в русской деревне и сегодня. Известная диалектоносителям Костромской, Новгородской,

8 Ср. «Тихон утиши, смирниха усмири, щекотун не щекоти. Давай рабу Божьему младенцу (имя) сон и спокой» (север.) (Листова 2001: 626–627); также ср. русско-белорусское поверье, что на *Тихона* (День св. Тихона) птицы *затихают* (Ясинская 2003: 6).

Вологодской, Архангельской, Ленинградской, Новосибирской, Свердловской областей и Пермского края лексема *ти́шинка* имеет размытую референцию, не соотносясь точно ни с одним недугом во внеязыковой действительности. Широта, «диффузность» семантики рассмотренной языковой единицы препятствует ее интерпретации. Как кажется, *тишину* стоит воспринимать как пожелательную номинацию: по народным представлениям, произнесение имени болезни может как помочь человеку, так и навредить ему, поэтому выбор наименования недуга должен быть функционален (так, «правильное» имя болезни облегчает ее течение, см. *смире́нчик* выше). Нередко «интегральность» традиционной культуры предполагает акциональное подкрепление вербального воздействия. Выполняемое врачевателем действие, с одной стороны, вписано в типический сценарий борьбы с тяжелой болезнью (парение больного и снятие мерки с него, «зарубание» болезни), с другой – индивидуализировано этимологической магией (больного *тишиной* «утишают» ‘успокаивают, делают «тихим»’, лечат травой *ти́ши́ной* и водой, освященной иконой св. Тихона). Полевые данные, собранные сотрудниками Топонимической экспедиции, позволяют предположить, что в практике лечения *тишины* постепенно утрачиваются заговоры – информанты «изгоняют» болезнь травами, парением и другими средствами традиционной медицины.

Слово с прозрачной внутренней формой (*тишина*, *тишинка*) оказывается темным в контексте выделения конкретного мотива номинации. Подобная «неопределенность» стимулирует народно-этимологические аттракции: *тишинка – тешить*, (*болезнь*) *Тешена*, *щетинка*, *Тихон*.

Источники и литература

Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Андроников В. А. Страничка из истории народно-бытовой медицины // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20–26.VI.1906 г. Владимир: [б. и.], 1909. С. 1–30.

Анненков Н. И. Ботанический словарь : Справ. кн. для ботаников, сел. хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сел. жителей. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1878. 646 с.

Березович Е. Л., *Леонтьева М. О.* Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: утин и чемер // Научный диалог. 2021. № 12. С. 50–70. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70.

Валодзіна Т. Цела чалавека. Слова, міф, рытуал. Мінск: Тэхналогія, 2009. 432 с.

Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 2. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения (Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко), 1909. 94 с.

Ганцовская Н. С. Народно-медицинская лексика в костромских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) – 1993. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1994. С. 77–81.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. СПб.: Наука, 2013. 650 с.

Герасимов М. К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 158–183.

Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1910. Т. 87, № 3. С. 1–111.

Дерунов С. Я. Из русской народной космогонии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: (Обычное право, обряды, верования и пр.). М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1889. Вып. 1. С. 324–334.

Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под ред. А. Б. Мороза. М.: Форум; Неолит, 2012. 592 с.

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 575–661.

ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб.: Типография Майкова, 1869. 164 с.

Мороз А. Б. Народная этимология и другие языковые средства воздействия на болезнь в славянских заговорах // Этимологические исследования. 2003. Вып. 8. С. 186–192.

Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 404 с.

СГРС Доп. – Словарь говоров Русского Севера. Дополнительные материалы: А–М / гл. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. 608 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 1999–2002. Вып. 1–2.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова [и др.]. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.

Ясинская М. В. «Варвара варит, Герман гремит…». Народно-этимологическая интерпретация имен святых // Живая старина. 2003. № 3. С. 5–7.

References

Agapkina, T. A. *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii. Siuzhetika i obraz mira*. Moscow: Indrik, 2010, 824 p.

Berezovich, E. L., Leont'eva, M. O. “Leksika, oboznachaiushchaia poiasnitsu i poiasnichnuiu bol' v russkikh govorakh: utin i chemer.” *Nauchnyi dialog*, 2021, No 12, pp. 50–70. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70.

Iasinskaia, M. V. “Varvara varit, German gremit… Narodno-etimologicheskaia interpretatsiia imen sviatykh.” *Zhivaia starina*, 2003, No 3, pp. 5–7.

Gantsovskaia, N. S. “Narodno-meditsinskaia leksika v Kostromskikh govorakh.” *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) – 1993*. St Petersburg: Izd. ILI RAN, 1994, pp. 77–81.

Gantsovskaia, N. S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ia: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi*. St Petersburg: Nauka, 2013, 650 p.

Listova, T. A. “Obriady i obychai, sviazannye s rozhdeniem i vospitaniem detei.” *Russkii Sever: etnicheskaia istoriia i narodnaia kul'tura XII–XX veka.* Moscow: Nauka, 2001, pp. 575–661.

Moroz, A. B. “Narodnaia etimologiia i drugije iazykovyje sredstva vozdeistviia na bolezn' v slavianskikh zagovorakh.” *Etimologicheskie issledovaniia*, 2003, vol. 8, pp. 186–192.

Slovar' govorov Russkogo Severa. Dopolnitel'nye materialy: A – M, ed. by M. E. Ruth. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2024, 608 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–22); F. P. Sorokoletov (vols. 23–42); S. A. Myznikov (vols. 43–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965–, vols. 1–.

Slovar' permskikh govorov, ed. by A. N. Borisova, K. N. Prokosheva. Perm': Knizhnyi mir, 1999–2002. Vols. 1–2.

Slovar' russkikh govorov Iuzhnogo Prikam'ia, ed. by I. A. Podiukov, S. M. Pozdeeva, E. N. Svalova [et al.]. Perm': Izd-vo PGGPU, 2010–2012. Vols. 1–3.

Usach'ova, V. V. *Magiia slova i deistviia v narodnoi kul'ture slavian*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2008, 368 p.

Valodzina, T. *Tsela chalaveka. Slova, mif, rytual.* Minsk: Tekhnalogiia, 2009, 432 p.

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva*. Moscow: Progress, 1987, vol. 4.

Znatki, veduny i chernoknizhniki: koldovstvo i bytovaia magiia na Russkom Severe, ed. by A. B. Moroz. Moscow: Forum; Neolit, 2012, 592 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.12

T. A. Makshakova

Is the Tishinka Quiet? An Ethnolinguistic Commentary on the Russian Dialect Word *Tishina* ‘Childhood Illness’

Tatiana A. Makshakova
Junior Researcher
Ural Federal University
620000, Prospect Lenina 51, Ekaterinburg, Russian Federation
E-mail: Tatiana.Makshakova@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-5354-195X

Citation
Makshakova T. A. Is the *Tishinka* Quiet? An Ethnolinguistic Commentary on the Russian Dialect Word *Tishina* ‘Childhood Illness’ // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 281–296 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.12

Received: 12.11.2024.
Revised: 04.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
This article presents an attempt at ethnolinguistic understanding of one childhood disease, which is called in the Russian dialect *tishinka*.

The territory of the dialectal *tishina* is established (with the variants *utishinka*, *tichij*, *tichon'kij*, etc.), the circle of meanings assigned to the lexeme is given. The semantic spectrum of the word is non-uniform: *tishina* refers to various severe childhood diseases (seizures (epilepsy), paralysis, hernia, tetanus, malaria, rickets, etc.). However, for the national consciousness, the differential characteristics of such ailments are insignificant, which is why *tishina* is often perceived as any disease dangerous to a child's life. The practices of traditional medicine are analyzed in detail, which include the disease in question in a number of diseases of unclear or magical etiology. The treatment of *tishina* with spells *(zagovor* or *prigovor*) – means widely used in the Russian countryside – is known to modern informants, but the spell texts themselves are not reproduced fully. The action part of the healing rite can be represented by the following ritual actions: soothing / comforting, soaring in the bath, taking measurements from the patient, "cutting" the disease, treating with holy water, herbs, covering the child with a tablecloth. The concretization of a separate method is carried out due to folk etymological approaches: St. Tikhon is chosen as a mystical assistant, his icon used in the consecration of water for the rite. The word *tishina* itself should be qualified as a euphemism that arose as a result of the practice of tabooing the names of serious diseases.

Keywords
Childhood disease, *names of diseases*, *tishinka*, *euphemization*, *Russian dialect vocabulary*, *ethnolinguistics.*

УДК 811.14
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.13

К. А. Климова, Е. С. Узенёва

Традиционная культура помаков Эдирне (Турция) по данным этнолингвистической экспедиции 2025 г.

Климова Ксения Анатольевна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Узенёва Елена Семеновна
Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель центра, заместитель директора
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lenuzen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Цитирование
Климова К. А., *Узенёва Е. С.* Традиционная культура помаков Эдирне (Турция) по данным этнолингвистической экспедиции 2025 г. // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 297–308. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.13

Статья поступила в редакцию 14.03.2025.
Рецензирование завершено 17.03.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
В статье представлены данные по традиционной культуре помаков, миноритарной этноязыковой и культурно-конфессиональной группы славян-мусульман, проживающих на территории Турции, в том числе об их языковой и культурной полиглосии и влиянии турецкой культуры. Данные были собраны в ходе этнолингвистической экспедиции в район Эдирне (Турция) в феврале 2025 г. Помакское население этого региона представлено разными группами славян-мусульман, переселившихся на территорию нынешней Турции из Греции и Болгарии в XIX–XX вв. Экспедиция к помакам Эдирне продолжила ряд исследований, которые проводятся научной группой с 2018 г. в разных местах проживания славян-мусульман на Балканах. Согласно

данным обследования, традиционная культура у помаков Эдирне сохраняется достаточно хорошо, но ограничивается преимущественно сферой семейной обрядности, подвергшейся заметной турецкой интерференции, в то время как календарные обряды представлены общебалканским праздником Эдерлез (6 мая), связанным с началом скотоводческого цикла, и мусульманскими праздниками Курбан-байрам и Шекер-байрам. Родной язык, именуемый здесь помакским (*помакча*), используется в семейно-бытовом общении людьми старшего поколения, представители среднего возраста и молодежь демонстрируют пассивное знание языка. Доминирующим языком общения является турецкий.

Ключевые слова
Помаки, *славяне-мусульмане*, *традиционная культура*, *этнолингвистика*, *Турция*, *полевые исследования*.

В период с 2 по 8 февраля 2025 г. состоялась этнолингвистическая экспедиция, направленная на изучение традиционной культуры, фольклора, местного языка помаков, проживающих в районе Эдирне (Турция). Научно-исследовательская группа Института славяноведения РАН в составе Е. С. Узенёвой и К А. Климовой обследовала помакские общины г. Эдирне и окрестностей, в частности с. Азатли. В ходе экспедиции было опрошено 28 информантов в возрасте от 21 до 98 лет, собран архив интервью с носителями традиционной культуры объемом более 10 часов аудиозаписей и более 10 Гб фото- и видеоматериалов.

Это была первая российская научная лингвистическая экспедиция в район Эдирне, направленная на изучение языкового и культурного диалекта славян-мусульман Турции, и первое этнолингвистическое обследование данной общности, поскольку турецкие ученые были преимущественно ориентированы на изучение истории данного региона, происхождения помаков, их музыкальной культуры (Gençkal 2013), редкие работы касались этнографии и традиционной культуры помаков (Pelin 2020), а болгарские историки были сосредоточены на теме переселения помаков в Турцию (Зеленгора 2012), тогда как лингвисты уделяли внимание изучению грамматики и особенностей диалектов данного ареала (Бояджиев 1991; Илиев, Петков 2017). Западные исследователи интересовались социолингвистической ситуацией в данной этноязыковой группе (Kahl 2007).

Экспедиция к помакам Эдирне продолжила ряд исследований, которые проводятся научно-исследовательской группой в разных местах проживания славян-мусульман на Балканах: в 2018 г. были обследованы 6 сел области Ксанти в северной Греции (сс. Термес, Демерджик, Котили, Главки, Пулево, Долап); в 2019 г. – 9 сел областей Ксанти и Комотини в северной Греции (сс. Симандра, Термес, Пахни, Котани, Просили, Микки, Эхинос, Алма, Меливие) и г. Златоград в Болгарии; в 2023 г. – 2 села в области Ксанти (Мики и Просили), записаны интервью с представителями сс. Пахни, Котили и Аджурен (обл. Комотини). В 2023 г. состоялась также экспедиция к горанцам (славянам-мусульманам) Северной Македонии (см.: Узенёва 2024).

Полевой материал по традиционной культуре и языку собирался по этнолингвистической программе МДАБЯ, составленной А. А. Плотниковой (Плотникова 2009), а также по специальным тематическим вопросникам, касающихся различных сфер традиционной культуры: народного календаря, семейных обычаев (ритуального обрезания (сюнета), свадеб, похоронно-поминального обряда), народной мифологии, традиционной кухни помаков.

Помаки, проживающие на территории современной Турции, являются славянами-мусульманами, потомками болгар-христиан, обратившихся в ислам во времена османского владычества. Помимо Турции, они проживают преимущественно в регионе Родопских гор на территории современной южной Болгарии и северной Греции. Помакские общины в Эдирне начали формироваться с 1878 г., после Русско-турецкой войны, но преимущественно в 1924 г., когда в регион прибыли группы переселенцев разного этнического происхождения, но единого мусульманского вероисповедания из Греции и Болгарии. Как это было и во многих других регионах Турции, переселенцы-мусульмане селились в бывших греческих деревнях, оставленных предыдущими жителями в результате обмена населением между Грецией и Турцией, состоявшегося по Лозаннскому договору 1923 г.

В «Географии Малой Азии» П. Кондоянниса, опубликованной в 1921 г., помаки упоминаются в таком контексте: «Мусульмане по вероисповеданию, но не турки по происхождению составляют еще одну категорию жителей Малой Азии, по-турецки называемых “мухаджирами”, ведущих происхождение из сел, которые освободились от турецкого господства в девятнадцатом веке. Они, оставив родину, обосновались в Малой Азии, где Турецкое государство казалось прочнее и их жизнь свободнее, где само турецкое правительство хотело их поселить и с радостью принимало их переселение, чтобы еще больше усилить

турецкое население страны. Таковыми были курды, черкесы, татары, грузины, боснийцы, помаки, критские турки» (Κοντογιάννης 1921: 53). Относительно регионов их расселения далее отмечается: «Боснийцы и помаки переселились в Малую Азию после 1878 г. Они долго скитались из провинции в провинцию, потому что их не принимали. Наконец они обосновались в санджаках Бига и Никомедия (Измит), в вилаете Прусы (Бурсы) и других местах» (Ibid.: 62–63).

Важно отметить, что в Турции помаками именуют всех славян-мусульман, независимо от их этнического и географического происхождения (болгары, македонцы, горанцы). А этногенез данного населения в официальной турецкой историографии связывается с тюркскими племенами куманов, кыпчаков, печенегов и др.

Помакская общность в современной Турции может быть разделена по территориальному признаку на две большие группы: европейскую и азиатскую. По мнению болгарского историка Георгия Зеленгоры, подробно исследовавшего помаков Турции, такое деление имеет свою внутреннюю логику, поскольку в каждой из частей доминируют определенные этнографические группы помаков, хотя бывают и исключения (Зеленгора 2012: 6). Так, в европейской Турции помакских сел гораздо меньше (80), чем в азиатской, но они расположены более компактно на сравнительно небольшой территории, а близость к Болгарии предполагает больше возможностей для контактов и взаимного влияния. Кроме того, помаки Восточной Фракии больше известны болгарским ученым (Шишков 1914: 13–14; Милетич 1918: 291–300), хотя обобщающих монографий по данному региону до сих пор не выходило. В азиатской части Турции чисто помакских сел или сел с преобладающим помакским населением, а также отдельных кварталов, расположенных вблизи областных центров, – около 120. Однако они находятся на большом расстоянии друг от друга, что препятствует возникновению чувства общности данной группы.

Наши полевые исследования проходили в европейской части Турции, в районе г. Эдирне (Адрианополя). Обследованное в ходе экспедиции с. Азатли (современное турецкое название *Azatlı*) упоминается в исторических источниках XIX в. как болгарское. По данным переписи населения 1873 г., отраженным в издании 1878 г., в селе, обозначенном тогда как *Asatli*, проживало 238 болгар, при этом представители других национальностей указаны не были (Ethnographie 1878: III). Однако, по сведениям наших информантов, до них здесь проживали греки и гагаузы, о чем свидетельствуют существующие у села кладбища. В 1924 г. сюда переселяются помаки из Греции, из ныне

вымершего села *Мъждел* (греческое название после переименования в 1927 г. – *Μυλόπετρα*, дем Като-Неврокопион, регион Драмы), обезлюдевшего после Второй мировой войны, а в 1928 г. – из сел области Кырджали в Болгарии. Это население живет в отдельном квартале села, односельчане называют их «горцы» (г. Кырджали расположен в восточных Родопах) и раньше мало с ними контактировали.

В настоящее время численность жителей составляет около 2 000 человек, но в селе отсутствует школа, и молодежь предпочитает уезжать в большие города на учебу и в поисках работы.

Родной язык, именуемый здесь помакским (*помакча́*), используется в семейно-бытовом общении людьми старшего поколения (преимущественно женщинами), в то время как представители среднего возраста и молодежь демонстрируют пассивное знание языка, то есть могут понимать расхожие слова и выражения, но сами на языке не говорят. То, что многие помаки в последние десятилетия утрачивают свой родной язык и переключаются на турецкий, отмечалось и ранее (Kahl 2007: 227). Подобная ситуация наблюдается и в помакских селах Греции, расположенных в долине Ксанти и в области Комотини, при этом переключение происходит именно на турецкий, а не на греческий язык, см. подробнее о языковой ситуации в Греции (Климова, Узенёва 2022).

По предварительным данным нашего обследования, традиционная культура у помаков Эдирне сохраняется достаточно хорошо, но ограничивается преимущественно сферой семейной обрядности, подвергшейся заметной турецкой интерференции, в то время как календарные обряды представлены общебалканским праздником Эдерлез (6 мая), связанным с началом скотоводческого цикла, и мусульманскими праздниками Курбан-байрам и Шекер-байрам. На *Курба́н-байра́м* в пищу употребляют мясо принесенного в жертву барана, на *Шеке́р-байра́м* ‘сахарный Байрам’ угощают сладостями.

Согласно сведениям наших информантов, в селе праздник *Едрелез* / *Ъдрелез* / *Адърлез* отмечался камерно внутри семей, которые отправлялись в лес, где устраивали «пикник», угощались. Каждый хозяин обходил свои поля и угодья, отмечая, какие культуры взошли, будет ли хороший урожай. Те, чье имущественное положение позволяло, резали барашка, раздавали мясо соседям, а сами готовили блюдо из баранины *къпама́*. Женщины пекли слоеный пирог со шпинатом *зе́лник*. Часто в лесу разжигали большие костры, которые перепрыгивали «для здоровья». Чтобы в летний период не болела поясница (*кръсто не ме боли́*), повязывали на пояс зеленое растение *ишели́к*.

«Для урожая» качались на качелях и украшали свежей зеленью (ветками акации) окна и двери домов.

Для защиты от змей, ящериц и скорпионов накануне праздника ранее белили дома, а нижнюю часть красили черной или голубой краской, считая, что она имеет апотропеическую силу и не позволит пресмыкающимся и вредным насекомым попасть в жилище.

Этот день здесь сохраняет семантику начала не только весеннего цикла, но и нового года: с ним связаны общие ритуалы сбора трав, превентивные меры против магии, змей и др., что характерно и для других регионов проживания помаков, в частности в болгарской части Родоп.

Сохраняется в селе и балканская традиция изготовления так называемой *мартеницы* (здесь *ма́реница*) – украшения из красно-белых шерстяных нитей, которое повязывают на запястье детям и на рога молодым животным в связи с наступлением весны 1 марта. Ниточку носили до момента прилета первого аиста, потом ее повязывали на фруктовое дерево, чтобы оно плодоносило, или клали под камень и гадали (когда видели другую птицу *кърлангúч*): если там появятся червячки, значит, год будет урожайным, а если будет пусто, то жизнь будет короткой. По мнению А. А. Плотниковой, такой тип ритуальных действий при расставании с мартеницей характерен для южных областей Болгарии (Странджа, Родопы, Пирин, Карнобатский и Пловдивский край) (Плотникова 20024: 131). Легенда о «мартовской старухе» здесь неизвестна, но название месяца марта также имеет форму женского рода и именуется нередко *Марта*. Старожилы слышали названия *ба́беница Ма́рта*, *Ста́ра Ма́рта*, *Но́ва Ма́рта*, но уже не помнят, что они обозначали.

Общие наблюдения над диалектной терминологией семейной обрядности выявили некоторые особенности, в частности, доминирование общеславянской лексики в тематическом блоке «Родины»: *я́лоя* ‘бесплодная женщина’, *ка́рместа* ‘беременная’, *роди́л’ница* ‘роженица’, *ри́за* ‘рубашечка, околоплодный пузырь’, *по́следка* ‘послед, детское место’, *престъпа́лка* ‘ритуал разделения калача между двумя детьми, отмечавший начало ходьбы младенца’ и т. д. Отмечены и некоторые общие для южных славян поверья, например о существовании сглаза (*ура́к*) и возникающей от него болезни (*уради́суане*). Производные формы от данного термина характерны для всей восточной части Южной Славии.

Знают местные жители и о магических свойствах «рубашечки» новорожденного защищать человека в бою: от нее отделяли небольшие кусочки и давали солдатам, уходящим на войну, чтобы она служила оберегом от пуль (*на аске́р кла́ват да го бра́ни от куршу́м*).

Чтобы ребенок имел счастливую судьбу, был удачливым (*късметли́я*), засохший остаток пуповины, пупочек (*по́пче*), бросали под цветущий куст розы или во двор мечети. В последнем случае верили, что человек будет грамотным и станет имамом. Считали, что рожденный на убывающий месяц (*ста́ра месечи́на*) будет несчастливым, а на растущий (*но́ва месечи́на*), – наоборот, успешным и богатым.

Влияние ислама в родинных обрядах проявляется как в редких турцизмах (*ебе́* ‘повитуха’, *сюне́т* ‘ритуал обрезания’), так и в особых верованиях: помаки считали, что Аллах «пишет» судьбу ребенку на лбу при рождении; согласно исламской традиции, имам нарекает имя новорожденному, шепча его на ухо младенцу, когда читает соответствующую случаю молитву (*о́джа на у́шето му ка́зва*; *ше му извѝка иза́н на ухо́то*).

Свадебные обряды гораздо ярче отражают присутствие ислама в жизни помаков. Здесь отмечены возникшие под влиянием турецкой традиции обряды и соответствующая терминология: ритуальное окрашивание хной пальцев рук и ладоней невесты на девишнике накануне свадьбы (*къна ге́джеси* ‘вечер хны’), украшение лица невесты (*ге́лина*) белилами, пайетками и серебряными нитями *тел* (*пѝшут ге́лина*), *ниша́н* ‘помолвка’, *чеи́з* ‘приданое’, *никя́х* ‘заключение брака в форме подписывания договора в присутствии имама’, *баба́-акъ* ‘выкуп за невесту, который давал отец жениха’, *гезе́* ‘послесвадебное посещение молодыми дома невесты’, *пеливáне* ‘традиционные парные турецкие состязания на свадьбе’, *дуа́к* ‘свадебная вуаль невесты зеленого цвета’ (отметим символическое значение зеленого цвета в исламе). Однако в свадебной терминосистеме встречаются и редкие славизмы: *ли́бе* ‘возлюбленный / избранник’, *добе́гала* ‘убежавшая к мужу без благословления родителей и без свадьбы девушка’, *сва́дба* ‘свадебный обряд, который длился два дня и два вечера’, а также грецизмы: *пита́рка* от греч. πίττα ‘женщина, приглашавшая на свадьбу лепешкой *пи́та*’ и др.

Ритуалы похорон также имеют ряд специфических черт, диктуемых мусульманской религией, что отражается и на употреблении соответствующей обрядовой лексики. Например, для обозначения реалий похоронно-погребальной обрядности употребляются лексемы почти исключительно арабско-турецкого происхождения: *дженезе́* / *джаназе́* ‘покойник и похороны’, *кефе́н* ‘полотно, в которое заворачивают тело покойного’, *табу́т* ‘гроб’, *меза́р* ‘могила’, *мезарлъ’к* ‘кладбище’, *мевлю’д* ‘молитва, которую читают во время поминок на 52-й день’, но иногда употребляются дублеты и славянского происхождения: *гро́бе* ‘могила’, *гро́бье* ‘кладбище’ и т. д. Сохранились

и старые верования о предвестниках близкой смерти, к которым относят вой собаки и крик совы; известен обычай класть на тело покойного железные предметы (нож, серп) в качестве апотропеев.

Поминки в день похорон не совершали, поскольку религия запрещала готовить еду в доме, где случилась смерть. Соседи угощали пришедших издалека родственников усопшего. На могиле сразу устанавливали деревянную табличку с именем умершего и датами его жизни. Позднее ставили камень в изголовье. После смерти три дня подряд женщины ходили на могилу и поливали ее водой, читая выдержки из Корана, а в течение 7 дней женщины также собирались в доме покойного и читали особые молитвы из Корана; на седьмую ночь уже в мечети собирались мужчины (считали, что в этот день плоть отделяется от костей). На седьмой день проходило угощение для близких и родственников покойного, а на 52-й – угощали всех, кто приходил помянуть. Раз в году вспоминали всех ушедших за день (имеющий название *Арфа́*, *Арифе́*) до Курбан-байрама, когда раздавали маленькие круглые жареные булочки *локма́* или калачи.

В сфере народной мифологии была выявлена терминологическая лексика, характерная для родопского ареала Болгарии, где существует чудесный помощник ведьмы, именуемый *ма́мник*, *ма́мниче* и известный в целом ряде областей южного балканославянского региона, а термин *жедие* как название ведьмы отмечен в Родопах и восточной Болгарии, подробнее см. карту в (Плотникова 2004: 646–657). В исследованном нами селе Азатли в северо-западной части Турции, куда прибыли переселенцы из восточных Родоп в Болгарии, встречается название ведьмы *ма́мница*, которой приписываются вредоносные действия в форме отбирания молока у чужих коров (время активизации этих злых сил – ночь на весенний праздник 6 мая *Адърле́з*), тогда как персонаж-помощник неизвестен.

Кроме того, мы записали былички о другом типичном для Родоп мифологическом персонаже *дра́кус*. В с. Азатли он предстает в облике молодой девушки в белом, летящей над землей, что характерно для иного персонажа – *пери*, близкого по функциям балканской лесной виле, самодиве. Данное наименование (*дра́кус*) часто встречается в родопских селах, преимущественно мусульманских (см. карты: Плотникова 2004: 634–645). В исследованном нами совместно с А. А. Плотниковой в 2002 г. с. Аврен в области Кырджали *дра́кус* – наиболее характерное наименование вампира (Плотникова, Узенёва 2002). Таким образом, сохраненный термин может иметь совсем иное смысловое наполнение, чем в регионе происхождения носителей традиции.

Традиционная народная культура села Азатли включает несколько тесно взаимодействующих между собой пластов: наряду с основой (мусульманской религиозной доминантой) отмечаются архаические элементы, известные народной традиции помаков других регионов (праздник *Адрелез*), в частности Родоп (персонаж *дра́кус*), а также общие для всех балканских славян явления в сфере культуры и обрядовой лексике (*ма́ртеница*, *уради́суане*).

В ходе полевого исследования мы отметили высокую степень сохранности традиционной культуры. Наши информанты и их предки пережили сложный путь миграции, а этот процесс приводит к утрате специфических черт традиционной культуры, на фиксацию которых направлены этнолингвистические исследования. Дальнейшее изучение современного состояния языка и традиционной культуры помаков, проживающих на территории Турции, представляется особенно ценным, поскольку в настоящее время можно успеть зафиксировать уникальные особенности, сохраненные носителями традиции более столетия, постепенно подвергающиеся ассимиляции со стороны турецкого языка и традиционной культуры.

Источники и литература

Бояджиев Т. Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия. София: Университетско издателство «Св. Кл. Охридски», 1991. 274 с.

Зеленгора Г. Помаците в Турция. София: Biblio.bg, 2012. 153 с.

Илиев Ив. Г., *Петков П. Д.* Неизвестен модел за образуване на отрицателен императив в българския език // Нено Неделчев в науката за българите. Сборник в чест на проф. Нено Неделчев по случай неговата 70-годишнината. Велико Търново: [б. и.], 2017. С. 275–279.

Климова К. А., *Узенёва Е. С.* Language Policy and Language Situation in Dynamics: Pomaks of Northern Greece // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 148–160.

Милетич Л. Разорението на тракийските българи през 1913 г. София: Държавна печатница, 1918. 344 с.

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 160 с.

Плотникова А. А., *Узенёва Е. С.* Экспедиция в болгарское село Аврен, область Кырджали // Живая старина. 2002. № 4. С. 42–44.

Шишков Ст. Помаците в трите български области. Тракия, Македония и Мизия. Част I. Историко-географски преглед. Пловдив: Печатница, книжарница и книговезница «Македония», 1914. 68 с.

Узенёва Е. С. По следам экспедиции к горанцам Северной Македонии // Живая старина. 2024. № 3. С. 9–13.

Ethnographie des Vilayets d'Andrinople, de Monastir et de Salonique. Istanbul: Constantinople, 1878. 110 p.

Gençkal B. The Pomak Perspectives: Debates on Origins, Ethnic Discourse and Tradition of *PESNA*. PhD Thesis. Istanbul Technical University, Graduate School of Arts and Social Sciences. Department of Music. Istanbul, 2013.

Kahl Th. The presence of Pomaks in Turkey // Voss Ch., Steinke K. (eds.). The Pomaks in Greece and Bulgaria – a model case for borderland minorities in the Balkans. München: Biblion, 2007. P. 227–234.

Κοντογιάννης Παντελής Μ. Γεωγραφία της Μικράς Ασίας. Αθήναι: Τύποις Π. Α. Πετράκου, 1921. 454 σ.

Οι Πομάκοι της Θράκης. Πολυεπιστημονικές και διεπιστημονικές προσεγγίσεις / Μ. Βαρβούνης (ed.). Θεσσαλονίκη: Σταμούλης, 2020. 610 σ.

Pelin M. Edirne'de Pomak halk kültürü. Edirne, 2020 (рукопись магистерской диссертации).

Σκαλιέρης Γεώργιος Κ. Λαοί και φυλαί της Μικράς Ασίας, Αθήνα: Τυπογραφείον «Τύπος», 1922. 499 σ.

References

Boiadzhiev, T. *Bălgarskite govori v Zapadna (Belomorska) i Iztochna (Odrinska) Trakiia*. Sofiia: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kl. Okhridski", 1991, 274 p.

Ethnographie des Vilayets d'Andrinople, de Monastir et de Salonique. Istanbul: Constantinople, 1878, 110 p.

Gençkal, B. *The Pomak Perspectives: Debates on Origins, Ethnic Discourse and Tradition of PESNA*. PhD Thesis. Istanbul Technical University, Graduate School of Arts and Social Sciences. Department of Music. Istanbul, 2013.

Iliev, Iv. G., Petkov, P. D. "Neizvesten model za obrazuvane na otritsatelen imperativ v bălgarskiia ezik." *Neno Nedelchev v naukata za bălgarite. Sbornik v chest na prof. Neno Nedelchev po sluchaĭ negovata 70-godishninata*. Veliko Tărnovo: [s.n.], 2017, pp. 275–279.

Kahl, Th. "The presence of Pomaks in Turkey." Voss, Ch., Steinke, K. (eds.). *The Pomaks in Greece and Bulgaria – a model case for borderland minorities in the Balkans*. München: Biblion, 2007, pp. 227–234.

Klimova, K. A., Uzeneva, E. S. “Language Policy and Language Situation in Dynamics: Pomaks of Northern Greece.” *Vestnik slavianskikh kultur*, 2022, vol. 66, pp. 148–160.

Kontogiannis Pantelis, M. *Georgafia tis Mikras Asias*. Athens: Typois Π. A. Petrakou, 1921, 454 p.

Miletich, L. *Razorenieto na trakiĭskite bălgari prez 1913*. Sofiia: Dărzhavna pechatnitsa, 1918. 344 p.

Oi Pomakoi tis Thrakis. Polyepistimonikes kai diepistimonikes proseggiseis, ed. by M. Varvounis. Thessaloniki: Stamoulis, 2020, 610 p.

Pelin, M. *Edirne'de Pomak halk kültürü*. Edirne, 2020.

Plotnikova, A. A. *Etnolingvisticheskaia geografiia Iuzhnoi Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 768 p.

Plotnikova, A. A. *Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniia balkano-slavianskogo areala*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2009, 160 p.

Plotnikova, A. A., Uzeneva, E. S. “Ekspeditsiia v bolgarskoe selo Avren, oblast' Kyrdzhali.” *Zhivaia starina*, 2002, No 4, pp. 42–44.

Skalieris Georgios, K. *Laoi kai fylai tis Mikras Asias*, Athens: Typografeion “Typos”, 1922, 499 p.

Shishkov, St. *Pomatsite v trite bălgarski oblasti. Trakiia, Makedonia I Miziia. Chast I. Istoriko-geografski pregled*. Plovdiv: Pechatnitsa, knizharnitsa i knigoveznitsa “Makedoniia”, 1914. 68 p.

Uzeneva, E. S. “Po sledam ekspeditsii k gorantsam Severnoi Makedonii.” *Zhivaia starina*, 2024, No 3, pp. 9–13.

Zelengora, G. *Pomatsite v Turtsiia*. Sofiia: Biblio.bg, 2012, 153 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.13 ***K. A. Klimova*, *E. S. Uzeneva***

Traditional Culture of the Pomaks of Edirne (Turkey) According to the Ethnolinguistic Expedition of 2025

Ksenia A. Klimova
Candidate of Letters, research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Elena S. Uzeneva
Candidate of Letters, associate professor, leading research fellow, head of the center, deputy director

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: lenuzen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Citation
Klimova K. A., *Uzeneva E. S.* Traditional Culture of the Pomaks of Edirne (Turkey) According to the Ethnolinguistic Expedition of 2025 // Slavic Almanac. 2025. № 1–2. P. 297–308 (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.13

Received: 14.03.2025.
Revised: 17.03.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The paper presents data on the traditional culture of the Pomaks, a minority ethno-linguistic and cultural-religious group of Slavic Muslims living in Turkey, including their linguistic and cultural polyglossia and the influence of Turkish culture. The data were collected during an ethnolinguistic expedition to the Edirne region of Turkey in February 2025. The Pomak population of this region is represented by different groups of Slavic Muslims who migrated to present-day Turkey from Greece and Bulgaria in the 19th and 20th centuries. The expedition to the Edirne Pomaks continued a series of studies that have been conducted by the research group since 2018 in various places where Slavic Muslims live in the Balkans. According to the survey data, the traditional culture of the Pomaks of Edirne is preserved quite well, but is limited mainly to the sphere of family rituals, which have been subject to noticeable Turkish interference, while calendar rituals are represented by the pan-Balkan holiday of Ederlez (May 6), associated with the beginning of the cattle-breeding cycle, and the Muslim holidays of Kurban Bayram and Sheker Bayram. The native language, called Pomak (Pomakcha) here, is used in family and everyday communication by older people, while middle-aged people and young people demonstrate passive knowledge of the language. The dominant language of communication is Turkish.

Keywords
Pomaks, *Muslim Slavs*, *traditional culture*, *ethnolinguistics*, *Turkey*, *field research*.

УДК 82.091
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.14

И. Е. Адельгейм

«Путешествовать, (не) спотыкаясь об историю…»: Центральная Европа и Балканы в травелогах Анджея Стасюка

Адельгейм Ирина Евгеньевна
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: adelgejm@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Цитирование
Адельгейм И. Е. «Путешествовать, (не) спотыкаясь об историю…»: Центральная Европа и Балканы в травелогах Анджея Стасюка // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 309–324. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.14

Статья поступила в редакцию 06.02.2025.
Рецензирование завершено 11.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Статья посвящена связанной с пространством центральноевропейской провинции и Балкан путевой прозе Анджея Стасюка, одного из ведущих современных польских писателей. Исследуются прежде всего травелоги «На пути в Бабадаг» (2004), «Фадо» (2006) и «Дневник, писавшийся позже» (2010), анализ которых позволяет проследить изменение нарративной стратегии автора в связи со стремлением избежать исторического измерения описываемого пространства («На пути в Бабадаг», «Фадо») или, напротив, пережить его максимально полно («Дневник, писавшийся позже»). Ключевыми для восприятия повествователем периферии Центральной и Юго-Восточной Европы оказываются категории распада и безвременья, а текстообразующими эмоциями – меланхолия («На пути в Бабадаг», «Фадо») и страх («Дневник, писавшийся позже»). Анализируются способы реконструкции пути и памяти о нем, самоощущение повествователя как *своего* / *чужого* по отношению к переживаемому пространству, а также, с одной стороны, попытка избежать исторической перспективы (что позволяет достичь иллюзии

пространственного равновесия в болезненном для польской ментальности семантическом поле *Восток* / *Запад*), с другой – опыт столкновения с Историей. Переживание памяти пространства Балкан о войне приводит повествователя «Дневника, писавшегося позже» к осознанию невозможности избежать рефлексии о бремени польской ментальности и польской коллективной памяти, базирующейся на культе мартирологии.

Ключевые слова
Пространство, фотографическое ви́дение, память, историческая перспектива, Восток / Запад, война на Балканах.

Анджей Стасюк (р. 1960) – один из ключевых представителей молодой польской прозы, обеспечивших после 1989 г. обновление художественного языка[1], фигура, не просто оставшаяся в литературе, но активно в ней живущая: «одним из важнейших феноменов нашей литературы последних тридцати лет», одним из «живых классиков»[2] называет писателя польский литературовед Я. Фазан. Дебютировал нашумевшими «эпифаниями из камеры»[3] – сборником рассказов «Стены Хеврона» (1992), написанных на основе собственного опыта тюремного заключения (за дезертирство из армии). Затем – автор бестселлера «Белый ворон» (1995), одного из самых ярких эпизодов «прозы инициации» 1990-х гг., задавшего интереснейшую ее модель (проза повторной инициации). После «Галицийских рассказов» (1995) и «Дукли» (1997) его, еще в 1987 г. перебравшегося в Нижние Бескиды, стали называть летописцем и бардом польской провинции[4].

Большая часть дальнейшего творчества Стасюка связана с его путешествиями (которые скорее следовало бы назвать медитативными странствиями) – в основном, но не только – по Центральной и Юго-Восточной Европе. «Меня снова охватывало чувство, что я уже много лет просто

1 Подробнее см.: *Адельгейм И. Е.* Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005.

2 *Fazan J.* Andrzej Stasiuk, syn swego kraju. URL: https://wiez.pl/2021/06/06/stasiuk-syn-swego-kraju/ (дата обращения: 27.01.2025).

3 *Pilch J.* Epifanie spod celi // BruLion. 1991. № 17–18. S. 13.

4 *Fazan J.* “Kundel, hiena, mieszaniec”. Geopolityczne wyprawy Andrzeja Stasiuka // W ogrodzie świata: profesorowi Aleksandrowi Fiutowi na siedemdziesiąte urodziny. Kraków, 2015. S. 192.

таскаюсь по миру без какого-либо плана и цели»[5], – пишет он в 2010 г. Неслучайно в оригинальном названии наиболее известного его травелога – «Jadąc do Babadag» (в русском переводе – «На пути в Бабадаг») – фигурирует деепричастная форма глагола «ехать», акцентирующая именно состояние нахождения в пути (характерно также, что в англоязычном переводе присутствует аллюзия на роман Д. Керуака «В дороге»: «On the Road to Babadag: Travels in the Other Europe»). «Путешествие для меня – штука метафизическая, сродни молитве. Необходимость»[6], – признается писатель в интервью, а в одном из своих травелогов выражается еще более категорически: «Путешествовать означает жить»[7].

Книги «На пути в Бабадаг» (2004), «Фадо» (2006), «Дойчланд» (2007), «Дневник, писавшийся позже» (2010), «Нет экспрессов на желтых дорогах» (2013), «Восток» (2014) целиком или преимущественно относятся к жанру путевой прозы, включающей в себя автобиографическое измерение и фиксирующей опыт перемещения повествователя – «странствующей фигуры»[8] – в реальном пространстве. Это повествование, в котором оптика реконструкции пути играет роль и структуро-, и смыслообразующую, вариант травелога, понимаемого как «метатекст, в котором параллельно разворачиваются реальное передвижение в пространстве и нарратив об этом передвижении»[9]. Будучи «текстом, созданным по следам реальной поездки»[10], повествование Стасюка призвано, однако, не зафиксировать увиденное, а скорее имитировать процесс припоминания, а уже он реконструирует процесс ви́дения: «…все это припоминание […], постоянные возвращения, то, что я таращусь в заднее стекло памяти, эта лирика утраты, это славянское on the road, которое я сейчас выстукиваю на клавиатуре […] – вовсе не затем, чтобы запомнить, а затем, чтобы

5 *Stasiuk A.* Dziennik pisany później. Wołowiec, 2010. S. 36.

6 *Stasiuk A*. Podróże jak modlitwy. URL: https://www.rp.pl/telewizja/art-15173101-podroze-jak-modlitwy (дата обращения: 27.01.2025).

7 *Stasiuk A*. Fado. Wołowiec, 2006. S. 39.

8 *Безруков А. Н.* Феноменология путешествия в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Коллективная монография. Новосибирск, 2016. С. 186.

9 *Пономарев Е.* Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (дата обращения: 27.01.2025).

10 Там же.

постоянно заново вспоминать, начинать снова и снова, пока мысль и мираж окончательно не заслонят реальность […]. Ехать – это ерунда. Самое главное начинается потом…»[11] Достаточно точно отражает этот механизм заглавие-оксюморон балканского травелога Стасюка – «Дневник, писавшийся позже».

Целью является не конечный пункт маршрута (который, даже будучи вынесен в заглавие, как в книге «На пути в Бабадаг», существует в сознании повествователя скорее потенциально-символически: «Бабадаг: два раза в жизни, два раза по десять минут. Из таких фрагментов состоит мир, из осколков горячего сна, из миражей…»[12]), но продолжение в тексте бесконечно личного взаимодействия повествователя с пространством. Отсюда – возможность сколь угодно многократных возвращений в любую точку в реальности и в памяти («Всякий раз всё иначе»[13]), отсюда и демонстративно аморфная форма: «…laterna magica совпадений, случайностей и приключений, слагающихся в повесть, что катится во все стороны и не может иначе, потому что связана с памятью и пространством, а те ведь начинаются произвольно и не имеют конца»[14]. Сохраненные памятью картинки нередко накладываются, подменяют друг друга, «соприкасаются, пронизывают друг друга, освобожденные от причинно-следственных связей, покрывают пространство и время ровным полупрозрачным слоем», а память «воспроизводит их в любом направлении – назад, вперед или параллельно, им все нипочем»[15]. Любая точка Центральной Европы Стасюка (и, соответственно, любой переживаемый им постфактум «кадр») отсылает к целому и является его воплощением: «Да, такова моя Венгрия. Я могу взять ее с собой, перенести в любое место, и она нисколько не утратит четкости. Словно негатив или слайд, на который я направляю свет памяти»[16].

Используемое в «На пути в Бабадаг» и «Фадо» фотографическое ви́дение[17], которое позволяет словно бы скользить по поверхности

11 *Stasiuk A*. Fado. S. 9.

12 *Стасюк А*. На пути в Бабадаг / пер. И. Адельгейм. М., 2009. С. 242–243.

13 Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką. Wołowiec, 2015. S. 176.

14 *Стасюк А*. На пути… С. 212.

15 Там же. С. 156.

16 Там же. С. 215.

17 Подробнее см.: *Адельгейм И. Е.* «Вечное настоящее». Фотографическое ви́дение Анджея Стасюка («На пути в Бабадаг») // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 295–311.

реальности (подтверждая формулу С. Зонтаг, «фотографирование, по существу, – акт невмешательства»[18]), дает повествователю возможность избежать исторического измерения. Его вообще пугает мысль о перспективе поглощения временем пространства (которое само по себе представляется «вечным настоящим»[19]). Подобно фотоаппарату, память повествователя словно бы изымает все то, что «попало в кадр», из временно́го потока: кадрируя таким образом движение жизни, повествователь сперва «останавливает» его, а затем – в памяти и тексте – бесконечно оживляет сохраненные картинки. В результате это, с одной стороны, способствует интенсивности переживания («Путешествовать – значит […] жить вдвойне, втройне, многократно»[20]) и дарит очередную «иллюзию бессмертия»[21], с другой – оборачивается мучительными сомнениями, которые побуждают отправляться в путь (в реальности и в тексте) вновь и вновь, чтобы убедиться – мир продолжает существовать: «…как только что-то исчезает из поля моего зрения]…], меня всегда терзает мысль: вдруг оно исчезло навсегда и никто больше этого не видел, и теперь мне остается только без конца рассказывать об этом…»[22]. Повествование Стасюка нередко уподобляется показу слайдов, подтверждая мысль Р. Барта о том, что фотография – «не что иное, как непрерывный зачин из этих “Посмотри”»[23] (в роли которых выступают бесконечные «это было», «однажды», «я помню»).

«Стасюк никогда не был писателем палимпсестов, его интригует поверхность, а не наслоения прошлого»[24], – замечает А. Баглаевский. Писатель подтверждает это наблюдение и, более того, охотно декларирует «антиисторичность» своей оптики: «Я одержим этим – попытками оспорить историчность Центральной Европы. Я размышляю, можно ли путешествовать по ней, не спотыкаясь то и дело об историю и ее – как правило проклятые – смыслы»[25]. В эссе «Судовой журнал» (2000), посвященном Центральной Европе и воображаемому

18 *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2014. С. 23.

19 *Стасюк А.* На пути… С. 154.

20 *Stasiuk A.* Fado. S. 39.

21 *Стасюк А.* На пути… С. 212.

22 Там же. С. 154–155, 202.

23 *Барт Р.* Camera lucida. М., 1997. С. 12.

24 *Bagłajewski A.* Mapa, podróż, czas // Kresy. 2004. № 4. S. 96.

25 Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski // Tygodnik Powszechny. 2002. № 14. S. 9.

картографированию региона, Стасюк говорил о своем стремлении избежать исторической перспективы: «Я всегда был одержим географией и никогда – историей, чья полумертвая, начинающая разлагаться туша так долго питала жителей наших краев. География же сродни откровению, и это одна из немногих вещей, которые нам удалось не запороть»[26]. За этой психологически-нарративной стратегией (в «На пути в Бабадаг» и «Фадо») можно увидеть попытку достичь пространственного равновесия (или, точнее, его иллюзии) в болезненном семантическом поле *Польша* / *Центральная Европа* / *Европа*.

Травелог же «Дневник, писавшийся позже», в центре которого – Сербия и Босния, оказывается, напротив, столкновением с Историей, причем столкновением намеренным: цель пути здесь – увидеть следы «последней европейской войны»[27].

Если в «Бабадаг» и «Фадо» взгляд скользил по поверхности, фиксируя пейзажи, строения и фигуры («Из невысокого углового дома вышла толстая смуглая женщина, выплеснула мыльную воду на асфальт […]. Сделав еще несколько шагов, я разглядел в низком открытом окне интерьер большой комнаты. […] Чуть дальше, совсем одна, стояла девушка в красном платье. Кажется, очень красивая. Она смотрела куда-то вбок, в сторону, где ничего не происходило. Я видел ее мгновение, а потом красный огонек померк в зеркале заднего вида»[28]; «Одноэтажные строения тянулись вдоль одной-единственной улицы. Мы пошли вперед по узенькому тротуару. Обнаружили желтую синагогу. Ее венчали четыре жестяных купола. Сводчатые окна были черны и мертвы. […] Проехала машина, еще одна, потом все стихло»[29]), то здесь повествователь чаще заходит внутрь, здесь гораздо больше конкретного человека – человеческого поведения: «Предыдущую ночь мы провели в сербском доме. Хозяин говорил не переставая. […] Иногда я выходил подышать холодным воздухом и послушать доносившийся издалека шум города. Хозяин говорил и показывал след от хорватской пули. Он говорил, а худая, выцветшая жена поддакивала»[30].

«На пути в Бабадаг» и «Фадо» можно назвать апологией бытия на грани небытия, меланхолическим переживанием «Европы забытых

26 *Stasiuk A*. Dziennik… S. 120.
27 Ibid. S. 88.
28 *Стасюк А*. На пути… С. 27–29.
29 *Stasiuk A*. Fado. S. 17.
30 *Stasiuk A*. Dziennik… S. 118–119.

периферий»[31] (неслучайно в английском переводе название снабжено интригующим «уточнением» – «Travels in the Other Europe» / букв. «путешествие в иную Европу»). Рисуя территорию «постиндустриального “бардака”»[32], живописной постсоциалистической разрухи, повествователь иронически говорит о своей «извращенной страсти ко всему исчезающему, рассеивающемуся и разрушающемуся»[33], однако аморфность пространства и времени Центральной и Юго-Восточной Европы, этот болезненно притягательный «вечный закат»[34] центральноевропейской провинции имеет для него свою психологическую прагматику – он видится иллюзией бессмертия: «…“завтра” здесь, в сущности, никогда не наступает…»; жизнь здесь «тлеет спокойно и медленно, словно убеждена в собственной бесконечности»; «Появиться на свет в Хуши – все равно что жить в материализовавшейся вечности. […] Жизнь в Хуши есть бессмертие»[35]. Хотя в «Дневнике…» также присутствует этот мотив – на уровне объяснения, даваемого журналистке – «…меня привлекает балканский распад, и я пытаюсь описать это поразительное чувство»[36], но применительно к каждому переживаемому мгновению он совершенно утрачивает меланхолический флер и приобретает пугающую конкретность. Предельным воплощением этого «распада» оказывается война на Балканах: «Мы ехали в сторону Сараева. Эта страна была красива красотой давно вымершего зверя. Она выглядела так, словно тут правила одна геология. Но я боялся, что эта красивая и благородная оболочка лопнет и наружу полезут гниющие внутренности, смрад, тлен и прочие ароматы, возвещающие победу одних над другими»[37].

Во всех своих травелогах Стасюк в той или иной степени оспаривал главные польские мифы 2000–2010-х гг., связанные со взаимоотношениями Центральной и Юго-Восточной Европы и Запада: о возможности единства при сохранении уникальности, о возможности

31 *Millati P.* Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka // Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku. Warszawa, 2008. S. 176.

32 *Czapliński P.* Poruszona mapa. Wyobraźnia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków, 2016. S. 257.

33 *Стасюк А.* На пути… С. 98.

34 Там же. С. 80.

35 Там же. С. 81, 129.

36 *Stasiuk A.* Dziennik… S. 106.

37 Ibid. S. 82.

обмена «на равных» (модернизация vs некая дополнительная глубина духовности) и об оптимальности и спасительности западного вектора развития региона. В «На пути в Бабадаг» и «Фадо» одержимость повествователя пространством «вечного распада» была не в последнюю очередь связана с опасением, что под натиском глобализации и потребительства эти территории вечного безвременья все же окажутся утрачены. В основе скепсиса писателя относительно экономических реформ 1990-х гг. («Эти края еще современность не пережили как следует, а тут уже постсовременность, еще коммунизм не закончился – и нате вам, уже посткапитализм»[38]) лежит в том числе убеждение, что результатом может оказаться лишь «пародия на современность», «кривое зеркало Запада»[39], ничего больше. В свою очередь, одна из болевых точек «Дневника…», символизирующая бессилие Запада перед обманчиво дремлющим национализмом Центральной и Юго-Восточной Европы, – память о сцене, где Ратко Младич заставляет полковника Карреманса, командира голландского батальона ООН в Поточарах, вместе выкурить сигарету и выпить пива: «Так выглядит поражение Запада»[40], – заключает повествователь. История Европы XX в. «демонстрирует нам, что общества с легкостью дезинтегрируются, […] этика отступает и обычные люди обнаруживают себя на краю расстрельных ям с автоматами в руках»[41].

Страх, сменяющий в «Дневнике…» меланхолию, ощущается физически: им «можно затянуться, как папиросным дымом»[42]. Он обретает маршруто- и текстообразующие функции: «Я ехал через эту военную страну и боялся», «Когда-то я не любил эту страну. Испытывал страх. Попросту боялся. […] Пять, шесть лет назад заправлялся в Турну Северин […] и на одном баке, без остановок, доезжал до Македонии. Обратно так же. Разве что в Суботице иногда останавливался, потому что там говорили по-венгерски, и мне казалось, что я в каком-то другом месте»[43]. Он же делает повествование, фиксирующее следы войны (их ожидание, а затем столкновение с ними) более рваным: «За нами должны были приехать, но не приехали. Мы ждали»; «Утром поехали

38 *Wierzejska J.* Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem // Nowe Książki. 2010. № 2. S. 137.

39 *Czapliński P.* Poruszona mapa… S. 260.

40 *Stasiuk A.* Dziennik… S. 108.

41 *Снайдер Т.* О тирании. 20 уроков XX века. М., 2018. С. 10.

42 *Stasiuk A.* Dziennik… S. 37.

43 Ibid. S. 81, 118.

дальше. Я испытывал страх. Сожженные дома, внутри которых уже проросли деревца, старики и война, война, война, хотя уже десять лет был мир. Но я боялся»; «Ветер, жара и дожди готовились их [старые надгробия. – *И. А.*] уничтожить. Они клонились к земле. Напоминали людей»; «На следующий день он повел нас на прогулку. Мы вышли к холмам. Это была северо-восточная оконечность Сараева. Вокруг были кладбища. Одинаковые новые каменные надгробия белели, точно воткнутые в землю кости»[44].

Иначе ощущается и декларируется повествователем «Дневника…» оппозиция *свой* / *чужой*.

«Судовой журнал» открывался символическим очерчиванием повествователем «*своей* Центральной Европы»[45]. В «На пути в Бабадаг» и «Фадо» это пространство осмысляется как свое вдвойне – и по факту принадлежности к сообществу центральноевропейцев, и потому, что (подобно тому, как это происходит с фотографиями, согласно описанному Р. Бартом механизму[46]) оно особым образом – в любом «кадре» – отзывается в повествователе. Отсюда некое смутное, но постоянное ощущение ностальгии и *нежности*, дополнительно связующее, скрепляющее ту самую «повесть, что катится во все стороны»: «Я бы хотел, чтобы меня похоронили во всех тех местах, где я был и где еще побываю»[47].

Повествователь «Дневника…» чувствует себя на Балканах одновременно своим и чужим. С одной стороны, детство его поколения (Стасюк родился через пятнадцать лет после окончания Второй мировой войны) «было пропитано войной»: «Мы жили войной, вспоминали войну, восхищались ею, боялись ее и мечтали о ней. […] Наверное, я все детство хотел принять участие в какой-нибудь войне. В сущности, я был зол, что она закончилась, что обо всем приходится узнавать у старых теток и бабушек […]. Наверное, поэтому я поехал в Боснию»[48]. С другой, глядя на даты на надгробии – «1960–1993», повествователь осознает, что, являясь ровесником погибшего, который, как написано

---

44 Там же. С. 32, 81, 83, 88.

45 *Stasiuk A*. Dziennik okrętowy // Andruchowicz J., Stasiuk A. Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową. Wołowiec, 2000. S. 77.

46 «Вдруг […] какая-то фотография задевает меня […]: она оживляет меня, я оживляю ее. Именно так мне следует назвать притягательность, которая дает ей существовать, – одушевление (*Барт Р.* Camera lucida. С. 35).

47 *Стасюк А*. На пути… С. 212, 11.

48 *Stasiuk A*. Dziennik… S. 88–89.

на могильном камне, «отдал жизнь за Боснию и Герцеговину», он сам «в девятьсот девяносто третьем, кажется, не особенно думал о какой-то войне» и даже «не очень хорошо представлял себе, где находится Босния. Она располагалась где-то на редкость далеко, на окраине континента, на краю воображения»[49].

Осознание себя центральноевропейцем перестает быть источником меланхолической – «горизонтальной», «фотографической» – свободы *и* от Востока, *и* от Запада (определение, данное критиком описываемому Стасюком пространству, – «меланхолическое королевство»[50], в которое входили в том числе и описываемые в первых травелогах территории *Юго-Восточной* Европы, – обязано своей точностью тому, что оно характеризует и отношение повествователя к этой части Европы, и его самоощущение внутри нее). С одной стороны, в «Дневнике…» сохраняется внутреннее противопоставление себя западноевропейцу: «…я дворняжка, я из других краев […]. Помесь Востока и Запада. Поэтому я предпочитаю эти еретические страны. Этих отщепенцев, которые время от времени привлекают телевизионщиков со всего мира запахом крови»[51]. С другой – повествователь все же ощущает свою инакость: «Я даже в темноте выглядел чужим […]. Нельзя было спрятаться, невозможно притвориться. Меня выдавала походка и выдавал взгляд. Все меня выдавало. А они были похожи на свою родину»[52]. Именно эта неустойчивость, неопределенность самоощущения заставляет его в Сребренице «стыдиться вынуть фотоаппарат и сделать снимок»[53].

Повествователь «Дневника…» словно бы в ужасе отшатывается от возникшего перед его глазами «крупным планом» собственного отражения – порожденной романтическим мессианизмом польской национальной мифологии, базирующейся на культе героической жертвы и включающей в себя некое извращенное, замешанное на мартирологии, соперничество: «…я еду […] на Балканы, чтобы обо всем этом думать. […] Где минные поля, минареты, могилы, шаровары и автоматные очереди в мобильниках вместо звонка. Оттуда лучше видно, как моя родина стоит раскорякой и все не может решиться.

49 Ibid. C. 116

50 *Snochowska-Gonzalez C.* Od melancholii do rozpaczy. O prozie Andrzeja Stasiuka // Studia Litteraria et Historica. 2013. № 2. S. 299.

51 *Stasiuk A.* Dziennik… S. 121–122.

52 Ibid. S. 101.

53 Ibid. S. 117.

Из этих краев смерти. […] Смотреть из Вуковара, как моя родина жаждет мученичества, жаждет крови и смерти в эту скудную эпоху […]. Моя страна, привыкшая к провалам, козням истории, кровопусканию, ждет не дождется резни, ночных бдений, погребальных плачей и похоронных процессий. Пусть нас, черт возьми, убьют, только пусть запомнят! […] Пусть нас сожгут в подвалах города, чтобы вонь впиталась в стены на века. […]. Пусть забудут, но так, чтобы помнили. […] Словно они завидуют евреям с их пламенем, потому что всегда всем завидовали. Немцам – из-за мерседесов, евреям – из-за денег и что они такие знаменитые, потому что ловко дали себя сжечь. Я затем и езжу в Сребреницу, чтобы обо всем этом думать. О своей родине, которая тоскует по резне, но уже не обладает таким мужеством, как Балканы, а потому вынуждена оплакивать старые трупы. Она вытаскивает их из могил и все не может наглядеться»[54].

Если книги Стасюка, касающиеся пространств, не входящих в его Центральную Европу, какой она была очерчена в «Судовом журнале» («Нет Германии, нет России»[55]), – «Дойчланд» и «Восток» – своего рода психоанализ (применительно к «Дойчланд» об этом говорит сам писатель – «поездка в Германию есть психоанализ»[56], а «Восток» очевидно посвящен опыту, вытесняемому из польского коллективного сознания[57]), то «Дневник…» – нечто вроде гештальт-терапии, т. е. терапии *контакта*. Это словно бы столкновение наяву с тем, что «было в крови, переданное родителями и дедами, кружило по венам – не хватало только реальной картинки в масштабе один к одному»[58].

«Дневник» отражает парадоксальное желание *и убежать* «от собственной страны», *и пережить* бремя принадлежности к ней максимально остро, открыто, сильно – «в версии хардкор»[59]. «В конце концов, надо иметь в крови долю некрофилии, чтобы спалить ко всем чертям кусок собственного полуострова. […] Была в этой резне какая-то бескорыстность. […] Европа смотрела на них, а они говорили: “Смотрите, как это делается”. […] Это memento, и мы должны быть им благодарны. Нашелся тот, кто напомнил о старых умениях. Пока остальной континент гордо упражнялся в консенсусе, прогрессе

54 Ibid. S. 138.

55 *Stasiuk A*. Dziennik okrętowy. S. 77.

56 *Stasiuk A*. Dojczland. Wołowiec, 2007. S. 27.

57 Подробнее см: *Czapliński P.* Poruszona mapa… S. 150–154.

58 *Stasiuk A*. Dziennik…. S. 88.

59 Ibid. S. 122.

и мирном сосуществовании, они тут устраивали друг другу Endlösung и карнавал в одном флаконе»[60]. Эта «последняя» европейская война безжалостно обнажает последствия невозможности взаимопонимания, «достижения *modus vivendi* разных групп, населяющих одну территорию»[61].

Характерно, что повествователь и здесь почти не стремится реконструировать какие-либо конкретные сюжеты, важен сам факт *соприкосновения* с этим memento: «В какой-то момент в Боснии я перестал пытаться угадать, кому принадлежали руины. […] За Томиславградом меня перестало интересовать, сербские эти трупы домов, хорватские, боснийские или, может, югославские. Я сдался. […] Я представлял себе далекое пламя в темноте и людей, которые на него смотрят»[62].

Переживание Балкан как примера выплеснувшегося уже на его памяти «центральноевропейского наследия национализма»[63] приводит Стасюка к осознанию невозможности избежать рефлексии о бремени польской ментальности и польской коллективной памяти: «Я сказал себе: теперь думай о своей родине. Как блудный сын, вернувшийся спустя годы. Думай о ней, потому что оказалось, что другой у тебя не будет»[64]. Этим «думам» посвящена третья часть «Дневника», своего рода горькое возвращение к своей польскости, лирически-гротескный монолог, которому предпослан выразительный эпиграф из Э. Чорана: «Мне понадобилась вся жизнь, чтобы привыкнуть к мысли, что я румын»[65].

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М.: Индрик, 2005. 544 с. DOI: 10.31168/91674-501-6.

Адельгейм И. Е. «Вечное настоящее». Фотографическое ви́дение Анджея Стасюка («На пути в Бабадаг») // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 295–311. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.16.

Барт Р. Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997. 87 с.

60 Ibid. S. 107.

61 *Fazan J.* “Kundel… S. 184.

62 *Stasiuk A*. Dziennik… S. 120.

63 *Snochowska-Gonzalez C*. Od melancholii… S. 323.

64 *Stasiuk A*. Dziennik… S. 157.

65 Ibid. S. 129.

Безруков А. Н. Феноменология путешествия в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2016. С. 183–199. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44.

Пономарев Е. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (дата обращения: 27.01.2025).

Снайдер Т. О тирании. 20 уроков XX века. М.: Corpus, 2018. 192 с.

Сонтаг С. О фотографии. М.: Ad Marginem, 2014. 272 с.

Стасюк А. На пути в Бабадаг / пер. И. Адельгейм. М.: НЛО, 2009. 288 с.

Bagłajewski A. Mapa, podróż, czas // Kresy. 2004. № 4. S. 95–101.

Czapliński P. Poruszona mapa. Wyobraźnia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016. 420 s.

Fazan J. "Kundel, hiena, mieszaniec". Geopolityczne wyprawy Andrzeja Stasiuka // W ogrodzie świata: profesorowi Aleksandrowi Fiutowi na siedemdziesiąte urodziny. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagillońskiego, 2015. S. 181–192.

Fazan J. Andrzej Stasiuk, syn swego kraju. URL: https://wiez.pl/2021/06/06/stasiuk-syn-swego-kraju/ (дата обращения: 27.01.2025).

Millati P. Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka // Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku. Red: H. Gosk, B. Karwowska. Warszawa: Elipsa, 2008. S. 51–80.

Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski // Tygodnik Powszechny. 2002. № 14. S. 9.

Pilch J. Epifanie spod celi // BruLion. 1991. № 17–18. S. 13.

Snochowska-Gonzalez C. Od melancholii do rozpaczy. O prozie Andrzeja Stasiuka // Studia Litteraria et Historica. 2013. № 2. S. 298–330. DOI: 10.11649/slh.2013.013.

Stasiuk A. Dojczland. Wołowiec: Czarne, 2007. 112 s.

Stasiuk A. Dziennik okrętowy // Andruchowicz J., Stasiuk A. Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową. Wołowiec: Czarne, 2000. S. 75–140.

Stasiuk A. Dziennik pisany później. Wołowiec: Czarne, 2010. 168 s.

Stasiuk A. Fado. Wołowiec: Czarne, 2006. 176 s.

Stasiuk A. Podróże jak modlitwy URL: https://www.rp.pl/telewizja/art-15173101-podroze-jak-modlitwy (дата обращения: 27.01.2025).

Wierzejska J. Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem // Nowe Książki. 2010. № 2. S. 137.

Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką. Wołowiec: Czarne, 2015. 200 s.

References

Adel'geim, I. Je. *Poetika promezhutka. Molodaia pol'skaia proza posle 1989 goda*. Moskva: Indrik, 2005, 544 p. DOI: 10.31168/91674-501-6.

Adel'geim, I. Je. "«Vechnoje nastoiashcheje». Fotograficheskoje vídenije Andzheia Stasiuka («Na puti v Babadag»)." *Slavianskii al'manakh*, 2024, No 3–4, pp. 295–311. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.16.

Bagłajewski, A. "Mapa, podróż, czas." *Kresy*, 2004, No 4, pp. 95–101.

Barthes, R. *Camera lucida*. Moscow: Ad Marginem, 1997, 87 p.

Bezrukov, A. N. "Fenomenologiia puteshestviia v «Zimnikh zametkakh o letnikh vpechatleniiakh» F. M. Dostojevskogo." *Russkii travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy*. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2016, pp. 183–199. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44.

Czapliński, P. *Poruszona mapa. Wyobraźnia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016. 420 p.

Fazan, J. "«Kundel, hiena, mieszaniec». Geopolityczne wyprawy Andrzeja Stasiuka." *W ogrodzie świata: profesorowi Aleksandrowi Fiutowi na siedemdziesiąte urodziny*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagillońskiego, 2015, pp. 181–192.

Fazan, J. *Andrzej Stasiuk, syn swego kraju*. URL: https://wiez.pl/2021/06/06/stasiuk-syn-swego-kraju/ (accessed: 27.01.2025).

Millati, P. "Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka." *Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku*. Warszawa: Elipsa, 2008, pp. 51–80.

Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski. *Tygodnik Powszechny*, 2002, No 14, p. 9.

Pilch, J. "Epifanie spod celi." *BruLion*, 1991, No 17–18, p. 13.

Ponomarev, Je. *Travelog vs. putevoi ocherk: postkolonializm rossiiskogo izvoda*. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (accessed: 27.01.2025).

Snochowska-Gonzalez, C. "Od melancholii do rozpaczy. O prozie Andrzeja Stasiuka." *Studia Litteraria et Historica*, 2013, No 2, s. 298–330. DOI: 10.11649/slh.2013.013.

Snyder, T. *O tiranii. 20 urokov XX veka*. Moscow: Corpus, 2018, 192 p.

Sontag, S. *O fotografii*. Moscow: Ad Marginem, 2014, 272 p.

Stasiuk, A. *Dojczland*. Wołowiec: Czarne, 2007, 112 p.

Stasiuk, A. "Dziennik okrętowy." Andruchowicz J., Stasiuk A. *Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową*. Wołowiec: Czarne, 2000, pp. 75–140.

Stasiuk, A. *Dziennik pisany później*. Wołowiec: Czarne, 2010, 168 p.

Stasiuk, A. *Fado*. Wołowiec: Czarne, 2006, 176 p.

Stasiuk, A. *Na puti v Babadag*, transl. by I. Adel'geim. Moscow: NLO, 2009. 288 p.

Stasiuk, A. *Podróże jak modlitwy*. URL: https://www.rp.pl/telewizja/art15173101-podroze-jak-modlitwy (accessed: 27.01.2025).

Wierzejska, J. "Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem." *Nowe Książki*, 2010, No 2, p. 137.

Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką. Wołowiec: Czarne, 2015, 200 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.14

I. Ye. Adel'geym

"To Travel (Without) Stumbling over the History…": Central Europe and the Balkans in Andrzej Stasiuk's Travelogues

Irina Ye. Adel'geym
Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: adelgejm@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Citation
Adel'geym I. Ye. "To Travel (Without) Stumbling over the History…": Central Europe and the Balkans in Andrzej Stasiuk's Travelogues // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 309–324 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.14

Received: 06.02.2025.
Revised: 11.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The article is devoted to the travel prose related to the space of the Central European province and the Balkans by Andrzej Stasiuk, one of the leading contemporary Polish writers. It's primarily about travelogues "On the Way to Babadag" (2004), "Fado" (2006) and "Diary Written Later" (2010), the analysis of which makes it possible to trace the change of the author's narrative strategy in connection with the desire to avoid the historical dimension of the described space ("On the Way to Babadag", "Fado") or, on the contrary, to experience it as fully as possible ("A Diary Written Later"). The key categories for the narrator's perception of the pe-

riphery of Central and South-Eastern Europe are decay and timelessness, and the text-forming emotions are melancholy ("On the Way to Babadag", "Fado") and fear ("A Diary Written Later"). Ways of reconstructing the path and the memory of it, narrator's self-perception as his own / alien in relation to the experienced space are analyzed, as well as an attempt to avoid the historical perspective (which allows to achieve the illusion of spatial balance in the *East* / *West* semantic field painful for the Polish mentality) and, on the contrary, the experience of collision with History. The experience of the memory of the Balkan space about the war leads the narrator of the "Diary Written Later" to realize the impossibility of avoiding reflection on the burden of Polish mentality and Polish collective memory based on the cult of martyrology.

Keywords
Space, *photographic vision*, *memory*, *historical perspective*, *East / West*, *War in the Balcans*.

УДК 82.09
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.15

Е. В. Байдалова

Художественный концепт «граница» в творчестве Сергея Жадана середины 1990-х гг. – 2010-х гг.

Байдалова Екатерина Викторовна
Научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: e.baydalova@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-6263-8358

Цитирование:
Байдалова Е. В. Художественный концепт «граница» в творчестве Сергея Жадана середины 1990-х гг. – 2010-х гг. // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 325–339. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.15

Статья поступила в редакцию 13.02.2025.
Рецензирование завершено 25.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Граница – одна из наиболее ярко выраженных пространственных доминант в творчестве Сергея Жадана. Художественный концепт «граница» представлен в его произведениях такими языковыми единицами, как «кордон», «межа» и др., может включать в себя лексему «остров» как ограниченное пространство и «вокзал» как метафорические ворота, место выхода в другую локацию. Он тесно связан с мотивом путешествия, дороги, вечного движения. В прозе и поэзии 2010-х гг. концепт «граница» становится более фундаментально связан с геополитическими, историческими, этнопсихологическими реалиями, находящимися вне литературного произведения, что характерно в целом для творчества Жадана, совмещающего злободневные вопросы современной действительности и неомифологизм. В этот период, в отличие от раннего, «граница» теряет семантику перехода. Линия границы перестает быть условной чертой, которую нужно преодолеть. Она становится местом постоянного пребывания, как пространственного, так и онтологического. Вокзал же, который раньше был символическими воротами перехода на другую сторону пространства, теряет свою основную функцию. Он становится местом, где люди могут найти приют, возможно, последний в своей жизни.

Ключевые слова
Украинская литература, *художественный концепт*, *С. Жадан*, *граница*, *Украина*.

Сергей Викторович Жадан (род. 1974) – крупнейший современный украинский писатель, автор многочисленных поэтических сборников, трех романов, пьесы, либретто, нескольких сборников рассказов и эссе[1]. Писатель родился в г. Старобельске Ворошиловоградской области УССР (ныне административный центр Старобельского муниципального округа Луганской Народной Республики Российской Федерации). В 1991 г. поступил в Харьковский университет и с тех пор постоянно живет в Харькове. Жадан – из тех писателей, которые сознательно выбрали языком своего творчества украинский. Граница – одна из наиболее ярко выраженных пространственных доминант в его творчестве, однако художественный концепт «граница» выходит далеко за рамки только пространственного измерения.

С точки зрения лингвистики концепт рассматривается как «минимальная единица языковой картины мира, из концептов складывается представление об окружающей действительности как отдельного человека, так и целых народов. В этом плане слово “концепт” близко к слову “понятие”, однако если последнее включает в себя лишь значимые составляющие какого-либо явления, то концепт – совокупность абсолютно всех характеристик»[2]. Одним из наиболее лаконичных, но емких по содержанию представляется следующее определение данного термина: «Концепт – это единица коллективного сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой»[3].

---

1 Подробнее о биографии и творчестве Жадана см.: *Байдалова Е. В.* Мифологема города в поэзии и прозе Сергея Жадана // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2023. С. 88–93.

2 *Бурдин И. В., Аввакумова Н. В.* Понятие «концепт» в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 97.

3 *Шулятиков И. С.* Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского гуманитарного университета. Филологические науки. 2015. С. 101.

Данный термин, пришедший в литературоведение из когнитивной лингвистики и являющийся одним из основных в лингвокультурологии[4], уже давно уверенно занимает свои позиции и при анализе художественных текстов[5]: «В сознании писателя языковой концепт трансформируется, в него включаются смыслы, актуальные для этой конкретной личности. […] Концепт становится художественным, когда автор как творец вкладывает в него совершенно новые, ранее не присущие ему смыслы. Художественные концепты формируют концептосферу произведения, его художественное пространство. Новые авторские смыслы делают концепт художественным, при этом в тексте концепт продолжает включать в себя как общеязыковые, так и личные авторские смыслы, а также те, которые может вложить читатель»[6]. Таким образом, концепт не является «закрытым», он продолжает формироваться и наполняться смыслом в процессе восприятия произведения читателями. В. Г. Зусман под литературным концептом понимает «такой образ, символ или мотив, который имеет “выход” на геополитические, исторические, этнопсихологические

4 В рамках данного исследования не стоит задача дать полный анализ понятия «концепт» в отечественной лингвистике – лишь привести примеры некоторых работ (наиболее значимых или наиболее современных), посвященных этому термину (в алфавитном порядке): *Ангелова М. М.* «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. М., 2004. Выпуск 3. С. 3–10; *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267–279; *Буренкова О. М., Гилязева Э. Н.* Понятие «концепт» в трудах отечественных и зарубежных лингвистов // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 08 (62). Ч. 1. Август. С. 40–43; *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002; *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М., 1997. С. 148–165; Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1991; *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001; *Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007 и др.

5 О перспективе использования данного термина в когнитивном литературоведении см.: *Володина Н. В.* Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 2–1 (35). С. 9–19.

6 *Бурдин И. В., Аввакумова Н. В.* Понятие «концепт»… С. 99.

моменты, лежащие вне художественного произведения»[7], и подчеркивает обозначенную еще в работах А. Аскольдова мысль, что цепочки концептов образуют коммуникативные системы, характеризующиеся динамичностью, открытостью и потенциальностью. Именно эти системы и определяют специфику национальной картины мира. Таким образом, используя концепт как единицу анализа, «литературоведение получает возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть. Устойчивое значение произведения и слова перерастает при этом в подвижный, открытый, противоречивый, целостный смысл»[8]. Концепт позволяет «рассмотреть в единстве художественный мир произведения и национальный мир»[9]. В данной работе будет использоваться термин «художественный концепт»[10], а не «литературный» (в настоящее время оба определения встречаются в работах разных исследователей как синонимичные), поскольку он представляется более удачным.

Следует отметить, что в данной работе художественный концепт «граница» рассматривается в большей степени как пространственный, но и в контексте пространственно-семиотической концепции Ю. М. Лотмана, где граница связана в том числе с проблемами межкультурной коммуникации и развитием культуры в исторической перспективе, приобретает в значительной мере философский смысл и включает не только культурные, национальные, ментальные, социальные, языковые границы, но также онтологические, является как местом разделения «своего» («культурного», «безопасного», «гармонически организованного») и «чужого» («враждебного», «опасного», «хаотичного»), так и местом их встречи, принадлежит обеим

7 *Зусман В. Г.* Диалог и концепт в литературе: Литература и музыка. Нижний Новгород, 2001. С. 14.

8 *Зусман В. Г.* Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 29.

9 Там же.

10 Описание принципиальных различий между терминами «концепт» и «образ», «символ», «архетип», «мифологема», «миф» можно найти в работе: *Бурдин И. В., Аввакумова Н. В.* Понятие «концепт»… Изложение различия в употреблении терминов «концепт» и «категория» содержится в работе: *Усманова Р. Ш.* Концепт и категория: проблема соотношения // Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики: материалы Международной научно-практической конференции, 27–28 апреля 2006 г., г. Екатеринбург. Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2006. С. 206–209.

пограничным культурам[11], в которых наиболее значимые события и происходят как раз на периферии, на границе. Однако «в случаях, когда семиосфера включает и реально-территориальные черты, граница приобретает пространственный смысл в прямом значении»[12].

Художественный концепт «граница» в поэзии и прозе Жадана представлен такими языковыми единицами, как укр. «кордон» и «межа», может включать в себя лексемы «острів» как ограниченное пространство и «вокзал» как метафорические ворота, место выхода в другую локацию, в некоторых случаях – лексемы «дверь», «ворота», «поріг» и др. Он тесно связан с мотивом путешествия, дороги, вечного движения, ведущего в том числе из города и в город, на границу и от границы, и появляется уже в дебютных сборниках стихотворений поэта. Отчасти поэтому в раннем творчестве Жадана так много разных городов, которые играют важную роль в формировании личности человека, его самосознания и идентичности[13].

В сборнике «Цитатник» (1995), где намечены основные темы, сюжеты, образы и т. д. дальнейшей поэзии и прозы Жадана, художественный концепт «граница» представлен в первую очередь донбасской приграничной степью. Это «…зі Сходу ворота, навіть ні, краще – двері» («с Востока ворота, даже нет, лучше – двери»[14]), фантасмагорическое пространство – «слобожанский Клондайк» – со «сплошными пустынями», «золотом и хлебом», «темнокожими мулатками» – «амазонками сухой земли», – которые «П'ють горілку і членствують в комсомольскім активі» («Пьют водку и членствуют в комсомольском активе»)[15]. В стихотворениях этого периода актуализируются такие составляющие концепта «граница», как «врата», «двери». Граница – это прежде всего пространство перехода, выхода в другую реальность, «Де в электричках гамірним напливом // Зника чергова доза громадян» («Где в электричках шумным наплывом //

---

11 *Лотман Ю. М.* Понятие границы // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 257–268.

12 Там же. С. 265.

13 О мифологеме города в творчестве С. Жадана подробнее см.: *Байдалова Е. В.* Мифологема города… С. 88–149.

14 Здесь и далее, если не указано иное, подстрочный перевод с украинского автора статьи.

15 *Жадан С.* Цитатник. Харків, 2008. С. 16. В данном издании содержатся несколько ранних поэтических сборников Жадана, а также некоторые стихотворения, не вошедшие ранее в другие сборники.

Исчезает очередная доза граждан»)[16]. Пространство за границей – это чужое пространство, экзотическое и, возможно, смертельно опасное, но вместе с тем и пространство неизведанных возможностей:

Проте є шлях – пів доби на Захід
Потяг мчатиме швидко й прудко,
Де на Дніпрі жовтаві хінці
Виловлюють рибу довгими вудками.

І зманюючи їх під в'язку поверхню,
Душ рибальських руйнуючи шлюзи,
Наповнюючи собою нічну акустику,
Русинки-русалки співатимуть блюзи…[17]

Но путь существует – на Запад
Скорым полсуток.
Где бросили в Днепр желтоватые хинцы
Лески от удок.

Под вязкую маня воду,
Души рыбацкие руша, как шлюзы,
Переполняя ночную акустику,
Русалки-русинки поют блюзы[18]…

Свое же пространство не только фантасмагорично, но и пронизано знаками медленного угасания, болезни и разложения:

Людолюбство й ненависть,
ковбаси і спирт –
Ця країна загиджена ними по вінця,
Я сприйняв, я змирився, затих і стерпів,
Я прямую німим лабіринтом степів,
А навколо доконує хвора провинція[19].

Человеколюбие и ненависть,
колбаса и спирт –
Эта страна загажена ими до краев,
Я принял, я смирился, затих и стерпел,
Я иду прямо немым лабиринтом степей,
А вокруг умирает больная провинция.

Выход за пределы «своего» пространства кажется практически невозможным, а граница – будто бы полностью непроницаемой: «Наш поріг // навряд чи подолать кому – // він неприступний, ніби мур. // І це нагадує скоріш // не дім, але тюрму» («Наш порог // вряд ли кому-то преодолеть – // он неприступный, будто стена. // И это напоминает скорее // не дом, а тюрьму»)[20]. Граница представляется местом, где все заканчивается, или местом, где полностью меняется идентичность: «кордон – кінець мети, // де розбудовано пости // і зірвано мости» («граница – конец цели, // где построены посты // и взорваны мосты»)[21].

16 Там же. С. 15.

17 Там же. С. 35.

18 Перевод А. Пустогарова. URL: https://stihi.ru/2009/11/05/3816 (дата обращения: 01.02.2025).

19 *Жадан С.* Цитатник… С. 16.

20 Там же. С. 41.

21 Там же.

Представление о границе как потенциальном месте перехода в другую реальность и связанная с этим возможность трансформации есть и в дебютном романе писателя «Депеш Мод» (2004 г.). Его герои перемещаются по городу, то удаляясь от центра, то возвращаясь к нему, в бесплодных поисках товарища. В конце концов они оказываются на вокзале. В этом месте расположены символические «двери» или «врата», входящие в концепт «граница», через них, кажется, можно покинуть пространство, из которого друзья не могут вырваться, по которому «передвигаются ощупью, как электрические скаты под водой, даже не веря, что нужно действительно куда-то передвигаться»[22]. Только нарратор сумеет преодолеть границу. Он покинет бесконечные городские лабиринты и окажется в окружении природы: леса, свежего воздуха и солнечных лучей. Здесь он сможет переплыть речку и «посмотреть, наконец, что там – с той стороны реки»[23]. Таким образом, возможность преодолеть границу, выйти за ее пределы в этом романе оказывается единственно реальным способом изменить свое сознание и жизнь. Однако роман заканчивается рассказом о червяке, который «отползает от нас на Запад – на другую сторону платформы», и следующим заключением: «Я даже думаю, что этой дороги ему хватит на всю его жизнь»[24]. Таким образом писатель сводит к минимуму пафос предыдущей сцены и одновременно подчеркивает, что сам путь и может быть содержанием всей жизни и подлинным смыслом бытия.

Нередко в произведениях конца 1990-х – 2000-х гг. концепт «граница» включает в себя понятие реальной границы и тесно связан с такими лексемами, как «контрабанда», «наркоторговля», «бандитизм» и «спекуляция» (сборники поэзии «Пепси» (1998), «Баллады про войну и восстановление» (2001), «У.Р.С.Р.» (2004), «Марадона» (2007)). По описаниям это чаще всего западная граница страны, которую, с одной стороны, герои отчаянно хотят пересечь в поисках лучшей жизни, с другой стороны, так же отчаянно хотят перейти ее обратно. Характерно в этом отношении произведение «Я твое противоядие», в центре которого – противоречивые отношения между мужчинами и женщинами, где «ненависть так странно граничит с любовью»[25]. Эти амбивалентные чувства заставляют

22 *Жадан С.* «Депеш Мод». Харків, 2006. С. 177.

23 Там же. С. 223.

24 Там же.

25 *Жадан С. В.* Марадона: Нова книга віршів. Харків, 2007. С. 32.

одну «прикольную пару»[26] использовать друг друга и подставлять при переходе украинско-польской границы, когда «он» и «она» (именно так, без имен, фигурируют эти персонажи в тексте) перевозят наркотики. «Он» бросает ее сразу после перехода границы, но оказывается, что «она» покидает возлюбленного и переходит границу в обратную сторону не одна, а вместе с его наркотиками в своей косметичке.

Таким образом, в этот период творчества в художественном концепте «граница» в поэзии и прозе Жадана преобладает явный криминальный флер. Однако такая криминальная, контрабандистская граница в поэзии Жадана всегда получает и метафизическое измерение, тесно связанное с понятием Родины и идентичности. Как в строчках бандитской песни, которую поет водитель из стихотворения «Mercedes-Benz» (сборник «Марадона»), ставшего впоследствии текстом одной из самых известных песен группы «Жадан и собаки»[27]:

не плач, моє серце, не плач,
не муч свою душу картонну,
ми ще зустрінемось
з того боку кордону.

з того боку життя,
з того боку державної митниці.
ми ще побачимось де-небудь в
районі Вінниці.

я люблю цю країну
навіть без кокаїну,
небо це березневе,
без тебе, серце, без тебе.

кину все, що виніс,
перепродам свій бізнес,
вийду на берег Дунаю,
там і сконаю[28].

не плачь, мое сердце, не плачь,
не мучай свою душу картонную,
мы еще увидимся
с той стороны границы.

с той стороны жизни,
с той стороны государственной таможни
мы еще увидимся где-нибудь
в районе Винницы.

я люблю эту страну
даже без кокаина,
небо это мартовское,
без тебя, сердце, без тебя

кину все, что вынес,
перепродам свой бизнес,
выйду на берег Дуная,
там и скончаюсь.

Переход границы равен одновременно и возвращению на родину, и переходу по ту сторону бытия, за пределами которого останется все материальное, что к этому моменту приобрел герой. Таким образом,

26 Там же.
27 Группа, фронтменом и автором текстов которой является С. Жадан.
28 *Жадан С. В.* Марадона… С. 49.

граница оказывается в том числе переходом на другую сторону жизни. На границе человек находится максимально близко к возможному переходу из мира живых в мир мертвых, он может быть «подстрелен на границе» при попытке «вырваться за границы Отчизны»[29], но его тело, плывущее по реке, будет «разворачивать течение, будто церковь, – головой на Восток»[30] – туда, откуда он родом. Граница, таким образом, обретает метафизическое измерение.

В зрелой прозе и поэзии Жадана, начиная с 2010-х гг., концепт «граница» осмысляется по-новому, становится более глубоко и фундаментально связан с геополитическими, историческими, этнопсихологическими реалиями, находящимися вне литературного произведения, что характерно в целом для творчества Жадана, совмещающего остро социальные, злободневные вопросы современной действительности и неомифологизм. Граница как «важнейший топологический признак пространства» теряет, по определению Ю. М. Лотмана, «основное ее свойство – непроницаемость»[31].

Герои романов Жадана живут как будто всегда на краю, на границе реальной (это может быть граница города, околица, приграничная территория) или метафизической: граница между жизнью и смертью, раем и адом, реальностью и ирреальностью. Такое изменение этого художественного концепта в творчестве Жадана намечается еще в романе «Ворошиловград» (2010). Главный герой произведения, Герман, возвращается на родину: в «сонный городок»[32], где он в детстве и отрочестве жил «по ту сторону пшеничных полей, на окраине, в белых панельных домах, вокруг которых росли высокие сосны»[33]. Это место почти полностью заброшено: «Тротуары были сплошь засыпаны песком, во дворах пробивалась зелень, как будто город опустел и зарастал теперь травой и деревьями. Зелень забивала собой все щелки и тянулась вверх легко и настойчиво. […] Площадь напоминала бассейн, из которого выпустили воду. Сквозь выбеленные дождями каменные плиты прорастала трава, все это становилось похожим на футбольное поле»[34]. На окраине, на выезде из города,

29 *Жадан С.* Цитатник… С. 19.

30 Там же.

31 *Лотман Ю. М.* Структура поэтического текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 166.

32 *Жадан С.* Ворошиловград. Харьков, 2011. С. 28.

33 Там же. С. 29.

34 Там же. С. 61–62.

на его границе находится и автозаправка, вокруг которой разворачиваются основные события в романе. Ее пограничное положение между небольшим городком и бескрайней степью предопределяет ее значимость. Однако в тексте неоднократно подчеркивается, что и сам городок находится на приграничной территории: в романе появляются и пресловутые контрабандисты, и загадочный литерный поезд, передвигающийся по заброшенной недостроенной железнодорожной колее, по которой не ездит больше никто. Граница в этом романе оказывается проницаема не только для живущих по ту и другую ее сторону людей, но и для загадочных кочевников-монголов, следующих по ее территории в свою землю обетованную – Европу, – или сверхъестественных странных фигур, шествующих ночью по степи и скрывающих «в своих легких сгустки тумана»[35], а также для давно умерших друзей Германа, приезжающих однажды ночью на пахнущем «как трупы после воскрешения»[36] «икарусе» поиграть в футбол. Таким образом, художественный концепт «граница» в этом романе включает в себя онтологическое измерение: границу между миром живых и мертвых, ирреальным и реальным, земным и небесным, видимым и невидимым, но вместе с тем и границу как место жительства, куда герой едет на время, но где, обретя себя через воспоминания и испытания, останется, похоже, навсегда.

В книге «Месопотамия» (2014) место действия – Харьков как Месопотамия, пространство между двумя реками (Харьков и Лопань / Тигр и Евфрат), которое вобрало в себя всю историю и культуру от времен ассирийско-вавилонского господства до современности. Расположение города амбивалентно: оно является условием безопасной жизни города, но вместе с тем отделяет от окружающего мира. «Город солнца»[37] одновременно становится городом-островом: «город, что стоит на реке, более защищенный и спокойный, жизнь в таком городе держится своих границ и имеет свой порядок»[38]. Таким образом, горизонтальная граница в этом произведении – это то, что огораживает, изолирует, делает невозможным для проникновения ничего постороннего, но не место перехода. Вертикальная же граница разомкнута: это город, закрытый от всех посторонних,

35 Там же. С. 58.

36 Там же. С. 110.

37 *Жадан С.* Месопотамія: збірка оповідань і віршів. Харків, 2014. С. 287.

38 Там же. С. 58.

но «открытый небу»[39], на котором святые наблюдают за ним и кормят «с рук птиц, прислушиваясь к голосам снизу»[40].

В романе «Интернат» (2017 г.) особым локусом является городской вокзал – место, имеющее важное значение в поэтике Жадана. Вокзал – это, как уже отмечалось относительно романа «Депеш Мод», врата в другое пространство, он связан с семантикой границы, которую человек переходит и имеет возможность переместиться в другое измерение, получить новый жизненный опыт и обрести новую идентичность. Но в «Интернате» железнодорожный вокзал не используется по своему прямому назначению: оттуда не уезжают поезда. Вместо этого он становится убежищем для сотен людей, которые находят там приют, сидят «в середине, словно в церкви в осажденном городе»[41]. Паша, главный герой произведения, оказывается там дважды: в начале своего пути в город и в конце. Во второй раз людей на вокзале гораздо больше, сам же вокзал производит впечатление корабля, «который идет на дно в открытом океане»[42]. Люди, изнуренные своими бедами, не готовы сопереживать другим: они, подобно пассажирам тонущего судна, смотрят на тех, кому удалось спастись с другого лайнера и кто пытается забраться к ним, «с ненавистью, сыплют проклятия, возмущаются, не проявляют никакого сочувствия, ни капли сопереживания. Хотя утонут, ясное дело, все»[43]. В этом тексте присутствуют аллюзии одновременно на «Титаник» и на ветхозаветный ковчег: дождь, который начался ночью, «не думает останавливаться: выливается на город, бьет вкось по металлическим товарнякам, по разбитым цистернам. […] Сколько нужно еще времени, чтобы все это закончилось? – думает Паша, рассматривая косые потоки. Сколько нужно времени, чтобы все это исчезло под водой? Время остановилось, ничего не осталось…»[44]

Таким образом, в творчестве Жадана с конца 2010-х гг. из художественного концепта «граница» исключается семантика перехода. Линия границы становится не условной чертой, которую нужно преодолеть, а местом постоянного пребывания, где нужно жить, как в «Месопотамии». Вокзал же утрачивает свою основную функцию

39 Там же. С. 98.
40 Там же. С. 134.
41 *Жадан С.* Інтернат. Чернівці, 2017. С. 61.
42 Там же. С. 198.
43 Там же.
44 Там же. С. 230–233.

символических ворот перехода на другую сторону пространства, становится местом пребывания людей, возможно, последнего.

В заключение следует отметить, что изучение художественных концептов в произведениях С. В. Жадана и в целом его концептосферы представляется крайне перспективным. Так, очевидно, что некоторые концепты (память / «мова» / молчание, или Родина / граница, или птицы / псы / деревья) образуют определенные категории, отражающие как индивидуальную картину мира писателя, так и этнонациональный компонент. Их описание и изучение может быть продуктивным и, несомненно, полезным для всех, кто изучает украинскую культуру.

Источники и литература

Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. М., 2004. Вып. 3. С. 3–10.

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

Байдалова Е. В. Мифологема города в поэзии и прозе Сергея Жадана // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 88–149. DOI: 10.31168/7576-0481-7.2.

Бурдин И. В., *Аввакумова Н. В.* Понятие «концепт» в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 97–100. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.21.

Буренкова О. М., *Гилязева Э. Н.* Понятие «концепт» в трудах отечественных и зарубежных лингвистов // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 08 (62). Ч. 1. Август. С. 40–43. DOI: 10.23670/IRJ.2017.62.015.

Володина Н. В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 2–1 (35). С. 9–19. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-2-9-19.

Жадан С. Депеш Мод. Харків: Фоліо, 2006. 229 с.

Жадан С.В. Марадона: Нова книга віршів. Харків: Фоліо, 2007. 169 с.

Жадан С. Цитатник. Харків: Фоліо, 2008. 215 с.

Жадан С. Ворошиловград. Харьков: Фолио, 2011. 442 с.

Жадан С. Месопотамія: збірка оповідань і віршів. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2014. 368 с.

Жадан С. Інтернат. Чернівці: Меридіан Черновіц, 2017. 336 с.

Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе: Литература и музыка. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. 167 с.

Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3–17.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 148–165.

Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 204 с.

Лотман Ю. М. Структура поэтического текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство–СПб, 1998. 286 с.

Лотман Ю. М. Понятие границы // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 257–268.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001. 990 с.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Усманов Р. Ш. Концепт и категория: проблема соотношения // Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики: материалы Международной научно-практической конференции, 27–28 апреля 2006 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2006. С. 206–209.

Шулятиков И. С. Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского гуманитарного университета. Филологические науки. 2015. С. 98–102.

References

Angelova, M. M. “«Koncept» v sovremennoi lingvokul'turologii.” *Aktual'nye problemy angliiskoi lingvistiki i lingvodidaktiki*. Vol. 3. Moscow, 2004, pp. 3–10.

Askol'dov, S. A. “Kontsept i slovo.” *Russkaia slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta.* Antologiia. Moscow: Academia, 1997, pp. 267–279.

Baidalova, E. V. “Mifologema goroda v poezii i proze Sergeia Zhadana.” *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnayia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, ed. by N. N. Starikova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 88–149. DOI: 10.31168/7576-0481-7.2.

Burdin, I. V., Avvakumova, N. V. “Poniatie «kontsept» v literaturovedenii.” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2019, vol. 12, issue 7, pp. 97–100. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.21.

Burenkova, O. M., Giliazeva, E. N. “Poniatie «kontsept» v trudakh otechestvennykh i zarubezhnykh lingvistov.” *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2017, No 08 (62), part 1, pp. 40–43. DOI: 10.23670/IRJ.2017.62.015.

Karasik, V. I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena, 2002, 477 p.

Likhachov, D. S. “Kontseptosfera russkogo iazyka.” *Russkaia slovesnost': Antologiia*. Moscow: Academia, 1997, pp. 148–165.

Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty, ed. by N. D. Arutyunova. Moscow: Nauka, 1991, 204 p.

Lotman, Iu. M. “Struktura poeticheskogo teksta.” Lotman, Iu. M. *Ob iskusstve.* St Petersburg: Iskusstvo–SPB, 1998, 286 p.

Lotman, Iu. M. “Poniatie granitsy.” Semiosfera. St Petersburg: Iskusstvo–SPB, 2000, pp. 257–268.

Shuliatikov, I. S. “Termin «kontsept» v sovremennoi lingvistike.” *Vestnik Viatskogo gumanitarnogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2015, pp. 98–102.

Stepanov, Iu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury.* Moscow: Akad. proekt, 2001, 990 p.

Stepanov, Iu. S. *Kontsepty. Tonkaia pl'onka tsivilizatsii*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007, 248 p.

Usmanov, R. Sh. “Kontsept i kategoriia: problema sootnosheniia.” Obshcheteoreticheskie i prakticheskie problemy iazykoznaniia i lingvodidaktiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 27–28 aprelia 2006 g., g. Ekaterinburg. Ekaterinburg: Ros. gos. prof.-ped. un-t, 2006, pp. 206–209.

Volodina, N. V. “Kontsept v sisteme kognitivnogo literaturovedeniia: opyt metodologicheskogo podkhoda.” *Vestnik RGGU. Ser.: Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie*, 2018, No 2–1 (35), pp. 9–19.

Zhadan, S. *Depesh Mod.* Xarkiv: Folio, 2006, 229 p.

Zhadan, S. V. *Maradona*: Nova kniga virshiv. Xarkiv: Folio, 2007, 169 p.

Zhadan, S. *Citatnik*. Xarkiv: Folio, 2008, 215 p.

Zhadan, S. *Voroshilovgrad.* Xar'kov: Folio, 2011, 442 p.

Zhadan, S. *Mesopotamiya: zbirka opovidan' i virshiv*. Xarkiv: Knizhkovii Klub «Klub Simeinogo Dozvillia», 2014, 368 p.

Zhadan, S. *Internat.* Chernivczi: Meridian Chernovicz, 2017, 336 p.

Zusman, V. G. *Dialog i kontsept v literature: Literatura i muzyka*. Nizhnii Novgorod: DEKOM, 2001, 167 p.

Zusman, V. G. “Kontsept v sisteme gumanitarnogo znaniia.” *Voprosy literatury*, 2003, No 2, pp. 3–17.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.15 ***E. V. Baydalova***

The Concept of the "Border" in the Poetry and Prose of Serhiy Zhadan in Mid-1990s–2010s

Ekaterina V. Baydalova
Research Fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: e.baydalova@inslav.ru
ORCID ID: 0000-0001-6263-8358

Citation
Baydalova E. V. The Concept of the "Border" in the Poetry and Prose of Serhiy Zhadan in Mid-1990s–2010s // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 325–339 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.15

Received: 13.02.2025
Revised: 25.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The border is one of the most clearly expressed spatial dominants in the works of Serhiy Zhadan. The concept of "border" is presented in his works by such linguistic units as "cordon", "mezha", etc., and may include the lexeme "island" as a limited space and "railway station" as a metaphorical gate, a place for exiting to another location. It is closely connected with the motives of travel, road, and eternal movement. In the prose and poetry of the 2010s, the concept of "border" becomes more fundamentally connected with geopolitical, historical, ethnopsychological realities located outside the literary work, which is typical for Zhadan's work in general, combining topical issues of modern reality and neo-mythologism. During this period, in contrast to the early period, "border" loses the semantics of transition. The border line ceases to be a conventional feature that needs to be overcome. It becomes a place of permanent residence, both spatial and ontological. The railway station, which used to be a symbolic gateway to the other side of space, loses its main function. It becomes a place where people can stop, perhaps for the last time.

Keywords
Ukrainian literature, *concept*, *Zhadan*, *border*, *Ukraine*.

УДК 82.091
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.16

С. А. Кожина

Топография инициации в творчестве Даниэлы Годровой: «испытание лабиринтом»

Кожина Светлана Анатольевна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-194

Цитирование:
Кожина С. А. Топография инициации в творчестве Даниэлы Годровой: «испытание лабиринтом» // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 340–355. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.16

Статья поступила в редакцию 06.02.2025.
Рецензирование завершено 18.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Лабиринт, известный человечеству еще со времен античности, представляет интерес для исследователей в разных областях гуманитарного знания. В статье рассматривается специфика функционирования концепции лабиринта как пространства инициации в художественном произведении. В первой части работы представлен генезис символа лабиринта в целом и как места инициации в частности. Особое внимание здесь уделено теоретическим работам чешской писательницы и теоретика литературы Даниэлы Годровой (1946–2024), посвященным специфике романного жанра. Отдельное место в ее исследованиях занимает тема инициации, структура художественного текста с темой инициации. Годрова характеризует процесс инициации как лабиринт, где блуждание персонажа завершается достижением сакрального «места с тайной». Во второй части работы данная концепция рассматривается с точки зрения ее применимости к художественным текстам писательницы. Во всех текстах Годровой инициация, обретение тайного знания, протекает в форме воскрешения воспоминаний: о прошлом субъективном, личном, и объективном – исторических событиях. В статье представлена эволюция инициационного процесса в произведениях Годровой. В ранних текстах («Город мучений» / *Trýznivé*

město, 1990-е гг.) процесс инициации проходил в пространстве физическом, где лабиринтом становилась для персонажей Прага. В более поздних романах автора (напр., «Спиральные предложения» / *Točité věty*, 2000-е гг.) лабиринтом, в котором блуждает адепт на пути обретения тайны, становится непосредственно сам текст.

Ключевые слова
Чешская литература, *инициация*, *лабиринт*, *Даниэла Годрова*, *нарратив памяти*.

Романы с темой самопознания представлены в той или иной форме во всех европейских литературах. Так, например, древнейшим образцом романа инициации можно назвать «Золотого осла» Апулея. Во времена Средневековья жанр хоть и претерпевает значительные изменения (влияние религиозных коннотаций, трансформации социальных систем и т. д.), но сохраняет ключевую для него тематическую составляющую – путь героя к обретению определенного таинства, знания об устройстве себя и/или вселенной.

На протяжении длительного этапа развития подобного типа тексты были тесно связаны, во-первых, с мифом, а во-вторых, с жанром романа воспитания. Миф, изначальной целью которого было объяснение мироустройства, постепенно приобретая светский характер, становится центром композиционной структуры таких произведений. Мифологическая основа данных текстов привнесла в них мотив очищения, представленный, как правило, символической смертью и следующим за ней воскрешением в новом статусе: «Сюжет романа инициации разворачивается в трех основных фазах: первая – испытания главного героя и его путешествие по миру, вторая – катабасис (сошествие в ад, движение вниз, спуск), соответствующий символической смерти, третья – катарсис (очищение) и возможность войти в “иные” миры – испытания и обряд посвящения, соответствующий символическому воскрешению»[1]. Ключевые мотивы романа инициации представлены архетипами, восходящими к коллективному бессознательному, которые, сохраняя свою изначальную семантическую нагрузку, в конкретных произведениях могут трансформироваться на уровне формы, а также получать дополнительные коннотации.

1 *Hodrová D.* Hledání románu. Kapitoly z historie a typologie žánru. Praha, 1989. S. 182.

Лейтмотив взросления (как физического, так и метафорического) роднит роман инициации с романом воспитания. Акцент, однако, смещен с биографического элемента на момент обретения таинства (факт взросления): «Биография изображается здесь словно бы “пунктиром”, повествование не воспроизводит последовательно весь процесс взросления, а сосредоточено на моменте достижения зрелости, воспринимаемом как биографическая цезура»[2].

Отличительной особенностью романа инициации является характер пространственной структуры, лежащей в его основе. Согласно Годровой, мир в романе разделен на два полюса: мир внешний (светский) и мир внутренний (эзотерический)[3]. Все ключевые для персонажа события маркированы пересечением границы между ними, как при катабасисе (смерти), так и при катарсисе (воскрешении). Однако вопрос об определении границы как имманентного концепта романа инициации остается открытым: «Граница […] таким образом, является проблематичной областью. Это – линия или пространство (в зависимости от его характера), пространство внутреннее и внешнее, место разграничения и слияния, место соединения противоположностей как гермафродит золотого времени, как и мифическое повествование о пересечении границ, как роман посвящения»[4]. То есть в романах инициации разграничение пространственных ориентиров часто размывается, отдельные локусы пересекаются, порой наслаиваясь друг на друга.

Отличительной чертой «романа посвящения» (аналог традиционного для европейского литературоведения термина «роман инициации» в работах Годровой[5]) является получение адептом (персонажем)

2 *Адельгейм И. Е.* «Всякое детство есть некая подвижная правда…»: проза инициации в молодой польской прозе конца XX – начала XXI века. // Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В. П. Гудкова. М., 2004. С. 441.

3 Характеристике отличительных черт внешнего и внутреннего миров, представленных в работе «Роман-посвящение» Д. Годровой, уже была посвящена отдельная статья. См.: *Кожина С. А.* «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений). М., 2021. С. 381–392.

4 *Hodrová D.* Román zasvěcení. Praha, 1993. S. 178.

5 (Чеш.) *román-zasvěcení*, см. подробнее: *Hodrová D.* Román zasvěcení. S. 33.

тайного знания. В художественных произведениях Годровой подобным «тайным знанием» является память, воспоминания о конкретных событиях, людях – память места. Актуализация воспоминаний свершается при соприкосновении с сакральным пространством – «местом с тайной». По мнению Годровой, «Место с тайной, специфическая литературная форма воплощения сакрального пространства, является более выразительным, нежели пространство тривиальное, носителем памяти. И несмотря на то, что идея места как носителя памяти кажется несколько фантастической, хоть наука и близится к доказательству ее обоснованности, в литературном произведении она неоспорима. Место с тайной несет в себе воспоминания обо всех существах, когда-то в нем находившихся (их истории часто составляют важную часть повествования), и даже содержит конкретную информацию о подобных местах с тайной в других произведениях»[6]. Характерными чертами такого пространства являются: 1. схожесть с лабиринтом (как игровым, тривиальным, так и сакральным); 2. путь к месту с тайной носит характер инициации; 3. достижение данного локуса сопряжено с получением «тайного знания» – «чувства места», памяти о нем.

В 1978 г. в виде книги публикуются записи бесед М. Элиаде с К.-А. Роке. Выбор названия философ объяснил так: «Так вот, заголовок: “Испытание лабиринтом”. Испытание – потому что все время приходится вспоминать полузабытое, а сам процесс – идешь, утыкаешься в тупик, возвращаешься назад, снова идешь – очень напоминает блуждание по лабиринту. Лабиринт же, я считаю, представляет по преимуществу образ инициации»[7]. Характеристика, которую дает своим ощущениям Элиаде, подходит для описания нарративной стратегии романов Годровой: в той или иной степени это блуждание по лабиринтам (Праги, текста) с целью воскрешения воспоминаний (как объективных – большой истории, так и субъективных – интимных переживаний отдельных персонажей).

Понятие лабиринта известно еще со времен античной культуры. Точное происхождение термина неизвестно, однако наиболее вероятной является теория образования ‘λαβύρινθος’ от древнегреческого слова ‘λαύρα’ – «улица, ущелье». Встречается и версия происхождения от названия инструмента-символа царя Миноса, повелевшего построить лабиринт на острове Крит – лабрис (‘λάβρυς’), «топорик

6 *Hodrová D.* Místa s tajemstvím. Praha, 1994. S. 10.

7 *Элиаде М.* Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Роке // Иностранная литература. 1999. № 4. С. 160.

с двойным лезвием». Однако эта теория остается достаточно спорной. Г. Крен в попытках проследить этимологию слова выдвигает также теорию, что изначально им именовался определенный тип танца[8]. Достоверным является лишь тот факт, что в слове присутствует суффикс, характерный для топонимов греческого языка[9]. Достаточно быстро, уже в III в. н. э., слово приобретает дополнительное значение – употребляется в качестве метафоры сложной, запутанной задачи[10]. В это же время образ лабиринта входит в литературную практику.

Важно понимать базовые принципы организации пространства лабиринта. В современной культуре с ним путают схожие внешне спирали или меандры, отличающиеся, однако, типологически: «Общая черта всех этих фигур – спиралей, меандров и узелков – заключается в том, что их форма определяется позитивными пространственными элементами, а именно изгибами очерчивающих стен. В лабиринте же главной составляющей являются не линии, образующие стены, а негативное пространство хода, создаваемое благодаря этим линиям и задающее направление движения»[11]. Таким образом, важнейшей составляющей лабиринта является внутреннее пространство, непосредственно то, что внутри стен, а не сами стены. Принципиально различным является и способ движения. Меандр имеет достаточно простую геометрическую структуру, построенную по принципу симметрии; чаще всего движение в пространстве, организованном по типу меандра, имеет линейный характер. Спираль характеризуется центростремительным характером движения, где каждый шаг неумолимо приближает нас к центру. Лабиринт же имеет более сложную пространственную структуру. Так, например, древнейший тип лабиринта – критский – характеризуется так называемым «маятниковым» типом движения. Внешне напоминающий спираль лабиринт вынуждает человека, минуя бесконечное множество бессмысленных поворотов, неоднократно проходить в непосредственной близости от центра, затем снова отдаляет его от нее: путь постоянно сворачивается «сам за себя», изменяя направление движения. Еще одна особенность строения лабиринта связана с передвижением по нему: «Настоящий лабиринт возникает лишь в том случае, когда дорожка не разветвляется, то есть перед идущим

8 Там же. С. 13.

9 *Керн Г.* Лабиринты мира. СПб., 2007. С. 12.

10 Там же. С. 7.

11 Там же. С. 8.

человеком не встает проблема выбора пути»[12]. Важно, что истинный, классический (критский) лабиринт покинуть можно лишь одним путем – тем же, которым человек в него попал.

Еще одной особенностью лабиринта критского типа является организация его центра и движения в нем. Во-первых, к моменту его достижения человек уже достаточно истощен физически, преодолев бесконечное множество поворотов. Длина пролетов сокращается, а их количество – увеличивается. Это приводит к тому, что темп движения также увеличивается, заставляет человека ощущать давление стен и узость пространства. Здесь он совершенно оторван от окружающего мира, находится вне временных рамок, вне общества. Растет и психологическое напряжение, так как человек вынужден неоднократно приближаться к цели и отдаляться от нее, ощущая ее недостижимость. Один на один с лабиринтом он вступает в контакт с чем-то недостижимым, с мистическим смыслом бытия. Все это делает лабиринт прекрасным местом инициации, очутившись в центре которого, человек переживает практически физическое ощущение смерти. Движение по лабиринту напоминает метафизический путь человека к познанию, сопряженный с блужданием, сложным физически и психологически.

Важным этапом развития символического значения лабиринта, по мнению Годровой, является эпоха барокко: «Фигура лабиринта, протяженного в пространстве, которое чаще всего геометрически организовано, что соответствует описательному барочному аллегоризму, отображает структуру познания мира и мистического поиска Бога – распространенный символ барокко»[13]. Барочный лабиринт близко соотнесен со средневековыми символами поиска пути – лесом и замком. Замок становится частым топосом романов эпохи Средневековья, функционируя как отграниченное пространство безопасности, противопоставленное остальному миру. Со временем семантическая нагрузка образа замка усложнялась, обрастая дополнительными значениями. Описание замка сближалось с описанием лабиринта, превращаясь в обширное пространство с многочисленными комнатами и коридорами. Время в нем также становится специфически маркировано – это некое «иное время» или, лучше сказать, «безвременье»: «Замки в готическом сюжете становятся своеобразными капсулами времени, обособленными в смене эпох, несущими в будущее черты прошлого, материализовавшегося в укладе жизни и артефактах. Смена многих поколений

12 Там же. С. 9.

13 *Hodrová D.* Román zasvěcení. S. 71.

в исторически старом замке порождает многослойность времени-среды в готическом сюжете: пространственно организованные в одно здание, все эпохи сосуществуют в рамках готического хронотопа»[14]. Специфика пространственно-временных отношений, таким образом, сближает хронотоп лабиринта с хронотопом замка: и то и другое представлено как иное обособленное от «тривиального» времени и мира замкнутое место с отличными способами протекания времени (в лабиринте это скорее время остановившееся, в замке – время, обращенное в прошлое). Отмечает эту близость в своих теоретических работах и Годрова: «Комната инициации – пространство инициации внутри инициационного локуса замка. Тайна не распространена во всем его поле, она сгущается вокруг центра, вокруг которого кружит адепт, блуждает по лабиринту коридоров и комнат»[15].

Лес, с одной стороны, контрастирует с двумя вышеописанными пространствами по причине его открытости. Однако примечательно, что (как и в лабиринте, и в замке) в нем присутствует мотив блуждания, поиска непостижимого таинства. Как отмечал К. Г. Юнг: «Особенно таинственными, полными непостижимого смысла казались мне деревья, поэтому лес был тем местом, где я сильнее всего ощущал страх и трепет Божьего мира, его глубокое значение и благо всего, в нем происходящего»[16]. Годрова предлагает различать лес «светский», представляющий собой антипод к закрытым местам посвящения в таинство – замку или лабиринту; и лес «таинственный», инициационный. Граница между ними пролегает там, где путник становится свидетелем мистических событий – с этого момента он вступает на путь инициации, попадая, таким образом, в лес таинственный: «Это место сумасшествия, утраты памяти, для еще не посвященного в таинство во внешнем пространстве адепта»[17].

На основании вышеизложенного можно построить схему романа инициации. В начале персонаж пребывает в своего рода лесу, неограниченном светском пространстве, где со временем сталкивается

14 *Заломкина Г. В.* Поэтика пространства и времени в готическом сюжета: Автореферат дис. … канд. филол. наук, Самара, 2003. URL: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/zalomkina-poetika-prostranstva.htm (дата обращения: 08.12.2024).

15 *Hodrová D.* Román zasvěcení. S. 191.

16 *Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления / пер. В. Поликарпов. Минск, 2003. URL: http://lib.ru/PSIHO/JUNG/memdreamrefs.txt (дата обращения: 05.12.2024).

17 *Hodrová D.* Román zasvěcení. S. 176.

с чем-то таинственным, что приводит его в замешательство, состояние утраты памяти (вернее сказать – осознания этой утраты). Следуя за знаками уже таинственного леса, он достигает замка и/или лабиринта, где в центре, пройдя испытание блужданием в бесконечных коридорах, обретает таинственное знание. В романах Годровой таинственным знанием является память, как индивидуальная, субъективная (история семьи, воспоминания об отдельных родственниках и т. д.), так и коллективная, объективная (от исторических событий до памяти об истоках вселенной).

Если рассматривать произведения Годровой на предмет реализации в них пространственной схемы романа инициации, то наиболее соответствующими ей будут тексты 2000–2010-х гг., в то время как в произведениях 1990-х г. она проявлена в меньшей степени.

В романной трилогии «Город мучений» / *Trýznivé město* (1991–1992) основную линию гетерогенного (ризоматичного) повествования составляет инициационный процесс трех героинь: Алице Давидовичовой («Под двумя видами» / *Podobojí*), Софии Сысловой («Куколки» / *Kukly*), Элишки Беранковой («Тета» / *Théta*). Персонажи, перемещаясь по Праге, актуализируют воспоминания о местах и людях, когда-либо их населявших. Повествование, в котором отсутствует доминирующая сюжетная линия, разрастается вширь, развивая отдельные сюжеты.

Во всех трех романах мы обнаруживаем архетипы инициации (дихотомию верха и низа: катабасис, и воскрешение – катарсис; мистические существа, место с тайной, Смерть, и т. д.). Роли персонажей соответствуют процессу постижения тайны (персонаж в поиске – адепт, такой как София Сыслова; носитель тайного знания – магистр, как Ян Паскаль; проводник адепта на пути постижения таинства – дева, например Алице Давидовичова для Софии Сысловой, и т. д.). При этом пространственная структура не полностью соответствует охарактеризованной выше инициации по типу лабиринта, где путь представляет собой прямую, а достижение центра – единственно возможный способ передвижения. В произведениях Годровой в целом повествование ризоматично, оно разрастается во множестве направлений. Инициация в рамках отдельных романов трилогии не достигается ни одним из центральных персонажей, она реализуется на уровне мотива в сюжетных линиях второстепенных героев. Так, например, сюжетная линия Яна Паскаля сопряжена с бесконечным поиском Бога; его сын Дивиш благодаря своему любопытству обнаруживает комнату (*komora*[18]), где, столкнувшись с хтоническими суще-

18 *Komora* – чеш. комната, палата, а также – камера, в том числе газовая.

ствами – крысой и птицей Камердинерами, видит картины быта старых владельцев – еврейской семьи Давидовичей; своего рода процесс инициации переживает пан Турек на Ольшанском кладбище, когда в горячке наблюдает, как в пределах одного пространства разворачиваются сюжеты разных временных пластов, таким образом обретая понимание цикличности истории, и т. д.

Характерная для пространства лабиринта последовательная инициация наблюдается только в собирательном образе, состоящем из слияния образов всех трех героинь трилогии. Несмотря на то, что речь идет об отдельных персонажах, каждый из них является определенной фазой инициационного процесса адепта, за которым выступает нарратор (и/или читатель). В первом романе («Под двумя видами») это Алице Давидовичова, собирательный образ еврейской девушки, покончившей с собой перед отправлением в Терезин; пытающейся воскресить и сохранить память о своей идентичности. Окно ее комнаты выходит на Ольшанское кладбище, место столкновения живых и мертвых, место, отграниченное от других пространств, наделенное семантикой спуска в преисподнюю. Именно из окна с видом на Ольшаны выпрыгивает Алице, при этом падение – своего рода спуск, смерть, катабасис. Находясь, таким образом, между миром живых и миром мертвых, она становится воспоминанием, блуждающим у Ольшанского кладбища, обнаруживающим себя в местах с тайной. Примечательно, что Алице совершает аллегорический путь воскрешения, путешествуя на Шибенични врх (движение вверх – катарсис, воскрешение), место, где ранее проводились публичные казни[19], в ожидании возвращения Павла Сантнера[20], но не встречает его там. Полной инициации, таким образом, в случае с Алице не происходит.

Во втором романе («Куколки») это София Сыслова, для которой Алице становится девой – персонажем-проводником адепта на пути к таинству (та передает ей сакральный предмет – муфту из овечьей шерсти). София относится уже к пространству живых, попадая в мир мертвых только в путешествиях по истории Праги. Ключевым

19 *Šibenice* – чеш. виселица.

20 Возлюбленный Алице, который, несмотря на наличие у них интимных отношений, не воспринимал девушку серьезно. Алице после смерти находится в постоянном ожидании возвращения Павла, его воскрешения. Она полагает, что Шибенични врх – то место, где оно скорее всего произойдет. Примечательно, что Алице именно идет на холм, при этом отмечая, что дорога отнимает у нее много сил, а не переносится на него, что может делать ее бесплотный дух. Алице ждет и рождения их совместного ребенка.

в перемещении сознания София является катабасис – погружение в глубины времени. Так, например, из отцовского кресла она попадает в Олений ров, где наблюдает расстрел студентов во времена Второй мировой войны; оказывается в 1621 г.[21] и наблюдает казни на Старомнестской площади; спускаясь по канату в зияющую дыру в центре собственной квартиры, видит на ее дне свое прошлое. В одном из таких путешествий София, прогуливаясь по подземным каналам Праги, в какой-то момент останавливается и обнаруживает себя у входа в каналы или выхода из них, не понимая, начало ли это или конец пути, т. е., по сути, оказывается в центре лабиринта, выйти из которого можно лишь по тому же пути, что и войти в него. Неоднократно встречаясь с Алице, София ощущает взаимные пересечения их судеб: «Не странно ли это, что в Алице Давидовичовой я встречаюсь с собой? Собственно, я уже и не знаю, кто я. Блуждаю в себе или в ней, может, в ней и в себе одновременно?»[22]. Образ Софии, таким образом, воплощает финальную стадию метафорического пути адепта – нахождение в центре лабиринта / замка, непосредственную встречу с тайной. В заключительной части романа она сталкивается с Существом центра[23], созданием с головой сокола – Ка, которое искал когда-то ее отец на крутящемся кресле, после чего обнаруживает в себе значительные изменения: героиня начинает проникать в суть вещей, осознавать цикличность событий. «Она становится imago»[24]. Таким образом, София Сыслова,

---

21 Речь идет о сословном восстании в Чехии 1618–1620 гг., ставшем вершиной недовольства местного населения принципами религиозной политики Габсбургов, а именно – о поражении чешских сословий и казнях участников восстания в 1621 г. София Сыслова встречает в своих путешествиях, например, Яна Ессениуса, чешского врача, философа и политика словацкого происхождения, казненного за участие в восстании 21 июня 1621 г. вместе с 26 другими лидерами.

22 *Hodrová D.* Trýznivé mesto. Praha, 2017. S. 325.

23 Существо центра – (чеш.) *bytost středu*; согласно теории Годровой – существо, населяющее треугольник персонажей, где вершины образованы фигурами адепта, девы и магистра. Данное существо же находится как бы в постоянной метаморфозе, стадии перехода между мирами (кентавры, умирающие старцы, духи, куклы и т. д.). См. подробнее: *Hodrová D.* Román zasvěcení. S. 162–174.

24 Ibid. S. 397. Имаго – взрослая стадия развития насекомого, на что указывает и название романа – «Куколки». Имаго также – в концепции З. Фрейда бессознательный прообраз, набор стереотипов, предопределяющий специфику восприятия человека.

в отличие от Алице, завершает путешествие по лабиринту инициации, доводя свое превращение до логического финала.

В заключительном романе («Тета») главной героиней является Элишка Беранкова, ставшая своего рода собирательным образом, включающим в себя черты и Алице, и Софии. Нарратор (Даниэла) напрямую говорит о ее роли – роли жертвенного агнца[25], который будет выступать вместо него / нее. Это и единственный персонаж, рефлексирующий собственную фиктивную, художественную, сущность: «Я полагала, что крови Даниэлы Годровой, которая начала течь в моих жилах, будет достаточно, чтобы я из персонажа романа стала настоящим человеком. Я также полагала, что стоит мне произнести фразу “Я – Элишка Беранкова, начало и…”, слово станет телом. А пока не могу даже отличить свой слог от ее, даже почерк вообще не мой […]. А моя память – жаль! – это лишь память литературного героя»[26]. Примечательно, что изначальным пространством Элишки является сад – согласно теории Годровой, пространство, наиболее близкое Раю[27]. Для Элишки это место памяти о детстве, детской идиллии, которую она сохранит в воспоминаниях. Важными пространствами являются дом на Ольшанах, где жила и сама Годрова, Виноградский театр, где работал ее отец, больница На Франтишку, куда Даниэла / Элишка ходила его навещать, когда тот умирал. В «Тете» процесс инициации переключается с героини на нарратора, который пытается обнаружить все слои собственного прошлого, вернуться к себе; а также в некотором смысле – на инициацию самого текста в поисках истоков жанра (об этом речь пойдет ниже).

Романы 2000–2010-х гг. («Вызываю» / *Vyvolávání*, 2010; «Спиральные предложения» / *Točité věty*, 2015; «Эта близость» / *Ta blízkost*, 2019) отличаются линейной инициацией одной героини – Даниэлы (можно рассматривать ее как эволюцию образа Элишки Беранковой). Все три романа проводят читателя по всем пространствам инициации (причем в романе «Спиральные предложения» они ярко маркированы названиями глав – «В лесу», «Пейзаж с мельницей и замком» и «Снова в лесу»): вначале Даниэла обнаруживает себя в лесу («Декорацию леса я выбрала без раздумий, я сразу вспомнила лес под Блаником, в котором каждое лето протекал процесс превращения меня

25 Фамилия Беранкова происходит от чеш. *beránek* – барашек или агнец.

26 *Hodrová D.* Trýznivé mesto. S. 554.

27 *Hodrová D.* Román zasvěcení. S. 61.

из ребенка во взрослое существо»[28]); после столкновения с мистическими существами и чувством сожаления о возможной утрате воспоминаний героиня переходит в место с тайной («Тщетно размышляю, какую декорацию выбрать теперь, где я сама и мои персонажи сейчас находимся. Выбор достаточно ограниченный, мне стоит выбирать между светлицей, рыцарским залом, деревней и пейзажем с мельницей и замком вдалеке»[29]), где, блуждая в лабиринте собственных воспоминаний, оказывается снова в лесу, прожив инициацию и, таким образом, вернувшись в новом статусе после катарсиса. Стимулом для Даниэлы является воскрешение воспоминаний о близких и родных; однако в попытках оживить субъективную память места она сталкивается с объективной – ходом «большой истории».

Начиная с последнего романа трилогии 1990-х гг. в нарративной стратегии Годровой наблюдается смещение акцента на процесс порождения текста. Рефлексия письма как такового становится смыслообразующим фактором в текстах 2000-х гг. Таким образом, оживление воспоминаний актуализируется не сколько при контакте с определенным пространством, сколько при ассоциативной игре между читателем и писателем. Это превращает сам текст в своего рода лабиринт, направленный на то, чтобы провести читателя путем инициации, не только воскресить в нем коллективную историческую память, но и вызвать отклик субъективных переживаний. Так, в начале «Спиральных предложений» читаем: «Рукопись, что лежит передо мной на столе, сложенная из множество листов и листочков, а на ней стоит надпись “В ЛАБИРИНТЕ”, остается для меня тайной»[30]. Центр мистического лабиринта, таким образом, утрачивает физические ориентиры, становясь частью полотна текста: «Что есть центр? Центр – недостижимая и вечно ускользающая цель, при этом даже целью не является, ведь она никогда не была чем-то определенным […], [он. – *С. А.*] является, скорее, плавающим островом, показывается пловцам, а потом снова исчезает, […] как Ярослав, голова которого […] превращалась в голову пловца, куклы из моего детства, а потом в точку, а в этой точке, как и во всех других, для меня и скрывается центр»[31].

Роман «Эта близость» является своего рода завершением темы поиска сакрального центра лабиринта и скрытого в нем мистического знания. Лейтмотив метафизического пути в произведении

28 *Hodrová D.* Točité věty. Praha, 2015. S. 6.
29 Ibid. S. 148.
30 Ibid. S. 57.
31 Ibid. S. 292.

сохраняется, но проблема становится уже более предметной: это самоидентификация Даниэлы через воспоминания о конкретных людях из ее ближайшего (чаще всего связанного с миром искусства) окружения. Поиски собственного «я» через текст, бесконечное воспроизведение воспоминаний о знакомых, становятся своего рода попыткой отдалить смерть: «Как я могу закончить, когда еще ничего не кончилось? Пока я не перестану писать, ничего не кончилось»[32]. Это произведение при всей близости его поэтики предшествующим текстам является в большей степени «физическим», нежели метафизическим: лейтмотивом становится старение, принятие болезни и осознание грядущей смерти (как близких, так и своей).

Семантика лабиринта Годровой, таким образом, сохраняя первоначальное значение поиска центра с целью обретения таинственного знания, несколько усложняется. Таинственным знанием во всех произведениях является память. Обретение (или, точнее, воскрешение) воспоминаний в ранних произведениях писательницы становится способом (само-)познания, а путь к нему – поиском эсхатологических основ бытия (отдельных предметов, явлений, жизни в целом). В ее романах XXI в. память воспринимается как инструмент, способ борьбы со смертью (как физической, так и метафорической – смертью воспоминаний). Происходит трансформация пространственных ориентиров: в ранних произведениях акцент сделан на архетипических символах инициации в физическом пространстве (комната, холм, кладбище и т. д.), в более поздних же – вектор внимания смещен на процесс порождения и рецепции текста. Здесь стоит вспомнить ключевую особенность пространства лабиринта – важны не сами стены, его образующие, а то, что заключено в них. В поздних произведениях Годровой такое «содержание лабиринта» – сам текст. Текст здесь является самоцелью, подобно тому, как в лабиринте самоцель – движение. Достижение цели уже не носит столь облигаторный характер, движение и представляет собой цель. Произведение, таким образом, само по себе – лабиринт, олицетворяющий мистическое движение адепта (читателя) на пути к познанию тайны: «Местом с тайной» «может стать и предмет – реликвия, священный образ. В такой предмет пространство как бы вселяется, предмет является центром, эссенцией тайного пространства. Со времен Средневековья таким предметом становится также священный текст (книга) как символ мира (Liber mundi), Божественного таинства, скрытого знания (Великого творения алхимиков)»[33].

32 *Hodrová D.* Ta blízkost. Praha, 2019. S. 33.

33 *Hodrová D.* Místa s tajemstvím. S. 146.

Источники и литература

Адельгейм И. Е. «Всякое детство есть некая подвижная правда…»: проза инициации в молодой польской прозе конца XX – начала XXI века // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова. С. 441–453.

Заломкина Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2003. URL: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/zalomkina-poetika-prostranstva.htm (дата обращения: 08.12.2024).

Керн Г. Лабиринты мира. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 7–33.

Кожина С. А. «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 381–392.

Элиаде М. Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Роке // Иностранная литература. 1999. № 4. С. 151–208.

Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / пер. В. Поликарпов, Минск: Харвест, 2003. URL: http://lib.ru/PSIHO/JUNG/memdreamrefs.txt (дата обращения: 05.12.2024).

Hodrová D. Hledání románu. Kapitoly z historie a typologie žánru. Praha, 1989. 275 s.

Hodrová D. Místa s tajemstvím. Praha: KLP, 1994. 214 s.

Hodrová D. Román zasvěcení. Praha: H&H, 1993. 231 s.

Hodrová D. Ta blízkost, Praha: Malvern, 2019. 288 s.

Hodrová D. Točité věty, Praha: Malvern, 2015. 376 s.

References

Adel'geim, I. E. “«Vsyiakoe detstvo est' nekaia podvizhnaia pravda…»: proza initsiatsii v molodoi pol'skoi proze kontsa XX – nachala XXI veka.” *Slavianskii vestnik. Issue 2. K 70-letiiu V. P. Gudkova*. Moscow, 2004, pp. 441–453.

Ehliade, M. “Ispytanie labirintom. Besedy s Klodom-Anri Roke.” *Inostrannaia literatura*, 1999, No 4, pp. 151–208.

Hodrová, D. *Hledání románu. Kapitoly z historie a typologie žánru*. Praha, 1989, 275 p.

Hodrová, D. *Místa s tajemstvím*. Praha: KLP, 1994, 214 p.

Hodrová, D. *Román zasvěcení*. Praha: H&H, 1993, 231 p.

Hodrová, D. *Ta blízkost*. Praha: Malvern, 2019, 288 p.

Hodrová, D. *Točité věty*. Praha: Malvern, 2015, 376 p.

Iung, K. G. *Vospominaniia, snovideniia, razmyshleniia*. Transl. by V. Polikarpov, Minsk: Kharvest, 2003. URL: http://lib.ru/PSIHO/JUNG/memdreamrefs.txt (accessed: 05.12.24).

Kern, G. *Labirinty mira*. St Petersburg.: Azbuka-klassika, 2007, pp. 7–33.

Kozhina, S. A. "«Roman-posviashchenie» D. Godrovoi kak teoretiko-filosofskoe issledovanie mifopoetiki teksta." *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: aksiologicheskii diskurs. K 90-letiiu Galiny Iakovlevny Il'inoi (po materialam III Khorevskikh chtenii)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2021, pp. 381–392.

Zalomkina, G. V. *Poetika prostranstva i vremeni v goticheskom siuzhete.* Synopsis of PhD thesis. Samara, 2003. URL: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/zalomkina-poetika-prostranstva.htm (accessed: 08.12.24).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.16 ***S. A. Kozhina***

Topography of Initiation in the Works of Daniela Hodrová: "Ordeal by Labyrinth"

Svetlana A. Kozhina
Junior Research Fellow
Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-1941

Citation
Kozhina S. A. Topography of Initiation in the Works of Daniela Hodrová: "Ordeal by Labyrinth" // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 340–355 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.16

Received: 06.02.2025.
Revised: 18.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The labyrinth, known to mankind since ancient times, is of interest to researchers in various fields of humanitarian knowledge. The article examines the specifics of the functioning of the labyrinth concept as a

space of initiation in a work of art. The first part of the work presents the genesis of the labyrinth symbol in general and, in particular, as a place of initiation. Particular attention is paid to the theoretical works of the Czech writer and literary theorist Daniela Hodrová (1946–2024), devoted to the specifics of the novel genre. A special place in the author's research is occupied by the theme of initiation, the structure of a literary text with the theme of initiation. Hodrová characterizes the initiation process as a labyrinth, where the character's wandering ends with the achievement of a sacred "place with a secret". In the second part of the work, this concept is examined from the point of view of its applicability to the writer's literary texts. In all of Hodrová's texts, initiation, the acquisition of secret knowledge, takes the form of recollection: of the subjective, personal past, and of the objective – historical events. The article presents the evolution of the initiation process in Hodrová's works. In her early texts (*Trýznivé město*, 1990s), the initiation process took place in a physical space, where Prague became a labyrinth for the characters. In the author's later novels (e.g. *Točité věty*, 2000s), the text itself becomes the labyrinth in which the adept wanders on the path to acquiring the secret.

Keywords
Czech literature, *initiation*, *labyrinth*, *Daniela Hodrová*, *narrative of memory*.

УДК 821.162.4
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.17

Л. Ф. Широкова

Многомерность пространства (города) в произведениях Павла Виликовского

Широкова Людмила Федоровна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: shirocco@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9368-9086

Цитирование
Широкова Л. Ф. Многомерность пространства (города) в произведениях Павла Виликовского // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 356–366. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.17

Статья поступила в редакцию 10.03.2025.
Рецензирование завершено 13.03.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Павел Виликовский (1941–2020) – один словацких писателей-«шестидесятников», автор романов, новелл, эссе, создавший свой особый художественный мир, отмеченный психологизмом и самоиронией. Автор свободно перемещается в сфере собственных текстов и в координатах мировой литературы. Отмечены повторяющиеся в его произведениях мотивы, элементы и образы духовного и материального пространства. Братислава в его книгах выглядит как палимпсест; писателя привлекает историческая многослойность города. Локации, значимые для Виликовского, – это старые улицы, здания, вокзалы, кладбища. Важны и функциональны для него и варианты «замкнутого пространства»: комната, лестница, шкаф. В романе «Кайф пропал» (2018), последнем произведении писателя, отражены многие мотивы и черты, присущие всему его творчеству. Это роман воспитания, в котором значимую роль играет пространство, материальное и нравственное окружение автобиографического героя-повествователя. Образы реальных пространств (общежития, вокзала, кладбища) переплетаются в романе с мотивами духовных исканий и размышлений.

Ключевые слова
Словацкая проза, *роман*, *повествователь*, *автобиографический герой*.

Павел Виликовский (1941–2020) – один из ярких представителей плеяды словацких писателей-«шестидесятников». Дебютировав в 1965 г. сборником рассказов, он на протяжении почти полувекового творческого пути на страницах романов, новелл, эссе создавал свой особый художественный мир, проникнутый тонкими психологическими наблюдениями, иронией и самоиронией писателя-интеллектуала.

Пространство в произведениях Виликовского проявляется в разных аспектах: это сфера идей и сюжетов, где автор свободно перемещается в пределах собственных текстов, вновь обращаясь к знакомым ситуациям и жизненным наблюдениям, повторяющимся мотивам (одиночество, недостижимость идеальной любви, ранняя смерть отца, соперничество братьев и др.). Повторяются элементы и образы материального пространства, становящиеся метафорами: городские улицы, старые дома, кафе, кладбища и проч.

В значимых для него локациях города Виликовский замечает дополнительные их измерения, привнесенные временем, переменой субъективного восприятия, своего рода стереоскопическим видением тех или иных мест, их констант и трансформаций в прошлом и настоящем.

На протяжении всего творчества П. Виликовский обращался к образу Братиславы, делая ее не только местом действия, но и функциональным элементом пространства произведения. Братислава в его книгах выглядит как палимпсест; писателя привлекает историческая многослойность города, возможности восстановления его картин разных лет, проступающих сквозь современную оболочку, – как мы видим это, например, в новелле «Конь на этаже, слепой во Враблях» (1989), в эссе «Моя Братислава» (2004), в романе «Первая и последняя любовь» (2013) и др.

Герой-повествователь новеллы «Конь на этаже…», в центре которой – психологический кризис в отношениях взрослого сына и ментально больной матери, переживает разлом между мрачным настоящим и светлыми впечатлениями детства. Он видит повторяющиеся сны, в которых возвращается в родные места «другой, совсем иной Братиславы»: «За Градом и собором – большая площадь, потом склон с могучими дубами, сквозь которые просвечивает солнце. […] Внезапно, будто из-за чужих ворот, открывается город, о котором

мы тосковали, шумный, цвета охры. Так просто быть счастливым, хотя бы во сне. Это длится недолго, но каждый раз я успеваю сказать: наконец-то дома»[1].

В эссе «Моя Братислава» писатель стремится докопаться до памятного ему исконного облика города через наносы времени и собственного притупившегося восприятия. Он словно реконструирует родные места по своим ранним впечатлениям, сохранившимся в памяти образам и краскам, запахам и лицам почти неузнаваемо изменившегося города его детства и юности. Автор припоминает старые топонимы, прежние названия улиц, площадей и магазинов, проводит раскопки многослойной истории старых братиславских домов: «Обшарпанные, потрескавшиеся стены с серым налетом пыли указывают мне некую перспективу, пусть и в обратном направлении, дают немой комментарий к настоящему моменту»[2].

Герой романа «Первая и последняя любовь», художник-фотограф, переживая творческий кризис, находит для себя новую форму видения реальности в своего рода «ретрофотографировании». Его воображаемые, видимые лишь ему самому снимки становятся «стереоскопическими», в них ностальгическое прошлое проступает через настоящее, воспринимаемое героем как нечто чуждое. За картинами современной, перестроенной Братиславы возникают кадры-воспоминания о городе его детства, «проявляются» полузабытые лица. В памяти героя оживают запахи, звуки, старые названия братиславских улиц, прежняя любовь к своему «маленькому мегаполису». Новое, уродующее родные места, он старается не замечать, как, например, «сумасшедший перекресток, лишь по нелепой инерции сохранивший название Сухое Мыто», видя при этом «прежнее Сухое Мыто, узкое горлышко между двумя большими площадями, олицетворявшее собой то, что он любил в Братиславе превыше всего»[3].

Важны и функциональны в произведениях Виликовского и разные варианты «замкнутого пространства» в городе – квартира, комната, лестница, даже ящик, шкаф и др. Так, писатель не раз обращается к описанию комнаты / квартиры, где с детства жил его герой, близкий к автобиографическому. В двух рассказах из сборника «Волшебный попугай и другие диковинки» (2004) в одной и той же квартире происходят события, которые отделяют друг от друга многие годы в жизни

1 *Vilikovský P.* Prózy. Bratislava, 2005. S. 442.

2 *Vilikovský P.* Vyznania naivného milovníka. Bratislava, 2004. S. 198.

3 *Vilikovský P.* Prvá a posledná láska. Bratislava, 2013. S. 20.

героев – двух братьев. Сюжет рассказа «Гашпар, Мелихар и Балтазарова», с евангельской аллюзией в названии, связан с первым послевоенным годом, когда мальчики потеряли отца, умершего после неудачной операции от потери крови. Братья матери принесли им печальную весть; в большой холодной квартире тепло домашнего уюта сохранялось лишь на кухне, окружающий мир виделся как олицетворение несчастья: «Один за другим они вошли на кухню, быстро затворив дверь, чтобы не ушло тепло от уже погасшей печки»[4]; «Город за окном терялся в темноте, в стекле было видно лишь отражение трех фигур за большим столом»[5]. Фабульно события второго рассказа, «Хозяин воспоминаний», не связаны с предыдущим. Давно повзрослевшие братья уже после смерти матери очищают от старых вещей ставшую ненужной квартиру, где все кажется незнакомым: «В пустом помещении голоса звучат иначе, это понятно. Но когда я посмотрел из окна, то удивился, что из пустой комнаты и вид был другой, чужой. […] Отцовской могилы я уже не смог отсюда увидеть»[6].

Другое функциональное «замкнутое пространство» в этом рассказе – ящик секретера, где обнаружились письма и бумаги давно умершего отца, «которые мама все эти годы бережно сохраняла»[7]; из них повествователь узнает о глубоких чувствах, связывавших его родителей с юности. Выдержки из писем составляют основное содержание рассказа, они вызывают в памяти героя-рассказчика единственное смутное детское воспоминание об отце.

В рассказе с криминальной коллизией «Телохранительница» (2004) в качестве повествователя выступает шкаф – кладовка, в которой центральный персонаж, маньяк-убийца, прячет свои жертвы. Ее «личность» остается анонимной почти до самого финала, при этом характер наблюдателя и даже психоаналитика раскрывается в ее «внутреннем монологе» о жалком уделе «подвижных», то есть людей, и о высоком предназначении себя самой и прочих «неподвижных» – предметов, которые «организуют порядок в ограниченном пустом пространстве»[8].

Лестница в одном из дебютных рассказов Виликовского «Воспитание чувств в марте» (1965) представлена в сбивчивых коротких фразах лирического героя как метафора ускользающей мечты о любви: «Она

4 *Vilikovský P.* Čarovný papagaj a iné gýče. Bratislava, 2004. S. 26.
5 Ibid. S. 32.
6 Ibid. S. 65.
7 Ibid. S. 66.
8 Ibid. S. 43.

сказала мне нет, не могу, нет. И ушла вверх по лестнице. А я расплакался. Эти три года»[9]. В противоположность этому платоническому чувству – описание телесности, эротического опыта рассказчика со случайной знакомой: «Я услышал тело, шумное дыхание в темноте. […] Не боялся тела возле себя, его чужести, вскриков, но все же, все же»[10]. И в финале герой возвращается к главному своему переживанию, расставанию с любимой на лестнице: «Тогда она сказала нет, ушла вверх по лестнице, я – в плач. И невозможно было остановить»[11].

С лестницей связано и самое яркое детское воспоминание героя новеллы «Конь на этаже, слепой во Враблях» о войне – сцена, когда красноармеец пытался завести упирающегося коня на верхний этаж братиславского дома: «Этот конь на ступенях был совсем другим, диким животным, злым, теряющим координацию. […] И было странно, что вдруг эта лестница, по которой мы каждый день бегали, показалась нам чужой, мы ее уже не узнавали»[12].

Роман «Кайф пропал», последнее из опубликованных при жизни писателя произведений, содержит в себе многие мотивы и черты, присущие всему его творчеству.

При кажущейся вольности, даже сумбурности сюжета, имеющего «вид череды фрагментов, произвольно подсоединяемых эпизодов, миниатюр и сентенций»[13], он организован автором весьма продуманно и логично. Этому способствует и визуальное решение с помощью вкрапления в текст авторских иллюстраций – стилизованных под чернильные пятна букв, и обрамление повторяющимися в ходе повествования фразами – «Главное – пережить обычный будничный день» в начале глав и «Все однажды закончится. Вечен только “Танец с саблями” Арама Хачатуряна» в конце. Если в первом рефрене заключена своего рода программа-минимум автобиографического героя, то второй окрашен смесью авторского фатализма, иронии и веры в неиссякаемость молодой энергии.

Повествователь вновь и вновь возвращается к пространству прежнего «кайфа», яркой молодой жизни, полной удовольствий и впечатлений, – каждый раз ссылаясь при этом на слова старого друга юности,

9 *Vilikovský P.* Prózy. S. 11.

10 Ibid. S. 13.

11 Ibid. S. 14.

12 Ibid. S. 476.

13 *Forgáč M.* Ubúdanie pôvabu // Knižná revue. 2019. Č. 4. URL: https://www.litcentrum.sk/recenzia/ubudanie-povabu (дата обращения: 11.02.2025).

Ивана: «Кайф уже пропал, весь наш пыл, все наслаждения жизни исчезли, – произнес он и описал рукой широкий круг, охвативший гораздо большее пространство и гораздо большее число людей, чем было здесь по соседству»[14].

По общему идейному содержанию это роман развития чувств, продолжающий линию большинства произведений писателя, начиная с дебютного сборника Виликовского 1965 г. «Воспитание чувств в марте», в котором «превалирует импрессия, чувственная медитация, квазипоэтическая форма»[15]. На вариациях и оттенках проявлений любви, эротики, ожиданий и разочарований построены новеллы сборников «Эскалация чувства» (1989) и «Словацкий Казанова» (1991); тема «славянской чувствительности» получила эпическое развитие в романе «Последний конь Помпеев» (2001); поиски родственной души, самопознание через отношения с близкими людьми – центральный мотив «двойного романа» «Первая и последняя любовь» (2013) и других произведений Виликовского.

«Кайф пропал» – это и роман воспитания, или «самовоспитания», в котором значимую роль играет пространство, материальное и нравственное окружение автобиографического героя-повествователя, интроверта, стремившегося в юности научиться быть «сам», «один» среди других людей, в любой травмирующей обстановке. Это повествование о стадиях освоения в мире, о пути, как повторяет повествователь, к себе – не взрослому, а, по его словам, «готовому», «комплектному», цельному.

Каждый значимый для него эпизод рассматривается с позиций времени «когда-то» (в молодости) и «спустя годы», сейчас, когда «жизнь – это дело уже сделанное, и главное – пережить обычный будничный день» (41). Тем самым все пространства представляются в романе стереоскопически; в двух временных моментах восприятия рассказчика показаны давно знакомые ему города с их конкретными локациями – Прага (Пражский вокзал, Университет, Вацлавская площадь с закусочными и др.), Братислава (Театр, старые улицы, пивные и проч.), Банска Бистрица (дом детства, кладбище).

В разных местах романа герой обращается к первому опыту освоения чуждого пространства, обособлению и самоутверждению в нем, рассказывая о кратком периоде студенческой жизни в Праге.

---

14 *Vilikovský P.* RAJc je preč. Bratislava, 2018. S. 45. (Далее номера страниц указываются в скобках).

15 *Hamada M.* O čistotu prózy // Kultúrny život. 1966. Č. 3. S. 5.

«Главное – освоить пространство», повторяет он, вспоминая тесную комнату в общежитии, где «было слишком много обонятельных следов, слишком много отпечатков пальцев», а на его койку «когда угодно мог кто-нибудь присесть» (24). Продолжая эту историю уже через несколько десятков страниц повествования на другие темы, он сообщает о том, как ему все-таки удалось обособиться, создав вокруг себя воображаемую сферу: «Я ложился одетый на койку – в комнате с пятью кроватями и шкафами и так некуда было деться, включал свой приемник, и вскоре музыка образовывала вокруг меня что-то вроде пузыря, внутри которого я мог быть наедине с самим собой» (124).

Еще один опыт освоения в чужом пространстве, «быть среди людей самим собой» (74), относится к его вынужденной – ради трудового стажа для поступления в университет– работе в авторемонтной мастерской, где юный интеллектуал был «белой вороной»: «Лакировщики в кузовном цеху, сварщики и слесари видели во мне с моим никудышним аттестатом об окончании гимназии низшую касту ремонтника, они чувствовали, что я там не на своем месте, да и я чувствовал то же самое» (74).

Виликовский в этом романе опять обращается к своему излюбленному приему «двойного пространства» знакомых мест, увиденных «когда-то» и «сейчас». Так, упоминая авторемонт в другом своем рассуждении, он без ностальгии вспоминает о своей рабочей практике: «Вижу-то я хорошо, но что-то уже совсем другое», поэтому ему хочется «пойти посмотреть на старую мастерскую, хотя знаю, что ее давно снесли, и вместо нее там стоит новое здание Словацкого национального театра» (124).

В другом эпизоде пространственно-временные изменения коснулись знакомой братиславской пивной, где повествователь встречается с другом детства Иваном, автором афоризма «Кайф пропал»: «Мещанская пивоварня стояла когда-то на Рыбной площади, пока ее не сломали, а спустя десятилетия чудесным образом восстала из мертвых на Древеной улице. Точнее, на том, что от нее осталось» (271).

Дважды повторяются и эпизоды, в которых повествователь описывает свои ощущения от пространства вокзалов. В юности ночлег на вокзале Прага-Центр запомнился ему тусклым колоритом, как «желтый улей посреди серого города» (103). Это не просто городская локация, но и место, где бесприютный студент находил прибежище, в котором «копошение людей создает иллюзию тепла, греют и различные запахи и звуки, которыми человек дает знать о своем присутствии: аромат жареных колбасок и пролитого пива, волна аммиака у дверей

уборной, тихий шум голосов в зале ожидания, объявления по громкоговорителю» (102). Спустя годы, уже в зрелом возрасте, оказавшись проездом во Флоренции, он попытался хотя бы наскоро познакомиться с городом, «принюхаться к нему» (195), но с разочарованием уловил на вокзале только «вонь от потных туристов в коротких шортах, крепкий дух от лавчонок и уличных киосков», и «это все, что я помню о Флоренции: она воняла» (195).

На фоне размышлений повествователя об уходе родителей, многих из родных и друзей – «среди мертвых их уже больше, чем среди живых» (34) – повторяется в романе и мотив кладбища, пространство которого представляется ему весьма утилитарным, как место, куда приходят по определенным дням положить цветы на могилу близких. При этом он не чувствует там возможности духовного контакта с ними: «Я к мертвым на кладбище не хожу, там мне с ними почему-то встретиться не удается […] я их там не чувствую, наверно, они там вообще не живут», тем более что администрация кладбища расширила тротуары за счет некоторых могил, в том числе и родительских, и, иронизирует он, «я бы не удивился, если бы они переехали на какое-нибудь более приятное место» (36). Во второй раз кладбище упоминается в связи с поездкой юного героя на похороны бабушки, которая всегда была для него придирчивым критиком: «Я представил себе, что она в шутку грозит мне из гроба, качая пальцем» (134). Это кладбище также подверглось изменениям, со временем на его месте построили административное здание, а «бабушка с дедушкой переехали на окраину города. На новое» (135).

Мотивы и образы реальных пространств свободно перемежаются в романе размышлениями, воспоминаниями, осмыслением чувственных отношений, которые повествователь наблюдал в своем близком окружении, среди друзей и посторонних, случайно встреченных людей. Он проецирует эти отношения на иные образы, соотнося их с литературными персонажами. Судьбы и переживания женщин – матери, бабушки, случайной попутчицы на вокзале – герой-повествователь рассматривает с точки зрения их жизненной роли: насколько они соответствуют образу Офелии как жертвы несчастной любви к Гамлету. Мотив отца Гамлета обыгрывается в воображаемом «общении с духом» – в попытке представить себе виртуальный разговор с рано умершим отцом, в рассуждениях о разных возможных формах отношений между отцами и сыновьями.

Второй повторяющийся литературный мотив ориентирован на тип отношений «Робинзон (автобиографический герой) / Пятница»,

некий арбитр, без взгляда и оценки которого невозможно было бы определить характер и облик самого Робинзона. В роли такого пристрастного судьи для автора-повествователя выступают в его воспоминаниях давно отделенные от него пространством лет умершие близкие – строгая экономная бабушка, гиперответственная в воспитании мать или воображаемый, неведомый отец: «Мои Пятницы уже давно и бесповоротно – за воротами, и сам я день за днем неудержимо к ним приближаюсь» (252).

Мотив любви в романе присутствует не только как наблюдаемое, например, в рамках отношений «Офелия – Гамлет», но и как пережитое и переживаемое самим повествователем. В юности, по его признанию, он несколько раз влюблялся в прекрасных, но недоступных девушек. Первую из них звали Моника, и остальных представительниц этого типа он обозначил тем же именем. Состояние платонической влюбленности, «любовь на расстоянии», по его ироническому замечанию, имеет свои выгоды, поскольку «объект вашего чувства никак вам не мешает, […] вы можете представлять себе о нем что хотите, он ничем ваши мечтания не нарушит» (152). Возвращаясь уже в другом месте романа к теме нереализованной любви, к своего рода типу «прекрасной дамы», повествователь замечает их незримое качество, некую ауру духовности: «От остальных девушек мои Моники отличались тем, что я ощущал за их спиной какое-то дополнительное пространство. […] Эта тень была их неотделимой частью. Они просто не завершались целиком в теле. Телом» (224). Тема противопоставления духовного и телесного прослеживается во многих произведениях Виликовского, начиная от уже упомянутого раннего рассказа «Воспитание чувств в марте».

Духовное в представлении повествователя принимает порой квазиматериальную форму не только в виде такой ощущаемой тени. Говоря о давнишней семейной трагедии, внезапной смерти отца, он вспоминает реакцию матери на это событие: «Она должна была выполнить кучу официальных формальностей», но это оказалось для нее спасением, не позволив «утонуть в скорби»: «Боль мы прячем в футляр, чтобы не бередить ее, а потом, когда спустя какое-то время возвращаемся к ней, она уже не так обжигает» (250).

В финале романа Виликовский пишет о пространстве творчества, о «главном на сегодняшний будничный день» – «как можно лучше написать эту выдуманную автобиографию» (283). В этом ему помогает магическая «тайная почта» творческого процесса, своего рода «испорченный телефон»: «Текст приходит ко мне по тайной почте,

от меня – ко мне, а нас в этой почтовой цепочке много, самых разных, и неудивительно, что из последних уст порой выходит что-то совсем иное, не то, что шепнули первые» (284). И завершает свою тему-лейтмотив оптимистическим предположением: «Прежний кайф прошел, но и мы уже другие, придется нам просто найти новые кайфы». И не менее жизнеутверждающе звучит последняя фраза-рефрен «Все однажды кончится. Вечен только “Танец с саблями” Арама Хачатуряна» (284).

Источники и литература

Forgáč M. Ubúdanie pôvabu // Knižná revue., 2019. Č. 4. URL: https://www.litcentrum.sk/recenzia/ubudanie-povabu (дата обращения: 11.02.2025).

Hamada M. O čistotu prózy // Kultúrny život. 1966. Č. 3. S. 5.

Vilikovský P. Prózy. Bratislava: Kalligram, 2005. 888 s.

Vilikovský P. Prvá a posledná láska. Bratislava: Slovart, 2013. 200 s.

Vilikovský P. RAJc je preč. Bratislava: PETRUS, 2018. 283 s.

Vilikovský P. Vyznania naivného milovníka. Bratislava: Kalligram, 2004. 264 s.

Vilikovský P. Čarovný papagaj a iné gýče. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 2004. 127 s.

References

Forgáč, M. “Ubúdanie pôvabu.” *Knižná revue*, 2019, No. 4. URL: https://www.litcentrum.sk/recenzia/ubudanie-povabu (accessed: 11.02.2025).

Hamada, M. “O čistotu prózy.” *Kultúrny život*, 1966, No. 3, p. 5.

Vilikovský, P. *Čarovný papagaj a iné gýče*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 2004, 127 p.

Vilikovský, P. *Prvá a posledná láska*. Bratislava: Slovart, 2013, 200 p.

Vilikovský, P. *Prózy*. Bratislava: Kalligram, 2005, 888 p.

Vilikovský, P. *RAJc je preč*. Bratislava: PETRUS, 2018, 283 p.

Vilikovský, P. *Vyznania naivného milovníka*. Bratislava: Kalligram, 2004, 264 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.17 ***L. F. Shirokova***

The Multidimensionality of Space (City) in the Works of Pavel Vilikovský

Liudmila F. Shirokova
Candidate of Letters, senior research fellow
Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: shirocco@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9368-9086

Citation
Shirokova L. F. The Multidimensionality of Space (City) in the Works of Pavel Vilikovský // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 356–366 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.17

Received: 10.03.2025.
Revised: 13.03.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
Pavel Vilikovsky (1941–2020) was one of the Slovak “sixties” writers, the author of novels, short stories, and essays, who created his own special artistic world marked by psychology and self–irony. The author moves freely in the sphere of his own texts and in the coordinates of world literature. The motifs, elements and images of spiritual and material space that are repeated in his works are noted. Bratislava in his books looks like a palimpsest; the writer is attracted by the historical layering of the city. The locations of the city that are significant for Vilikovsky are the old streets, train stations, cemeteries. The options of an “enclosed space” are also important and functional for him: a room, a staircase, a closet. The novel “The Buzz is Gone” (2018), the last work of the writer, reflects many of the motives and features inherent in his entire work. This is an educational novel in which space, the material and moral environment of the autobiographical narrator plays a significant role. Images of real spaces (dormitories, train stations, cemeteries) are intertwined in the novel with motives of spiritual search and reflection.

Keywords
Slovak prose, *novel*, *narrator*, *autobiographical hero.*

УДК 82.091
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.18

Н. Н. Старикова

Образы пространства как элемент нарративной стратегии («Атласы ностальгии» Бориса А. Новака)

Старикова Надежда Николаевна
Доктор филологических наук, профессор, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование
Старикова Н. Н. Образы пространства как элемент нарративной стратегии («Атласы ностальгии» Бориса А. Новака) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 367–384. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.18

Статья поступила в редакцию 21.02.2025.
Рецензирование завершено 04.03.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Поэтический эпос выдающегося словенского поэта Бориса А. Новака «Врата безвозвратности» (2015–2017) стал знаковым явлением современной словенской поэзии. Это первый в истории национальной литературы пример воплощения жанра эпопеи в стихах, который поражает масштабностью замысла – она состоит из трех томов: «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Обиталища душ», общий объем которых составляет более 40 тыс. стихов. В основу произведения легли семейные предания и легенды рода Новаков, эпическое повествование построено на воспоминаниях как документальный автобиографический рассказ о «времени и о себе», предках, родных, друзьях, ключевых событиях национальной и европейской истории. Связующим звеном всех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: пространства, времени и памяти. В статье на материале первого тома «Атласы ностальгии» рассматривается один из ключевых элементов авторской нарративной стратегии – образы пространства, раскрывающие тайные смыслы и символику тех уголков земли, общественных мест и зон повседневного обитания, которые в разные периоды времени оставили значимый след в сознании и памяти поэта.

В их число входят реки, озера, моря, острова, горы, леса, поля, сады, города, деревни, улицы, дома, спальни, детские, кухни, редакции, танцплощадки, театральные сцены, казармы, тюрьмы, больницы, могилы. Каждому месту посвящена отдельная песнь. Являясь, с одной стороны, «несущей конструкцией», каркасом повествования, эти локусы в то же время служат для реконструкции реальных эпизодов из жизни поэта, членов его семьи, его родной страны, Европы в целом в контексте минувшей и длящейся эпохи. Таким образом, через «переживание» конкретных пространств судьба лирического героя «встраивается» в течение самой жизни. Оригинальные образы пространств, фигурирующие в эпопее, представляют структурно-семантическую модель мира Бориса А. Новака, выраженную на языке его пространственных представлений.

Ключевые слова
Современная словенская поэзия, *эпос в стихах*, *Борис А. Новак*, *образы пространства*, *нарративная стратегия.*

> *Язык – это не инструмент, язык – это пространство поэзии…*[1]
>
> Борис А. Новак

> Вообще считается, что литература, как бы сказать, о жизни, что писатель пишет о других людях, о том, что человек делает с другим человеком и т. д. На самом деле, литература – не о жизни (да и сама жизнь – не о жизни), а о двух категориях, более-менее, о двух: о *пространстве* и о *времени*.[2]
>
> И. Бродский

Борис А. Новак – выдающийся словенский поэт, прозаик, драматург, переводчик, теоретик-стиховед, педагог, в его послужном списке свыше двадцати сборников лирической поэзии, с десяток

1 Цит. по: Zlatnik poezije 2024 prejme Boris A. Novak. URL: https://www.veronikina-nagrada.si/2024/07/19/zlatnik-poezije-2024-prejme-boris-a-novak/ (дата обращения: 10.02.2025). Курсив автора статьи.

2 *Глэд Д.* Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье. М., 1991. С. 123–124. Курсив автора статьи.

стихотворных книг для детей, пять драм, несколько радиопьес, множество переводов. Родился в 1953 г. Белграде в словенской семье, в 1968 г. Новаки переселились в Любляну, где прошли гимназические и университетские годы будущего поэта. Здесь в студенческой газете «Трибуна» в 1973 г. состоялся его поэтический дебют. Тогда-то между именем и фамилией появилась загадочная буква «А». Поводом стал анекдотический случай – полный тезка дебютанта, тоже Борис Новак, зашедший в редакцию пятью минутами раньше, беззастенчиво получил причитавшийся тому гонорар. И настоящему автору опубликованных строк пришлось долго доказывать свое авторство, чтобы получить вознаграждение. С тех пор первая буква алфавита, включенная в литературное имя, стала своеобразной визитной карточкой Новака. И хотя впоследствии в «Эпиграмме на А» он представил ситуацию легко и самоиронично: «Что значит эта таинственная А / в имени Борис А. Новак? Что он смельчак? / Пусть немедленно сменит имя, слабак / Пусть зовется отныне Борис Ж. Новак!»[3], выбрана эта графема была не случайно: «А» – начальная буква имен его отца, Анте Новака, и матери, Аницы Новак, к которым поэт был чрезвычайно привязан и которые сыграли важнейшую роль в его творческом становлении. «На мое духовное формирование оказали значительное влияние мои родители: мать, Аница, журналистка по профессии, обладавшая душевной чуткостью и творческой жилкой, и отец, Анте, образец порядочности и пытливости»[4]. Их уход из жизни (отца – в 1992 г., матери – в 2008 г.) подтолкнул Бориса А. Новака к мысли написать эпическое произведение в стихах – в такой организации текста он увидел способ осмысления прошлого и возможность продолжить диалог с близкими. Существенным стимулом реализации этой идеи стало также осознанное тяготение к большим стихотворным формам: «На ранних этапах моего поэтического развития я ощущал потребность в объемных поэтических проектах. Сначала это были лирические стихотворные циклы в сборниках “Дочь памяти” и “1001 стих”[5], потом венки сонетов, которые воспринимаются как более панорамные произведения с многогранной оптикой. Потом мне захотелось облечь свой опыт восприятия мира, матрицу памяти,

3 *Novak Boris A*. Oblike srca. Pesmarica pesniških oblik. Ljubljana, 1997. S. 88. Здесь и далее перевод стихотворных цитат сделан автором статьи.

4 *Novak Boris A*. Pogovor z Borisom A. Novakom // Nova revija: mesečnik za kulturo. 1996. Let. 15. Št. 170–171. S. 89.

5 *Novak Boris A*. Hči spomina. Ljubljana, 1981; 1001 stih. Ljubljana, 1983.

в форму, которая была бы одновременно повествовательно-эпической и интимно-лирической. Эта потребность была связана с утратой обоих родителей; после смерти отца я впервые почувствовал, что сюжеты семейного прошлого, которые я раньше воплощал в драматической форме […], можно трансформировать в поэтическую. Это мне удалось в сборнике "МЛМ: Малая Личная Мифология"[6] (2007) […]. Работая над ним, я обнаружил, что помимо богатства метафор, красоты звучания, семантической глубины стихи можно насыщать повествовательными элементами, сюжетами и даже фактографией. Язык этого поэтического сборника стал первым шагом к созданию эпоса. Год спустя умерла моя мать, что значительно усилило эмоциональную потребность с помощью поэтического слова "оживить" моих родителей, других близких, предков и умерших друзей. Так начался интенсивный процесс создания моей эпопеи»[7]. Сочинение произведения, которое стало самым масштабным за всю историю национальной поэзии, сопровождалось «максимальным психофизическим напряжением»[8]. Оно принесло поэту престижную литературную премию «Вероника» за лучшую поэтическую книгу года (2017) и стало важным фактором при присуждении ему высшей национальной награды по литературе: премии имени Ф. Прешерна за литературное творчество в целом (2018), а также премии «Златник поэзии» (2024) за большой вклад в развитие национального стихосложения.

Замысел трилогии «Врата безвозвратности» поражает своим размахом: это название объединило три поэтических тома — «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Обиталища душ» – общим объемом более 40 тыс. стихов. В 2015 г. вышли первая и вторая книги, в 2017 г. – третья, заключительная. Первая книга включает сорок шесть песней, композиционно сгруппированных в три раздела (тетради), и занимает почти 500 страниц, вторая состоит из десяти тетрадей, каждая из которых содержит пять песней, разместившихся на 700 страницах, более тысячи страниц третьей составляют девять тетрадей, по одиннадцать песней в каждой, т. е. всего песней девяносто девять, на одну меньше, чем у Данте, что неслучайно. Данте — действующее лицо эпоса, наставник и собеседник лирического героя.

---

6 *Novak Boris A.* MOM – Mala Osebna Mitologija. Ljubljana, 2007.

7 *Švabič L.* Intervju s Prešernovim nagrajencem. URL: https://www.rtvslo.si/kultura/boris-a-novak-pisanje-epa-je-bil-najvecji-psihofizicni-napor-mojega-zivljenja/445243 (дата обращения: 10.02.2025).

8 Ibid.

«Встраиваясь» в ряд великих мифоманов – Гомера, Вергилия, Овидия, Мильтона, – Борис А. Новак предпринимает довольно успешную попытку обновить жанр героической эпопеи с помощью «очеловечивания» ее «установки на идеализацию и обожествление образов», чтобы «освежить прасюжеты и рассказать в эпическом ключе о недавнем прошлом или даже о нашем времени»[9]. Поэтому в центре его внимания оказываются не героические исторические личности, а обыкновенные люди – мужчины, женщины, дети, старики. Мифологической основой эпоса являются семейные предания и легенды рода Новаков, эпическое повествование основано на воспоминаниях, построено, с одной стороны, как документальный автобиографический нарратив в стихах о «времени и о себе», о предках, родных, друзьях, ключевых событиях национальной и европейской истории, с другой – включает в себя элементы вымысла, пропущенные через индивидуальное ассоциативное поле художника. Связующим звеном повествовательной структуры всех трех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: пространства, времени и памяти. Пространство является нарративной доминантой первого тома, время – второго, память – третьего. И если «считывание пространства» (Г. Башляр[10]) – непременный атрибут авторской оптики во всех трех книгах, то собственно топоанализ является структурным компонентом поэтического текста именно первого тома, о чем речь пойдет ниже.

Вторая книга трилогии «Время отцов» обращена непосредственно к семейной истории и судьбе отца поэта, героического партизана-антифашиста Анте Новака. Здесь в название всех тетрадей и песней вынесено слово «Время»: «Время поэтов», «Время матерей», «Время детей», «Время дедов» и т. д. Этот том – своеобразный реквием по ушедшим близким, который открывает песнь «Время Данте, время Анте», где лирический герой, сидя в купе скорого поезда, едущего во Флоренцию, мысленно беседует с двумя главными пастырями своей жизни: командиром партизанского Кочевского батальона Анте Новаком и автором «Божественной комедии» Данте Алигьери. Третья книга эпоса «Обиталища душ» отличается от первых двух не только объемом, но и значительно более существенной философской компонентой повествовательной структуры – стереоскопическое осмысление Прошлого с помощью индивидуального опыта множества

9 *Novak Boris A.* Kot pesnik sem star 3000 let // Literatura. 2015. Let. 27. Št. 287. S. 80.

10 *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М., 2014. С. 16.

персонажей и есть, по мысли автора, поэтизация Истории. Метафорой этого процесса служит плавание на Корабле, на котором лирический герой совершает путешествие вглубь своей и коллективной памяти, чтобы увековечить Время и Образы ушедших, создать с помощью поэтического слова символический «грандиозный кенотаф», т. е. надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного. Панораму этого экскурса открывают герои древних мифов, а завершают современные беженцы, Троянская война плавно перетекает во Вторую мировую, а затем и в конфликт на Балканах.

Представленный в произведении событийный ряд связан с механизмом работы памяти: лирический герой Новака путешествует по лабиринтам как услышанного, так и лично пережитого. «Эпическую основу я черпал главным образом из семейных преданий. Мальчиком я внимательно и благодарно слушал рассказы своих родителей и близких; спустя полвека этот мальчик их мне надиктовывал»[11]. Поэтический текст являет собой мозаичное соединение фрагментов микросюжетов, «встроенных» в поток истории. Это мастерски возведенное сооружение реконструирует реальные эпизоды жизни поэта, членов его семьи, исторические события, происходившие на территории всех версий государства Югославия и отчасти Европы в контексте минувшей и еще длящейся эпохи. Из «груды осколков» рождается портрет Времени. Одной из базовых красок в создании этого портрета является «пространственность» мировидения автора, «пространственный язык», используемый для выражения «непространственных понятий»[12], обусловленный как авторской индивидуальностью, так и жанровой принадлежностью текста, и в этом смысле для нарративной стратегии, избранной Борисом А. Новаком, абсолютно справедливо утверждение В. Н. Топорова о том, что «индивидуальный образ пространства в наибольшей степени определяет основу авторского взгляда на мир»[13]. Это убедительно доказывает первая книга эпопеи «Атласы ностальгии», построенная по авторскому определению как «огромный альбом памяти, географическая карта пространств, где жил я, мои предки или другие важные для меня персонажи. Поэтические строфы – прогулка по долам и весям, морям, рекам, горам, городам, деревням,

11 *Novak Boris A.* Kot pesnik sem star 3000 let. S. 89.

12 *Лотман Ю. М.* Избранные статьи в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 451.

13 *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 448.

улицам, домам, садам, театрам, школам, тюрьмам, кладбищам. Я передвигаюсь по всем этим местам на разных транспортных средствах: и тех, которые были характерны для прошлых эпох – кораблях и лошадях, и на современных велосипедах, автомобилях, поездах. Сначала в игру вступают детские коляски, потом ботинки, а заканчивается все самолетами и даже такими метафизическими способами перемещения, как свет, книги, воображение, музыка»[14].

Образы пространства лежат в основе нарративной структуры второй – центральной – тетради «Атласов ностальгии», носящей название «Атлас истории покинутых мест», которая состоит из двадцати одной песни. Каждая из них посвящена одной из моделей пространства (открытого или замкнутого), условно подразделяющихся на две группы: в первую входят природные топосы – реки, озера, моря, острова, горы, леса, поля, сады, вторая объединяет различные локусы цивилизации – деревни, города, улицы, здания, кабинеты, кухни, спальни, детские, школы, танцплощадки, места тусовок, редакции, театральные и оперные сцены, казармы, больницы, могилы; в совокупности все упомянутые места представляют те матрицы пространства, которые связаны с окружающей человека реальностью и его жизненным циклом. Автор смотрит на мир через призму пространства поэтического, соединяя «субъективное (метафорическое) “пространство души”» с «реальными пространственными контурами художественного универсума»[15], т. е. проецируя его архитектонику на ассоциативное отражение действительности, о чем прямо заявляет в четвертой песне «Каллиграфия ландшафта»:

Считываю каллиграфию ландшафтов, я, графолог
божьей руки: равномерные буквы моря,
[…]
округлые прописные литеры дюн,
[…]
мятежный страстный пульс
маюскул гор и минускул долин.

Каждый ландшафт имеет Десять своих заповедей
свою грамматику и морфологию.

14 *Švabič L.* Intervju s Prešernovim nagrajencem.

15 *Минц З. Г.* Структура «художественного пространства» в лирике А. Блока // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 244.

Печальный и счастливый из ничего
слагаю эту песнь, словарь ландшафтов, пред богом чист
в глазах людей я еретик,
поэт, скиталец, полиглот, политеист.[16]

При этом топография пространственных проекций географически конкретна, осязаема. Отношения с репрезентируемыми пространственными образами у лирического героя складываются по-разному. В одних случаях они олицетворяют для него своеобразный Locus amoenus[17]: это касается, например, озер, городов, садов, театральных подмостков и связано с греющими душу воспоминаниями, положительными ассоциациями и яркими впечатлениями. Так, собирательный образ озера как места гармонии и покоя складывается из трех локальных зарисовок: сюжета о пожелтевшей фотографии молодых родителей, на которой они, обнявшись, стоят на берегу Женевского озера; воспоминания о том, как счастлива была мать поэта, гуляя с маленькими внуками на озере Блед и заказывая им фирменную кремшниту[18]; и панорамы Церкницкого озера, одного из красивейших в Словении, упомянутого еще в хронике Я. В. Вальвазора «Слава герцогства Крайна» (1689), места, очевидно очень личного для автора, о чем свидетельствуют следующие строки:

… Церкницкое озеро – память о любви.
Память, ты, исчезающая река! поникальница[19]
Ты исчезаешь среди виноградников
и возникаешь вновь,
моя память, эта песнь, эти губы, эти пальцы… (89)

(Песнь шестая «Озера»)

16 *Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Novo Mesto, 2015. Knj. 1: Zemljevidi domotožja. S. 64–65. Здесь и далее Т. 1 «Атласы ностальгии» цитируется по этому же изданию, номера страниц указаны после цитаты в круглых скобках.

17 Приятная местность, прелестный уголок (лат.).

18 Cremeschnitte (нем.), Kremsnita (словен.) – десерт из заварного крема, получивший распространение в Австро-Венгрии; в Словении ассоциируется с курортом на озере Блед, где его подают.

19 Ponikalnica (словен.) – подземная река, поток, уходящий в карстовую воронку.

Особую модальность получают в интерпретации Бориса А. Новака города, три из которых – Белград, Париж и Любляна – вызывают у него самые сильные чувства, подтверждая мысль Башляра о том, что «воспоминания о прежних жилищах вновь переживаются нами как грезы, и именно поэтому обители прошлого бессмертны в нашей душе»[20]. Белград – город детства и юности, где «вечер сладок», когда «мама несет тебя, усталого, домой» (137); Париж – город поэтов, город страстного романа с возлюбленной, город, который примиряет лирического героя с вечным противоречием данного и желанного: «могу спокойно где угодно обретаться, // лишь будучи уверен, […] // что несколько часов – и я в Париже» (140). Наконец, Любляна – пространство, без которого Новак-поэт никогда бы не состоялся, город его побед и поражений, «боли и одиночества» (141), место, где он учился, писал, редактировал, создавал семью, участвовал в общественной и политической жизни. «Все пространства нашего одиночества, – замечает Башляр, – те пространства, где когда-либо мы страдали от одиночества, наслаждались им, желали его, рисковали потерять, оставили в нас неизгладимый след»[21].

Поэт с симпатией перечисляет города, впечатления о которых продолжают питать его творческое воображение:

Есть города, несущие заряд энергии, который ощущаешь,
когда читаешь маленькие буквы их названий на
карте мира. Я в их плену навечно

и неизменно в них буду возвращаться
в те города, воспоминанья о которых сохранены
в моем сознанье: Авиньон, Монпелье, Арль, Сет, Ним,

Париж, Мадрид, Валенсия, Толедо, Компостела, Барселона,
Венеция, Болонья, Рим, Триест, Флоренция, Феррара, Рим,
Лондон, Кембридж, Оксфорд, Эдинбург, Порто, Лиссабон,

Кёльн, Ахен, Мюнхен, Дрезден, Франкфурт и Берлин,
Гент и Брюссель, Антверпен, Амстердам, Варшава, Краков,
Москва, Санкт-Петербург, Киев, Стокгольм, Копенгаген, Хельсинки,
Таллинн,

20 *Башляр Г.* Избранное… С. 49.
21 Там же.

Целовец, Зальцбург, Вена, Прага, Будапешт, Братислава,
Бостон, Сан-Франциско, Миннеаполис, Нью-Йорк, Новый Орлеан, Чаттануга,
Чикаго, Торонто, Монреаль, Перт, Тайбэй, Рио де Жанейро, Гвадалахара,

Афины, Скопье, Охрид, Улцинь, Бар,
Сплит, Опатия, Дубровник, Загреб, Самобор,
Нови Сад, Сараево, Мостар,

Марибор,
Мехелен,
Белград, Любляна, Белград, Любляна, Белград (141–142)

(Песнь тринадцатая «Города»)

В этом построенном по страноведческому принципу обширном списке (Франция, Испания, Италия, Германия, Швеция, Дания, Бельгия, Голландия, Польша, Россия и т. д.) маленькие малоизвестные населенные пункты соседствуют со столицами и мегаполисами; таким образом «дорожная карта» сближает очень разные урбанистические места цивилизации, которые объединяет поэтическое сознание и его носитель – поэт, ощущающий себя гражданином мира. С захватывающими впечатлениями связаны для автора и театральные подмостки – в основу посвященной этому локусу песни положен автобиографический эпизод встречи студента-Новака с Э. Ионеску. В 1971 г. знаменитый драматург был гостем Словенского национального театра в Любляне. Группа молодых компаративистов, «учивших французский по репликам абсурдных диалогов героев Ионеску» (253), через служебный вход проникла в здание театра и получила возможность пообщаться со своим кумиром. Вдруг одна из девушек спросила мэтра:

Кем вы себя представляете –
всемогущим умирающим королем или превратившимся в носорога человеком?
Бурную реакцию присутствующих прервал сам Ионеско: Отличный вопрос!
Я чувствую себя королем носорогов, le roi des rhinos![22] (254)

(Песнь двадцать пятая «Театральные сцены»)

22 Король носорогов (фран.).

Иными эмоциональными интонациями окрашены образы пространств (к ним среди прочих относятся реки, горы, улицы, больницы), ассоциирующиеся в сознании автора с трагическими событиями исторического прошлого или печальными случаями из его собственной биографии. Так, образ реки для него прочно связан с рассказом матери – очевидицы последствий Второй мировой войны:

«Когда война подошла к концу, – говорила мама, –
по рекам поплыли трупы». Я спросил: «Чьи?» – «Сама
не знаю. Словенцев, сербов, хорватов, немцев. Трупы».

«Откуда», – спросил я. – «Не знаю. Форма, амуниция,
лица, все взбухло, не опознать. Из Срема,
Ясеновца или еще откуда. Люди. Мертвые. Трупы». (77–78)

(Песнь пятая «Реки»)

Повествование о символе природных красот Словении – величественной вершине Триглав – и опыте его покорения в компании друга юности Леона плавно перетекает в прощание с ним, погибшим совсем молодым в скалах Австралии:

...и я спешу наверх на склон Триглава, и кажется,
что ты передо мной,
друг моей свободы и неприкаянности,
идешь навстречу, смеешься и зовешь
обратно на Триглав,
догнать нашу весну,
которую все рвемся позабыть. (115)

(Песнь девятая «Горы»)

Воссоздавая локус больничного пространства, поэт использует дневники и отрывки из воспоминаний отца, записанные на магнитофонные кассеты. В песне «Больницы» он включает в повествование реальный и весьма этически уязвимый эпизод биографии Новака-старшего: однажды тот, находясь в статусе комиссара партизанского отряда, был вынужден отдать приказ не пускать в партизанский госпиталь колонну чудом спасшихся от немцев больных тифом бойцов антифашистского сопротивления.

Стой! Комроты идет вперед, раздается команда:
Товьсь! Комроты продолжает движенье,
колонна тифозных за ним,
автоматная очередь
в воздух, комроты застывает на месте, полные слез глаза смотрят с укором,
рота тифозных замедляет безумный ход. (318–319*)*

(Песнь тридцатая «Больницы»)

Время изменчиво, порой неуловимо, пространство – устойчиво, надежно. Эта авторская мысль заявлена в ироничной истории о мариборском адресе семейства Новаков (Песнь четырнадцатая «Улицы»). Разбирая подвал дедовского дома в Мариборе, поэт обнаружил увесистый сверток с написанной на обертке цифрой 29. В нем оказались три тяжелые коричневые таблички с названиями Стритарьева, Perkogasse и улица Парижской коммуны – так в течение века менялось название улицы, на которой расположен дом. К последней было прикреплено выцветшее письмо деда Антона, бывшего офицера Австро-венгерской армии, сыну Анте, коммунисту:

Марибор, за 29 дней до смерти

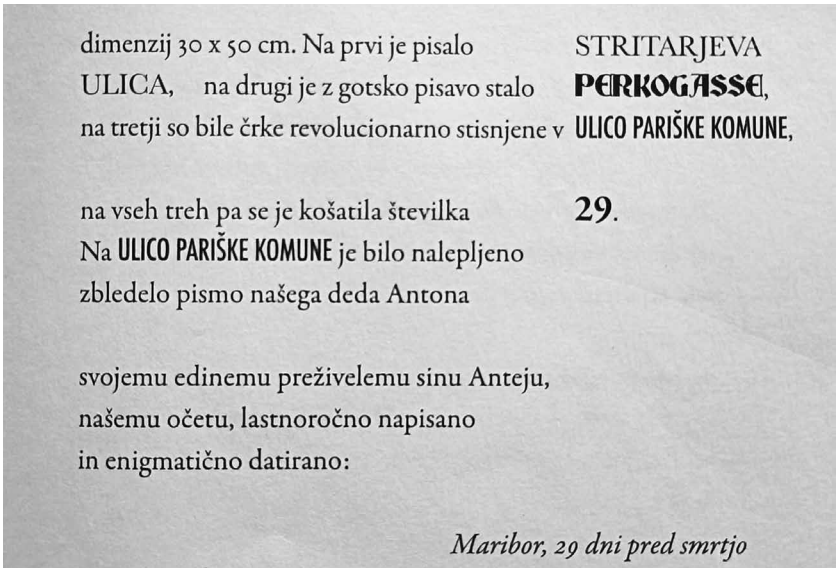
Мой дорогой сын,
на память и как предупреждение
оставляю тебе эти три адреса:

по первому ты в юности жил,
по второму я трясся за тебя,
когда ты был в тюрьме и в партизанах,

а по этому, третьему, я напрасно жду,
когда же ты навестишь больного отца.
Единственное, что после всех переворотов и революций столетья

осталось неизменным, – так это номер нашего дома: 29. (149–150)

Эрудированный знаток эволюции стихосложения и тонкий ценитель мировой поэзии, Борис А. Новак в своем Opus Magnum, безусловно, следуя заглавному художественному принципу традиционного эпоса, направленному на поэтизацию действительности в ее героическом


dimenzij 30 x 50 cm. Na prvi je pisalo STRITARJEVA
ULICA, na drugi je z gotsko pisavo stalo PERKOGASSE,
na tretji so bile črke revolucionarno stisnjene v ULICO PARIŠKE KOMUNE,

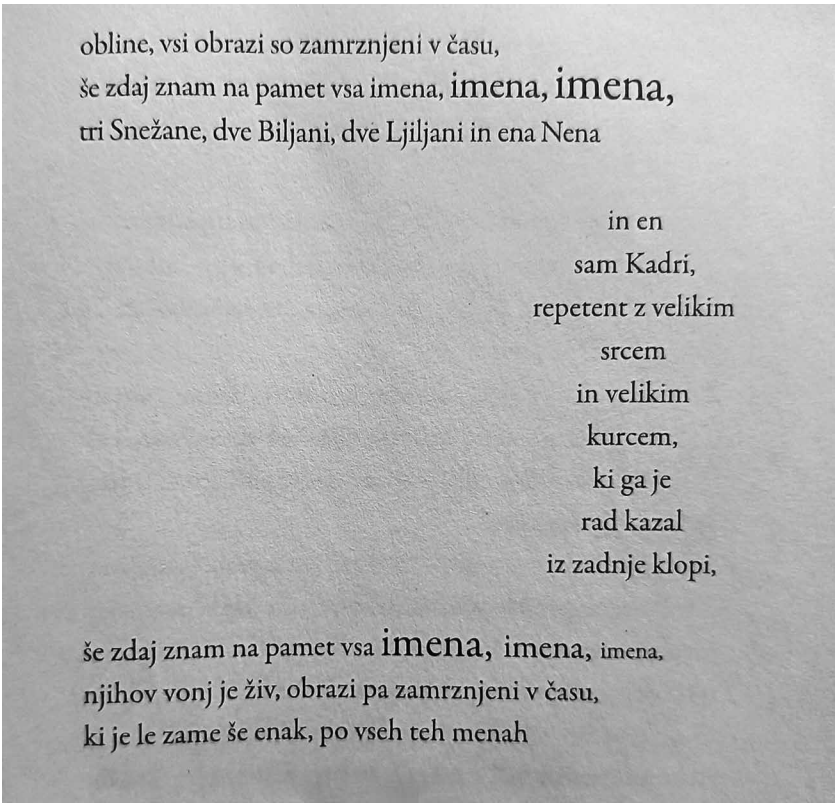
na vseh treh pa se je košatila številka 29.
Na ULICO PARIŠKE KOMUNE je bilo nalepljeno
zbledelo pismo našega deda Antona

svojemu edinemu preživelemu sinu Anteju,
našemu očetu, lastnoročno napisano
in enigmatično datirano:

Maribor, 29 dni pred smrtjo

(исторические потрясения) и реалистическом (проза жизни) выражении, широко применяет нарративную стратегию моделирования образов пространства как составляющую собственной поэтической картины мира и инструмент художественной оптики. Классический ямбический одиннадцатисложник претерпел в эпопее существенные трансформации, строгие рифмы часто заменяются ассонансами, формы сонета, венка сонетов, мадригала, виланеллы заметно адаптированы, верлибризованы, автор использует хайку, приемы визуальной поэзии (игра с размером и шрифтом буквы, слова, словосочетания, с графическим расположением строк на странице). «Самым большим вызовом при создании эпоса было воплощение современного опыта через архетипический праритм эпической поэзии. Сначала я долго писал метрически правильные строфы, потом мне показалось, что они звучат слишком искусственно и достоверно не передают сущности нашего времени. Поэтому, сохранив классически правильный размер – терцин Данте – для лирических пассажей и рефлексивных отступлений, я адаптировал ритм, строфику, длину строки к разным темам, образам, ситуациям и времени действия. А также значительно оживил стихи графически, играя с формами строк и букв. Тем самым мне удалось добиться разнообразия письма и передать ритм, характерный для XX и начала XXI века»[23].

23 *Švabič L.* Intervju s Prešernovim nagrajencem.


obline, vsi obrazi so zamrznjeni v času,
še zdaj znam na pamet vsa imena, imena, imena,
tri Snežane, dve Biljani, dve Ljiljani in ena Nena

in en
sam Kadri,
repetent z velikim
srcem
in velikim
kurcem,
ki ga je
rad kazal
iz zadnje klopi,

še zdaj znam na pamet vsa imena, imena, imena,
njihov vonj je živ, obrazi pa zamrznjeni v času,
ki je le zame še enak, po vseh teh menah

Интерес к визуальной конфигурации стиха возник у Бориса А. Новака еще в юности, когда в гимназии он начал изучать французский язык, увлекся поэзией С. Малларме и его экспериментами («годами я таскал в кармане томик Малларме […], с восхищением разглядывал строки, которые тогда с трудом понимал. Я просто представлял себе то, что там написано, и в ритме визуального расположения стихов чувствовал непреодолимо привлекавшую меня энергию»[24]. В студенческие годы он уже как филолог познакомился со многими идеями французского символиста, том числе с его трактовкой соотношения «поэтического» и «визуального»: «Мысль, “брошенная на страницу”, являет себя через материально оформленный знак, который соотносится с другими знаками системы, не только синтаксически, семантически или просодически, но и визуально»; «Связь мысли

24 *Novak Boris A.* Po-etika forme. Ljubljana, 1997. S. 13.

и ритма имеет двусторонний характер: если ритм является отпечатком мысли, то она, в свою очередь, изменяется в связи с материальной природой инструмента, который ее транслирует. Структура печатной страницы перестраивает поэтическую фразу согласно новым правилам, которые не детерминированы пропозициональной логикой»[25]. В зрелом возрасте Новак много и успешно переводил лирику Малларме, а некоторые элементы его поэтики, безусловно, взял на вооружение. Одним из действующих лиц третьей книги эпопеи «Обиталища душ» выступает сама Ars poetica – мировая поэтическая традиция (тетрадь «Души поэтов»), представленная именами и образами тех, кто оказал и продолжает оказывать влияние на автора. После небожителя Данте в почетном ряду «учителей» в компании с П. Верленом и А. Рембо назван С. Малларме.

Путь, который выбрал для себя Борис А. Новак, основан, с одной стороны, на знании канона и уважении к нему, с другой – базируется на обновлении классического «дантовского» нарратива в том числе через многослойность и калейдоскопичность образов пространства, способных воплощать социальные и этические категории, участвовать в развитии сюжета, композиции, выражать авторскую точку зрения. Творческий диалог словенского стихотворца с мировой и национальной поэтической традицией ведет к обогащению национального поэтического сознания.

Источники и литература

Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Ad Marginem, 2014. 352 с.

Глэд Д. Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.

Голубицкая Н. В. Визуальная конфигурация стиха как особый тип семиозиса во французской экспериментальной поэзии: от Стефана Малларме к Тристану Тцара // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 143–162.

Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 478 с.

25 Цит. по: *Голубицкая Н. В.* Визуальная конфигурация стиха как особый тип семиозиса во французской экспериментальной поэзии: от Стефана Малларме к Тристану Тцара // НЛО. 2019. № 2 (156). С. 143–162.

Минц З. Г. Структура «художественного пространства» в лирике А. Блока // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство–СПБ, 1999. 728 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. 624 с.

Novak Boris A. Kot pesnik sem star 3000 let // Literatura. 2015. Let. 27. Št. 287. S. 78–91.

Novak Boris A. Oblike srca. Pesmarica pesniških oblik. Ljubljana: Modrijan, 1997. 310 s.

Novak Boris A. Po-etika forme. Ljubljana: Cankareva založba, 1997. 367 s.

Novak Boris A. Pogovor z Borisom A. Novakom // Nova revija: mesečnik za kulturo. 1996. Let. 15. Št. 170–171. S. 88–104.

Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Novo Mesto: Goga, 2015. Knj. 1. Zemljevidi domotožja. 475 s.

Škulj J. Literatura in prostor: o semiozi in semiosferi // Slavistična revija. 2005. Let. 53. Št. 3. S. 347–361.

Švabič L. Intervju s Prešernovim nagrajencem. URL: https://www.rtvslo.si/kultura/boris-a-novak-pisanje-epa-je-bil-najvecji-psihofizicni-napor-mojega-zivljenja/445243 (дата обращения: 10.02.2025).

Zlatnik poezije 2024 prejme Boris A. Novak. URL: https://www.veronikina-nagrada.si/2024/07/19/zlatnik-poezije-2024-prejme-boris-a-novak/ (дата обращения: 10.02.2025).

References

Bachelard, G. *Izbrannoe: Poėtika prostranstva*. Moscow: Ad Marginem, 2014, 352 p.

Glad, J. *Besedy v izgnanii: russkoe literaturnoe zarubezh'e*. Moscow: Knizhnaia palata, 1991, 320 p.

Golubitskaia, N. V. “Vizual'naia konfiguratsiia stikha kak osobyi tip semiozisa vo frantsuzskoi eksperimental'noi poezii: ot Stefana Mallarme k Tristanu Ttsara”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, No 2 (156), pp. 143–162.

Lotman, Iu. M. *Izbrannye stat'i*, in 3 vols. Vol. 1. *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallinn: Aleksandra, 1992, 478 p.

Mints, Z. G. “Struktura «khudozhestvennogo prostranstva» v lirike A. Bloka.” Mints, Z. G. *Poetika Aleksandra Bloka*. St Petersburg: Iskusstvo–SPB, 1999, 728 p.

Novak, Boris A. “Kot pesnik sem star 3000 let.” *Literatura*, 2015, vol. 27, No 287, pp. 78–91.

Novak, Boris A. *Oblike srca. Pesmarica pesniških oblik.* Ljubljana: Modrijan, 1997, 310 p.

Novak, Boris A. *Po-etika forme.* Ljubljana: Cankareva založba, 1997, 367 p.

Novak, Boris A. "Pogovor z Borisom A. Novakom." *Nova revija: mesečnik za kulturo*, 1996, vol. 15, No 170–171, pp. 88–104.

Novak, Boris A. *Vrata nepovrata: epos*, knj. 1. *Zemljevidi domotožja*. Novo Mesto: Goga, 2015, 475 p.

Škulj, J. "Literatura in prostor: o semiozi in semiosferi." *Slavistična revija*, 2005, vol. 53, No 3, pp. 347–361.

Švabič, L. "Intervju s Prešernovim nagrajencem." URL: https://www.rtvslo.si/kultura/boris-a-novak-pisanje-epa-je-bil-najvecji-psihofizicni-napor-mojega-zivljenja/445243 (accessed: 10.02.2025).

Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo.* Moscow: Progress; Kul'tura, 1995, 624 p.

Zlatnik poezije 2024 prejme Boris A. Novak. URL: https://www.veronikina-nagrada.si/2024/07/19/zlatnik-poezije-2024-prejme-boris-a-novak/ (accessed: 10.02.2025).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.18 ***N. N. Starikova***

Images of Space as an Element of Narrative Strategy ("Zemljevidi domotožja" by Boris A. Novak)

Nadezhda N. Starikova
Doctor of Letters, professor, head of the department
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation
Starikova N. N. Images of Space as an Element of Narrative Strategy ("Zemljevidi domotožja" by Boris A. Novak) // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 367–384 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.18

Received: 21.02.2025.
Revised: 04.03.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The poetic epic of the outstanding Slovenian poet Boris A. Novak "Vrata nepovrata" (2015–2017) has become a landmark phenomenon of contemporary Slovenian poetry. It is the first example of the epic genre in verse in the history of national literature, which amazes with the scale of the concept – it consists of three volumes: "Zemljevidi domotožja", "Čas očetov" and "Bivališča duš", the total volume of which is more than 40 thousand verses. The work is based on family traditions and legends of the Novak family, the epic narrative is built on memories as a documentary autobiographical story in verse about "time and about oneself", ancestors, relatives, friends, key events in national and European history. The connecting link of all three books is the motif of wandering, which is realized on three levels: those of space, time and memory. The article, based on the first volume of "Zemljevidi domotožja", examines one of the key elements of the author's narrative strategy – images of space that reveal the secret meanings and symbolism of those corners of the earth, public places and areas of everyday life that at different periods of time left a significant trace in his consciousness and memory. These include rivers, lakes, seas, islands, mountains, forests, fields, gardens, cities, villages, streets, houses, bedrooms, nurseries, kitchens, editorial offices, dance floors, theater stages, barracks, prisons, hospitals, and graves. To each place a separate song is dedicated. Being, on the one hand, a "supporting structure", a framework for the narrative, these loci at the same time serve to reconstruct real episodes from the life of the poet, members of his family, his native country, Europe as a whole in the context of a bygone and ongoing era. Thus, through the "experience" of specific spaces, the fate of the lyrical hero is "embedded" in the course of life itself. The original images of spaces appearing in the epic represent the structural-semantic model of the world of Boris A. Novak, expressed in the language of his spatial representations.

Keywords
Contemporary Slovenian poetry, *epic poetry*, *Boris A. Novak*, *images of space*, *narrative strategy.*

УДК: 82.091; 82-92
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.19

О Достоевском и не только. Русская литература в Чехии

Шешкен Алла Геннадьевна
Доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: asheshken@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9346-9814

Винокурова Любовь Андреевна
Магистрант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: ficbespierre@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6157-7426

Цитирование:
Шешкен А. Г., Винокурова Л. А. О Достоевском и не только. Русская литература в Чехии // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 385–398.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.19

Статья поступила в редакцию 06.02.2025.
Рецензирование завершено 26.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация:
Исследование русской литературы в Чехии имеет богатую традицию. Большое внимание изучению творчества русской классики и современного литературного процесса уделяет в наше время «Новая русистика: международный журнал современной филологической и ареальной русистики». С 2008 г. его издает университет им. Масарика в Брно на русском, чешском и других славянских языках (основатель и главный редактор Иво Поспишил). За годы существования в журнале было опубликовано свыше пятисот работ чешских и российских ученых, исследователей из других стран по проблемам русской литературы и ее места в европейском и чешском литературном процессе, русско-чешским литературным связям, переводам и др. На страницах журнала велись, в частности, научные дискуссии по актуальным вопросам изучения жанра романа в русской литературе и его современных судьбах. За последние два года

в журнале были опубликованы статьи и материалы о творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, В. П. Астафьева и др. Предоставляя свободу в выборе методологии исследования и признавая плюрализм суждений, редколлегия неизменно требует от авторов оставаться в рамках филологической научной дискуссии.

Ключевые слова:
Русская литература, *русско-чешские литературные связи*, *чешская русистика*, *Иво Поспишил*, *Ф. М. Достоевский*, *В. П. Астафьев.*

Исследование русской литературы в Чехии имеет богатую историю и сложившуюся традицию, опирающуюся на развитые культурные связи России и Чехии, обмен художественным опытом писателей и на сформировавшиеся в чешской филологии XX в. научные школы (прежде всего школа литературоведческой компаративистики Ф. Воллмана и др.). Значительный вклад в изучение русской литературы внесли ученые университета им. Масарика в Брно, Карлова университета в Праге, университета им. Ф. Палацкого (Оломоуц) и других образовательных и научных центров страны. Богатое наследие оставили такие авторитетные специалисты по русской литературе, как М. Микулашек, М. Заградка, Д. Кшицова и др., работы которых получили известность и признание в России и сохраняют свою актуальность и сегодня. В частности, об этих и других исследователях много писала А. В. Злочевская (1951–2022), авторитетный специалист в области чешской литературоведческой русистики, автор большого количества статей, аннотированных библиографий и разделов в учебных пособиях[1].

1 См., напр.: *Злочевская А. В.* Изучение русской классической литературы в Чехии и Словакии (1980-е годы) // Русская литература в зарубежных исследованиях 1980-х годов. М., 1994. С. 53–78; *Злочевская А. В.* Чешская и словацкая русистика 1995–2015 гг. // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность. М., 2020. С. 532–539; *Злочевская А. В.* Изучение русской литературы в Чехии и Словакии в 1990-е – 2005 гг. (Аннотированная библиография) // Stephanos. 2014. № 7. С. 135–150; *Злочевская А. В.* Изучение русской литературы в Чехии и Словакии (2006–2015 гг.). Аннотированная библиография // Stephanos. 2018. № 1. С. 264–273; *Злочевская А. В.* Аннотированная библиография работ чешских и словацких русистов. Дополнение (2000–2015 гг.) // Stephanos. 2018. № 2. С. 309–310 и мн. др.

В настоящее время центральной фигурой чешской литературоведческой русистики является Иво Поспишил, ученый с мировым именем, ведущий специалист по русской литературе и русско-чешским литературным связям[2]. Многие годы он отдал самоотверженной педагогической, исследовательской и организационной работе: заведуя кафедрой славистики в Университете им. Масарика в Брно, воспитал многочисленных учеников, был председателем Ассоциации чешских славистов, Центральноевропейского Центра славянских исследований и Славистического общества Франка Воллмана, а также председателем Литературоведческого общества Чешской Республики. И. Поспишил занимается исследованием общих закономерностей литературного процесса, движением жанров, историко-литературным анализом вершинных произведений русской литературы (библиография его трудов превышает три тысячи единиц)[3], компаративистикой в сочетании с современными теориями и школами (нарратология, конструктивизм, рецептивная эстетика и т. д.). Ученый выдвинул оригинальные концепции становления и развития ряда литературных и культурных явлений (в частности, русского романа от Пушкина до постмодернизма) и внес огромный вклад в развитие теории литературы[4].

Состояние литературоведческой русистики как особой области филологии зависит от социально-политических и экономических факторов, образования, наличия квалифицированных кадров и в целом от интереса к русскому языку в обществе. Эти процессы тесно взаимосвязаны. Так, А. Артемов (университет Западной Богемии, Пльзень), проследив историю изучения русского языка в Чехии / Чехословакии с 1918 г. до наших дней, обратил внимание на «политизированное отношение к русскому языку, которое [находится] в зависимости от внешних обстоятельств и политического курса правящих партий»[5], что ока-

2 Об И. Поспишиле см. подробнее: *Шешкен А. Г.* Иво Поспишил // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 4. С. 214–216.

3 Избранная библиография работ И. Поспишила опубликована в России. См.: *Злочевская А. В.* Работы профессора И. Поспишила о русской литературе. Аннотированная библиография (1990–2015 гг.) // Stephanos. 2016. № 1. С. 220–223; Библиография работ профессора Иво Поспишила. Часть 2: 2016–2022 // Stephanos. 2022. № 4. С. 127–182.

4 *Злочевская А. В.* Чешская и словацкая литературоведческая русистика: конец XX – начало XXI в.// Stephanos. 2020. № 4. С. 9–18.

5 *Artemov A.* Повышение квалификации преподавателей русского языка в Чехии (организация, основные направления и актуальные проблемы) // Novaja rusistika. 2024. Č. 2. S. 34.

зывает влияние на его изучение в вузе и школе. Отмечено, что «после 1989 г. интерес к изучению русского языка в Чехии значительно падает, но вновь начинает расти с середины 90-х гг. в связи с развитием экономических отношений. […] С начала XXI в. растет интерес к русскому языку в начальных и средних школах»[6]. При этом подчеркивается, что пандемия, оказавшая влияние на многие сферы жизни, не уменьшила интереса к русскому языку в школе. В последние же два года происходит только «слабое снижение интереса к выбору русского языка»[7]. Продолжают работать центры изучения русского языка и культуры (университеты, «Чешская ассоциация русистов» и др.), предлагая программы повышения квалификации для учителей. В программы входит не только освоение современных методик преподавания языка, но и знакомство с новыми произведениями русской литературы и кинофильмами. Таким образом формируется основа для притока в высшее образование и науку новых кадров, что способствует сохранению и развитию национальных научных школ в русистике.

Большое внимание изучению русской классики и современного литературного процесса уделяет в наше время чешское периодическое издание «Новая русистика: международный журнал современной филологической и ареальной русистики», с 2008 г. издающееся университетом им. Масарика в Брно. Журнал выходит два раза в год на русском, чешском и других славянских языках. Его основатель и главный редактор – Иво Поспишил, ответственные редакторы – историк-славист Йозеф Шаур (2008–2021), с 2021 г. – литературовед Ленка Одегналова. «Новая русистика» является преемником журнала «Чехословацкая русистика» (1956–1990). Задачи нового издания были сформулированы Поспишилом как освещение «актуальных для русистики XXI в. вопросов в русле ареальной филологии», исследование «новых этно-психо-социальных процессов, выходящих за пределы филологической и ареальной русистики»[8], а также широкого спектра связей Центральной Европы и России.

Основанный в сложные для чешской (и не только) русистики годы, когда изучение русского языка и литературы с трудом преодолевало последствия кризиса первой половины 1990-х гг., журнал оказался успешным и востребованным изданием и быстро приобрел

6 Ibid. S. 27.

7 Ibid. S. 28.

8 *Pospíšil I.* «Новая русистика» и новая русистика на пороге 21 века // Novaja rusistika. 2008. Č. 1. S. 5.

авторитет в научном сообществе. Широкая сфера научных интересов профессора Поспишила объективно способствовала его многосторонним контактам в научном мире и привлечению к сотрудничеству многих ярких авторов. С журналом стали работать известные в славянском мире ученые: профессор Ягеллонского университета (Краков) Л. Суханек, профессор Белградского университета Б. Станкович, российские ученые из Института славяноведения РАН (С. В. Никольский[9], Л. Н. Будагова), МГУ им. М. В. Ломоносова (А. В. Злочевская[10] и др.), Санкт-Петербургского университета, Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского и т. д. Журнал также предоставляет возможность публиковаться молодому поколению русистов, подчеркивая «межгенерационный, открытый»[11] характер издания.

За прошедшие годы в «Новой русистике» наряду с материалами, посвященными лингвистической проблематике, было опубликовано порядка пятисот работ о русской литературе и ее рецепции в славянском и европейском контексте[12]. Анализировалось, например, творчество Ф. Достоевского, Л. Толстого, Л. Андреева, В. Брюсова, А. Ахматовой, В. Набокова, М. Булгакова, М. Горького, А. Солженицына, В. Шаламова, В. Астафьева, Ю. Бондарева, деревенская проза (Зд. Матыушова «Художественные и ценностные источники русской деревенской прозы»[13]), рассматривалось прочтение «Трех сестер» Чехова Городским театром Брно[14]. Освещались вопросы литературных связей, в частности проблемы перевода русской литературы

9 *Nikol'skij S. V.* Поэтика зашифрованных мотивов и параллельных семантических полей // Novaja rusistika. 2012. Č. 1. S. 55–67.

10 *Zločevskaja A. V.* От модернизма к метапрозе XX в.: мистико-метафикциональная проза Г. Гессе, В. Набокова и М. Булгакова (на материале романов «Степной волк», «Дар» и «Мастер и Маргарита») // Novaja rusistika. 2014. Č. 1. S. 5–18; *Zločevskaja A. V.* Роман «Защита Лужина» – первая «бабочка» мистической метапрозы В. Набокова // Novaja rusistika. 2017. Č. 1. S. 15–23; *Zločevskaja A. V.* Креативно-эстетическая стратегия В. Набокова и М. Булгакова // Novaja rusistika. 2011. Č. 1. S. 25–36

11 *Pospíšil I.* «Новая русистика» и новая русистика… S. 3–5.

12 *Винокурова Л. А.* Чешский научный журнал «Новая русистика» о русской литературе // Stephanos. 2024. № 3. С. 90–95.

13 *Matyušová Zd.* Художественные и ценностные источники русской деревенской прозы // Novaja rusistika. 2008. Č. 2. S. 21–34.

14 *Kroča D.* Чеховская трагикомедия: интерпретация «Трех сестер» в Городском театре Брно // Novaja rusistika. 2021. Č. 1. S. 31–39.

на чешский язык[15]. Особое внимание уделялось состоянию и развитию чешской русистики (статьи Поспишила «Русский феномен и проблема чехословацкой / чешской русистики»[16] и Одегналовой о чешских работах по современной русской литературе[17]).

Чешские литературоведы отмечали вклад в изучение чешской литературы и исследование чешско-русских литературных связей российских ученых, среди которых выделяются исследования С. В. Никольского, Л. Н. Будаговой и А. В. Злочевской[18]. Называя Л. Н. Будагову «знатоком и ценителем чешской литературы» [19], Поспишил подчеркивает значимость ее трудов, посвященных развитию чешской поэзии XIX–XX вв., считая ее работы о чешском сюрреализме «полезными и для многих чешских богемистов, особенно с точки зрения сравнительного литературоведения»[20]. В статье, посвященной 100-летию со дня рождения С. В. Никольского (1922–2015), «богемиста, который в 50-е гг. XX века сыграл решающую роль в возвращении Карела Чапека чешскому читателю»[21], Поспишил вспоминает о переводе и издании на русском языке в 1950 г. «Избранного» К. Чапека, предисловие к которому написал молодой тогда ученый С. В. Никольский. Этот текст вернул Чапека, находившегося после войны в забвении, не только чешскому читателю, но и чешской науке. Данный факт, осмысленный с высоты времени, подталкивает Поспишила к выводу о пользе для национального литературоведения

15 *Richterek O.* Русская поэзия как феномен чешского перевода // Novaja rusistika. 2009. Č. 1. S. 5–15; *Pospíšil I.* К традиции брненского стиховедения и специфике русской поэзии // Novaja rusistika. 2009. Č. 2. S. 55–65.

16 *Pospíšil I.* Русский феномен и проблема чехословацкой / чешской русистики // Novaja rusistika. 2016. Č. 2. S. 45–56.

17 *Odehnalová L.* Současná ruská literatura a její česká recepce z perspektivy rusistických periodik // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 39–47.

18 *Rubcova N. S.* Памяти профессора Сергея Васильевича Никольского // Novaja rusistika. 2015. Č. 2. S. 83–84; *Pospíšil I.* Odešla významná ruská slavistka a bohemistka: In memoriam Ljudmily Norajrovny Budagovové // Novaja rusistika. 2022. Č. 1. S. 98–101; *Šešken A. G.* Алла Владимировна Злочевская: жизнь как подвиг // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 86–88; *Pospíšil I.* Oni a my: ruská literárněvědná bohemistika a česká literatura: (několik reflexí recentního stavu) // Novaja rusistika. 2015. Č. 2. S. 33–52.

19 *Pospíšil I.* Odešla významná ruská slavistka a bohemistka… S. 98.

20 *Pospíšil I.* Oni a my… S. 42.

21 *Pospíšil I.* Проблема иностранной (русской) филологии / богемистики и Сергей Никольский // Novaja rusistika. 2022. Č. 1. S. 72.

профессионального «взгляда со стороны», который на определенных этапах дает сильный позитивный импульс национальной науке. Подчеркивается, что С. В. Никольский «и другие богемисты служат примером незаменимости иностранной филологии в процессе изучения отечественных художественных произведений и, в общем, восприятия, интерпретации и оценки литературы как таковой»[22].

«Новая русистика», продолжая уделять внимание актуальным проблемам исследования русской литературы, реагирует на сложные события новейшего времени. Особенно примечательна в этом отношении статья И. Поспишила «Dostojevskij: pro, nikoli proti» («Достоевский: за, никогда против»), вышедшая во втором номере за 2022 г. и затрагивающая проблему «отмены» русской культуры за рубежом. Статья принципиальная и смелая с учетом общественно-политической обстановки, в которой она появилась. Последовательно выступая за независимость изучения русского языка и литературы от сиюминутной политической ситуации, в этой статье ученый формулирует тезис о неразрывных связях русской литературы с мировым литературным процессом и, как следствие, о непреходящей актуальности русской литературы для славянского и европейского мира[23].

Эта позиция отражается и в последующих номерах журнала. Публикуются материалы о важности наследия русской литературы в чешской и мировой культуре: в частности, на материале творчества Л. Н. Толстого и А. П. Чехова рассматривается «проблема культурного трансфера»[24]. Опубликованы заметки И. Поспишила, А. Аретьевой и Л. Одегналовой о прошедших в 2023 г. конференциях, посвященных русской литературе и ее восприятию в современном мире. Освещен семинар в Братиславе по вопросам изучения истории русской литературы в «новой ситуации»[25]. Оригинальный ракурс исследования произведений Ф. М. Достоевского предлагает статья И. Поспишила

22 Ibid. S. 68.

23 *Pospíšil I.* Dostojevskij: pro, nikoli proti // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 74–80. Рец. на: *Červinskaja O., Dzyk R.* Dialog: Pro (za) F. M. Dostojevskogo. Siedlce, 2021.

24 *Pospíšil I.* Lev Tolstoj a problém kulturního transferu // Novaja rusistika. 2024. Č. 1. S. 57–61. Рец. на: *Piotrowska I.* Рецепция позднего Льва Толстого в польской прессе. Процессы информационного и культурного трансфера. Warszawa, 2021.

25 *Pospíšil I.* Bratislavský seminář k dějinám ruské literatury v nové situaci // Novaja rusistika. 2024. Č. 1. S. 71.

о мотивах космической символики в его творчестве, проанализированных в контексте русской литературы XVIII–XIX вв.[26]

Столетний юбилей В. Астафьева (1924–2001) был отмечен серией материалов, где проанализирована поэтика его произведений. Еще в 2022 г. вышла статья Г. Паулоуской, где исследовательница обратилась к анализу одного из самых значимых произведений русской военной прозы конца XX в., позднему роману В. Астафьева «Прокляты и убиты» (1995), подчеркивая суровый реализм писателя, гуманистический пафос и глубину проникновения во внутренний мир человека[27]. В 2023 г. Зд. Матыушева, рассматривая автобиографическую прозу писателя «Прощальный поклон», приходит к заключению, что «общие наблюдения над прозаическим творчеством Виктора Астафьева позволяют говорить о нем как о содержательной и целостной художественной структуре с сильной лирической тональностью, подчиненной гуманистической направленности самого автора»[28]. В следующей статье, приуроченной к столетнему юбилею писателя, Зд. Матыушева обращается к дневниковым записям, опубликованным под названием «Затеси» (1988), и называет их «произведениями вне жанра» из-за разнородного материала. Это и воспоминания (затеси – диалектное слово, означающее зарубки на память), и поэтические миниатюры, рефлексии, лирико-философские размышления о мире и человеке, очерки деревенской жизни, этнографические зарисовки. Исследовательница подчеркивает, что эти записи вписываются в богатую традицию русской литературы XIX–XX вв. (Тургенев, Пришвин, Белов, Солоухин, Солженицын)[29].

В последнее десятилетие частью чешской русистики стали выходцы из Восточной Европы, которые преподают в университетах страны, пишут научные труды и активно публикуются в том числе в «Новой русистике». Это новое явление, и его роль оценить пока сложно. Исторический опыт взаимодействия национальной и русской

26 *Pospíšil I.* Pozapomenutá linie ruské literatury: kataklyzmatický kosmismus, jinakost a identita // Novaja rusistika. 2024. Č. 2. S. 49–57.

27 *Paulouskaja H.* Изображение войны в творчестве Виктора Астафьева (на материале романа «Прокляты и убиты» // Novaja rusistika. 2022. Č. 1. S. 55–66.

28 *Matyušová Zd.* Лирическая тональность прозы «Прощальный поклон» Виктора Астафьева // Novaja rusistika. 2023. Č. 2. S. 13.

29 *Matyušová Zd.* Дыхание родной земли (К 100-летию со дня рождения Виктора Астафьева) // Novaja rusistika. 2024. Č. 2. S. 37–48.

науки в 1920–1930-е гг., когда в Чехии работали такие яркие ученые, как Е. Ляцкий, В. Францев, А. Бем, П. Богатырев, был очень плодотворен. Будет ли он успешным на этот раз, покажет время.

Журнал «Новая русистика» в силу его авторитета в научном сообществе может считаться своего рода индикатором состояния чешской русистики, ее научных поисков и предпочтений. Журнал занимает достойное место в ряду других периодических изданий славянских стран, на страницах которых освещается проблематика русской литературы («Болгарская русистика», София; «Славистика», Белград и др.), и вносит значительный вклад в изучение русского языка и литературы. Традиционно высокий уровень чешской филологической науки и русистики как неотъемлемой ее части опирается на богатую традицию, успешно развивая и преумножая ее. Сотрудничество с учеными из других стран, в том числе с представителями российской науки, обеспечивает обмен научным опытом и является залогом успешного развития в будущем.

Источники и литература

Библиография работ профессора Иво Поспишила. Часть 2: 2016–2022 // Stephanos. 2022. № 4. С. 127–182. DOI: 10.24249/2309-9917-2022-54-4-127-182.

Винокурова Л. А. Чешский научный журнал Новая русистика о русской литературе // Stephanos. 2024. № 3. С. 90–95. DOI: 10.24249/2309-9917-2024-65-3-90-95.

Злочевская А. В. Аннотированная библиография работ чешских и словацких русистов. Дополнение (2000–2015 гг.) // Stephanos. 2018. № 2. С. 309–310. DOI 10.24249/2309-9917-2018-28-2-309-310.

Злочевская А. В. Изучение русской литературы в Чехии и Словакии (2006–2015 гг.). Аннотированная библиография // Stephanos. 2018. № 1. С. 264–273. DOI 10.24249/2309-9917-2018-27-1-264-273.

Злочевская А. В. Изучение русской литературы в Чехии и Словакии в 1990-е – 2005 гг. (Аннотированная библиография) // Stephanos. 2014. № 7. С. 135–150.

Злочевская А. В. Работы профессора И. Поспишила о русской литературе. Аннотированная библиография (1990–2015 гг.) // Stephanos. 2016. № 1. С. 220–223.

Злочевская А. В. Изучение русской классической литературы в Чехии и Словакии (1980-е годы) // Русская литература в зарубежных исследованиях 1980-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 53–78.

Злочевская А. В. Чешская и словацкая литературоведческая русистика: конец XX – начало XXI в. // Stephanos. 2020. № 4. С. 9–18. DOI: 10.24249/2309-9917-2020-42-4-9-18.

Злочевская А. В. Чешская и словацкая русистика 1995–2015 гг. // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. С. 532–539.

Шешкен А. Г. Иво Поспишил // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2022. № 4. С. 214–216.

Artemov A. Повышение квалификации преподавателей русского языка в Чехии (организация, основные направления и актуальные проблемы) // Novaja rusistika. 2024. Č. 2. S. 21–36.

Kroča D. Чеховская трагикомедия: интерпретация «Трех сестер» в Городском театре Брно // Novaja rusistika. 2021. Č. 1. S. 31–39.

Matyušová Zd. Дыхание родной земли (К 100-летию со дня рождения Виктора Астафьева) // Novaja rusistika. 2024. Č. 2. S. 37–48.

Matyušová Zd. Лирическая тональность прозы «Прощальный поклон» Виктора Астафьева // Novaja rusistika. 2023. Č. 2. S. 5–14.

Matyušová Zd. Художественные и ценностные источники русской деревенской прозы // Novaja rusistika. 2008. Č. 2. S. 21–34.

Nikol'skij S. V. Поэтика зашифрованных мотивов и параллельных семантических полей // Novaja rusistika. 2012. Č. 1. S. 55–67.

Odehnalová L. Současná ruská literatura a její česká recepce z perspektivy rusistických periodik // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 39–47.

Paulouskaja H. Изображение войны в творчестве Виктора Астафьева (на материале романа «Прокляты и убиты» // Novaja rusistika. 2022. Č. 1. S. 55–66.

Pospíšil I. «Новая русистика» и новая русистика на пороге 21 века // Novaja rusistika. 2008. Č. 1. S. 3–5.

Pospíšil I. Bratislavský seminář k dějinám ruské literatury v nové situaci // Novaja rusistika. 2024. Č. 1. S. 71–73.

Pospíšil I. Dostojevskij: pro, nikoli proti // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 74–80.

Pospíšil I. Lev Tolstoj a problém kulturního transferu // Novaja rusistika. 2024. Č. 1. S. 57–61.

Pospíšil I. Odešla významná ruská slavistka a bohemistka: In memoriam Ljudmily Norajrovny Budagovové // Novaja rusistika. 2022. Č. 1. S. 98–101.

Pospíšil I. Oni a my: ruská literárněvědná bohemistika a česká literatura: (několik reflexí recentního stavu) // Novaja rusistika. 2015. Č. 2. S. 33–52.

Pospíšil I. Pozapomenutá linie ruské literatury: kataklyzmatický kosmismus, jinakost a identita // Novaja rusistika. 2024. Č. 2. S. 49–57.

Pospíšil I. К традиции брненского стиховедения и специфике русской поэзии // Novaja rusistika. 2009. Č. 2. S. 55–65.

Pospíšil I. Проблема иностранной (русской) филологии / богемистики и Сергей Никольский // Novaja rusistika. 2022. Č. 1. S. 67–73.

Pospíšil I. Русский феномен и проблема чехословацкой / чешской русистики // Novaja rusistika. 2016. Č. 2. S. 45–56.

Richterek O. Русская поэзия как феномен чешского перевода // Novaja rusistika. 2009. Č. 1. S. 5–15.

Rubcova N. S. Памяти профессора Сергея Васильевича Никольского // Novaja rusistika. 2015. Č. 2. S. 83–84.

Šešken A. G. Алла Владимировна Злочевская: жизнь как подвиг // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 86–88.

Zločevskaja A. V. Креативно-эстетическая стратегия В. Набокова и М. Булгакова // Novaja rusistika. 2011. Č. 1. S. 25–36.

Zločevskaja A. V. От модернизма к метапрозе XX в.: мистико-метафикциональная проза Г. Гессе, В. Набокова и М. Булгакова (на материале романов «Степной волк», «Дар» и «Мастер и Маргарита») // Novaja rusistika. 2014. Č. 1. S. 5–18.

Zločevskaja A. V. Роман «Защита Лужина» – первая «бабочка» мистической метапрозы В. Набокова // Novaja rusistika. 2017. Č. 1. S. 15–23.

References

Artemov, A. “Povyshenie kvalifikatsii prepodavatelei russkogo iazyka v Chekhii (organizatsiia, osnovnye napravleniia i aktual'nye problemy).” *Novaja rusistika*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 21–36.

“Bibliografiia rabot professora Ivo Pospishila. Chast' 2: 2016–2022.” *Stetephanos*, 2022, No 4, pp. 127–182. DOI: 10.24249/2309-9917-2022-54-4-127-182.

Kroča, D. “Chekhovskaia tragikomediia: interpretatsiia «Trekh sester» v Gorodskom teatre Brno.” *Novaja rusistika*, 2021, vol. 14, issue 1, pp. 31–39.

Matyušová, Zd. “Dykhanie rodnoi zemli (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia Viktora Astaf'eva).” *Novaja rusistika*, 2024, vol. 11, issue 2, pp. 37–48.

Matyušová, Zd. “Khudozhestvennye i tsennostnye istochniki russkoi derevenskoi prozy.” *Novaja rusistika*, 2008, vol. 1, issue 2, pp. 21–34.

Matyušová, Zd. “Liricheskaia tonal'nost' prozy «Proshchal'nyi poklon» Viktora Astaf'eva.” *Novaja rusistika*, 2023, vol. 16, issue 2, pp. 5–14.

Nikol'skij, S. V. “Poetika zashifrovannykh motivov i parallel'nykh semanticheskikh polei.” *Novaja rusistika*, 2012, vol. 5, issue 1, pp. 55–67.

Odehnalová, L. “Současná ruská literatura a její česká recepce z perspektivy rusistických periodic.” *Novaja rusistika*, 2022, vol. 15, issue 2, pp. 39–47.

Paulouskaja, H. “Izobrazhenie voiny v tvorchestve Viktora Astaf'eva (na materiale romana «Prokliaty i ubity».” *Novaja rusistika*, 2022, vol. 15, issue 1, pp. 55–66.

Pospíšil, I. “«Novaja rusistika» i novaia rusistika na poroge 21 veka.” *Novaja rusistika*, 2008, vol. 1, issue 1, pp. 3–5.

Pospíšil, I. “Bratislavský seminář k dějinám ruské literatury v nové situaci.” *Novaja rusistika*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 71–73.

Pospíšil, I. “Dostojevskij: pro, nikoli proti.” *Novaja rusistika*, 2022, vol. 15, issue 2, pp. 74–80.

Pospíšil, I. “K traditsii brnenskogo stikhovedeniia i spetsifike russkoi poezii.” *Novaja rusistika*, 2009, vol. 2, issue 1, pp. 55–65.

Pospíšil, I. “Lev Tolstoj a problém kulturního transferu.” *Novaja rusistika*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 57–61.

Pospíšil, I. “Odešla významná ruská slavistka a bohemistka: In memoriam Ljudmily Norajrovny Budagovové.” *Novaja rusistika*, 2022, vol. 15, issue 1, pp. 98–101.

Pospíšil, I. “Oni a my: ruská literárněvědná bohemistika a česká literatura: (několik reflexí recentního stavu).” *Novaja rusistika*, 2015, vol. 8, issue 2, pp. 33–52.

Pospíšil, I. “Pozapomenutá linie ruské literatury: kataklyzmatický kosmismus, jinakost a identita.” *Novaja rusistika*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 49–57.

Pospíšil, I. “Problema inostrannoi (russkoi) filologii / bogemistiki i Sergei Nikol'skii.” *Novaja rusistika*, 2022, vol. 15, issue 1, pp. 67–73.

Pospíšil, I. “Russkii fenomen i problema chekhoslovatskoi / cheshskoi rusistiki.” *Novaja rusistika*, 2016, vol. 9, issue 2, pp. 45–56.

Richterek, O. “Russkaia poeziia kak fenomen cheshskogo perevoda.” *Novaja rusistika*, 2009, vol. 2, issue 1, pp. 5–15.

Rubcova, N. S. “Pamiati professora Sergeia Vasil'evicha Nikol'skogo.” *Novaja rusistika*, 2015, vol. 8, issue 2, pp. 83–84.

Šešken, A. G. “Alla Vladimirovna Zlochevskaia: zhizn' kak podvig.” *Novaja rusistika*, 2022, vol. 15, issue 2, pp. 86–88.

Sheshken, A. G. “Ivo Pospishil.” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiia*, 2022, No 4, pp. 214–216.

Vinokurova, L. A. “Cheshskii nauchnyi zhurnal Novaia rusistika o russkoi literature.” *Stephanos*, 2024, No 3, pp. 90–95. DOI: 10.24249/2309-9917-2024-65-3-90-95.

Zločevskaja, A. V. “Kreativno-esteticheskaia strategiia V. Nabokova i M. Bulgakova.” *Novaja rusistika*, 2011, vol. 4, issue 1, pp. 25–36.

Zločevskaja, A. V. “Ot modernizma k metaproze XX v.: mistiko-metafiktsional'naia proza G. Gesse, V. Nabokova i M. Bulgakova (na materiale romanov «Stepnoi volk», «Dar» i «Master i Margarita»).” *Novaja rusistika*, 2014, vol. 7, issue 1, pp. 5–18.

Zločevskaja, A. V. “Roman «Zashchita Luzhina» – pervaia «babochka» misticheskoi metaprozy V. Nabokova.” *Novaja rusistika*, 2017, vol. 10, issue 1, pp. 15–23.

Zlochevskaia, A. V. “Annotirovannaia bibliografiia rabot cheshskikh i slovatskikh rusistov. Dopolnenije (2000–2015 gg.).” *Stephanos*, 2018, No 2, pp. 309–310. DOI 10.24249/2309-9917-2018-28-2-309-310.

Zlochevskaia, A. V. “Cheshskaia i slovatskaia rusistika 1995–2015 gg.” *Russkii iazyk i literatura v slavianskom mire: Istoriia i sovremennost'*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2020, pp. 532–539.

Zlochevskaia, A. V. “Izuchenie russkoi klassicheskoi literatury v Chekhii i Slovakii (1980-e gody).” *Russkaia literatura v zarubezhnykh issledovaniiakh 1980-kh godov*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994, pp. 53–78.

Zlochevskaia, A. V. “Izuchenie russkoi literatury v Chekhii i Slovakii (2006–2015 gg.). Annotirovannaia bibliografiia.” *Stephanos*, 2018, No 1, pp. 264–273. DOI 10.24249/2309-9917-2018-27-1-264-273.

Zlochevskaia, A. V. “Izuchenie russkoi literatury v Chekhii i Slovakii v 1990-e – 2005 gg. (Annotirovannaia bibliografiia).” *Stephanos*, 2014, No 7, pp. 135–150.

Zlochevskaia, A. V. “Raboty professora I. Pospishila o russkoi literature. Annotirovannaia bibliografiia (1990–2015 gg.).” *Stephanos*, 2016, No 1, pp. 220–223.

Zlochevskaya, A. V. “Cheshckaia i slovatskaia literaturovedcheskaia rusistika: konets XX – nachalo XXI v.” *Stephanos*, 2020, No 4, pp. 9–18. DOI: 10.24249/2309-9917-2020-42-4-9-18.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.19 ***A. G. Sheshken, L. A. Vinokurova***

On Dostoevsky and Other Matters.
Russian Literature in the Czech Republic

Alla G. Sheshken
Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University
119991, Leninskie Gory 1–51, Moscow, Russian Federation
E-mail: asheshken@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9346-9814

Liubov A. Vinokurova
Master’s Student
Lomonosov Moscow State University
119991, Leninskie Gory 1–51, Moscow, Russian Federation
E-mail: ficbespierre@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6157-7426

Citation
Sheshken A. G., Vinokurova L. A. On Dostoevsky and Other Matters. Russian Literature in the Czech Republic // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 385–398 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.19

Received: 06.02.2025.
Revised: 26.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
Studies of Russian literature in the Czech Republic have a rich tradition. A great deal of attention is paid to the study of the Russian classics and the modern literary process nowadays by «Novaja Russistika (Nová rusistika): International Journal of Modern Philological and Areal Russistics». Since 2008, it has been published in Russian, Czech and other Slavic languages by Masaryk University in Brno (founder and editor-in-chief Ivo Pospíšil). Over the years of its existence, the journal has presented more than five hundred articles by Czech and Russian scholars and researchers from other countries on the problems of Russian literature, its place in the European and Czech literary process, Russian-Czech literary relations, translations, and others. In particular, the journal has hosted scholarly discussions on topical issues of the study of the novel genre in Russian literature and its contemporary fate. Over the last two years, the journal has published articles on the works of F. Dostoevsky, L. Tolstoy, N. Leskov, V. Astafiev, etc. Allowing freedom in the choice of research methodology and recognizing the pluralism of opinions, the editorial board invariably requires the authors to remain within the framework of philological scientific discussion.

Keywords
Russian literature, *Russian-Czech literary relations*, *Czech Russistics*, *Ivo Pospíšil*, *F. Dostoevsky*, *V. Astafiev.*

УДК 94(497.2)
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20

Н. В. Евстафьев

Явление криптохристианства в житиях балканских мучеников XVI в.

Евстафьев Никита Владимирович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Цитирование
Евстафьев Н. В. Явление криптохристианства в житиях балканских мучеников XVI в. // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 399–412. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20

Статья поступила в редакцию 07.01.2025.
Рецензирование завершено 12.02.2025.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
В статье рассматривается отражение в произведениях славянской агиографии XVI в. одного из важных явлений межрелигиозного взаимодействия на Балканах: криптохристианства. Криптохристианами называют тех, кто внешне принял ислам, а также исполнял мусульманские обряды, но при этом скрытно исповедовал и христианство, исполняя часть христианских обрядов. В статье это явление рассматривается на материале житий балканских мучеников (мартириев). По очевидным причинам о криптохристианстве известно не так много, но его отдельные примеры встречаются в произведениях агиографии, посвященных некоторым балканским мученикам. В славянской агиографии криптохристианство нередко представлено в качестве возможной альтернативы мученичеству. Св. Николай Новый после того, как знакомые мусульмане обманом обратили его в свою веру, целый год не выходил из дому, чем вызывал недовольство у мусульман и у своих православных родственников. Таким образом, до его разоблачения мусульманами Николай был криптохристианином. Но наиболее явный пример можно найти в южнославянском житии св. Георгия Нового, где упоминается некий «сарацин», тайно исповедовавший христианскую веру. Вместе

с тем в статье высказывается предположение, что образ этого «сарацина» является библейской отсылкой к образу Иосифа Аримафейского из Евангелия от Иоанна. При этом отношение агиографов к криптохристианству, отраженное в созданных ими сочинениях, носит скорее отрицательный характер. С точки зрения представителей церкви XVI в. предпочтительнее погибнуть за веру, чем сохранить приверженность православию в тайне.

Ключевые слова
Славянская агиография, *Османская империя XVI в.*, *Балканы*, *криптохристианство*, *св. Георгий Новый Софийский*, *св. Николай Новый Софийский.*

Одним из важных и при этом все еще малоизученных проявлений межконфессионального взаимодействия христиан и мусульман Османской империи можно назвать так называемое криптохристианство. Криптохристианами или скрытыми христианами называют тех, кто внешне принял ислам – произнес шахаду (клятву), прошел (в большинстве случаев) через процедуру обрезания и принял новое имя – а также исполнял мусульманские обряды, ходил в мечеть, но при этом скрытно исповедовал и христианство, исполняя часть христианских обрядов[1]. В этом случае криптохристианство, несомненно,

1 Подробнее о криптохристианах и явлении криптохристианства в целом см., например: *Димитров С.* Скрито християнство и ислямизационните процеси в Османска държава // Исторически преглед. 1987. № 3. С. 18–33; *Skendi S.* Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // Balkan cultural studies. New York, 1980. P. 233–257; *Skendi S.* Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // Slavic Review. Vol. 26. No. 2 (Jun., 1967). P. 227–246.

О других формах «крипторелигиозности» в Османской империи, включающей в себя, например, тайных шиитов и криптоиудеев, см., например: *Reinkowski M.* Hidden Believers, Hidden Apostates: The Phenomenon of Crypto-Jews and Crypto-Christians in the Middle East // Converting Cultures: Religion, Ideology and Transformations of Modernity / ed. by D. Washburn, A. K. Reinhart. Leiden, 2007. P. 409–434; *Reinkowski M.* Keine Kryptoreligion, aber doch kryptoreligiös. Zur Frage einer realen Existenz von Kryptojuden und Kryptochristen im islamischen geprägten Mittelmeerraum und Nahen Osten // Konfessionelle Ambiguität. Uneindeutigkeit und Verstellung als religiöse Praxis in der Frühen Neuzeit / herausgegeben von A. Pietsch, B. Stollberg-Rilinger. Göttingen, 2013. S. 75–98.

приобретало черты двоеверия, когда человек мог быть одновременно и мусульманином, и христианином[2]. С конца XIV в. поздневизантийская церковь Константинопольского патриархата достаточно терпимо относилась к криптохристианству, дозволяя при определенных обстоятельствах в тайне сохранять свою приверженность к православной вере, но только в том случае, если скрытые носители веры соблюдали христианские заповеди. При этом возвращение таких лиц к христианской вере требовало также процедуры покаяния. Со временем, впрочем, отношение церковной иерархии к криптохристианству стало меняться в худшую сторону, ведь, разрешая его, они фактически способствовали распространению ислама[3].

По естественным причинам о криптохристианах известно не так много, поскольку, во-первых, они старались скрыть свою принадлежность к православной вере, а во-вторых, их существование практически не отмечается в османских источниках[4]. Особенно распространенным явление криптохристианства было в албанских землях[5], однако некоторые примеры тайных христиан встречаются и среди славянского населения Балкан. Так, одним из вероятных указаний на существование скрытых христиан в болгарских землях обычно называют надгробные камни потурченцев из окрестностей Смоляна и Кырджали, на которых изображены кресты[6]. Впрочем, данный пример, как и многие другие, может относиться к явлению религиозного синкретизма: кресты на могилах мусульман необязательно должны означать их принадлежность к скрытым христианам[7].

В славянской агиографии XVI в., посвященной погибшим на Балканах мученикам, – особенно в житиях св. Георгия Нового (ум. 1515) и св. Николая Нового Софийских (ум. 1555) – также находятся

2 *Zirojević O.* Islamizacija na Južnoslovenskom prostoru: dvoverje. Beograd, 2003. S. 5–7.

3 *Krstić T.* Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire. Stanford, 2011. P. 123–124.

4 *Reinkowski M.* Hidden Believers… P. 411–412.

5 *Malcolm N.* Crypto-Christianity and Religious Amphibianism in the Ottoman Balkans: The Case of Kosovo // Rebels, Believers, Survivors: Studies in the History of the Albanians. Oxford; New York, 2020. P. 55–67.

6 *Тодорова О.* Православната църква и българите XV–XVIII век. София, 1997. С. 236–237.

7 О разных формах сосуществования и синкретизма христианства и ислама на Балканах см., например: *Malcolm N.* Crypto-Christianity… P. 55–60.

примеры, которые можно отнести к явлению криптохристианства. Прежде оно практически не рассматривалось на основе сочинений агиографии, лишь отдельные ученые (в частности, Р. Градева) вскользь касались этого вопроса[8]. В настоящей статье мы постараемся проанализировать имеющиеся в агиографии примеры и определить, насколько они действительно связаны с явлением скрытого христианства, а также выяснить, каким было отношение составителей житий (нередко представителей церкви) к данному явлению. Кроме того, мы попытаемся установить, не являются ли отдельные из этих примеров литературной конструкцией, не отражающей в полной мере османские реалии XVI столетия.

В первую очередь необходимо отметить, что в рассматриваемых житиях скрытое исповедание православной веры представляется как альтернатива мученичеству, которую большинство героев житий отвергает. В южнославянском житии св. Георгия Нового, вероятно, есть намек на возможность совершить выбор в пользу криптохристианства в словах мусульманского судьи (кадия), когда он предлагает юноше принять ислам, но при этом указывает на то, что никто не заставит Георгия отказаться от почитания Христа, которого и сам кадий любит: «Еда азь гл(аго)лю отврещи ти се Х(ри)с(т)а и не любити его ни почитати его; Да не будеть. Понеже и азь того зело люблю…»[9]. Естественно, этот вариант не устраивает Георгия, потому что он не хочет при этом почитать также и Мухаммеда, которого юноша воспринимает как лжепророка[10]. В русском житии св. Георгия возможность избежать гибели будущему мученику предлагают некоторые из христиан прямо перед самой казнью: «Ови же о(т) бл[а] говерных гл[аголю]ще: “Георгие, помилуй себе и пощади юность свою. Мощно бо ти е(с)[ть] инде жити пространна бо есть и широка по(д)небесная. Не срамляй толита народа повинися повелению

8 *Градева Р.* Българи и турци XV–XVIII в. // Представата за «другия» на Балканите / съст. Н. Данова и др. София, 1995. С. 52.

9 Хотя эту фразу можно интерпретировать и как указание на то, что мусульмане почитали Христа как пророка Ису. Подробнее об этом см., например: *Anawati G. C.* Isa // Encyclopaedia of Islam. 2nd Edition. V. 4. Iran – K. / ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht et al. Leiden, 1991. P. 81–86.

10 *Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности. Београд, 1976. Књ. 10. С. 248–249. Издание Д. Богдановича выполнено по самому старому из дошедших до нас списков этого жития: Афонскому (Хиландарскому) списку третьей четверти XVI в. (Хиландар 479).

ц[а]р[е]ву, а мы вскоре тя о(т) язвь исцелим”». Не совсем ясно, имеют ли они в виду криптохристианство, однако Георгий в любом случае ответил им резкой отповедью: «Почто вы, ведуще, к нечестивым совету прилагаетеся…»[11]

Св. Николай Новый Софийский был обманом обращен в ислам (через насильно сделанное обрезание) его собственными подмастерьями-мусульманами на совместном с ними пиру. Николай отказался признавать свой переход в ислам, был через какое-то время схвачен разъяренными мусульманами и приведен на суд. При этом законный судья (кадий) был достаточно благосклонно настроен по отношению к святому и в личной беседе прямо предложил ему внешне принять ислам, а тайно остаться христианином: «молютисе […] поклонисе кь намь лицемествоуе пред мною […] и съхрани верою свою якоже волиши. и себе от съмрьти избавы»[12]. Николай, как и Георгий, отказался от данного предложения, но в его случае отказ основывался на уже пережитом опыте: какое-то время Николай, похоже, был тайным христианином, хотя и несколько нетипичным.

После того, как Николая обманом обратили в ислам, он не решился сразу отвергнуть мусульманскую веру, опасаясь за свою жизнь, а вместо этого начал втайне молиться Христу («обаче страха рад безбожних вь таине сице начинаше покаание»)[13]. Вернувшись домой, Николай продолжил свое тайное раскаяние и при этом целый год не выходил из дома и не участвовал в церковных обрядах и христианских праздниках, что ставили ему в укор другие христиане, даже его родственники,

---

11 Мучение святого и славного великомученика Георгия Нового // *Калиганов И. И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. С. 216. Издание И. И. Калиганова выполнено по одному из древнейших списков конца 1530-х гг. (Государственный исторический музей. Собрание Барсова. № 313). Этот список восточнославянского жития был составлен в то же время, когда весть о гибели юноши Георгия достигла Московского государства.

12 *Сырку П. А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. (СПб., 1902. (Сборник ОРЯС. Т. LXXI. № 2). С. 126. Издание П. А. Сырку выполнено на основе единственного сохранившегося списка жития, который был составлен попом Лазарем из Кратово в 1564 г., т. е. меньше чем через десять лет после гибели святого. См.: ЦИАИ БП (Църковноисторически и архивен институт при Българската патриаршия). № 1521. Л. 41а–208б.

13 Там же. С. 72.

и в особенности жена Николая, которой было особенно тяжело принять такое грехопадение ее мужа («…ридания бехоу […] от сьжителнице его»)[14]. В конце концов Николай был разоблачен мусульманами и был казнен за вероотступничество, однако весьма любопытно то, что предшествовало его раскрытию. Для того чтобы восстановить отношения со своей женой[15], Николай попросил ее отнести от его имени в храм некий дар, и это и было сделано («нъ и сьжителницу свою оутешивь. словеси бл(а)гоискоусными, посилаеть и въ ц(е)рковь тьщно иты еи. и яже от праведных троудовь на потребоу с(вя)щениа ити посилаеть»)[16]. Как раз в то время, когда жена отправилась в церковь, к дому Николая явился знаток ислама («хулы ревнителя от чина измаильтскы»)[17], который обвинил Николая в неисполнении мусульманских обрядов, а также в том, что он продолжал жить с иноверной супругой[18]. Все это позволяет нам предположить, что разоблачение криптохристианства Николая было связано как раз с его решением частично восстановить связь с православной церковью. Вполне вероятно, мусульмане прознали о том даре, который Николай отправил в церковь, и это стало последней каплей для них, после чего они решили окончательно прояснить ситуацию с новообращенным, по их мнению, мусульманином.

В таком случае естественна и реакция Николая на подобные обвинения: он уже принял решение остаться верным христианином, восстановив отношения со своей супругой и православной церковью, и «агаряне» никак не могли переубедить его. Кроме того, Николай взял с собой на разговор с пришедшим улемом священную икону, которую он прежде держал у себя дома «в тайне» («имеаше бо вь таине с(вя)щенни и чьстны образь въ домоу своемь иконоу г(оспод)а

14 Там же. С. 74.

15 По мнению И. Ф. Макаровой, именно давление христианской общины, родственников и, в особенности, жены заставили Николая встать на путь мученичества, ведь даже формальный и не признанный самим Николаем переход в ислам крайне негативно воспринимался его единоверцами. Это обстоятельство может быть примером изменившегося к XVI в. в негативную сторону отношения православной церкви и общины к криптохристианству. – *Макарова И. Ф.* Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 163–164.

16 *Сырку П. А.* Очерки… С. 83–84.

17 Вероятно, улем.

18 Там же. С. 86.

нашего и(и)с(у)са х(рист)а. Его же изьмь яве…»)[19]. Эту же икону Николай показал мусульманам как доказательство своего окончательного разрыва с исламом: «и хр(и)стианина себе пакы пред вьсеми исповедааше дохвалне […] и въ недра своа роукоу въложь, и чьстивую икону г(оспод)а нашего и(и)с(у)са х(рист)а оттудоу изьм»[20].

Итак, в течение целого года Николай был «своим» в представлении как христианской, так и мусульманской общины. И тех и других смущало затворничество Николая и его неучастие в религиозной жизни каждой из общин, но все это время ему удавалось уклоняться от обвинений. При этом само его поведение по отношению к обеим общинам стояло на грани с вероотступничеством, что и определяло такое сложное к нему отношение представителей каждого из сообществ[21]. На первый взгляд история Николая напоминает судьбу скрытого христианина, который был однажды разоблачен и поплатился за это жизнью. Все же Николай не соответствует «классическим» признакам криптохристианина: во-первых, не совсем ясно, в каких условиях он принял ислам – «обрезание», сделанное подмастерьями-мусульманами, не означало его автоматического перехода в ислам[22], для этого он должен был по собственному желанию также произнести шахаду, о чем в житии не упоминается. Во-вторых, Николай никогда, даже внешне, не признавал своего перехода в иную веру: он не участвовал в религиозной жизни мусульманской общины, а предпочитал оставаться дома и молиться по-христиански. Отчасти противоречит образу скрытого христианина и сожительство Николая с женой, которая оставалась открытой христианкой. По всем этим причинам мы можем считать св. Николая Нового лишь косвенным примером балканского криптохристианина.

Гораздо более явный, как сперва кажется, пример можно найти в южнославянском житии св. Георгия Нового Софийского. Если сам Георгий отказался от тайного исповедания христианства, то один из второстепенных персонажей жития, судя по всему, как раз был

19 Там же. С. 84.

20 Там же. С. 87.

21 Криптохристианство отдельного человека всегда стояло близко к вероотступничеству и даже фактически означало его двойное вероотступничество: сначала отказ от православной веры, а затем тайный отказ от ислама; см.: *Reinkowski M.* Hidden Believers… P. 414.

22 При это само по себе обрезание как признак перехода в ислам никак не противоречило сохранению в тайне христианской веры. См.: *Malcolm N.* Crypto-Christianity… P. 55.

криптохристианином. Во время казни Георгия наставник святого, а также автор оригинального жития, священник Пейо, попытался ближе подобраться к мученику, чтобы поддержать его в последний раз, но мусульманская толпа прогнала священника («…отгнаше с(ве)щен'ника не приближити се ему»). Однако и тогда Пейо не сдался, ведь он «имеше единого срацинина, срацин'скою одеждею одеана красне», который «в ср(ь)дци же велику любовь имее о хр(и)стианьсцеи вере, страха же ради не смеаше исповедати, нь вь таине елика повелеваше ему презвитерь, вьсь сь радостию примаше». Этот «сарацин» действовал по указанию Пейо и находился свидетелем на месте казни («Повеле же ему близь его поити и слышати сьса елика рекуть и елика тьи кь имь отвещаеть»)[23]. Его описание вполне соответствует образу тайного христианина, внешне соблюдавшего мусульманские обряды и носившего мусульманскую одежду. Действительно, некоторые исследователи рассматривают данного «сарацина» как пример криптохристианина[24].

Однако к представленным в славянской агиографии, как и в других христианских источниках, примерам криптохристианства необходимо относится с большой осторожностью[25]. Указанный эпизод с «сарацином» можно вовсе рассматривать как литературную конструкцию. Разумеется, текст жития наполнен библейскими отсылками, большая часть которых выявлена и отмечена в критическом издании жития[26]. При этом сцена с «сарацином» предметом такого комментирования не стала[27]. Между тем описание этого «сарацина» как человека, который не исповедовал открыто христианскую веру «из страха же ради», отчасти соответствует описанию Иосифа Аримафейского из Евангелия от Иоанна. Иосиф Аримафейский участвовал в погребении Иисуса Христа после его смерти: «После сего Иосиф из Аримафеи – ученик Иисуса, но тайный из страха

23 *Богдановић Д.* Житије… С. 252.

24 *Градева Р.* Българи… С. 52.

25 *Krstić T.* Can We Speak of 'Confessionalization' beyond the Reformation? Ottoman Communities, Politics of Piety, and Empire-Building in an Early Modern Eurasian Perspective // Entangled Confessionalizations? Dialogic Perspectives on the Politics of Piety and Community Building in the Ottoman Empire, 15th–18th centuries / ed. by T.Krstić, D. Terzioğlu. Piscataway, 2022. P. 55–80.

26 Мъчение на Георги Нови Софийски от Поп Пейо // Стара българска литература / съст.: Кл. Иванова. София, 1986. Т. 4: Житиеписни творби. С. 611–613.

27 Там же. С. 304.

от Иудеев, – просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса» (Ин.19:38)[28]. Нетрудно заметить некоторое соответствие в образах: и «сарацин», и Иосиф из Аримафеи были тайными христианами, но «из страха» не исповедовали эту религию открыто. Похожи и исполняемые ими функции: «сарацин» является свидетелем смерти мученика, тогда как Иосиф Аримафейский участвует в погребении Иисуса. Поэтому есть основания подозревать в образе «сарацина» аллюзию на библейский сюжет. С другой стороны, гораздо более очевидно с Иосифом соотносится образ пресвитера (священника) Пейо, который спрашивает у судьи разрешение похоронить юношу и получает его: «И гла(го)ла презвитероу соудиа: иди и погреби его сь ч(ь)стию якоже весте»[29].

Таким образом, в славянской агиографии XVI в. есть примеры скрытого христианства, однако в случае с житием св. Николая Нового Софийского криптохристианство главного героя носит весьма косвенный характер – неясно, можно ли вообще относить Николая к категории скрытых христиан, учитывая, что он не участвовал ни в мусульманской, ни в христианской религиозной жизни, тогда как в своем обычном варианте криптохристианство требует внешней принадлежности к исламу и внутренней принадлежности к православию. В его образе трудно заметить какие-то признаки религиозного синкретизма и двоеверия, если не считать таковыми активное взаимодействие с учениками-мусульманами на ремесленном поприще и участие в совместном с ними пиру. Пример с «сарацином» из жития св. Георгия Нового Софийского кажется более очевидным, ведь мы имеем дело с прямым указанием на скрытое христианство этого персонажа. В то же время описание «сарацина» может быть непрямым сюжетным заимствованием из Евангелия от Иоанна. Если данное предположение верно, то вся эта сцена с «сарацином» – не более чем литературная конструкция, которая, однако, все равно представляет определенный интерес: автор жития перенес библейские события на османскую почву и соответствующим образом адаптировал их, проведя сравнение между мученичеством Христа и новомученичеством св. Георгия Нового.

Говоря о том, как в рассматриваемой агиографии отражено отношение представителей церкви к криптохристианам, необходимо вновь отметить, что для составителей житий, близких к церкви, тайное христианство – это по сути неприемлемая альтернатива мученичеству,

28 Цитата приведена по Синодальному переводу Библии.

29 *Богдановић Д.* Житије… С. 259.

и герои житий отвергают ее, выбирая гибель за православную веру. Так агиографы фактически создают образ преданного вере новомученика и противопоставляют его криптохристианину. В этом смысле возникновение житий новомучеников можно трактовать как сознательное формирование определенного круга конфессиональной литературы, целью которой было представить пастве идеальный образ их современника, осознанно пострадавшего за веру. Представители православной церкви, нередко афонские монахи[30], играли заметную роль в формировании и поддержании культов новых мучеников, которые должны были стать примером поведения для православных жителей Балкан в условиях все более заметного наступления ислама в XVI в. С точки зрения церковных иерархов, которая находит свое отражение в рассмотренных мартириях, предпочтительнее было погибнуть за христианскую веру, чем сохранить свою приверженность православию в тайне.

Источники и литература

Богдановић Д. Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности. Београд: Српска академија наука и уметности, 1976. Књ. 10. С. 230–265.

Градева Р. Българи и турци XV–XVIII в. // Представата за «другия» на Балканите / съст. Н. Данова и др. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1995. С. 47–54.

Димитров С. Скрито християнство и ислямизационните процеси в Османска държава // Исторически преглед. 1987. № 3. С. 18–33.

Макарова И. Ф. Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 161–171.

Мучение святого и славного великомученика Георгия Нового // Калиганов И. И. Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. С. 209–218.

Мъчение на Георги Нови Софийски от Поп Пейо // Стара българска литература / съст. Кл. Иванова. София: Български писатель, 1986. Т. 4: Житиеписни творби. С. 291–308.

Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. (СПб.: Тип. Акад. наук, 1902. (Сборник ОРЯС. Т. LXXI. № 2). 176 с.

30 *Krstić T.* Contested Conversions… P. 137–138.

Тодорова О. Православната църква и българите XV–XVIII век. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1997. 298 с.

Anawati G. C. Isa // Encyclopaedia of Islam, 2nd Edition. V. 4. Iran – K. / ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht et al. Leiden: E. J. Brill, 1991. P. 81–86.

Krstić T. Can We Speak of 'Confessionalization' beyond the Reformation? Ottoman Communities, Politics of Piety, and Empire-Building in an Early Modern Eurasian Perspective // Entangled Confessionalizations? Dialogic Perspectives on the Politics of Piety and Community Building in the Ottoman Empire, 15th–18th centuries / ed. by T. Krstić, D. Terzioğlu. Piscataway: Gorgias Press, 2022. P. 25–115.

Krstić T. Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire. Stanford: Stanford University Press, 2011. 280 p.

Malcolm N. Crypto-Christianity and Religious Amphibianism in the Ottoman Balkans: The Case of Kosovo // Malcolm N. Rebels, Believers, Survivors: Studies in the History of the Albanians. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. P. 55–67.

Reinkowski M. Hidden Believers, Hidden Apostates: The Phenomenon of Crypto-Jews and Crypto-Christians in the Middle East // Converting Cultures: Religion, Ideology and Transformations of Modernity / ed. by D. Washburn, A. K. Reinhart. Leiden: Brill, 2007. P. 409–434.

Reinkowski M. Keine Kryptoreligion, aber doch kryptoreligiös. Zur Frage einer realen Existenz von Kryptojuden und Kryptochristen im islamischen geprägten Mittelmeerraum und Nahen Osten // Konfessionelle Ambiguität. Uneindeutigkeit und Verstellung als religiöse Praxis in der Frühen Neuzeit / herausgegeben von A. Pietsch, B. Stollberg-Rilinger. Göttingen: Gütersloher Verlagshaus, 2013. S. 75–98.

Skendi S. Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // Balkan cultural studies. New York: Columbia University Press, 1980. P. 233–257.

Skendi S. Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // Slavic Review. Vol. 26. No. 2 (Jun., 1967). P. 227–246.

Zirojević O. Islamizacija na Južnoslovenskom prostoru: dvoverje. Beograd: Srpski genealoški centar, 2003. 94 s.

References

Anawati, G. C. Isa. *Encyclopaedia of Islam*, 2nd Edition, vol. 4 "Iran–K.", ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht et al. Leiden: E. J. Brill, 1991, pp. 81–86.

Dimitrov, S. "Skrito hristiianstvo i isliamizatsionnite protsesi v Osmanska dŭrzhava." *Istoricheski pregled*, 1987, No 3, pp. 18–33.

Gradeva, R. “Bŭlgari i turtsi XV–XVIII v.” *Predstavata za «drugiia» na Balkanite*, ed. by Danova etc. Sofiia: Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 1995, pp. 47–54.

Krstić, T. “Can We Speak of ‘Confessionalization' beyond the Reformation? Ottoman Communities, Politics of Piety, and Empire-Building in an Early Modern Eurasian Perspective.” *Entangled Confessionalizations? Dialogic Perspectives on the Politics of Piety and Community Building in the Ottoman Empire, 15th–18th centuries*, ed. by T. Krstić, D. Terzioğlu. Piscataway: Gorgias Press, 2022, pp. 25–115.

Krstić, T. *Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire.* Stanford: Stanford University Press, 2011, 280 p.

Makarova, I. F. “Bolgary i turki v Osmanskoi imperii: ideologicheskie stereotipy i kul'turnoe vzaimodeistvie.” *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. Mezhkul'turnyi i mezhkonfessional'nyi dialog slavianskikh narodov.* Moscow, 2011, pp. 161–171.

Malcolm, N. “Crypto-Christianity and Religious Amphibianism in the Ottoman Balkans: The Case of Kosovo.” Malcolm, N. *Rebels, Believers, Survivors: Studies in the History of the Albanians.* Oxford; New York: Oxford University Press, 2020, pp. 55–67.

Reinkowski, M. “Hidden Believers, Hidden Apostates: The Phenomenon of Crypto-Jews and Crypto-Christians in the Middle East.” *Converting Cultures: Religion, Ideology and Transformations of Modernity*, ed. by D. Washburn, A. K. Reinhart. Leiden: Brill, 2007, pp. 409–434.

Reinkowski, M. “Keine Kryptoreligion, aber doch kryptoreligiös. Zur Frage einer realen Existenz von Kryptojuden und Kryptochristen im islamischen geprägten Mittelmeerraum und Nahen Osten.” *Konfessionelle Ambiguität. Uneindeutigkeit und Verstellung als religiöse Praxis in der Frühen Neuzeit*, herausgegeben von A. Pietsch, B. Stollberg-Rilinger. Göttingen: Gütersloher Verlagshaus, 2013, pp. 75–98.

Skendi, S. “Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans.” *Balkan cultural studies.* New York: Columbia University Press, 1980, pp. 233–257.

Skendi, S. “Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans.” *Slavic Review*, vol. 26, No 2 (Jun., 1967), pp. 227–246.

Todorova, O. *Pravoslavnata tsŭrkva i bŭlgarite XV–XVIII vek.* Sofiia: Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”, 1997, 298 p.

Zirojević, O. *Islamizacija na Južnoslovenskom prostoru: dvoverje.* Beograd: Srpski genealoški centar, 2003, 94 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20

N. V. Evstafyev

The Phenomenon of Crypto-Christianity in the Vitae of the 16th Century Balkan Martyrs

Nikita V. Evstafyev
Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Citation
Evstafyev N. V. The Phenomenon of Crypto-Christianity in the Vitae of the 16th Century Balkan Martyrs // Slavic Almanac. 2025. No. 1–2. P. 399–412 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20

Received: 07.01.2025.
Revised: 12.02.2025.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The article examines the reflection in the works of Slavic hagiography of the 16th century of one of the important phenomena of interreligious interaction in the Balkans: Crypto-Christianity. Crypto-Christians or hidden Christians are those who outwardly accepted Islam, and also performed Muslim rituals, but at the same time secretly professed Christianity, performing some Christian rituals. The article examines this phenomenon based on the material of the vitae of the Balkan martyrs (martyria). For obvious reasons, not much is known about Crypto-Christianity, but individual examples of Crypto-Christianity can be found in hagiographies dedicated to some Balkan martyrs. In Slavic hagiography, Crypto-Christianity is often presented as a possible alternative to martyrdom. St. Nicholas the New, after his Muslim acquaintances deceived him into their faith, did not leave his house for a whole year, which caused discontent among Muslims and his Orthodox relatives. Thus, before his exposure by Muslims, Nicholas was a Crypto-Christian. But the most obvious example can be found in the South Slavic vitae of St. George the New, which mentions a certain "Saracen" who secretly professed the Christian faith. At the same time, the article suggests that the image of this "Saracen" is a biblical reference to the image of Joseph of Arimathea from the Gospel of John. At the same time, the attitude

of hagiographers to Crypto-Christianity, reflected in the works they created, is rather negative. From the point of view of representatives of the church in the 16th century, it is preferable to die for the faith than to maintain commitment to Orthodoxy in secret.

Keywords
Slavic hagiography, *the 16th century Ottoman Empire*, *Balkans*, *Crypto-Christianity*, *St. George the New of Sofia*, *St. Nicholas the New of Sofia.*

УДК 94(470); 391/394
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.21

М. В. Лескинен

«Русский Боян» или «ловкий эксплуататор московского патриотизма»: Д. А. Агренев-Славянский и его «Славянская капелла» в оценках современников. Часть 1

Лескинен Мария Войттовна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marles70@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7638-507X

Цитирование
Лескинен М. В. «Русский Боян» или «ловкий эксплуататор московского патриотизма»: Д. А. Агренев-Славянский и его «Славянская капелла» в оценках современников. Часть 1 // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 413–442. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.21

Статья поступила в редакцию 27.07.2024.
Рецензирование завершено 17.09.2024.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
Статья посвящена деятельности Дмитрия Александровича Агренева (псевд. Агренев-Славянский, 1834/1836–1908), основателя одного из самых популярных хоровых коллективов в Российской империи последней трети XIX – начала XX в. – «Славянской капеллы». В существующей историографии, посвященной истории хоров, исполнявших русские и славянские народные песни, и становлению российской эстрады, констатировалось кардинальное расхождение оценок современниками как личности создателя хора, так и репертуарной политики Славянского, его роли в популяризации песенного наследия. С одной стороны, его именовали «русским Бояном» и превозносили за популяризацию русской культуры в России и за рубежом. С другой – упрекали его в фальсификации, распространении псевдонародных произведений в стремлении к прибыли. Музыкальные критики и композиторы (в том числе П. И. Чайковский и С. И. Танеев) выражали сомнения в аутентичности собираемых им самостоятельно фольклорных источников и в точности их музыкальной обработки для концертного исполнения. В первой части статьи

проанализированы основные особенности новаторской концепции Славянского, приведшие к успеху и популярности его хора, а также основные аргументы сторонников и поклонников его творчества.

Ключевые слова
Д. А. Агренев-Славянский, *О. Х. Агренева-Славянская*, *Российская империя*, *русский хор*, *песенный фольклор*, *народность*, *история российской этнографии.*

Славянский! Стоишь ты и славы, и венца!
Ф. Н. Глинка

Ему нужны только деньги, деньги и деньги…
Народное чувство всегда было чуждо его сердцу.
«Русский»

Д. А. Агренев-Славянский:
личность и труды во славу русской и славянской песни

Биография, концертная, популяризаторская и благотворительная деятельность Дмитрия Александровича Агре́нева[1] (псевд. Агренев-Славянский, 1834 или 1836–1908) – одного из известнейших в России последней трети XIX – начала XX в. создателя и руководителя (с 1868 г. до своей смерти) частного хора «Славянская капелла» – довольно хорошо изучены и освещены в научной литературе. Его имя не сходило со страниц прессы на протяжении четырех десятилетий; регулярные гастрольные туры по России и за рубежом и долгая творческая жизнь его хора послужили тому, что первые материалы и исследования о Славянском появились еще в 1880-е гг., а пышное отмечание юбилеев (25-летней деятельности самого Агренева (1887) и 50-летия хора (1908)) стало поводом для многочисленных публикаций, в том числе и в жанре биографических очерков

1 При жизни его фамилия писалась Агрен**е**в, так как ударение в XIX в. было на втором слоге (см.: *Агеенко Ф. Л.* Агренев-Славянский Дмитрий // Словарь собственных имен русского языка. Ударение. Произношение. Словоизменение. М., 2010. С. 59), но с XX в. и сегодня чаще используется написание через «ё» (Агренёв). Мы придерживаемся изначального варианта написания фамилии.

и словарных статей[2]. В них подробно, хотя и не без разночтений, описывался жизненный путь и певческая карьера Д. А. Агренева, его деятельность как собирателя и исполнителя народных песен. Без упоминаний об Агреневе-Славянском не обходятся научные работы о хоровой музыкальной культуре Российской империи[3]. В последние годы вырос

2 *Лазов А.* Русско-славянский народный певец Дмитрий Александрович Агренев-Славянский. Биографический очерк. Киев, 1869; Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность. 1862–1887 / сост. А. Хитрово. Тверь, 1887. С. 3–55; *Семевский М. И.* Агренев Славянский, Д. А. // Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина»: книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц: 1867–1888. СПб., 1888. С. 244–245; Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей художественной и политической деятельности / по документальным данным исследовал и обработал М. В. Юркевич. М., 1889. С. 1–59; *Хитрово А. П.* Краткое жизнеописание Дмитрия Александровича Агренева-Славянского и его деятельности // Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях Ольгою Христофоровною Агреневой-Славянскою. М., 1896. С. III–XIV; Русская песня и ее исполнитель, народный певец Дмитрий Александрович Агренев-Славянский. Тридцатипятилетняя деятельность Славянского и его культурно-исторические заслуги / сост. учитель А. Кондратьев. Екатеринбург, 1898. С. 25–59; Славянский // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 86 т. СПб., 1900. Т. 30. П/т 59. С. 332; Агренев-Славянский Д. А. // Риман Г. Музыкальный словарь / пер. с 5-го нем. изд. Б. Юргенсона, доп. рус. отделом, сост. при сотрудничестве П. Веймарна и др.; пер. и все доп. под ред. Ю. Энгеля. В 3 т. М.; Лейпциг, 1904. Т. 1: А – Доницетти. С. 8; Славянский Д. А. // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова и др. В 20 т. СПб., 1904. Т. 17: Сальвадор – Статистика. С. 516; и др.

3 *Кузнецов Е. И.* Из прошлого русской эстрады. Исторические очерки / предисл. Н. П. Смирнова-Сокольского. М., 1958. С. 191–201; *Локшин Д.* Замечательные русские хоры и их дирижеры. 2-е изд. М., 1963. С. 64–75; Агренев-Славянский // Эстрада в России. XX век: энциклопедия / отв. ред. Е. Д. Уварова. М., 2004. С. 16–17; *Левин Л. И., Уварова Е. Д.* Бытовая и прикладная музыка // История русской музыки. В 10 т. М., 2004. Т. 10Б: 1890–1917-е годы / редколл.: Ю. В. Келдыш, О. Е. Левашева, А. И. Кандинский. С. 772–774; *Кузьмина О.* Славянская хоровая капелла – первый народный хор России: к 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня памяти великого музыканта и подвижника Д. А. Агренева-Славянского // Народное творчество. 2007. № 6. С. 12–16; *Лобкова Г. В., Иванова Т. Г.* Агренев-Славянский Д. А. //

интерес к творчеству членов семьи Славянского, поскольку его супруга, Ольга Христофоровна Агренева-Славянская (1847–1920)[4], была активной соратницей в деле собирания народных произведений, создания аранжировок и составления репертуара, а после смерти Д. А. Славянского в 1908 г. некоторые из девятерых его детей[5] (прежде всего Надежда, Юрий, Маргарита и Кирилл), с ранних лет принимавшие участие в концертах «Славянской капеллы», продолжили дело отца, создав и возглавив несколько новых русских хоров еще в Российской империи, а затем в СССР и в эмиграции[6]. Отдельно выделим весьма значимую

Лобкова Г. В., Иванова Т. Г. История фольклористики и этномузыкологии (конец XVIII – XIX век). Уч. пособие. СПб.; Саратов, 2020. С. 210–217; и др.

4 *Лобкова Г. В., Иванова Т. Г.* Агренева-Славянская О. Х. // Лобкова Г. В., Иванова Т. Г. История фольклористики и этномузыкологии (конец XVIII – XIX век). Уч. пособие. СПб.; Саратов, 2020. С. 217–219.

5 *Строганов М. В.* Хор Д. А. Агренева-Славянского или куда может завести любовь к народной песне // Фольклорное движение в современном мире / [сост. Е. А. Дорохова]. М., 2016. С. 168.

6 Отзывы прессы о концертах «Народно-певческой капеллы» Юрия Дмитриевича Агренева-Славянского. М., [1910]; Вечера русской народной, исторической и бытовой всеславянской песни (былины, думы, сказания, предания) Маргариты Дмитриевны Агреневой-Славянской, посвященные памяти пятидесятилетней культурно-художественной деятельности всеславянского баяна Дмитрия Александровича Агренева-Славянского. Текст и программа концерта. М., [1912?]; *Гребенщиков В.* Русская песня. К столетию со дня рождения Дм. А. Агренева-Славянского и к 75-летию со дня основания его капеллы. Southbury, 1934; *Агренева-Славянская В. С.* Воспоминания / запись и литературная обработка А. И. Сытова. Нижний Новгород, 1997; *Зверева С. Г.* Агреневы-Славянские // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1: А — Алексий Студит / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. С. 267–268; *Кузьмина О.* Славянская хоровая капелла…; *Даровских Л. И.* Агреневы-Славянские. Связь времен: к 120-летию со дня рождения В. С. Агреневой-Славянской // Нижегородский музей. 2010. № 20. С. 166–177; *Розанова-Свердловская Л. Г.* «Министр в юбке»: О. Х. Агренева-Славянская // Розанова-Свердловская Л. Г. Ялта музыкальная. 1888–1920. Симферополь, 2011. С. 39–50; *Розанова-Свердловская Л. Г.* «Тебя Россия прославляет, тебя Европа признаёт!»: Д. А. Агренев-Славянский // *Розанова-Свердловская Л. Г.* Ялта музыкальная… С. 22–38; *Хохлов А. Н.* Гастроли капеллы М. Д. Агреневой-Славянской в Китае до и после 1917 г. // Общество и государство в Китае. М., 2015. Т. XLV. Ч. 2 / отв. ред. А. И. Кобзев. С. 677–696; *Буданов А.* К истории русского оперно-хорового

с точки зрения нашего ракурса исследования статью М. В. Строганова, который первым поставил вопрос о необходимости интерпретации деятельности Славянского в историко-культурном контексте[7].

Слава и популярность сопутствовали Агреневу-Славянскому на протяжении почти полувека не только в России, но и за рубежом. Нет сомнений, что он был убежденным славянофилом, а в зрелые годы пропагандировал идеи панславизма[8]. Кратко обозначим основные вехи его жизненного и творческого пути. Находился в действующей армии во время Крымской войны, после чего вышел в отставку и в 1857 г. занялся музыкой. Учился пению в Москве, Санкт-Петербурге, затем – в Италии и Франции. Начало творческой деятельности Славянского относят к 1862 г., когда он стал выступать в качестве оперного певца в Италии. В 1865 г. вернулся в Россию и за несколько лет получил известность как исполнитель сольных партий и песен, включив в свой репертуар произведения, которые было принято относить к «русским народным». Ситуация изменилась в 1867 г. во время Славянского съезда в Москве[9]. Известно, что во время пребывания славянских представителей в России исполнение народных славянских песен любительскими коллективами сопровождало практически все официальные мероприятия, а также торжественные и неформальные «славянские застолья». Д. А. Агреневу, вероятно, удалось выступить перед гостями съезда. Сразу после его окончания Агренев отправился с гастролями вслед за участниками «московского праздника» в Софию, Белград и Прагу, где был тепло встречен. В следующем, 1868 году он создал хор «Славянская капелла» (сначала небольшой мужской, около 25 человек, с 1872 г. – смешанный), особенностью которого стал репертуар – русские народные, авторские и фольклорные песни южных и западных славян и городские «романсы». Уже через год под псевдонимом «Славянский» Агренев предпринял турне в США, а в 1870-е – 1900-е гг. хор чрезвычайно активно гастролировал по странам Западной Европы, давая концерты в Германии, Франции, Англии, а также на Балканах, в Османской империи и др. На протяжении 40 лет хоровой коллектив

искусства в эмиграции: Кирилл Агренев-Славянский // Эмигрантская лира. 2017. № 4 (20); *Вавилов С., Киселева И.* Гастроли «Славянской капеллы» в Томске (XIX–XX века) // Музыкальный альманах Томского государственного университета. 2019. № 7. С. 25–47; и др.

7 *Строганов М. В.* Хор Д. А. Агренева-Славянского…

8 Там же. С. 168–171.

9 О нем см.: *Досталь М. Ю.* Предисловие // Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г. М., 2017. С. 3–29.

под управлением Славянского регулярно выступал в городах России, включая Сибирь. Новый взлет популярности был связан с благосклонным приемом Агренева с хором императорской семьей в Ливадии (1872; 1878)[10] и посещением концертов членами правящей фамилии[11].

Особым успехом пользовалась «Славянская капелла» в славянских странах после русско-турецкой войны, в середине 1880-х гг. Популярности хора и лично Славянского способствовало участие в концертах русской музыки на площадках российских и всемирных художественно-промышленных выставок, которые вызывали неизменный интерес многочисленной публики самого разного происхождения: «Славянская капелла» собирала полные залы на Московской выставке (1882), Нижегородской (1896), а также Парижской (1886). В конце 1890-х гг. география выступлений расширилась за счет включения в маршрут стран Южной Европы и Северной Африки. За 40 лет хор дал около 15 тыс. концертов[12], и везде ему сопутствовал успех. В отечественной прессе Д. А. Агренева именовали не иначе как «русским Бояном», «апостолом» и «проповедником» русской песни. Славянский не преувеличивал, когда с гордостью заявлял о том, что выступал как во дворцах и столичных манежах, так и на фабриках и в кузницах[13]. Именно «Славянская капелла» была задействована в программе знаменитого исторического бала в русском стиле в Зимнем дворце в 1903 г. Список высоких иностранных и российских наград хормейстера занимал более страницы[14].

Но после смерти Славянского отношение к нему, несмотря на прежний успех «Капеллы», разделившейся на две части, возглавляемые его дочерью М. Д. Славянской и сыном Ю. Д. Славянским, изменилось. Так, предложение об установке памятника всего через год после кончины Дмитрия Александровича и 50-летнего юбилея хора (1909) было отклонено[15], а в советское время «Славянскую капеллу»

10 Достоверно известно о трех российских императорах (Александре II, Александре III, Николае II), оказывавших такую честь Славянскому и награждавших его памятными подарками. Существует также полулегендарная версия о том, что в юности ему довелось петь перед Николаем I во время одного из приездов государя в Москву в начале 1850-х гг.

11 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 62.

12 *Локшин Д.* Замечательные русские хоры… С. 70.

13 Цит. по: Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность… С. 14–15.

14 *Гребенщиков В.* Русская песня… С. 12–13.

15 *Лобкова Г. В., Иванова Т. Г.* Агренев-Славянский Д. А. С. 215.

вспоминали редко, хотя специалисты по хоровому пению и народному музыкальному искусству нередко обращались к ее истории, но прежде всего к песенному наследию.

Необыкновенная известность и широкое признание «Славянской капеллы» именно в России предопределены вовсе не были, так как этот хор был далеко не единственным музыкальным коллективом с русским народным репертуаром, привлекавшим к концертам непрофессиональных певцов из крестьян. Расцвет популярности хоров, исполнявших фольклорные произведения наряду с романсами и цыганскими песнями, приходится на 1870-е – 1880-е гг. Многие из них были настоящими народными хорами, которые, однако, чаще предпочитали путь так называемого «трактирного исполнения», что влияло не только на выбор программы, но и на кафешантанную, «вульгарную», по определению историка эстрады, манеру пения, которую отличал «слащавый лиризм и чувствительный мелодраматический надрыв»[16]. В те же годы большой популярностью у публики пользовались профессиональные хоровые коллективы и «хоровые товарищества»[17], исполнявшие крестьянские и фабричные песни. Но только «Славянская капелла», по признанию современников и исследователей, обрела особое положение среди них; ее отличал и масштаб гастролей, и богатый репертуар, а также чрезвычайно широкая (в географическом и сословном отношении) аудитория. Отметим, что хор Славянского был частным, и финансовая сторона концертной деятельности имела важное значение, хотя Агренев давал благотворительные концерты, жертвовал сборы нуждающимся, а также регулярно выступал бесплатно перед учащимися, сиротами и т. п. Именно хор Агренева-Славянского, как подчеркивает Строганов, «сформировал тот репертуар, который фактически заменил собой в общественном сознании собственно народные песни. Между тем влияние его на общественное сознание (и положительное, и отрицательное) в должной мере не оценено»[18].

В новейших научных исследованиях и энциклопедических статьях непременно фиксируется противоречивая оценка деятельности

16 *Кузнецов Е. И.* Из прошлого русской эстрады… С. 187.

17 Там же. С. 184–201; *Локшин Д.* Замечательные русские хоры… С. 55–89; *Уварова Е. Д.* Как развлекались в российских столицах. СПб., 2004. С. 224–228; *Левин Л. И., Уварова Е. Д.* Бытовая и прикладная музыка… С. 772–776.

18 *Строганов М. В.* Хор Д. А. Агренева-Славянского… С. 171.

Славянского, в первую очередь профессиональными музыкантами и критикой. Однако такое же несовпадение мнений отличало и других современников Агренева – видных деятелей культуры, журналистов, рядовых слушателей. Мы хотели бы предложить свою трактовку резких и кардинальных расхождений в отношении к феномену действительно популярного хора «Славянская капелла», рассмотрев их в контексте формирования некоторых научных и социокультурных представлений о русской народной песне, а также о народности и русскости в целом, которые находились в центре общественных дискуссий в России в 1870-е – 1900-е гг.

Репертуарная и рекламная политика: неоспоримое новаторство Д. А. Славянского

Необходимо подробнее рассказать о репертуаре «Славянской капеллы» и специфике хора. Вначале он был небольшим (в основном составе в 1870-х – 1890-х гг. было сорок взрослых певцов (20 женщин и 20 мужчин) и двадцать мальчиков[19]), затем расширился, к нему присоединили женскую и детскую группы; позже численность певцов могла достигать полутора сотен и даже, по некоторым сведениям, трехсот человек[20]. К нескольким гастрольным турам Агренев привлекал непрофессиональных исполнителей-крестьян[21]. Репертуар «Капеллы» состоял из русских (великорусских, малорусских и белорусских) и славянских (в большинстве своем южнославянских – болгарских, сербских, черногорских, а также чешских и польских) народных и авторских (но в народном духе) песен, под которыми понимались произведения весьма различных жанров. Великорусские песни, по утверждению Агренева, были собраны и записаны им самим, его женой или же взяты из известных фольклорных сборников. В программе выступлений были и «городские» песни (романсы, баллады), в том числе стилизованные под народные на тексты русских поэтов (Некрасова, Никитина, Кольцова, Плещеева и др.). В середине 1870-х гг. список пополнился произведениями русского эпоса (былинами, думами, сказаниями, причитаниями, преданиями), обрядовыми и плясовыми песнями, шуточными и солдатскими, а позже и частушками. В концертах звучали песни девичьи и бурлацкие, а также фабричные («матани») – о репертуарной политике Славянского дают представление издававшиеся

19 *Агренева-Славянская В. С.* Воспоминания… С. 12, 24.

20 *Семевский М. И.* Агренев Славянский, Д. А. С. 245.

21 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 62.

Агреневыми сборники исполняемых произведений[22]. Противоречивы сведения об исполнении церковной, духовной музыки. Невестка Славянского и участница хора вспоминала, что таковые в концертах с эстрады не звучали[23], хотя хор нередко принимал участие в храмовых службах во время гастролей. А вот биографы и авторы энциклопедий, напротив, отмечают, что именно духовные церковные песнопения и сочинения Д. С. Бортнянского, М. С. Березовского и др. были важной частью зарубежных выступлений, в частности в Англии и Османской империи[24]. Хоровые обработки произведений русских композиторов и фрагменты русских опер стали вводиться в программу довольно поздно, с конца 1890-х гг.[25]

Одним из первых Агренев озаботился зрелищностью своих концертно-эстрадных представлений. Юркевич свидетельствовал, что тот «с самого начала карьеры придавал большое значение самому концертному действу и внешнему виду певцов»[26]. Некоторые современники связывали стремление к таким новаторским формам с опытом гастролей Агренева в США в 1869 г., в ходе которых он освоил незнакомые в России виды рекламы и способы привлечения зрителей. Невестка Славянского вспоминала, что в турне по городам России капелла представляла и «пьесы из русской народной жизни, насыщенные обрядовыми сценами» (такие как «Русская свадьба» П. П. Сухонина, «Чародейка» И. П. Шпажинского (либретто) на музыку П. И. Чайковского, «Ванька-ключник» Л. Н. Антропова и «Каширская старина» Д. В. Аверкиева), «совместно с труппой

22 Народные песни // Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность. 1862–1887 / сост. А. Хитрово. Тверь, 1887; Русские песни и песни южных и западных славян, собранные Д. А. Славянским и переложенные для одного голоса и хора О. Х. Славянской. В 5 вып. М., 1879–1889; Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях Ольгою Христофоровною Агреневой-Славянскою. М., 1896; Вечера русской народной, исторической и бытовой всеславянской песни…

23 *Агренева-Славянская В. С.* Воспоминания… С. 13.

24 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 127; *Гребенщиков В.* Русская песня… С. 16; *Зверева С. Г.* Агреневы-Славянские…; *Кузьмина О.* Славянская хоровая капелла…; *Лобкова Г. В., Иванова Т. Г.* Агренев-Славянский Д. А. С. 212.

25 *Хохлов А. Н.* Гастроли капеллы… С. 684.

26 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 17.

местного драматического театра»[27]. В начале 1880-х гг. Агренев обратился к известному режиссеру балаганных представлений А. Я. Алексееву-Яковлеву, талантливому организатору массовых театрализованных зрелищ, с просьбой о постановке рождественского концерта хора на столичной площадке. Алексеев вспоминал о Славянском как о «весьма тщеславном человеке», пожелавшем использовать для своей популярности «чисто американские приемы рекламы», к которым он относил и «усиленную шумиху о […] деятельности», но высоко отзывался о хоре, «превосходном по свежести голосов»[28]. Славянский пригласил Алексеева к сотрудничеству «с художниками Н. Н. Каразиным и М. О. Микешиным в работе по постановке живых картин, иллюстраций к его песням, и по заготовке соответствующего оформления» для выступлений «Славянской капеллы» в Михайловском манеже – чрезвычайно популярном месте развлечений малоимущего населения Петербурга[29]. «Живые картины в мизансценах и оформлении […] Каразина и […] Микешина иллюстрировали наиболее яркие моменты из исполняемых песен. При исполнении бурлацкой песни “Эй, ухнем!..” была представлена живая картина “Бурлаки на Волге” по Репину. Также были инсценированы отдельные моменты из песен “Ой, дубинушка, охни!..”, “Спится мне, младёшенькой”, “Ехали бояре из Ново-города”, отдельные эпизоды из болгарских и сербских народных песен и т. п.»; позже была поставлена инсценировка «Песни о купце Калашникове» по М. Ю. Лермонтову. К эстраде были пристроены две сцены, на которых поочередно показывались фрагменты из «Песни», сопровождавшиеся выступлением хора[30]. Известно, что начиная с 1890-х гг. хористы в нескольких онцертных отделениях выступали в разных костюмах, например в театральных «лохмотьях, которые были […] в “живой картине” “Эх, ухнем!”, […] воспроизводившей картину И. Е. Репина “Бурлаки на Волге”»[31]. В первые годы XX в. «Славянская капелла» поразила Петербург аналогичным театрализованным «действом» при исполнении песни «Из-за острова на стрежень…»[32].

---

27 *Агренева-Славянская В. С.* Воспоминания… С. 13, 30.

28 Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Е. Кузнецова. Л.; М., 1948. С. 118.

29 Там же.

30 Там же.

31 *Левин Л. И., Уварова Е. Д.* Бытовая и прикладная музыка… С. 773.

32 *Уварова Е. Д.* Как развлекались… С. 225.

Для выступлений хоровых коллективов, исполнявших русские песни, и ранее использовались сценические костюмы, в частности крестьянские великорусские повседневные (сатиновые рубахи, сермяги, посконные сарафаны и лапти) и реже праздничные (алые косоворотки, сапоги в гармошку и пр.). В первые годы выступлений (в начале 1870-х гг.) мужского хора Агренева, когда он делал ставку на славянский репертуар, «все были одеты в национальные костюмы “австрийских славян” (черные чамарки, белые галстуки с висячими концами; кокарды были “славянских цветов”»)[33]. Чайковский иронически вспоминал о костюме Славянского в 1867 г. как о «костюме *славянского брата* с польской венгеркой» и «высокими ботфортами»[34]. Однако десятью годами позже, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в период патриотического воодушевления, певец мог выглядеть и менее экзотично, выступая в черном фраке и белом галстуке (как это было в Туле[35]).

На Московской художественно-промышленной выставке (1882) хор Агренева впервые появился в специально сшитых концертных костюмах. В газете «Московские ведомости», освещавшей эти концерты, говорилось, что они были созданы по эскизам известных российских художников, «специализировавшихся» на русской исторической тематике, – М. О. Микешина и Н. Н. Каразина, а также «по советам историков и знатоков старины» так называемого «царского» периода русской истории (XVI–XVII вв.) И. Е. Забелина, Г. Д. Филимонова, Н. А. Чаева и С. А. Юрьева. Эти костюмы в прессе сразу назвали «русскими национальными»: «При начале концерта чинно вступает шествием попарно мужской хор, до 150-ти человек, в придворных костюмах XVII века, в суконных охобнях, однорядках с позументами, разноцветных шелковых рубахах. […] За ними идет длинная вереница мальчиков (дискантов), одетых рындами, в белых глазетовых кафтанах, желтых сафьянных сапожках и собольих шапках с бархатным верхом. […] Женские голоса в костюмах сенных девушек и боярынь, в киках, низанных жемчугом, в прозрачных фатах и сарафанах, расшитых и затканных серебром и золотом. Костюм самого

33 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 17.

34 *Чайковский П. И.* Второй концерт Русского музыкального общества. – Русский концерт г. Славянского // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи / вступ. ст. и пояснения В. В. Яковлева. 2-е изд. М., 1953. С. 40.

35 *Вересаев В. В.* Собр. соч. В 5 т. М., 1961. Т. 5. Воспоминания. С. 60.

г. Славянского, боярский наряд времен царя Алексея Михайловича, – верх роскоши и старинного изящества. Общее впечатление русского придворного хора певчих XVII столетия безукоризненно как с археологической, так и с эстетической сторон»[36]. Подчеркнем, что здесь проявило себя понимание боярского (допетровского времени) костюма как национально-русского[37]. Однако бóльшую часть публики и критиков не смущало, что программа выступления хора состояла главным образом из народных («мужицких») песен разных жанров, эпох и происхождения, в то время как «исторические» и богатые костюмы воспроизводили, как считалось, образцы одежд «царской эпохи» Московского государства («XVI–XVII вв.»[38]), притом вовсе не крестьянского сословия. На довольно многочисленных фотографиях Славянского, в том числе и для рекламных афиш, он предстает именно в таком костюме московского боярина, и очевидна тенденция к усложнению костюма, с годами становящегося все более роскошным и театральным (Илл. 1–2).

Илл. 1. Д. А. Агренев-Славянский в концертном костюме. 1870-е гг. Фотография. Музей музыки[39]

На одном из фотоснимков Агренев запечатлен вместе с дочерью, участницей, а позже и руководительницей «Славянской капеллы», – М. А. Агреневой-Славянской, и на его парчовом кафтане забавно смотрятся звезды и ордена, полученные им от правителей различных государств (Илл. 3).

36 Цит. по: Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 77.

37 *Лескинен М. В.* Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. В 2 кн. М., 2024. Кн. 1: Облики, обличья, облаченья. Ч. 2.

38 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 76.

39 Фотография Агренева. Музей музыки.

Илл. 2. Д. А. Агренев-Славянский в концертном костюме. Фотография. Из личного архива Л. Г. Розановой-Свердловской[40]

Илл. 3. Д. А. Агренев-Славянский с дочерью М. Д. Агреневой-Славянской. 1900-е гг. Фотография[41]

Автор критической заметки, освещавший празднование юбилея деятельности Славянского в 1887 г., иронически писал: «Некоторые уверяли, что ради такого торжественного случая г. Славянский выступит […] одетый в сарафан и в кокошник древнего образца,

---

40 *Розанова-Свердловская Л. Г.* «Тебя Россия прославляет, тебя Европа признаёт!»… С. 23. Датировка владелицы (1872) представляется неточной, так как облик Агренева заметно старше, чем на предыдущем изображении, а именно оно использовалось для афиш 1870-х гг. Вероятно, данный вариант костюма – тот, который был создан в 1882 г. для выступления на Московской выставке.

41 Кабинет-фото поручика Агренева-Славянского. Учитель Шаляпина. URL: https://forums-su.com/viewtopic.php?t=587356 (дата обращения: 23.04.2024). В статье Строганова допущена досадная ошибка: фотография М. Д. Агреневой-Славянской представлена как фотопортрет ее матери, О. Х. Агреневой (*Строганов М. В.* Хор Д. А. Агренева-Славянского… С. 168).

но слух оказался вздорным, – г. Славянский пел в обычном своем костюме “болярина” XVII столетия, в белых лайковых перчатках (это при русском-то костюме XVII столетия!), сверх которых на каждом пальце руки было вздето по десятку перстней»[42]. Интересно, что последнее обстоятельство – сочетание «исторического» боярского костюма с белыми перчатками – было замечено не только на юбилейном концерте; так выходил Агренев на сцену и ранее. Анонимный автор заметки 1884 г. сетовал: на афише указывалось, что хористы будут одеты в костюмы «бояр, боярынь и служилых людей русских XVI века и что костюмы исторически верны», в то время как сам Славянский был в боярском костюме и белых лайковых перчатках, а «весь женский персонал в сарафанах и модных юбках»[43].

Детально костюмы хора после 1882 г. описаны в рецензии известного румынского журналиста под псевдонимом Claymoor (1888): «Знаменитый артист одет в великолепный костюм русского боярина XVI века: огненно-красный бархат, покрытый золотым шитьем и окаймленный соболем, высокие сапоги из желтого сафьяна, боярская меховая шапка с бриллиантовым пером. Рядом с ним на стуле m-me Славянская, великолепная в блестящем русском костюме. […] Бархатное платье вышито золотом, широкая накидка с рукавами из атласа шафранного цвета, обшита голубым песцом. Ожерелье крупного жемчуга обвивает шею и свешивается на грудь. Большой кокошник, расшитый золотом, в тон костюму и усеянный дорогими каменьями, обрамляет прекрасную головку; длинное покрывало окружает ее подобно ореолу и спадает на спину, точно светлый луч. Два мальчика, один с светлыми, длинными кудрями, другой брюнет, попеременно держат меховую шапку г. Славянского. За ними ряд детей в оригинальных костюмах XVI века, поразительно богатых, из красного и синего бархата, шитого золотом. В глубине хористы – мужчины в меховых шапках, с энергичными лицами, с черными усами, в живописных костюмах прошедших веков России. В середине гармониум, сопровождающий пение. Вся картина, полная цветов и золота, напоминает страницу старинного служебника»[44] (Илл. 4).

42 Цит. по: Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 187.

43 *Русский*. Д. А. Славянский как народный певец и его настоящее значение. Одесса, 1884. С. 3.

44 Цит. по: Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 626–627.

Илл. 4. О. Х. Агренева-Славянская в концертном костюме. Начало 1880-х гг. (?). Фотография. Из личного архива Л. Г. Розановой-Свердловской[45]

Интересно, что всего десятилетие спустя такое представление о «боярском» костюме как характерном национально-русском и «естественном» для хорового концерта русской песни укрепилось и в имидже других хоров, а «крестьянские» наряды певцов были повсеместно заменены «историческими», знаменуя собой важную тенденцию нового этапа интерпретации русскости и сословно-исторических вариаций ее визуальных воплощений[46]. В заметке, опубликованной в одной из тверских газет, описывалось «нашествие» в 1895 г. в город трех хоров (под руководством Д. А. Славянского, А. П. Калистовского-Карагеоргиевича и П. И. Богатырева), исполнявших русские песни: «Все три хора являются на сцену в боярских костюмах XVI и XVII веков, все три хора исполняют старинные русские песни с одними и теми же голосовыми приемами и на одни и те же существенные мотивы»[47]. Впрочем, автор подчеркивал, что именно Славянскому принадлежало безусловное первенство и в подборе репертуара, и в искусстве исполнения, и в создании подобных концертных костюмов. Отметим еще раз, что «богатые» костюмы «в русском стиле» производили яркое впечатление не только на иностранцев, но и на жителей российской глубинки. Так, один из современников вспоминал о концерте «Славянской капеллы» в Саранске: «Женщины были одеты в парчовые платья со множеством блестящих украшений, на головах – кокошники. У мужчин – красивые атласные костюмы, высокие меховые шапки и лакированные сапоги. Хор выглядел нарядно,

45 *Розанова-Свердловская Л. Г.* «Министр в юбке»… С. 40.

46 *Лескинен М. В.* Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. В 2 кн. М., 2024. Кн. 1: Облики, обличья, облаченья. Ч. 3.

47 Хор г. Богатырева в Твери // Тверские губернские ведомости. 1895. 3 марта. № 17. Часть неофициальная. С. 1.

трудно было отвести глаза от красивого зрелища. Затем вышел сам руководитель хора Агренев-Славянский в богатом боярском костюме и сафьяновых расшитых сапожках, высокий, весьма дородный мужчина с пышной седеющей бородой»[48].

Многочисленные фотографии Д. А. и О. Х. Агреневых-Славянских, их вместе с детьми, а также с хоровым коллективом «Славянской капеллы» в «национально-русских» сценических костюмах, известные также по афишам, газетным публикациям и даже по множеству открыток 1890-х – 1910-х гг., отчетливо демонстрируют, во-первых, условность и, во-вторых, явно театральный характер одежд (Илл. 5).

Илл. 5. Семья Агреневых-Славянских в концертных русских костюмах: Д. А. Агренев-Славянский, его жена О. Х. Агренева-Славянская (сидит), их дочери (слева направо) М. Д. и И. Д. Агреневы-Славянские и сын К. Д. Агренев-Славянский. Фотография. 1895. Личный архив Л. Г. Розановой-Свердловской[49]

Под русскими национальными костюмами во второй половине XIX в. понималась стилизация на тему традиционных праздничных одеяний времен Московской Руси в ее роскошном, «боярском» варианте – то есть из дорогих тканей, с позументами и золотной вышивкой, с весьма условными с точки зрения аутентичности головными уборами («боярки» у мужчин и «кокошники» у женщин), а также непременно с многочисленными украшениями, в особенности с изобилием жемчуга. Но многим образованным зрителям такие костюмы «Славянской капеллы» казались китчем, в них усматривали аляповатую

48 *Макаров И. К.* Записки о семье художников Макаровых. Саранск, 1974. С. 132.

49 *Розанова-Свердловская Л. Г.* «Министр в юбке»… С. 42.

театральность, особенно по контрасту с содержанием крестьянских песен. Кроме того, «репутация» подобных костюмов была на рубеже столетий невысокой, ассоциируясь с массовой культурой и невзыскательным вкусом.

Подобный облик персонажей (в особенности женских) в псевдорусских одеждах на фоне условно «древнерусского» интерьера палат и теремов активно использовался (даже эксплуатировался) в визуальной российской рекламе начиная с 1890-х гг. Сюжеты рекламных плакатов, которые задействовали фольклорных персонажей и сказочные стереотипные образы царей и цариц, были ориентированы на широкую публику — на потенциальных потребителей из весьма разнородных социальных слоев: стремление «соответствовать даже малоразвитому эстетическому вкусу лиц из низших слоев общества нередко приводило к появлению произведений, которые иначе как кичем назвать нельзя. Это, впрочем, нельзя назвать и чисто российским явлением»[50]. Превращение культурных образцов в кич нашло отражение не только в рекламно-торговом плакате, это явление было характерно и для других визуальных жанров, использовавших модные мотивы «русскости».

Неудивительно, что «серьезная» публика реагировала на такие костюмы без восторга, считая подобную эксплуатацию псевдоисторических атрибутов служащей на потребу массовым вкусам. В воспоминаниях дочери П. М. Третьякова В. П. Зилоти есть заметка о концерте «Славянской капеллы» в Москве во время российской выставки 1882 г.: «Слушали мы хор Агренева-Славянского, псевдорусского стиля. Боярские костюмы хора были банальны, безвкусны»[51]. В. О. Михневич писал, что «хоры-монстры» Славянского, «наряженные в театральные “русские” костюмы котошихинского покроя, бьют на рекламу и грубый эффект, но это и нравится невзыскательной толпе, угодить которой и составляет всю цель искусства г. Славянского!»[52].

Таким образом, Агренева-Славянского и его капеллу отличало от других хоровых коллективов, во-первых, довольно значительное число певцов (как постоянных профессиональных, так и привлекаемых

---

50 *Вашик К., Бабурина Н.* Искусство русского плаката XX века. Реальность утопии / пер. с нем. К. Левинсон. М., 2004. С. 74.

51 *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. Книга воспоминаний старшей дочери П. М. Третьякова / [предисл. и общ. ред. Н. Л. Приймак; примеч. Т. И. Кафтановой и др.]. М., 1998. С. 122.

52 *Михневич В. О.* Славянский // Михневич В. О. Наши знакомые. Фельетон. Словарь современников. СПб., 1884. С. 202.

для больших турне крестьян на сезон) смешанного состава, а также редкий размах и интенсивность гастрольной деятельности в России и за рубежом. Во-вторых, энергичное использование новых зрелищных форм эстрадного концертного представления с обращением к театрализации (костюмы, декорации, «живые картины», участие в спектаклях на исторические и этнографические темы). В-третьих, супруги Славянские объявлялись не только исполнителями, но и собирателями фольклора восточных славян, подчеркивая свою просветительскую миссию и вклад в сохранение русского песенного национально-исторического наследия. Кроме того, Д. А. Агренев считал себя его активным популяризатором, чуть ли не единственным в России. Прибегая к различным видам рекламы, он придавал большое значение реноме, напрямую влиявшему на финансовую сторону его деятельности; поэтому, судя по всему, занимался распространением позитивных откликов о себе в прессе, создавая репутацию знаменитого и неповторимого, а также часто упоминал о выступлениях перед российскими императорами и другими монархами. Но зачастую цены на его концерты были выше заявленных, о чем писали газетные корреспонденты[53]. При этом в 1904 г. ему была назначена пенсия из царской казны[54].

Отклики и мнения:
интерпретация заслуг Д. А. Агренева-Славянского

Оценки личности и творческого метода Агренева-Славянского на протяжении полутора веков отличает не просто противоречивость, а эмоциональная поляризация. С одной стороны, отзывы авторитетных деятелей музыкальной культуры и критиков (таких как П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, С. И. Танеев и др.), а также писателей (например, А. П. Чехова и В. О. Михневича) были резко отрицательными. С другой – почитателей у Агренева-Славянского было намного больше; слава его гремела, а он считался и в России, и за ее пределами представителем народного песенного и исполнительского искусства, своеобразным олицетворением национальной русскости, послом русской культуры за рубежом.

Музыковедческий разбор репертуара, аранжировки и исполнения хором Агренева русской песни содержится в специальных исследованиях, освещение этих вопросов в нашу задачу не входит. Мы хотели бы более подробно разобрать причины столь широкого спектра

53 *Русский*. Д. А. Славянский как народный певец… С. 4–5, 7.

54 *Кузьмина О.* Славянская хоровая капелла…

восприятия его деятельности в контексте общественных взглядов и представлений современников о народности.

Аргументация поклонников и почитателей Д. А. Славянского

Восторженные отзывы публики, представляющей разные социальные круги и уровни музыкальной компетентности, дружные похвалы и высокие оценки российской и заграничной прессы, а также многочисленные благодарные отклики, полученные как от великих князей, так и от крестьян, в честь 25-летнего юбилея певческой карьеры Агренева в 1887 г.[55] до сих пор поражают эмоциональным накалом и единодушием в использовании исключительно превосходных эпитетов. Известны весьма доброжелательные высказывания и мнения известных деятелей культуры, таких, например, как В. В. Вересаев и М. Горький, Н. В. Плевицкая и Ф. И. Шаляпин, М. О. Микешин и О. Ф. Миллер и др.

Из изобилия многочисленных восхвалений (в том числе и юбилейного характера) можно выявить **шесть** главных аргументов в пользу заслуг Славянского на разных поприщах. Первостепенным оказывается его вклад в популяризацию русской песни на родине и за рубежом. Подчеркивается, что он был первым среди просветителей такого рода; что благодаря эмоциональному воздействию музыки слушатели получали представление не только о собственно русском (т. е. великорусов, малорусов и белорусов) народном песенном творчестве, но и о русской национальной культуре в целом. «В пении Славянского звучит русская душа во всей ее неподдельности, оттого-то оно так сильно, неотразимо действует на нас»[56], или: «С помощью нашего певца нам еще более уяснилась та истина, что в тайники сердца и духа народного, а следовательно и истории, можно заглянуть только *чрез песню* этого народа»[57]. В торжественной речи во время чествования Агренева-Славянского в 1887 г. Н. П. Гиляров-Платонов обратил внимание на оригинальность репертуара хора: «Он исполняет преимущественно русскую народную песню и отчасти национальные песни других славянских племен: вот в чем его особенность. Употребляю с намерением два разные термина – национальный

55 Помещены в: Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность… С. 3–64; Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей…; Русская песня и ее исполнитель…; *Гребенщиков В.* Русская песня…; и др.

56 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 99.

57 Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность… С. 7.

и народный. Вот болгарский, или чешский марш. Эти произведения исполняются Славянским, и каждая из них национальна (так в тексте. – *М. Л.*), потому что в них слышен дух народа, который их употребляет, и потому что народом они признаны за свои, по мелодии, или, чаще всего, по их тексту. Но они не самим народом сложены, подобно нашим былинам, или “Вниз по матушке по Волге”, у которых не найдете ни автора, ни композитора, которые не только усвоены народом, но им и сочинены и даже продолжают сочиняться, […] подвергаясь изменениям и в мелодии, и в тексте. Разницу эту отметить весьма важно. Из нее видно, что певца нашего влечет к себе не происхождение пьес, а их отношение к народности; этим он выделяет себя и от других исполнителей русской песни не менее, чем от оперных хористов и солистов»[58]. Народность, таким образом, – не историческая и художественная аутентичность, а известная и характерная для второй половины XIX в. идея воплощения «духа народа».

Вторая особенность касается введения Славянским новых произведений в сложившийся комплекс «всем известных» русских песен: «Есть известный ограниченный репертуар, общий всей России, […] всенародных песен. […] Этими привилегированными песнями более всего и ограничиваются обыкновенные хоры и певцы», в то время как большинство песен, предлагаемых Славянским, «им пропеты и даже открыты в первый раз, дотоле никому неизвестные; и вдобавок большая часть их не блещет богатством и самостоятельною красотой мелодии […], но и то самое придает песне свою красоту»[59]. Некоторые провозглашали Славянского «единственным» радетелем и спасителем народной русской песни[60], «положившим на алтарь песнетворчества всю свою жизнь», в то время как в обществе «ее презирали»[61]. Поклонники часто подчеркивали, что репертуар «Славянской капеллы» представляет русскую музыку – не только собственно народную (крестьянскую), но и фольклорно-историческую (былины, предания, другие эпические формы), духовную (церковные песнопения), а также «современную» (городской романс, баллады и пр.).

Третьей отличительной чертой деятельности Славянского представала его пропаганда славянофильства и русскости, о чем писали славянофилы. Например, И. А. Аксаков в письме 1885 г. подчеркивал:

58 Цит. по: Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 127–128.
59 Цит. по: Там же. С. 128–129.
60 *Агренева-Славянская О.* О народной поэзии и песне. СПб., 1881. С. 37.
61 Русская песня и ее исполнитель… С. 23, 31.

«Наговорите Славянскому всяких хороших вещей и пожелайте полного успеха, *который в сущности будет наш национальный успех*»[62]. С. Ф. Шарапов также отмечал вклад Агренева: он сделал «для дела славянской взаимности больше, чем все иные русские деятели, работавшие в славянских землях. Там пропетая им русская песнь становилась прямо делом. […] Недаром же в большинстве адресов Славянскому славяне называют его без всяких оговорок “наш всеславянский певец”»[63].

Четвертая особенность, на которую часто обращали внимание благодарные современники (и не только соотечественники), – это сильное эмоциональное воздействие на слушателей исполнения «Капеллой» народных произведений. По словам Юркевича, хор доводил «восторг публики до неистовства»[64]. В таком эффекте можно уловить, с одной стороны, реакцию на неожиданное соприкосновение с культурой неизвестной (и при этом сакрализуемой и идеализируемой – «народной»), далекой от человека образованного, воспитанного на европейской классической музыке. С другой – вероятно, можно говорить о патриотических чувствах, которые пробуждались в публике в период господства народнических идеалов. В одной из самых ранних (напечатанной в 1869 г., всего через год после создания «Славянской капеллы») газетных заметок содержалось такое описание: «Нечего и говорить о впечатлительном юношестве, ощущения которого так неудержимо рвались наружу; но и пожилые люди, даже убеленные годами старцы, приходили в экстаз, на лицах их отпечатывалось чувство наслаждения, они как бы томились и метались от преизбытка удовольствия. У женщин и девиц в одно и то же время виднелись – в глазах слезная влага, в чертах лица полуусмешка, во всех движениях расслабление от переносимых ощущений»[65]. А так, например, вспоминал о выступлениях Славянского в Сибири И. С. Гуляев (вероятно, в 1880-х гг.): «Народные наши песни, приводившие в восторг всех, кому удавалось быть на музыкальных вечерах Славянского в Омске и друг[их] сибирских городах. Залы, где они давались, были всегда переполнены; не доставшие билетов толпились в коридорах и на лестницах. Родные наши песни, исполняемые превосходно организованным хором [певцов], производили глубокое незабываемое

62 Цит. по: Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. IX.

63 *Шарапов С. Ф.* Вместо предисловия. Письмо С. Ф. Шарапова к М. В. Юркевичу // Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей…

64 Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей… С. 58.

65 *Лазов А.* Русско-славянский народный певец… С. 10.

впечатление. На одном из вечеров, данных Славянским в Омске, две дамы до того были тронуты задушевною мелодиею и содержанием одной песни, что навзрыд заплакали. Напевы многих песен и теперь слышатся в домах и на улицах»[66].

Еще одна заслуга Славянского виделась современникам в резком расширении аудитории (социальной и национальной) слушателей, прежде всего в России. Успех хора связывали с энергичной гастрольной деятельностью; хор объездил, и не раз, страну от Риги до Кяхты и от Одессы до Великого Новгорода; притом туры включали в маршрут уездные города, а не только крупные губернские центры. Кроме того, Славянский давал «общедоступные», «для народа», концерты. Такая позиция была осознанной. Она имела, очевидно, две стороны: первая была связана с финансовыми интересами частного хора, и вопрос о самоокупаемости имел самое непосредственное значение в определении гастрольной стратегии и репертуарной политики; вторая – которую особенно любили акцентировать супруги Славянские – народно-демократическая. Вот как ответил Агренев на одно из обвинений в его адрес в том, что он поет для «простонародья»: «*Народное* пение на моих концертах, имя *народного* певца […] обязывает меня петь не только в одних […] привилегированных помещениях и не для одной только привилегированной публики, но и для той части публики, от которой я взял и у которой научился петь *народные* песни. […] В моей артистической деятельности мне приходилось петь и давать концерты в манежах, где, как, например, в Москве и Петербурге, собиралось публики-народа до двадцати тысяч слушателей, […] переходя из дворцов к народу в кузницу или казармы, я […] не замечал, чтобы умалялось значение моего пения […], отовсюду доходили до меня слова благодарности за то, что я не пренебрегаю и не брезгую меньшой братией, а напротив»[67]. Такая аргументация особенно интересна, если учесть критику в связи с репрезентацией Агреневым себя самого в качестве «народного певца»; этот эпитет появился на афишах очень рано. Корреспондент под псевдонимом «Русский» задавался вопросом, имеет ли право Славянский присваивать себе «исторический титул» «русского народного певца»[68],

66 *Гуляев И. С.* Об Иване Васильевиче Матчинском / подг. к публ. и комм. Л. Маховой // Opera musicologica. 2020. Т. 12. № 1. С. 103–104.

67 Цит. по: Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность… С. 14–15.

68 *Русский.* Д. А. Славянский как народный певец… С. 5.

если «народными» объявляет весьма низкопробные, «трактирные» произведения[69].

Наконец, шестой аргумент – и здесь мы возвращаемся к мнению Гиляров-Платонова – важное значение имела деятельность Д. А. Агренева-Славянского в ином контексте, с точки зрения его места и роли в чрезвычайно популярных «народоведческих штудиях», имевших научно-фольклористическое значение. Многие современники искренне считали, что собирание, запись и последующее исполнение оригинальных произведений народного творчества (в том числе и в музыкальной обработке, которой занималась прежде всего О. Х. Агренева) являются частью вклада четы Славянских в изучение фольклорно-музыкального наследия[70]. Красноречивым примером подобного восприятия произведений из репертуара «Славянской капеллы» как фольклорного наследия может служить и характеристика ее М. Горьким из заметок о Нижегородской художественно-промышленной выставке 1896 г.: «На выставке последнее время “Русью запахло”. […] Я это говорю без всякой задней мысли, имея в виду такие явления, как вопленица Федосова с ее старинными русскими песнями и эпосом, как капелла Славянского, восстанавливающая семнадцатый век своими боярскими костюмами и воскрешающая старую народную русскую песню, сильно попорченную столкновением с творчеством фабрики, […] и, наконец, владимирских рожечников»[71]. Как видим, для писателя в одном ряду оказались как действительно оригинальные народные произведения в традиционном крестьянском исполнении, так и хоровые эстрадные концерты.

Таким образом, сторонники и поклонники творчества Д. А. Агренева-Славянского руководствовались представлениями о важности популяризации народности, в частности в области изучения фольклора, и деятельности по «просвещению» публики в доступных широких слоям формах.

Источники и литература

Агеенко Ф. Л. Агренев-Славянский Дмитрий // Словарь собственных имен русского языка. Ударение. Произношение. Словоизменение. М.: Мир и образование, 2010. С. 59.

69 Там же. С. 9.

70 *Агренева-Славянская О.* О народной поэзии… С. 37–38.

71 *Горький М.* Беглые заметки // Горький М. Собрание сочинений в 30-ти т. М., 1953. Т. 23: Статьи 1895–1906. С. 156.

Агренева-Славянская В. С. Воспоминания / запись и литературная обработка А. И. Сытова. Нижний Новгород: Курсы повышения квалификации работников культуры и искусства Нижегородской области, 1997. 44 с.

Агренева-Славянская О. О народной поэзии и песне. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1881. 41 с.

Агренев-Славянский // Эстрада в России. XX век: энциклопедия / отв. ред. Е. Д. Уварова. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. С. 16–17.

Агренев-Славянский Д. А. // Риман Г. Музыкальный словарь / пер. с 5-го нем. изд. Б. Юргенсона, доп. рус. отделом, сост. при сотрудничестве П. Веймарна и др.; пер. и все доп. под ред. Ю. Энгеля. В 3 т. М.; Лейпциг: Юргенсон, 1904. Т. 1: А – Доницетти. С. 8.

Буданов А. К истории русского оперно-хорового искусства в эмиграции: Кирилл Агренев-Славянский // Эмигрантская лира. 2017. № 4 (20). URL: https://emlira.com/index.php/4-20-2017/anatoliy-budanov/k-istorii-russkogo-operno-khorovogo-iskusstva-v-emigracii-kirill-agrenev (дата обращения: 02.05.2024).

Вавилов С., *Киселева И.* Гастроли «Славянской капеллы» в Томске (XIX–XX века) // Музыкальный альманах Томского государственного университета. 2019. № 7. С. 25–47.

Вашик К., *Бабурина Н.* Искусство русского плаката XX века. Реальность утопии / пер. с нем. К. Левинсон. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.

Вересаев В. В. Собр. соч. В 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 5: Воспоминания. 536 с.

Вечера русской народной, исторической и бытовой всеславянской песни (былины, думы, сказания, предания) Маргариты Дмитриевны Агреневой-Славянской, посвященные памяти пятидесятилетней культурно-художественной деятельности всеславянского баяна Дмитрия Александровича Агренева-Славянского. Текст и программа концерта. М.: [б. и.], [1912?]. 14 с.

Горький М. Беглые заметки // Горький М. Собрание сочинений в 30-ти т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. Т. 23: Статьи 1895–1906. 463 с.

Гребенщиков В. Русская песня. К столетию со дня рождения Дм. А. Агренева-Славянского и к 75-летию со дня основания его капеллы. Southbury: Alatas, 1934. 48 с.

Гуляев И. С. Об Иване Васильевиче Матчинском / подг. к публ. и комм. Л. Маховой // Opera musicologica. 2020. Т. 12. № 1. С. 102–116.

Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей художественной и политической деятельности / по документальным данным исследовал и обработал М. В. Юркевич. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1889. 671 с.

Даровских Л. И. Агреневы-Славянские. Связь времен: к 120-летию со дня рождения В. С. Агреневой-Славянской // Нижегородский музей. 2010. № 20. С. 166–177.

Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность. 1862–1887 / сост. А. Хитрово. Тверь: Типо-лит. Ф. С. Муравьева, 1887. 64 с.

Досталь М. Ю. Предисловие // Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г. М.: Русская цивилизация, 2017. С. 3–29.

Зверева С. Г. Агреневы-Славянские // Православная энциклопедия. М.: Изд. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 1: А – Алексий Студит / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. С. 267–268.

Зилоти В. П. В доме Третьякова. Книга воспоминаний старшей дочери П. М. Третьякова / [предисл. и общ. ред. Н. Л. Приймак; примеч. Т. И. Кафтановой и др.]. М.: Искусство, 1998. 246 с.

Кабинет-фото поручика Агренева-Славянского. Учитель Шаляпина. URL: https://forums-su.com/viewtopic.php?t=587356 (дата обращения: 23.04.2024).

Кузнецов Е. И. Из прошлого русской эстрады. Исторические очерки / предисл. Н. П. Смирнова-Сокольского. М.: Искусство, 1958. 367 с.

Кузьмина О. Славянская хоровая капелла – первый народный хор России: к 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня памяти великого музыканта и подвижника Д. А. Агренева-Славянского // Народное творчество. 2007. № 6. С. 12–16.

Лазов А. Русско-славянский народный певец Дмитрий Александрович Агренев-Славянский. Биографический очерк. Киев: Университетская тип., 1869. 18 с.

Левин Л. И., *Уварова Е. Д.* Бытовая и прикладная музыка // История русской музыки. В 10 т. М.: Музыка, 2004. Т. 10Б: 1890–1917-е годы / редколл.: Ю. В. Келдыш, О. Е. Левашева, А. И. Кандинский. С. 756–802.

Лескинен М. В. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. В 2 кн. М.: Кучково поле Музеон, 2024. Кн. 1: Облики, обличья, облаченья.

Лобкова Г. В., *Иванова Т. Г.* Агренева-Славянская О. Х. // Лобкова Г. В., Иванова Т. Г. История фольклористики и этномузыкологии (конец XVIII – XIX век). Уч. пособие. СПб.; Саратов: Амирит, 2020. С. 217–219.

Лобкова Г. В., *Иванова Т. Г.* Агренев-Славянский Д. А. // Лобкова Г. В., Иванова Т. Г. История фольклористики и этномузыкологии (конец XVIII – XIX век). Уч. пособие. СПб.; Саратов: Амирит, 2020. С. 210–217.

Локшин Д. Замечательные русские хоры и их дирижеры. 2-е изд. М.: Музгиз, 1963. 212 с.

Макаров И. К. Записки о семье художников Макаровых. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. 165 с.

Михневич В. О. Славянский // Михневич В. О. Наши знакомые. Фельетон. Словарь современников. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1884. С. 202.

Народные песни // Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность. 1862–1887 / сост. А. Хитрово. Тверь: Типо-лит. Ф. С. Муравьева, 1887. 64 с.

Отзывы прессы о концертах «Народно-певческой капеллы» Юрия Дмитриевича Агренева-Славянского. М.: Тип. «Печать и гравюра», [1910]. 33 с.

Розанова-Свердловская Л. Г. «Министр в юбке»: О. Х. Агренева-Славянская // Розанова-Свердловская Л. Г. Ялта музыкальная. 1888–1920. Симферополь: Н. Оріанда, 2011. С. 39–50.

Розанова-Свердловская Л. Г. «Тебя Россия прославляет, тебя Европа признаёт!»: Д. А. Агренев-Славянский // Розанова-Свердловская Л. Г. Ялта музыкальная. 1888–1920. Симферополь: Н. Оріанда, 2011. С. 22–38.

Русская песня и ее исполнитель, народный певец Дмитрий Александрович Агренев-Славянский. Тридцатипятилетняя деятельность Славянского и его культурно-исторические заслуги / сост. учитель А. Кондратьев. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал», 1898. 68 с.

Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Е. Кузнецова. Л.; М.: Искусство, 1948. 172 с.

Русские песни и песни южных и западных славян, собранные Д. А. Славянским и переложенные для одного голоса и хора О. Х. Славянской. В 5 вып. М.: Грейнер, 1879–1889.

Русский. Д. А. Славянский как народный певец и его настоящее значение. Одесса: Тип. Г. П. Капица, 1884. 11 с.

Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях Ольгою Христофоровною Агреневой-Славянскою. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1896. 191 с.

Семевский М. И. Агренев Славянский, Д. А. // Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина»: книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц: 1867–1888. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. С. 244–245.

Славянский // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 86 т. СПб.: Изд-во «Дело», Брокгауз и Ефрон, 1900. Т. 30. П/т 59. С. 332.

Славянский Д. А. // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова и др. В 20 т. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1904. Т. 17: Сальвадор – Статистика. С. 516.

Строганов М. В. Хор Д. А. Агренева-Славянского или куда может завести любовь к народной песне // Фольклорное движение в современном мире / [сост. Е. А. Дорохова]. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2016. С. 167–180.

Уварова Е. Д. Как развлекались в российских столицах. СПб.: Алетейя, 2004. 278 с.

Фотография Агренева. Музей музыки. URL: https://music-museum.ru/collections/expomusic/agrenev-slavyanskij.html (дата обращения: 12.02.2024).

Хитрово А. П. Краткое жизнеописание Дмитрия Александровича Агренева-Славянского и его деятельности // Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях Ольгою Христофоровною Агреневой-Славянскою. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1896. С. III–XIV.

Хор г. Богатырева в Твери // Тверские губернские ведомости. 1895. 3 марта. № 17. Часть неофициальная. С. 1–2.

Хохлов А. Н. Гастроли капеллы М. Д. Агреневой-Славянской в Китае до и после 1917 г. // Общество и государство в Китае. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. Т. XLV. Ч. 2 / отв. ред. А. И. Кобзев. С. 677–696.

Чайковский П. И. Второй концерт Русского музыкального общества. – Русский концерт г. Славянского // Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи / вступ. ст. и пояснения В. В. Яковлева. 2-е изд. М.: Музгиз, 1953. С. 38–41.

Шарапов С. Ф. Вместо предисловия. Письмо С. Ф. Шарапова к М. В. Юркевичу // Д. А. Славянский в его четвертьвековой юбилей художественной и политической деятельности. По документальным данным исследовал и обработал М. В. Юркевич. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1889. С. VII–XIV.

References

Ageenko, F. L. “Agrenev-Slavianskii Dmitrii.” *Slovar' sobstvennykh imen russkogo iazyka. Udarenie. Proiznoshenie. Slovoizmenenie*. Moscow: Mir i obrazovanie, 2010, p. 59.

Agreneva-Slavianskaia, V. S. *Vospominaniia, zapis' i literaturnaia obrabotka A. I. Sytova*. Nizhnii Novgorod: kursy povysheniia kvalifikatsii rabotnikov kul'tury i iskusstva Nizhegorodskoi oblasti, 1997, 44 p.

“Agrenev-Slavianskii.” *Estrada v Rossii. XX vek: entsiklopediia*, ed. by E. D. Uvarova. Moscow: OLMA-press, 2004, pp. 16–17.

Budanov, A. “K istorii russkogo operno-khorovogo iskusstva v emigratsii: Kirill Agrenev-Slavianskii.” *Emigrantskaia lira*, 2017, No 4 (20). URL: https://emlira.com/index.php/4-20-2017/anatoliy-budanov/k-istorii-russkogo-operno-khorovogo-iskusstva-v-emigracii-kirill-agrenev (accessed: 02.05.2024).

Chaikovskii, P. I. “Vtoroi kontsert Russkogo muzykal'nogo obshchestva. – Russkii kontsert g. Slavianskogo.” Chaikovskii, P. I. *Muzykal'no-kriticheskie stat'i*, introductory article and explanations by V. V. Iakovlev. 2nd ed. Moscow: Muzgiz, 1953, pp. 38–41.

Darovskikh, L. I. “Agrenevy-Slavianskije. Sviaz' vremen: k 120-letiiu so dnia rozhdeniia V. S. Agrenevoi-Slavianskoi.” *Nizhegorodskii muzei*, 2010, No 20, pp. 166–177.

Dostal', M. Iu. “Predislovie.” *Vserossiiskaia etnograficheskaia vystavka i Slavianskii s" jezd 1867 g.* Moscow: Russkaia tsivilizatsiia, 2017, pp. 3–29.

Fotografiia Agreneva. Muzei muzyki. URL: https://music-museum.ru/collections/expomusic/agrenev-slavyanskij.html (accessed: 12.02.2024).

Grebenshchikov, V. *Russkaia pesnia. K stoletiiu so dnia rozhdeniia Dm. A. Agreneva-Slavianskogo i k 75-letiiu so dnia osnovaniia ego kapelly*. Southbury: Alatas, 1934, 48 p.

Guliaev, I. S. “Ob Ivane Vasil'eviche Matchinskom.” *Opera musicological*, 2020, vol. 12, No 1, pp. 102–116.

Khokhlov, A. N. “Gastroli kapelly M. D. Agrenevoi-Slavianskoi v Kitae do i posle 1917 g.” *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. XLV. Part 2, ed. by A. I. Kobzev. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2015, pp. 677–696.

Kuznetsov, E. I. *Iz proshlogo russkoi estrady. Istoricheskie ocherki*, preface by N. P. Smirnov-Sokol'skii. Moscow: Iskusstvo, 1958, 367 p.

Kuz'mina, O. “Slavianskaia khorovaia kapella – pervyi narodnyi khor Rossii: k 175-letiiu so dnia rozhdeniia i 100-letiiu so dnia pamiati velikogo muzykanta i podvizhnika D. A. Agreneva-Slavianskogo.” *Narodnoe tvorchestvo*. Moscow: GPIB Rossii, 2007, No 6, pp. 12–16.

Levin, L. I., Uvarova, E. D. “Bytovaia i prikladnaia muzyka.” *Istoriia russkoi muzyki*. Vols. 1–10. Moscow: GII Muzyka, 1983–2011. Vol. 10B: 1890–1917-e gody, ed. by Iu. V. Keldysh, O. E. Levasheva, A. I. Kandinskii. Moscow: Muzyka, 2004, pp. 756–802.

Leskinen, M. V. *Vizual'nye reprezentatsii russkosti v Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* In 2 vols. Vol. 1. *Obliki, oblich'ia, oblachen'ia*. Moscow: Kuchkovo pole-Muzeon, 2024.

Lobkova, G. V., Ivanova, T. G. “Agrenev-Slavianskii D. A.” Lobkova, G. V., Ivanova, T. G. *Istoriia fol'kloristiki i etnomuzykologii (konets XVIII – XIX vek).* St Petersburg; Saratov: Amirit, 2020, pp. 210–217.

Lobkova, G. V., Ivanova, T. G. “Agreneva-Slavianskaia O. Kh.” Lobkova, G. V., Ivanova, T. G. *Istoriia fol'kloristiki i etnomuzykologii (konets XVIII – XIX vek).* St Petersburg; Saratov: Amirit, 2020, pp. 217–219.

Lokshin, D. *Zamechatel'nye russkie khory i ikh dirizhery*. 2nd ed. Moscow: Muzgiz, 1963, 212 p.

Makarov, I. K. *Zapiski o sem'e khudozhnikov Makarovykh*. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1974, 165 p.

Rozanova-Sverdlovskaia, L. G. "«Ministr v iubke»: O. Kh. Agreneva-Slavianskaia." Rozanova-Sverdlovskaia, L. G. *Ialta muzykal'naia. 1888–1920.* Simferopol': N. Orianda, 2011, pp. 39–50.

Rozanova-Sverdlovskaia, L. G. "«Tebia Rossiia proslavliaet, tebia Evropa priznaet!»: D. A. Agrenev-Slavianskii." Rozanova-Sverdlovskaia, L. G. *Ialta muzykal'naia. 1888–1920*. Simferopol': N. Orianda, 2011, pp. 22–38.

Russkie narodnye gulian'ia po rasskazam A. Ia. Alekseeva-Iakovleva v zapisi i obrabotke E. Kuznetsova. Leningrad; Moscow: Iskusstvo, 1948, 172 p.

Stroganov, M. V. "Khor D. A. Agreneva-Slavianskogo ili kuda mozhet zavesti liubov' k narodnoi pesne." *Fol'klornoe dvizhenie v sovremennom mire*, [compl. by E. A. Dorokhova]. Moscow: Gos. respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 2016, pp. 167–180.

Uvarova, E. D. *Kak razvlekalis' v rossiiskikh stolitsakh*. St Petersburg: Aleteiia, 2004, 278 p.

Vavilov, S., Kiseleva, I. "Gastroli «Slavianskoi kapelly» v Tomske (XIX – XX veka)." *Muzykal'nyi al'manakh Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, No 7, pp. 25–47.

Vashik, K., Baburina, N. *Iskusstvo russkogo plakata XX veka. Real'nost' utopii*, translated by K. Levinson. Moscow: Progress-Traditsiia, 2004, 415 p.

Veresaev, V. V. *Sobranie sochinenii*: in 5 Vols. Vol. 5. *Vospominaniia*. Moscow: Pravda, 1961, 536 p.

Ziloti, V. P. *V dome Tret'iakova. Kniga vospominanii starshei docheri P. M. Tret'iakova*, [preface and edition by N. L. Priimak]. Moscow: Iskusstvo, 1998, 246 p.

Zvereva, S. G. "Agrenevy-Slavianskie." *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Vol. 1: A – Aleksii Studit. Moscow: Izd. Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia», 2000, pp. 267–268.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.21

M. V. Leskinen

"The Russian Boyan" or "the Roguish Exploiter of Moscow Patriotism": D. A. Agrenev-Slavyansky and His "Slavic Chapel" in the Assessments of Contemporaries. Part 1

Maria V. Leskinen
Doctor of History, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: marles70@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7638-507X

Citation
Leskinen M. V. “The Russian Boyan” or “the Roguish Exploiter of Moscow Patriotism”: D. A. Agrenev-Slavyansky and His “Slavic Chapel” in the Assessments of Contemporaries. Part 1 // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 413–442 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.21

Received: 27.07.2024.
Revised: 17.09.2024.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
Dmitry A. Agrenev (pseud. Agrenev-Slavyansky, 1834 or 1836–1908) was the founder of the “Slavic Chapel”, one of the most popular choral teams in the Russian Empire in the last third of the 19th – early 20th cent. A radical discrepancy in contemporaries’ assessments was stated in Russian historiography on the history of choirs performing Russian and Slavic folk songs and in research about the formation of the Russian stage. The personality of Slavyansky, his repertoire policy, his role in the popularization of the Russian song were perceived as ambivalent. On the one hand, he was called the “Russian Boyan” and was praised for popularizing Russian culture in the Russian Empire and abroad. On the other hand, he was reproached for falsifying folklore works, representing “the new songs” (Roma and factory workers’ songs, romances of modern poets) as traditional folklore in the pursuit of profit. Music critics and composers (including outstanding ones, such as P. I. Tchaikovsky and S. I. Taneyev) expressed doubts about the authenticity of the folklore sources he collected and the accuracy of their musical processing for concert performance. The first part of the article analyzes the main features of Slavyansky’s innovative concept that led to the success and popularity of his choir, as well as the main arguments of supporters and admirers of his work.

Keywords
Dmitry Agrenev-Slavyansky, *O. Kh. Agreneva-Slavyanskaia*, *Russian Empire*, *Russian choir*, *songs’ folklore*, *narodnost’*, *history of Russian ethnology.*

УДК 93:323.1(476.7)»1950-1963»
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.22

О. Г. Казак, А. С. Середа

К вопросу о генезисе западнополесского этнополитического движения: из неопубликованного публицистического наследия Ф. Д. Климчука (1950-е – 1960-е гг.)

Казак Олег Геннадьевич
Кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой
Белорусский государственный экономический университет
220070, Партизанский проспект, д. 26, Минск, Республика Беларусь
E-mail: kazak_og@bseu.by
ORCID: 0000-0003-3859-8071

Середа Артем Сергеевич
Учитель
Средняя школа № 3 г. Жабинки
225101, улица Свободы, д. 9, Жабинка, Республика Беларусь
E-mail: marcellinus@tut.by
ORCID: 0009-0006-4094-848X

Цитирование
Казак О. Г., Середа А. С. К вопросу о генезисе западнополесского этнополитического движения: из неопубликованного публицистического наследия Ф. Д. Климчука (1950-е – 1960-е гг.) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 443–455. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.22

Статья поступила в редакцию 27.08.2024.
Рецензирование завершено 15.10.2024.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация
В статье представлен анализ публицистической поэзии известного белорусского филолога, специалиста в области славянской диалектологии Ф. Д. Климчука (1935–2018). Стихотворения Ф. Д. Климчука, написанные на говоре его родной деревни Симоновичи Дрогичинского района Брестской области Беларуси, отложились в фондах Государственного архива Брестской области. В произведениях манифестируются идеи этнокультурной самобытности западнополесского региона, необходимости сохранения уникальных диалектов края, в осторожной и завуалированной форме декларируется возможность политического

самоопределения Западного Полесья. Таким образом, основные постулаты участников западнополесского этнополитического движения под руководством Н. Н. Шеляговича (вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг.) были сформулированы Ф. Д. Климчуком уже в 1950-е – 1960-е гг., но в то время отсутствовали возможности их публичного представления. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Ф. Д. Климчук поддерживал исключительно культурную составляющую западнополесского движения, отмежевался от Н. Н. Шеляговича и его единомышленников, которые стремились к искусственной политизации этничности с целью получения символического и властного капитала. Публицистические материалы Ф. Д. Климчука важны для понимания генезиса западнополесского этнополитического движения в Беларуси, а также могут представлять интерес для филологов, изучающих славянские литературные микроязыки.

Ключевые слова
Западное Полесье, *диалект*, *Федор Климчук*, *публицистическая поэзия*.

Федор Данилович Климчук родился 27 февраля 1935 г. в деревне Симоновичи Дрогичинского повета Полесского воеводства Польши (сегодня Дрогичинский район Брестской области Республики Беларусь). В 1954 г. окончил историческое отделение Пинского государственного учительского института, после чего работал учителем в школах Дрогичинского района, занимался краеведческой деятельностью. С 1957 г. Ф. Д. Климчук тесно взаимодействовал с работниками Института языкознания им. Я. Коласа Академии наук БССР, в 1962 г. начал сотрудничать с известным московским филологом-славистом Н. И. Толстым. В 1964–1967 гг. обучался на заочном отделении исторического факультета Минского государственного педагогического института им. М. Горького, в 1968–1971 гг. – в аспирантуре Института языкознания им. Я. Коласа Академии наук БССР. В 1973 г. Ф. Д. Климчук успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук, посвященную лингвогеографии Западного Полесья. Оставшуюся часть жизни работал в Институте языкознания им. Я. Коласа. Является автором более 200 научных работ, посвященных в основном диалектам западнополесского региона[1]. Ф. Д. Климчук умер 22 октября 2018 г.

1 *Курцова В. М.* Фёдар Данілавіч Клімчук (да 80-годдзя з дня нараджэння) // Беларуская лінгвістыка. 2015. № 74. С. 128–132.

Жизненный путь Ф. Д. Климчука тесно связан с драматичной историей его малой родины. После присоединения Западной Белоруссии к БССР (1939 г.) между руководителями Советской Белоруссии и Советской Украины (П. К. Пономаренко и Н. С. Хрущев соответственно) возник конфликт по поводу принадлежности земель бывшего Полесского воеводства Польши. В результате большая часть спорной территории (за исключением Камень-Каширского повета) была передана БССР. В годы Великой Отечественной войны регион был оккупирован немецкими войсками и входил в состав Рейхскомиссариата «Украина», после освобождения Белоруссии в 1944 г. вернулся в состав БССР. Население, не имевшее четкой национальной идентичности, было определено как белорусское директивным порядком.

Советский период истории Западного Полесья характеризовался форсированной модернизацией (создание промышленных и сельскохозяйственных предприятий, сети образовательных учреждений, доступных населению средств массовой информации, мелиорация, рост социальной мобильности). Местные жители получили возможность стремительного карьерного роста в масштабах Советской Белоруссии и всего СССР. В то же время процессы модернизации всегда вызывают у части населения чувства ностальгии, печали из-за разрушения привычного уклада жизни, забвения традиций.

Ф. Д. Климчук был одним из первых представителей интеллигенции западнополесского региона, которые начали воспринимать говоры своей малой родины не в качестве социальной стигмы, а как уникальную культурную особенность. Распространение подобных настроений стало возможно благодаря «полесским экспедициям» под руководством известного филолога Н. И. Толстого (1962–1986). Н. И. Толстой считал Полесье уникальным регионом, в говорах которого сохранились наиболее архаичные элементы языка и культуры славян. Многие белорусские филологи, в том числе будущие участники и симпатизанты западнополесского этнополитического движения (Ф. Д. Климчук, И. И. Лучиц-Федорец, А. Е. Супрун), были лично знакомы с Н. И. Толстым. Деятельность небольшой группы людей, ратовавших за сохранение колоритных говоров Западного Полесья, на первых порах не была публичной.

Отношение Ф. Д. Климчука к западнополесскому этнополитическому движению во главе с Н. Н. Шеляговичем, развернувшемуся в Белоруссии в конце 1980-х – начале 1990-х гг., было неоднозначным. В ноябре 1988 г. (спустя месяц после регистрации Общественно-культурного

объединения «Палесьсе») Н. Н. Шелягович направил письмо Первому секретарю Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии Е. Е. Соколову, в котором просил оказать содействие многочисленным культурным инициативам (создание научных, музейных центров, комиссии по кодификации западнополесского языка, публикация материалов на западнополесских диалектах и др.). Лидер «Палесься» считал, что ключевую роль в кодификации западнополесского языка должен сыграть именно Ф. Д. Климчук[2]. Заведующий отделом диалектологии Института языкознания им. Я. Коласа Академии наук БССР Н. А. Михайлов в экспертном заключении о деятельности «Палесься» отметил, что роль Ф. Д. Климчука в работе объединения была намеренно преувеличена Н. Н. Шеляговичем: «Указывается, что созданную общественную языковую комиссию возглавил старший научный сотрудник нашего института Ф. Д. Климчук. На самом деле он лишь однажды присутствовал на ее заседании, выступил с критическим литературным комментарием литературного койне Н. Н. Шеляговича и получил предложение возглавить комиссию. Однако до настоящего времени Ф. Д. Климчук не дал своего согласия и на заседаниях более не присутствовал»[3].

Ф. Д. Климчук публиковал свои материалы, которые были посвящены исключительно филологическим сюжетам, в газете «Збудінне» – печатном органе объединения «Палесьсе». Коллега филолога, заведующий отделом диалектологии и лингвогеографии Института языкознания им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси В. М. Курцова в интервью одному из авторов статьи (О. Г. Казаку) отметила, что ученый поддерживал научно-просветительскую составляющую западнополесского движения, но выступал против его политизации (включавшей, например, требования автономии или независимости для Западного Полесья), «отрыва региональной культуры от общебелорусского контекста». После неожиданного прекращения деятельности западнополесского движения во второй половине 1990-х гг. Ф. Д. Климчук продолжил научное исследование полесских диалектов, опубликовал переводы на западнополесский микроязык произведений Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя[4]

2 Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.

3 Там же. Л. 9.

4 *Клімчук Ф. Д.* Пераклады з твораў Л. М. Талстога на гаворкі Палесся. Мінск, 2011. 310 с.; *Клімчук Ф. Д.* Пераклады на заходнепалескую гаворку: вёска Сіманавічы Драгічынскага раёна Берасцейскай вобласці. Мінск, 2012. 182 с.

и книг Нового Завета[5], а также стал основателем общества «Загородье» (название микрорегиона на юге Брестской области, ареала распространения группы западнополесских говоров), которое объединило историков, филологов, краеведов. Данная организация позиционировала себя как сугубо культурно-просветительская структура, на ее мероприятия Н. Н. Шелягович не приглашался[6].

Стихотворения Ф. Д. Климчука отложились в фонде 501 «Коллекция документов представителей науки, культуры, творческих профессий Брестчины» Государственного архива Брестской области. В архиве хранятся 57 стихотворений автора, написанных в 1950–1963 гг. (отдельные стихотворения перерабатывались в более поздний период). В данной статье представлен анализ публицистической поэзии Ф. Д. Климчука, в которой затрагиваются вопросы сохранения западнополесских говоров, судьбы жителей Брестчины в контексте общественно-политических процессов XX в. Фрагменты произведений Ф. Д. Климчука приведены в оригинальном виде.

Идея обретения западными полешуками суверенного государства выражена в стихотворении Ф. Д. Климчука «На поздравленіе Афрыцы» (1963 г.), посвященном получению независимости государствами африканского континента (как было отмечено выше, в более зрелом возрасте Ф. Д. Климчук дистанцировался от концепций суверенизации и автономизации Западного Полесья). Автор указывал на множество общих черт культуры и быта народов Африки и «Полесья – Загородья», обусловленных их природосообразностью. Ф. Д. Климчук подчеркивал якобы общее «колониальное прошлое» полешуков и коренного населения Африки:

А положэніе народа взагалі.
За ныжчу расу вас, почті за тое й нас лычылы.
І тут судьба нысэ нас разом на крылі,
І тут йійі мы роздылылы[7].

---

5 *Климчук Ф. Д.* Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа: перевод на западнополесский говор: село Симоновичи Дрогичинского района Брестской области Беларуси. Минск, 2010. 390 с.

6 *Казак О. Г., Середа А. С.* Западнополесское этнополитическое движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.). Минск, 2023. С. 87.

7 Государственный архив Брестской области. Ф. 501. Оп. 8. Д. 11. Л. 60–61.

Идея «национального возрождения» западных полешуков в более завуалированном виде представлена в стихотворении Ф. Д. Климчука, датированном 1952–1956 гг.:

В час злэйі буры роковэйі
Святое племя /плынне/ погыбае,
Алэ в дэбрах зымні ріднэйі
Воно насінне покыдае.

І хай прытоптанэ зусім
Лыжыть вікы тое насінне,
Алэ в свий час свытлом жывым
Его кранэ яснэ промінне.

А як кранэ, то й збудыть вміг,
І пророрстэ насінне тое.
Святое племя /плынне/ злу нагріх
Воскрэснэ, вбытэ давныною[8].

Целый ряд произведений посвящен вопросу самоценности западнополесского микроязыка. Ф. Д. Климчук с явным неодобрением характеризовал своих земляков, которые отказывались от родного говора и переходили на русский литературный язык, рассматривая последний как более «престижную» и «статусную» форму коммуникации. В стихотворении, написанном в 1952 г., автор выразил свое позитивное отношение как к литературной норме русского языка, так и к диалекту родной деревни:

Язык пыра, ты славный на ввэсь мір,
І вэлыч я твою быз доказу прыймаю,
Прызнатысь, я люблю тыбэ, кохаю,
Ты в мойім сэрцы майіш місцічко, повір.

Алэ, шо правда, то ны в гріх,
Мні ныц ны гирша мова тая,
Якэю людэ розмовляють
В тому сылі, дэ я родывсь[9].

8 Там же. Л. 3.
9 Там же. Л. 15.

В произведении, написанном в августе 1953 г., повествуется о случае, который Ф. Д. Климчук наблюдал в Пинске: двое молодых людей из Загородья говорили между собой на «хохляцком» языке (местном диалекте). Горожане из их компании «обратили внимание на смешной язык», тем самым заставив молодых людей испытывать чувство стыда:

«Мусыть у вас говорать так?» – в загородця спыталы.
А той, як мову свою вчув,
Да шчэ й пытанне про йійі такое –
Почыронів, як той буряк,
Засяяв, табы сонцэ золотое,
Й проговорыв:
«Нет, так не разговаривают в нас,
У нас почті по-русску говорят січас»[10].

В стихотворении, также написанном Ф. Д. Климчуком в 1953 г., высмеиваются представители интеллигенции (в частности, учителя), отказавшиеся от родного языка ради карьерных перспектив:

– Ну кумонько, тая Надя
На учытельку ны похожа.
Коб дэ, ны знаючы, побачыв,
Сказав бы: проста сільска баба.

– Ой, кумонько, напрасно ты,
Вона правдычна учытелька:
Вона ж по-своёму зусім
Говорыты вжэ забулась[11].

Тем же пафосом проникнуто стихотворение Ф. Д. Климчука, написанное в 1956 г. В данном художественном произведении содержится упрек от лица старшего поколения в адрес молодежи, которая стыдится родного языка:

Святое знамя чэсті свэйі
Мы сохранялы, бырыглы.

10 Там же. Л. 19.
11 Там же. Л. 21.

Ны каплі гадосці лыхэйі
На ёго впасты ны далы.

Мы всю надію в ёму малы,
Одным йім тылько і жылы.
В ёму мы сылу доставалы
І пырыложно всюду йшлы.

Мы вам ёго пырыдалы,
Свойім потомкам законнішым.
А вы!.. Чы ж можна буть подлішым –
Ёго одразу продалы![12]

Одно из стихотворений Ф. Д. Климчука, написанное в 1959 г., можно трактовать как признание автора в том, что его стремление к сохранению и популяризации родных говоров жителей Западного Полесья фактически не имело активных сторонников. При этом сам Ф. Д. Климчук декларировал верность своим идеалам:

Кажуть, займаюся я йірундою,
Кажуть, ныкому ны трэба воно.
Правда, кажу вам ны пыршыною,
Вам з ёго пользы ныколы ны будэ,
Гэтака польза і всім од ёго,
Алэ ж вы тое подумайтэ, людэ:
Ныц ны поможэ з казання того[13].

Отношение Ф. Д. Климчука к общественно-политическим реалиям, в которых он жил, было неоднозначным. Анализ произведений автора позволяет говорить о его неприятии тоталитаризма позднесталинского периода. В написанном в 1952 г. стихотворении «Пыкэлна ограда» автор аллегорически повествует о лишенном свежего воздуха доме с жарко натопленной печью. Завершается стихотворение следующим красноречивым пассажем:

Скажітэ, за якую кару жыть
Прышлось людям в такуй хатаны

12 Там же. Л. 41.
13 Там же. Л. 48.

Й струмэнь повітра чыстого
Да сэбэ ны впустыть?[14]

Надежда на смягчение политического строя отражена в стихотворении «Ны вік зымыі пановаты», написанном в 1952 г.:

Повіе вітрэць с полудня бодрый,
Прыгоныть повітрэ стоячэ,
Розвіе пылэну – туман пыкэльный,
Зворушыть насінне лыжячэ.

Засвітыть з нэба сонцэ ласкаво,
Пробудыцьця жытте з ночы,
Збудывшысь, дасть пэршы росткы яскравы,
І зымня засмыецца охвочо[15].

В стихотворении, написанном Ф. Д. Климчуком в 1953–1954 гг., действительность изображена в наиболее мрачных тонах:

Нас давыть дэспотыйі гнёт,
Дыхання чяд для нас спрыяе,
А мы увагы ны звыртаем,
Бо вжэ прывыклы до всёго.

Нас топчуць в грязь, як якый хлам.
З нас смокчуть кров, з нас тягнуть жылы,
А мы свойім володарам
Поклоны бъем, як завжды былы[16].

В то же время Ф. Д. Климчук, очевидно, верил в идею построения социализма в будущем. Об этом свидетельствует его стихотворение, написанное накануне 45-й годовщины Октябрьской революции:

Октябр Вылікый, ты пробив
Стальную оболочку того світа,
Шо жызнь давыв, орудував, калічыв,

14 Там же. Л. 5.
15 Там же. Л. 14.
16 Там же. Л. 20.

Жывое всэ дыржяв в гнытюшчым пэклы,
А тылько гадості всілякуй
Давав свободный розвыток й выликы пырывагы[17].

Большое влияние на творчество Ф. Д. Климчука оказала атмосфера «хрущевской оттепели». В своих произведениях автор солидаризировался с распространенным в то время осуждением жестких методов государственного управления сталинской эпохи (в ранних стихотворениях даже предвосхитил данные настроения). Белорусский историк А. А. Гужаловский в своей фундированной монографии, увидевшей свет в 2024 г., отмечает сложность общественно-политических и культурных процессов в БССР в 1950-е – 1960-е гг. Под влиянием относительной демократизации многие жители Советской Белоруссии искренне верили в преимущество советского строя. В то же время национально-культурную жизнь республики определяли крайне неоднозначные явления. В численном плане преобладали школы с белорусским языком обучения (прежде всего за счет сельских образовательных учреждений), однако уровень языковой подготовки в них был невысоким. Кроме того, слова Н. С. Хрущева о том, что построение коммунизма в Советской Белоруссии прямо зависит от перехода ее жителей на русский язык, зачастую становились руководством к действию на местах. Отдельные представители интеллигенции (Б. И. Саченко, Б. А. Ржевский, братья М. М. и Л. М. Белые, А. С. Рязанов и др.) пытались вести борьбу за расширение сферы использования белорусского языка, что стоило многим из них карьерных перспектив[18]. Очевидно, подобная деятельность могла оказать влияние на взгляды Ф. Д. Климчука и его обеспокоенность сохранением родного говора. Кроме того, Ф. Д. Климчук в молодом возрасте работал в школах Брестчины и мог наблюдать сложности, с которыми сталкивались юные носители местных диалектов в процессе овладения русским и белорусским литературными языками. Это также могло стать мотивом, побудившим автора к созданию поэтических произведений, в которых содержались призывы к жителям западнополесского региона бережно относиться к своему языковому наследию.

Таким образом, неопубликованные литературные произведения Ф. Д. Климчука могут представлять большой интерес для историков,

17 Там же. Л. 57.

18 *Гужалоўскі А. А.* У светлую будучыню! Беларускае грамадства эпохі «адлігі» (1953–1968). Мінск, 2024. С. 55–83.

специалистов в области этнополитологии, славянских микроязыков. Идеи сохранения культурного и языкового своеобразия Брестчины, артикулированные Н. Н. Шеляговичем и его соратниками в период перестройки, имели своих, пусть и немногочисленных, сторонников уже в 1950-е гг. Деятельность Н. Н. Шеляговича, однако, представляла собой классический пример политического авантюризма и «этнического предпринимательства», что обусловило весьма прохладное отношение к нему со стороны Ф. Д. Климчука.

Источники и литература

Государственный архив Брестской области.
Национальный архив Республики Беларусь.

Гужалоўскі А. А. У светлую будучыню! Беларускае грамадства эпохі «адлігі» (1953–1968). Мінск: Выдавец Р. М. Цымбераў, 2024. 344 с.

Казак О. Г., *Середа А. С.* Западнополесское этнополитическое движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.). Минск: Колорград, 2023. 101 с.

Климчук Ф. Д. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа: перевод на западнополесский говор: село Симоновичи Дрогичинского района Брестской области Беларуси. Минск: Мэджик, 2010. 390 с.

Клімчук Ф. Д. Пераклады з твораў Л. М. Талстога на гаворкі Палесся. Мінск: Мэджык, 2011. 310 с.

Клімчук Ф. Д. Пераклады на заходнепалескую гаворку: вёска Сіманавічы Драгічынскага раёна Берасцейскай вобласці. Мінск: Мэджык, 2012. 182 с.

Курцова В. М. Фёдар Данілавіч Клімчук (да 80-годдзя з дня нараджэння) // Беларуская лінгвістыка. 2015. № 74. С. 128–132.

References

Huzhaloŭski, A. A. *U svetluiu buduchyniu! Belaruskae hramadstva epokhi «adlihi» (1953–1968)*. Minsk: Vydavets R. M. Tsymberaŭ, 2024, 344 p.

Kazak, O. G., Sereda, A. S. *Zapadnopolesskoe ėtnopoliticheskoe dvizhenie v Belarusi (konets 1980-kh – pervaia polovina 1990-kh gg.).* Minsk: Kolorgrad, 2023, 101 p.

Klimchuk, F. D. *Novyi Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista: perevod na zapadnopolesskii govor: selo Simonovichi Drogichinskogo raiona Brestskoi oblasti Belarusi*. Minsk: Medzhik, 2010, 390 p.

Klimchuk, F. D. *Peraklady na zakhodnepaleskuiu havorku: vioska Simanavichy Drahichynskaha raiona Berastseiskai voblastsi*. Minsk: Medzhyk, 2012, 182 p.

Klimchuk, F. D. *Peraklady z tvoraĭ L. M. Talstoha na havorki Palessia*. Minsk: Medzhyk, 2011, 310 p.

Kurtsova, V. M. "Fiodar Danilavich Klimchuk (da 80-hoddzia z dnia naradzhennia)." *Belaruskaia linhvistyka*, 2015, No 74, pp. 128–132.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.22 ***O. G. Kazak, A. S. Sereda***

On the Genesis of the West Polesie Ethnopolitical Movement: From the Unpublished Publicistic Heritage of F. D. Klimchuk (1950s – 1960s)

Oleg G. Kazak
Candidate of History, associate professor
Belarus State Economic University
220070, Partizansky Prospect 26, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: kazak_og@bseu.by
ORCID: 0000-0003-3859-8071

Artyom S. Sereda
Teacher
Secondary school no. 3 of Zhabinka,
225501, Svobody 9, Zhabinka, Republic of Belarus
E-mail: marcellinus@tut.by
ORCID: 0009-0006-4094-848X

Citation
Kazak O. G., Sereda A. S. On the Genesis of the West Polesie Ethnopolitical Movement: From the Unpublished Publicistic Heritage of F. D. Klimchuk (1950s – 1960s) // Slavic Almanac. 2025. No. 1–2. P. 443–455 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.22

Received: 27.08.2024.
Revised: 15.10.2024.
Accepted: 18.03.2025.

Abstract
The article presents an analysis of the publicistic poetry of F. D. Klimchuk (1935–2018), the famous Belarusian philologist and a specialist in the field of Slavic dialectology. Poems by F. D. Klimchuk, written in the dialect of his native village of Simonovichi (Drogichin district, Brest region, Belarus), were deposited in the funds of the State Archives of the Brest region. The works manifest the ideas of ethnocultural identity of the West Polesie region, the need to preserve the unique dialects of the region, and in a cautious and veiled form declare the possibility of political self-determination of West Polesie. Thus, the main postulates of the participants of the West Polesie ethnopolitical movement under the leadership of N. N. Shelyagovich (second half of the 1980s – first half of the 1990s) were already formulated by F. D. Klimchuk in the 1950s – 1960s, but at that time there was no opportunity to present them publicly. In the late 1980s and early 1990s, F. D. Klimchuk supported exclusively the cultural component of the West Polesie movement, dissociating himself from N. N. Shelyagovich and his associates, who sought to artificially politicize ethnicity in order to obtain symbolic and power capital. Publicistic materials by F. D. Klimchuk are important for understanding the genesis of the West Polesie ethnopolitical movement in Belarus and may also be of interest to philologists studying Slavic literary microlanguages.

Keywords
Western Polesie, *dialect*, *Fedor Klimchuk*, *publicistic poetry.*

УДК 94(438).081
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.23

Ю. А. Борисёнок

Юзеф Пилсудский и нерешаемый «белорусский вопрос»: крах польского федеративного проекта в 1918–1920 гг. в обновленной версии

Gierowska-Kałłaur J. Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). – Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2023. – 496 s.

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование
Борисёнок Ю. А. Юзеф Пилсудский и нерешаемый «белорусский вопрос»: крах польского федеративного проекта в 1918–1920 гг. в обновленной версии // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 456–469.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.23

Рецензия поступила в редакцию 07.03.2025.

Аннотация
Польская историография проявляет устойчивый интерес к причинам неудачи теоретических конструкций федерализма, выработанных сторонниками Ю. Пилсудского до Первой мировой войны и направленных на восстановление в условиях XX в. в Восточной Европе многонациональной государственности под руководством Польши, включающей белорусские, украинские и литовские земли. В условиях восстановления польской государственности в 1918–1920 гг. федеративные проекты оказались абсолютно несовместимыми с исторической реальностью. В обстоятельной монографии польского историка Иоанны Геровской-Каллаур, опубликованной в Варшаве в 2023 г., подробно и во многом по-новому исследуются причины неудачи попыток Пилсудского разрешить в свою пользу белорусское направление федеративных планов. Значительный архивный материал, накопленный автором за четверть века работы над темой, позволяет убедительно развенчать устойчивые

стереотипы, накопившиеся в исследовании данной проблематики. Одновременно свойственная исследовательнице глорификация личности и взглядов Ю. Пилсудского порождает новые замысловатые заблуждения в отношении мотивации и итогов геополитических трансформаций, определивших оформление восточных границ межвоенной Польши.

Ключевые слова
Межвоенная Польша, *белорусские земли*, *геополитические трансформации*, *Ю. Пилсудский*, *историография*, *И. Геровская-Каллаур.*

Иоанна Геровская-Каллаур, работающая в Центре Восточной Европы Варшавского университета и Институте истории Польской академии наук, достаточно давно обратила на себя внимание многочисленными и основанными на солидной архивной базе работами по непростой истории польско-белорусских отношений после окончания Первой мировой войны. Ее новая монография «Юзеф Пилсудский и белорусский вопрос (1918–1920)»[1], увидевшая свет в 2023 г. в Варшаве, подводит своеобразный итог изысканиям автора по белорусской проблематике, которые сопровождались более чем 20-летней упорной работой историка в польских, белорусских, литовских и российских архивах. Почти 500-страничное изложение опирается на десятки опубликованных ранее статей Геровской-Каллаур (в библиографии к работе указано сорок таких статей на польском, английском, белорусском и литовском языках[2]), а также на ее монографии 1999 и 2003 гг., посвященные Гражданскому управлению восточных земель (ГУВЗ)[3], созданному поляками в 1919 г. для контроля вожделенных для них территорий ушедшей в историю в конце XVIII в. Речи Посполитой.

Монография во многом своеобразна и необычна. Так, в структуре работы присутствуют и вступление более чем на 30 страниц,

1 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). Warszawa, 2023.

2 Ibid. S. 471–474.

3 *Gierowska-Kałłaur J.* Straż Kresowa a Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich. Współdziałanie czy rywalizacja? Warszawa, 1999; *Gierowska-Kałłaur J.* Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa, 2003.

а вслед за ним и названное главой I 40-страничное введение[4]. Последующие семь глав (II–III, V–IX) в соответствии с авторской привязанностью к дробной хронологии раскрывают заявленную в названии тему с шагом от трех до пяти месяцев. Исключение из хронологического повествования составляет небольшая глава IV «Между “белой” и “красной” Россией»[5]. Глава XI, эпилог, предельно кратко, на девяти страницах, повествует о 1921 г., выходящем за пределы хронологических рамок книги, а вслед за этим следует еще восьмистраничное заключение[6].

Нетривиальна книга Геровской-Каллаур еще и в историографическом аспекте. Автор неплохо владеет предшествующими наработками по теме, в разработку которой в разное время вносили вклад многие польские, белорусские, российские и литовские историки. Но при этом отношение известного специалиста к своим предшественникам подчас удивляет. Понятно, что монографии 1960-х гг. Юзефа Левандовского[7] в своем подходе к «империализму слабости» при современном уровне научного анализа проблемы во многом уязвимы. Но и работы современных польских исследовательниц, авторов важных монографий по польско-белорусской проблематике Кристины Гомулки[8] и Дороты Михалюк[9] подвергаются в книге краткой, но решительной критике – прежде всего за якобы «белорусоцентричный» подход этих авторов[10], который даже при очень внимательном чтении их текстов совершенно не просматривается.

В итоге совсем немногим польским авторам посчастливилось удостоиться от Геровской-Каллаур относительно добрых слов. При этом использование таких одобренных произведений часто специфично.

---

4 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 31–42, 43–82.

5 Ibid. S. 155–177.

6 Ibid. S. 434–442, 443–450.

7 *Lewandowski J.* Federalizm: Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego: XI 1918 – IV 1920. Warszawa, 1962; *Lewandowski J.* Imperializm słabości: kształtowanie się koncepcji polityki wschodniej piłsudczyków 1921–1926. Warszawa, 1967.

8 *Gomółka K.* Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918–1922. Warszawa, 1994.

9 *Michaluk D.* Białoruska Republika Ludowa. 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń, 2010.

10 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 22, 33.

Известная монография краковского историка Анджея Новака «Польша и три России» цитируется в книге по первому изданию 2001 г., тогда как в 2015 г. свет увидело уже третье ее издание[11]. Важную для исследования темы публикацию 2018 г. варшавского историка Войцеха Матерского «Польско-белорусский узел 1918–1921»[12] Геровская-Каллаур называет «обширным и значительным изданием источников»[13] и привлекает эту работу исключительно для редкого цитирования опубликованных там документов. Между тем Матерский выступил в этой публикации и как автор весьма важного и обстоятельного предисловия, напрямую касающегося проблематики книги Геровской-Каллаур, начиная с самого понятия «польско-белорусский узел»[14]. Матерский откликнулся на монографию Геровской-Каллаур внешне благосклонной, но подчеркнуто краткой рецензией[15].

При таком отношении к своей собственной историографии ожидать от автора особо глубокого погружения в историческую науку соседних стран не приходится. В книге о Юзефе Пилсудском не нашлось даже краткого упоминания об обстоятельной биографии маршала, опубликованной в 2008 г. известным российским полонистом Г. Ф. Матвеевым[16]. Прямо относящаяся к затронутой Геровской-Каллаур тематике книга 2019 г. Д. А. Коротковой[17] упомянута в монографии единожды, с цитированием без указания страниц и с мелкотравчатой критикой российской исследовательницы за то, что в ее работе не упомянута нота французского

11 *Nowak A.* Polska i trzy Rosje: Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2015.

12 *Materski W.* (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa, 2018.

13 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 30–31.

14 *Materski W.* (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. S. 7–46. Подробнее о концепции Матерского см.: *Борисёнок Ю. А.* «Польско-белорусский узел» в историографии 2000–2020-х годов. М., 2025. С. 211–217.

15 *Materski W.* [rec.] Joanna Gierowska-Kałłaur, Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920), Instytut Historii PAN, Warszawa 2023, ss. 496 // Studia Polityczne. 2023. № 4. S. 245–246.

16 *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. М., 2008.

17 *Короткова Д. А.* Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М., 2019.

премьер-министра А. Мильерана от 6 марта 1920 г., опубликованная только в 2003 г. самой Геровской-Каллаур[18].

Некоторым белорусским историкам не повезло еще больше. Известный минский специалист по польско-белорусским отношениям В. Е. Снапковский, соавтор Матерского по публикации 2018 г. о «польско-белорусском узле», ничтоже сумняшеся назван в книге «политологом»[19]. А ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси О. Н. Боровская со своей книгой на белорусском языке о белорусском вопросе на советско-польских переговорах 1918–1921 гг.[20] почему-то отнесена в монографии к российской историографии в посвященном российским работам обширном абзаце размером со страницу[21].

В освещении белорусской проблематики в книге преобладает очевидный перекос между двумя разновидностями белорусской политики и попыток создания собственной государственности. Геровская-Каллаур обращает приоритетное внимание к небольшевистским белорусским деятелям и программам, в то время как проектам на советской основе отводится крайне скромное место. Внимание автора к весьма важным и в польском контексте обстоятельствам создания и упразднения белорусской советской государственности в конце 1918 – начале 1919 г. ограничивается сначала предельно кратким упоминанием даже не о советской социалистической республике, а о некоей «большевистской администрации»[22]. Дальше БССР все же появляется в сжатой характеристике событий февраля 1919 г., приведших к образованию Литбела, авторские выводы при обилии современной, прежде всего белорусской, историографии и важных публикаций архивных документов изложены здесь на основе неопубликованной диссертации 2009 г., написанной П. Пызелем в Варшавском университете[23].

Еще скромнее упоминание в монографии о втором провозглашении Белорусской ССР 31 июля 1920 г., а ее руководитель в ранге главы

18 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 33, 315–316.

19 Ibid. S. 33.

20 *Бароўская В. М.* Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. Мінск, 2017.

21 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 32–33.

22 Ibid. S. 79.

23 Ibid. S. 116–118.

ЦИК и Совнаркома А. Г. Червяков упомянут лишь однажды, в сноске, причем с неверным написанием фамилии как «Czarawiakou»[24]. Категоричные выводы Геровской-Каллаур об «инструментальном толковании белорусской государственной идеи Советами»[25] объективно требуют существенных дополнений, в том числе в виде раскрытия важной для исследования «белорусского вопроса» позиции Червякова осенью 1920 г., ставшей известной из недавно опубликованного донесения из Риги польского разведчика Е. Стемповского[26]. Этот недостаток книги заметил и один из ее рецензентов, польский историк З. Ю. Винницкий, отметивший в своей рецензии 2024 г., что белорусская государственность в советском варианте стала хоть и крайне неприятной для поляков, но реальностью, ибо «белорусский народ в то время массово поддерживал большевиков»[27].

Небольшевистских белорусских политиков, которым в монографии уделено значительное место, автор монографии трактует априорно негативно и инструментально. В тексте неоднократно подчеркивается строго негативное отношение к Белорусской народной республике (БНР) и ее деятелям: «Со всем уважением и симпатией к белорусским стремлениям необходимо заключить, что белорусское государство попросту не возникло… БНР представляли диванные структуры, и… она не осуществляла реальной власти, не располагала казной из собственных налогов, собственным дееспособным войском, экипированным собственными силами, собственной региональной администрацией, в конце концов – даже собственной нацией, осознающей свою белорусскость»[28]. Такая точка зрения весьма созвучна установкам, доминировавшим до 2008 г. в официальной белорусской позиции по отношению к историческому значению БНР. В монографии не прослеживается изменение позиций белорусской историографии в этом вопросе, выразившееся в признании значения БНР как «шага к независимости». Опубликованные в 2018 и 2020 гг.

24 Ibid. S. 392.

25 Ibid. S. 393.

26 *Борисёнок Ю. А.* «Польско-белорусский узел» в историографии 2000–2020-х годов. С. 217–220.

27 *Winnicki Z. J.* [rec.] Joanna Gierowska-Kałłaur, Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920), Instytut Historii PAN, Warszawa 2023, ss. 496 // Wschodnioznawstwo. 2024 . T. 18. S. 471.

28 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 20–21.

в Институте истории НАН Беларуси две коллективные монографии о БНР[29] в книге Геровской-Каллаур не упомянуты вообще.

Характерны авторские сравнения «воображаемой Беларуси» с ее не менее воображаемыми территориями, провозглашение которых в качестве границ БНР, а потом и первой БССР «не считалось с реалиями и чувствами соседей, в том числе поляков»[30], с собственно польскими усилиями по восстановлению собственной государственности. В книге дважды, почти слово в слово, подчеркивается, что БНР «не представляла собой белорусской государственности в смысле международного права ни де-юре, ни де-факто вследствие полного отсутствия международно-правового признания»[31].

А вот у поляков все в порядке было не только с международным правом: «В момент, когда на белорусских землях только зарождалась идея собственной государственности, поляки уже имели серьезные козыри. Право на восстановление государственности им предоставляли – в хронологической последовательности: главы трех государств-захватчиков, премьеры Англии и Франции, президент Томас Вудро Вильсон, папа Бенедикт XV, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, а двумя днями позже – Временное правительство»[32]. Здесь любопытны и аргументы в виде обещаний различного свойства воссоздать польскую державность во время Первой мировой войны, обычно не заходившие дальше уверений сделать это, но не раньше, чем «в шесть часов вечера после войны», и отсутствие тут марионеточной государственности под именем Польского королевства, провозглашенной 5 ноября 1916 г. Германией и Австро-Венгрией. Последнюю В. Матерский в 2018 г. логично сравнил как раз с БНР: ситуацию с ее провозглашением в марте 1918 г. «можно признать в значительном приближении сравнимой с появлением на польских землях Регентского совета; в обоих случаях объем автономии сочетался скорее с германским (Центральных держав) протекторатом, нежели с процессом, целенаправленно стремящимся к независимости»[33].

---

29 Беларуская Народная Рэспубліка – крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвяшчэння: гістарычны нарыс. Мінск, 2018; Беларуская Народная Рэспубліка ў гісторыі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Мінск, 2020.

30 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 72.

31 Ibid. S. 20–21, 72.

32 Ibid. S. 86–87.

33 *Materski W.* (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. S. 16.

Чтобы читателю была более понятна ничтожность и неосуществимость белорусских попыток обрести независимость, Геровская-Каллаур предлагает свою версию представлений о «слабости белорусского национального движения», учитывающую и проблемы геоморфологии, и наследие «проклятого царского режима». «Слабость» сводится к трем причинам: «1) Белорусские земли по смыслу своего положения, геоморфологии и многолетних царских целенаправленных запущенностей были краем отсталым и изолированным… 2) Белорусы не располагали территорией относительной свободы, откуда могла бы излучаться на остальные земли национальная культура. 3) Относительно немногочисленные деятели происходили из католической среды, в то время как простой народ в большинстве своем оставался православным, что создавало барьер недоверия»[34]. В этих аргументах сочетаются рудименты еще марксистской историографии с попросту умозрительными конструкциями.

Жестко оценив слабость и немощь белорусских политиков, автор монографии постепенно подводит к мысли, что такие люди были явно недостойны общаться и тем более о чем-то договариваться с таким выдающимся государственным деятелем, как временный начальник польского государства Юзеф Пилсудский. «Черной легенде Пилсудского», действительно прослеживающейся в белорусской традиции, в том числе и историографической[35], Геровская-Каллаур с присущей ей исследовательской страстью противопоставляет легенду собственную, имеющую целью реабилитировать Пилсудского от обвинений, возведенных на него политическими противниками, внешними врагами и позднейшими историками.

Временный начальник польского государства предстает в книге фигурой монументальной – не зря на обложку помещен именно его скульптурный портрет. В изложении Геровской-Каллаур он появляется далеко не сразу (немаловажные для избранной темы пересечения с белорусским вопросом до 1918 г. в книге отсутствуют), а образ Пилсудского у исследовательницы, окончившей Варшавский университет в 1979 г., удивительно созвучен трактовкам послевоенной советской историографии в раскрытии роли В. И. Ленина в разнообразных общественных и экономических областях. Первый маршал

34 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 45.

35 *Mironowicz E.* Czarna legenda: Piłsudski w historiografii i piśmiennictwie białoruskim // Więź. 2010. № 5–6. S. 66–71.

Польши и в своем подходе к белорусскому вопросу, который был, по мнению автора монографии, «элементом большого плана»[36], предстает в известном по стихам В. В. Маяковского обличье, как «наше знамя, сила и оружие».

Идеализации позиции Пилсудского строго подчинены восемь глав работы, с II по IX, написанные с привлечением значительного архивного материала, но при этом тщательно отобранного. В итоге возникает парадоксальная и в своей парадоксальности обновленная версия о том, что Пилсудский в 1918–1920 гг. якобы оставался стойким приверженцем идей польского федерализма, теоретически разработанных еще до Первой мировой войны при активном участии его соратника Леона Василевского.

Логичные указания предшествующей историографии о том, что временный начальник государства с момента назначения на должность добросовестно стремился к созданию унитарного польского государства, а элементы федеративной программы использовались им исключительно в пропагандистских целях, Геровской-Каллаур отрицаются. В итоге к практической реализации идей федерализма исследовательница относит даже силовой захват в октябре 1920 г. Вильно и Виленского края, осуществленный генералом Люцианом Желиговским по тщательно разработанному Пилсудским плану[37]. Естественное стремление Пилсудского включить в состав воссоздаваемого им государства свои родные места (негласно поддержанное на заключительном этапе польско-советской войны и большевиками) выдается за проявление федерализма, на самом деле уже решительно отвергнутого к тому времени польским маршалом.

Федеративные планы польских политиков в суровой исторической реальности, сложившейся к моменту окончания Первой мировой войны, оказались ровно такой же «воображаемой Польшей», как и «воображаемая Беларусь» деятелей БНР в трактовке Геровской-Каллаур. Позиция украинского и литовского национальных движений, четко обозначившаяся к 1918 г., не давала польским федеративным проектам восстановления границ Речи Посполитой 1772 г. ни малейшего шанса. Не только белорусский вопрос оказался принципиально нерешаемым, но и проекты польских федералистов оказались столь же принципиально несбыточными. Помочь осуществлению мечтаний поляков в теории могла

36 *Gierowska-Kałłaur J.* Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). S. 443.

37 Ibid. S. 409–410.

бы позиция победителей в войне, но они, горестно сетует автор монографии, такое развитие событий не поддержали. Право на восстановление государства «признавалось, однако, за Польшей, а не за бывшей Речью Посполитой, а это существенная разница. Принимающие решения в Европе (в том числе папа) поддались риторике специальной политики Германии, стремившейся во время Первой мировой войны к дальнейшему разделению захваченных земель Речи Посполитой, на сей раз добытых германской армией в 1915 г. у царской России»[38].

Геровская-Каллаур на протяжении большей части книги пытается доказать, что благородный и искренний Пилсудский неизменно стремился осуществить на практике свои широкие обещания народам бывшей Речи Посполитой, в том числе белорусам. Но осуществлению федеративных планов неизменно мешали могущественные противники: немцы (в том числе, по мнению автора, и после поражения кайзеровской Германии в Первой мировой войне), большевики, национальные движения украинцев и литовцев, белое движение, Борис Савинков, а также путающиеся под ногами Пилсудского нелепые и ни к чему не способные белорусские политики: «Белорусские лидеры благодаря своей последовательно проводимой по отношению к польскому начальнику государства политике сами лишали себя очередных шансов на создание реальных основ своей суверенной государственности. Они также поучаствовали в политическом поражении Пилсудского»[39]. Смеем предположить, что белорусская «суверенная государственность» в аранжировке Пилсудского выглядела бы несравнимо скромнее реально созданной большевиками БССР и дальше декоративного фасада дело бы не продвинулось.

Страшнее же всего для Пилсудского искренне порицаемые Геровской-Каллаур оппоненты доморощенные, противники федералистов из числа сторонников политики инкорпорации земель бывшей Речи Посполитой: «А противников польский начальник государства имел множество. И насколько нормальной вещью во время войны является борьба с врагом внешним, настолько борьба с врагом внутренним напрочь разрывает душу и наполняет ее горечью»[40]. При таком подходе Пилсудский по сути предстает «плохим танцором», которому все постоянно мешают. Исследовательница в итоге своего обширного изложения вынуждена признать фиаско федеративных планов своего

38 Ibid. S. 87.
39 Ibid. S. 450.
40 Ibid. S. 446.

героя вообще и в белорусском вопросе в частности: «Осенью 1920 г. Юзеф Пилсудский осознал поражение. Историческая Литва и Корона расходились между собой, а он так жаждал – для блага всех наследников бывшей Речи Посполитой – возврата к проверенному образцу»[41].

Вслед за многочисленными попытками автора монографии защитить Пилсудского сделаем это и мы. Реальный польский маршал, политик целеустремленный и жесткий, все-таки прежде всего жаждал воссоздания польской государственности как таковой и своей главной цели успешно добился. Межвоенная Польша, II Речь Посполитая площадью 388,6 тыс. кв. км, стала одним из крупнейших государств тогдашней Европы. Отказ же Пилсудского от проектов федерализма был куда более логичным и безболезненным развитием событий, чем это изображено в монографии Иоанны Геровской-Каллаур, которая при всех своих конструктивных недостатках стала несомненным событием в современной польской историографии.

Источники и литература

Бароўская В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. Мінск: Беларуская навука, 2017. 269 с.

Беларуская Народная Рэспубліка – крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвяшчэння: гістарычны нарыс. Мінск: Беларуская навука, 2018. 156 с.

Беларуская Народная Рэспубліка ў гісторыі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Мінск: Беларуская навука, 2020. 222 с.

Борисёнок Ю. А. «Польско-белорусский узел» в историографии 2000–2020-х годов. М.: Издатель Степаненко, 2025. 348 с.

Короткова Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 222 с.

Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. 474 с.

Gierowska-Kałłaur J. Straż Kresowa a Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich. Współdziałanie czy rywalizacja? Warszawa: Neriton, 1999. 131 s.

Gierowska-Kałłaur J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa: Neriton, 2003. 447 s.

Gierowska-Kałłaur J. Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920). Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2023. 496 s.

41 Ibid. S. 450.

Gomółka K. Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918–1922. Warszawa: Gryf, 1994. 264 s.

Lewandowski J. Federalizm: Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego: XI 1918 – IV 1920. Warszawa: PWN, 1962. 269 s.

Lewandowski J. Imperializm słabości: kształtowanie się koncepcji polityki wschodniej piłsudczyków 1921–1926. Warszawa: PWN, 1967. 228 s.

Materski W. (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. 859 s.

Materski W. [rec.] Joanna Gierowska-Kałłaur, Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920), Instytut Historii PAN, Warszawa 2023, ss. 496 // Studia Polityczne. 2023. № 4. S. 245–246.

Michaluk D. Białoruska Republika Ludowa. 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2010. 597 s.

Mironowicz E. Czarna legenda: Piłsudski w historiografii i piśmiennictwie białoruskim // Więź. 2010. № 5–6. S. 66–71.

Nowak A. Polska i trzy Rosje: Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków: Arcana, 2015. 631 s.

Winnicki Z. J. [rec.] Joanna Gierowska-Kałłaur, Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920), Instytut Historii PAN, Warszawa 2023, ss. 496 // Wschodnioznawstwo. 2024 . T. 18. S. 471.

References

Baroŭskaia, V. M. *Belaruskaje pytanne na savetska-pol'skikh perahavorakh 1918–1921 hh.* Minsk: Belaruskaia navuka, 2017, 269 p.

Belaruskaia Narodnaia Respublika – krok da nezalezhnastsi: da 100-hoddzia abviashchennia: histarychny narys. Minsk: Belaruskaia navuka, 2018, 156 p.

Belaruskaia Narodnaia Respublika ŭ historyi belaruskai natsyianal'nai dziarzhaŭnastsi. Minsk: Belaruskaia navuka, 2020, 222 p.

Borisionok, Iu. A. *"Pol'sko-belorusskii uzel" v istoriografii 2000–2020-kh godov.* Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2025, 348 p.

Gierowska-Kałłaur, J. *Straż Kresowa a Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich. Współdziałanie czy rywalizacja?* Warszawa: Neriton, 1999, 131 p.

Gierowska-Kałłaur, J. *Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920).* Warszawa: Neriton, 2003, 447 p.

Gierowska-Kałłaur, J. *Józef Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920).* Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2023, 496 p.

Gomółka, K. *Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918–1922.* Warszawa: Gryf, 1994, 264 p.

Korotkova, D. A. *Belorusskie zemli v sovetsko-pol'skikh otnosheniiakh. Razmennaia karta v protivostoianii dvukh derzhav. 1918–1921 gg.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2019, 222 p.

Lewandowski, J. *Federalizm: Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego: XI 1918 – IV 1920.* Warszawa: PWN, 1962, 269 p.

Lewandowski, J. *Imperializm słabości: kształtowanie się koncepcji polityki wschodniej piłsudczyków 1921–1926.* Warszawa: PWN, 1967, 228 p.

Materski, W., wybór i opracowanie. *Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały.* Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. 859 p.

Materski, W., [rec.] "Joanna Gierowska-Kałłaur, Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920), Instytut Historii PAN, Warszawa 2023, ss. 496." *Studia Polityczne,* 2023, No 4, pp. 245–246.

Matveev, G. F. *Pilsudskii*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2008, 474 p.

Michaluk, D. *Białoruska Republika Ludowa. 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości.* Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2010, 597 s.

Mironowicz, E. "Czarna legenda: Piłsudski w historiografii i piśmiennictwie białoruskim." *Więź*, 2010, No 5–6, pp. 66–71.

Nowak, A. *Polska i trzy Rosje: Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku).* Kraków: Arcana, 2015, 631 p.

Winnicki, Z. J., [rec.] "Joanna Gierowska-Kałłaur, Piłsudski wobec kwestii białoruskiej (1918–1920), Instytut Historii PAN, Warszawa 2023, ss. 496." *Wschodnioznawstwo*, 2024, vol. 18, p. 471.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.23 ***Yu. A. Borisyonok***

Józef Piłsudski and the Unsolvable "Belarusian Question": The Collapse of the Polish Federal Project in 1918–1920 in an Updated Version

Yuri A. Borisyonok
Candidate of History, associate professor
Lomonosov Moscow State University
119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation
Borisyonok Yu. A. Józef Piłsudski and the Unsolvable "Belarusian Question": The Collapse of the Polish Federal Project in 1918–1920 in an Updated Version // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 456–469 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.23

Received: 07.03.2025.

Abstract
Polish historiography has shown a persistent interest in the reasons for the failure of the theoretical constructs of federalism developed by J. Piłsudski's supporters before the First World War and aimed at restoring, in the conditions of the 20th century, a multinational statehood in Eastern Europe under the leadership of Poland, including Belarusian, Ukrainian and Lithuanian lands. In the context of the restoration of Polish statehood in 1918–1920, federal projects turned out to be absolutely incompatible with historical reality. In a detailed monograph by Polish historian Joanna Gierowska-Kallaur, published in Warsaw in 2023, the reasons for the failure of Pilsudski's attempts to resolve the Belarusian direction of the federal plans in his favor are examined in detail and in many ways in a new way. Significant archival material accumulated by the author over a quarter of a century of work on the topic allows for convincingly debunking the persistent stereotypes that have accumulated in the study of this issue. At the same time, the glorification of the personality and views of J. Pilsudski, characteristic of the researcher, gives rise to new intricate misconceptions regarding the motivation and results of the geopolitical transformations that determined the design of the eastern borders of interwar Poland.

Keywords
Interwar Poland, *Belarusian lands*, *geopolitical transformations*, *J. Pilsudski*, *historiography*, *I. Gierowska-Kallaur*.

УДК 81
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.24

М. Ю. Котова
О. В. Раина

Международная научная конференция «XXIII Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова»

Котова Марина Юрьевна
Доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: m.kotova@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-0861-8652

Раина Ольга Викторовна
Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: o.raina@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-6281-8148

Цитирование
Котова М. Ю., *Раина О. В.* Международная научная конференция «XXIII Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова» // Славянский альманах. 2025. No 1–2. С. 470–480. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.24

Текст поступил в редакцию 29.10.2024.

11–14 сентября 2024 г. в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась Международная научная конференция «XXIII Славистические чтения памяти профессора Петра Андреевича Дмитриева и профессора Германа Ивановича Сафронова».

Конференцию открыла на пленарном заседании 12 сентября 2024 г. зав. кафедрой славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета доцент Ольга Викторовна Раина. На открытии прозвучали приветственные слова от члена правительства Санкт-Петербурга – председателя Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга Евгения Дмитриевича Григорьева, от председателя правления Ассоциации международного сотрудничества

Санкт-Петербурга Маргариты Федоровны Мудрак, от и. о. декана филологического факультета, председателя научной комиссии доцента Веры Вячеславовны Евдокимовой.

В. В. Евдокимова в своем выступлении подчеркнула значение этой регулярной конференции для научной жизни студентов и преподавателей филологического факультета СПбГУ.

О. В. Раина рассказала о неоценимом вкладе профессоров Петра Андреевича Дмитриева (1928–1998) и Германа Ивановича Сафронова (1924–1997) в становление отечественной славистики, об истории конференции, которая была учреждена в 1999 г. кафедрой славянской филологии (зав. кафедрой тогда – проф. М. Ю. Котова) при поддержке руководства филологического факультета. Как упомянула О. В. Раина, эмблемой «Славистических чтений» еще при основании конференции в 1999 г. были выбраны уникальные буквы славянской азбуки – большой и малый юсы. Они символизируют и уникальность жизненной и духовной связи профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова, и универсальность порождаемых славистикой научных проблем.

М. Ф. Мудрак в своем выступлении остановилась на активной роли кафедры славянской филологии и кафедры истории славянских стран СПбГУ в деятельности Ассоциации международного сотрудничества Санкт-Петербурга.

Е. Д. Григорьев в своем приветствии выразил уверенность, что «дружба между этносами, которых объединяет пиетет к славянским языкам, будет сохраняться, невзирая на неблагоприятную геополитическую обстановку», и поблагодарил организаторов и участников конференции.

На первом пленарном заседании 12 сентября с докладами выступили профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, д.ф.н., проф. А. Г. Шешкен и к.ф.н., зав. Отраслевым отделом по направлению «Филология» Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ О. В. Васильева. *А. Г. Шешкен* в своем пленарном докладе «Славянские и русская литературы в свете компаративистики. Опыт преподавания», посвященном курсу «Славянские и русская литературы в свете компаративистики», который читается на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова около двадцати лет для магистрантов кафедры славянской филологии и русского отделения (специализация по сравнительному литературоведению), обосновала необходимость разнообразных подходов к его содержанию.

О. В. Васильева представила свой пленарный доклад «История славистики в Санкт-Петербургском университете: электронные

источники данных на портале СПбГУ», в котором прозвучала ранее малоизвестная информация о военных и послевоенных годах возрожденной в 1944 г. кафедры славянской филологии СПбГУ, о роли Германа Ивановича Сафронова, Петра Андреевича Дмитриева, Галины Алексеевны Шилиной (Лилич) в развитии славистики в СПбГУ.

13 и 14 сентября состоялось еще девять заседаний конференции, включая заключительное пленарное заседание 14 сентября.

Секционные заседания проходили в рамках четырех тематических направлений, намеченных программным комитетом конференции: «Русский язык в Славии», «Межкультурные контакты славянского мира», «Актуальные проблемы изучения истории славяноведения» и «Славянская филология сегодня: лингвистика, литературоведение, методика преподавания».

В программе конференции, размещенной на сайте СПбГУ, значится 70 научных докладов (https://events.spbu.ru/events/anons/slavconf/program.html).

Научное направление «Русский язык в Славии» (руководитель секции – профессор СПбГУ В. М. Мокиенко) было представлено на двух заседаниях конференции, где прозвучало 17 докладов. Доклад д.ф.н., проф., профессора кафедры славянской филологии СПбГУ *В. М. Мокиенко* «Библейское крылатое слово в Славии» был посвящен сопоставительному анализу наиболее употребительных славянских библеизмов. Профессор Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Белоруссия), д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики *Е. Е. Иванов* представил доклад «Теория и практика русско-иноязычной паремиографии (большие переводные русско-белорусский и белорусско-русский словари пословиц)», в котором определил количество и содержание зон лексикографического описания пословиц в двуязычном словаре с опорой на «принцип лексикографической полноты» Б. А. Ларина. *Л. Б. Карпенко*, д.ф.н., проф., профессор Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королёва, прочитала доклад «О системных расхождениях при переводе с русского языка на болгарский», подготовленный на материале перевода романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на болгарский язык. Совместный доклад главного научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), д.ф.н. *Г. И. Кустовой* и профессора кафедры славянской филологии СПбГУ, д.ф.н., проф. *Е. Ю. Ивановой* «Русско-болгарские посессивные модели и их трансформация» был подготовлен на материале выборки

из параллельного русско-болгарского и болгарско-русского корпуса художественных текстов на платформе НКРЯ (https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=bul). Совместный доклад коллег из Университета им. свв. Кирилла и Мефодия (Скопье, Северная Македония) д.ф.н. *Бобана Карапейовского*, доцента филологического факультета им. Блаже Конеского, и д.ф.н. *Эмила Ниами* (Русский центр) назывался «Показните заменки во рускиот и во македонскиот јазик како експоненти на категоријата определеност». В докладе профессора кафедры славянской филологии СПбГУ, д.ф.н., проф. *М. Ю. Котовой* «Именная вариантность активно употребительных русских пословиц на фоне их актуальных словацких пословичных параллелей» была продемонстрирована общность русской и словацкой паремиологической вариантности на материале результатов авторских социолингвистических паремиологических экспериментов. Профессор кафедры славянской филологии СПбГУ, д.ф.н., проф. *Е. Ю. Иванова* в своем докладе «Оценочная глагольная лексика: грамматические ограничения и проблемы перевода» показала, как влияют на возможность выбора переводческого соответствия грамматические особенности глаголов поведения. *Т. В. Никитенко*, к.ф.н., доц., зав. кафедрой теории и практики перевода Белорусского государственного университета (Минск) для своего доклада выбрала тему «Влияние урбанизации на аксиологическую динамику слова (на примере фрагмента тезауруса, обозначающего неупорядоченную группу людей)». Доцент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск), к.ф.н., доц. *С. А. Кабанова* в докладе «“Язык тела” в изображении эмоционального состояния радости в русском и сербском языках» привлекла внимание слушателей выявлением и классифицированием симптоматических показателей радости на материале описаний в русской и сербской прозе. *А. П. Вяльсова*, к.ф.н., доц., доцент кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва) выступила онлайн с докладом «Оборот “дательный самостоятельный” в славянском переводе “Пчелы” и современный деепричастный оборот в функции оформления речи». Доцент Удмуртского государственного университета (Ижевск), к.ф.н. *Л. Ф. Килина* представила доклад «Особенности функционирования русских и польских прилагательных, образованных от существительных *čelověkъ и *l'udъ/*l'udь». Доклад к.ф.н., доц., доцента кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета *С. А. Попова* «Следы украинского языка в исчезнувших ойконимах России» прозвучал онлайн.

Доцент кафедры славянской филологии СПбГУ, к.ф.н. *О. С. Сергиенко* прочитала доклад «Вариантность русских пословиц паремиологического минимума с компонентом *собака* и их чешские пословичные параллели», подготовленный на материале паремиологического минимума 2022 г. Совместный доклад к.ф.н., доц. *О. В. Раина*, доцента кафедры славянской филологии СПбГУ, и студентки бакалавриата *А. В. Петровой* назывался «К вопросу о переводе на польский язык рассказа А. П. Чехова “Каштанка”». В совместном докладе магистрантки СПбГУ *Е. С. Столяровой* и преподавателя кафедры славянской филологии СПбГУ *Кристины Новаковой* «Пословицы из комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума” (на фоне словацкого и английского переводов)» отмечено использование переводчиками методов описательного перевода и калькирования русских пословиц. Доклад соискателя, специалиста-тестора СПбГУ *М. А. Пономаревой* «Отрицательный трансфер в русской речи носителей чешского языка (на материале устных и письменных ответов ТРКИ)» был встречен с большим интересом. *А. И. Францева*, аспирант СПбГУ, представила доклад «Русская и чешская языковые картины мира на материале сопоставления компонента башня (колокольня, каланча, звонница, турусы) / věž в русской и чешской паремиологии и фразеологии».

Научное направление «Межкультурные контакты славянского мира» (руководители секции – профессор СПбГУ М. Ю. Котова и доцент СПбГУ О. В. Гусева) было представлено на трех заседаниях конференции, где прозвучало более двадцати докладов: *Е. Е. Бразговской*, д.ф.н., проф., профессора РХГА им. Ф. М. Достоевского «О совершенстве несовершенных языков (по страницам текстов славяноязычных авторов)»; *Н. Н. Стариковой*, д.ф.н., проф., зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН «“…я писал стихи, чтобы выжить, и выжил лишь потому, что писал стихи”: феномен Йосипа Ости»; совместный доклад *М. Ю. Котовой*, д.ф.н., проф., профессора кафедры славянской филологии СПбГУ, и аспирантки СПбГУ *А. В. Русан* «Иноязычные вкрапления в транснациональном романе: переключение кодов или способ самовыражения автора?»; *О. А. Остапчук*, к.ф.н., доц., доцента МГУ им. М. В. Ломоносова «Деепричастия несовершенного вида в пространстве переводного текста (на материале русского, польского и украинского языков)»; *Н. Г. Голант*, к.и.н., старшего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Заметки об экспедиции к банатским болгарам (с. Иваново общины Панчево, Сербия)»; *А. А. Индыченко*, к.ф.н.,

научного сотрудника отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН (Москва) «Этноботаническая информация о России в трудах основоположника чешской научной терминологии Я. С. Пресла (1790–1849) и ее источники»; *Н. Б. Ершовой*, к.ф.н., доцента РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) «Пьесы А. Н. Островского на английской сцене»; совместный доклад *М. С. Хмелевского*, к.ф.н., доцента кафедры славянской филологии СПбГУ, *А. В. Савченко*, к.ф.н., приглашенного профессора государственного университета Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань), и *И. В. Кузнецовой*, к.ф.н., доц., доцента Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (Чебоксары) «Славянские микроэтносы в современной Воеводине: этнолингвокультурологический аспект»; *О. В. Гусевой*, к.ф.н., доц., доцента кафедры славянской филологии СПбГУ «Стратегии переводчиков в переводе драм Станислава Пшибышевского на русский язык»; *А. В. Тоичкиной*, к.ф.н., доцента кафедры славянской филологии СПбГУ «Значение А. С. Пушкина для творчества П. А. Кулиша»; *А. В. Бабанова*, к.ф.н., доц., доцента кафедры славянской филологии СПбГУ «“Машина времени” в славянских литературах 20-х – 30-х гг. XX века (А. Слонимский, В. В. Маяковский, М. А. Булгаков)»; совместный доклад *И. И. Куимова*, магистранта СПбГУ, и *О. В. Гусевой*, к.ф.н., доц., доцента кафедры славянской филологии СПбГУ «Варшавский текст в современной польской музыке»; доклад *И. В. Гучковой*, к.ф.н., старшего преподавателя кафедры славянской филологии СПбГУ «Устойчивые выражения в проповедях Г. Ст. Венцловича на сербском народном языке (XVIII в.), восходящих к барочной гомилетике Л. Барановича и И. Галятовского»; доклад *Галины-Марии Мичич*, магистра, ассистента филологического факультета Университета в Баня-Луке, Республика Сербская (Босния и Герцеговина) «Рецепција приче “Спавај” В. Пељевина међу студентима филолошког факултета универзитета у Бањој Луци»; доклад *Г. И. Велева*, лектора болгарского языка Будапештского университета им. Лоранда Этвёша «Болгары на страницах журнала “Туран”»; совместный доклад *И. Е. Зимони-Калининой*, члена организации “International Association of Paremiology (AIP-IAP)”, и *Б. Ивани*, МА, независимых исследователей (Будапешт, Венгрия) «О рецепции произведений русских авторов в театрах современной Венгрии»; доклад аспиранта МГУ им. М. В. Ломоносова *В. В. Старковой* «Раннее творчество И. Цанкара и русский критический реализм»; специалиста по учебно-методической работе МГУ им. М. В. Ломоносова *А. А. Широковой* «Флоронимы-композиты в современном

литературном русском языке (на фоне флоронимов польского, украинского и белорусского языков)»; аспиранта СПбГУ *А. В. Юровой* «Возможности перевода фразеологизмов с польского на русский язык (на материале польских народных сказок из собрания О. Кольберга)».

На заседании секции «Актуальные проблемы изучения истории славяноведения» (руководители – доценты Института истории СПбГУ к.ф.н. Е. А. Беседина и к.ф.н., доц. Т. М. Буркова) было представлено 9 докладов, ниже перечислим докладчиков и названия докладов: *Л. М. Аржакова*, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва), «Русско-польские научные контакты XIX столетия»; *Димитар Пандев*, PhD, профессор Филологического факультета «Блаже Конески» (Скопье, Северная Македония), «Дејноста на Крсте Петков Мисирков и Македонското Научно-литературно другарство на фонот на руската императорска наука и публицистика»; *Е. А. Беседина*, к.и.н., доцент Института истории СПбГУ и Т. В. Буркова, к.и.н., доц., доцент Института истории СПбГУ, «Визуализация исторической памяти: поляки в России»; *А. Ю. Пескова*, к.ф.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва), «Переломные моменты словацкой истории в зеркале современной драматургии и театра»; *Н. А. Лунькова*, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва), младший научный сотрудник Института истории СПбГУ, «О восприятии Ф. М. Достоевским национально-освободительной борьбы на Балканах: некоторые аспекты детской темы в “Дневнике писателя”»; *Н. Д. Голубятникова*, книгохранитель Библиотеки Свято-Троицкой Александро-Невской лавры (Санкт-Петербург), «Памятные места академика В. И. Ламанского в Санкт-Петербурге»; *Саймон Д. Эдмондс*, BA, преподаватель гимназии “Futurum” в г. Кошице (Словакия), и *Кристина Новакова*, MA, преподаватель кафедры славянской филологии СПбГУ (Словакия / Россия), «Slovaks in the Medieval Kingdom of Hungary: Disputes and Developments».

Особо следует отметить два доклада к 100-летнему юбилею Г. И. Сафронова: совместный доклад доцентов кафедры славянской филологии СПбГУ к.ф.н., доц. *М. Л. Бершадской* и к.ф.н., доц. *А. В. Бабанова* «К 100-летию со дня рождения Германа Ивановича Сафронова» и доклад к.ф.н., старшего преподавателя кафедры славянской филологии СПбГУ *А. А. Корзининой* «Вклад Г. И. Сафронова в развитие изучения славянских литературных взаимосвязей. Слово к молодому поколению славистов-литературоведов к 100-летию ученого».

Секция «Славянская филология сегодня: лингвистика, литературоведение, методика преподавания» (председатели заседаний

секции – д.ф.н., главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) Г. И. Кустова; к.ф.н, доц., доцент кафедры славянской филологии СПбГУ В. В. Мущинская; к.ф.н., старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) М. М. Кондратенко; к.ф.н., старший преподаватель кафедры славянской филологии СПбГУ А. Г. Мосинец) на нескольких заседаниях заслушала 14 докладов. Славянской грамматике было посвящено три доклада: доклад *Г. И. Кустовой* «Личные субстантиваты в тексте: синтаксические и семантические механизмы компрессии»; доклад к.ф.н., старшего преподавателя филологического факультета Университета в Белграде, преподавателя кафедры славянской филологии СПбГУ *Драганы Керкез* «Конструкција за + инфинитив у српском»; доклад *А. Г. Мосинец* «Фразеологизированные конструкции обусловленности с целевыми союзами в болгарском языке».

Несколько докладов было подготовлено в рамках лексикологии и лексикографии славянских языков: *В. В. Мущинской* «Роль “Словаря украинского языка” под редакцией Б. Гринченко в кодификации украинского языка»; *М. М. Кондратенко* «Особенности манифестации дополнительных сем в славянских народных обозначениях времени»; к.ф.н., доцента кафедры славянской филологии ПСТГУ *Е. Е. Серегиной* «Бразда vs бразда: история слов и их функционирование в русском литературном языке и в церковнославянских текстах».

Слушателям было предложено три доклада по лингвокультурологии: совместный доклад д.ф.н., проф., профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта *Т. М. Шкапенко* и к.ф.н., старшего преподавателя Балтийского федерального университета им. И. Канта *Е. В. Шаповаленко* «Особенности лексической экспликации уважения в польском языке»; к.ф.н., доцента кафедры РКИ Казанского (Приволжского) федерального университета *Е. И. Колосовой* «Устойчивые сочетания с глаголом *mieć* в польском молодежном сленге»; доктора наук, доцента Института болгарского языка Болгарской академии наук *Й. Х. Кириловой* «Скромността – ценност или антиценност за съвременния българин».

Несколько докладов было сделано на стыке фразеологии, паремиологии и лингвокультурологии: д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины *Е. В. Ничипорчик* «Структура тематического объединения “Бог. Вера. Бязвер’е” в электронном словаре белорусских паремий»; совместный доклад старшего

преподавателя кафедры славянской филологии СПбГУ *Н. В. Сивенковой* и магистранта СПбГУ *А. С. Абрамкиной* «Лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-антропонимом (на материале русского, болгарского, польского, английского и французского языков)»; доклад *Н. В. Сивенковой* «Лингвострановедческие нюансы интерпретации некоторых болгарских фразеологизмов и паремий».

На заключительном пленарном заседании, посвященном методике преподавания, были заслушаны онлайн-доклад старшего преподавателя МГУ им. М. В. Ломоносова *Е. В. Тимониной* «Готовим болгаристов-исследователей» и коллективный доклад преподавателей кафедры славянской филологии СПбГУ *В. М. Мокиенко*, *В. В. Мущинской* и *А. В. Тоичкиной* «Украинистика на кафедре славянской филологии СПбГУ».

На последовавшем после пленарных докладов круглом столе, посвященном вопросам методики преподавания славянских языков в университетах России, выступили проф. Л. Б. Карпенко (о преподавании болгарского языка для студентов-русистов в Самаре), доц. С. А. Кабанова (о преподавании сербского языка для студентов-русистов в Саранске), проф. Т. М. Шкапенко (о преподавании польского языка в Калининграде) и преподаватели кафедры славянской филологии СПбГУ с краткой справкой о состоянии преподавания славянских языков в СПбГУ: проф. Е. Ю. Иванова (болгарского языка), проф. М. Ю. Котова (чешского и словацкого языков), доц. А. В. Бабанов (польского языка), старший преподаватель к.ф.н. А. Г. Мосинец (македонского языка), ассистент А. В. Некрасова (сербского языка). Участники развернувшейся вслед за этими выступлениями дискуссии подчеркивали необходимость подобных встреч для обмена опытом и информацией о перспективах развития славистической проблематики в различных вузовских славистических центрах.

Закрывая конференцию, зав. кафедрой славянской филологии доц. О. В. Раина поблагодарила всех докладчиков за выступления и участие в дискуссиях и выразила надежду на встречу в СПбГУ через два года, в 2026 г., на следующих XXIV Славистических чтениях памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова.

Всего в конференции приняли участие слависты из девяти городов России и из десяти зарубежных городов, представляющие 30 российских и зарубежных академических и образовательных учреждений (в том числе 30 участников от СПбГУ, 30 внешних российских участников и 17 иностранных участников). В течение конференции

в аудиториях присутствовали также учащиеся образовательных программ бакалавриата и магистратуры филологического факультета, которые принимали участие в дискуссиях.

Доклады продемонстрировали преемственность наследия славистической школы СПбГУ в научной среде.

Можно резюмировать, что все предложенные программным комитетом темы вызвали интерес у докладчиков, а именно: в рамках направления «Русский язык в Славии» – вопросы морфологии и синтаксиса русского языка в сопоставлении со славянскими языками; актуальные проблемы сопоставительных русско-славянских лексикологии, фразеологии, паремиологии и лингвокультурологии; русско-славянская лексикография, фразеография и паремиография; развитие теории и практики перевода в России и славянских странах; проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы на университетских курсах; в рамках направления «Межкультурные контакты славянского мира» – межславянские культурные контакты; проблема культурного трансфера в интеллектуальном пространстве славянского мира; феномен транснациональной прозы; вопросы межславянского перевода и взаимосвязи славянских культур; история переводной художественной литературы славянских стран и компаративистские проблемы перевода; актуальные проблемы теории и практики литературного перевода; проблема рецепции в пространстве славянских литератур; восприятие русской культуры и других славянских культур в неславянских странах; театр и кинематограф славянского мира; традиции национальных театров славянских стран; восприятие славянской драматургии и кинематографа на неславянской почве; проблемы сравнительно-исторического изучения и преподавания славянских литератур и сопоставительного славянского литературоведения на университетских курсах; в рамках направления «Актуальные проблемы изучения истории славяноведения» – интеллектуальная история в славянском мире; общественно-политическая мысль славян в эпоху Национального возрождения; межславянские культурные связи от Средневековья к Новому времени (специфика и проблемы изучения); национальная идентичность славян в инокультурной среде полиэтничных монархий, трансформация прошлого в настоящем в современных славянских странах и др.

На веб-странице конференции на сайте СПбГУ указана ссылка на электронный сборник тезисов докладов конференции (редакторы – доц. О. В. Гусева и проф. М. Ю. Котова), выпущенный накануне Издательством СПбГУ (https://dspace.spbu.ru/handle/11701/47468).

Сборник интересен славистам широкого профиля: филологам, лингвистам, литературоведам, культурологам, переводчикам, педагогам, историкам, а также студентам и аспирантам филологических специальностей. Языки тезисов: русский, английский и все славянские.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.24

M. Yu. Kotova, O. V. Raina

International Scientific Conference
“XXIII Slavistics Readings in Memory
of Professor P. A. Dmitriev and Professor G. I. Safronov”

Marina Yu. Kotova
Doctor of Letters, professor
Saint Petersburg State University
199034, Universitetskaya Embankment 7–9, St Petersburg,
Russian Federation
E-mail: m.kotova@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-0861-8652

Olga V. Raina
Candidate of Letters, associate professor
Saint Petersburg State University
199034, Universitetskaya Embankment 7–9, St Petersburg,
Russian Federation
E-mail: o.raina@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-6281-8148

Citation
Kotova M. Yu., *Raina O. V.* International Scientific Conference “XXIII Slavistics Readings in Memory of Professor P. A. Dmitriev and Professor G. I. Safronov” // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 470–480 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.24

Received: 29.10.2024.

УДК 94(475.5)
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.25

А. Ю. Перетятько

XVIII международная научно-практическая конференция «Словакия, славяне и их соседи: история, международные отношения, культура»

Перетятько Артем Юрьевич
Кандидат исторических наук, старший преподаватель
Южный федеральный университет
344006, ул. Большая Садовая, д. 105/42, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Цитирование
Перетятько А. Ю. XVIII международная научно-практическая конференция «Словакия, славяне и их соседи: история, международные отношения, культура» // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 481–484. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.25

Текст поступил в редакцию 10.11.2024.

26 октября 2024 г. в Краснодаре состоялась XVIII международная научно-практическая конференция «Словакия, славяне и их соседи: история, международные отношения, культура», приуроченная к 80-летию Словацкого национального восстания.

Следует пояснить, что в Кубанском государственном университете (КубГУ) много лет функционирует Центр славянских исследований, бессменными руководителями которого являются Э. Г. Вартаньян и О. М. Матвеев. С 2008 г. Центром регулярно проводятся конференции, имеющие различные названия, но общую нумерацию.

Подобный интерес к славяноведению именно на Кубани далеко не случаен. Изучение славян развивалось в различных регионах России неравномерно, и даже некоторые крупные университетские центры не имеют собственных славяноведческих школ. Однако в Краснодаре еще в советское время сложилась школа исторической болгаристики, созданная профессором Д. Г. Песчаным, одной из учениц которого является Э. Г. Вартаньян. Таким образом, кубанское славяноведение опирается на давнюю традицию, и для него характерна

очевидная преемственность с традиционным еще для Российской империи восприятием славянства, с верой в своеобразное славянское единство.

Подобная вера в славянское единство находит свое отражение и в логике организации конференций. Конференция посвящается в первую очередь какому-то конкретному сюжету (чаще всего – прошлому отдельного славянского народа), причем это посвящение обычно связано с юбилеем знакового исторического события. Доклады по этой определяющей тематике составляют тематическое ядро конференции, окруженное докладами, посвященными другим сюжетам из истории славянских народов.

В этом году в сборник материалов конференции вошли доклады ученых из Болгарии, Чехии, Беларуси и целого ряда регионов России (кроме Краснодарского края – из Москвы, Адыгеи, Новосибирской и Ростовской областей), однако не все смогли принять участие в конференции очно.

Первая группа докладов была посвящена истории Словакии и словаков. В частности, прозвучали выступления *И. А. Иванникова* (Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции) «Влияние Словацкого восстания 1944 года и европейских интеграционных процессов на государственно-правовое развитие Словакии в первой четверти XXI в.»; *Э. Г. Вартаньян* «Формирование словацкого национального языка и литературы: к истории вопроса»; *О. В. Матвеева* «Словацкий след в истории населенных пунктов Краснодарского края»; *В. В. Кульбашного* (КубГУ) «Словацкое национальное движение в конце XVIII – начале XX вв.»; *И. В. Киселева* (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А. К. Серова) «Советская пропаганда и словацкая моторизованная дивизия в период битвы за Кавказ 1942–1943 гг.» и *Е. Д. Подвальнова* (Историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына) «Словацкие и чешские центры по изучению Руси в XXI в.». Несмотря на широкий тематический диапазон докладов, в большинстве из них звучала мысль о существовании значимых исторических связей между русскими и словаками. В то же время в некоторых выступлениях подчеркивались и определенные проблемы коммуникации, возникавшие между этими народами и прежде. В этом отношении особенно интересным был доклад И. В. Киселева, который на основе архивных документов показал, что в 1943 г. словацкая моторизованная дивизия и ее командир Ш. Юрех были готовы перейти на советскую сторону и вели соответствующие переговоры, но этого не произошло

в том числе и из-за ошибок советской пропаганды, ориентированной на «чехословацкий народ» и игнорировавшей особую словацкую идентичность.

Вторую группу составили выступления, связанные с событиями Второй мировой войны (обратим внимание, что некоторые перечисленные выше доклады также можно отнести к этой группе). Речь идет о докладах *А. Г. Иванова* (КубГУ) «Английская гарантия Польше в 1939 г. Военно-стратегические и политические аспекты»; *В. В. Зыкина* (КубГУ) «Переговоры военных миссий СССР, Великобритании и Франции в августе 1939 г. Позиция Польши» и *А. В. Баранова* (КубГУ) «Вопрос о статусе Закарпатской Руси в международных отношениях 1944–2014 гг.». В данных выступлениях нашли развитие традиционные для российской историографии темы и оценки. В частности, анализировались ошибки польского правительства, приведшие к трагическим для Польши событиям сентября 1939 г. Отдельно отметим выступление А. В. Баранова, посвященное тому, что после вхождения Закарпатья в состав УССР этот самобытный регион, населенный русинами, так и не получил автономию.

Нам представляется заслуживающим внимания, что среди перечисленных докладчиков преобладали ученые старшего поколения. Большинство же молодых исследователей обратилось не к традиционной событийной истории, но к анализу тех или иных текстов, тем самым образовав третью группу докладов. Ее составили выступления *И. Ю. Непряхина* (Высшая школа экономики) «Полемика с “еретиками” в православных Евангелиях Учительных Великого княжества Литовского во второй половине XVI в.»; *А. Ю. Перетятько* (Южный федеральный университет) «Славянские народы в “Обозрении Австрийской империи” И. Ланге (1854 г.)»; *В. В. Слободенюк* (Кубанский государственный университет) «Социокультурные особенности кавказских народов в записках польского эмиссара Теофила Лапинского в 1850-е годы»; *И. С. Биткова* (КубГУ) «Произведения Г. П. Максимова (1933–1939 гг.) и международные отношения: к вопросу об угрозе мирового конфликта» и *А. В. Ермошиной* (КубГУ) «Этнополитический конфликт в Хорватии (1991–1995) в фокусе фольклора». Как нам представляется, младшее поколение ученых подобным образом демонстрирует свое желание внести новое в науку не путем сомнения в фактах, установленных их учителями, но путем обращения к новым методам и сюжетам, отдавая предпочтение не классической истории событий, а истории идей. В результате получилась пестрая мозаика докладов, в которых трудно выделить что-то общее,

кроме интереса к духовной жизни славянства во всех ее проявлениях, от типичных до уникальных. В этом отношении особенно показательна оппозиция между темой выступления И. С. Биткова, анализировавшего экзотичные взгляды сравнительно малоизвестного анархиста, и темой выступления А. В. Ермошиной, сумевшей показать значительное сходство между песнями воевавших друг с другом в 1991–1995 гг. сербов и хорватов.

Проведенная конференция показала, что Краснодар остается заметным центром славяноведения на Юге России. При этом, что особенно ценно, мероприятие продемонстрировало характерные черты кубанского славяноведения, а именно неразрывную связь со славянофильской традицией и акцент на изучение общего, а не различий между славянами.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.25

A. Yu. Peretyatko

XVIII International Scientific-Practical Conference “Slovakia, the Slavs and Their Neighbors: History, International Relations, Culture”

Artyom Yu. Peretyatko
Candidate of History, senior lecturer
Southern Federal University
344006, Bolshaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Citation
Peretyatko A. Yu. XVIII International Scientific-Practical Conference “Slovakia, the Slavs and Their Neighbors: History, International Relations, Culture” // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 481–484 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.25

Received: 10.11.2024.

УДК 93/94
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.26

М. Ю. Дронов, С. М. Слоистов

Международная научная конференция «XVII Чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко)»

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Слоистов Сергей Михайлович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование
Дронов М. Ю., Слоистов С. М. Международная научная конференция «XVII Чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко)» // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 485–488.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.26

Текст поступил в редакцию 04.02.2025.

6 декабря 2024 г. на базе Минской духовной семинарии (МинДА), располагающейся в агрогородке Жировичи Слонимского района Гродненской области, состоялись очередные, XVII-е, Чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко; 1798–1868), приуроченные на этот раз к 185-летию Полоцкого церковного собора (1839 г.). Соорганизаторами мероприятия выступили Синодальная историческая комиссия (СИК) Белорусской православной церкви (Белорусского экзархата Русской православной церкви), Минская духовная академия им. свт. Кирилла Туровского (МинДА) и Центр евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета (РГСУ) в Минске.

Торжественному открытию конференции предшествовала лития по приснопамятному митрополиту Иосифу и его сподвижникам

в деле воссоединения униатов с православием, а также общее фотографирование участников, проведенные в Трехсвятительском семинарском храме.

Председатель СИК протоиерей Александр Романчук огласил приветственное слово к участникам Чтений митрополита Минского и Заславского Вениамина – Патриаршего экзарха всея Беларуси. После этого с приветствиями выступили ректор МинДС протоиерей Виктор Василевич, Генеральный консул РФ в Бресте О. Ю. Мурашев и Генеральный консул РФ в Гродно Ф. А. Владышевский.

Всеобщее внимание привлекла презентация книги заведующего Лабораторией церковного краеведения МинДС протодиакона Павла Бубнова «К радости вечной: Жировичская чудотворная икона Божией Матери и Жировичская Успенская обитель в 1470–1845 гг.» (Жировичи: Издательство МинДС, 2024. 232 с.). Основанная на богатом архивном материале монография раскрывает перед нами летопись этой знаковой для белорусской истории монашеской обители. Автор детально рассматривает сюжеты, связанные с захватом монастыря сторонниками Брестской церковной унии, деятельность базилиан в Жировичах, роль этого центра духовной жизни в деле возвращения униатов в православие.

В рамках пленарного заседания прозвучало шесть научных докладов. Заместитель директора Института политических исследований (г. Белград, Сербия) *Зоран Милошевич* выступил с темой «О континуитете антиславянской и антиправославной деятельности Фанара». Болгарская исследовательница *Дарина Григорова* (Софийский университет им. св. Климента Охридского) по видеосвязи поделилась размышлениями о межконфессиональных отношениях в Белоруссии в 1980–1990-е гг. Затем последовали выступления сразу трех представителей МГУ им. М. В. Ломоносова: «Внешняя политика России в канун Полоцкого церковного собора 1839 г.» *О. Р. Айрапетова,* «Взгляд на Церковь, Православие и унию в интеллектуальных кругах России накануне 1839 г.» *Ф. А. Гайды* и «Западный край и Царство Польское в контексте национальной и конфессиональной политики Александра III» *А. Ю. Полунова*. В заключение выступила *А. А. Комзолова* (Институт научной информации по общественным наукам РАН), осветившая роль Д. Н. Блудова в правительственной политике в отношении католиков и униатов в 1830-х гг.

Конференция продолжила работу после обеденного перерыва в рамках двух секций: «Православие в истории белорусских земель» и «Православие в истории России и славянских народов».

Модераторами первой секции выступили о. П. Бубнов и о. А. Романчук. Заседание открыло выступление *иерея Алексия Хотеева* (Институт истории НАН Беларуси) о мемуарных источниках по истории духовного образования в белорусских епархиях в XIX столетии. Проректор по научной работе Смоленской духовной семинарии (СДА) *А. Ф. Гавриленков* представил доклад «Кирилл Терлецкий как стяжательский и конформистский тип личности». Коллега этого докладчика по СДА *О. В. Терехина* сосредоточила внимание на освещении Польского восстания 1863 г. в иностранной прессе. *А. А. Адылов* (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград) выступил с докладом «Белорусская гражданская и конфессиональная история в окружении монументального искусства Калининградской области». *В. В. Сушко* (Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина; Белорусское общество «Знание») поведала о современных государственно-религиозных отношениях в Республике Беларусь. В свою очередь протоиерей *А. Романчук* выступил на тему «Упразднение церковной унии на белорусских землях в 1839 году в свете современной церковно-исторической науки».

Авторам настоящей информации довелось работать во второй секции. Ее заседание открыла презентация *Даяны Лазаревич* (Институт политических исследований) о судьбах русских православных храмов на территории Сербии. *М. Ю. Дронов* (ИСл РАН) выступил с докладом «Архимандрит Владимир (Терлецкий, 1808–1888): материалы московских архивохранилищ». Профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва) *В. И. Петрушко* по видеосвязи поделился своими изысканиями о судьбе первого православного епископа Львовского Макария (Тучапского). *С. М. Слоистов* (ИСл РАН) представил компаративный анализ итогов Полоцкого (1839) и Пряшевского (1950) воссоединительных церковных соборов. *А. И. Филимонова* (Московский гуманитарный университет) сделала доклад на тему «Этноинженеринг, геноцид и Католическая акция Алойзия Степинца». *А. Д. Гронский* (Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН) проанализировал духовную и культурную историю Древней Руси на страницах украинских школьных учебников.

Отрадно констатировать, что научный и организационный уровень проведения Чтений памяти митрополита Иосифа повышается год от года. Значительную роль в этом играет, кроме прочего, активное привлечение к участию в этих ежегодных конференциях представителей светской науки – как из Белоруссии, так и из России и дальнего

зарубежья. Существенный вклад в организацию работы Чтений вносят сербские коллеги. В частности стоит отметить их роль в издании конференционных материалов (см. том по результатам Чтений 2023 г.: Православный белорусско-балканский сборник. Материалы международной научной конференции XVI Чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко, 1798–1868) / ред. Зоран Милошевич. Белград; Жировичи; Минск: Донат Граф (Белград), 2024. 236 с.).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.26

M. Yu. Dronov, S. M. Sloistov

International Scientific Conference “XVII Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)”

Mikhail Yu. Dronov
Candidate of History, research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov
Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation
Dronov M. Yu., Sloistov S. M. International Scientific Conference “XVII Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)” // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 485–488 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.26

Received: 04.02.2025.

УДК 821.16
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.27

Е. В. Шатько

Научная конференция «Поэтика пространства в художественной практике современных авторов ЦЮВЕ»

Шатько Евгения Викторовна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: eshatko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9467-8987

Цитирование
Шатько Е. В. Научная конференция «Поэтика пространства в художественной практике современных авторов ЦЮВЕ» // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 489–494. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.27

Текст поступил в редакцию 15.03.2025.

10–11 декабря 2024 г. в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) и на платформе Zoom состоялась научная конференция, задачей которой стало рассмотрение круга проблем, касающихся аспекта «переживания пространства» в художественных текстах авторов региона Центральной и Юго-Восточной Европы после 1989 г. Среди предложенных к обсуждению тем предполагались онтологическое, аксиологическое, экзистенциальное значение пространственных / топологических категорий как предмета авторской рефлексии; способы и специфика воплощения художественного пространства в литературном тексте (субъектность, фрагментарность, иерархичность и др.); моделирование пространства как принцип жанровой и/или нарративной стратегии текста; пространственные оппозиции, доминанты, дискурсы; пространственная структура художественного произведения и авторская позиция; трансформация авторской концепции пространства на разных этапах творчества.

Первый день конференции открывал доклад *И. Е. Адельгейм* (ИСл РАН) «“Путешествовать, (не) спотыкаясь об историю…”: Центральная Европа и Балканы в травелогах Анджея Стасюка», посвященный связанной с пространством центральноевропейской провинции и Балкан путевой прозе польского писателя. Ключевыми для восприятия повествователем периферии Центральной и Юго-Восточной

Европы оказываются категории распада и безвременья, а текстообразующими эмоциями – меланхолия и страх. Рассматриваются способы реконструкции пути и памяти о нем, самоощущение повествователя как *своего* / *чужого* по отношению к переживаемому пространству, а также, с одной стороны, попытка избежать исторической перспективы, с другой – опыт столкновения с Историей. «Польский» раздел мероприятия продолжил доклад *М. О. Жировой-Лубневской* (ФБУ им. И. Канта) «Место, пространство, повествование. Пограничные миры Ольги Токарчук в романе “Дом дневной, дом ночной”», анализирующий произведение с точки зрения концептов «дом», «граница», «место». Исследовательница приходит к выводу, что образ границы в романе семантически многозначен, наделен пространственным и экзистенциальным значением. Место же формируется через восприятие, подсознательные связи, ассоциации и истории, которые возникают между человеком и местом. Дом в романе воспринимается как пространство идентичности. *И. А. Либина* (МГУ им. М. В. Ломоносова) посвятила свое выступление пространству живых и мертвых в романе В. Мысливского «Трактат о лущении фасоли», романе-монологе, повествующем об индивидуальной человеческой судьбе, в которой отражена судьба универсальная. Процесс лущения фасоли служит поводом для того, чтобы рассказ, наделенный в пространстве романа жизнеутверждающей функцией, состоялся. Память как основной структурообразующий элемент художественного пространства обладает, согласно авторской философии, созидательным потенциалом, что позволяет нарратору воскресить образ места, стертого с лица Земли в результате событий большой Истории. *А. Г. Шешкен* (МГУ им. М. В. Ломоносова) в своем докладе выделила ряд художественных особенностей поэзии Блаже Конеского, которые дают возможность говорить о многофункциональности художественного пространства в его творчестве. Изображение пространства приобретает особую значимость в пейзажной, патриотической и философской лирике поэта и для воплощения образа Македонии в целом.

Е. Н. Ковтун (ИСл РАН, РГГУ) проанализировала представления российских, зарубежных славянских, западноевропейских и североамериканских фантастов XX–XXI вв. о пространственных характеристиках Мира Посмертия, в котором протекает потенциально возможная для человека «жизнь после жизни». Пространство посмертия обладает, с одной стороны, устойчивым набором семантических признаков, а с другой – изменчивостью и иллюзорностью, что позволяет авторам создавать причудливые фантастические локусы,

максимально варьирующиеся по масштабам и совмещающие в себе социально-фантастические и фэнтезийные мотивы. *Т. А. Протасов* (ТГУ) в своем докладе представил анализ историко-фантастического цикла А. Сапковского «Сага о Рейневане», уделив основное внимание соотношению исторического событийного фона (Гусситские войны 1419–1434 гг. в Чехии) и нереальных элементов, которые создают уникальное сочетание фантастического вымысла в историческом сеттинге. *С. Н. Аверкина* (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) посвятила свое выступление глубокому анализу замкнутого и разомкнутого пространства в текстах немецкоязычных классиков от Адальберта Штифтера, Франца Кафки до Вальтера Беньямина. В докладе *Л. Ф. Широковой* (ИСл РАН) была показана многомерность пространства (прежде всего городского) в произведениях Павла Виликовского, отмечены повторяющиеся в его произведениях мотивы, элементы и образы духовного и материального пространства. Братислава в его книгах выглядит как палимпсест; писателя привлекает историческая многослойность города.

Н. М. Куренная (ИСл РАН) показала разнообразие воплощения мотива «Полесья» на материале трех белорусских произведений, в которых отразилась художественная трансформация темы полесского пространства в национальной литературе за сто лет – от реалистического романа «На росстанях», трилогии «Полесская хроника» Ивана Мележа, продемонстрировавшей целенаправленное желание автора отойти от соцреалистического канона 1950–1960-х гг., до иронически-фантастического романа «Сфагнум» Виктора Мартиновича. В докладе *Н. Н. Стариковой* (ИСл РАН) «Образы пространства как элемент нарративной стратегии (“Атласы ностальгии” Бориса А. Новака)» на материале первого тома поэтического эпоса рассматривался один из ключевых элементов авторской нарративной стратегии. Являясь, с одной стороны, «несущей конструкцией», каркасом повествования, определенные локусы служат для реконструкции реальных эпизодов из жизни поэта, членов его семьи, родной страны, Европы в целом в контексте минувшей и длящейся эпохи. *Е. В. Байдалова* (ИСл РАН) проанализировала художественный концепт «граница» в поэзии и прозе Сергея Жадана, тесно связанный с мотивом путешествия, дороги, вечного движения, ведущего в том числе из города и в город, на границу и от границы. В прозе и поэзии 2010-х гг. концепт «граница» становится более фундаментально связан с геополитическими, историческими, этнопсихологическими реалиями, находящимися вне литературного произведения. Категории пространства

в лирике И. Г. Крховского посвятила свой доклад *Л. А. Винокурова* (МГУ им. М. В. Ломоносова), в нем она рассмотрела эволюцию категории пространства в творчестве чешского поэта в контексте изменений его поэтики в 1980–1990-х гг.: после 1989 г. усиливается поэтика хаоса и разочарования.

Д. К. Поляков (ИСл РАН) представил анализ книги эссе сербского писателя Драгана Великича «Yu-тлантида», в которых тот последовательно отвергает поляризацию пространства и заявляет о нефункциональности многих сложившихся оппозиций в отношении к нему. По Великичу, главная ценность Югославии – в совместном культурном творчестве населяющих ее народов. А в докладе «“Соединенные Югославские Штаты” – отражение югославского пространства в творчестве Зорана Джинджича» *Д. Секулович* (НИУ ВШЭ) проанализировал, каким образом философ конструировал постъюгославское пространство для осмысления национальной идентичности в контексте распада Югославии. *Е. В. Шатько* (ИСл РАН) в своем выступлении рассмотрела, как в современной боснийской литературе беженцев реализуется мотив дома. Так, в «осажденной» литературе дом теряет свою защитную функцию, поскольку сам становится источником опасности; дом перестает быть местом действия, убежищем, он переносится в пространство памяти, становится призрачным, иллюзорным и недостижимым. Доклад *Е. В. Сагалович* (ИСл РАН) завершал «балканский» блок и был посвящен поэтике обитаемого и необитаемого пространства в романе Данило Киша «Сад, пепел», их свойствам и нарративным функциям.

Второй день конференции открывал совместный доклад *Л. А. Мальцева* и *Д. А. Балаклеец* (ФБУ им. И. Канта), посвященный исследованию пространственной модели мира в романе «Вайзер Давидек» Павла Хюлле, совмещающей историко-биографическую «горизонталь», связанную с самосознанием Хюлле как жителя Гданьска hic et nunc, и мифологическую «вертикаль», которая позволяет читателю осмыслить пространство города и его окрестностей как метафорическую модель универсума, содержащую информацию о «первых» и «последних вопросах» истории человечества – о райском бытии человечества, грехопадении, исходе, искуплении, апостольском служении, апокалиптической «последней» битве между Богом и дьяволом. *Е. З. Шакирова* (ИСл РАН) в своем выступлении проанализировала поэтику пространства в книге «Пиксель» венгерской писательницы Кристины Тот, уделив особое внимание постструктуралистской идее текста как тела, которая используется и обыгрывается

автором на разных уровнях: образном, сюжетном, композиционном. *А. В. Усачева* (ИСл РАН) в докладе «Мир открытый – мир закрытый: пространственная оппозиция в “Балканской трилогии” М. Вишнека» рассматривала оппозицию *замкнутое* / *открытое* пространство и ее нарративную роль в «Балканской трилогии» франко-румынского драматурга Матея Вишнека. Кроме этого, была исследована связь с дихотомией «открытое – закрытое» таких оппозиций, как *внутреннее* / *внешнее*», *свое* / *чужое*, *жизнь* / *смерть*, *день* / *ночь*. В докладе *Н. А. Луньковой* (ИСл РАН) «“Великомученики невыносимого бытия”: особенности моделирования пространства в “Ломских рассказах” Э. Андреева» шла речь об обращении болгарской литературы после 1989 г. к теме регионов, малой родины, о попытке осмысления «переходного» времени в числе прочего с помощью категории пространства. Докладчика в первую очередь интересовало художественное воплощение человеческого тела как первичного пространства для самого человека, а также проекции этого тела вовне – в пространство его жилища, в широком понимании – города как дома.

Доклад *А. В. Амелиной* (ИСл РАН) был посвящен анализу пространствоподобного времени в романе чешского писателя Михала Айваза «Другой город»: под влиянием Борхеса, творчеством которого он занимался как философ и литературовед, Айваз создает пространственноподобное время в параллельном мире мистической Праги. Давно забытые, подавленные воспоминания прошлого служат ключом к порталам в другой город через темные уголки пространства. В докладе «Топография инициации в творчестве Д. Годровой: “испытание лабиринтом”» *С. А. Кожина* (ИСл РАН) рассматривала специфику функционирования концепции лабиринта как пространства инициации в художественном произведении. Во всех текстах Годровой инициация, обретение тайного знания, протекает в форме воскрешения воспоминаний: о прошлом субъективном, личном, и объективном – исторических событиях. *А. В. Грасько* (ИСл РАН) на примере автобиографического романа Михала Вивега «Лучшие годы – псу под хвост» проанализировала этапы осмысления социалистического прошлого, и в частности периода «нормализации», а также проблему оценки «бархатной революции» и постсоциалистической действительности Чехии. *П. Д. Гаврилова* (МФЮА, МГУ им. М. В. Ломоносова) основное внимание удалила оппозиции *родина* / *чужбина* в романе Петре Мито Андреевского «Небеска Тимьяновна», убедительно доказав, что она играет важную роль в идейно-тематическом содержании, сюжете и композиции романа, а также

в изображении характера главной героини. Доклад *Я. О. Бондарь* (РГГУ) был посвящен топосу отеля, воплощенному в прозе Дубравки Угрешич, которая, помещая действия романов в отели, рефлексирует над пост-чехословацкими и постъюгославскими травмами, привлекая национальные стереотипы. *А. А. Конева* (РГГУ) посвятила свое выступление дихотомии *свой* / *чужой* в песенно-поэтических текстах хорватской группы «Elemental», в которых самоопределение происходит через выстраивание оппозиций на различных уровнях: индивидуальном, социальном, глобальном, при этом пространственные категории используются для описания субъектно-объектных отношений на всех рассмотренных уровнях.

Во время конференции также было отведено время для дискуссий, в рамках которых были обнаружены определенные сходства в поэтике авторов из Центральной и Юго-Восточной Европы, касающиеся «переживания пространства», наметились темы для дальнейших исследований.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.27

E. V. Shatko

An Academic Conference
“Poetics of Space in the Artistic Practice of Contemporary Authors of Central and South-Eastern Europe”

Evgeniia V. Shatko
Candidate of Letters, research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: eshatko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9467-8987

Citation
Shatko E. V. An Academic Conference “Poetics of Space in the Artistic Practice of Contemporary Authors of Central and South-Eastern Europe” // Slavic Almanac. 2025. № 1–2. P. 489–494 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.27

Received: 15.03.2025.

УДК 81-23
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.28

Т. В. Шалаева

XLI Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2025»

Шалаева Татьяна Владимировна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: koulkuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Цитирование
Шалаева Т. В. XLI Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2025» // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 495–498. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.28

Текст поступил в редакцию 17.02.2025.

3–4 февраля 2025 года в Санкт-Петербургском отделении РАН прошло ежегодное Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2025». Оно было посвящено разнообразным аспектам русской диалектологии, хотя основное внимание закономерно уделялось вопросам, связанным с подготовкой атласа (ЛАРНГ), над которым ведут работу сотрудники Института славяноведения РАН, Института лингвистических исследований РАН и ведущих российских вузов.

В своем приветственном слове на открытии совещания академик РАН *Н. Н. Казанский* дал высокую оценку работе над проектом. Далее были изложены основные итоги работы над ним: в докладах *Т. И. Вендиной* (Москва) «“Лексический атлас русских народных говоров” и проблемы русской диалектологии» и *С. А. Мызникова*, *М. Д. Корольковой* (Санкт-Петербург) «О ходе работы над проектом ЛАРНГ».

Вопросы лексических явлений общерусского масштаба были затронуты в выступлениях *В. М. Мокиенко* (Санкт-Петербург) «Характеристика худого человека в русской диалектной, просторечной и новой фразеологии», *Е. В. Колосько* (Санкт-Петербург) «Фразео-семантические группы диалектных устойчивых словосочетаний с ключевым компонентом *чёрт* (проблемы лексикографического

описания)», *М. Д. Корольковой* (Санкт-Петербург), *Т. В. Махрачевой* (Тамбов) «К вопросу о картографировании лексики материальной культуры (трудовая неземледельческая деятельность крестьян)», *Т. С. Власовой* (Санкт-Петербург) «Лексемы *бочаг*, *бочага* и *баклуша* в литературном языке и диалектах», *С. С. Токаревой* (Воронеж) «Наименования низкого берега в русских народных говорах по материалам ЛАРНГ: мотивационный аспект», *Е. В. Тишиной* (Москва) «Названия мельника в русских говорах: лингвокультурологический аспект», *Е. В. Колесниковой* (Москва) «Семантика прилагательного *белый* в русских говорах».

Исследованию лексических особенностей конкретных диалектов были посвящены сообщения *М. В. Флягиной* (Ростов-на-Дону) «Прилагательные с пространственным значением в русских донских говорах», *С. М. Рудометовой* (Волгоград) «Фитонимы в мещерских говорах Волгоградской области», *Н. С. Ганцовской*, *Е. Г. Веселовой* (Кострома) «К вопросу о сквозных темах в академических программах исследования русских народных говоров (лексика говорения *баять*, *вопить*, *голчить* и др. в поунженских костромских говорах)», *Ю. В. Каменской*, *А. И. Бурановой* (Саратов) «Лексика тематической группы “Досуг и развлечения” в говорах Саратовской области», *Н. В. Шевченко* (Санкт-Петербург) «Кулугуры и лупаны. Кто они? (по материалам диалектологической экспедиции 2024 г. в Саратовской области)», *А. В. Приображенского* (Петрозаводск) «Оленеводческая лексика на севере Карелии», *В. Н. Мартьяновой*, *С. Н. Перевощиковой* (Глазов) «Лексика, обозначающая домашнюю утварь, записанная в русском говоре д. Киршонки Балезинского района Удмуртской Республики по программе ЛАРНГ», *А. Б. Кокоповой* (Москва) «Семантика общерусского слова *кипяток* в архангельских говорах», *Т. Е. Баженовой* (Самара) «Лексика природы в говорах Среднего Поволжья и Предуралья (по данным бывшего X тома ДАРЯ)», *Е. В. Цветковой* (Кострома) «Ландшафтная лексика в костромской микротопонимии (названия берега)», *Е. С. Луньковой* (Смоленск) «К вопросу о междиалектных соответствиях в смоленских говорах», *М. В. Пановой* (Воронеж) «Наименования традиционных юбок в воронежских говорах», *Д. Н. Гальцовой* (Воронеж) «Наименования внутренних углов в жилых постройках (на материале воронежских говоров)».

Отражение традиционной народной культуры в диалектной лексике стало темой выступлений *Е. В. Брысиной*, *В. И. Супруна* (Волгоград) «Исторические и современные культурно-бытовые традиции донских казаков в языке и тексте», *И. Б. Качинской* (Москва)

«Этнолингвистический словарь Кенозерья: пробные словарные статьи. *Хлеб*», *Т. В. Махрачевой* (Тамбов), *В. Б. Колосовой* (Санкт-Петербург) «Отражение народных представлений о липе в тамбовских говорах, фольклоре и культуре», *Я. В. Мызниковой* (Санкт-Петербург) «*Мы засиживали в келье*: лексическое оформление традиции молодежных посиделок в русских говорах Ульяновской области», *А. С. Ахремеевой*, *Д. Р. Шайхинуровой* (Екатеринбург) «Лексика народной минералогии в контексте магических практик (на материале лингвокультурных традиций Костромской, Вологодской и Архангельской областей)», *М. О. Леонтьевой* (Екатеринбург) «Символика пальцев в культурно-языковых традициях Костромской и Вологодской областей».

Этимологическим исследованиям посвятили свои сообщения *Е. В. Кузнецова* (Волгоград) «Основа *кундюб* в русских говорах: семантика и версии и этимологии» и *Т. В. Шалаева* (Москва) «К этимологии русских лексем *супир*, *супер* ‘перстень, кольцо’».

Лексикографического представления диалектной лексики, в том числе любительского, касались в своих докладах *М. В. Боброва* (Санкт-Петербург) «О графических особенностях рукописных материалов в связи с проблемами верификации данных диалектных словарей» и *Е. А. Жданова* (Ижевск) «О внесении диалектных материалов, собранных любителями, в корпус русских говоров Удмуртии».

Функционирование диалектизмов в художественной литературе, исторических документах и средствах массовой информации было рассмотрено в докладах *Н. В. Большаковой* (Псков) «Диалектные данные в издании материалов “Этнографического бюро” В. Н. Тенишева по Псковской области», *С. С. Волкова* (Санкт-Петербург) «Областная лексика в “Словаре языка М. В. Ломоносова”», *Е. Н. Ильиной* (Вологда) «Экспрессивное словообразование в практике наивного авторства (по материалам рукописного архива В. А. Морозова)», *Н. А. Красовской* (Тула) «Диалектная и народно-разговорная лексика в региональных газетах военного периода», *В. С Картавенко* (Смоленск) «“Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг.”: лингвистический источник начала XVII века».

Также отдельные доклады были посвящены диалектной грамматике – *В. А. Закревская* (Тюмень) «Двувидовые глаголы в диалектной речи»; ономастике – *В. Л. Васильев* (Велики Новгород) «Древненовгородские маршруты за Урал и лексико-топонимические миграции»; русско-неславянским языковым связям – *В. В. Шаповал* (Москва) «Словообразовательное гнездо цыганизма в его динамике»; применению цифровых технологий для представления диалектного

материала – *А. Н. Левичкин* (Санкт-Петербург) «Использование платформы Yandex DataLens для визуализации и анализа данных диалектов русского языка».

В общей сложности в совещании приняли участие диалектологи из 19 городов России, представляющие 22 академических и образовательных учреждения. Тексты докладов будут опубликованы в ежегодном сборнике «Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)» под редакцией С. А. Мызникова.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.28

T. V. Shalaeva

XLI All-Russian Dialectological Meeting
“Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2025”

Tatyana V. Shalaeva
Candidate of Letters, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: koulkuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Citation
Shalaeva T. V. XLI All-Russian Dialectological Meeting “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2025” // Slavic Almanac. 2025. № 1–2. P. 495–498 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.28

Received: 17.02.2025.

УДК 81/82
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.29

К. В. Шевченко

Профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств Иван Алексеевич Чарота (1952–2024): жизнь во имя славистики

Шевченко Кирилл Владимирович
Доктор исторических наук, профессор
Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске
220107, ул. Народная, д. 21, Минск, Республика Беларусь
E-mail: shevchenkok@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-9702-9883

Цитирование
Шевченко К. В. Профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств Иван Алексеевич Чарота (1952–2024): жизнь во имя славистики // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 499–506. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.29

Текст поступил в редакцию 16.02.2025.

Прошедший 2024 год оказался несчастливым для белорусской славистической науки. 7 ноября 2024 г. после долгой и тяжелой болезни ушел из жизни выдающийся белорусский ученый-славист и балканист, академик Сербской академии наук и искусств, член Союза писателей СССР и Республики Беларусь, профессор, доктор филологических наук Иван Алексеевич Чарота (1952–2024).

Уроженец небольшого села Лыщики Кобринского района Брестского Полесья, выходец из простой крестьянской семьи, Иван Алексеевич Чарота благодаря своим трудам и способностям сделал феноменально успешную научную и творческую карьеру, став не только крупнейшим белорусским ученым-славистом и балканистом, но и авторитетным специалистом в области межславянских научных и культурных связей.

Большую и заслуженную известность Иван Алексеевич приобрел и как блестящий переводчик и успешный издатель, благодаря трудам которого общественность Сербии и других балканских стран смогла познакомиться с белорусским и российским научным и литературным

наследием, а общественность Белоруссии и России – с наследием выдающихся сербских мыслителей, ученых и деятелей культуры.

Сразу же после своего поступления на отделение русского языка и литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (БГУ), ставшего для него alma mater, Иван Алексеевич Чарота проявил не только блестящие научные способности, но и обнаружил широкий спектр научных интересов; при этом с самого начала его академической карьеры главной областью его научных изысканий стали славянская филология и литературоведение.

Уже со студенческой скамьи Иван Алексеевич Чарота всерьез увлекся сербским языком и сербской культурой, что постепенно стало его призванием и любовью на всю жизнь. Реализация данного увлечения требовала тогда немалой самоотдачи и колоссальных усилий, поскольку в то время в БГУ балканистика как отдельное направление подготовки отсутствовала, и молодой студент самостоятельно изучил сербский язык, впоследствии овладев им в совершенстве. Абсолютно естественным и органичным было то обстоятельство, что именно богатая, оригинальная и интеллектуально насыщенная сербская культурная традиция с ее блестящей литературой и глубокими православными корнями сразу же привлекла внимание молодого белорусского филолога-слависта, который безошибочно почувствовал глубинную генетическую близость и созвучие сербской и русской культур.

Искренний и глубокий интерес к сербской литературе и к межславянским литературным связям в целом предопределил тему кандидатской диссертации Ивана Алексеевича, которая была посвящена творчеству одного из крупнейших и наиболее самобытных русских писателей XX в. – Михаила Александровича Шолохова и влиянию его литературно-художественного наследия на развитие литературного процесса в социалистической Югославии. В ходе работы над диссертацией И. А. Чарота совершил поездку на родину М. А. Шолохова, в станицу Вешенскую Ростовской области, что позволило ему получить уникальные материалы, впоследствии успешно использованные в диссертации. Традиционно литературоцентричное и высокоинтеллектуальное сербское академическое сообщество, где СЛОВО всегда пользовалось неизменным почетом и уважением, сразу же обратило внимание и высоко оценило новаторское литературоведческое исследование молодого тогда белорусского ученого-слависта.

В ходе научной и творческой эволюции сербский компонент в академической деятельности И. А. Чароты постоянно усиливался, быстро став одним из ведущих направлений в его научных

изысканиях. Стремясь к академической институализации и популяризации сербистики и балканистики в Белоруссии, И. А. Чарота сыграл решающую роль в создании отдельной кафедры славянских литератур на филологическом факультете БГУ и в основании в рамках данной кафедры сербистики как отдельной дисциплины специализации для студентов-филологов. Впоследствии, стремясь обеспечить полноценное функционирование возглавляемой им кафедры, Иван Алексеевич приложил колоссальные, поистине героические усилия для научно-методического обеспечения работы своей кафедры всеми необходимыми материалами, лично подготовив целый ряд учебных пособий для студентов-сербистов.

Созданная благодаря самоотверженным трудам Ивана Алексеевича кафедра славистики филологического факультета БГУ имела колоссальный потенциал развития и располагала всеми возможностями для превращения в интеллектуальное ядро будущего Центра белорусского славяноведения. К сожалению, этого в силу различных обстоятельств не произошло, и кафедра впоследствии была реорганизована, прекратив свое существование.

Иван Алексеевич Чарота уделял огромное внимание практическому обеспечению эффективной и взаимовыгодной межкультурной коммуникации между Сербией, Белоруссией и Россией, активно участвуя в переводах и в многочисленных издательских проектах. Так, он сыграл решающую роль в организации переводов на белорусский и русский языки, в издании и в последующей популяризации многочисленных трудов знаменитых сербских интеллектуалов, православных мыслителей и ученых, творческое наследие которых оказалось столь востребованным в наше нелегкое время. Пожалуй, одной из наиболее значимых работ Ивана Алексеевича в этом направлении стал перевод с сербского языка и издание в Минске в 2021 г. избранных поучений святителя Николая Сербского (Велимировича)[1]. Данное издание вызвало большой резонанс среди широкой общественности как в Белоруссии, так и в России.

Большой вклад внес И. А. Чарота и в популяризацию научных трудов сербских ученых. Так, благодаря организационным усилиям и энтузиазму И. А. Чароты в 2023 г. в Минске были переведены на русский язык и изданы в качестве отдельной монографии

1 Что нам делать, чтобы жить лучше? Избранные поучения святителя Николая Сербского (Велимировича) / пер. с серб. акад. Сербской академии наук и искусств И. А. Чароты. Минск, 2021.

избранные научные статьи известного сербского ученого, доктора социологических наук, профессора Зорана Милошевича под общим названием «Геополитика. Взгляд с Балкан»[2]. Данное издание познакомило научную общественность Белоруссии и России со взглядами одного из ведущих сербских интеллектуалов на многие актуальные проблемы славянской истории, культуры и текущей политики, став заметным событием в интеллектуальной жизни всего постсоветского пространства.

Представляется весьма затруднительным даже краткое перечисление всех многочисленных научных работ И. А. Чароты – обширная библиография белорусского ученого-слависта в общей сложности насчитывает более 600 трудов, включающих не только научные монографии и статьи, но и большое число научно-популярных и публицистических произведений, а также различных переводов. Показательно, что огромное количество трудов И. А. Чароты было переведено на сербский язык и издано в Сербии.

К наиболее значимым, известным и резонансным научным работам Ивана Алексеевича, пожалуй, можно отнести его фундаментальные литературоведческие и культурологические монографии, посвященные белорусской литературе XX в. и ее роли в национальном развитии белорусов[3], Сербской православной церкви[4], белорусскому языку и церкви[5], а также наиболее судьбоносным событиям сербской истории[6]. Исключительно важная монография И. А. Чароты обзорного характера, опубликованная в 2016 г. на сербском языке в г. Шабац, была посвящена различным малоизвестным широкой общественности аспектам сербско-белорусских научных и культурных связей[7].

Несмотря на прогрессировавшую тяжелую болезнь, И. А. Чарота продолжал свои научные изыскания вплоть до конца своей жизни. Последней весьма показательной и востребованной работой Ивана Алексеевича стала очередная монография, посвященная жизни

2 *Милошевич З.* Геополитика. Взгляд с Балкан. Часть 2. Минск, 2023.

3 *Чарота І. А.* Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. Мінск, 1995.

4 *Чарота І. А.* Сербская Праваслаўная Царква. Мінск, 1998.

5 *Чарота І. А.* Беларуская мова і Царква. Мінск, 2000.

6 См. напр.: *Чарота И. А.* Косовская битва продолжается. Минск, 2000.

7 *Чарота И.* Белорусија и Србија: Трагом узајамног упознавања и деловања. Шабац, 2016.

и многогранной деятельности Иоанна Пичеты – ректора Витебской и Полтавской духовных семинарий и отца первого ректора Белорусского государственного университета, известного историка-слависта Владимира Пичеты, который испытал колоссальное влияние своего отца, уроженца Герцеговины. Данная работа была выполнена на обширном и разнообразном источниковом материале, благодаря чему автору удалось пролить дополнительный свет на многие ранее неизвестные аспекты жизни и деятельности Иоанна Пичеты.

Данный труд научно-популярного характера, завершенный и изданный Иваном Алексеевичем в издательстве БГУ в 2024 г., представляет большой интерес не только для профессиональных ученых-славистов, но и для всех, кто интересуется отечественной и славянской историей в Беларуси, России и Сербии. К огромному сожалению, последняя монография Ивана Алексеевича была издана поистине микроскопическим тиражом всего в 35 экземпляров. В разговорах с коллегами Иван Алексеевич сетовал, что по причине столь скудного тиража у него не будет возможности презентовать свою монографию ни рецензентам, ни нескольким сербским друзьям, которые давно ждали ее издания. Последний труд И. А. Чароты, таким образом, изначально обречен стать библиографической редкостью[8], совершенно недоступной широкому кругу читателей, что весьма прискорбно.

Отдельную обширную часть творческого наследия И. А. Чароты составляют его многочисленные переводы художественной литературы с сербского на русский и белорусский языки. Среди переводческих трудов Ивана Алексеевича, очевидно, в первую очередь следует выделить его перевод с сербского на белорусский язык великого романа одного из крупнейших сербских писателей XX в. Иво Андрича «Мост на Дрине»[9]. Подобная исключительно сложная, ответственная и колоссальная по объему работа предполагает не только блестящее владение языком оригинала, но и глубокое погружение в сербский и общебалканский культурно-исторический контекст, что в полной мере продемонстрировал Иван Алексеевич в ходе своей работы над данным переводом.

Нельзя не упомянуть и многочисленные антологии славянской поэзии, подготовленные и изданные благодаря И. А. Чароте. Так, колоссальную роль в ознакомлении широкой сербской

8 *Чарота И.* Иоанн Пичета (1844–1920). Минск, 2024.

9 *Андрыч І.* Мост на Дрыне. Мінск, 1993.

общественности с лучшими образцами белорусской поэзии стала опубликованная Иваном Алексеевичем в 1993 г. на сербском языке антология белорусской поэзии[10].

Многочисленные труды Ивана Алексеевича получили заслуженное признание во многих славянских странах. Не менее впечатляющим, чем список его научных и литературных работ, выглядит и перечень духовных и светских наград Ивана Алексеевича, среди которых выделяются медаль Франциска Скорины и премия Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение» (Беларусь); медаль А. С. Пушкина и национальная премия «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (Россия); серебряная медаль «За заслуги», орден Святого Саввы третьей степени и международная премия Фонда Каричей (Сербия); памятная медаль Союза словацких писателей (Словакия) и другие награды.

Помимо научной и переводческой деятельности, исключительно важным направлением работы Ивана Алексеевича, человека глубоко верующего и воцерковленного, стала обширная и многосторонняя научно-популярная и просветительская деятельность в тесном контакте с Белорусской православной церковью. В качестве секретаря Библейской комиссии Белорусского экзархата Русской православной церкви и исполнительного редактора журнала «Православие» И. А. Чарота внес существенный вклад в возрождение и укрепление Православия в Республике Беларусь. Любопытно, что и в трудах Ивана Алексеевича на ниве возрождения и укрепления Православия проявился отчетливый сербский акцент. Так, благодаря энтузиазму и стараниям Ивана Алексеевича была организована публикация ряда популярных трудов сербских церковных деятелей и мыслителей. Иван Алексеевич постоянно выступал в роли популяризатора сербской церковной мысли в Белоруссии и России.

Активная жизненная позиция Ивана Алексеевича и его готовность оказать помощь братскому сербскому народу ярко проявились в трагические дни натовских бомбардировок Югославии в марте–июне 1999 г. Благодаря стараниям и организационным усилиям Ивана Алексеевича в Белоруссии в это время были собраны значительные финансовые средства, направленные сербским жертвам натовских военных преступлений.

И. А. Чарота пользовался широкой и заслуженной известностью в сербских литературных и интеллектуальных кругах. В ходе его

10 Антологија белоруске поезије / приредио И. Чарота. Београд, 1993.

последней поездки в Белград в феврале 2024 г., где он принял участие в международной научной конференции, посвященной сербско-болгарским отношениям, которая была организована белградским Институтом политических исследований, большое интервью с Иваном Алексеевичем сделал известный сербский журналист Йово Баич. Впоследствии данное интервью было опубликовано в одном из самых популярных белградских еженедельников «Печат». В этом пространном интервью Иван Алексеевич, в шутку охарактеризовав себя «и белорусом, и белосербом в одном лице», поделился с сербской аудиторией своими размышлениями об истории развития и особенностях белорусской национальной идентичности и культуры, краеугольным камнем которой, по его обоснованному мнению, является Православная вера, традиционно воспринимаемая в народе как «русская вера». Затронул здесь Иван Алексеевич и текущие крайне серьезные вызовы внешнеполитического характера, перед которыми оказались православные славянские народы.

По справедливому мнению многих коллег Ивана Алексеевича, он совершенно органично сочетал в себе широчайшую эрудицию и острый аналитический ум видного ученого и интеллектуала с врожденной скромностью и поистине славянской задушевностью. В полной мере Иван Алексеевич был наделен природной житейской мудростью и тактом, что особенно важно для ученых-балканистов, занимающихся столь сложным и противоречивым регионом.

Ивана Алексеевича Чароту можно с полным основанием отнести к числу ярких представителей стремительно уходящего ныне поколения классических ученых-гуманитариев, которые отличались редким трудолюбием, исключительной преданностью своему ремеслу, научной бескомпромиссностью, принципиальностью и высочайшей требовательностью – не только к другим, но, прежде всего, к самим себе.

На протяжении всей своей жизни И. А. Чарота оставался искренним и деятельным славянолюбом и убежденным сторонником единства православных славянских народов, что ярко отразилось в характере его многогранной научной и творческой деятельности. Всемерное укрепление Союзного государства России и Беларуси, а также динамичное развитие многосторонних связей между Беларусью, Россией и Сербией было бы реализацией самых сокровенных чаяний Ивана Алексеевича Чароты, который всегда очень болезненно воспринимал столь частые, увы, среди славянских народов примеры взаимной вражды и междоусобиц.

Несмотря на более чем спартанские условия для развития научного славяноведения, Иван Алексеевич сумел подготовить несколько перспективных продолжателей своего ремесла. Ученицей и прямым продолжателем научных традиций Ивана Алексеевича Чароты на филологическом факультете БГУ в Минске является кандидат филологических наук, доцент А. В. Наумова, признанный специалист по сербской литературе XX в., успешно защитившая кандидатскую диссертацию по творчеству Иво Андрича и активно продолжающая научную работу.

Ученицей Ивана Алексеевича в Сербии является магистр Даяна Лазаревич, научный сотрудник Института политических исследований в Белграде, которая с большим энтузиазмом успешно занимается изучением сербско-белорусских научных и культурных связей и готовит докторскую диссертацию по этой теме.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.29

K. V. Shevchenko

Professor of the Belarusian State University, Academician of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Ivan Alekseevich Charota (1952–2024): Life in the Name of Slavic Studies

Kirill V. Shevchenko
Doctor of History, professor
Russian State Social University (Minsk Branch)
220107, Narodnaya 21, Minsk, Belarus
E-mail: shevchenkok@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-9702-9883

Citation
Shevchenko K. V. Professor of the Belarusian State University, Academician of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Ivan Alekseevich Charota (1952–2024): Life in the Name of Slavic Studies // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 499–506 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.29

Received: 16.02.2015.

Научное издание

Славянский альманах

1·2 2025

Издательство «Индрик»

Правила представления рукописи
доступны по электронному адресу:
https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
32,0 п. л. Тираж 500 экз.